ГЕРОИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Сборник

ЖЗЛ

ГЕРОИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Сборник

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Настоящий сборник является продолжением сборника «Полководцы гражданской войны», изданного в серии «Жизнь замечательных людей» в 1960 году № 11 (301) и содержавшего биографические очерки о М. В. Фрунзе, С. С. Каменеве, А. И. Егорове, В. К. Блюхере, Я. Ф. Фабрициусе, С. С. Вострецове, Г. И. Котовском, Е. И. Ковтюхе, В. И. Киквидзе, Н. А. Щорсе, В. М. Азине, О. И. Городовикове, Р. Ф. Сиверсе.

Новая книга, как и первая, не претендует на изложение всех событий гражданской войны и объединяет шестнадцать биографических очерков о других выдающихся советских военачальниках: М. Н. Тухачевском, И. П. Уборевиче, И. Э. Якире, В. И. Шорине, Р. П. Эйдемане, В. М. Примакове, В. И. Чапаеве, П. А. Павлове, И. Ф. Федько, Ф. Ф. Раскольникове, Н. В. Куйбышеве, С. П. Медведовском, И. У. Павлове, М. К. Левандовском, К. Б. Калиновском, Д. П. Жлобе.

- ГЕРОИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
  -
  - МИХАИЛ ТУХАЧЕВСКИЙ
  - ИЕРОНИМ УБОРЕВИЧ
  - ИОНА ЯКИР
  - ВАСИЛИЙ ШОРИН
  - ВИТАЛИЙ ПРИМАКОВ
  - РОБЕРТ ЭЙДЕМАН
  - ВАСИЛИЙ ЧАПАЕВ
  - ПАВЕЛ ПАВЛОВ
  - ИВАН ФЕДЬКО
  - ФЕДОР РАСКОЛЬНИКОВ
  - НИКОЛАЙ КУЙБЫШЕВ
  - САМУИЛ МЕДВЕДОВСКИЙ
  - ИВАН ПАВЛОВ
  - МИХАИЛ ЛЕВАНДОВСКИЙ
  - КОНСТАНТИН КАЛИНОВСКИЙ
  - ДМИТРИЙ ЖЛОБА
  -
  - ИЛЛЮСТРАЦИИ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8

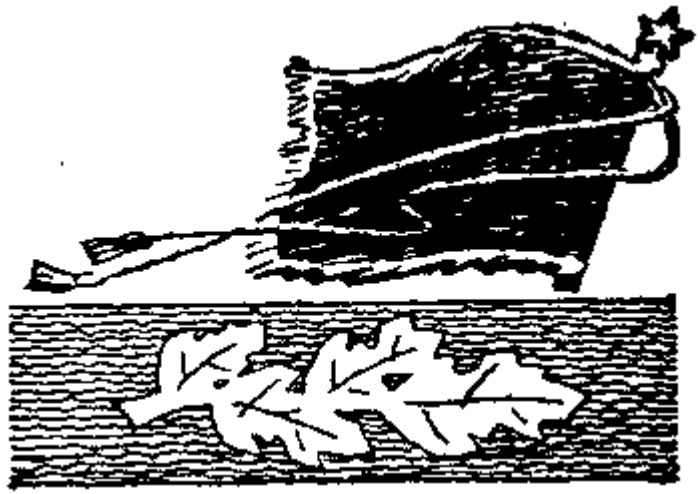
ГЕРОИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

На первой странице обложки:

М. В. Фрунзе, И. П. Уборевич, М. Н. Тухачевский, Ф. Ф. Раскольников, Р. П. Эйдеман, В. И. Чапаев, С П. Медведовский, К. Б. Калиновский, П. А. Павлов.

МИХАИЛ ТУХАЧЕВСКИЙ
ИЕРОНИМ УБОРЕВИЧ
ИОНА ЯКИР
ВАСИЛИЙ ШОРИН
ВИТАЛИЙ ПРИМАКОВ
РОБЕРТ ЭЙДЕМАН
ВАСИЛИЙ ЧАПАЕВ
ПАВЕЛ ПАВЛОВ
ИВАН ФЕДЬКО
ФЕДОР РАСКОЛЬНИКОВ
НИКОЛАЙ КУЙБЫШЕВ
САМУИЛ МЕДВЕДОВСКИЙ
ИВАН ПАВЛОВ
МИХАИЛ ЛЕВАНДОВСКИЙ
КОНСТАНТИН КАЛИНОВСКИЙ
ДМИТРИЙ ЖЛОБА

МИХАИЛ ТУХАЧЕВСКИЙ



Апрель 1918 года. Днем солнце изо всех сил старается вызвать улыбки у голодных людей. Ночью лужи похрустывают ледяной коркой, а звезды светят куда ярче, чем битые фонари.

Люди рады солнцу в нетопленной Москве. Ночами они не смотрят на звезды. Ночь как день. День забот, борьбы, лозунгов…

У представителя Военного отдела ВЦИК Михаила Николаевича Тухачевского и день и ночь тяжелая, хлопотливая работа. Ему не до солнца. И даже ночью нет времени, чтобы подумать о чем-то своем. Но он доволен. Он, наверное, даже счастлив. Это счастье хлопот, тревог, счастье деятельности принесла с собой весна. Для него она началась 5 апреля. В этот день его приняли в партию большевиков, и в этот же день он вступил в ряды Красной Армии[1]. И, может быть, накануне этого дня он вспомнил детство, юность, все двадцать пять прожитых лет. Может быть.

Говорят, что традиции семьи, окружение детства закладывают основы привычек, вкусов и склонностей человека. Наверное, это так. Но не в обстановке детства нужно искать объяснения тому, что Михаил Николаевич Тухачевский стал профессиональным военным.

Детство — это одноэтажный деревянный дом в имении Вражское Пензенской губернии. Пруд и близкий лес. Деревенские ребята и несложные, но обязательные работы в саду, в мастерской, по дому.

Михаил Николаевич хуже, чем Вражское, помнил отцовское

имение на Смоленщине, где родился. Имение было продано с молотка.

Отец Михаила Николаевича — Николай Николаевич — любил деревенскую жизнь, знал ее, дорожил ею. Но он был не из тех, кого называют «хорошим хозяином». Крестьян он не прижимал, а, напротив, всегда старался им чем-нибудь помочь. Урожаями же Смоленщина никогда не славилась. И Тухачевские жили бедно.

У будущего, маршала было три брата, пять сестер и большая крестьянская родня.

Мать — Мавра Петровна — дочь бедного крестьянина села Княжино Смоленской губернии — научилась читать и писать, уже став членом семьи Тухачевских. Николай Николаевич Тухачевский — дворянин — женился на простой крестьянке. Он был близок к народу и далек от той среды, к которой принадлежал только по праву рождения.

Семья Тухачевских была дружная, сердечная.

И музыкальная.

Тон задавала бабушка — мать Николая Николаевича, Софья Валентиновна. Она была ученицей Антона Рубинштейна, и не удивительно, что сын ее блестяще играл на рояле, а внуки с детства жили в атмосфере искусства, в мире чудесных звуков и разговоров о прекрасном.

И если бы действительно склонности определялись обстановкой детства, то, вероятнее всего, Михаил Николаевич Тухачевский стал бы скрипачом, причем хорошим скрипачом.

Два его брата посвятили себя музыке. Старший, Александр, сделался пианистом и виолончелистом, а младший, Игорь, рано умерший, в четырнадцать лет уже учился в консерватории.

А детство шло своим чередом. Книги, рояль, мальчишеские игры. Лето сменялось осенью. Наступала пора желтых листьев, затяжных дождей. Наступила и пора серой гимназической скуки.

Мы только предположили, что Михаил Николаевич накануне своего приема в партию большевиков вспоминал о семье, детстве. Это так естественно — мысленно оглянуться на пройденный путь перед тем, как сделать решительный жизненный шаг.

Может быть, никто из товарищей, принимавших Тухачевского в партию, и не расспрашивал его о семье и детстве, но, наверное, их интересовало, почему бывший царский офицер Тухачевский стоит теперь вместе с ними.

В эти апрельские дни в большевистскую партию вступали тысячи. Он был только одним из многих. И все же немногие бывшие офицеры, перейдя на сторону Советов, связывали свою

жизнь с жизнью партии.

Большинство из них просто честно служило.

Сомневались, думали, верили.

Возможно, Тухачевскому и не пришлось объяснять собранию, что он не «переходил на сторону». Ведь он никогда и не был «на другой стороне». Формальная принадлежность к дворянству, да и то только по отцовской линии, формальное звание офицера, конечно же, никак не могут считаться обязательными признаками «той», враждебной советской власти и народу «стороны».

Мы не знаем, как проходило это собрание, но вправе предположить, что кто-то спросил о плене и кто-то поинтересовался, почему солдаты запасного батальона Семеновского полка избрали своим ротным командиром Михаила Тухачевского.

Плен… О нем тяжело вспоминать.

Уже миновали дни первых побед русских армий в Галиции. Сотни тысяч убитых, сотни тысяч раненых и сотни тысяч попавших в плен солдат и офицеров. Пока к началу 1915 года это был самый ощутимый итог шести месяцев войны. Правда, война еще не стала позиционной, окопной, но царские генералы, за редким исключением, не были готовы к ведению маневренной войны. Не была к этому подготовлена и русская армия. Пушки без снарядов, винтовки без патронов, солдаты без винтовок, генералы без таланта… По Галиции наступали, и головы кружил патриотический дурман. Но наступательный порыв скоро захлебнулся. Армии «долбили» Карпаты и теряли людей, пушки, теряли и веру если не в отечество, то, во всяком случае, в царя, в победу, в необходимость этой мясорубки, именуемой первой мировой войной.

Семеновский полк разделил участь русских армий. С первых дней войны он наступал под Люблином и Ивангородом, отчаянно бился под Краковом, увязал в полесских незамерзающих топях под Ломжей.

Пока Михаил Николаевич учился сначала в пензенской, а потом московской гимназиях, пока заканчивал последний курс Первого Московского Екатерининского кадетского корпуса, постигал премудрости строевого шага в Александровском военном училище, осваивал обязанности взводного командира, копил знания, необходимые, по его мнению, офицеру для ведения современной войны, многие офицеры русской армии уже задумывались над тем, что надвигающаяся война с Германией не будет похожа на блестяще проигранную войну с Японией, так же как русско-японская не походила на русско-турецкие войны

минувшего столетия.

Газеты каждый день трубили о ратных подвигах. И действительно, солдаты совершали подвиги, но подвиги, не освещенные пониманием, во имя чего идет эта кровавая борьба. Такие подвиги заставляли еще крепче задумываться над вопросами, о которых многие, очень многие не хотели думать, боялись думать.

Тухачевский думал. Думал о России. Болел за русскую армию.

Февраль в Полесье сырой. Русские армии еще пытаются вести что-то вроде маневренной войны. Но уже фронт за фронтом начинают зарываться в землю — дивизии, полки, батальоны. Меркнут замыслы большой стратегии, и льются реки крови за решение мелких тактических задач. А февраль засыпает снегом окопы, заползает сырыми щупальцами под шинели; сырые, тяжелые мысли лезут в голову.

Старые служаки еще затягивают невеселую солдатскую песню:

> Эй, в штыки вы погрейся, ребята,
> Смерть найдет, хоть куда схоронись…

Но в штыки идут неохотно, а от смерти хоронятся в сочащейся полесской трясине, отгораживаются рядами колючей проволоки.

Ленивую стрельбу внезапно сменяет лихорадочная перепалка, а бредовый солдатский сон прерывается ожесточенной, беспорядочной ночной рукопашной.

19 февраля 1915 года ночной бой закончился для Тухачевского пленом.

Разно ведут себя люди, очутившиеся в плену. Некоторые откровенно радуются тому, что остались живы, и только это заботит их до конца войны. Другие ищут для себя оправданий, чтобы заглушить укоры совести, и ждут, что кто-то когда-то придет и освободит их. Третьи ищут — ищут дорогу обратно, к своим.

Тухачевский принадлежал к третьим.

И не долг перед царем, не воинская присяга, а сознание, что он нужен русской армии, солдатам, отечеству, не давало ему покоя. Ведь он был кадровым военным, получил необходимое профессиональное образование и полезный, хотя и тяжелый, опыт полугода войны.

Сквозь решетку окна промерзшего вагона видно, как

мелькает бесконечная извивающаяся лента верхушек деревьев на фоне темнеющего неба. В сумраке вагона сгорбились молчаливые фигуры с поднятыми воротниками. Тухачевскому остается только думать. Он один на один с невеселыми мыслями о будущем, невеселыми воспоминаниями. Годы войны были годами бедствий, годами горя. И оно не миновало их семьи. Мавра Петровна лишилась во время войны сразу мужа и дочери, а теперь вот — сына. Наверное, в газетах объявят: «без вести пропавший».

А всего три дня назад там, дома, вспоминали о нем — Ведь 16 февраля 1915 года ему исполнилось двадцать два года.

Бежать, во что бы то ни стало бежать! Он здоров пока, вынослив и неприхотлив. Знает немецкий, французский. Ему не страшны ночные переходы, он не боится спать на мокрой земле, питаться чем попало.

И Тухачевский бежал. Бежал раз. Поймали. Второй — снова схватили. Третий — и вновь неудача.

В глазах немецких властей этот поручик был уже рецидивистом-бегуном.

А для таких имелся специальный лагерь-крепость — Ингольштадт. Оттуда не убежишь, это не лагерь, а тюрьма, с камерами, рвом, с колючей проволокой.

Самые различные люди попали в этот каменный мешок. Французы и англичане, русские и бельгийцы, старые и молодые, думающие и беспечные.

Режим тюремный, кормят впроголодь. Одна отрада — днем можно общаться с товарищами по несчастью.

Сквозь проволоку, через толстые стены сочатся скупые вести о войне. Один-два факта, самое суммарное представление о ходе операций, случайная газета — и начинаются споры. Поручики и капитаны, майоры и полковники, забыв о чинах, выступают в роли стратегов. И, может быть, ни в одной военной академии мира не было столь свободного обмена мнениями, разящей критики.

Неразговорчивый вообще, но умеющий хорошо слушать, жадный до всего нового, Михаил Николаевич сумел и в плену значительно пополнить запас знаний по военному искусству. Интересовали его и вопросы политики, хотя в лагере ею занимались меньше, чем делами военными. И если известие о свержении царизма в России было неожиданным, то сам факт падения монархии Тухачевского не удивил.

Еще до войны, живя в Москве, встречаясь с радикально настроенным студенчеством, а иногда и с революционерами-большевиками, каким стал позже товарищ молодости Николай Кулябко, Тухачевский знал и о рабочем движении, переживавшем

новый подъем в 1912–1914 годах, знал и о борьбе большевиков. Чувство враждебности к трону, царизму окрепло еще тогда.

Монархия пала. А война продолжалась. И трудно было пленным разобраться во всех предательских махинациях буржуазного Временного правительства и его клевретов из лагеря соглашателей. Многие пленные сходились на том, что война идет на убыль, недолго осталось терпеть.

Тухачевский не спорил с ними, а готовил новый, четвертый и самый трудный побег.

Четвертый кончился так же, как и три предыдущих. Но Михаилу Николаевичу на сей раз повезло. В пойманном беглеце трудно было узнать бывшего офицера-гвардейца, и когда его спросили, то Тухачевский назвался солдатом. Куда угодно, но не в опостылевший Ингольштадт.

Солдатский лагерь. Гоняют на работы. Но среди солдат мало скорбящих о батюшке-царе, есть и бывшие рабочие, участники стачек, забастовок, революции 1905 года. С простыми солдатами Тухачевский нашел общий язык быстрее, чем с иными офицерами.

Михаил Николаевич постепенно постигал солдатские думы и мечты, стремление вчерашних крестьян к мирной работе, земле. Потом, в Петрограде, эти беседы ему пригодились.

Война продолжалась, хотя на фронтах все чаще и чаще происходили братания; война продолжалась, так как ни кайзеровское правительство, ни правители Антанты, ни буржуазное Временное в России не хотели отказаться от своих захватнических планов и добычи, которую сулила победа.

А осень уже исхлестывала холодными дождями изуродованную землю, неприбранные трупы, окопы.

И близилась новая зима, еще одна, четвертая, страшная зима войны.

Тухачевский снова бежал. И, наконец, убежал. Ему удалось добраться до Швейцарии, а оттуда через Францию и Англию домой, в Россию.

Россия митинговала. «Долой!» и «Да здравствует!» слышалось со всех сторон. «Долой войну!», «Долой Временное правительство!», «Да здравствует мир!» и снова, в октябре, — «Вся власть Советам!». Россия боролась. «Долой Временное правительство!», «Вся власть Советам!» — эти лозунги стали требованием народа не вдруг, не сразу, понадобилось немало времени и еще более усилий большевиков, Ленина, чтобы собрать под этими лозунгами силы новой революции, сделать ее подлинно народной и потому непобедимой.

Как ни прислушивался Тухачевский к вестям, долетавшим из

России в тот лагерь, где он сидел, сколько ни беседовал с солдатами, кое в чем ему еще надо было разобраться.

Что представляло собой Временное правительство, олицетворявшее диктатуру буржуазии, Тухачевский понимал достаточно отчетливо. О нем и его политике с сочувствием писали западные газеты, на его стороне были и офицеры, которых Тухачевский тоже знал хорошо.

Но вот большевики, Ленин? «Власть Советам»? Об этом буржуазные газеты либо не писали, либо писали в таких тонах, что ни одному слову их верить было нельзя.

За Ленина, большевиков были солдаты. Солдатам Тухачевский верил.

Между тем наступал момент, когда «ружья сами начинают стрелять».

Близился конец октября 1917 года.

25 октября по Питеру затрещали выстрелы, и Зимний ощетинился штыками в последней, отчаянной и безнадежной попытке выстоять, переждать, дождаться помощи от «верных» полков…

Тухачевский вернулся в Россию в самый разгар событий.

И резко разошелся с дворянами — офицерами своего полка, — не случайно солдаты избрали его командиром роты. Ему близки были думы народа, боль народа, будущее народа. Съездив в отпуск домой, в Пензенскую губернию, Михаил Николаевич мог еще и еще раз убедиться, насколько ленинская политика отвечает крестьянским, народным мечтам.

Тухачевского приняли в партию большевиков.

Конец весны 1918 года. «Похабный» Брестский мир только временная передышка. Кайзеровские войска оккупировали Украину и Белоруссию, вошли в Прибалтику. Нескончаемым потоком на запад потянулись эшелоны с хлебом, сахаром, салом, углем. Еще не наступили «черные дни» германской армии, и многие военные специалисты были склонны считать, что немцы стоят на пороге победы.

Большевики, Ленин заглядывали в будущее. Ленин видел поражение немцев. Предвидел он и то, что разбитые, обессиленные эксплуататорские классы России будут искать опору на Западе. И бывшие царские генералы, «прославившиеся» на фронтах сражений с «немецкими варварами», не остановятся перед тем, чтобы заключить полюбовный союз с вчерашним врагом, чтобы нанести смертельный удар «врагу сегодняшнему», «врагу интернациональному».

Старая царская армия демобилизовывалась; новая, советская

только-только начала формироваться. Но она уже имела свои боевые традиции. Это они, добровольцы, рабочие и вчерашние царские солдаты, разгромили кайзеровские войска под Нарвой и Псковом, Каледина и Петлюру.

Но пока в этих новых формированиях было еще очень много и анархического.

Позже Тухачевский об этом напишет: «Сотни и тысячи отрядов самой разнообразной численности, физиономии, дисциплины и боеспособности — вот внешний вид нашей Красной Армии до осени 1918 года».

Молодой большевик Тухачевский еще с весны 1918 года работает в Военном отделе ВЦИК.

Это было именно в то время, когда ЦК партии и Ленин подготавливали условия для создания армии не добровольческой, а регулярной. Добровольные формирования имели массу недостатков. Пока разрозненные отряды, «сотни» и попросту самостоятельные «десятки» несли охранно-караульную службу в городах или даже выступали против разношерстных кулацких банд, отрядов белоказаков, они еще отвечали своему назначению. Но в случае, если внутренней контрреволюции с помощью Антанты удастся организоваться, выставить обученные кадры старого царского офицерства, хорошее вооружение, то добровольческим соединениям Красной Армии не устоять.

Добровольческий принцип ограничивал армию численно, она была при этом лишена планомерного получения пополнений. Выборность командного состава иногда вела к партизанщине, подрывала дисциплину.

Тухачевский сразу же включился в нелегкую работу, начатую партией и Лениным еще в Октябрьские дни.

В марте 1918 года был образован при Народном комиссариате по военным делам оперативный отдел.

Оперотделу на первых порах пришлось заниматься руководством военными действиями на фронтах, но главное внимание его работников Ленин направил на создание регулярной Красной Армии.

Не нужно было быть пророком, чтобы предсказать ухудшение международного положения молодой Советской республики. На Дальнем Востоке, на севере, в Архангельске и Мурманске Антанта под лживыми предлогами высадила свои десанты. Закопошились эсеро-меньшевистское охвостье, кулаки, лихорадочная активность охватила многочисленные «миссии» и консульства союзников.

Они искали ударную силу, которую можно было бы без особой подготовки бросить против неокрепшей Страны Советов,

чтобы создать внутри России опору для последующего расширения контрреволюции, захвата важнейших стратегических, сырьевых, продовольственных областей страны.

Такая сила нашлась. Это был корпус бывших пленных чехословаков, растянувший свои эшелоны от Пензы до Владивостока. Миллионы истратили «союзники», чтобы распропагандировать, вооружить, снабдить всем необходимым корпус, который Советское правительство согласилось перебросить во Владивосток для дальнейшего следования во Францию.

Правительство предполагало, что внешняя контрреволюция постарается использовать чехов для борьбы с советской властью. Поэтому чехословакам было предложено сдать местным Советам оружие; двигаться по Транссибирской магистрали отдельными эшелонами, не скапливаясь большими массами.

Командование корпуса нарушило эти условия. Корпус разбух от влившихся в него русских офицеров-белогвардейцев. Они вместе с контрреволюционным офицерским составом корпуса рассчитывали повести за собой и солдат, которые не хотели воевать против русских, против Страны Советов.

Мятеж чехословаков начался 25 мая в Мариинске, Новониколаевске и ряде других городов Сибири, Урала, Поволжья.

Сразу же обстановка на востоке страны стала угрожающей.

В это время Михаил Николаевич Тухачевский был назначен комиссаром Московского района Западной завесы. Западный фронт растянул свою жидкую цепочку отрядов вдоль западной границы немецкой оккупации.

Центральный Комитет, Советское правительство ускорили строительство регулярной Красной Армии, начатое еще раньше. Не добровольческое начало, не выборность командного состава, а призыв трудящихся, назначение политических комиссаров, привлечение тысяч военных специалистов на службу советскому народу. Создание полевого штаба, Революционного военного совета республики, должности главковерха, реввоенсоветы фронтов, армий, сведение отрядов в полки, формирование бригад, дивизий — все эти титанические усилия партии и правительства должны были родить действительно новую армию, армию победоносной революции. Руководители Коммунистической партии, Ленин лично отбирали наиболее способных, военно грамотных людей и выдвигали их на командные должности, направляли в наиболее угрожаемые участки.

В середине июня Михаил Николаевич тоже был

откомандирован на Восточный фронт, в распоряжение главкома фронта Муравьева, который находился со своим штабом в Казани. В мандате Тухачевского было сказано, что он направляется для исполнения «работ исключительной важности», а также командования высшими войсковыми соединениями.

27 июня. Солнце давит на голову, плечи, застилает глаза раскаленной дымкой. Запасные пути у станции Инза забиты теплушками. У них обжитой вид. Сушится белье. Полуголые, разморенные духотой люди бездумно валяются там, где короткая тень вагона отвоевала от солнца маленький кусок насыпи. Рядом с вагонами походные кухни. На открытых платформах трехдюймовки. Изредка сиплым стоном пожалуется локомотив, и тут же ему ответит ленивая ругань потревоженных людей.

Тухачевский оглядывает перрон. К вагону торопливо подходит небольшая группа военных. Потные лица, расстегнутые гимнастерки, мятые фуражки в руках. Начальник штаба 1-й армии Шимупич недоверчиво оглядывает молодого, даже слишком молодого человека, стоящего. на подножке пульмана. Первое, что бросается в глаза, — одет со строгостью гвардейца, хотя обмундирование и потрепалось. Только пуговицы сияют. Смотрит с прищуром. А, наверное, ему трудно прикрыть такие огромные синие глаза.

Начальник штаба машинально застегивает гимнастерку и бросает яростный взгляд на начальника оперотдела Шабича и казначея Разумова.

Только комиссар штаба Мазо чувствует себя свободно и оценивающе рассматривает Тухачевского.

Короткое знакомство. Четыре человека — это почти весь состав штаба 1-й армии. Почти — потому что пятый и последний его сотрудник, начальник снабжения Штейнгауз, не мог прибыть на перрон. Что и говорить — не густо. Правда, Тухачевский успел побывать в Пензе, подобрать и среди старых военных специалистов и среди партийных работников города дельных людей.

Армию нужно питать, одевать, вооружать, учить. И учиться самим командирам, самому командарму. Недолго проработал Михаил Николаевич в Москве, но успел присмотреться к тому, как организуют людей, огромные массы на борьбу руководители большевиков. Строго продуманный план, внимание на главное. И никакие непредвиденные случаи не могут поставить их в тупик. Ведь они творцы нового. И если это новое — нужно, полезно делу революции, значит оно должно быть воплощено в жизнь.

Тухачевскому нужно создать новую, революционную армию.

С чего начать? Михаил Николаевич решил, что в первую очередь необходимо сформировать четко работающий штаб. Тухачевского не смутило отсутствие штатного расписания, которое где-то утверждалось в верхах. Михаил Николаевич комплектовал управления и отделы штаба, исходя потребностей армии. Если нужно, то в штабе должны работать не десять-двадцать человек, а десятки людей, знающих свое дело. Вся работа штаба подчинена командарму. Но это не должно стеснять инициативу начальников отделов и управлений.

Такая сверхтяжелая работа, конечно, была не по плечу одному, пусть, даже и выдающемуся человеку; Тухачевский себя таковым не считал, да и делать все сам не собирался.

Свердлов, Дзержинский, Подвойский, у которых учился молодой коммунист, — разве они все делали сами? Нет. Они втягивали в работу по руководству Советским государством, армией тысячи рабочих, крестьян, интеллигенцию.

Партия направляла на укрепление и сплочение рядов Красной Армии коммунистов-рабочих. И Тухачевский сразу понял, какую могучую силу представляют эти политические комиссары. На них опирался командарм. И у них он учился, не скрывая этого.

Предельно честный, на редкость прямой в своих поступках, отзывах, отношениях, Михаил Николаевич был необыкновенно требователен, и прежде всего к себе самому. Эта требовательность к себе подчеркивалась даже всем внешним обликом командарма. Никто не видел его небритым, растрепанным. А ведь пренебрежение бритвой и гребнем кое-кем из командиров возводилось чуть ли не в революционный культ, и тщательно зачесанный пробор командарма, его всегда сияющие сапоги, чистая гимнастерка казались некоторым заросшим, одетым по невообразимой «моде» — «лихого отца-атамана» — командирам чем-то дореволюционным, попахивающим «гидрой».

Неизменно вежливый, внимательный, готовый объяснить, терпеливо втолковать человеку, не понимающему что-то, что казалось важным, Тухачевский не терпел панибратства, равно как и начальственного окрика. И с командирами и с бойцами он говорил, не повышая голоса, всегда на «вы». Он не переносил этого снисходительно-покровительственного или грубо-одергивающего «ты».

Налаживалась работа штаба. Вчерашние поручики и капитаны становились командирами полков, начальниками артиллерийских и оперативных управлений. Тухачевский не боялся выдвигать людей, в том числе и старых офицеров. И не потому, что сам когда-то был офицером, а потому, что этому его

научили более опытные, политически более знающие комиссары, товарищи-коммунисты.

Но если с комплектованием штабов дело шло более или менее сносно, то сведение отрядов в полки, дивизии доставляло массу хлопот. В. В. Куйбышев, вскоре ставший комиссаром 1-й армии, вспоминал: «1-я армия пережила неизбежный младенческий период развития всех красных армий, период, богатый отдельными проявлениями отваги, удали, а подчас и героизма, но, с другой стороны, богатый случаями беспримерной паники, стоверстных отступлений в одни сутки и т. д. Этот период в итоге давал отрицательную величину и неизбежно должен был кончиться поражением. Падение Симбирска было последним этапом этого первого периода».

Куйбышев называл Михаила Николаевича «представителем нового периода в истории армии».

Но до этого было еще далеко.

Тухачевский уже успел убедиться, как трудно выгнать отряды из теплушек. 1-я армия как бы прилипла к железнодорожной колее, эшелоны обеспечивали ей быстрый бросок вперед и столь же поспешную ретираду.

А между тем противник маневрировал в открытой местности, имел свободу маневра. И его очень устраивали «эшелонные настроения» некоторых незадачливых «красных генералов».

Пока создавались дивизии, укомплектовывались полки и батальоны, белочехи и другие враги советской власти времени не теряли. Самара и Челябинск стали двумя центрами, осиными гнездами контрреволюции. В Самаре объявилось меньшевистско-эсеровское правительство — «учредилка».

Силы контрреволюции были разбросаны на большом пространстве. Им противостояли четыре армии, составлявшие Восточный фронт. Особая — в районе Саратова, 1-я — по линии Кузнецк — Сенгилей — Бугульма, 2-я — на Каме и 3-я — около Екатеринбурга.

Фронтом командовал Муравьев, ставленник Троцкого, левый эсер. Через голову командармов он отдавал приказы по дивизиям и полкам, даже командовал ротами, создавая себе дешевую популярность.

Между тем Тухачевскому ясно виделась основная задача, которую в первую очередь должен был решить Восточный фронт.

«Чехословацкие войска, на которые быстро налипали белогвардейские части, базировались во всех отношениях на захваченные ими центры и снабжались оставшимися еще от империалистической войны значительными запасами вооружения, снаряжения, обмундирования и прочего. Первое

время оба контрреволюционных центра — и Самара и Челябинск — были изолированы от остального буржуазного мира советской территорией. Только уральские казаки примыкали к Самарскому району.

Таким образом, задача Красной Армии сводилась к тому, чтобы быстрыми ударами разбить далеко разбросанные части контрреволюционных войск и занять центры с диктатурой буржуазии («учредилки»).

Но такая простая задача вылилась у Муравьева в сложный, фантастический и совершенно невыполнимый план».

Этот план Муравьев передал Тухачевскому как директиву, отправляя командарма из Казани под Симбирск, в Инзу.

Муравьев задумал уничтожение самарской группы противника обходным маневром. А фактически удар приходился по несуществующим коммуникациям врага и заранее обрекал 1-ю армию на неудачу.

Когда Тухачевский попробовал, спасая положение, внести свои коррективы в этот сумасбродный план, Муравьев заявил, что будет лично руководить операцией, и обещал быть в Симбирске.

Положение становилось просто нетерпимым.

Уже очень поздно. Улицы Симбирска не освещены, и редкие-редкие огоньки проглядывают сквозь щели занавешенных окон. Автомобиль Тухачевского пробирается ощупью к «Симбирскому Смольному» — огромному зданию бывшего кадетского корпуса. Михаил Николаевич торопит шофера.

Он в конце концов должен разобраться в той сумятице, которую вносят Муравьев и командующий Симбирской группой войск Клим Иванов. Это они через голову командарма отменили план наступления на Самару через Усолье и Ставрополь и бросили войска восемью малосвязанными друг с другом колоннами, распылили силы. Эта безграмотность граничит с предательством. Противник получил возможность крошить поодиночке малочисленные красные отряды. И если части 1-й армии все же сумели захватить на правом фланге Сызрань и если на левом — Симбирский отряд коммунистов при поддержке бронепоезда вышиб белочехов из Бугульмы, то это результат революционного порыва войск и мер, принятых Тухачевским вопреки указаниям Муравьева. Но теперь главнокомандующий снимает с фронта части, задерживает Курский бронедивизион в Симбирске.

Не нравятся командарму эти действия Муравьева и Иванова.

Иосиф Варейкис уже поджидает Тухачевского. Сутки назад, в связи с контрреволюционным мятежом левых эсеров в Москве,

симбирские большевики потребовали от местных эсеров честного ответа — с кем они?

Левые эсеры маневрировали. Мятеж в Москве был уже подавлен, и симбирские коллеги московских контрреволюционеров поспешили отмежеваться от них, но выкинули лозунг о священной войне с германским империализмом. Варейкиса особенно беспокоит засилие левых эсеров на командных постах в армии. Он прямо спрашивает Тухачевского о Муравьеве, Климе Иванове, военном комиссаре Симбирска левом эсере Недашковском, командире Курского бронедивизиона левом эсере Беретти.

Представляют ли эти люди какую-нибудь ценность в качестве военных начальников? Тухачевский резок в своей характеристике. Муравьев — бешеный честолюбец, демагог, обладающий несомненной личной храбростью. Из всего военного дела знает только историю войн Наполеона. Не умея оценить сложившейся обстановки, ищет готовые решения у своего кумира. А об Иванове и говорить не приходится.

Тухачевский требует поставить вопрос о смещении Иванова, да и Муравьева тоже, хотя для этого придется обращаться в правительство республики.

Между тем Муравьев не дремал. По заданию ЦК левых эсеров он объезжал части, вербуя себе сторонников, стягивал отдельные отряды к Казани, где находился штаб Восточного фронта.

Казанские коммунисты располагали незначительными силами и не могли открыто действовать. Поэтому они всячески поощряли намерения Муравьева выехать в Симбирск якобы для проведения наступательных операций против Самары. Большевики рассчитывали арестовать Муравьева в пути.

Но главнокомандующий бежал.

Посланные ему вслед телеграммы, предупреждающие об измене, дошли до Москвы, фронтовых частей, но не попали в Симбирск.

Царская яхта «Межень» была хорошим ходоком, следующий ей в кильватер пароход с Уфимским полком, отозванным Муравьевым для «отдыха», едва поспевал за ней. Впереди маленькой флотилии рыскал разведывательный катер. Палубы судов завалены тюками хлопка, щетинятся дулами пулеметов.

Симбирская пристань пуста. Главкома никто не встречает. Муравьев обескуражен. А он-то думал, тут, в порту, сразу захватить и председателя губисполкома Гимова, и председателя губернского комитета партии Варейкиса, и остальных руководителей симбирских большевиков. А если Тухачевский

откажется поддержать мятеж, то и его вместе с ними.

Но пока Муравьев произносил возмущенные тирады перед своими приспешниками, на яхту прибыл Тухачевский. Он доложил о неудачах под Сызранью и Ставрополем. И то, каким тоном говорил Тухачевский, и то, как он решительно протестовал против вмешательства комфронта в дела 1-й армии через голову командарма, не оставляло сомнений, что Тухачевский никогда не поддержит авантюриста. И все же изменник делает попытку склонить Михаила Николаевича на свою сторону.

— Я поднимаю знамя восстания, заключаю мир с чехословаками и объявляю войну Германии!..

Тухачевский понял без продолжений. Положение его было не из легких. Но командарм не умел и не хотел играть в прятки. Муравьев — предатель и изменник. Если война с Германией неизбежна после вероломного убийства левоэсерами посла Мирбаха, то не союз с белочехами, а их быстрый разгром — кот что обезопасит тыл Красной Армии.

Муравьев взбешен — жест адъютанту, и Тухачевский арестован.

На яхте в салоне своеобразная тюрьма. Здесь под стражей содержатся коммунисты из команды судна, красноармейцы, матросы — все, кто отказался следовать за авантюристом.

Переборов себя, Муравьев делает еще одну, последнюю попытку уговорить Тухачевского. Тот решительно отказывается. И напрасно Муравьев угрожает Михаилу Николаевичу расстрелом. Тухачевский не раз и не два сталкивался лицом к лицу со смертью. Он не трусил и тогда, когда умирать-то, по существу, было не за что.

Тухачевского отправляют на Киндяковку, где стоит его собственный поезд. Арестованного сопровождает командир Курского бронедивизиона левый эсер Беретти.

А Муравьев уже умчался в город — «поднимать» части. Тухачевского сторожат латыши. Они косо посматривают на арестанта, тревожно прислушиваются к одиночным выстрелам в городе. Они уверены, что их место там. Но куда девать арестованного? Кто-то предлагает «кокнуть» — и делу конец. Минута критическая. Если бы латыши не вступили в разговор с Михаилом Николаевичем и не узнали бы от него всю правду о Муравьеве, его измене, то, возможно, они и расправились бы с командармом. Но, с удивлением узнав, что Тухачевский такой же, как и они, большевик, латыши отпустили командарма. К этому времени завершилась и авантюра Муравьева. Симбирские коммунисты сумели разъяснить красноармейцам смысл муравьевских призывов к войне с Германией и миру с чехами,

анархисты и левые эсеры были изолированы, Муравьев убит.

Теперь никто не мешал Тухачевскому завершить начатое укрепление армии.

1-я Революционная должна действительно стать грозной силой.

Командарм при поддержке комиссаров спешил доукомплектовать части. Для этого понадобилось приложить много энергии, выдержки, настойчивости.

Измена Муравьева подогрела недоверие вчерашних солдат к бывшим офицерам. И не только потенциальных изменников видели эти крестьянские парни в бывших офицерах. Они и сейчас, спустя полгода после победы Октября, все еще представлялись им помещиками. Только-только отняли у них землю, а они опять за свое.

Классовая ненависть в условиях далеко еще не изжитой партизанщины могла вылиться в самосуд, в неисполнение приказов, и только потому, что они отдаются «бывшими».

От командарма требовался максимум чуткости, такта, понимания настроений своих бойцов, чтобы преодолеть это недоверие, мешавшее сплоченности, боеспособности частей.

Авторитет командарма, его, как тогда говорили, «революционное лицо», неукоснительно и строго оберегался комиссарами армии — Куйбышевым и Калнином. Они учили Тухачевского политическому воспитанию масс. Воспитанию словом и личным примером.

Тухачевский ходил в атаку с винтовкой; на паровозе под огнем врывался на станции; во время воздушной бомбежки хладнокровно, на глазах у красноармейцев, готовых убежать, умывался из рукава водокачки. Куйбышев, вскоре ставший не только комиссаром армии, но и близким другом командарма, частенько поругивал Михаила Николаевича за «ненужную удаль», но сам поступал точно так же.

Именно этот период сколачивания 1-й армии был и временем формирования Тухачевского как командарма и как коммуниста. Любознательный, талантливый подпоручик учился воевать по-новому, по-большевистски.

Полгода мировой войны, проведенные им на фронте, — это только опыт, давший привычку к опасности, утвердивший подпоручика в сознании, что он достаточно волевой, грамотный, смелый командир. И не более. Командармом же Тухачевского сделала революция. И не только потому, что партия доверила ему 1-ю армию, а потому, что революция позволила миллионам простых людей проявить свои таланты на службе Родине, народу.

И талант полководца в Тухачевском открыла революция.

Резко изменились теперь масштабы командирских обязанностей Тухачевского, изменился и характер его профессионального и политического мышления. Не мелкие тактические задачи, а оперативный охват военных событий, происходящих не только на фронте армии, но и по всей стране, правильное понимание политики партии, конкретное ее воплощение на практике — этому нужно было еще научиться.

Война гражданская в отличие от империалистической была прежде всего столкновением классов, продолжением революции. И момент политический, четкая политика по отношению к крестьянству, национальным меньшинствам играли в боевых успехах Красной Армии, может быть, не меньшую роль, нежели ее чисто боевые дела.

Таким образом, лето 1918 года стало для Тухачевского той военной академией, которая превратила младшего офицера царской армии в командарма, политически закалила молодого коммуниста.

Уже к сентябрю 1-я армия, выбравшись из эшелонов, ведя маневренные бои с противником, иногда очень ожесточенные, была почти готова к решительному наступлению.

У 1-й Революционной армии успели сложиться и свои традиции. Прибывающие пополнения должны были их воспринять.

Из центра на доукомплектование армии прибыла лишь одна Курская бригада, и поначалу она менее всего соответствовала традициям и духу, царившим в 1-й армии.

Куряне одеты с иголочки — хоть на парад. Да и строевой шаг у них отличный. Но в боях бригада почти не участвовала, стрелять красноармейцам приходилось мало, старых фронтовиков тоже — раз-два, и обчелся. Выгрузились, построились, а время как раз к обеду.

Начальник штаба бригады осведомился, где тут. столовая комсостава. Ему указали барак. За длинными столами сидят работники штаба. Но почему рядом с ними писаря и бойцы охраны? И чего все ждут, ведь перед каждым аппетитно дымится миска с борщом? Начштаба не успел задать новых вопросов.

В барак торопливо вошел командарм и извинился за опоздание. Дружно застучали ложки.

В 1-й армии бойцы и командиры питались из общего котла. Тухачевский строго следил, чтобы не было никаких излишеств, и пресекал всякую попытку «предоставления привилегированного положения начальствующим лицам».

В «котле» 1-й Революционной должны были перевариться все, кто вступал в ее ряды.

Курская бригада настроила Тухачевского скептически к возможности пополнения армии, так сказать, централизованным путем. А пополнения были очень нужны. Михаил Николаевич предложил провести мобилизацию военнообязанных из числа местного населения, строго при этом отбирая для службы в Красной Армии людей пролетарского происхождения и беднейших крестьян.

Фронт 1-й армии растянулся почти на 600 верст, от Вольска до Симбирска. Симбирск еще находился в руках у белых. Этот важнейший узел, порт был потерян сразу после мятежа Муравьева. Казалось, положение малочисленной армии было критическим. Начни белые энергичное наступление по всему фронту, и 1-я побежит, покатится. Но Тухачевский умел оценить сложившуюся обстановку. Он пришел к убеждению, что после захвата Симбирска белыми они не будут вести сколько-нибудь серьезных действий против 1-й армии, а направят свой удар на Казань, чтобы создать на Средней Волге прочный плацдарм для последующего наступления в центр, к Москве.

И он не ошибся. Это не означало, что Михаил Николаевич рассчитывал отсидеться, остаться в стороне. Нет, но 1-й армии нужно было время для окончательной реорганизации. А затем Тухачевский рассчитывал опередить противника, освободить от белых Симбирск и создать на левом берегу Волги свой, красный плацдарм, чтобы двинуть на Самару и Уфу.

8 сентября. Только-только взошло солнце. Его неяркие, осенние лучи с трудом пробиваются сквозь сизовато-синюю завесу, опустившуюся на небольшую станцию Чуфарово. Дребезжат стекла станционного здания, что-то хрустит, стреляет, чихает.

Солнце взошло повыше, и стало видно, что перед зданием вокзала стоят грузовики.

Каких только конструкций здесь нет! Каких громких имен не носят эти давно отслужившие, трясущиеся в старческой лихорадке, чадящие машины! Бензин пополам со спиртом, горючее добывали всюду, вплоть до аптечных магазинов. На грузовиках 500 бойцов Курской бригады при 8 пулеметах. Они должны двинуться в глубокий обход Симбирска с севера. «Моторизованная пехота» так устрашающе дымила и скрипела, что у Тухачевского не было полной уверенности, доберется ли она благополучно до исходного рубежа атаки. Поэтому

автоармаду дублировал конный дивизион «Победа». Дивизион двигался несколько правее грузовиков.

Основной ударный кулак — Симбирская дивизия Гая (8 тысяч штыков) была Тухачевским сосредоточена на линии Поповка — Прислониха. Концентрическим движением на Симбирск силы 1-й армии, растянутые по фронту на 100 верст, должны были к исходу первого дня боев уплотниться, фронт — сжаться до 60 верст. Уплотнялись ряды, росла сила удара, и продолжалась «карусель» непрерывного окружения Симбирска. Это был великолепно задуманный маневр.

Тухачевский двигался вместе с Симбирской дивизией.

Симбирск где-то рядом, но его еще не видно. Подступы к городу запорошило кустарником, мелколесьем. Этот город легче оборонять, наступать же на него трудно. Михаил Николаевич внимательно изучает полосу наступления. В машине он объехал всю линию фронта. Потом на коне обследовал его отдельные участки, и, наконец, пешком прошел их вместе с командирами полков и батальонов, и разметил разграничительные линии для частей.

Незаметно окончился день. Ночью костров не жгли. Армия собралась в кулак. Командарм и ночью не знает покоя. Его войскам придется форсировать реку Свиягу. И это нужно проделать быстро, без задержек. Значит, у мест переправы артиллерия должна создать мощный огневой заслон, с первых же залпов подавить огневые точки противника.

И командарм намечает артиллерийские позиции.

Стороннему наблюдателю могло показаться, что Тухачевский хочет сделать все сам. Должен ли командующий армией выбирать артиллерийские позиции и чуть ли не по-пластунски ползать впереди линии своих войск?

В тех условиях, в ту сентябрьскую ночь, он должен был это сделать. И не потому, что не доверял подчиненным, а потому, что 1-я армия держала первый экзамен. И Тухачевский не столько подсказывал экзаменующимся, сколько хотел уберечь их от серьезных ошибок.

Впоследствии Михаил Николаевич вспоминал: «На линии расположения противника наши части уже достигали полного взаимодействия, широко обходили расположение противника и тем предрешали быстрое его поражение…

К вечеру первого же дня белогвардейские войска охватила паника. В центре они оказывали ожесточенное сопротивление, но бесконечный обход их флангов совершенно расстроил последние, и отступление приняло беспорядочный характер. На подступах к

Симбирску они попробовали устроиться и оказать последнее сопротивление, но дружным натиском наших воодушевленных войск они были быстро сбиты и опрокинуты за Свиягу, а далее — за Волгу».

Валериан Владимирович Куйбышев весь день среди бойцов Симбирской дивизии. И даже не прочь сам, с винтовкой, под крики «ура» идти в атаку. Но вот начался штурм города, и Куйбышев поспешил в штаб армии, уселся у аппарата Морзе, соединяющего части со штабом, и уже больше не отходит от него. В 12 часов 30 минут 12 сентября аппарат отстучал: «Симбирск взят!»

Работники оперативного отдела штаба, привыкшие к тому, что комиссар всегда спокоен, всегда выдержан, удивились, — Валериан Владимирович, как буря, ворвался к ним с криками: «Ура!»

«…Он высоко подбрасывал свою кепку, всех обнимал, пожимал… руки».

— Давайте, давайте скорее Москву!..

Телеграф отстучал: «У аппарата Оперот».

— Передайте Ленину:

«Дорогой Владимир Ильич! Взятие Вашего родного города — это ответ на Вашу одну рану, а за вторую — будет Самара».

В городе неспокойно. Обыватели отгородились от улиц ставнями. Не успевшие удрать за Волгу белогвардейцы постреливают с чердаков, в темных и глухих проулках. По городу ползут самые нелепые, но устрашающие слухи. Их распускает местная буржуазия.

Уже к вечеру 12 сентября белые немного опомнились и потеснили с левого берега Волги утомленные красноармейские части.

Успех нужно во что бы то ни стало закрепить, и для этого требовалось разгромить белых на левом берегу.

А с левого берега великой реки по Симбирску стреляют пушки. Их огонь не прицельный, так, больше для паники. Но мост через реку белые успели хорошо пристрелять. Волга здесь широкая, быстрая — мост протянулся на целый километр.

Тухачевский должен был принять решение — рискованное, но совершенно необходимое: форсировать Волгу. Легко сказать! Волга не Свияга. Михаил Николаевич лучше других знает, что в его распоряжении нет никаких вспомогательных средств переправы.

Знали об этом и бойцы. И тогда родился дерзкий план:

пробиться на левый берег по мосту. Кто это, предложил — неизвестно. Но командарм поддержал. И это очень характерно для Тухачевского. Он никогда не стеснял инициативу своих' подчиненных, всегда готов был помочь, если эта инициатива ценная. Для большей эффективности атаки и для того, чтобы части не несли лишних потерь от прицельного и пулеметного огня, решили форсирование Волги произвести ночью.

Час ночи. Темной, прохладной, сентябрьской. Симбирск утонул во тьме. Поэтому буро-красный отсвет горящих нефтеналивных барж, подожженных белыми, слепит глаза.

Зарево горбится на ряби быстрого течения. Кажется, что огромный костер зацепился за быки моста и горящие сучья потрескивают ружейными выстрелами. Белые неутомимо поливают пустынный мост свинцовым ливнем.

Часы показывают начало второго. Стрельба на левом берегу внезапно прекращается.

По мосту со свистом, воем, грохотом несется полыхающее чудовище, как будто кто-то из озорства пустил огромный фейерверк. Левый берег замигал тысячами лихорадочных вспышек. Но огнедышащий паровоз уже ворвался в стан белых. Его отправили без машиниста, чтобы проверить путь, и если он занят бронепоездом, то столкновение с этим «взбесившимся» паровозом не сулит бронепоезду ничего хорошего.

С правого берега начинает бить артиллерия. Стреляет она и с моста. Вслед за паровозом по мосту движется бронепоезд красных. Мост закрывают высокие фонтаны воды, артиллерия белых шлет снаряд за снарядом, но они ложатся где-то за мостом, перед мостом, а по мосту уже перебегают бойцы второй бригады Симбирской дивизии. Пулеметы вгрызаются длинными очередями в эту неудержимую лавину людей. Но 2-й Симбирский полк, идущий головным, уже на левом берегу.

Стихают пулеметы. И в темноте слышно, как шум боя откатывается от Волги, к тылам белых.

Шальной снаряд попал в горящие баржи, разбросал пламя. Оно колышется в легкой струе ночного ветра, как красное знамя.

А из Симбирска бьет и бьет артиллерия.

В октябре войска 1-й армии и Восточного фронта взяли Сызрань, Самару (совместно с 4-й армией), Бугуруслан, Бузулук.

Бойцы 1-й свято исполняли свое обещание, данное Ленину в день освобождения Симбирска. Они шли в бой за Самару, напутствуемые добрыми словами вождя:

«Взятие Симбирска — моего родного города — есть самая целебная, самая лучшая повязка на мои раны. Я чувствую

небывалый прилив бодрости и сил. Поздравляю красноармейцев с победой и от имени всех трудящихся благодарю за все их жертвы».

Тухачевский впоследствии получил много заслуженных наград за храбрость, умелое руководство войсками, но первая, самая скромная, была самой дорогой — часы, которые Советское правительство вручило «храброму и честному воину Рабоче-Крестьянской Красной Армии».

Михаил Николаевич прошел по всем главным военным дорогам гражданской. И на востоке, и на юге, и на западе. В 1918, 1919, 1920 годах. Он командовал армиями, командовал и фронтами. Когда для многих красных командиров гражданская война стала уже воспоминанием, Тухачевский еще воевал. Воевал с кронштадтскими мятежниками в 1921 году, громил банды эсера Антонова.

Копился опыт, множились знания. Были и неудачи и промахи. Но в неудачах закалялся характер, а успехи рождали уверенность в собственных силах. Изощрялось, оттачивалось мастерство полководца.

Подобно другим советским военачальникам, Тухачевский, прежде чем учиться командовать армиями, строил со всем трудовым народом, с партией эти армии. Он не заступал на готовое, строил по кирпичику и знал в армии всех и все. Вот эта школа складывания первых регулярных соединений Красной Армии была и академией полководцев. Новых, красных, советских.

8-ю армию принимал командарм, имя которого уже стало известно и Советской республике и врагам ее.

Недолго пробыл Тухачевский на Южном фронте, немногим более трех месяцев.

На юге страны, в донских степях, под Царицыном, белоказачьи части генерала Краснова потерпели сокрушительное поражение. Но на Северном Кавказе в это время успели окрепнуть, получить значительную помощь Антанты «добровольцы» Деникина. Перейдя в наступление, они сумели потеснить и сильно растрепать нашу 11-ю армию, в их руках оказались Екатеринодар, Новороссийск, Пятигорск, Ставрополь.

8-я армия, которой командовал Тухачевский, действовала на Донце. В ее задачу входило освобождение Донецкого бассейна, Луганска и окончательный разгром белоказаков.

Тухачевский должен был укрепить армию, покончить с партизанщиной, наладить работу штабов. Его сняли с Восточного фронта и направили на юг, зная, сколь успешно Михаил

Николаевич формировал 1-ю Революционную. Этот опыт нужно было использовать. И Тухачевский действительно обновил 8-ю армию. Имея дело уже с людьми, которые раньше его приезда заняли свои посты в штабах, командные должности, Тухачевский неустанно учит их. Учит и штабной работе и налаживанию транспорта, учит непосредственно на месте боя управлению артиллерией, взаимодействию частей.

Красновские части откатывались к югу, казаки разбегались по домам.

Но из-за их спины вылезал Деникин, объединивший в своих руках командование всеми армиями контрреволюции на юге. Это была грозная армия. И с ней нужно было бороться во всеоружии.

Но в это время Михаила Николаевича по личной просьбе снова вернули на восток, где решалась судьба Советской республики.

Весной 1919 года Колчак открыл новый поход Антанты против Советской республики. Он хребет этого похода, главная сила. Адмирал больше не нуждается в ширмах. Все эти эсеро-меньшевистские «правительства» Сибири, Урала, Поволжья могут только ввести в заблуждение. «Правительства» разбегались. Иногда их просто разгоняли. Для некоторых свергнутых «социалистов» нашлись местечки в колчаковских «министерствах», «департаментах», «сенате». Все как в доброе, старое время. И армия Колчака устраивается по образцу старой, царской. Сам адмирал — «верховный правитель России» — России, а не только Сибири. Остальные «правители» должны подчиниться ему, «Остальные» подчиняться не хотели. Колчак еще в Сибири, а там видно будет!.. Колчак не единственный враг. Кроме него — Юденич под Петроградом, Деникин на юге, паны на западе. К тому же имеются англичане, французы, греки, турки, американцы, японцы. Подхода войск адмирала ждут не дождутся кулацкие банды, сформированные эсерами.

У Колчака более 130 тысяч штыков и сабель, 1 300 пулеметов, 210 орудий. Хотя у Красной Армии на Восточном фронте пулеметов и орудий больше, да стрелять нечем. Мало и конницы, а у Колчака белоказачья армия Дутова.

Численное превосходство за Колчаком. Восточный фронт Красной Армии — от силы 100 тысяч штыков и сабель и почти никакого резерва. Республика опоясана фронтами, на других направлениях тоже нужны штыки, сабли, пулеметы, орудия.

«Верховный правитель» правил, но «верховным командующим» в его штабе были английские генералы. Они командовали и «правителем». В штабе находился и французский

генерал Жанен.

К весне 1919 года в ставке Колчака был выработан план похода на Москву. При обсуждении этого плана дебатировались два варианта — английский и французский, северный и южный.

Английский генерал Нокс настаивал на том, чтобы Сибирская армия Колчака, выбравшись с Урала, наносила удар на север по линии Вятка — Вологда, где предполагалось соединение с войсками интервентов, а затем уже через Ярославль они пойдут на Москву.

Генерал Жанен тянул Колчака на юг, к Самаре, на соединение со ставленником французов Деникиным, а там уже через Самару — Саратов и к Москве.

Колчак хотел одного — войти в Москву первым, ни с кем не делить лавры и власть диктатора «всея Руси». Но он не мог не считаться с мнением англичан, так как целиком зависел от них.

Северный вариант восторжествовал. Но когда в начале марта 1919 года Колчак начал поход на Москву, в ходе операций южное направление и бои за выход к Волге у Казани приобрели большее значение, чем удар на Вятку — Вологду.

Советские войска были вынуждены отступать по всему фронту. С боями, упорно огрызаясь у каждого города, каждого населенного пункта.

Отступая, переходили в контратаки. Но силы были неравны. 5-я армия, которую 4 апреля 1919 года принял Тухачевский, стояла в центре Восточного фронта на уфимском направлении, против нее действовала в пять раз большая Западная армия генерала Ханжина. В распоряжении Тухачевского было всего 11 тысяч штыков и сабель, тогда как под командованием Ханжина сосредоточилось их более 50 тысяч.

Нерадостную картину застал Михаил Николаевич, прибыв в 5-ю армию. Измотанная в боях, поредевшая до того, что полки насчитывали иногда не более двух-трех сотен человек, с расстроенным транспортом, 5-я не могла удержать Уфы и откатывалась к Волге. На стыке ее со 2-й Красной армией, также отходившей на запад, образовался разрыв, который все больше и больше расширялся. Остатки 5-й отступали по двум расходящимся направлениям — к Бугульме и Белебею. Связь со многими частями штабом армии была потеряна. 26-я стрелковая дивизия, наиболее сохранившаяся, а потому и наиболее боеспособная, оказалась отрезанной.

А на Восточном фронте решалась судьба революции.

«Все на Колчака!» Восточный фронт объявлен ЦК партии главным, решающим направлением борьбы с белогвардейцами и интервентами. Казалось, у измученной, голодающей, мерзнувшей

республики нет сил, ресурсов, чтобы пополнить ряды истерзанных армий, дать патроны и снаряды, обмундирование и хлеб. Но так казалось только маловерам. По призыву партии тысячи коммунистов, десятки тысяч рабочих встали под ружье.

И не случайно в этот решающий момент, когда борьба на юге была еще далеко не закончена, партия перебрасывает Тухачевского с Южного на Восточный фронт.

Михаил Николаевич знал, что из всех армий Восточного фронта ему предназначена самая малочисленная, самая пострадавшая, но стоящая теперь на самом главном направлении удара колчаковцев.

Когда он прибыл в штаб, там еще были взволнованы таким редким в регулярной войне эпизодом, как непосредственное участие работников штаба и роты охраны в отражении атак противника. Штабные работали на пределе сил, им уже трудно было управлять войсками, на них действовало угнетающе многодневное отступление.

Тухачевский видел, что необходимо заменить значительную часть и командного и политического состава армии. Не потому, что они были плохи, а потому, что нуждались и в физическом и в моральном отдыхе. Нуждались многие командиры и в специальных военных знаниях. Но когда Михаил Николаевич говорил им об этом, те искренне удивлялись. Разве можно в такое время думать об учебе? «Бей беляков!»— вот аксиома, которую они усвоили твердо и которая была, как им казалось, единственно правильной военной доктриной. Тухачевскому трудно было переубедить этих горячих, самоотверженных, храбрых людей.

Степан Вострецов — кузнец, ставший в 1905 году членом РСДРП. Рядовой империалистической войны, кавалер трех георгиевских крестов, произведенный за храбрость в прапорщики, потом заместитель командира Волжского полка славной 27-й дивизии. Некогда ему было учиться до революции, не мог он этого сделать и в ходе ее. Тухачевский умел разглядеть в людях их истинное призвание и не давал покоя Вострецову. Он хотел заставить его учиться. И ведь заставил. Тухачевский мог бы гордиться тем, что его ученик первым получил четыре ордена Красного Знамени. А рядом сражались и другие командиры, бывшие рабочие, солдаты, которым тоже так не хватало знаний.

Тухачевский вынашивал мысль о создании при штабе армии или, может быть, фронта специальной школы, где могли бы приобрести знания эти народные командиры. Пока такой школы еще не было, не до нее. Но Тухачевский уже мысленно спрашивал себя: а есть ли у тебя что-то новое, что ты можешь сказать этим

коммунистам, новое не в смысле классических построений тактики, стратегии, которых они не знают и которые будут воспринимать как откровения, нет — для них гораздо важнее обобщенный опыт почти целого года гражданской войны, ее специфических особенностей, ее принципиального отличия от войн империалистических, войн между государствами в прошлом и даже войн гражданских, которые когда-либо имели место.

Да, это новое, накопленное только в ходе этой войны, было. И не случайно Михаил Николаевич взялся за перо, хотя так редко выпадали свободные минуты. На первых порах статьи и лекции, которые готовил Михаил Николаевич, имели для него чисто практический смысл.

Еще будучи командармом 1-й Революционной, Тухачевский ввел в своем штабе и в штабах дивизий обязательный разбор только что завершенных операций. Эта практика теперь очень пригодилась, она позволяла делать обобщения. Михаил Николаевич, сравнивая стратегический облик войны империалистической с обликом войны гражданской, убеждался, что гражданская — это «большая война» и в ней участвуют миллионные армии с обеих сторон. Но именно в гражданской войне маневр, мобильность армии, состояние ближайшего тыла играют первостепенную роль. Он помнил окопы мировой войны. Глубокие, полного профиля, обшитые досками. Окопы гражданской — наспех вырытые ячейки, временные рубежи. Никто не собирался их обживать и тем более на них задерживаться.

Царских генералов мало заботило состояние ближайшего тыла. Они рассматривали его только с точки зрения коммуникаций да возможных новых позиций на случай отступления. Империалистическая война не знала и партизанского движения.

В гражданской войне с ним необходимо было серьезно считаться и не только учитывать действия партизан в тылу у белых, но и возможность провокаций и даже восстаний эсеро-меньшевиков и кулачества в тылу Красной Армии.

Царская армия не проводила мобилизации местного населения, в Красной Армии Тухачевский убедился, что местные ресурсы как людские, так и материальные — надежный источник пополнения. И, конечно же, моральный дух бойцов, их политическая сознательность, которую нужно воспитывать, крепить, — этому учили партия, Ленин.

Колчак наступал, Колчак прорвал фронт, был в нескольких переходах от Волги. Но опыт войны подсказал Тухачевскому, что

ситуация на театре военных действий меняется чрезвычайно быстро, нужно, только предугадать момент и быть готовым к тому, чтобы его использовать.

Командующий знал, конечно, что изменение ситуации происходит не само собою, изменения готовят люди. Одних усилий командарма-5 совершенно недостаточно для того, чтобы задержать Колчака, а затем и сокрушить. Но против белых действуют и другие соединения Советской республики — 1, 2, 3, 4-я и Туркестанская армии. Изменения готовят люди.

На Восточный фронт партия направила самых выдающихся, самых стойких руководителей.

В 1918 году в 1-й Революционной Тухачевский встретился с Валерианом Куйбышевым, а в 1919-м — с Михаилом Васильевичем Фрунзе. Стал их другом, а не только соратником. В этих встречах с выдающимися большевиками-ленинцами была закономерность. Все они были там, где революции угрожала самая большая опасность. Там же был по воле партии и ее выдающийся командарм Тухачевский. Закономерно и то, что Куйбышеву, Фрунзе, как впоследствии и Кирову и Орджоникидзе, молодой командарм, как говорится, пришелся по душе. Прямой, решительный, умный, умелый, он воплощал в себе не только лучшие черты нового, революционного командира. Старые большевики умели рассмотреть в Тухачевском полководца будущего. И, конечно, оберегали его, помогали и горячо откликались на неизменную доброту, сердечность этого человека. Такой человек не мог не стать другом.

Умение дружить — это и искусство и врожденная черта. И далеко не у всякого человека она есть. Тухачевский' умел дружить. Он встречался со множеством людей, но его друзьями на всю жизнь остались не все. Зато те, кто стал другом командарма в 1918 году, остались им и в роковом 1937-м.

В 1918 году Михаил Николаевич подружился с легендарным Гаем Дмитриевичем Бжишкяном, или попросту Гаем. Ему он передал 1-ю Революционную армию, отправляясь на Южный фронт. Они вместе прошли Поволжье, Урал, вместе воевали с белополяками.

Друзья не изменяли Тухачевскому, так же как и он им.

Фрунзе командовал на Восточном фронте поначалу 4-й армией, а потом Южной группой войск и всем фронтом. В Южную группу вошла и 5-я армия Тухачевского. Михаил Васильевич так же, как и командарм-5, реально оценивал сложившуюся обстановку. Хотя части Красной Армии и отступали, колчаковцы в

непрерывных атаках обескровили свои войска. В тылу партизаны дезорганизовали работу транспорта. Армия белого генерала, в которой было много насильно мобилизованных крестьян и даже рабочих, была неустойчивой. Целые подразделения ее, перебив офицеров, переходили на сторону красных. Противник растянул свои войска на огромном фронте от Мезелинска до Оренбурга.

Все это позволяло надеяться на успех контрнаступления, если, конечно, оно будет хорошо замыслено и подготовлено.

Замысел был великолепен: действия Южной группы войск — одни из самых блестящих во всей истории гражданской войны.

Контрудар наносится сосредоточенными силами армий правого фланга Восточного фронта по растянувшемуся левому флангу колчаковских войск с последующим выходом в тыл этого фланга, что ставит белых в угрожающее положение, они будут вынуждены отходить, опасаясь окружения. Фрунзе считал, что в этот момент весь Восточный фронт должен перейти в наступление и не прекращать его до полного разгрома врага.

Пока шла подготовка к контрнаступлению, 5-я армия не выходила из боев. Тухачевский же успевал в это время и руководить сражениями и уточнять планы контрнаступления, формировать пополнения, стягивать ударный кулак.

И 28 апреля 1919 года Южная группа армии начала наступление. С фронта на белых движутся части 5-й армии. А во фланг и тыл колчаковцам наступает 4-я и Туркестанская в общем направлении на Бугуруслан. На правом фланге 5-й — 25-я дивизия Чапаева. На ее долю выпадает самый большой успех.

Михаил Николаевич высоко оценил действия 25-й дивизии. В одном из приказов В. И. Чапаев писал: «25 стр. дивизия заслужила высокую благодарность от командарма-5, тов. Тухачевского, за блестящие операции в последних боях, и все взоры 5-й армии устремлены на 25 с. д., которая своим решительным натиском должна отрезать пути отступления Бугульминской армии противника в районе Бугульмы и тем покончить эту операцию».

4 мая войска, действовавшие совместно с Туркестанской армией, наносившей главный удар по врагу, освободили Бугуруслан. Однако противник не терял надежды остановить советские полки. На помощь Западной армии белогвардейцев из Сибири двигался корпус генерала Каппеля. В районе Бугульмы колчаковцы создали ударную группу и сами перешли в наступление.

Тухачевский за короткое время знакомства с Фрунзе успел убедиться, что Михаил Васильевич любит командиров, способных принимать самостоятельные решения, не боящихся риска,

ответственности. А это так соответствовало характеру Тухачевского.

В ходе операций Тухачевский по собственной инициативе изменил направление удара основных сил армии и двумя охватывающими группировками начал наступление на Бугульму. В результате этого маневра план белогвардейцев потерпел крах. В трехдневных боях лучшие силы противника были разбиты. Советские войска захватили свыше двух тысяч пленных и много оружия. 13 мая полки 5-й армии освободили Бугульму. Армии Южной группы достигли решающего успеха над противником.

Но не все шло так гладко. Противоречивые приказы комфронта А. Самойло, заменившего С. С. Каменева, не способствовали активному наступлению красных дивизий.

Вскоре комфронтом был вновь назначен С. С. Каменев. Войска 5-й армии получили задачу — форсировать реку Белую севернее Бирска и обеспечить левый фланг Туркестанской армии, которая в это время наступала на Уфу. С этой задачей 5-я армия успешно справилась.

Успех 5-й армии севернее Уфы позволил Южной группе М. В. Фрунзе нанести удар по городу. 9 июля Уфа была освобождена.

В середине июня 1919 года войска, действовавшие в центре Восточного фронта, вышли к предгорьям Урала.

Освободить до зимы Урал с его фабриками, заводами, шахтами, его пролетариатом — Ленин считал, что от этого зависит судьба революции.

Перед Красной Армией стояла трудная задача. Надо было форсировать малодоступный Уральский хребет, который оседлали колчаковские дивизии.

Куда направить удар 5-й армии? На Златоуст — Челябинск или Красиоуфимск? Командование фронтом за Красноуфимск. Тухачевский против.

Направление главного удара — Златоуст. Молодой командир не постеснялся поспорить с комфронта С. С. Каменевым. И переспорил его.

Новый план Тухачевского таил в себе известный риск, но он был оправдан. Михаил Николаевич учитывал особенности ведения гражданской войны, знал он и силы сторон и своеобразные условия местности, хотя впервые попал на Урал. Стремительность и внезапность удара там, где враг меньше всего ожидает, — это единственная гарантия успеха. И никаких лобовых фронтальных атак, они не могут привести к победе. Для лобового штурма засевшего в горах врага требовалось тройное превосходство в силах. Его не было. Победить врага можно не числом, а умелым маневром.

Тухачевский радовался — 5-я армия стала грозой для колчаковцев. Но из головы не выходили ленинские слова: «Если мы до зимы не завоюем Урала…» Гибель революции, гибель всего, что стало делом жизни миллионов тружеников России.

Михаил Николаевич уже не первый день вглядывался в карту Южного Урала, отодвигал ее, велел седлать коня и в сопровождении ординарца без устали скакал по холмистой равнине у подножья гор. Порой, как в сказке, ему хотелось крикнуть: «Горы, расступитесь!» Замирает конь, задумывается седок, глядя куда-то за хребты на восток.

Ему приходилось успешно форсировать с армией реки — и Волгу и Белую. Его бойцы карабкались по обрывистым склонам под Уфой. И зной и холод, грязь, бездорожье — все было испытано армией. Но горы…

Вековая борода леса курчавится на каменистых щеках. Речные теснины, ни дорог, ни тропинок.

Сквозь горы, ныряя в бесконечные тоннели, на просторы Западной Сибири тянется тонкая нитка железной дороги Уфа — Златоуст.

Достаточно взорвать тоннель, разобрать дорогу на высоких насыпях, и двери Сибири захлопнутся надолго. Левее железки тянется старый сибирский Бирский тракт — дорога каторжников, фельдъегерей, переселенцев. Обе они — и железная и грунтовая — сходятся недалеко от Златоуста. И на обеих красные войска поджидают колчаковцы. Оперативного простора для маневра нет, связи между наступающими колоннами нет, только одно преимущество — горы будут надежно охранять фланги.

Сколько ни ломал командарм голову, но иного выхода не было — придется наступать по этим двум дорогам. Но Тухачевский знал, что такое наступление не будет сюрпризом для противника и 5-я армия окажется в чрезвычайно тяжелом положении при выходе на рубежи атак.

И снова Михаил Николаевич у карты. Ведь где-то же есть тайные лазы через хребет? Его войска должны неожиданно, прямо с гор свалиться на голову тыловым частям колчаковцев. Только так может быть достигнут успех.

Тухачевский подолгу беседует с местными старожилами. Те качают головами. Уважительный человек, хоть и большой начальник, рады помочь, да ведь Урал-то не сдвинешь с места. Вот разве только долина Юрезани…

Юрезань. Тут ее именуют по-разному — Юрезань, Юрюзань, Эрезень, но все эти названия обозначают одно: «быстрая река». Она стекает с гор Яман-тау. Быстрая, местами воды несутся со

скоростью 27 верст в час. Сквозь прозрачную воду просвечивает каменистое дно, утонувшие бревна, карчи. А там, выше, будут пропасти, теснины. Старики говорят, пройти можно, а вот пулеметы, пушки, фуры — как проедут они?

У Тухачевского не было выбора. И он уже предусмотрел риск как элемент плана овладения Уралом.

Вдоль железной дороги Уфа — Златоуст пойдет слабый заслон — 3-я бригада 26-й дивизии и конница Каширина.

1-я и 2-я бригады 26-й дивизии, Петроградский кавалерийский полк по Юрезани выйдут к тылам аша-балашовской группы противника, корпусу Каппеля, главному колчаковскому резерву. По тракту Байки — Дуван будет наступать 27-я дивизия. Эти две колонны составят ударную силу 5-й армии.

Раннее утро 25 июня 1919 года. Горы заволокла розоватая дымка. А у их подножья уже копошатся люди. Наступление началось.

В бинокль командарм видит, как передовые колонны 26-й дивизии втягиваются в долину реки и исчезают, заслоненные береговыми обрывами, — как будто канут в воду.

Тревожно тянутся сутки, вторые. У бойцов нет времени для отдыха. Срываются в пучину камни. Срываются и обессиленные лошади. Им дают отдохнуть. Бечевой идут бойцы, как ходили в былые времена бурлаки. На руках втягивают орудия, вьюками тянут пулеметы. А впереди горы, горы и бесконечные извивы горной реки…

Пошли третьи сутки.

В небольшом селении Насибаш 12-я колчаковская дивизия готовилась к отправке на фронт. С утра повсюду слышны зычные команды, идут бесконечные перестроения, репетируется атака рассыпным строем.

Бойцы 1-й бригады 26-й дивизии недолго любовались учениями противника, только пока подтягивались отставшие, пока развьючивались пулемёты. А там внезапная, ошеломляющая атака. Бригада не могла наступать в рассыпном строю. Кручи давили ее с двух сторон.

Белые не успели оправиться от изумления, страха — и 12-я дивизия смята. Теперь уже напрасно колчаковское командование подбрасывает сюда свежие силы, 26-яг дивизия громит их поодиночке. А с севера, там, где по тракту движется 27-я дивизия, слышна приближающаяся артиллерийская канонада — Уральский корпус белых потерял половину состава. Каппелю ничего не остается, как отвести свои части за реку Ай.

Впереди Златоуст. Пройден самый трудный участок пути. 5-я

армия подтягивает тылы, перегруппировывается.

10 июля вновь ударили пушки, а 13-го, к исходу дня, 26-я и 27-я дивизии одновременно с севера и юга ворвались в Златоуст.

Это была славная победа. И, может быть, никто так не ждал ее, так не радовался ей, как рабочие Златоуста. Они восторженно приветствовали Тухачевского и по-своему, по-уральски, наградили командарма — клинком, скованным из знаменитой стали «старый соболь». Еще в XVIII веке эта марка прославила уральских сталеваров на всю Европу.

В Златоусте 5-я армия смогла пополнить свои арсеналы за счет трофеев. А трофеи были богатые — 8 орудий, 32 пулемета, бронепоезд, 600 вагонов. В голодающие города центра отправлено около 2 миллионов пудов украденного колчаковцами хлеба.

Теперь уже и Урал позади. Впереди Сибирь. Красная Армия вступает в нее по двум направлениям — на Челябинск — Курган — Омск и на Тюмень.

У главного командования Красной Армией появилась возможность высвободить целую армию — 2-ю. В Сибири для окончательной ликвидации Колчака оставались 5-я и 3-я армии.

5-я двинулась на Челябинск.

Правда, темп продвижения частей армии Тухачевского несколько замедлился: нужно было привести себя в порядок, подтянуть тылы. И дать хотя бы дневной отдых усталым людям. Этим воспользовались белогвардейцы. В колчаковские армии вливается новое пополнение — последний стратегический резерв «правителя».

Район Челябинска. Здесь Колчак решил дать советским войскам решающее сражение и изменить ход боевых действий в свою пользу. План Колчака коварен. 5-я должна попасть в мешок. Ей отдадут Челябинск. А пока Тухачевский будет торжествовать победу, город окружат и…

На северо-западе Челябинска и несколько южнее его скрытно сосредоточиваются две ударные группы белых. 25 июля противник бросается в бой, теснит, отбрасывает 5-ю, и… весь коварный план его проваливается. В плане была упущена одна деталь — мужество красноармейцев, отвага рабочих Челябинска, восставших и ударивших на врага с тыла.

Не учли колчаковцы и того, что Тухачевский сумел разгадать их замысел, успел перегруппировать свои войска.

В районе Челябинска Тухачевский создал Ударную группу из восьми полков, поддержанных артиллерией. День 29 июля, по расчетам белогвардейцев, должен был стать решающим в определении исхода боя. Однако в этот день полки 5-й армии

сами перешли в наступление и разбили лучшие части колчаковцев. Враг еще сопротивлялся, но недолго, через несколько дней он вынужден был начать отступление по всему фронту.

Бои под Челябинском, непрерывно продолжавшиеся днем и ночью в течение целой недели, окончились полной победой советской 5-й армии. А это знаменовало собой полный крах стратегии белого командования. Противник использовал свои последние резервы и понес огромные потери в людях и технике, которые уже не мог возместить. Он потерял одними пленными 15 тысяч человек и оставил на поле боя более 100 пулеметов. Советские войска захватили большие трофеи: 32 исправных паровоза, более 3 500 груженых вагонов, 500 тысяч пудов муки, а также много военного имущества.

Окончание боев за Челябинск совпало с годовщиной создания 5-й армии, завоевавшей себе славу одной из лучших армий Вооруженных Сил Советской России. 8 августа 1919 года Председатель Совета Обороны Владимир Ильич Ленин в телеграмме горячо приветствовал героическую 5-ю армию. Советская власть высоко оценила боевые заслуги армии и ее командарма. По представлению командующего Восточным фронтом М. В. Фрунзе 5-я армия заносилась на Почетную доску, а М. Н. Тухачевский удостаивался высшей награды. В приказе Реввоенсовета Республики говорилось: «В день годовщины пятой армии Революционный Военный Совет республики постановил: занести имя пятой армии на Почетную доску в зале Красного Знамени Реввоенсовета Республики и наградить командующего пятой армией тов. Тухачевского за блестящее руководство победоносной армией орденом Красного Знамени».

Близился конец владычества кровавого адмирала в Сибири. Теснее становилось в купе спальных вагонов, двигающихся на восток. Таяла армия, скрывались вчерашние заботливые опекуны. Но Колчак еще огрызался. Ему еще удалось в сентябре 1919 года организовать последнее контрнаступление, отбросить 5-ю армию за Тобол. Но это была агония. 14 октября, форсировав Тобол, 5-я начала невиданный шестисоткилометровый поход на Омск. Ни зимние вьюги, ни свинцовые метели не могли ее остановить.

Покончить с Колчаком!

Штаб 27-й дивизии. Жарко топится печь, даже морозные кружева на окнах оплыли. Оконца слезливо щурятся в ночь. Где-то там, в колючей метели, город Омск — столица бегущей, разваливающейся колчаковской «империи». Но столицу еще нужно завоевать.

На большом, плохо оструганном столе карта. Мятая, края в бахроме. Карта испещрена значками, цифрами, надписями. Над столом склонились головы командиров Петроградского, Волжского и Крестьянского полков. Они смотрят на жирную красную стрелку, проткнувшую маленький кружочек, над ним одно слово Омск.

Стрелка уже перечеркнула номера и названия колчаковских дивизий. Но они еще не разгромлены. Они еще ждут боя в эту морозную сибирскую ночь.

В Омске непрерывно падает снег. Противная поземка легко скользит по обледеневшим тротуарам и мостовым. Ветер гонит снежную пряжу, обрывки газет, сорванные с афишных тумб и заборов клочки приказов коменданта города: «Граждане! Славные войска… будут защищать город… Никакой паники… Красные в 160 верстах…»

Метель швыряет приказы в сугробы.

По городу мечутся белые тени. Снег забил звезды на погонах, белые бобровые воротники нельзя отличить от белой драной мерлушки. Повозки, автомобили, сани сбились в кучу у вокзала. «Канцелярии», «министерства», «миссии» берут с боя промерзшие теплушки. Несколько классных пульманов оцеплены плотной шеренгой солдат.

Метель глушит орудийные раскаты, накатывающиеся с запада.

Волжский полк 27-й дивизии, минуя спрятавшиеся по домам от мороза белогвардейские заслоны, занимает предместье города Атаманский хутор. Остальные части 5-й ворвались в город. Ворвались неожиданно, на плечах убегающих «колчаковских гвардейцев».

Не тронутые взрывами склады, миллионы патронов, штабеля мундиров и шинелей, бесконечные шеренги сапог и тысячи пленных.

Генерал Римский-Корсаков зябко поеживается в драном армяке. Изношенная женская фуфайка не спасает голову от леденящего ветра. Генерал корчится от холода и невеселых мыслей. Не нужно было надевать этой проклятой шубы на лисьем меху и надеяться на быстрого рысака. Уж лучше бы он раньше раздобыл армяк и трусил бы себе потихоньку пешком. А теперь ни шубы, ни рысака, ни надежд. Его ведут в штаб красных.

В штаб 5-й армии Римского-Корсакова доставили в подобающем генералу виде. Да и сам начальник Омских военных складов заметно приободрился. Когда его везли по улицам города, генерал успел заметить, что склады стоят целехонькие. А

это козырь в его руках. Он не выполнил приказа Колчака — взорвать склады. Не выполнил потому, что «пожалел население»… А может, сказать, что он хотел, чтобы имущество досталось Красной Армии? Нет, слишком рискованно, вряд ли этому поверят.

Генерал и вовсе повеселел, когда услышал, что его сейчас введут к самому командарму Тухачевскому. Легенд об этом «красном генерале» среди колчаковцев ходило предостаточно. Но Римский-Корсаков служака старый, легендам он не верит. Зато хорошо знает, что Тухачевский «из бывших». Правда, он никак не мог припомнить царского генерала с такой фамилией. Но и то правда, разве упомнишь всех…

За столом трое. Среди них один совсем молодой, двое постарше, посолиднее. Генерал растерялся. Он привык обращаться к старшим по званию, но кто из них тут старший, кто командарм? Генерал еще раз посмотрел исподлобья на молчаливо разглядывавших его людей и решил, что молодой, красивый, с огромными глазами, уж наверное, не командарм, и обернулся к солидному, в пенсне, когда неожиданно услышал вопрос:

— Каково состояние артиллерийских складов Омска, генерал?

Спрашивал самый молодой. Черт знает что, у этих красных не только нет погон, но они и субординации не признают.

Однако вопрос был задан. Генерал рассказывает о своей «благородной миссии», просит учесть это при решении его судьбы.

И снова молодой, смеясь, обещает генералу в награду за сохранение складов вернуть исчезнувшие шубу и шапку.

Только тут Римский-Корсаков сообразил, что с ним разговаривает командарм.

От удивления генерал запнулся и помимо своей воли выдавил:

— Вы командарм? Вы Тухачевский?

Комната наполнилась веселым смехом. Тухачевский смеялся заразительно, как человек, у которого легко на душе, радостно от сознания, что большое, трудное дело так блестяще завершено. Он не был злопамятным, этот удивительный двадцатисемилетний командарм.

— Что делать, что делать! Генералы-то почти все сбежали к белым. Довольствуемся поручиками и капитанами. Представьте, я командарм Тухачевский!

А через несколько дней в том же губернаторском доме, где расположилась ставка Тухачевского, за тем же столом против Михаила Николаевича сидит человек пятидесяти с лишним лет.

Это член Реввоенсовета фронта — Павел Карлович Штернберг, известный астроном, профессор, большевик.

Он проездом в Омске. Чуть было не утонул при переправе через подорванный колчаковцами лед Иртыша. А теперь профессор и командарм тихо, задушевно беседуют о литературе, музыке, скрипках. Профессор заинтересован, профессор удивлен, откуда такая начитанность у этого молодого человека, у этого юного командарма. А точность его формулировок, широта обобщений! И когда это он успел?

Михаил Николаевич расспрашивает о Москве, отдыхает в неторопливой беседе. Не часто приходится ему говорить о музыке, Толстом, скрипках.

Прощались тепло и, как оказалось, навсегда. Через несколько месяцев Штернберг умер от воспаления легких.

А еще 29 декабря 1919 года по телеграфу из Москвы передали: «Награждается почетным золотым оружием командующий 5-й армии тов. Михаил Николаевич Тухачевский за личную храбрость, широкую инициативу, энергию, распорядительность и знание дела, проявленные при победоносном шествии доблестной Красной Армии на Восток, завершившемся взятием гор. Омска».

Поезд идет на запад. 5-я армия движется на восток. Поезд увозит командарма в Москву. На Восточном фронте теперь уже обойдутся и без него. Колчак доживает последние дни.

Тухачевский не отходит от окна. Бескрайние сибирские степи, солончаковые, с редкими деревушками, небольшими городками. И всюду следы боев, разрушений, заброшенности. На Урале сиротливо стоят потухшие домны, заводские дворы заросли сугробами.

Поезд подолгу топчется у станционных платформ, как будто набирается сил, чтобы преодолеть еще один перегон. Даже яркое морозное солнце не радует, а глубокие снега не могут запорошить развалин. И на Волге тоже. Сколько же нужно усилий, чтобы возродить к жизни эти опустошенные края?

Тухачевский гонит от себя тяжелые мысли. Поезд уже подходит к Москве. Надолго ли в белокаменную? Нет, конечно, ненадолго. Хотя, может быть, и удастся побывать в театре, посчастливится попасть на концерт…

Но эти минуты отдыха, такого редкого — только небольшая разрядка для натянутых нервов. Его вызвали не для того, чтобы слушать Шаляпина, — на юге идет кровавый бой.

Деникин был теперь надеждой империалистов. Хотя к январю 1920 года эти надежды уже потускнели. Дойти до Орла,

прорваться почти под Тулу, откуда в трех переходах Москва, и покатиться назад…

Деникин, его хозяева не могут понять, откуда у большевиков нашлись силы.

Кавказский фронт. Деникинская армия отсиживается за Доном и Манычем. У нее еще достаточно штыков и сабель, чтобы с успехом отражать атаки. Это самая большая группировка белых — 29 тысяч штыков и 25 тысяч сабель.

Но она отрезана от остальных. Войска генерала Слащева, всего 5 тысяч штыков и сабель, бегут в Крым, а на правобережье Украины генерал Шиллинг спешит к Одессе — мало ли чего!

Кавказский фронт растянулся на 400 километров.

Тухачевский был направлен на юг как командующий 13-й армией, но, еще не приняв ее, получил назначение командующего Кавказским фронтом.

В штабе фронта царило разногласие между командующим В. Шориным и Реввоенсоветом 1-й Конной армии. Оно вспыхнуло в результате неудачных попыток выбить так называемую «батайскую пробку». Несколько раз красные части бросались в атаки. По тонкому льду Дона, который здесь никогда не замерзает настолько, чтобы по нему можно было безопасно ходить, нельзя переправить артиллерию, а перед Батайском еще болота. Артиллерия белых взламывала лед, стеной взрывов перекрывала немногие тропы, ведущие к городу. Гибли люди, гибли кони, а Батайск оставался в руках Деникина.

Тухачевский, приняв командование фронтом от Шорина, приостановил напрасные фронтальные атаки. Они не только изматывали и обескровливали красные части, но давали Деникину выигрыш во времени. Деникин производил перегруппировку своих войск, подготавливал силы, приводил в порядок истрепанные полки.

Еще раз империалисты Антанты помогли незадачливому генералу. Помогли в надежде, что он потянет время, а они используют его, чтобы подыскать новые силы, способные бороться против Советов.

Тухачевский широко использовал опыт борьбы с Колчаком. Идея блестящей операции Фрунзе — охват фланга противника с последующим выходом в его тыл — могла быть применена и в обстановке, сложившейся на Кавказском фронте.

Михаил Николаевич решил, что Кавказский фронт должен всеми наличными силами нанести главный удар по основной группировке Деникина — Донской армии и Добровольческому корпусу на тихорецком направлении. То есть наносился фланговый удар, а приказ Тухачевского от 12 февраля 1920 года

не оставлял сомнений, что Красная Армия должна будет выйти в тыл Деникину, разбить его, отбросить к Азовскому морю.

Этот план Тухачевский разработал совместно с Орджоникидзе, который был назначен членом РВС Кавказского фронта. Орджоникидзе и Тухачевский учитывали настроение горцев, поднявших восстание в Чечне и Дагестане, равно как и терских казаков, составлявших значительную часть сил Деникина. Казаки уже неохотно подчинялись белому генералу и вовсе не собирались уходить со своих родных земель, от своих куреней. Дезертирство среди казачества приняло для белых размеры катастрофы.

Тухачевский предвидел возможные контрмеры Деникина. Конечно, тот постарается отвлечь красные войска, главную ударную силу Кавказского фронта — 1-ю Конную армию от столь опасного тихорецкого направления. Тухачевский, как всегда, поставил себя на место своего противника и предугадал, что Деникин попробует наступать на Ростов-Дон, Новочеркасск. Таким образом, когда в районе Тихорецкой, а потом под Атаман-Егорлыкской развернулись ожесточенные сражения Конной армии с превосходящими силами белой конницы генерала Павлова и Деникин бросил свою северную группу на Ростов, Тухачевский не снял войска с тихорецкого направления.

И оказался прав. Деникинцы пробыли в Ростове меньше месяца, затем началось их повальное бегство. На подходах к Усть-Лабинской у Екатеринодара Донская армия и «добровольцы» понесли такие потери, что их остатки, смешавшись с беженцами, в панике спешили в Новороссийск. Тысячи деникинцев попали в плен. И только немногие части, сохранившие еще дисциплину, сумели перебраться в Крым.

И по сей день в специальных военно-исторических исследованиях и даже научно-художественных повествованиях нет-нет да и вспыхнет застарелый спор о причинах неудачи Красной Армии в броске на Варшаву во время разгрома очередного похода Антанты. Это, конечно, не случайно. Через сорок с лишним лет появилась возможность дать более объективные оценки событиям, происходившим в двадцатом году.

Белопанская Польша напала на Советскую республику. Напала, несмотря на неоднократные предостережения со стороны нашего правительства. И на первых порах польским генералам, легионерам, французским инструкторам и всем вдохновителям интервенции казалось, что вот наконец-то еще один поход на большевистскую цитадель завершится ее полным разгромом. Польские войска маршируют по древнему Киеву. Они занимают

Минск.

Вновь оживился авантюрист Петлюра. Он забыл о своем кичливом украинском национализме и ратует за союз с Пилсудским. И какое ему дело, что «пилсудчики» требуют восстановления «великой Польши» в границах 1772 года?

Лишь бы не большевики, лишь бы сохранились буржуазные порядки. Из Крыма грозит Врангель, на Кавказе — англичане, на Дальнем Востоке — японцы. Из Прибалтики с минуты на минуту может выступить буржуазная Литва.

Снова, в который уже раз, социалистическое Отечество в опасности. Снова идет мобилизация коммунистов, вновь с напряжением работают голодные оружейники, железнодорожники, рабочие полуразрушенных фабрик и заводов.

Именно в это время Михаил Николаевич получает назначение на пост командующего Западным фронтом. Снова фронтом. И на сей раз, несмотря на временную передышку, полученную Советской республикой перед новым походом Антанты, несмотря на почти пятимиллионную армию, Тухачевский знал, что ему будет, может быть, труднее, чем на востоке или на Кавказе.

Штаб фронта. Канули в прошлое те незабываемые дни когда приходилось начинать подготовку операций с организации управлений штаба, подбора людей. Штаты укомплектованы, и на первый взгляд в штабе идет четкая, слаженная работа.

Но Тухачевский не привык доверять первым впечатлениям. Ведь предстоит воевать, опираясь на этих новых, в большинстве своем незнакомых ему или известных только понаслышке, военных специалистов. Именно они помогали бывшему комфронта Гиттису составлять план наступления армии.

Тухачевскому этот план не понравился. Может быть, в другое время, в другой обстановке Михаил Николаевич и позволил бы себе еще и еще раз взвесить все «за» и все «против», внести в план предстоящих операций коррективы и завершить подготовку. Но на сей раз времени не было. А обстановка на общем театре военных действий складывалась столь напряженной, что от Западного фронта требовалось как можно скорее начать решительные действия против 1-й польской армии. Заставить поляков оттянуть сюда свои силы с Украины. От Западного фронта ждали, что он добьется перелома в ходе кампании.

План Гиттиса только частично отвечал этой задаче. Основной его идеей было освобождение Минска. Мотив больше политический, нежели стратегический. Между тем для того чтобы освободить Минск, 16-й армии фронта, наносящей по плану главный удар, пришлось бы брать старт с форсирования реки

Березины.

Опыт подсказал Михаилу Николаевичу, что форсирование таких больших рек с такими малыми техническими средствами переправы возможно только с ходу, когда накоплена инерция наступления, а противник непрерывно откатывается назад. Поляки же неплохо укрепились на берегу Березины. Но если бы даже форсирование и прошло успешно, то все равно, выбравшись на западный берег, 16-я армия должна была бы наступать в полосе сплошных лесов и болот, в условиях совершеннейшего бездорожья. А на ее флангах противник сохранял бы маневренность и мог наносить чувствительные контрудары.

Тухачевский отклонил этот план в целом. Но план еще до него был утвержден главкомом, и Михаилу Николаевичу нужны были очень веские аргументы и очень весомая замена, чтобы главное командование согласилось с ним.

4 мая на заседании Политбюро ЦК было принято постановление, в котором отмечалось, «что Тухачевский заслуживает полного доверия, ему необходимо сообщить все сведения, нужные для руководства фронтом». А 10 мая Политбюро обсуждает предложения Тухачевского о подготовке наступления на Западном фронте и одобряет их.

План Тухачевского прост, но решителен: разбить и отбросить к Пинским болотам 1-ю польскую армию. В ходе наступления 15-й армии, наносящей главный удар, развивает ее успех по направлению к Вильно 16-я армия, на долю которой приходятся вспомогательные действия. От Борисова она движется на Минск.

14 мая 1920 года началось наступление.

Бои с переменными успехами длились вплоть до 8 июня. Но наступление закончилось тем, что войска Западного фронта вынуждены были отойти на исходные позиции, и только в районе Полоцка им удалось на маленьком плацдарме зацепиться за левый берег Западной Двины.

Тухачевский, конечно, тяжело переживал свою первую крупную неудачу за все годы войны. И он не старался переложить на кого-либо вину за этот неуспех. А между тем командующий фронтом был виноват меньше, чем это кажется на первый взгляд.

Его торопили — обстановка на Украине была очень напряженной. Ему обещали подбросить подкрепления. Но тот, кто обещал, должен был знать состояние дорог. Вина Тухачевского здесь заключается в том, что он поверил обещаниям и начал наступление раньше, чем обещания были выполнены. В результате ему пришлось бросить в бой все наличные силы, оставив фронт фактически без резерва. А это не позволило закрепить успех, обозначившийся к 20-м числам мая по всему

Западному фронту.

Тухачевский привык верить своим командирам. В 1-й Революционной он знал, что его директивы, приказы выполняются пунктуально. А командование 14-й армии внесло в приказ комфронта свои коррективы и в итоге оголило фланг 15-й армии и тем самым не выполнило боевой задачи. Хотя и штаб фронта вовремя не сумел исправить этой ошибки.

Майское наступление, несмотря на неудачу, имело свое положительное значение — оно заставило польское командование израсходовать резервы, что сказалось потом, оттянуть в Белоруссию часть дивизий с Украины, а это облегчало борьбу на Юго-Западном фронте. Несмотря на это, Тухачевский не мог обольщаться. Этот урок он запомнил на всю жизнь.

Приходилось все начинать заново.

Между тем на Юго-Западном фронте в июне 1920 года польские войска терпели поражение за поражением. Оставлен Киев, польские войска вынуждены на Украине отойти к рубежам, с которых они начали вторжение на территорию республики.

Западный фронт также несколько улучшил свои позиции и закрепился в так называемых «Смоленских воротах».

Несмотря на то, что из Крыма вылез барон Врангель, положение польской армии стало чрезвычайно тяжелым. Красные войска готовились нанести панам последний удар.

Неудача майского наступления заставила Тухачевского особо позаботиться о флангах своего Западного фронта.

Войска Юго-Западного фронта направлялись в Галицию, куда их усиленно тянул Сталин вопреки общему плану войны. Если Западный начнет наступление на Минск, то оба фронта будут удаляться друг от друга почти под прямым углом. Создастся угроза флангового удара со стороны врага. Тревожила комфронта и плохая материальная обеспеченность его войск, а главное то, что в тылу у него почти бездействовали железные дороги.

Впоследствии Тухачевского упрекали, что, увлеченный своей идеей, «таранной стратегией», он забыл о таком важном средстве ведения современных войн, как маневр. Но при этом те, кто попрекал Тухачевского, почему-то забыли о возможностях, которые имелись в распоряжении Западного фронта для маневра. В условиях лесистой местности, болот маневр мог осуществляться в основном по линиям железных дорог. Но они почти не действовали. И не случайно, когда красные войска впоследствии уже подходили к Варшаве, у них не было ни патронов, ни снарядов — транспорт, разрушенный в годы войны, не мог справиться даже с подвозом боеприпасов.

4 июля Западный фронт перешел в наступление. Удар по 1-й

польской армии был подготовлен Тухачевским столь тщательно, рассчитан так точно, что 11 июля поляки оставили Минск. Отход польской армии превратился в бегство.

Положение правительства Пилсудского до того пошатнулось, что Антанта вынуждена была пойти на беспрецедентный в ее практике дипломатической изоляции Советской республики шаг.

12 июля 1920 года. Лорд Керзон специальной нотой уговаривает Советское правительство заключить с Польшей недельное перемирие.

Конечно, нота Керзона никого не могла обмануть. Недельное перемирие означало бы отрыв польских войск от наступающих частей Западного фронта, их перегруппировку.

Западный же фронт за это время растерял бы инерцию удара и при почти не работающем транспорте мало чем мог пополнить свои арсеналы и живую силу армий.

Наступление продолжалось.

Конный корпус Гая в тылу у поляков двигался к Вильно.

Реальными стали возможность наступления на Варшаву и ликвидация вообще белопанского правительства Пилсудского.

Тухачевский должен был, как комфронта, решить вопрос — когда и как наступать на Варшаву. Он видел воодушевление бойцов, но видел и их рваные сапоги, лица, истомленные недоеданием, бессонными ночами, бесконечными маршами.

Он знал, что запас снарядов и патронов настолько скуден, что его едва хватит на одно, много два, крупных сражения. Знал и о том, что ждать пополнений неоткуда.

Согласно плану войны и указаниям главкома 1-я Конная, 12-я и 14-я армии должны были из ведения Юго-Западного фронта перейти в распоряжение Тухачевского. Это было подтверждено специальным решением Политбюро ЦК РКП (б). Советские войска, действовавшие непосредственно против поляков, передавались в подчинение Западного фронта. Особый фронт был создан против Врангеля.

Начав наступление 10 августа, войска Западного фронта подошли к Варшаве и 12 августа вели ожесточенные, но успешные бои на подступах к этому городу.

Но 1-я Конная армия не была вовремя передана Тухачевскому. Вопреки приказам Реввоенсовета Республики, вопреки решению Политбюро Сталин, член РВС Юго-Западного фронта, убедил командующего фронтом Егорова бросить 1-ю Конную в наступление на Львов. Не- соглашался он и с передачей в подчинение Западному фронту 12-й и 14-й армий.

Конечно, командование Западного фронта допустило крупные просчеты. Слишком быстрое продвижение красных войск

почти до Варшавы без закрепления и подтягивания тылов, полное израсходование всех резервов — это просчет Тухачевского. Но вопреки мнениям ряда военных специалистов, а также авторов позднейших историй гражданской войны эти документы свидетельствуют о том, что не меньшая вина падает на командование Юго-Западного фронта.

Не случайно после отказа исполнить директиву ЦК партии Сталин был выведен из состава РВС Юго-Западного фронта.

Конная армия «увязла» под Львовом, поляки сумели перегруппироваться в районе Люблин — Ивангород и отбросить армии Западного фронта.

Босые, голодные, без патронов, с одними штыками и саблями, отступали части Гая, 4-й армии, 15-й.

Поляки уже и не мечтали о повторении своего похода. Пилсудский понимал, что именно «чудо» спасло Варшаву и его правительство. На повторение «чудес» он не рассчитывал. Ему нужен был успех на фронте только для того, чтобы начать мирные переговоры, начать раньше, чем войска Западного фронта оправятся.

И переговоры начались.

В. И. Леиин, подводя итоги войны с Польшей, отмечал: «…мы из войны вышли победителями. Мы в 1920 году предложили польским помещикам и буржуазии мир на условиях более для них выгодных, чем те, которые они имеют сейчас. Они тут получили урок, и весь мир получил урок, которого никто раньше не ожидал».

Гражданская война кончалась, кончалась разгромом белогвардейцев и интервентов. Штурм Перекопа, наши победы в прибайкальских областях, на Дальнем Востоке были ее последними аккордами. Хотя внутри страны не все было спокойно, эсеро-кулацкие банды, басмачи, националисты пытались сопротивляться. Еще империалисты Антанты не разуверились в возможности вновь разжечь пламя гражданской войны в Советской России.

И Тухачевский продолжал воевать. Именно ему доверил Ленин разгром кронштадтских мятежников в марте 1921 года. Он ликвидировал и банды эсера Антонова на Тамбовщине,

Гражданская война кончилась и для Тухачевского. За четыре года ее он стал крупным советским военачальником. Но это была фактически только первая страница жизни, пролог в большую, интересную книгу.

Но в ней оказалось всего две страницы.

Вторая началась так же, как и первая, — со строительства

Красной Армии. Новой армии, которая вместе со всей страной строила социализм. Росли заводы, создавалась мощная индустрия. На смену одинокому самолету, приветствовавшему Ленина на Красной площади в день первомайского парада, пришли эскадрильи. Танкисты с улыбкой рассматривали «грозные машины», сделанные путиловцами в двадцатом году. Каждый день страна записывала в летопись побед по одной строке, и уже писались истории Октябрьской революции, гражданской войны.

Тухачевский тоже писал. И не только в назидание потомкам. Он обобщал военный опыт гражданской для неминуемых будущих боев. Но, обобщая прошлое, он внимательно следил за всем, что нового вносил каждый новый день в военную науку. Он замечал все, он предвидел многое, очень многое.

И автоматическое оружие, и реактивную авиацию, и авиадесанты, и массированные танковые удары. И все эти годы Михаил Николаевич упорно, настойчиво и по-прежнему нелицеприятствуя, открыто требовал, добивался того, что считал необходимым для укрепления Красной Армии.

Тухачевский вдохновенно выполнял волю партии и опирался на тех командиров Красной Армии, которые, покончив с врагами Советского государства в гражданской войне, готовили страну к обороне, заглядывали в будущее, а не жили воспоминаниями о прошлом. Он всегда чувствовал мощную поддержку Куйбышева, Кирова, Орджоникидзе. Командуя военными округами — Западным, Ленинградским, он умел окружить себя молодыми командирами, получившими хорошее военное образование, в статьях, речах, на очередных военных играх, маневрах показать им облик будущей войны, убедить в необходимости перевооружения Красной Армии, создания подлинно армии машин и моторов.

Но мы говорим — он, потому что именно Михаилу Николаевичу Центральный Комитет Коммунистической партии доверил высокий пост начальника штаба РККА, а затем пост заместителя наркома обороны и начальника вооружений.

Тухачевский успел многое сделать.

Но еще больше не успел.

Тухачевский никогда не был разговорчивым, но так охотно смеялся. Он уважал в человеке его увлечения и сам увлекался. Все тем же — музыкой, скрипками. Некоторым это казалось чудачеством, прихотью, а Тухачевский всегда все делал серьезно. Сам мастерил скрипки и написал серьезнейший труд о лаках, которые употреблялись гениальными мастерами скрипок.

Смерть уносила старых друзей. Ушли Фрунзе, Куйбышев, Киров, Орджоникидзе. Уже становился круг тех, кто шагал рядом

весь этот недлинный во времени, но такой большой по пройденному расстоянию путь.

Тухачевский стал одним из первых маршалов Советского Союза, стал кандидатом в члены Центрального Комитета Коммунистической партии.

А враги Страны Советов считали его самым опасным из всех офицеров Красной Армии.

Еще при жизни Михаила Николаевича; но уже когда культ личности Сталина заметно сказывался на всем, появились работы, в которых прославлялся Сталин — «организатор и вдохновитель побед Красной Армии на фронтах гражданской войны» и соответственно замалчивались заслуги других выдающихся советских полководцев. Имя Тухачевского не забывали помянуть в связи с неудачей под Варшавой, а вот его блестящие победы над белочехами, Колчаком, Деникиным оставлялись в тени.

Именно Сталин расправился с Тухачевским, обвинив его и еще ряд замечательных полководцев в измене.

Когда речь идет о командарме, комфронта, невольно человека начинают отождествлять с армией, фронтом и по прошествии многих лет теряются, забываются его чисто человеческие черты.

О командире роты судят не по его «стратегическим» действиям. Командир роты славится отвагой, стойкостью, самоотверженностью. О нем можно рассказать много ярких боевых эпизодов. А комфронта? Его «работа» напоминает скорее труд ученого. В кабинете, у карты. Он прежде всего мыслитель, и облик полководца обрисовывается в тех операциях, которые он замыслил и осуществил.

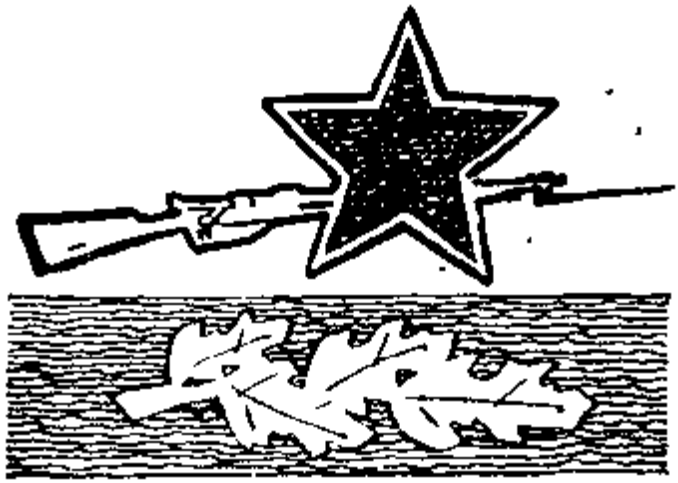
Это естественно. Хуже другое — мало осталось документов, равно как и людей, близко знавших не только маршала Тухачевского, но и человека, доброго, отзывчивого, настойчивого, любившего и помолчать, слушая музыку, но и любившего задушевный дружеский разговор и веселую приятельскую возню.

Заботливого сына, отца, друга.

Он жил полнокровной жизнью. И погиб как боец.

В. ПРОКОФЬЕВ

ИЕРОНИМ УБОРЕВИЧ



Литва. Ковенская губерния. Неурожайный 1896 год.

Морозный, с колючим снегом, буран третьи сутки безоглядно несся над глухой деревушкой Антандрия, когда в ночь на 24 декабря под соломенной крышей Пятраса Уборявичюса запищал красный живой комочек.

«Святая дева Мария, — невесело думал Пятрас, — не раз внимала нашим молитвам, прибрала к себе шестерых детей… Но ведь не так-то легко прокормить и оставшихся в доме Балиса, Юозаса, Ону и Ангеле! А тут еще новый груз на плечи… Хорошо, хоть мальчик! Подрастет — все-таки рабочие руки…»

Заботливые соседки, отпаивая роженицу кислым молоком, вздыхали:

— И надо же родиться в такую непогоду… Нелегкая будет у него жизнь! Ты, Пятрас, назови малыша Иеронимом. Это добрый святой, он защитит паренька от всякой напасти…

Потекло Иеронимово детство. Дома не всегда было сытно, одевали его обычно во что-нибудь старенькое, ноги не знали другой обуви, как жесткие деревянные клумпы. Родители и старшие братья от зари до зари гнули спины в поле или отрабатывали долг на усадьбах помещика и ксендза за взятые взаймы семена, муку или просо. На мальчика никто не обращал внимания, особенно с тех пор, как ему доверили пасти своих и соседских гусей. Только мать иногда поглаживала его худые ножонки, заметив лиловые синяки, насаженные злыми гусаками.

А пастушонка между тем многое стало интересовать: как

зажигаются звезды, почему дождь так часто затопляет поле его отца, почему родители все время уходят на усадьбу помещика, а он — помещик — никогда не бывает в отцовской избе? Почему?..

Пареньку вскоре повезло. Он познакомился с Антанасом — органистом из соседнего местечка. Органист часто бродил по полю, собирая лекарственные травы. Иероним помогал ему в этом и все время засыпал дядю Антанаса вопросами. Тот отвечал, как мог, а потом подарил мальчику истертый букварь, научил разбирать буквы. С тех пор Иероним — будь то в поле или дома, при лучине — не расставался с засаленными книжонками, раздобытыми у сельских грамотеев.

Когда Иерониму исполнилось восемь лет, старший брат Балис настоял, чтобы мальчугана отвели в начальную школу. Не прошло и полугода, как учитель заявил:

— Иерониму в первых двух классах нечего делать.

Тогда Балис взялся отработать неделю на усадьбе Валюкенасов за то, чтобы их сын Пранас, заканчивавший двинскую гимназию, «пощупал» Иеронима: будет ли из мальчишки что-нибудь дельное?

— Толк будет, — ответил Пранас. — Приоденьте парня, и я отвезу его в двинское реальное училище. Ручаюсь, что он поступит в третий класс, а через пять лет получит диплом.

— А кто платить будет? — возразил Пятрас. — Святая Мария?

— Ничего, батя! — вступился Балис. — Подзатянемся ремнями на год, на два, а там Иероним окрепнет, найдет корм под ногами, вернет нам денежки…

Так оно и вышло. Окончив 4-й класс, учась сам, Иероним стал давать уроки. Отказывая во многом себе, он высылал деньги отцу в деревню. Заканчивая училище, Иероним попутно изучал немецкий язык. Золотая медаль средней школы помогла поступить в Петербургский политехнический институт.

Там юношу сразу же потянуло к свободолюбиво настроенным студентам. Они были влюблены в образ Тадеуша Костюшко, зачитывались «Оводом» Этель Войнич, произведениями Чернышевского, Добролюбова, Герцена. Туманная неприязнь к царизму постепенно переросла в сознательную ненависть, и Иероним стал членом подпольного кружка.

В 1915 году, по окончании второго курса, Иероним поехал на лето в родную Антандрию. Беседуя с крестьянами о том, как покончить с кабалой помещиков, студент не знал, что за ним пристально следят. Царская охранка нащупала агитатора, и Уборевич предстал перед ковенским губернским судом.

Через некоторое время Иероним получил повестку с призывного пункта, куда стекалось очередное пушечное мясо для

войны.

Офицеров в царской армии не хватало, и студента Уборевича послали в Константиновское артиллерийское училище, в Петроград.

Быстро пролетели шесть месяцев учебы. В начале 1916 года он окончил военное училище по первому разряду и был назначен командиром батареи Сибирского дивизиона, сдерживавшего натиск немецких войск на Висле, а затем на Немане.

Молодой офицер жил одной жизнью с солдатами, шепотком проклинавшими войну «за веру, царя и отечество».

Уборевич старался поплотнее накормить подопечных, скандалил с интендантами, когда у солдат сапоги «просили каши», учил бойцов искусству укрываться от губительного огня. За это солдаты и любили «его благородие».

Февральская революция застала подпоручика Уборевича на Румынском фронте. Весть об отречении царя от престола сразу же подрезала воинскую дисциплину. Началось братание, зацветились лозунги — транспаранты, пошли бесконечные митинги. Перед солдатами выступали ораторы всех мастей: кадеты, эсеры, анархисты, меньшевики. Но больше всего им нравились ораторы, выступавшие от лица большевистской партии, призывавшей солдат кончать, человеческую бойню, создавать рабоче-крестьянскую власть, самим стать хозяевами полей и фабрик.

В эти дни подпоручик Уборевич становится одним из виднейших лекторов солдатского университета Южной армии, а на бурных, бестолковых собраниях, несмотря на презрительные взгляды офицеров, — горячим сторонником прекращения войны.

Впоследствии Уборевич писал в своей автобиографии: «Не скажу, чтобы я быстро, отчетливо во всем ориентировался, но основное — против войны, против буржуазии, за власть Советов — я осознал и стал действовать активно».

В марте 1917 года полковая организация выдала ему красный билет члена Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков).

В октябре 1917 года в Бессарабию пришла весть о свержении Временного правительства Керенского. Офицерский состав Южной армии, руководимой генералом Щербачевым, поднял восстание против Советов. Под знамена генерала ушла драться «за святую Русь» немалая часть солдат, преимущественно сыновей зажиточных крестьян, донских и кубанских казаков.

Местные большевистские организации приступили к формированию красногвардейского полка. Подпоручику Уборевичу вначале доверили командовать ротой, а вскоре солдатский комитет назначил его командиром полка. В эти дни

он стал страстным оратором на солдатских собраниях. Его любили слушать. В простой и доходчивой форме рассказывал он о том, как большевики хотят наладить жизнь трудового народа, почему именно за большевистскую власть надо драться до последнего.

Приходилось не только руководить полком в жарких боях, но и помогать создавать новые красногвардейские отряды.

В одном из неравных боев с австро-немецкими оккупантами, подступавшими к Одессе, полк Уборевича был разбит, а сам Уборевич, весь окровавленный, был взят в плен. Это произошло в конце февраля 1918 года. Но и в лагере для военнопленных молодой коммунист не склонил головы. Он повел среди караульных, зная немецкий язык, агитацию против войны. Смутьяна бросили в тюрьму.

Много ночей подпиливал Уборевич решетку окна. Наконец тюрьма осталась позади. Ночуя в лесах и канавах, питаясь чем придется, вскакивая на площадки товарных поездов, беглец попал, наконец, в родную Антандрию и там до поры до времени прятался от агентов оккупационного «крейза».

Залечив раны, Уборевич перешел фронт и добрался до революционного Петрограда. Город встретил его замусоренными улицами, разбитыми стеклами, сыпняком, хлебными очередями, плакатами: «А ты записался добровольцем?»

Подпоручик Уборевич направился на мобилизационный пункт, а оттуда на вокзал, где в обшарпанные, пахнущие дегтем и конским навозом теплушки грузились матросы, демобилизованные солдаты и вооруженные рабочие. Лица их были строги и решительны.

Шел август 1918 года, когда петроградские добровольцы высадились на Северной Двине, в Котласе. Этот город для интервентов представлял заветную цель. Они рвались вверх по реке, чтобы еще до ледостава захватить его. А там, по железной дороге, через Вятку, им мечталось подобраться к Перми и ударить в тыл 3-й Красной армии, едва сдерживавшей натиск врага. На Севере интервенты рвались к железной дороге Архангельск — Вологда, угрожая Москве.

Вожак интервентов — английский генерал Айронсайд выставил против разрозненных, слабо вооруженных, плохо одетых красных отрядов 16 тысяч упитанных, прекрасно вооруженных королевских, американских, французских и прочих солдат. На их стороне была новейшая артиллерия, пулеметы, бронемашины, минометы, 3 танка и 40 самолетов. Крупной наступательной силой была также и речная флотилия, состоявшая из вооруженных пароходов, катеров и быстроходных мониторов.

Командующий Котласским боевым районом А. И. Геккер вначале назначил Уборевича инструктором артиллерии. Когда же балтийские моряки, доставившие из Кронштадта 120-миллиметровые пушки, создали под руководством Уборевича две тяжелые плавучие батареи, командование одной из них было поручено энергичному инструктору.

Батарею выдвинули на передний край борьбы.

И люди не раз видели, как вражеские суда, вздрогнув, безжизненно оседали на дно реки. Так Уборевич шаг за шагом снижал огневую мощь врага и одновременно захламливал фарватер, затрудняя проход вверх по реке. Артиллеристы Уборевича не раз разгоняли крупные скопления вражеской пехоты, не раз сметали с лица земли англо-американские инженерные укрепления.

В то время боями на речном — северодвинском — направлении командовал бывший рабочий, заместитель председателя Архангельского губисполкома Павлин Виноградов. Он настолько доверял бывшему подпоручику, что негласно сделал его своим помощником.

Силы постепенно выравнивались, и это скоро сказалось на деле: к концу навигации англо-американским войскам не удалось пройти от Архангельска дальше чем на 300 километров. Они остановились у захваченной деревни Шидрово, в 20 километрах южнее реки Ваги, левого притока Северной Двины.

Виноградов задумал отвоевать важный стратегический пункт Шидрово, Роль Уборевича сводилась к эффективной поддержке наступления артиллерийским огнем, и он блестяще с этим справился. Левобережные части, подавив огнем плавучие батареи белых, обеспечили себе переправу через Вагу и обошли англичан с фланга. Противник, остервенело сопротивляясь, все же сдал позиции. Но это далось нелегко. В ожесточенном бою красные понесли тяжелую потерю: в один из критических моментов Павлин Виноградов с одним из бойцов подскочил к орудию, у которого распластались на земле перебитые бойцы, и палил по врагу до тех пор, пока его самого не нащупала вражеская артиллерия. Оба смельчака погибли.

Глубокое впечатление произвела на всех речь Уборевича, когда Павлина Виноградова провожали в последний путь. Он говорил просто, от сердца, призовая бойцов и командиров брать с Виноградова пример бесстрашия в борьбе за советскую власть.

— Я сам готов, — закончил речь Уборевич, — умереть с оружием в руках так, как умер наш дорогой товарищ Павлин.

Начальник боевого участка А. И. Геккер назначил командующим войсками (комбригом) на Северной Двине

Иеронима Уборевича.

И Уборевич оправдал назначение. Вместе с прибывшей на фронт старой большевичкой Р. С. Землячкой он обходил избы, где размещались бойцы, и беседовал с ними. С помощью Р. С. Землячки впервые организовался фронтовой комитет партии.

— Боец должен знать идеи, за которые он борется, — говаривал новый комбриг. — А коммунисты должны помочь нам в этом.

В эти дни военная находчивость Уборевича не раз проявлялась в самых неожиданных формах. Англо-американские самолеты приносили большой ущерб, а красные не могли ничего сделать. Тогда Уборевич додумался, чтобы из обычных 37-миллиметровых орудий создать зенитки на колесе. Первое время стрельба из них не ладилась, но вскоре артиллеристы научились сбивать иноземных коршунов. Вражеские полеты прекратились.

Северодвинские части стояли насмерть, часто переходя в контратаки, и интервенты не только не прорвались к Котласу, а, наоборот, перешли к обороне. Уборевича это радовало, но успокаиваться на этом было нельзя. И комбриг решил перейти к постепенному разгрому захватчиков. Развивая ложное наступление то в одном, то в другом месте, он умело путал карты интервентов. Наконец, набрав силы, он поручил своему другу — петроградцу Петру Солодухину развить с небольшими силами ложное наступление на правом берегу, а сам подготовился собранным кулаком нанести удар оккупантам у деревни Селецкая, на левом берегу.

В ночь перед боем Архангельский отряд коммунистов ушел по болотным охотничьим тропам в тыл врага. Батальон коммунистов зырян (коми) затемно отправился на передний край, чтобы разместиться на деревьях поближе к позициям англичан и шотландцев.

Утреннее октябрьское солнце еще боролось с туманом, а в лесной глухомани уже грохотала артиллерийская подготовка, предшествовавшая наступлению пехоты. Но англичане выстояли. Под сильным пулеметным огнем атака красных захлебнулась.

Значит, подготовка была недостаточной. Тут комбриг Уборевич взял на себя руководство огнем артиллерии. Меткими ударами он постепенно накрывал цели, и вражеские огневые точки замолчали.

А дальше всё пошло как в хорошо слаженном оркестре. «Беглый огонь» артиллерии и снайперская стрельба зырян с деревьев буквально прижали англичан к земле: пехота быстро пошла вперед, разогнув спины. На фарватере реки самодельные тральщики взорвали минные поля, и вооруженные пароходы,

шлепая колесами, заспешили вниз по течению, открывая орудийный и пулеметный огонь в помощь наступающим частям. Затем вступила в действие дальнобойная артиллерия, ведя стрельбу по позициям врага и дальним подступам, не допуская подхода резервов.

Вслед за этим загремели частые выстрелы и трескучие разрывы гранат в тылу противника: это архангельские коммунисты атаковали с тыла, создавая впечатление окружения англичан. Так Уборевич дирижировал этим ответственным боем.

Правый фланг интервентов не выдержал не столь физического, сколь психического нажима, и враг, не приняв новой атаки, начал спешно отходить, а затем разрушилась и вся линия его обороны.

Талант Уборевича был оценен по заслугам, и вскоре бойцы Северного фронта узнали о приказе Реввоенсовета Республики, в котором говорилось:

«Награждается орденом Красного Знамени:

…Командир Двинской бригады тов. Иероним Петрович Уборевич-Губаревич за то, что благодаря его личному умелому и энергичному руководительству частями вверенной ему бригады в боях с 10-го по 15-е октября 1918 года противнику было нанесено решительное поражение у деревень Селецкой и Городецкой, причем нам досталась огромная добыча: 10 орудий, склады обмундирования, продовольствие, повозки и прочее. Во время всех боевых операций тов. Уборевич-Губаревич своей личной доблестью воодушевлял войска, присутствуя в самых опасных местах и показывая пример отваги и самоотвержения…»

Когда на другом — на железнодорожном — направлении Северного фронта, назрела наибольшая опасность и там намечено было создать полноценную 18-ю дивизию, руководство 6-й армии по предложению Р. С. Землячки выдвинуло на роль начальника дивизии Иеронима Уборевича.

Направляя удар на Вологду, интервенты рвались по железной дороге к станции Плесецкая, где расположился штаб 18-й дивизии.

Уборевич быстро изучил состояние и дух красных частей. Со знанием дела, не приостанавливая военных действий, перегруппировал он разрозненные отряды на железнодорожном, онежском и кочмас-тарасовском направлениях в регулярные части.

Обе бригады и шесть полков дивизии возглавили преданные революции, обстрелянные на войне командиры. Уборевич добился перевода в дивизию с правого берега Двины отважного,

ловкого и грамотного Петра Солодухина.

На должность начальника политотдела привлекли из штаба армии Андрея Алешина, прославившегося еще до прибытия на север. Это он во время левоэсеровской авантюры в Москве не дал мятежникам перетянуть на свою сторону один из московских полков. Поэтому-то Моссовет и назвал казармы у Крестьянской заставы Алешинскими.

Уборевич хорошо понимал, что Айронсайд и его прихвостень белогвардейский генерал Миллер, похвалявшиеся быть в Вологде через 10 дней после высадки десанта, но не продвинувшиеся на юг дальше 70 километров, не оставят попыток добиться успеха.

Поэтому главное внимание начдив уделил строительству оборонительных сооружений: без них вряд ли дивизия могла бы долго сдерживать натиск интервентов.

Уборевич постоянно бывал в частях. Уезжая туда, он охотно брал с собой свежие газеты, валяную обувь, белье и мыло, а главное — кременчугскую махорку «Феникс». Он подолгу беседовал с командирами, комиссарами и зазябшими в окопах бойцами. «Правильный командир», — говорили бойцы.

Всех поражала невероятная работоспособность Иеронима Уборевича. Спал он не более 4–5 часов в сутки. Его стол в штабе на Плесецкой был завален оперативными сводками, телеграммами, «зеленками» — самодельными картами-трехверстками. Работники штаба до поздней ночи не выходили из кабинета начдива, знавшего положение в каждом батальоне, в каждой роте.

Зимой 1918/19 года противник, собрав силы, неуемно рвался к Плесецкой, но все его атаки разбивались о стойкость полков Уборевича.

Уборевич не замечал, насколько он был и сам горяч в бою. Его неудержимо тянуло в гущу людей, в передовые цепи, где решался успех или где нужно было предотвратить отступление. Военком Куприянов не раз урезонивал начдива:

— Не имеешь ты права так рисковать собой! Ну, погибнем мы с тобой, может быть, нас назовут героями… А сколько времени понадобится другим руководителям, чтобы осмотреться? Кому будет польза от этого — нам или англичанам?

— Так-то оно так, Филиппыч… — соглашался начдив. — Да разве удержишься?

Чтобы сбить англичан, у Уборевича не хватало сил — нужны были резервы. И с помощью Куприянова резервы нашлись. Это были партизаны, разобщенно действовавшие против белых на берегах Шелексы, Емцы и Онеги.

Уборевич сразу же загорелся, почувствовав в партизанах

именно ту живую силу, которой так недоставало. Он встретился с их вожаками, дал им оружие и боеприпасы.

Совместная с дивизией борьба окрылила партизан. Они все смелее наносили удары во фланги и тылы врага, подбираясь по не ведомым никому, кроме них, таежным тропам. Слава о них потянулась далеко; вскоре на Шелексе, Емце и Онеге собралось до полутора батальонов «лесного ополчения».

Вслед за лесными дружинами Уборевич привлек на свою сторону партизанский отряд рабочих-железнодорожников, насчитывавший до 1 200 человек. Главой отряда был сормовский слесарь Федор Луков. Белогвардейцы расстреляли его жену и восьмерых детей, а за голову самого Лукова назначили награду в 15 тысяч рублей золотом.

Однажды Федор Луков в беседе с Уборевичем вздохнул:

— Что за оказия! У беляков есть бронепоезда, у красных на других фронтах тоже, а нас все обходят… Почему?

И у начдива тут же возникла мысль: нельзя ли создать свой, «местный» бронепоезд? С помощью Ф. Лукова было найдено несколько железнодорожных платформ. Их пригнали в Няндомские мастерские, отремонтировали; на них поставили трофейные мощные гаубицы, а между ними гнезда пулеметов. Металлические стойки обшили в два ряда котельным железом, а пространство утрамбовали песком.

Все чертежи и расчеты делал по ночам сам Уборевич, советуясь с Луковым. Командарм пропускал мимо ушей язвительный шепоток няндомских инженеров, считавших, что кустарный бронепоезд будет похож на «чудище» и рассыплется в первом же бою.

Не больше как через месяц «чудище» было готово. Оно оказало большую услугу при наступлении красных на станциях Емца и Обозерская, а также и в других пунктах.

Летом 1919 года бои все чаще заканчивались в пользу красных, но победы доставались дорогой ценой. Поэтому в эти летние месяцы Уборевич не раз задумывался над приемами борьбы «без крови».

Бывало, долго, многими часами не расставался начдив с добровольцами — почти смертниками, вызывавшимися идти на подрывную работу в тыл врага. Уборевич кропотливо инструктировал смельчаков — как тонко нужно действовать, чтобы не загубить себя и ответственное военное задание. Больше всего ему нравился коренастый, невысокого роста блондин лет тридцати пяти, побывавший в немецком плену, унтер-офицер Щетинин.

За несколько месяцев до Онежской операции, где предстояло

разгромить крупную группировку врага, Щетинин перешел фронт. Ему поручалось заявить, что он-де клянет большевиков и просит зачислить его в белую армию добровольцем.

И это ему удалось. Осмотревшись, он исподволь повел беседы с мобилизованными крестьянами о политике партии по отношению к бедняку и середняку. Быстро нашлись единомышленники. В 5-м белогвардейском «Железном» полку создалась подпольная организация.

В ночь на 18 июля 1919 года на берегу Онеги вспыхнул бунт. Большинство офицеров, не жалевших для солдат зуботычин, было перебито, а 20 человек арестовано и пригнано Щетининым на сторону красных. Когда военком Куприянов встретил у Чекуева восставший полк, он увидел необычную картину. Перед полком, находившимся при полном вооружении, уныло шли вражеские офицеры в новенькой форме. Куприянов поинтересовался:

— Почему беляки держатся за животы? Болят, что ли?

Оказалось, что Щетинин приказал срезать все пуговицы у офицерских брюк, и арестованные поддерживали их, чтобы не потерять.

— Зачем же вы это сделали? — снова спросил Куприянов.

— Да чтоб не убегли, черти… Лес кругом!

Переход белогвардейского полка образовал брешь в линии фронта белых. Уборевич немедленно этим воспользовался и стремительным рывком подошел к важному пункту — городу Онеге. Бой был жарким, но победа досталась красным.

Когда командира 154-го полка смертельно ранило, начдив несколько раз рассылал гонцов по горящему городу за врачами, чтобы спасти умирающего Мулина. Но смерть опередила врачей. И. П. Уборевич тут же после гибели Мулина представил его посмертно к высшей награде — ордену Красного Знамени.

Начдив Уборевич старался использовать любую возможность, чтобы у вражеских солдат пропало желание воевать на советской земле. Был такой случай. При наступлении на станцию Обозерская среди пленных оказался капеллан одного из английских полков, по фамилии Роджерс. По дороге в штаб дивизии он не сомневался, что его ждет мучительная смерть от руки «бандита-большевика». Но Уборевич лично побеседовал с ним, рассказал о грязной роли иностранных войск на русской земле, провел по избам и познакомил с отдыхавшими бойцами, затем угостил завтраком и, созвонившись со штабом армии, отпустил на все четыре стороны. Роджерс не поверил начдиву.

— Вы хотите убить меня… при «попытке к бегству»?

— Да нет же, — улыбнулся Уборевич, — мы слову не изменяем!

Священник прослезился, встав на колени, помолился и произнес:

— Всегда буду молить бога за добрых большевиков!

Разведчики потом рассказывали, что генерал Айронсайд быстро отправил капеллана, как вредного пропагандиста, в Англию.

Между прочим, в Англии Уборевича знали. 21 августа 1918 года в армейской газете «Наша война» была перепечатана заметка из английской газеты «Таймс». В ней говорилось о том, что стоящая против объединенных войск интервентов русская армия состоит из людей, физически способных к действительной службе, что стрельба русских колоссально улучшилась. Заметка заканчивалась такими словами:

«Говорят, что командующим назначен Уборевич, бывший поручик царской армии. Мало найдется английских офицеров, которые будут отрицать, что он знает свое дело. Поразительная точность его огня… показывает, что у его орудий находятся хорошие инструкторы».

По приказу главного командования Иероним Петрович Уборевич в сентябре 1919 года отбыл в распоряжение Южного фронта, где шла борьба с генералом Деникиным.

Это было в те дни, когда англо-американские завоеватели несолоно хлебавши уже убирались с севера, оставляя все свое вооружение белогвардейскому генералу Миллеру.

Расставаясь с созданной дивизией, не пропустившей интервентов не только к Москве, но и к Вологде, И. П. Уборевич в своем прощальном приказе, в частности, писал:

«Дорогие товарищи 18-й стрелковой дивизии!

…Я расстаюсь с вами, оставляя вам доведение до конца нашей задачи — взятие Архангельска и освобождение севера…

…Враг наполовину разбит, союзники признали непобедимость Красной Армии…»

Летом 1919 года Деникин после неудачного похода в 1918 году сформировал снова 150-тысячную армию. Англия, Франция и Америка по горло напоили генерала золотом, и он тысячекилометровым фронтом двинул свои три армии на север.

Ударной силой для захвата Москвы являлась Добровольческая армия под командой генерала Май-Маевского. Внутри этой армии сверхударной силой, впитавшей в себя отборные, состоящие на одну треть из офицеров корниловскую, дроздовскую и марковскую дивизии, являлся корпус, руководимый генералом Кутеповым.

«…Наступил один из самых критических, по всей вероятности, даже самый критический момент социалистической

революции», — писал в те дни В. И. Ленин в открытом письме, названном «Все на борьбу с Деникиным!».

Красные части Южного и Юго-Восточного фронтов были тогда немногочисленны: страна вынуждена была держать большинство своих сил на Восточном и Западном фронтах, отбиваясь от натиска Колчака и Юденича. Измотанные в непрерывных тяжелых боях советские дивизии сдали Деникину губернские города Воронеж и Курск. Деникин и Май-Маевский на весь мир заявили, что Красная Армия разбита и теперь нет силы, могущей помешать им войти под колокольный звон в «матушку Москву».

21—26 сентября заседал пленум ЦК партии, обсуждая главный вопрос — укрепление Южного фронта. Решено было, по выражению В. И. Ленина, «ограбить» другие фронты и в ущерб им перебросить под Орел все, что позволял предельный риск: с Западного фронта — Латышскую стрелковую дивизию, из-под Чернигова — лучшую Украинскую бригаду червонных казаков и из последнего резерва главкома — пластунскую бригаду Павлова. Из этих частей предполагалось создать Ударную группу, на которую и возлагались задачи спасения Москвы.

Эту группу подчинили А. И. Геккеру, руководителю 13-й армии, дивизии которой вразброд отступали к Орлу. А в распоряжение молодого Уборевича, назначенного командовать 14-й армией, поступили потрепанные в боях 41, 46, 57 и 7-я дивизии, отступавшие в брянском направлении.

Оба губернских города — Брянск и Орел — являлись последними узловыми пунктами, за которыми лежала открытая, ничем не защищенная дорога к столице. Май-Маевский и Кутепов направляли лучшие свои силы к двум предмостным укрепленным пунктам — узловой станции Стишь на орловском направлении и к уездному городу Кромы, последнему оплоту красных перед Брянском, где расположился штаб 14-й армии.

Вот как охарактеризовал в письме В. И. Ленину член Реввоенсовета 14-й армии Серго Орджоникидзе положение, в которое попал Уборевич:

«Дорогой Владимир Ильич!..

Решил поделиться с Вами теми в высшей степени неважными впечатлениями, которые я вынес из наблюдений за эти два дня в штабах здешних армий. Что-то невероятное, что-то граничащее с предательством. Какое-то легкомысленное отношение к делу, абсолютное непонимание серьезности момента. В штабах никакого намека на порядок, штаб фронта — это балаган… Среди частей создано настроение, что дело Советской власти проиграно, все равно ничего не сделаешь… Где же эти порядки, дисциплина

и регулярная армия Троцкого? Как же он допустил дело до такого развала?.. Обидно и за армию и за страну… Момент в высшей, степени ответственный и грозный…»

Уборевич видел, как между деревнями и селами Орловщины откатывались на север разрозненные группы советских частей, но духом не упал. Двадцатитрехлетний командарм поклялся оправдать доверие партии и лично В. И. Ленина. Он недосыпал ночей, постоянно находясь вместе с Серго Орджоникидзе в передовых частях. На ходу перекомплектовывая потрепанные части, оба старались перебросить на передний край побольше оружия, боеприпасов, обуви, хлеба и махорки. Наспех рылись окопы, сооружались минные поля, на опушках лесов создавались огневые точки. По ночам, когда затихал гул боев, в поле, на сеновалах, в крестьянских избах вели они горячие беседы о том, что еще не все потеряно, что свежая Ударная группа вот-вот создаст перелом в пользу красных. От командиров и комиссаров они требовали наведения жесточайшей дисциплины, прекращения паники и анархистской партизанщины. Там, где чувствовалась явная измена, кое-кого пришлось расстрелять перед строем.

Так фронт 14-й армии мало-мальски окреп. Но одной 14-й армии было явно не под силу сдержать рвавшуюся на север лавину белых войск.

В самый критический момент командующий Южным фронтом А. И. Егоров переподчинил Ударную группу Уборевичу.

Командарм приказал начальнику Латышской дивизии рассредоточить свои полки северо-западнее городка Кромы, километрах в сорока юго-западнее Орла, а червонным казакам встать справа от латышей, уступом вперед.

По пути к Кромам, у села Мелехово, червонцы столкнулись с батальоном Самурского полка и стремительной атакой налетели на него.

Наконец казаки встретились с главными силами Добровольческого корпуса генерала Кутепова. Здесь и началось знаменитое Орловско-Кромское сражение, здесь и столкнулись две грозные силы, решавшие вопрос: быть или не быть белым в Москве.

Латыши и червонцы встали — и как вросли в землю. Ни озверелые лобовые наскоки, ни бомбежка с воздуха, ни офицерские «психические» атаки не могли поколебать их ряды. Прорваться дальше Кром белякам не удалось.

Встретив неожиданную стойкость красных в этом районе, Кутепов повел решительное наступление вдоль железной дороги. 13 октября, отбросив обессиленные части 13-й армии, он

захватил важный железнодорожный пункт — город Орел.

Белые устремились было уже на Тулу, но не дальше как через два дня вынуждены были остановиться. Попятиться назад их заставил решительный маневр Уборевича. Собрав силы в кулак, он нанес сильный удар дроздовской дивизии, захватил Кромы и этим самым оборвал все линии связи и коммуникации Кутепова. Двигаться дальше, чувствуя сзади и с фланга кулак Уборевича, было слишком опасно, и обозленный генерал, не дойдя до Москвы всего 300 километров, повернул корниловскую дивизию обратно.

Поражение дроздовцев под Кромами и отступление корниловцев севернее Орла впервые выбило инициативу из рук белых. Этот успех заронил в души красных бойцов явную надежду на победу.

Уборевич и Орджоникидзе неотлучно находились в частях и штабах, направляя действия пехотных и кавалерийских подразделений.

Оба они стали той незримой силой, которая так помогла частям выстоять против избалованных успехом офицеров, находить в труднейших условиях верные решения.

Тактика охвата, обхода и дробления вражеских масс на части стала основной формой борьбы командарма. Каждый коммунист по призыву Орджоникидзе шел в каждом бою впереди, увлекая за собой красноармейцев.

Наконец пришло время отобрать у белых Орел. Части 13-й армии еще не оправились настолько, чтобы действовать самостоятельно. Командующий Южфронтом Егоров приказал Уборевичу принять участие в освобождении города, подчинив ему на время штурма и подоспевшую молодую Эстонскую дивизию.

Вокруг Орла началась кровопролитная битва. День и ночь грохотала артиллерия, бушевали атаки и контратаки, переходившие в ожесточенные рукопашные схватки. Пригороды горели.

К исходу 19 октября части 14-й армии — бригады Латышской дивизии Калнина, Эстонской дивизии Пальвадре и входившей в 13-ю армию 9-й дивизии Петра Солодухина изготовились к штурму. На рассвете была дана последняя команда:

— В атаку! Орел будет наш!

Несмотря на пулеметный огонь, несмотря на огонь артиллерии, выпускавшей снаряды прямой наводкой, ломая отчаянное сопротивление белых, объединенные части ворвались в город с трех сторон: северо-запада, запада и юго-запада. Начались уличные бои, тянувшиеся 12 часов, пока все дома, подвалы и укрытия не были очищены от корниловцев.

Май-Маевский понял: пока существует Ударная группа Уборевича, ему не продвинуться к Москве. Из последних резервов он усилил свой ударный кулак — корпус Кутепова — и бросил его в центр расположения Ударной группы, к Кромам. Вокруг этого городка снова закипели упорные бои. Кромы многократно переходили из рук в руки.

Здесь, на рубеже Орел — Кромы, образовался какой-то сложный, как тогда его называли, «слоеный пирог». В самом Орле — красные, на южной окраине города — «добровольцы», где-то здесь же, рядом, — части 9-й дивизии, дальше — снова белогвардейцы. Они уже повернули фронт против Латышской дивизии, а с юга на латышей давят конные силы контрреволюции. Где-то на востоке, у железной дороги, бьется пластунская бригада Павлова, но помочь латышам и червонцам она уже не в силах.

На счастье Ударной группы, через Карачев еще оставалась связь с командармом Уборевичем, неотлучно находившимся в штабе армии. И вот здесь-то красные командиры поняли, кто управляет ими. В смертельной обстановке, когда силы врага превосходили в несколько раз, командарм приказывал не столь отгонять наседавшие белые части, а уничтожать их живую силу; он знал, что в эти дни Деникин не был в силах подбросить под Кромы резервы; он требовал невероятной маневренности красных частей, с тем чтобы у белых постоянно путались карты. Используя именно эти качества, он смело поворачивал кавалерийские и пехотные части на 90 и даже на 180 градусов, ни разу не подставив их под удар белых полков.

Вот что писал об этих боях В. И. Ленин:

«Никогда не было еще таких кровопролитных, ожесточенных боев, как под Орлом, где неприятель бросает самые лучшие полки, так называемые «корниловские», где треть состоит из офицеров наиболее контрреволюционных, наиболее обученных, самых бешеных в своей ненависти к рабочим и крестьянам, защищающих прямое восстановление своей собственной помещичьей власти».

24 октября в Кромах заночевали дроздовцы. Руководитель Ударной группы Калнин, собрав всех больных и обозников, снова перешел в наступление.

27 октября 1-я бригада латышей и червонные казаки навсегда освободили Кромы. Противник бежал, потеряв здесь убитыми, ранеными и пленными до 800 человек.

Две недели непрерывных боев измотали силы Ударной группы: у червонцев осталось в строю только 1 000 сабель, а латыши потеряли до 40 процентов своего состава. Все остальные дивизии 14-й армии были обескровлены до предела.

Но как ни велики были потери, все восторгались военным талантом Уборевича и великолепными организаторскими способностями Орджоникидзе, сумевших восстановить дисциплину и боеспособность во вверенных им воинских частях. И едва ли будет преувеличением сказать, что именно в эти две недели бойцы и командиры 14-й армии в содружестве с частями 13-й армии спасли Родину и в смертельный час отстояли дальние подступы к Москве.

Враг был отброшен на 40–50 километров на юг, но не разбит окончательно. Его надо было бить и бить, но чем бить, какою силою?

И вот на совещании командиров 14-й армии впервые в истории гражданской войны было принято смелое — единственное в создавшихся условиях — решение: организовать мощный кавалерийский рейд для разгрома тылов деникинцев, без чего нельзя было и мечтать о дальнейшем наступлении,

Уборевич усилил конников Примакова Кубанской бригадой, временно передал ему же и кавалерийский полк Латышской дивизии под командой Яна Кришьяна. Всех кавалеристов решено было переодеть в форму вражеских солдат: так-то беляки не сразу разберут, какая заноза глубоко забирается им под кожу.

Перед рейдом бойцы старательно чистились, зашивали дыры, перековывали и подкармливали лошадей. Старички учили молодых, как отвечать «их благородию», как «есть глазами начальство»…

2 ноября Латышская дивизия начала упорный бой на прорыв между селами Чернь и Чернодье. Латыши стремились расширить пространство, сквозь которое кавалеристы могли бы незамеченными проскочить в тыл врага.

Примаков волновался. И не мудрено! Кто мог предсказать: погибнет ли он сам и близкие его сердцу червонцы или принесут они желанную победу? Расстреляют ли Уборевича за этот рискованный рейд или, наоборот, похвалят?

Перед самым рейдом разыгралась пурга. Она прикрыла конников, и те без единого выстрела со стороны белых вышли на оперативный простор в сторону станции Поныри: здесь был ключ всей операции.

Пурга затихла. Шли без шума, изредка приветствуя встречных офицеров и команды белогвардейцев.

Но вот и Поныри. Здесь красные конники с налету перебили несколько маршевых рот и комендантскую охрану. В воздух взлетели рельсы и стрелки, была разрушена станция, обрублены провода связи. Железнодорожная линия была изуродована в 15 местах. Глубокие тылы белых оказались оторванными от корпуса

Кутепова.

За Понырями — лихие налеты на Ольховатку, Возы, Фатеж. Скачущие с обнаженными клинками всадники вызывали невероятный переполох в стане белых. Во все стороны полетели донесения: «Наш тыл наводнен красной кавалерией, она ничего не щадит, всех рубит, все уничтожает…»

За двое суток обстановка на фронте 14-й армии резко изменилась. Паника потрясла белых до того, что офицерские дивизии — главная надежда Деникина — попятились по всему фронту. Чаша весов стала перетягиваться на сторону 14-й армии. Легче стало дышать и соседней 13-й армии.

К этому же времени конный корпус Буденного, захватив станцию Касторное, далеко вклинился с востока в расположение противника. Глубокие прорывы красной конницы создали угрозу полного окружения центральной группировки деникинской армии; она явно заколебалась.

Воодушевление в частях 14-й армии неуклонно нарастало. И как только разведка донесла, что в стане белых настроение стало «скисать», Уборевич сообщил командующему фронтом А. И. Егорову, что его армия переходит в решительное наступление.

К началу декабря 1919 года позади 14-й армии остались губернские города Орел и Курск. Затем вздохнули полной грудью жители освобожденных сел, деревень и городов Кромы, Севск, Дмитровск, Рыльск, Фатеж, Льгов, Глухов, Конотоп, Сумы, Ахтырка, Краснокутск.

Впереди замаячил важнейший стратегический пункт — Харьков…

Вот как об этих днях вспоминает участник боев, ныне полковник в отставке, П. Н. Александров:

«…По газетам, приказам и сводкам мы знали, что Уборевич ни на минуту не терял контроля и крепко держал руку на пульсе армии. Бывало, только зайдет речь об Уборевиче, все наперебой рассказывали о нем. Оказалось, что командарм с того дня, как началась Орловско-Кромская операция, почти не спал, только иногда забывался, сидя на коне или крестьянской телеге. Он не любил водить пальцем по карте в штабе: его можно было видеть и в окопе и на батарее. Бывало и так, что невзирая ни на что, прямо на взмыленном коне врезался он в самую гущу схватки, крича своим металлическим голосом: «Держись, держись, ни шагу назад!..» Ни ураганный огонь, — ни штыковые атаки не могли лишить самообладания этого одержимого и вместе с тем грамотного командира. Рыжая колкая щетина в эти дни суро-вила его лицо, а на самом деле он был только строг, как строга была смертная обстановка».

Уборевич знал, что падение Харькова поставило бы Деникина в труднейшее положение, так как за городом железнодорожные пути расходились на два самостоятельных направления и перед белой «грабь-армией» невольно встала бы проблема либо распасться на два крыла и потерять взаимодействие, либо искать выбор — куда же отступать нерасколотой массой войск — на Ростов либо, на Одессу и Крым.

К тому же за спиной деникинских войск, южнее Харькова, крестьянские повстанцы начали освободительное движение, охватив им почти всю Екатеринославщину. Им помогал анархист Махно, нехотя ставший помощником Красной Армии.

Поэтому-то Уборевич всеми силами и старался натолкнуть именно сюда пятящиеся назад белые дивизии, а Деникин, хорошо понимая опасность, решил вынести сопротивление на дальние подступы к Харькову и завязать там упорные бои.

В эти дни пьяница Май-Маевский был отстранен от командования Добровольческой армией. На его место Деникин назначил генерала Врангеля.

Врангель задумал крупную операцию: от обороны он намеревался перейти к наступлению на Москву. Он лихорадочно пополнял ряды своей армии, стягивал вооружение и продовольствие, разнося слухи, что ему на помощь вот-вот придут регулярные части союзников — французов и англичан.

Не успели части 14-й и соседней 13-й армии Перейти реку Ворсклу, как завязались упорные бои. Деникин бросил против 13-й армии конный корпус Мамонтова на валуйском направлении и получил временный успех. Этот маневр сочетался с мощными наскоками на 14-ю армию на подступах к Харькову.

Успех окрылил белых, и корпус Мамонтова пошел было в тыл 13-й армии, но здесь выручил мощный фланговый удар 1-й Конной армии Буденного. Маневр Мамонтова сорвался.

Советские войска вновь пошли стремительно от рубежа к рубежу. Это мощное движение и сорвало выгрузку войск генерала Шкуро, шедшего на помощь Врангелю.

В ночь с 7 на 8 декабря дивизия Саблина прорвалась к Богодухову и заняла его. Стремясь ускорить поражение белых и прекратить вывоз из Харькова промышленного оборудования, сырья и железнодорожного транспорта, Уборевич бросил в обход города дивизию червонного казачества. Предвидя сопротивление белых, командарм усилил дивизию Примакова Латышской дивизией, посаженной на крестьянские подводы.

Так красные войска оказались в глубоком тылу белых, мешая отходу их главной массы в Крым. 11 декабря команды разведчиков 14-й армии почти одновременно с трех сторон — с

юго-запада, запада и севера — без единого выстрела вошли в брошенный белыми Харьков. Тут же в город ворвались и червонные казаки.

Путь от Орла к Харькову был отмечен сверхчеловеческим трудом всех дивизий армии Уборевича. Но наибольшую отвагу проявили два побратима, шедшие все время рядом две дивизии — Латышская и червонных казаков. Поэтому-то они и были в торжественной обстановке награждены Почетным Красным Знаменем ВЦИК. За блестящую организацию прорывов фронта и вошедших в историю рейдов по тылам деникинских войск среди многих других награжденных орден Красного Знамени получили начальники дивизий Ф. К. Калнин и В. М. Примаков, а также червонцы С. А. Туровский, М. С. Медянский и П. П. Григорьев,

10 января 1920 года Южный фронт был переименован в Юго-Западный. Руководил им все тот же испытанный стратег и тактик А. И. Егоров. Теперь в его распоряжение, кроме 13-й и 14-й, была отдана и 12-я армия. Уборевич получил задание вести решительное наступление против деникинского генерала Шиллинга, отступавшего на Одессу.

И здесь командарм Уборевич оказался на высоте положения. Выведя свои войска на рубеж Павлоград— Александровск — Волноваха, он создал все условия, чтобы его дивизии нанесли ряд одновременных концентрических ударов по вражеским войскам. Генерал Шиллинг никак не ожидал, что 45-я стрелковая дивизия Якира по приказу Уборевича сумеет овладеть 17 января станцией Апостолово и разорвать этим самым важную жизненную коммуникацию белых. А когда Латышская и 41-я дивизии переправились через Днепр, армия Шиллинга стала отступать без оглядки. Наибольшую панику в рядах белых наводила легендарная кавалерийская бригада Г. И. Котовского, Она стремительно перемещалась от рубежа к рубежу, уничтожая дрогнувшие скопища белых солдат.

Тем временем войска 14-й армии захватили Екатеринослав и Александровск, а 3 февраля, искусно маневрируя, освободили Ольвиополь, Вознесенск, Николаев и Херсон. Уборевич преследовал Шиллинга вплоть до румынской границы.

7 февраля армия Уборевича уже дралась на окраинах Одессы, а 8-го город был очищен от белых полностью. В боях за Одессу снова великолепно проявила себя бригада Г. И. Котовского.

Вот какую теплую телеграмму получил в те дни И. П. Уборевич от своего друга и наставника Г. К. Орджоникидзе:

«От души поздравляю Вас и Вашу героическую 14-ю армию с блестящей победой, завершившейся взятием Одессы».

Благодарный командарм и его боевой друг член

Реввоенсовета 14-й армии Беленкович ответили:

«14-я армия, ставшая победоносной благодаря Вашей неутомимой, энергичной деятельности, будет вспоминать о Вас с чувством глубокой любви. Память о Вас будет крепить наши силы».

Так закончились два этапа в выполнении ответственного поручения В. И. Ленина и Центрального Комитета партии: во-первых, остановить остервенелый натиск Деникина и, во-вторых, отогнать его от столицы так далеко, чтобы он и мечтать не мог о выполнении захватнических планов своих зарубежных хозяев.

Продвигаясь на юг, командарм изучал настроение населения, помогал налаживать работу советских учреждений. А картина всюду была безрадостной — разруха, голод. Когда представлялась возможность помочь населению продовольствием, особым вниманием командарма пользовались старики, солдатки, потерявшие на войне своих кормильцев, и особенно дети.

Что же явилось главным, позволившим обеспечить успех во всех этих операциях? Это были примененные впервые в истории гражданской войны рейды конницы, тщательно разработанные И. П. Уборевичем; они и решили судьбу Добровольческой армии. Именно эта блестящая практика была впоследствии взята за основу при разработке теории «глубокой операции», так широко развитой в печатных трудах и практической работе И. П. Уборевича за время его командования после гражданской войны военными округами. Эта теория стала еще более убедительной, когда на смену коннице в армии появился новый вид подвижных войск — бронетанковые части.

После взятия Одессы Иеронима Петровича Уборевича назначили командовать 9-й (Кубанской) Красной армией. Это было сделано по просьбе командующего Кавказским фронтом М. Н. Тухачевского и члена Реввоенсовета фронта Г. К. Орджоникидзе. Они поставили перед вверенными им 8, 9, 10, 11 и 1-й Конной армиями общую цель: окончательно ликвидировать армии Деникина.

Имелись сведения, что Деникин намеревался отсидеться до весны на выгодных рубежах по Дону и Манычу, где его поддерживали контрреволюционные донские и кубанские казаки.

Но Деникин не стал ждать весны и назначил мощное наступление на середину февраля 1920 года, намереваясь закрепить за собой ростовско-новочеркасский плацдарм.

М. Н. Тухачевский, решил опередить действия Деникина и назначил встречное наступление на 14 февраля, несмотря на то, что превосходство в живой силе и вооружениях было на стороне

белых.

До назначения И. П. Уборевича руководство 9-й армией рапортовало М. Н. Тухачевскому о том, что оно не в состоянии наступать: лед на Сале и Маныче тонок, реки должны были вот-вот вскрыться. Ледяной покров на Дону хоть и был покрепче, но и он едва ли мог выдержать тяжесть груженой повозки. Временный командующий 9-й армией готовил плавучие средства с тем, чтобы начать организованное наступление недель через пять, когда реки снова войдут в свои русла.

Но Уборевич отверг этот план. Он решил использовать последние ночные морозцы и приказал денно и нощно мостить по льду настилы, чтобы первой по ним перешла конница, а за ней пехота и артиллерия. План Уборевича поддержали члены Реввоенсовета Анучин и Лиде.

В штабе армии засуетились снабженцы и связисты, забегали начальники различных родов войск, с озабоченными лицами выходили из кабинета командующего разведчики.

Тем временем Уборевич создал две ударные группы для наступления. Наиболее крупной из них, правофланговой, в которую входили 21-я и 23-я стрелковые дивизии и конный корпус, назначил командовать Г. И. Овчинникова, бывшего прапорщика, вступившего в партию еще в 1915 году, человека крайне отважного.

Наконец все приготовления кончились: можно наступать!

Все дивизии пришли к намеченной Уборевичем цели, как это ни было трудно, в точно назначенный срок — 5 марта.

К этому времени войска фронта сумели нанести крупные поражения белогвардейцам в районах Батайска, Егорлыкской и Ставрополя. В частях советских армий царило общее воодушевление.

Для непосредственного руководства боями Уборевич организовал полевой штаб армии, перемещавшийся с места на место на верховых лошадях.

Стояли солнечные мартовские дни. Ночью земля схватывалась, твердела, а к полудню безудержно таяла. Войскам идти было крайне трудно: густая, глинистая грязь навертывалась на колеса, лошадям иногда было не под силу тянуть даже пустую повозку. Пехота двигалась с большим трудом, едва вытаскивая ноги из липкой грязи. Конница шла быстрее, но и ей приходилось местами тащиться шагом. В помощь артиллерийским упряжкам иногда придавалось по нескольку пар волов.

Трудность сразу увеличилась, когда части Уборевича столкнулись с другим, незримым врагом. Это был сыпной тиф, валивший целые взводы. Попадавшиеся на пути хутора встречали

зловещей тишиной, забитыми наглухо окнами.

И все же армия неустанно двигалась вперед.

6 марта конно-сводный корпус Жлобы и части 33-й дивизии Левандовского, подавив огонь двух бронепоездов и разогнав конницу белых, достигли Новопашковской. На следующий день у Екатериновской завязался ожесточенный бой между Ударной группой и сильной конницей генерала Секретова. 8 марта войска Уборевича взяли Екатериновскую и развернули мощное преследование.

Ворвавшись в загоревшуюся с обеих сторон Павловскую, корпус Жлобы навел такую панику на белых, что ему удалось взять в плен три полка 4-го Донского конного корпуса.

В эти дни Ударная группа оставила у себя за спиной Сасыко-Павловскую, затем Кореневскую. Здесь серьезное поражение понесли конники генералов Павлова и Секретова, сильно были потрепаны отступавшие вразброд ряды кубанских пластунских частей, 3-го Донского и добровольческих корпусов.

Но вот Деникин принял решение во что бы то ни стало вернуть Тихорецкую и Кавказскую, ибо без этого было немыслимо восстановить связь с Северным Кавказом.

Для начала Деникин нанес решительный контрудар по смежным флангам 9-й и 10-й армий.

Уборевич направил армию навстречу белым, создав сильный кулак на реке Челбас. Форсируя ее у Тихорецкой, красные части столкнулись с мощным напором белых. Бой продолжался два дня. Конный корпус Жлобы восемь раз бросался в атаку и, наконец, при поддержке 33-й, 21-й и 23-й дивизий все же заставил белоказаков попятиться с большими потерями к Кореневской. За эту победу на груди Д. П. Жлобы появился орден Красного Знамени.

Но Уборевич и командующий фронтом Тухачевский решили, что мало сорвать замысел Деникина, — успех надо было закрепить. 13 марта 9-я армия устремилась к рубежам Кубани. Началась подготовка к штурму Екатеринодара.

Разведка донесла, что враг сильно укрепился как в самом городе, так и на подходах к нему, на реке Кубани. Поэтому Уборевич применил любимый маневр — охват белой цитадели с трех сторон.

После двенадцатичасового сражения 9-я армия ворвалась в город. Начались упорные уличные бои. Белые массированным огнем бомбили с воздуха, стреляли из пулеметов с крыш, из окон и подворотен. И все же красные бойцы и командиры шли и шли вперед, захватывая улицу за улицей, переулок за переулком. То тут, то там штурмом брались преграды, созданные из набитых

песком мешков, повозок, бревен, убитых лошадей и всего, что попадало белым под руку.

Наконец все было кончено: белые, огрызаясь, насколько было возможно, оставили город. 9-я армия захватила 15 тысяч пленных и богатые трофеи: бронепоезда, много орудий, аэропланы, пулеметы, снаряды, патроны, обозы, штабы, огромное количество подвижного состава.

Битва за Екатеринодар измотала Донскую армию настолько, что она уже почти не в силах была сопротивляться.

Почувствовав начавшееся разложение в стане белых, несмотря на невероятную усталость красных дивизий, Уборевич делал все, чтобы враг не успел эвакуировать свои войска в Турцию или Крым.

Ударная группа, захватив в арьергардных боях станицу Абинскую, уперлась в горы. Командарм резко повернул свои войска на запад, гоня отступавших деникинцев вдоль железной дороги на Новороссийск. И как ни труден был путь красных бойцов в болотистой долине, командарм не сдавал темпов наступления ни днем ни ночью.

Стремясь затормозить движение бронепоездов Уборевича, белые взрывали железнодорожные пути, оставляли на них горящие составы. Красные бойцы и саперы самоотверженно скидывали горящие вагоны под откос, восстанавливали пути, прокладывая дорогу вперед, несмотря на то, что мощные взрывы вражеских снарядов то и дело раздавались по обеим сторонам железнодорожного полотна.

Так, в шуме и грохоте, в постоянных и ожесточенных перестрелках, Ударная группа дошла до станицы Нибержайской. Здесь Уборевич лично руководил ожесточенным четырехчасовым боем. Деникинцы держали у каждого орудия, каждого пулемета прикрепленного офицера, готового расстрелять белого дезертира.

Но и этот бой был выигран. Уборевич подал команду Овчинникову вести Ударную группу к Нибержайскому перевалу, где белые собрали новый, довольно сильный кулак. Красные бойцы знали, что освобождение Нибержайского перевала — последний этап тяжелого пути, поэтому и дрались они исключительно самоотверженно.

9-я и 8-я армии, прижимая деникинцев к Черному морю, наконец, окружили последний, опоясанный тройной линией обороны оплот белых — город и порт Новороссийск. Перед этим Добровольческий корпус в ночь на 27 марта поспешно отошел к городу и погрузился на суда, ничего не сообщив об этом Донской армии.

«Когда меня назначили в комиссию по учету трофеев и

отправке их из Новороссийска в тыл, — вспоминает бывший работник штаба 9-й армии В. П. Суханов, — я встретился с некоторыми затруднениями, натолкнулся на штабные вагоны белой армии, на внешней стороне которых были нарисованы масляной краской портреты Деникина, Улагая, Шкуро и членов английской и французской миссий. Нельзя же их отправлять в тыл в таком виде! Но сколько я ни искал масляной краски, чтобы замазать все эти ненавистные рожи, ее не нашлось. Что было делать? Я запросил Уборевича, и он мне ответил:

— Найдите художника, и пусть он нарисует этим «героям» кандалы на руках.

Я нашел художника, он «заковал» руки белым генералам, и вагоны пошли в тыл…»

Некоторая часть Донской армии во главе с генералами Шкуро и Улагаем бросилась в горы, а другая, отчаянно сражаясь за город, грузилась на иностранные корабли, утекая в Крым.

Но белым не помогло ни их собственное сопротивление, ни стрельба из орудий английского линкора «Император Индии» и французского крейсера «Валь-дек Руссо». Ранним утром 27 марта, едва засветился горизонт, кавалерийская дивизия Екимова ураганом ворвалась в Новороссийск, а затем на его окраинах появились и стрелковые части 9-й и 8-й армий.

Отважного героя Екимова Уборевич тут же наградил орденом Красного Знамени, отвинченным от собственной тужурки.

Грозные полчища называвшего себя правителем «единой, неделимой России» генерала Деникина были опрокинуты в Черное море.

Вскоре воины Кавказского фронта с удовлетворением прочитали приказ Реввоенсовета Республики, в котором говорилось:

«Объявляется постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 8-го сего апреля о награждении командующего 9-й армией тов. Уборевича-Губаревича Иеронима Петровича — Почетным Золотым Оружием за отличие, выразившееся в следующем: тов. Уборевич-Губаревич Иероним Петрович, будучи назначен командующим 9-й армией, создал из нее мощную и грозную силу, способную наносить врагу сокрушительные удары.

В дальнейшем, следуя с частями вверенной ему армии и перенося все трудности походной жизни, тов. Уборевич лично руководил боями армии, которая благодаря этому сыграла решающую роль в преследовании деникинских армий…»

Не успели советские армии прогнать Деникина с кавказской

земли, как Уборевича обязали спешно во второй раз принять 14-ю армию для борьбы с белопанской Польшей.

Принимая армию, Уборевич настоял, чтобы под его начало передали кавалерийскую дивизию Виталия Примакова; удалось перевести и проверенного в боях начдива Петра Солодухина.

В то время театр войны с Польшей охватывал огромнейшую территорию, на которой создали два фронта — Западный, под командованием М. Н. Тухачевского, и Юго-Западный, под командованием А. И. Егорова. Тухачевский боролся за освобождение Литвы и Белоруссии, а Егоров, которому подчинялась и 14-я армия, — за освобождение Украины и Галиции.

После разгрома Деникина на юго-западе некоторое время стояло зловещее затишье. Но вот 25 апреля, еще до приезда Уборевича на фронт, оно кончилось, и польское наступление хлынуло на правобережную Украину. Здесь Пилсудский разбил свои силы на две неравные части: одну — из семи пехотных и одной кавалерийской дивизий — бросил против 12-й армии на Киев и Фастов, а другую — из трех пехотных и одной кавалерийской дивизий — на Одессу, которую отстаивала 14-я армия Уборевича.

12-я армия, боясь окружения, под сильнейшими ударами отошла на левый берег Днепра и 7 мая оставила Киев. А 6-я и часть 2-й белопольской армии в содружестве с армией «головного атамана» Петлюры, несмотря на французское вооружение и иноземный командный состав, не сумели разгромить 14-ю армию. 45-я дивизия Якира, легендарная кавалерийская бригада Котовского и 60-я стрелковая дивизия Иванова, геройски сопротивляясь наседавшей коннице генерала Реммера, медленно, с тяжелыми боями, отходили в район Литина и Винницы. Среди некоторых частей появились признаки паники. И прибывшему на фронт Уборевичу пришлось проявить немало сил и находчивости, чтобы навести в 14-й армии порядок и управляемость, а затем и остановить фронт.

Стабилизация, созданная Уборевичем, позволила командующему фронтом А. И. Егорову образовать под командованием Якира так называемую фастовскую группу. Эта ударная группа должна была развить наступление на Цветково — Белая Церковь, с тем чтобы вынудить врага подставить свой фланг под удар 1-й Конной армии, подходившей в то время из района Умани.

Когда же 1-я Конная армия, наконец, подошла к району деятельности 14-й армии, руководство фронтом поставило перед Уборевичем две задачи: во-первых, сковать 6-ю польскую армию,

чтобы она не нанесла удара во фланг 1-й Конной армии Буденного, развивавшей свой сильнейший удар в направлении на Коростень — Бердичев — Житомир, а, во-вторых, не допустить белополяков до Одессы.

Сил у Уборевича явно не хватало. Правда, Солодухин уже заканчивал формирование сводной дивизии, но главная ударная сила — дивизия Примакова еще не завершила свой тридцатидневный переход из-под Перекопа.

Когда же в теплые июньские дни прибыли червонцы, командарм лично приехал в Старую Синяву встречать старых боевых друзей. Появление Уборевича на рослом тонконогом скакуне было встречено с радостью: червонцы с улыбкой приветствовали «своего» командарма.

Червонцы сразу же были втянуты в дело — для них командарм, как и прежде, подготовил новый рейд по тылам врага.

Вечером 3 июля 1920 года 60-я стрелковая дивизия и два бронепоезда штурмом прорвали оборону противника между станцией Комаровцы и местечком Волковинцы. Ранним утром, когда солнце едва показалось над горизонтом, шесть полков Примакова проскользнули в прорыв.

Уборевич и член Реввоенсовета армии Рухимович лично провожали червонцев в рейд. Это было недалеко от Комаровцев. Стоя на обочине дороги, они напутствовали добрым словом каждую проходившую сотню, Уборевич опытным взглядом проверял каждую тачанку — не лишняя ли она, не стеснит ли главное качество рейдирующей конницы — ее маневренность.

В те годы радиосредства были весьма несовершенны, и связь с ушедшей в рейд дивизией Примакова сразу же порвалась. Прошел день, затем второй, а командарм ничего не знал о положении в дивизии. Что она там делала? Добилась ли успеха? А может быть, уже разбита?

Через два дня поступили донесения о том, что белопольские части отходят с фронта. Этот отход мог произойти по двум, совершенно противоположным, причинам: либо конница Примакова стала в тылу врага опасной угрозой, либо, наоборот, генерал Роммер создает мощное кольцо для окружения и полного уничтожения червонцев.

Да… Тут Уборевичу было над чем призадуматься! Потеря крайне боеспособной дивизии, лишение, по существу, правой руки — кавалерии — грозили срывом всех его планов.

Наконец на третий день через линию фронта прорвался командир взвода и привез донесение Примакова. Оно гласило:

«Проскуров взят, штаб 6-й армии разгромлен, взяты пленные… большие трофеи… Враг в панике бежит на запад.

Генерал Роммер стремится отвести перепутавшиеся части армии за р. Збруч».

Командарм был несказанно рад этому сообщению. Задача, поставленная перед ним командованием фронта, была выполнена блестяще: с одной стороны, для 14-й армии открывалась широкая дорога к наступлению, а главное, 1-я Конная армия победно пошла вперед.

Война с белопанской Польшей далеко еще не кончилась, как сильно обострилось положение на крымском участке Юго-Западного фронта. Там из горных ущелий вылез белогвардейский генерал Врангель и повел мощное наступление на плодородную Таврию и шахты Донбасса.

Вот на этот-то горячий участок Центральный Комитет партии, лично В. И. Ленин и решили послать двадцатичетырехлетнего И. П. Уборевича.

Поездом из пяти вагонов с двумя паровозами Уборевич выехал 7 июля из Ольвиополя и помчался в Александровск (ныне Запорожье), где стоял тогда штаб 13-й армии. Мощный луч прожектора прорезал темень то с одной, то с другой стороны полотна. Все эти меры комендант поезда принял на случай наскока махновских шаек, безнаказанно бесчинствовавших тогда на екатеринославской земле.

Паровозы выкладывали последние силы, а Уборевич то и дело посылал «порученца» Медянского к коменданту:

— Пусть нажмет еще. К утру я должен быть на месте!

Линия противоврангелевского фронта растянулась в трехсоткилометровую дугу.

13-я армия была не меньше вражеской по общей численности, но сильно уступала в кавалерии. Пехотные дивизии, давно не получавшие подкреплений, будучи слабее вооружены, пали духом. В рядах армии свирепствовал тиф.

Незадолго до приезда Уборевича бывший командарм-13 Р. П. Эйдеман предпринял контрнаступление, намереваясь очистить Северную Таврию, но эта операция кончилась плохо. Главной неудачей явился поход конного корпуса Жлобы. Он сумел прорвать фронт, но, потеряв взаимодействие с пехотными частями армии, подвергся сильным налетам авиации, попал в клещи к генералам Слащеву и Абрамову. Понеся огромные потери, Жлоба едва-едва вырвался из окружения — правда, белые тоже потерпели немалый урон.

Уборевич немедленно выехал на фронт для ознакомления с положением на месте. Начались ежедневные рейсы: утром на фронт, ночью в штаб. Командарм иногда укладывал шофера Закладного на заднее сиденье, а сам со слипающимися глазами

садился за руль и летел на предельной скорости, выжимая из «бенца» все, что могла дать эта старенькая машина.

В эти дни воинские части круто переформировывались и пополнялись, на более высокую ступень была поднята политическая работа среди бойцов и командиров, подтягивались вооружения и боеприпасы.

Авиационная группа, возглавлявшаяся героем гражданской войны И. У. Павловым, стала главной опорой армии. Уборевич использовал Военно-Воздушные Силы с полным напряжением, знал всех «небесных воинов» в лицо, часто вызывал их тут же после посадки для личного доклада, а для смелых и находчивых не жалел наград. Разведывательные и бомбардировочные полеты давали ощутимые результаты не только потому, что летчики хорошо попадали в цель: вместе с бомбами в стан врага летели пуды литературы и тысячи специально изготовленных стрел.

Стрелы были новинкой, примененной Уборевичем в 13-й армии. Отвесно падая с высоты, они неслись вниз с ужасным свистом и пробивали всадника насквозь вместе с лошадью. Этот новый вид оружия наводил на врангелевских солдат невероятную панику.

Как вспоминает военный комиссар полевого штаба 13-й армии Н. Н. Николаев, в июле разведка донесла, что Врангель затевает серьезную операцию на орехово-александровском направлении, где и накоплялся крупный кулак для захвата Александровска и Екатеринослава.

Силой трех корпусов под командой Кутепова, Абрамова и Бабиева Врангель нанес 13-й армии сильнейший удар в районе Орехова. Этому удару яростно сопротивлялись малочисленные 3-я и 46-я дивизии Уборевича, а все же город пал. Только восточнее Орехова, где враг наступал не так ожесточенно, 42-я и 40-я дивизия устояли и не дали врагу расширить прорыв. В эти дни командарм Уборевич переезжал от дивизии к дивизий, помогая остановить наступление. Его часто видели, как он выходил к самому переднему краю, кричал, требовал, маневрировал резервами.

26 июля сформировавшаяся, наконец, 2-я Конная армия по распоряжению А. И. Егорова нанесла контрудар на Орехов и связала противника, прорывавшегося к Александровску. Здесь бои достигли ожесточенного накала.

Невероятные усилия войск Уборевича и помогавшей им 2-й Конной армии Городовикова дали некоторые результаты: враг в эти дни не мог пробиться к Александровску. Но Врангель был упрям. Он ввел в полосу прорыва свежую конницу и дроздовскую дивизию и подошел к Александровску.

В то же время на левом берегу Днепра появился конный корпус генерала Барбовича. Вместе с марковской дивизией он теснил потрепанную 3-ю стрелковую дивизию. Тяжело было и на левом фланге 13-й армии.

Уборевич сильно нервничал, когда наблюдалась разрозненность действий между его дивизиями и 2-й Конной армией Городовикова. По просьбе командарма командующий фронтом А. И. Егоров подчинил

2-ю армию Уборевичу. Теперь наступила пора более концентрированных действий, и командарм поручил правобережной группе Р. П. Эйдемана подготовиться к форсированию Днепра и переходу в наступление в районе Каховского плацдарма.

Бесконечные переговоры по прямому проводу с начдивами и командованием фронта, постоянные выезды, а главное, неудачи на фронте настолько измучили Уборевича, что он едва держался на ногах.

Но вот уже под реальной угрозой оказался и Александровск. Командарм приказал сжечь все документы, подавать автомобиль.

По улицам города, торопясь, обгоняя друг друга, отходили красные части, между ними пробивались обозные двуколки. На юго-восточной окраине трещала ружейно-пулеметная стрельба.

Командарм остановил одного из командиров.

— Что это за строй у вас? Выдержки не хватает? Идите ровно, спокойно, отступать надо тоже уметь!

Переправа на единственном понтонном мосту у села Кичкас проходила хаотично: шум, крики, гомон, каждый, кто побойчее, подхлестывал лошадей, стремясь вырваться вперед.

Командарм выскочил из машины, остановил панику, приказал занять оборону на подступах к реке.

Связь с дивизиями потерялась.

Стремясь сорвать переброску резервов, Врангель бросил для захвата узловой станции Синельниково сильные отряды конницы. Лихой атакой ей удалось перерезать железную дорогу между Софиевкой и Славгородом. Тут Уборевич организовал героическую оборону трех бронепоездов, Будучи окруженными, они не сдавались, не подпуская противника к железной дороге, затем пробились к Синельниково и приняли участие в изгнании врангелевцев, захвативших было на некоторое время этот важный пункт.

Попытка противника прорваться к Днепру вблизи Екатеринослава также провалилась. Удалось организовать не только оборону на подступах к городу и реке, но и, скрытно сосредоточив части у станции Илларионовка, нанести

решительный удар и заставить врага отходить на юг.

Белогвардейская свора, потерпев урон под станцией Волноваха, попыталась было изменить направление своего наступления, но было поздно. Уборевич организовал преследование на всем этом участке фронта. Это была одна из блестящих операций, которую впоследствии изучали в военных академиях. Врангелевцы откатились намного назад и вынуждены были навсегда оставить мысль о завладении Донбассом.

В одном из кровопролитнейших боев у Корсунского монастыря, в яростной контратаке, отражавшей очередной удар врангелевской конницы, пал смертью храбрых начальник 15-й дивизии Петр Андрианович Солодухин. И когда на какое-то время затихли бои в этом районе, Уборевич вызвал к себе ближайших соратников начдива — комбрига Смирнова и его адъютанта Крючкова. Командарм обнял, их, вздохнул.

— Вам, друзья, я поручаю проводить тело нашего общего друга в Питер, на его родину.

Сражения 13-й армии под руководством Уборевича привели к такому положению, что Врангель, несмотря на огромные потери, не добился почти ничего: не захватил крайне важную для него железнодорожную линию Екатеринослав — Донбасс; не прорвался в южную «кочегарку», не ликвидировал опасный для него Каховский плацдарм, не смог помешать советской власти заключить перемирие с белопанской Польшей.

Для полного разгрома Врангеля по указанию В. И. Ленина был создан самостоятельный Южный фронт под командованием М. В. Фрунзе. В его распоряжение с других фронтов стали поступать кавалерийские и стрелковые дивизии. Шла на помощь и 1-я Конная армия. Было принято решение организовать вместо одной армии три: 6-ю — на каховском направлении, 4-ю — на центральном, а 13-й армии поручалось направление Донбасса. Уборевичу предложили выделить для формирования новых армий часть своих сил, в том числе и 2-ю Конную армию.

13-й армии отводился весь левый фланг фронта, который должен был вести наступление на Крымский перешеек с востока на запад.

У Уборевича возникла мысль: если 1-я Конная будет брошена на перехват вражеских войск в Северной Таврии с запада на восток, то не следует ли 13-й армии создать свой кавалерийский кулак, которым можно было бы ударить по белым с востока на запад — навстречу 1-й Конной. М. В. Фрунзе одобрил план Уборевича: в 13-й армии был создан конный корпус под командованием Каширина, который и внес крупный вклад в

победу над Врангелем.

В плане ликвидации врангелевских войск, принятом на совещании у М. В. Фрунзе, первейшей задачей считалось отсечение от Крыма основных масс противника, сосредоточенных в Северной Таврии, и поголовный разгром их.

В решении этой задачи 13-й армии отводилась значительная роль: Уборевич должен был нанести ряд сокрушительных ударов с востока и северо-востока, захватить Мелитополь, Бердянск и другие города, выйти к крымским перешейкам и прорваться в Крым. 1-я Конная должна была ринуться туда же с Каховского плацдарма, а перед 6, 4 и 2-й Конной армиями была поставлена задача, стремясь в Крым, рассекать, окружать и беспощадно уничтожать врангелевские войска.

Разведка донесла, что белые у проходов в Крым с помощью иностранных инженеров провели крупные фортификационные работы и, в частности, на подходах к Мелитополю.

Организуя систематические удары юго-восточнее Мелитополя, командарму удалось, наконец, создать угрозу его окружения. На долю 9-й Дивизии под командованием Николая Куйбышева и Конного корпуса Каширина выпала наиболее тяжелая доля — прорыв важнейших укреплений белых.

Каждый понимал, что предстоит одно из крупнейших сражений, что преодолеть многие ряды проволочных заграждений и несколько линий окопов, подавить артиллерийские позиции и укрепленные пулеметные гнезда — задача серьезная.

Штурм Мелитополя прошел дружно и строго по плану, намеченному Уборевичем. Операция закончилась блестяще: было взято множество пленных, огромное количество военной техники, несколько бронепоездов, длинные вереницы вагонов, миллионы пудов хлеба и другого имущества.

Прорыв 13-й армии был настолько велик, что она без задержек, громя по пути сопротивлявшихся врангелевцев, быстро продвигалась к сивашским берегам. Рядом с кавалерийскими дивизиями шли без сна и отдыха стрелковые части, спеша достигнуть указанных Уборевичем рубежей.

2 и 3 ноября 13-я армия по директиве М. В. Фрунзе вышла на берег Сиваша и заняла Геническ.

Так же успешно развивалось наступление и других армий. Славные действия полководца Уборевича были высоко оценены правительством. Вот что говорилось в приказе Реввоенсовета Республики от 21 ноября 1920 года:

«Награждается вторично орденом Красного Знамени:

…Бывший командующий 13-й армии Уборевич Иероним Петрович — за доблестное руководство войсками армии в боях в

конце октября и начале ноября 1920 года в районе Бердянска — Мелитополя, положивших начало разгрому 2-й армии противника».

18 октября 1920 года в связи с подписанным в Риге перемирием между РСФСР и Польшей начался отвод войск обеими сторонами.

Однако Пилсудский, обязавшись не помогать своему бывшему союзнику Петлюре, нарушил договор: Петлюра скрытно сколотил между Днестром и Южным Бугом сорокатысячную армию.

Когда стало известно, что снова готовится авантюра на правобережной Украине, главное командование республики перебросило с Врангелевского фронта на этот участок И. П. Уборевича, поручив ему в третий раз командование 14-й армией. Тогда в нее входили Конный корпус червонных казаков, 60, 41 и 45-я стрелковые дивизии. В последнюю входила и кавалерийская бригада Г. И. Котовского. Кроме того, в резерве находилась 24-я дивизия.

Петлюра планировал наступление своих войск на 11 ноября. Но Уборевич, едва прибыв на место, быстро оценил обстановку и не дал развиться вражескому наступлению, опередив его: с рассветом 10 ноября красные дивизии, разделенные на две ударные группы, повели стремительное наступление на врага. На участке Шаргород — Черновицы против генерал-хорунжего Удовиченко ринулись в атаку 8-я червонная и 41-я стрелковая дивизии. Могучим ударом они захватили Могилев-Подольский. Повернув на север, эта группа 14-й армии встретила на марше бригаду донских казаков и гайдамаков — «черношлычников» и в ближнем бою разгромила их. Жалкие остатки петлюровцев в панике бежали за Днестр.

По пути на Проскуров, под селом Галузинцы, был разгромлен полк «черных запорожцев», что и открыло дорогу бригаде Котовского для выхода в тылы противника.

Затем эта бригада, усиленная червонными казаками, стремительно, по замыслу Уборевича, пошла для атаки Волочиска. Уборевич знал, что этот пункт имел большое оперативное значение: здесь находился единственный мост на реке Збруч для отхода петлюровских банд под защиту польских войск, которые всегда могли открыть для своих единомышленников «братские» объятия.

Почти одновременно ворвались в Волочиск котовцы и червонные казаки. Смелые броски красных войск, в первую очередь конницы, и решили исход всей незадачливой кампании

Петлюры. Он не успел как следует и осмыслить происходящее, как на всем его фронте начался панический отход. Бежали без оглядки, кто куда: один за Збруч, другие за Днестр, на территорию буржуазной Румынии.

Так И. П. Уборевич за 11 дней стер с карты правобережной Украины «самостийную республику» Петлюры.

В эти дни командарма постигло несчастье. 4 ноября 1920 года в Брянске умерла его жена, только что дав жизнь первому ребенку. Дочь в память матери назвали Надеждой.

Надежда Константиновна Крупская предложила взять к себе на воспитание дочь боевого командарма Уборевича. Но бабушка новорожденной, С. А. Дубинина, поблагодарив за сердечную заботу, как ни трудно ей было, оставила внучку у себя.

Летом 1921 года в Москве, в бывшем Охотничьем клубе, где помещалась Академия Генштаба РККА, был назначен доклад о методах ликвидации лево-эсеровских банд Антонова. Сделать его пригласили И. П. Уборевича, приехавшего с Тамбовщины, где он был заместителем командующего советскими войсками М. Н. Тухачевского. Послушать доклад пришли многие профессора, преподаватели бывшей «николаевской» академии, высококвалифицированные генштабисты и рядовые слушатели академии.

Всех удивила характерная, не похожая ни на что в прошлом, талантливая методика борьбы, разработанная Тухачевским и Уборевичем на месте, в полевых условиях. Эти военные руководители решили выиграть острую борьбу с наименьшей потерей крови.

Для этого надо было прежде всего изолировать банды, таившиеся в лесах и, как правило, избегавшие открытых стычек, от их местных агентов. Бандитов постепенно, шаг за шагом, лишили связей с их доброхотами-опекунами из кулачья. Все меньше и меньше стало поступать к антоновцам продовольствия, табака, мыла, а главное — боеприпасов, припрятанных в секретных ямах. Все сильнее развивали Тухачевский и Уборевич агитацию среди запуганного, терроризированного бандитами населения. Крестьяне постепенно начали содействовать советским войскам, почва из-под ног «повстанцев» ускользала. Они вынуждены были выходить из лесов, и того, кто не сдавался сам, безжалостно уничтожали. Большую роль в разгроме бандитов сыграли впервые пущенные в ход бронемашины и автомашины, вооруженные пулеметами, от которых не могли удрать даже самые резвые кони антоновцев. И вот это-то комплексное применение различных форм борьбы и решило ее

успешный исход: «повстанцы» были постепенно расчленены, перебиты или захвачены в плен. Последней акцией борьбы явилось пленение отряда атамана Матюхина — «правой руки» Антонова. Эта крупная группа бандитов сложила оружие перед легендарным комбригом Григорием Ивановичем Котовским.

— Вот так, потихоньку, — улыбнулся под конец И. П. Уборевич, — мы и закончили эту необычную, не похожую на обычную войну, кампанию…

Аудитория наградила докладчика дружными аплодисментами.

Не сходя с трибуны, Уборевич заявил:

— Я, товарищи, нахожусь в Москве проездом. Меня посылают в Белоруссию, под Минск. Там надо рассчитаться с бандитами, руководимыми бывшим царским ротмистром, ныне «атаманом» Булак-Балаховичем, ставленником эсера Савинкова. И пока мы не накинем им петлю на шею, нормальную жизнь в этом крае наладить нельзя. И я обращаюсь с просьбой к слушателям академии помочь мне выполнить это задание партии.

И многие из присутствовавших в зале охотно записались в группу командиров, отбывавших в Белоруссию.

Не прошло и двух с половиной месяцев, как отряды Булак-Балаховича были ликвидированы примерно такими же методами, которые применялись Тухачевским и Уборевичем на Тамбовщине.

…Шел 1922 год. Истерзанная советская земля залечивала раны. И только часть Дальнего Востока (Приморье, Сахалин, Камчатка, Колыма) еще оставались в руках японских интервентов и контрреволюционных белогвардейцев. Всем Приморским краем управляло очередное белое «правительство» генерала Дитерихса.

Подпирали это «правительство» японские регулярные дивизии, разбросавшие свои гарнизоны по линии Уссурийской железной дороги, в сильно укрепленном Спасске, Никольск-Уссурийске, Владивостоке, Николаевске-на-Амуре и в Сучане.

Придя к власти, Дитерихс объявил себя «земским воеводой» и силой собранной «земской рати» под лозунгом «за веру, царя Михаила и святую Русь» собирался разгромить соседнюю Дальневосточную республику, а затем совершить поход на Москву.

Но эти планы частично уже были сорваны Народно-революционной армией ДВР. Под командованием В. К. Блюхера ее войска освободили некоторую часть Дальнего Востока, включая Волочаевск. Преследование врага продолжалось Блюхером до тех пор, пока японские войска неожиданно не начали контрнаступление из «нейтральной зоны» от Спасска и Хвалынки.

Открытая война с Японией, по мнению В. И. Ленина, была для молодой страны в то время явно непосильной. Поэтому, не желая поддаваться на открытую провокацию, Дальбюро ЦК РКП (б) и правительство ДВР предложили Блюхеру отвести свои войска. Окончательный удар по «черному буферу» был отложен.

Вскоре В. К. Блюхер был отозван в Советскую Россию, а, на его место прибыл из Иркутска И. П. Уборевич, командовавший Восточно-Сибирским округом и 5-й Красной армией.

Дайренская и Чанчунская конференции, на которых представители ДВР и РСФСР пытались добиться освобождения Дальнего Востока мирным путём, ни к чему не привели. Стало яснее ясного, что дальневосточная земля может быть освобождена только вооруженным путем.

Объезжая войска, главком Уборевич лично познакомился со всем командным составом и политработниками — вплоть до командиров батальонов и эскадронов. Он внимательно выслушивал их нужды, интересовался вооружением, настроением и физическим состоянием бойцов. В штабе армии он провел учение на картах, определил знания командиров. И люди, способные руководить боем, ушли в части на замену слабых.

Работники снабжения выходили из кабинета Уборевича бледными, с потными лбами.

— Как могло случиться, — взволнованно выговаривал он, — что в Волочаевской операции бойцы рвали грудью колючую проволоку, а ножницы преспокойно лежали на складе? Лошади у нас слабы, овса и сена не хватает, как же конница будет делать длительные переходы?

Уборевич не раз ставил вопросы об укреплении Народно-революционной армии перед Дальбюро ЦК РКП (б). Благодаря этому Чепуринский и Благовещенский заводы были полностью переключены на вооружение армии, многие комиссии разъехались в глубинки за фуражом, среди населения был объявлен месячник помощи НРА, перед ЦК РКП (б) возбудили просьбу о присылке в ДВР свежей дивизии и необходимого обмундирования, в Чите началось печатание листовок-обращений к вражеским солдатам.

Вот что писал Уборевич в одной из листовок:

«…Читая воззвания и приказы вашего правителя Дитерихса, а также владивостокские и харбинские газеты, я вижу, что ваше сознание отравляется дурманом клеветы, ложных слухов и воздушных планов… Народно-революционная армия, во имя интересов рабочих и крестьян и великих идей, начертанных на наших, знаменах, найдет в себе силы и мужество, чтобы… положить конец вашей преступной роли в жизни Приморья и всей

России. Рабочие и крестьяне России, именем своего верховного органа ВЦИК, предлагают вам бросить позорную борьбу и вернуться к мирной жизни. Другого выхода у вас нет! Народно-революционная армия всех искренне раскаявшихся примет по-братски…».

Население края щедро откликнулось на призывы Дальбюро ЦК РКП (б): отовсюду потянулись обозы с сеном, овсом, мукой и маслом, присылались валенки, полушубки, варежки, кисеты с пахучей махоркой.

Десятки смельчаков ушли за линию фронта для пропагандистской работы среди белых. Повсюду выросли и окрепли партизанские отряды.

Крепла вера в победу, и только главком Уборевич и работники его штаба не позволяли себе предаваться каким-либо иллюзиям. Сам главком тщательно изучал уроки волочаевских боев, где хотя и был нанесен сильнейший удар по «рати» генерала Молчанова, но все же его войска ускользнули от окончательного разгрома.

Но вот командарму стало известно, что японцы под давлением своего скрытого конкурента по экономической экспансии — Америки и требований японского народа начали эвакуацию своих войск из сильно укрепленного Снасска. Вместо них в город хлынули войска «рати» генерала Молчанова.

«Нейтральная зона» исчезла. Генерал Молчанов, чтобы обезопасить себя с тыла, напал на партизанские отряды в районе Анучино. Обстановка обострялась, и в эти дни Дальбюро ЦК РКП (б) и правительство ДВР уполномочили Уборевича начать военные действия.

28 сентября 1922 года командарм прибыл из Читы в район Спасска для непосредственного руководства боями. Вместе с ним в качестве начальника полевого штаба Приморского фронта прибыл Я. З. Покус, прославившийся в боях под Волочаевском.

В качестве основной боевой силы Уборевич расположил перед Спасском 2-ю Приамурскую дивизию. Я. З. Покус быстро наладил связь с сильными партизанскими частями.

Затем к фронту подтянулась Дальневосточная кавалерийская бригада; она влилась в Ударную группу, руководить которой Уборевич назначил Я. З. Покуса.

Еще не все войска собрались для других ударных кулаков, но надо было вырвать инициативу у Молчанова, и Уборевич еще 2 октября подал сигнал к наступлению.

Зашумели первые бои в районе Анучино, Ивановки, а затем Чернышевки и станицы Мучной, где партизанские части Вольского должны были выйти в тыл Спасской группы

противника.

4 октября Уборевич скомплектовал еще две ударные группы под командованием Кондратьева и Вострецова.

Начались упорные, затяжные бои. Но сколько резервов ни подбрасывал Дитерихс, 2-я Приамурская дивизия 5 октября сбила противника с духовских позиций, а утром 6 октября, отразив атаки молчановских частей, навсегда закрепила этот важный стратегический пункт за собой.

У станции Свиягино героическими усилиями красных частей противник был сбит и с огромными потерями на рассвете 7 октября отброшен к Спасску.

К вечеру этого же дня группа Покуса заняла Анненскую и Константиновку, а отряд Вострецова — Буссевку. Правительство ДВР знало, что впереди предстоят еще очень трудные бои, но тем не менее поздравило Уборевича с первой победой.

— Не люблю банальных сравнений, — ответил главком, — но сейчас не удержусь и скажу, что наши бойцы дрались действительно как львы. Им и честь, им и слава. Впереди штурм Спасского района. Здесь будет немало жертв.

А Спасский укрепленный район представлял собой действительно «крепкий орешек». Японцы еще в 1920 году сделали все, чтобы превратить его в неодолимое препятствие на пути к Южному Приморью. В сорокакилометровом дефиле, расположенном между озером Ханка и отрогами хребта Сихотэ-Алинь, они построили семь мощных фортов, соединенных между собой окопами, опутанными 3–5 рядами колючей проволоки, находящимися между собой в огневой связи. Ни с востока, ни с запада, по условиям местности, крепость обойти было нельзя.

Разведка донесла, что белое командование, опираясь на неприступность укреплений, не торопилось подтянуть крупные соединения, намереваясь бросить резервы туда, где определится главное направление удара красных. Именно этим и решил воспользоваться Уборевич. 8 октября он внезапно начал исторический двухдневный штурм Спасска.

Воодушевленные успехами предыдущих боев и присутствием командарма Уборевича, бойцы ударных групп Покуса, Кондратьева и Вострецова самоотверженно, с криками «Ур-ра-а!» шли вперед, как только затихал гул мощной артиллерийской подготовки. Красные саперы делали чудеса, взрывая вражеские проволочные укрепления. Войска НРА, развивая неожиданное наступление в разных местах, путали карты генерала Молчанова. И как только он бросал свои резервы в ту или иную точку, именно там-то и вскипали земляные фонтаны от огня красней артиллерии, а спрятанный Уборевичем «кулак» — и впереди него

кавалерия — врубался в ряды молчановских войск там, где генерал меньше всего этого ожидал. Эти маневры вносили невероятную сумятицу в ряды белогвардейцев.

К вечеру 8 октября 6-й Хабаровский полк, продвигаясь с помощью бронепоездов вдоль железной дороги, занял северную часть Спасска. Один из полков Ударной группы Покуса ворвался в форт № 3 и сумел закрепиться в нем.

— Держитесь во что бы то ни стало! — кричал в телефонную трубку Уборевич.

И полк, несмотря на сильные потери, всю ночь отбивал ожесточенные атаки противника.

В ночь на 9 октября в штабе Уборевича никто не спал, а когда первые лучи солнца едва начали пробиваться сквозь свинцовые облака, снова началась мощная артиллерийская подготовка.

Уборевич неотступно следил за ходом боя.

— Все идет хорошо, — сообщил он по прямому проводу в Дальбюро ЦК РКП (б). — Предполагаю вот-вот рассчитаться с Молчановым. Следите за подвозом боеприпасов.

Чуть только закончилась артиллерийская канонада, Уборевич подал команду к решительному наступлению на город. Кавалерия, а за ней и пехота шли и шли вперед. Невероятное упрямство красных деморализовало наймитов, и они начали сдавать один форт за другим. При этом, когда на правом фланге образовалась пробка — здесь враг по-прежнему жестоко сопротивлялся, Уборевич не выдержал и взял на себя руководство атакой первого батальона Хабаровского полка. Форт № 1 был успешно захвачен.

Оставалось ликвидировать последнее гнездо белых — военный городок. Уборевич обрушил на него сильный огонь, затем взял его в клещи с флангов и тыла, и белогвардейцы, боясь поголовной гибели, понеся огромные потери людьми, оружием и боеприпасами, панически бежали на юг, взрывая за собой мосты.

Так к 3 часам 9 октября 1922 года город-крепость Спасск был очищен от солдат Дитерихса, а к 4 часам был освобожден и весь Спасский район. Красные части «на плечах» противника бросились в преследование.

Победу под Спасском трудно было переоценить. Правительство ДВР снова поздравило талантливого главкома:

«Правительство ДВР выражает свою горячую радость по поводу блестящих побед НРА над контрреволюционными силами и в Вашем лице, как главном вожде, приветствует беззаветных бойцов революционного народа… Правительство и весь трудящийся народ республики уверены, что под Вашим талантливым руководством НРА скоро вступит на берег

Японского моря и в освобожденном от черной власти Владивостоке водрузит революционное знамя Дальневосточной Республики».

Сводки НРА, посылаемые в последующие дни в Читу, говорили о том, что противник, огрызаясь, бежит на юг, оставляя вооружение и пленных, что белые солдаты и офицеры, разбегаясь, переодеваются в одежду мирных жителей, что в тылу у Молчанова активно действуют партизаны.

15 октября враг без боя оставил Никольск-Уссурийск.

До Владивостока оставалось всего 30 верст, когда главком Уборевич направил на разведку пеший отряд Гюльцгофа в сторону столицы Приморья. Вскоре отряд прошел станцию Океанскую, за пределами которой и был задержан японской заставой.

Положение сильно осложнилось. На Океанскую примчался Уборевич и предложил японскому командованию, а также представителям консульского корпуса вступить в переговоры о порядке мирной сдачи Владивостока.

Японцы отказались вести переговоры.

В этот напряженный момент от Уборевича требовалась колоссальная выдержка. С одной стороны, так и хотелось скорее изгнать японцев с русской земли, тем более что Народно-революционную армию было очень трудно сдержать от порыва, а с другой — нельзя было ввязываться в войну с Японией.

И Уборевич нашел в себе силы. Он отвел войска на несколько верст от японских позиций. «…Держите крепко винтовку в руках и ждите дальнейших указаний…» — говорил он, в частности, в своем обращении к армии.

В эти дни настороже были и дипломаты. Императорскому японскому правительству была направлена нота, подписанная от имени РСФСР Георгием Чичериным и от имени ДВР министром иностранных дел Янсоном.

Два министра обвинили японцев в необоснованном затягивании эвакуации и возложили ответственность на японское правительство за разграбление и разрушение города, за насилия и издевательства над населением. В этой же ноте было молчаливо подчеркнуто, что армия Уборевича ни на шаг назад больше не будет отодвинута.

Японские резиденты засуетились и сами прибыли к Уборевичу для переговоров. Они попросили командарма создать для них во Владивостоке личную и имущественную безопасность, ибо в городе уже начались волнения рабочих и забастовки.

Уборевич согласился подписать мирное соглашение при условии, если будет немедленно прекращен грабеж

государственного имущества, закончатся аресты и налеты на квартиры рабочих, а политзаключенным в тюрьмах будет сохранена жизнь.

24 октября 1922 года на разъезде Седанка было, наконец, подписано соглашение о том, что японское командование целиком очищает Владивосток, его окрестности, а также прилегающие к городу острова не позднее 16 часов 25 октября 1922 года.

Главком поздравил с победой ставшую ему родной Народно-революционную армию и в специальном приказе дал четкие указания о нормах поведения армии в освобожденном Владивостоке и, в частности, об охране интересов иностранных граждан.

Тем временем генерал Дитерихс взбирался по трапу на японский пассажирский пароход, бросив свою «земскую рать» на произвол судьбы.

Часть белых войск бросалась в Чанчунскую долину, где и была уничтожена преследовавшими их войсками Уборевича. И только две тысячи белогвардейцев смогли прорваться в Корею, под защиту японцев.

В ноябре 1922 года покинул Владивостокский порт и американский крейсер «Сакраменто» с отрядом морской пехоты, находившейся «на всякий случай» на Русском Острове.

До 16 часов 25 октября все японские войска были погружены на пароходы, последними тоскливыми гудками возвещавшие об окончании оккупации.

В 16 часов 25 минут начался торжественный марш вступления. Заиграли оркестры, заколыхались знамена, подтянутые бойцы четко отбивали шаг. Впереди войск на коне ехал Уборевич.

Город украсился флагами, рабочие делегации встречали войска криками «ура», население преподнесло главкому по старинной традиции хлеб-соль.

26 октября на имя председателя Совета Министров ДВР пришла телеграмма от В. И. Ленина:

«К пятилетию победоносной Октябрьской революции Красная Армия сделала еще один решительный шаг к полному очищению территории РСФСР и союзных с ней республик от войск иностранцев-оккупантов. Занятие народно-революционной армией ДВР Владивостока объединяет с трудящимися массами России русских граждан, перенесших тяжкое иго японского империализма. Приветствуя с этой новой победой всех трудящихся России и героическую Красную Армию, прошу правительство ДВР передать всем рабочим и крестьянам

освобожденных областей и гор. Владивостока привет Совета Народных Комиссаров РСФСР».

За боевые заслуги несколько сот бойцов и командиров Народно-революционной армии были награждены орденами Красного Знамени. Эту же боевую награду получил и главком Народно-революционной армии. В приказе Реввоенсовета Республики от 28 октября 1922 года сказано:

«Награждается третично орденом Красного Знамени: Главнокомандующий Народно-революционной армией Дальневосточной республики Уборевич-Губаревич Иероним Петрович — за то, что, руководя действиями подчиненных ему частей Народно-революционной армии, проявил необычную энергию и настойчивость по проведению плана операции очищения дальневосточного Приморья от последних в истории гражданской войны регулярных белогвардейских банд. В результате этой блестяще проведенной операции 25 октября 1922 года доблестные войска Дальневосточной республики, составляющие нераздельную часть Рабоче-Крестьянской Красной Армии, вступили во Владивосток, открыв России выход в Тихий океан».

На этом и закончилась последняя страница гражданской войны, перевернутая молодым коммунистом, бывшим литовским пастушонком, Иеронимом Уборевичем.

Боевая слава, заслуженная И. П. Уборевичем в гражданской войне, разостлала перед ним на дальнейшие годы широкую дорогу.

Еще в июне 1922 года по ходатайству руководства штаба РККА, на основании приказа Реввоенсовета Республики, он, не учившийся в военной академии, был причислен к лицам, имеющим высшее военное образование, и переведен в состав Генерального штаба республики, а Высшая Аттестационная Комиссия (ВАК) признала его достойным командовать войсками фронта.

В конце 1922 года, после слияния ДВР с РСФСР, ему поручают командование 5-й Краснознаменной Сибирской армией, в декабре 1924 года назначают заместителем командующего Вооруженными Силами

Украины и Крыма, а в феврале 1925 года — командующим войсками важного в то время Северо-Кавказского военного округа.

В 1927–1928 году И. П. Уборевич проходит курс Высшей военной академии германского Генерального штаба, после чего назначается командующим войсками Московского военного

округа, где и внедряет все новое, изученное за год в Германии.

В начале 1930 года И. П. Уборевич становится начальником Вооружений Красной Армии, заместителем Народного Комиссара по военно-морским делам и заместителем Председателя Реввоенсовета СССР, а в июне 1931 года получает крупнейший приграничный Белорусский военный округ, которым и руководит до мая 1937 года.

За послевоенные годы И. П. Уборевич публикует множество статей и ряд крупных военно-теоретических работ по вопросам боевой и политической подготовки войск с учетом прогрессирующей моторизации и механизации армии, проводит блестящие маневры всех родов войск, строит капитальные военно-оборонительные объекты на границах Советской Родины.

И что бы ни поручали ему партия и правительство, он выполнял эти поручения, не щадя сил, как и положено коммунисту, не раз участвовавшему в спасении жизни молодой Советской республики в первые тяжкие годы революции.

Всюду он умел сплотить людей, смело выдвигал их на ответственные посты, лично помогал их становлению. Только в одном Белорусском военном округе он воспитал блестящую плеяду командиров, которые, командуя в Великой Отечественной войне фронтами и армиями, штабами фронтов и армий, пехотными, кавалерийскими, авиационными, артиллерийскими, танковыми корпусами и дивизиями, обеспечили всемирно-историческую победу над фашизмом. Некоторые из них, в частности Р. Я. Малиновский, Г. К. Жуков, М. В. Захаров, К. А. Мерецков, К. К. Рокоссовский, В. Д. Соколовский, С. К. Тимошенко, И. С. Конев, И. Х. Баграмян, были удостоены высшего воинского звания — Маршалов Советского Союза, А. А. Новиков стал Главным Маршалом авиации и дважды Героем Советского Союза, Н. Д. Яковлев — Маршалом артиллерии.

Всюду И. П. Уборевич оказывал своим подчиненным — от красноармейца до высшего командира — максимальную человеческую заботу; дотошно следил, чтобы бойцам выдавалось сполна все положенное, организовывал быт командного состава, заботился о семьях погибших. Этим и вызывал он к себе глубокое уважение, люди работали с ним не за страх, а за совесть.

Не ограничиваясь военной деятельностью, он еще с первых лет революции от всего сердца помогал государственным органам создавать прочную советскую власть.

Так с годами он вырос в крупного государственного и политического деятеля. Начиная с XVI съезда ВКП (б) он избирался кандидатом в члены ЦК партии, был бессменным членом ЦИК СССР. В 1935 году ему, одному из первых,

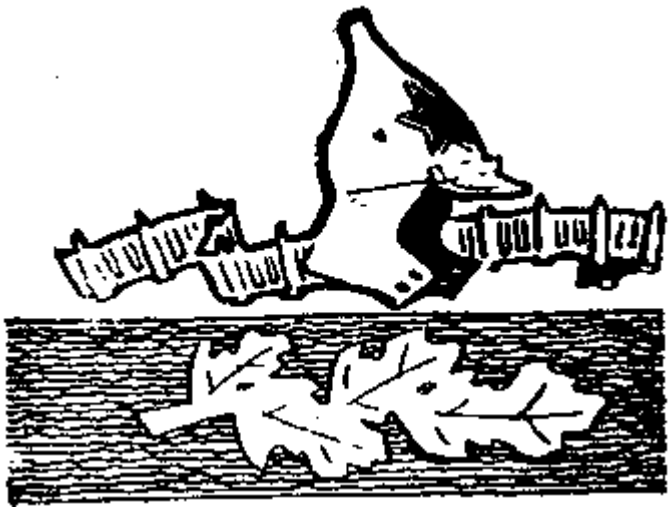
присваивается звание командарма I ранга.

В период культа личности Сталина И. П. Уборевич был оклеветан и 29 мая 1937 года по инспирированному обвинению в шпионаже и измене Родине арестован.

11 июня того же года вместе с М. Н. Тухачевским, И. Э. Якиром, Р. П. Эйдеманом, А. И. Коряком, В. М. Примаковым, В. К. Путна и Б. М. Фельдманом он предстал перед закрытым Специальным Присутствием Верховного Суда СССР и в тот же день был расстрелян.

ВИКТОР САВОСТЬЯНОВ

ИОНА ЯКИР



Июль 1919 года. В штабном вагоне на станции Бирзула под Одессой склонился над оперативной картой начальник 45-й Советской стрелковой дивизии Иона Эммануилович Якир. Остро отточенный красный карандаш прочертил трехсоткилометровый фронт соединения — от устья Днестра по всему восточному берегу реки до Ямполя, оттуда на север до железной дороги Жмеринка — Волочиск.

Три стрелковые бригады в дивизии. А против них… На правом фланге 1-я бригада бьется под Баром и Жмеринкой с двумя петлюровскими дивизиями. Перед 2-й и 3-й бригадами стоят оккупировавшие Бессарабию румынский корпус, две французские дивизии и полк белопольских легионов. Это фронт. Тыл же… Тыла нет. В каждом уезде свирепствуют кулацкие банды. С востока подбирается Махно. Прикрытая слабыми частями 47-й дивизии Одесса под угрозой орудий английской эскадры и деникинского десанта.

Ко всему этому 45-я фактически еще только формируется из вчерашних полупартизанских отрядов. Как в буквально считанные дни превратить ее в крепкое, боевое соединение, способное отразить натиск многочисленного противника? И не только отразить, но и разгромить, уничтожить врагов революции!

…Когда в 1896 году у скромного кишиневского фармацевта Эммануила Якира родился сын Иона, вряд ли кто-нибудь мог предсказать мальчику будущность военачальника. Иона Якир не получил никакого военного образования, не служил в царской

армии даже рядовым.

В Кишиневе Якир учился в частном реальном училище — в казенное ему, как еврею, путь был закрыт. Чтобы поступить в высшее учебное заведение, Иона Эммануилович по той же причине был вынужден уехать из царской России в Швейцарию. В 1913 году Якир — студент Базельского университета и одновременно химик-лаборант. Работа в лаборатории была не только источником заработка — любовь к химии осталась у Ионы Эммануиловича на всю жизнь.

Когда летом 1914 года Якир вернулся на каникулы, началась мировая война, границы ощетинились штыками. Ионе Эммануиловичу удалось продолжить занятия в Харьковском технологическом институте. Известный швейцарский профессор Фихтер прислал из Базеля самые лестные отзывы о способном студенте. Но способный студент все больше и больше времени стал уделять политическим книгам. Изучение марксистской литературы сблизило Иону Эммануиловича с большевиками-подпольщиками. Еще сильнее стали эти связи в Одессе, где с декабря 1915 года Якир работал токарем по металлу на снарядном заводе Гена.

Бурным мартом 1917-го Якир снова в родном Кишиневе. По поручению большевистской организации Иона Эммануилович стал агитатором среди солдат Румынского фронта. Солдатам понравилась глубокая убежденность и кипучая энергия, которую излучал этот рослый, широкоплечий молодой человек с добрыми темно-карими глазами. В апреле Иона Якир стал членом ленинской партии — большевистская организация 5-го Заамурского кавалерийского полка приняла его в свои ряды. Вскоре Якира избрали членом губернского комитета партии и исполкома Бессарабского Совета рабочих и солдатских депутатов.

В великие дни Октября Якир — член Бессарабского губернского ревкома. Занятый многочисленными ответственными делами, молодой большевик находил время и для военной учебы.

— Ты, кажись, студент, на кой ляд тебе вся эта музыка? — шутил кое-кто из солдат.

— Был студент — и нет его, — серьезно отвечал Якир. — Революция!.. Теперь нужно самому знать военное дело и других учить. Иначе контрреволюция раздавит нас…

В январе 1918 года по приказу и при прямой поддержке Антанты армия румынских бояр перешла Прут. Разрозненные отряды красногвардейцев отступали. Якир организовал отряд из революционной молодежи, который смело атаковал вражеский авангард и на некоторое время задержал его. Но силы были слишком неравны. Красногвардейцы отошли за Днестр, в

Тирасполь. Здесь формировались первые бессарабские советские полки. Отважные смельчаки трижды форсировали реку, отгоняли оккупантов верст на тридцать-сорок и… возвращались. На большее пока не хватало сил. Но с каждым днем число бойцов росло — приходили добровольцы с обоих берегов Днестра.

Однажды ночью Якир был дежурным по Тираспольскому отряду. Телефонные звонки с застав без конца тревожили смертельно уставшего Иону Эммануиловича: то показывалась румынская разведка, то еще что-нибудь случалось. Наконец под утро удалось задремать. И вдруг кто-то опять потряс за плечо. Якир с трудом открыл глаза и удивился: перед ним стоял… китаец в рваной синей кофте.

— Васики… Мой Васики…

— Что тебе? — спросил Якир.

— Китайси надо?

— Какие тебе китайцы?..

А «Васики» продолжал твердить:

— Китайси надо?

Якир ничего не мог понять. «Васики» ушел. Вернулся он часа через два и знаками попросил Якира выйти из штаба. Иона Эммануилович выглянул во двор: там стояли в строю 450 китайцев.

Китайцы-лесорубы, голые и голодные, пришли добровольцами в Красную Армию. Их одели, вооружили, превратили в батальон. Комбатом назначили Якира.

Вскоре Тираспольский отряд снова начал отходить: на Украину вторглись немецкие оккупанты. Прикрывал отступление батальон Якира.

Многие удивлялись: как это комбат управляется с бойцами, если они в буквальном смысле слова говорят на разных языках? Действительно, с красноармейцами батальона Якир изъяснялся только с помощью «Васики», кое-как владевшего русским. Но китайцам и не надо было много слов. Их командир, их «капитана» совсем не был похож на прежних начальников. Он не только дрался вместе с бойцами в цепи, вместе с ними ходил в разведку. Он всегда внимательно и терпеливо выслушивал своих подчиненных, заботливо расспрашивал о самочувствии, настроении, питании. Не удивительно, что бойцы горячо полюбили своего «капитана Я-ки-лау». Сражался батальон с изумительной стойкостью.

В боях под Екатеринославом Якира тяжело ранило при взрыве немецкого снаряда. В санитарном поезде врач посчитал его безнадежным, но молодой организм взял свое. В мае, добравшись до Москвы, Якир узнал, что части его отряда

находятся в Калаче. Несмотря на то, что ему следовало лечиться и лечиться, Иона Эммануилович немедленно поспешил в Калач.

— Куда это ты, калечь, при полном оружии собрался? — посмеивались вагонные попутчики.

«Среди бойцов быстрее на ноги встану», — улыбался про себя Якир. И верно: сразу пришлось окунуться в гущу неотложных дел. Части Тираспольского отряда, сильно поредевшие в боях, прибыли для переформирования в Воронеж, где тогда назревал контрреволюционный мятеж. Только решительность, выдержка и личная храбрость горстки красных командиров, в том числе и Якира, явившихся прямо в гнездо мятежников накануне намеченного восстания, помогли ликвидировать заговор в самом зародыше.

Якир занялся формированием крепких красных частей. Была создана Южная завеса против немцев и белоказаков, в сентябре 1918 года преобразованная в Южный фронт. Якир был назначен начальником Политуправления фронта, а затем членом Реввоенсовета 8-й армии.

В ноябре 1918 года на Южном фронте начались упорные бои с белоказачьими войсками генерала Краснова. Части 8-й армии сражались в районе Лиски — Коротояк — Острогожск. Иона Эммануилович все время находился в 12-й дивизии — этому соединению приходилось сдерживать наиболее ожесточенный натиск красновцев.

Особенно обострилось положение в середине декабря: белоказакам удалось прорвать фронт и выйти к Коротояку. Разрозненные полки дивизии отходили в беспорядке, среди части бойцов поднялась паника. Якир немедленно бросился в район Коротояка и самым решительным образом стал наводить порядок. На специальном паровозе член Реввоенсовета помчался в Острогожск, где стоял анархистский отряд Сахарова. Якир сумел установить дисциплину в отряде и присоединить его к частям 12-й дивизии.

За три дня Иона Эммануилович собрал растрепанные остатки полков в крепкий кулак и организовал контрнаступление. На фронте произошел перелом — красные части решительно отбросили противника, освободили Коротояк и Лиски.

Как рассказать об этих стремительных днях, огненным вихрем сверкнувших даже в те грозные времена? Пожалуй, наиболее ярко говорится о них в документе, подписанном начальником 12-й дивизии Любимовым и военкомом Чуевым. Как раз в то время был утвержден статут высшей награды молодой Советской республики — орден Красного Знамени. Реввоенсовет 12-й дивизии за выдающийся подвиг представил Якира к ордену.

Вот они, эти лаконичные и вместе с тем столь емкие строки:

«…Благодаря только настойчивости, крайнему напряжению всех сил 12-я дивизия одолела казаков Краснова, захватила Лиски и вышла на линию Икорцев. Дивизия обязана своим успехом главным образом энергии и деятельности члена РВС 8-й армии т. Якира. Он проявил неутомимую деятельность, железную волю и энергию. Не смущаясь ни временными неудачами, ни случайными поражениями, твердо веря в счастливый исход операции, т. Якир вел железной рукой подчиненных ему красноармейцев к победе. Непрерывный тяжелый труд в течение трех недель надломил его израненный организм, но, уже будучи больным, он продолжал руководить операциями, и, собирая последние остатки сил, еле вставая с постели, т. Якир в грозные минуты, когда колебались полки, сам встал в ряды их на поле сражения. Когда в минуту смятения полки отошли к Коротояку, т. Якир лично их устроил и, дав отдохнуть, повел в контрнаступление, взяв Коротояк, на плечах отступающих казаков ворвался в Лиски и нанес им поражение. У Коротояка, уговаривая отступающих в панике красноармейцев, т. Якир был смят нерассуждавшей массой и чуть не расстрелян. Все эти неудачи не сломили железную волю т. Якира, и РВС дивизии свидетельствует, что достигнутый успех в овладении военно-стратегическим узлом Лиски и выход наших полков на линию Икорцев всецело должен быть приписан боевой деятельности т. Якира…»

Реввоенсовет Республики рассмотрел ходатайство, и Якиру был вручен орден Красного Знамени № 2 (орден за № 1 принадлежал Василию Константиновичу Блюхеру).

…Весной 1919 года на освобожденной от иностранных интервентов, гетманцев и петлюровцев Украине разрозненные повстанческие отряды сводились в части регулярной Красной Армии.

7 июля 1919 года Якир вступил в командование 45-й дивизией. Основу дивизии составили крестьяне-бедняки Приднестровья — украинцы и молдаване. Участники лихих партизанских налетов на гетманских стражников, петлюровских синежупанников, немецких и румынских оккупантов, они, однако, совершенно не были подготовлены к полевым боям в составе регулярных войск, о строевой службе и воинской дисциплине имели самое отдаленное понятие. Бесконечные митинги, постоянная смена выборных командиров были самым обычным делом.

Сложная военная и политическая обстановка требовала самых решительных действий без малейшего промедления. Прежде всего, решил Иона Эммануилович, необходимо укрепить

ряды дивизии рабочими-коммунистами, по-настоящему развернуть во всех подразделениях политработу, наладить четкое управление войсками, обеспечить необходимое снабжение.

Большую помощь Якиру оказали военный комиссар дивизии Николай Голубенко и начальник штаба 45-й И. И. Гарькавый. Киевский рабочий-металлист, Голубенко шестнадцатилетним юношей был сослан в Сибирь за революционную деятельность. Энергичный и решительный большевик, он очень многое сделал для укрепления дивизии. Сын крестьянина, народный учитель, подпоручик военного времени, Илья Иванович Гарькавый стал отличным организатором и способным командиром Красной Армии.

С помощью Одесского губкома партии, возглавлявшегося Яном Гамарником, в состав частей 45-й влились рабочие-коммунисты Одессы, Николаева, Херсона, члены партии из других городов, сел и местечек. В дивизию целиком вошли крепкие, большевистские части.

В дивизии было создано прочное командно-политическое ядро из стойких, беззаветно преданных революции людей.

В течение июля и августа войска петлюровского Галицийского корпуса численностью более 10 тысяч солдат упорно наносили удары в направлении Жмеринки — в стык 45-й и 44-й дивизий. Именно отсюда, через Винницу и Казатин, Петлюра стремился прорваться к Киеву.

Все силы 45-й насчитывали в это время 6 тысяч штыков и 500 сабель при 72 пулеметах и 24 орудиях. Растянутый фронт, отсутствие резервов не позволяли собирать сколько-нибудь крупные силы на угрожаемых участках, затрудняли маневр и управление войсками. Якир смело пошел на риск ослабления обороны днестровского рубежа и бросил отсюда полки 2-й бригады в Подолию на помощь 1-й. Частыми контрударами, нередко во взаимодействии с полками 44-й дивизии, отважные бойцы не раз отбрасывали петлюровцев.

Особенно сильным был удар 15 июля, когда, несмотря на угрозу полного обхода с правого фланга, Котовский по приказу Якира стремительно вывел свою 2-ю бригаду к Ямполю. Взяв в Ямполе большие трофеи, в том числе и орудия, котовцы значительно продвинулись на могилев-подольском направлении.

Ценой больших потерь петлюровцам удалось в конце концов прервать железнодорожное сообщение Одессы с Киевом. Красные дивизии потеряли связь. Крупные банды, в которых было немало просочившихся через фронт петлюровцев, нападали на тыловые учреждения и обозы дивизии.

Кулаки, превратившие свои дома и хутора в маленькие

крепости, усиленно вели среди крестьян антисоветскую агитацию. Они пугали своих политически неразвитых односельчан страшной «коммунией».

Однажды Якир увидел, как большая группа крестьян из окрестных сел явилась в Бирзулу, к штабу, и стала заглядывать в вагоны. Оказалось, что обманутые люди пришли своими глазами посмотреть на «присланную из Москвы коммунию».

Политработники дивизии объезжали села, собирали сходы, на которых объясняли, что такое советская власть и что несут трудовому крестьянству ее враги — петлюровцы и деникинцы. После таких бесед несколько отрядов, созданных кулаками из запутавшихся бедняков и середняков для борьбы с Красной Армией, добровольно вступили в ряды дивизии.

Но для тех, кто сознательно шел против трудового народа, оставался один язык — язык штыков. Отсутствие местных гарнизонов вынудило Якира бросить на борьбу с бандами и кулацкими восстаниями четыре крупных отряда. В упорной борьбе красноармейцы подавили контрреволюционные восстания у Кучургана, Раздельной и Плоского. Однако отсутствие этих частей в такой критический момент на передовой еще более обострило положение на фронте.

18 августа Главное командование Красной Армии дало директиву о сведении 45, 47 (Одесса) и 58-й (Николаев) дивизий в единую Южную группу во главе с Якиром. В Реввоенсовет группы вошли Я. Б. Гамарник, В. П. Затонский и Л. И. Картвелишвили. Командование поручило войскам группы отстаивать юг Украины любой ценой.

Тем временем войска Деникина, захватив Донбасс, наступали на Киев, Елисаветград и Одессу. 21 августа английский и добровольческий флоты начали двухдневную бомбардировку Одессы, высадившийся с кораблей деникинский десант разбил слабые части 47-й дивизии и 23 августа занял город.

Одновременно с этим деникинцы и петлюровцы вплотную подошли к Киеву. Советские войска были вынуждены оставить столицу Украины. Южная группа оказалась в огненном кольце. 28 августа Якир получил новое указание — вести части на север, прорываться на соединение с основными силами Красной Армии.

В тот же день Иона Эммануилович отдал приказ по Южной группе: «Применяясь к создавшейся обстановке, и преследуя цели, поставленные последними директивами командарма-12, полученными по радио, задача Южной группы войск XII армии следующая: жертвуя подвижным ж.-д. составом, но сохраняя максимум живой силы и материальных средств, войскам группы выйти шоссейными и грунтовыми дорогами на соединение с

советскими войсками, действующими севернее Киева, нанеся противнику решительный удар с тыла».

Огромная ответственность легла на Якира. От него — командующего — в первую очередь зависел успех сложнейшей операции. Прорыв из кольца имел не только военное значение — это был вопрос жизни или смерти для тысяч людей. Надо было найти единственно верный в тягчайшей обстановке путь к победе, вдохнуть в каждого бойца уверенность в успехе. А настроение масс, их дух, как никогда, зависели от действий командования. Малейшая ошибка внесла бы колебания, каждая удача удваивала силы.

Для принятия решения у Якира остались буквально считанные часы. Иона Эммануилович работал с небывалым даже для того времени напряжением.

…У Петлюры против Южной группы — не меньше 7 500 штыков, в деникинской дивизии генерала Слащева — около 2 тысяч солдат, на правом фланге, в районе Ново-Украинки, навис кулак тысяч в шестнадцать-семнадцать махновцев. Хитер Махно: вовсю ведет агитацию — дескать, красные уходят, бросают Украину, а я ее буду защищать от Деникина. На эту удочку поддались две бригады 58-й дивизии, ушли к Махно.

Но как бы ни было трудно, надо идти вперед!

Командующий Южной группой определил расстановку сил во время похода.

Все части группы будут двигаться на север тремя колоннами. Правую колонну составят полки 58-й дивизии и остатки 47-й, в левую войдут 1-я и 2-я бригады 45-й дивизии. Остальные части и подразделения 45-й, несколько сводных полков и отрядов образуют колонну центра. В ней будут находиться РВС Южной группы, штадив-45, основные обозы. Командование правой колонной поручается начдиву 58-й Федько, левой — комбригу-1 Грицеву, центр поведет Гарькавый. Он же будет командовать 45-й дивизией…

Приняв решение, Якир немедленно созвал в Бирзулу командно-политическое руководство группы. В зале железнодорожного училища перед большой картой во всю стену Иона Эммануилович подробно обрисовал обстановку и обстоятельно разъяснил задачи как Южной группы в целом, так и отдельных соединений и частей. Учитывая общую сложность положения, необходимость поворота фронта на 90, а то и все 180 градусов, всевозможные перегруппировки, Якир отдал приказания непосредственно полкам — где сосредоточиваться, в какое время выступать, по каким дорогам двигаться.

— Положение трудное, но не безнадежное, — закончил

командующий. — Нам предстоят суровые испытания, и я верю — мы выйдем из них победителями!

Командиры и комиссары встали и, поправляя на ходу оружие, заторопились к выходу — скорее на позиции, в части. Якир подозвал комбрига-2 Котовского и комиссара 1-й бригады Левензона.

— Ну, хлопцы, — негромко сказал командующий, — помните: от вас зависит, уйти или не уйти Южной группе. Пока не собьется и не тронется средняя колонна, ваши бригады должны во что бы то ни стало сдержать натиск петлюровцев на левом фланге. Мы крепко надеемся на вас…

Все трое вышли на перрон. Котовский и Левензон взобрались на паровоз. Раздался гудок, и в клубах пара растаяла громадная фигура Котовского, приветственно махавшего фуражкой.

Якир вернулся в здание училища. Командующего ждали члены Реввоенсовета.

— Товарищи, — обратился к ним Иона Эммануилович, — прежде всего решим вопрос о новых коммунистах. В наши ряды вливаются члены партийных организаций Одессы, Балты, Ананьева и других оставленных или оставляемых городов, многие советские работники, рабочие, крестьяне-бедняки. Я предлагаю из большинства этих товарищей сформировать Красный сводный полк. Эту часть, примерно в тысячу штыков, командование сможет использовать как надежный резерв и крепкую ударную силу в любой критической ситуации. Кому поручим полк?

— Думаю, товарищу Анулову, — отозвался Гамарник. — Я его знаю по Одессе, да и под Вознесенском, против махновцев, он себя хорошо проявил.

— Возражений нет? Решено. Теперь непосредственно о политической работе…

Немного было тогда среди бойцов членов партии, и потому на каждого коммуниста ложилась двойная, тройная ответственность. Ведь именно им предстояло убедить вчерашних партизан в необходимости покинуть родные места и с оружием в руках прорываться на север. Чтобы люди не механически, а всем сердцем, всей душой усвоили новые задачи, решили провести в частях сначала партийные собрания, а затем общеполковые красноармейские.

Якир предложил отпечатать для бойцов Южной группы специальную «Памятку» с ясным, доходчивым изложением обстановки и задач.

— Надо, чтобы каждый боец понимал, что несут народу деникинцы, петлюровцы, махновцы, что мы еще вернемся с главными силами Красной Армии и освободим юг. Кто же,

товарищи, напишет «Памятку»? Ты, Ян?

Гамарник согласно кивнул.

Заседание Реввоенсовета закончилось глубокой ночью.

Только под самое утро вернулся Якир в свой вагон. Порывисто обнял не спавшую всю ночь жену, сказал шепотом:

— Саинька, дивизия окружена… Весь подвижной состав мы сожжем, а сами будем прорываться…

Помолчав немного, он испытующе посмотрел жене прямо в глаза и добавил:

— Я приказал всем женщинам покинуть дивизию. Тебе нужно показать пример и уехать первой. Захвати с собой еще несколько семей.

— Неужели ты заставишь меня уехать в такой момент?

— Иного выхода нет. Поход будет тяжелым, прольется много крови, я должен все время быть рядом с бойцами. Нет, нет, жены станут обузой, пойми это…

— А если что случится?..

Иона Эммануилович усмехнулся.

— Мы с тобой молодые, родная, будем надеяться на лучшее… Как только вырвемся, обязательно встретимся!..

…Тяжелый черный дым стлался над Бирзулой. Перед походом жгли документы. Политработники роздали населению тысячи листовок, плакатов, книг, для перевозки сохранили только один ящик самых необходимых бумаг. Сотрудники политотдела 45-й получили винтовки, перешли в строй.

Из вагонов перегружали на телеги боеприпасы — впереди не было железнодорожной колеи. Каждый красноармеец получал столько патронов, сколько мог унести. Несмотря на всю тревожность положения, бойцы не теряли бодрости духа, шутили.

— Ну и жара, — жаловался какой-то балагур. — Даже в бою прохладнее, как-никак снаряд ветер наводит…

— А ты не грусти, скоро тебя так продует, что только держись, — под общий смех тут же отвечали ему.

…Гулкие взрывы потрясли воздух. Это саперы уничтожали военное имущество, которое нельзя было вывезти, паровозы, вагоны, бронепоезда…

Штаб-трубач заиграл сигнал.

— Шагом… марш!

Колонна центра двинулась в поход.

А в это время в дубовом лесу под Крыжополем бойцы левой колонны вели тяжелый бой. Выполняя приказ Якира, они упорно отражали все попытки петлюровцев прорвать фронт. Несмотря на неравенство сил, советские бойцы часто переходили в контратаки, тревожили противника ночными налетами. Лишь 1

сентября, после того как главные силы начали поход, стали отходить и поредевшие бригады левой колонны.

К 6 сентября силы всех трех колонн сосредоточились в районе Умани. Отсюда правая колонна двинулась на Белую Церковь — Фастов, колонна центра — в направлении Сквира — Попельня. Левая колонна шла параллельно центральной.

С самого начала Южного похода Якир выдвинул из главных сил авангард под общим командованием комбрига-3 Черникова.

Выбор этот был не случаен. Во-первых, в предыдущих боях 3-я бригада понесла меньше потерь и сохранила больше сил, чем остальные соединения 45-й дивизии. Во-вторых, комбриг Черников зарекомендовал себя мастером быстрого маневра и внезапного удара. Именно под его руководством был произведен исключительно смелый налет через Днестр, во время которого белорумынские захватчики потерпели немалый урон.

Черников вел авангард стремительными переходами, по ночам менял дороги, наносил противнику внезапные удары. Благодаря такой тактике в Бершади был захвачен штаб петлюровской бригады со многими ценными документами, включая планы расположения и передвижения частей, а также обоз с боеприпасами.

У Терновки петлюровцы пытались с помощью артиллерии окружить и уничтожить 3-ю бригаду. Но героические бойцы шесть раз ходили в атаку, прорвали кольцо и взяли Терновку. Путь главным силам был открыт.

Знойно. Растянувшись по холмам на добрых 15–20 верст, движется колонна. Скрипят подводы, скрипит на зубах вьющийся тучей песок. Ремень винтовки, лямки солдатского мешка режут плечи. Но небольшие оркестры без устали играют то походный марш, то звонкое «Яблочко». От этого легче идти, меньше хочется пить, бодрее настроение.

Внезапно пулеметный треск заглушает трубы и барабан оркестра — очередная банда пытается атаковать колонну. Под прикрытием конницы пехота перестраивается в боевой порядок, отгоняет банду прочь.

И снова движется колонна по холмам…

Вечереет. Бойцы втягиваются в село. Кругом ни души. Напуганные петлюровскими россказнями о страшной «коммунии», жители куда-то спрятались. Красноармейцы садятся на траву, отдыхают, курят.

Примерно через полчаса подходят первые «разведчики»:

— Кто такие? Откуда идете? Куда?

Видя, что ничего в селе не тронуто, сами приглашают в хаты. Появляются и остальные крестьяне. Все запоры сняты, окна

раскрыты. Приглашают к столу. Завязываются дружеские беседы. А наутро трудовые селяне сердечно провожают бойцов.

8—9 сентября у железнодорожной станции Монастырище на линии Христиновка — Казатин крупные силы петлюровцев («Запорожская дивизия» с бронепоездами) попытались остановить войска колонны центра, но были отброшены. Одновременно правая колонна разбила деникинцев в районе Тальное — Звенигородка.

Поход продолжался. И хотя бойцы находились в огненном кольце, со всех сторон нападал враг, каждый шаг приходилось делать с боем, красноармейцы не падали духом. В те тяжелейшие дни еще больше окреп авторитет Якира. Командующий не скакал на белом коне, не метал зычным басом «грома и молний» — необыкновенно скромный, Якир вместе с тем всегда оказывался в самых опасных местах. Тихим, ровным голосом, сохраняя полное самообладание, он отдавал приказ — самый нужный, самый правильный. Бойцы твердо верили, что их храбрый и решительный командир обязательно выведет людей из кольца. Все ждали встречи с частями 12-й армии.

Но где же они были, войска этой армии?

Чуть только останавливались бойцы на привал, сразу же разбивалась палатка маленькой походной радиостанции. В небо поднималась антенна, начинал стучать движок. Чуткое ухо радиста напряженно вслушивалось в эфир. И опять ничего нового — одни деникинские реляции об «уничтожении» Южной группы. Чтобы ввести противника в заблуждение, Якир отдавал «приказы» несуществующим дивизиям, указывал в них «маршруты», назначал время «атак».

11 сентября, разбив петлюровцев под Сквирой, части Южной группы расположились на короткий отдых. Якир только разложил перед собой карту, когда к нему прибежал запыхавшийся вестовой с радиостанции.

— Товарищ командующий! Связь! Наши…

Иона Эммануилович немедленно поспешил к рации.

— Я Дубовой, — донеслось по эфиру. — Кто у радио?

— Я, Якир.

Сообщив, что его части находятся в районе Житомир — Тетерев, начдив 44-й И. Н. Дубовой предложил Южной группе нанести совместный удар на Житомир.

Предложение было принято Якиром.

Однако Южная группа все еще находилась во вражеском кольце. Отбросив все свои разногласия, петлюровцы и деникинцы решили во что бы то ни стало воспрепятствовать советским частям перейти железную дорогу Казатин — Фастов и полностью

их уничтожить в этом районе. Петлюровцы подтянули к станции Попельня отборные галицийские части с бронепоездами. Двинули к Попельне со стороны Фастова свои бронепоезда и деникинцы.

Якир понимал, что наступил решающий момент. Для прорыва в районе станций Бровки — Попельня был собран ударный кулак в составе 2-й и 3-й бригад, Красного сводного полка и Коммунистического отряда Гуляницкого. Все, способные носить оружие, перешли из обозов на пополнение полков. В частях провели короткие митинги. Настроение у красноармейцев было самое боевое. «Даешь прорыв!» — стало самым популярным лозунгом.

…Бой под Бровками начался 15 сентября. Несколько раз подымались в атаку красноармейцы, но противник осыпал их пулями и снарядами. Все-таки шаг за шагом приближались бойцы к заветному железнодорожному полотну.

Стемнело. Под прикрытием ночи воины-коммунисты Красного сводного полка поднялись в новую атаку и ударили врукопашную. Петлюровцы дрогнули, отошли к самой станции Бровки. Стоявший там бронепоезд открыл яростный орудийный огонь. Из густого леса близ станции непрерывно строчили пулеметы. Особенно опасным был пулемет, бивший по флангу с мельницы. Зная, что неподалеку действует артиллерия 2-й бригады, командир Красного сводного полка Ф. Анулов обратился к ней за помощью. Со второго выстрела батарейцы Котовского сняли проклятый пулемет с мельницы. Пехота снова двинулась вперед.

И вдруг навстречу ей со стороны противника помчалась кавалерия. Это были… котовцы. Григорий Иванович Котовский с группой конников совершил замечательно смелый рейд во вражеский тыл. Ударом со всех сторон станция Бровки была взята! Разгромленный наголову противник бежал, оставив множество убитых, 600 пленных, 7 орудий, 14 пулеметов.

В то же время части правой колонны разбили деникинцев у Фастова.

Путь на Житомир был открыт. 16 сентября под охраной специально выставленных заслонов войска и обозы Южной группы в течение восемнадцати часов пересекали железнодорожное полотно линии Казатин — Фастов.

В яркий солнечный день 17 сентября, разгромив занимавшие Житомир войска противника, части Южной группы и 44-й дивизии одновременно вступили в город. Бойцы обнимали друг друга, целовали, радостно смеялись…

Героический четырехсоткилометровый поход закончился. Закончился полной победой войск Южной группы.

Провалились планы врага разгромить и уничтожить оказавшиеся в кольце красные части. Напротив, войска Якира сами нанесли противнику ряд сильных ударов и вышли из кольца еще более окрепшими. Несмотря на потери, к вступлению в Житомир 45-я дивизия имела на добрую тысячу штыков больше, чем в конце августа, — благодаря притоку добровольцев. За счет трофеев почти вдвое увеличилось количество орудий и пулеметов.

20 сентября Якир издал приказ по войскам Южной группы, в котором объявил всем красноармейцам и командирам благодарность за проявленные ими сознательность, дисциплину и верную службу Красному знамени рабоче-крестьянской революции. «Реввоенсовет Южной группы, — говорилось в приказе, — благодарит вас, товарищи, и зовет к новым славным боям, к новым победам». Бойцы группы получили приветствия от Реввоенсовета Советской республики, РВС 12-й армии.

1 октября председатель Совета Рабоче-Крестьянской Обороны В. И. Ленин подписал постановление о награждении 45-й и 58-й дивизий почетными революционными Красными знаменами. Все бойцы, командиры и политработники частей Южной группы получили денежную награду в размере месячного оклада. Наиболее отличившиеся в боях были награждены орденами Красного Знамени. Второй орден Красного Знамени по праву украсил грудь командующего группой И. Э. Якира.

Прорыв группы Якира из окружения произошел в момент исключительного обострения обстановки на Южном фронте. Войска Деникина, не считаясь с огромными потерями, рвались к Москве. Шли ожесточенные бои в районе Орла.

Учитывая создавшееся положение, Реввоенсовет Южной группы решил, что лучшей помощью Красной Армии под Орлом будет стремительный рейд на Киев, превращенный деникинцами в одну из своих основных баз. Вместе с Гарькавым и Голубенко Иона Эммануилович на паровозе отправился в Новозыбков, где находился штаб 12-й армии.

Члены Реввоенсовета армии горячо приветствовали героев Южного похода. В ответ на многочисленные вопросы Якир почти не говорил о трудностях. Худой, черный от загара, казалось, весь пропитанный порохом и походной пылью, он широко улыбался.

— Люди!.. Золотой народ!.. — восхищался бойцами Якир. — Как дрались, как дрались!.. На одного колеблющегося или труса приходились тысячи героев. Если бы мог, каждого прижал бы к своему сердцу…

Затем, уже без улыбки, Иона Эммануилович сказал:

— Теперь мы пойдем на Киев.

— Не спешите, вам надо отдохнуть…

— Нет, нет, — настаивал Якир. — Еще в походе, узнав, что деникинская сволочь захватила Киев, мы вынашивали мысль отбить его. Разрешите нам ударить… Уверен, что деникинцам не поздоровится.

Предложение Якира понравилось Реввоенсовету, но директива Главного командования Красной Армии предписывала отвести части в резерв. Штаб 12-й армии связался с Москвой — главком подтвердил прежнюю директиву. В Москве 45-ю дивизию предполагали направить под Петроград, где шли тяжелые бои с Юденичем.

Член Реввоенсовета 12-й армии Семен Иванович Аралов сообщил Якиру о решении главкома.

— Хорошо, приказ будет выполнен, — ответил Иона Эммануилович.

Затем Якир сделал несколько шагов, пригладил волосы ладонью и вдруг застенчиво, но твердо сказал:

— Семен Иванович, мы все сделаем, как приказывает главком. Но разрешите, не нарушая сроков выполнения этого приказа, помочь нашим частям, наступающим на Киев. Поддержите нас, товарищ Аралов! Это будет такая неожиданность для Деникина, что его может кондрашка хватить.

Реввоенсовет армии дал разрешение.

Организовав из частей 45-й и 58-й дивизий три ударные группы, Иона Эммануилович отдал приказ о наступлении. «Общая обстановка, — говорилось в приказе, — требует овладения Киевом в наикратчайший срок». Противник упорно сопротивлялся. Особенно кровопролитные бои развернулись 6–7 октября на участке 2-й бригады Котовского у села Новая Гребля. Исход дела решил жестокий ночной бой.

Преследуя врага, войска Южной группы совместно с Богунской бригадой 44-й дивизии ворвались в Киев. Над тылом ударной группировки деникинцев нависла серьезная угроза.

Чтобы исправить положение, белогвардейскому командованию пришлось снять с других участков фронта крупные силы и бросить их под Киев. После упорного двухдневного боя войска Южной группы оставили город, но основная задача была выполнена. Оттянув на себя немало белогвардейских полков, дивизии Якира помогли частям Красной Армии под Орлом, где в эти самые дни начинался исторический перелом, знаменовавший начало конца кровавой деникинщины. На всем украинском участке Южного фронта противник был вынужден перейти к обороне.

Теперь настал срок выполнения приказа о выводе частей на

отдых и пополнение. Южная группа расформировывалась, и 45-я дивизия, в командование которой вновь вступил Якир, переходила в резерв главкома.

1-я и 3-я бригады расположились на отдых в Вязьме, 2-я бригада — в Рославле. В части прибыло пополнение: свыше 1 500 человек. Эти люди раньше дезертировали из армии, они не имели никаких боевых навыков, были политически неграмотны. Новобранцев распределили по подразделениям, где бывшие дезертиры вместе с ветеранами Южного похода усиленно занимались строевой и политической подготовкой.

В дни «партийной недели» свыше 1 000 бойцов и командиров 45-й дивизии, проявивших себя в боях с врагом, вступили в ряды РКП (б). Состоявшаяся в Вязьме I Дивизионная партийная конференция отметила, что обученность и политическая сознательность личного состава значительно выросли.

Эта оценка особенно важна потому, что и в тылу бойцам приходилось нелегко. Питание было крайне скудно, состояло почти из одной воблы, для отопления казарм и бараков не хватало дров. На занятиях роты маршировали по рано выпавшему снегу в самой немыслимой обуви: развалившихся ботинках, опорках, лаптях, каких-то тряпках. Свирепствовал тиф…

Якир пытался обеспечить дивизию обмундированием на месте, но это ему не удалось. Тогда Иона Эммануилович отправился в Москву и лично у главкома добился 5 тысяч комплектов обмундирования — сапог, шинелей, гимнастерок, галифе, ремней. Еще некоторое количество комплектов главком обещал прислать немного попозже.

Едва только начдив вернулся из столицы, оттуда пришел срочный приказ: немедленно грузиться в эшелоны и двигаться на Петроградский фронт. Красный Питер находился в еще более опасном положении, чем в начале лета. Войска Юденича, прорвав фронт 7-й армии, вышли на ближние подступы к городу.

Получив приказ Москвы, Якир тут же распорядился начать посадку в эшелоны. Она проходила так: красноармейцы в новом обмундировании грузились в натопленные вагоны и раздевались до белья, а их одежда доставлялась в казармы для следующей партии бойцов. Эта «операция» продолжалась до тех пор, пока все части не оказались на колесах. Уже на пути к Петрограду прямо в вагоны привезли обещанное главкомом недостающее обмундирование. Теперь все бойцы были хорошо и тепло одеты.

В Петрограде ждала хорошая весть: 7-я армия уже отбросила врага. Около двух недель части 45-й находились в резерве под городом, а 25 ноября пришло долгожданное назначение на Южный фронт.

«На род-ну-ю У-кра-ину», — пели колеса бойцам. Из тесных теплушек, казалось, уже были видны приднестровские поля, виноградники, беленькие хатки с тополями…

Первое, что предстало перед глазами красноармейцев 45-й, выгрузившихся в Глухове, были тела повешенных деникинцами рабочих. Путь к берегам Днестра лежал через упорные бои с жестоким и коварным врагом.

В конце декабря 1919 года войска Красной Армии начали решающее сражение за Донбасс. К этому времени 45-я дивизия, выведенная из резерва в районе Полтавы, была переброшена на правый фланг 14-й армии с задачей наступать на Екатеринослав (Днепропетровск). Разбив белых у Дмухайловских хуторов и Чаплинки, части Якира освободили 29 декабря Новомосковск и Верхнеднепровск. В этих боях большую помощь дивизии оказали партизаны, целыми отрядами вливавшиеся в красные полки.

30 декабря бойцы 3-й бригады подошли к Днепру у Екатеринослава. За несколько часов до этого белые взорвали железнодорожный мост через реку. Несмотря на мороз, Днепр замерз только местами, переправа по льду оказалась невозможной. Что было делать? Ждать? Но это означало дать противнику возможность укрепиться, занять выгодные позиции. Герои Южного похода нашли выход. В наступившей темноте бойцы 405-го полка, как акробаты, цепляясь за исковерканные остатки мостовых ферм и повисшие над бездной рельсы, перебрались на правый берег и вступили в Екатеринослав. В городе было захвачено много паровозов и вагонов, груженных боеприпасами и амуницией, — белые не успели их угнать.

К 1 января 1920 года освобождение Донбасса от белогвардейцев было завершено. Войска Деникина оказались рассеченными на три группировки. Одна, наиболее крупная, отошла на Северный Кавказ, другая отступала к Одессе, третья — в Крым. Но деникинцы надеялись восстановить положение — укрепиться на Кубани и в районе Одессы — Николаева, а затем нанести сходящиеся удары из этих районов. В такой обстановке перед 14-й армией была поставлена задача: завершить изоляцию северокавказских войск белых от оставшихся на Украине, а затем наступлением на запад «отжать» противника в район Одессы и ликвидировать. В решении этой задачи очень важную роль сыграла дивизия Якира.

После освобождения Екатеринослава Иона Эммануилович приказал 1-й бригаде в кратчайший срок занять Александровск (Запорожье). У Софиевки — в 20 километрах северо-восточнее города — два стрелковых полка бригады вступили в бой с кавалерийской группой белых примерно в 800 сабель. Весь день 4

января шел этот ожесточенный бой, к ночи противник был отброшен с большими потерями. Ранним утром 5 января бронепоезд 1-й бригады прибыл на станцию Александровск. По перрону суетливо бегал какой-то человек с огромной повязкой на рукаве: «Комендант станции от войск батьки Махно…»

Главные силы Махно общей численностью около 40 тысяч штыков и сабель располагались в районе станций Апостолово, Никополь, Токмаковка на правобережной Украине. Большинство этих людей стояло за советскую власть и вступило в махновские отряды для партизанской борьбы с деникинцами. Во многих махновских частях работали подпольные коммунистические ячейки. Однако «гвардия» Махно — его отборные конные части — состояла из кулацких элементов, люто ненавидевших Советы. В декабре 1919 года Махно перешел к террору против коммунистов, группа видных партизанских командиров была расстреляна. В ответ на это оставшиеся коммунисты призвали бойцов Махно переходить в Красную Армию.

Перед Махно было два пути: либо признать советскую власть, подчиниться ей, выступить на помощь Красной Армии, либо перейти к открытой борьбе с советскими войсками. Во втором случае он неизбежно должен был сделать попытку прорваться из района Никополя на свою основную базу — в Гуляй-Поле. Для этого махновцы должны были переправиться через Днепр.

Якир, естественно, не знал о намерениях Махно, но предусмотрительно приказал 1-й бригаде прикрыть переправу у Александровска. Однако полки бригады задержались из-за боя под Софиевкой, чем воспользовался Махно. «Батька» терпеливо следил за этим боем с правого берега. Убедившись в поражении деникинцев, он тут же перешел через Днепр с двумя полками своего 2-го корпуса. Вот с этими полками и встретился в Александровске один-единственный батальон 397-го полка. Остальные силы 1-й бригады увлеклись преследованием деникинцев и проскочили вперед.

Командир 1-й бригады (бывший ее комиссар) Ф. Я. Левензон установил из Александровска телефонную связь со штабом дивизии и доложил Якиру сложившуюся обстановку.

Иона Эммануилович был серьезно озабочен. Уже сам факт переправы через Днепр показывал, что Махно стремится увести свои войска в Гуляй-Поле. Однако на открыто враждебные действия против Красной Армии он пока не решается. Как официально разговаривать с Махно — определят высшие инстанции, а пока, не прекращая боевых действий против деникинцев, следует начать агитацию среди махновцев.

Начдив приказал Левензону стянуть бригаду в Александровск

и приступить к исполнению обязанностей начальника гарнизона, обеспечить свободную демонстрацию рабочих, организовать военный парад.

Назначение советского коменданта, несмотря на наличие махновского начальства, укрепило авторитет Красной Армии, а демонстрация рабочих под алым знаменем показала, на чьей стороне трудящиеся.

Махно засел в своей штаб-квартире в гостинице «Европейская». Даже самые доверенные приближенные не решались прерывать угрюмое молчание «батьки», неподвижно застывшего у чайника с горилкой в номере уездного отеля. Время от времени Махно тряс поповской шевелюрой и хрипло спрашивал:

— Берут? Пьют?

И тогда самым доверенным приходилось докладывать: красноармейцы отказываются и от денег и от водки, что так «щедро» предлагали им надежные «батькины» хлопцы.

А тем временем бойцы 45-й охотно отвечали на бесконечные вопросы рядовых махновского войска: о Советах, политике партии, положении в Красной Армии.

7 января в Александровске состоялся парад 1-й бригады, на котором присутствовали и махновцы.

Поздравив бойцов с освобождением Красной Армией Бердянска и Мариуполя, комбриг обратился затем к партизанам Махно с призывом стать на защиту Красного знамени рабоче-крестьянской революции. В рядах махновцев послышались голоса одобрения.

Тогда попытался вмешаться Попов — один из видных махновских приспешников. Он призвал красноармейцев перейти в армию «батьки», где «все равны», всячески поносил при этом красных командиров и комиссаров. Комбригу и комиссару бригады Генину с трудом у далось удержать бойцов, рвавшихся тут же поднять Попова на штыки.

Парад стал переломным моментом. К вечеру во всех махновских частях в городе прошли митинги, на которые приглашали красноармейцев. После митингов многие бывшие партизаны — группами и в одиночку — приходили с просьбой зачислить их в советские части. Немало махновцев просто бросили оружие и разошлись по домам.

Обо всем этом было немедленно передано Якиру, который вел переговоры с командующим 14-й армией И. П. Уборевичем и членами Реввоенсовета. Аппарат выстукивал на длинной ленте сообщение о том, что получено распоряжение Южфронта предложить армии Махно выступить в защиту Советской

республики против поляков в районе Мозыря. «Во исполнение этого распоряжения, — читал Якир, — нами будет передан для Махно оперативный приказ. Мы полагаем, что соответствующее отношение Махно к этому приказу даст нам возможность иметь определенный материал для нашего дальнейшего поведения. Последнее постарайтесь использовать Вы и будьте добры высказать Ваше мнение».

Доложив о последних событиях в Александровске, Якир ответил:

— Я лично, зная Махно, полагаю, что он ни в коем случае не согласится…

Приказ РВСР о переброске на Западный фронт был вручен Махно 8 января. Махно приказа не выполнил. 10 января части 45-й приступили к прочесыванию местности и разоружению махновцев. Большинство войск Махно не оказало никакого сопротивления, многие, в том числе даже «1-й стальной имени батьки Махно полк», заявили о своем переходе в Красную Армию. Только сам Махно с крохотной кучкой приближенных ускакал в Гуляй-Поле.

«Борьба с Махно, — говорилось в приказе РВС 14-й армии, — требовала от каждого красноармейца не только боевых качеств, но и высокой политической сознательности, стойкости и выдержки.

Реввоенсовет армии с полным удовлетворением отмечает, что все эти качества были проявлены частями 45-й дивизии, на которые была возложена ответственная работа по ликвидации махновщины»…

— Ну вот, товарищ начдив, и разложили махновцев, — радостно заметил кто-то из штабных работников, прочитав приказ.

— Разложили? — улыбнулся Якир. — По-моему, не разложили, а оздоровили. Впрочем, теперь это уже пройденный этап. Сейчас меня беспокоят дела на берегах Буга…

Шаг за шагом, в жестоких боях отвоевывали красные воины родную Украину. И в каждом городе, каждом селе возникали митинги, на которых население горячо приветствовало своих освободителей. Политработники дивизии помогали восстанавливать советскую власть на местах, содействовали ревкомам в борьбе с разрухой, голодом, тифом. Многие рабочие и крестьяне освобожденных районов вступали в дивизию добровольцами. Среди них был и пятнадцатилетний комсомолец Николай Островский; Вместе со многими другими добровольцами его направили в формировавшуюся тогда из конных под: разделений дивизии кавалерийскую бригаду. 25 января

кавбригада во главе с Г. И. Котовским закончила формирование и получила приказ совместно со 2-й бригадой овладеть Вознесенском.

Белогвардейское командование понимало все значение этого важного узлового пункта на реке Южный Буг, стянуло сюда крупные силы пехоты, конницу, артиллерию, бронепоезда.

…Ветер поднимал клубы снежной пыли, зло кру тил их, бросал в лицо. На двадцатиградусном морозе стыли руки и замки орудий, мерзла вода в кожухах «максимов». Как огнем, обжигала пальцы заледеневшая сталь затворов. Но люди шли вперед сквозь буран. Бойцы 402-го стрелкового полка торопились на помощь котовцам, уже завязавшим бой за Вознесенск.

Командир полка Н. Н. Криворучко распорядился непрерывно подкладывать дрова в топки походных кухонь, где кипятилась вода. И хотя, конечно, все понимали, что «поить», кипятком будут пулеметы, кто-то из бойцов пошутил:

— Не хотите ли, товарищ командир, белых угощать чайком?

— Угостим на славу, — отвечал Криворучко. — Выполним приказ начдива, сегодня же возьмем Вознесенск!

«Приказ начдива» — эти слова стали железным законом в 45-й.

В ночь на 31 января под ураганным орудийным огнем конница и пехота 45-й ворвались в Вознесенск. После жестокого боя в непрекращающемся буране город и станция были освобождены.

2 февраля после суточного сражения полки 3-й бригады заняли Ольвиополь.

Теперь 2-й армейский корпус белых силой до 7 тысяч штыков и сабель был прижат к Днестру. Командование корпуса предприняло отчаянные попытки прорваться к Одессе. В районе Раздельной развернулись кровопролитные бои, в которых части Якира нанесли противнику серьезный урон, накрепко преградив ему путь в Одессу.

В те дни к событиям под Одессой было приковано внимание многих столиц мира. Английский и, французский представители в ставке Деникина генералы Хольман и Манжен понимали, что падение города продемонстрирует в Лондоне и Париже крах белогвардейщины. Хольман обещал деникинцам в Одессе любую материальную поддержку, в порт вошли английские военные корабли. В самом городе в помощь войскам создавались добровольческие отряды. Кто их только не формировал! Буржуазный контрреволюционный «Союз возрождения» и немцы-колонисты, крупный бандит атаман Струк и митрополит Платон, городская дума, генералы, гимназисты…

Но все усилия врага были тщетны. Ничто не могло удержать победного шествия советских войск. Днем 7 февраля кавбригада Котовского и 1-я стрелковая бригада совместно с частями 41-й дивизии ворвались в Одессу. Под огнем военных кораблей и бронепоездов шла упорная борьба за каждый квартал, за каждую улицу. К утру 8 февраля город был окончательно освобожден.

С падением Одессы деникинская армия на Украине перестала существовать. Лишь три группы войск генерала Мартынова, полковника Стесселя и генерала Бредова еще держались в плавнях днестровского устья, в районах Тирасполя и Рыбницы. Группы эти, состоявшие почти сплошь из офицеров, стремились перейти в Румынию. За рубежом белогвардейцы надеялись набраться сил для новых выступлений против советской власти.

Якир приказал всем кавалерийским и стрелковым частям стремительным продвижением занять переправы через Днестр, окружить белогвардейские группы и заставить их капитулировать. Эта операция продолжалась до 19 февраля. Были взяты в плен тысячи офицеров, захвачено огромное количество орудий, десятки бронепоездов, множество эшелонов с самым разнообразным имуществом. Лишь небольшой части белогвардейцев во главе с генералом Бредовым удалось убежать в белопанскую Польшу.

Так завершился победоносный освободительный поход 45-й по Украине.

Во время этого похода дивизия, не имевшая фактически штатного состава, наступала в полосе до 60 километров. Сражаясь с многочисленным, хорошо вооруженным противником, Якир широко применял маневрирование отдельными боевыми группами. Эти группы, действовавшие на наиболее важных направлениях, имели сильные авангарды, им придавалась дивизионная артиллерия. Особую роль сыграла кавбригада Котовского, решавшая самостоятельные и притом самые ответственные боевые задачи. В такой обстановке многое зависело от командиров частей, от их находчивости и инициативы. В дивизии выросло немало комполков — бывших партизан, под руководством Якира ставших отличными военачальниками регулярной Красной Армии, — Липатов, Криворучко, Задорожный, Минин и другие.

Храбрость и мужество бойцов, мастерство командиров, огромный труд политработников принесли свои замечательные плоды. Войска Якира блестяще провели стремительное наступление, научились уверенно охватывать и окружать даже более многочисленного противника, завершать операции полным разгромом врага. Далеко прогремела тогда слава 45-й

Краснознаменной дивизии, названной современниками «Якировской».

…Холодный мартовский ветер развевал пробитое пулями алое знамя. Покачивая лесом пик, проносилась конница. Сверкая штыками, уверенно шла пехота. Грозно подняли стволы заслуженные ветераны — трехдюймовки. 45-я уходила в новый поход — на белопольский фронт.

Приветствуя части, Иона Эммануилович вспоминал, как ровно восемь месяцев назад в этих самых местах он принял 45-ю. Всего восемь месяцев… Как все изменилось с тех пор! Уже не разрозненные, недисциплинированные отряды, а спаянные, железные полки. В их рядах ветераны Южного похода… Они обещали вернуться с победой — и вернулись. Вместе с ними — добровольцы из-под Полтавы, Екатеринослава, донецкие шахтеры. Вот этот, такой молоденький котовец в длинной шинели — наверное, комсомолец.

Не знал начдив тогда, что перед ним сам Павка Корчагин. Но был уверен — в бою не подведет. Ведь это красноармеец 45-й!

…Если бы Ильич взглянул на эти полки… Якир представил себе Ленина, изучающего в Кремле карту фронтов. Не хотят паны мира, угрожают… Не беспокойся, Ильич, родной, — выстоим. Ты призвал создать крепкую регулярную Красную Армию — она создана. Ты призвал разгромить деникинцев — этих войск больше не существует. Дай, Ильич, новый приказ партии — и мы выполним его до конца!

Якир вскочил в седло и тронул коня. Полки уходили в бой.

21 мая 1920 года И. Э. Якир был назначен командующим группой войск фастовского направления, в которую вошли 44-я, 45-я дивизии и часть сил Днепровской военной флотилии. В июне войска группы приняли участие в контрнаступлении Красной Армии, освободили от белополяков Фастов, Брусилов, Радомысль, Казатин. В августе Иона Эммануилович возглавлял группу войск золочевского (затем Львовского) направления из 45-й, 47-й стрелковых дивизий и 8-й дивизии червонного казачества. На заключительном этапе войны бойцы 45-й под командованием Якира разгромили банды Петлюры под Проскуровом и Волочиском. За эту победу Иона Эммануилович был награжден почетным золотым оружием.

После окончания гражданской войны И. Э. Якир занимал ответственные командные должности на Украине, полтора года работал начальником Главного управления военно-учебных заведений РККА. В ноябре 1925 года Иона Эммануилович был

назначен командующим войсками Украины и Крыма. На этом важнейшем посту (во главе Украинского, затем Киевского военного округа) Якир плодотворно трудился до конца жизни.

Все свои силы, знания и энергию отдавал Якир неустанной, напряженнейшей работе по строительству Красной Армии, по укреплению обороны страны.

Учения войск Украинского военного округа носили решительный, подлинно боевой характер. Тщательно отрабатывались все виды боя, в частях не жалели сил на устройство минных полей, лесных завалов, противотанковых рвов, Якир всегда стремился к тому, чтобы каждое занятие приносило воинам пользу, серьезно повышало их боевое мастерство. Ученик и Соратник Якира генерал М. Ф. Лукин отмечает, что Иона Эммануилович не раз говорил:

— Нам не нужны учения ради учений… Отбыть номер и доложить об исполнении — для этого большого ума не требуется. Нет, каждый боец и командир за эти дни, потопав и изрядно попотев, должен вырасти и почувствовать, что он вырос. Ведь учимся не для отчетов…

На занятиях с командирами Якир требовал от подчиненных умения мыслить и действовать самостоятельно. Генерал армии А. В. Горбатов вспоминает характерные слова командующего на разборе занятий:

— Есть, к сожалению, у нас неустойчивые командиры. Примет такой командир правильное, обоснованное решение. Казалось бы, все хорошо, действуй! Однако стоит задать товарищу вопрос или спросить, почему он принял именно такое решение, а не иное, как он начинает колебаться и пытается угадать, чего хочет начальство. Видите, он уже думает о начальстве, а не о деле… В результате отменяет правильное решение и допускает ошибки. Не годится так, товарищи, не годится!

Большое внимание уделял Иона Эммануилович взаимодействию войск. Он часто вылетал на самолете вместе с сухопутными начальниками и предлагал им с воздуха определять огневые позиции для артиллеристов, наиболее выгодные места подхода и развертывания крупных частей. Нередко после таких «воздушных поездок» начиналось «оморячивание» — совместные игры начальствующего состава округа и Черноморского флота.

Якир вкладывал в эти трудные армейские будни всю свою душу — иначе он не мог. «Я не помню случая, — пишет М, Ф. Лукин, — чтобы командующий перепоручил учение войск, полевую поездку начсостава, военную игру кому-либо из своих помощников. А ведь рядом с ним работали отличные

специалисты военного дела: начальники штаба округа П. П. Лебедев и Д. А. Кучинский, начальник управления боевой — подготовки С. А. Калинин, начальник оперативного отдела В. С. Сидоренко, его помощник В. П. Бутырский, наконец, его заместитель и боевой друг Иван Наумович Дубовой. Всех их Якир высоко ценил, всем доверял, но он должен был все видеть сам, во все вникать, быть всюду с войсками — в бою, на учениях, на отдыхе. Только при этом условии, по его глубокому убеждению, можно было руководить частями и соединениями, нести полную ответственность за их подготовку и наиболее разумно использовать знания и опыт подчиненных».

Иона Эммануилович регулярно следил за военной литературой — советской и зарубежной. Он высоко ценил опыт гражданской войны, но относился к нему творчески. В новых условиях, справедливо полагал Якир, нельзя отводить первое место коннице и ее массированным ударам. Всеми силами ратовал он за ускоренное развитие мотомеханизированных войск, за создание крупных механизированных соединений. В 1933 году под непосредственным руководством Якира его любимая 45-я Краснознаменная Волынская стрелковая дивизия реорганизовалась в мехкорпус. Вслед за этим на Украине была создана значительная часть первых в Красной Армии подобных соединений.

В сентябре 1935 года у станции Бровары под Киевом был осуществлен небывалый тогда воздушный десант. Целая дивизия с пушками и автомашинами выгрузилась из самолетов на захваченный парашютистами аэродром. Эта блестящая операция, получившая восторженную оценку зарубежного генералитета, соответствовала взглядам Якира на массированное использование авиации.

По инициативе командующего в округе сооружались Киевский, Коростеньский, Центральный Украинский, Тираспольский и Каменец-Подольский укрепленные районы, оборудованные долговременными железобетонными огневыми точками с тяжелыми пулеметами и пушками. «В начале Великой Отечест-венной войны, — свидетельствует Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян, — эти районы могли бы сыграть большую роль: гитлеровские орды, натолкнувшись на мощный заслон, не смогли бы так быстро продвинуться в глубь нашей страны, если бы укрепления не разоружили и не демонтировали».

Немало внимания уделял Иона Эммануилович созданию в приграничных районах скрытых партизанских баз и подготовке людей для партизанских отрядов. К сожалению, и это важное дело было впоследствии свернуто.

Как и в годы гражданской войны, Якир с величайшим вниманием относился к армейской политработе. Нельзя не привести такое свидетельство И. Х. Баграмяна: «Приезжая в дивизию, Якир лично вникал во все стороны боевой и политической подготовки. Прежде всего его интересовало политическое воспитание красноармейцев и командиров. Он подчеркивал, что основное преимущество Красной Армии перед армиями капиталистических стран (при равном уровне боевой подготовки) состоит в высокой политической сознательности ее бойцов и командиров.

— Если мы не будем постоянно проявлять заботу о политическом воспитании Красной Армии, — часто говорил Якир, — то она лишится своего главного преимущества и превратится в обычную армию».

Находясь в войсках, Якир выступал с докладами перед командно-политическим составом, по душам говорил с бойцами. Обстоятельно отвечал Иона Эммануилович на все вопросы — от международной обстановки до положения дел в деревне.

Коммунист-ленинец, он во всем был по-настоящему партийным человеком. В 1930 году ряд командиров округа — бывших офицеров — был арестован по обвинению в контрреволюционном заговоре. Якир был убежден в невиновности арестованных и, несмотря на советы кое-каких ответственных лиц «не вмешиваться», отправился в Москву, добился освобождения и реабилитации арестованных.

Всегда скромный и внимательный, Иона Эммануилович любил людей. Когда бывший красноармеец, участник Южного похода, остался с больной женой без жилья, Якир немедленно уступил ему комнату в своей квартире. Особенно тепло относился Иона Эммануилович к детям. В свободные минуты он ласково возился с малышами, сочинял им сказки, вместе с ними от души смеялся.

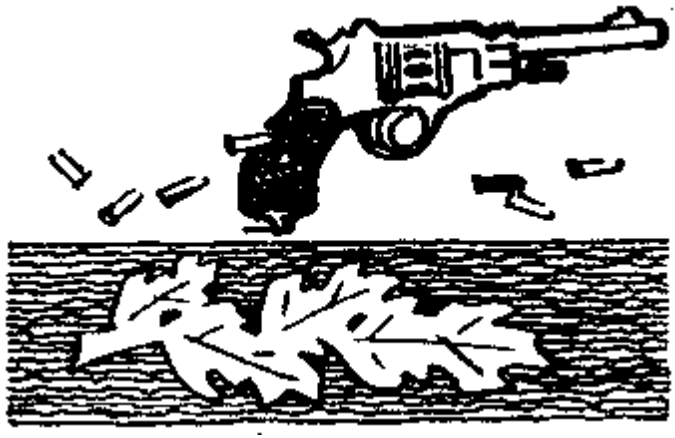
…Партия, страна высоко оценили заслуги замечательного полководца-коммуниста. И. Э. Якиру было присвоено звание командарма I ранга, его наградили третьим орденом Красного Знамени. XVI съезд партии избрал Якира кандидатом в члены Центрального Комитета ВКП (б), а XVII — членом ЦК.

И этот человек пал жертвой культа личности Сталина. 1 июня 1937 года по дороге в Москву на станции Брянск Якир был арестован. Ему предъявили фальсифицированное обвинение в измене, в шпионаже. На допросах Якир заявлял следователям, что арест и обвинение против него — провокация, что партия введена в заблуждение, но она разберется в том, что такие люди, как он, гибнут в результате провокаций.

На XX и XXII съездах партии стала известна правда. Советскому народу возвращено незапятнанное имя выдающегося полководца, одного из лучших представителей Коммунистической партии в Красной Армии Ионы Эммануиловича Якира.

М. ПАЛАНТ

ВАСИЛИЙ ШОРИН



«Доношу, что, прибыв 13 сентября 1918 года в район 2-й армии, я застал армию в полном развале. Штаб находился в состоянии тяжелой дезорганизации, от армии оставалось несколько партизанских отрядов, оторванных от штаба, окруженных неприятелем, плохо снабженных и морально разложившихся.

Усилиями Реввоенсовета-2 удалось в короткое время сплотить эти отряды вместе с прибывшими свежими полками и отрядом Азина и сформировать две дивизии, о результате действий которых вам своевременно доносилось.

Дальнейшее движение вперед в пределах указанной вами задачи задерживается вследствие малочисленности сил, еле достаточных для того, чтобы удерживать завоеванные позиции против многочисленного неприятеля.

Армия ослаблена также вследствие крайней нужды во всех видах снабжения, особенно артиллерией.

Для дальнейшего развития достигнутых успехов и выполнения задачи, а также для быстрой ликвидации Ижевского восстания нахожу необходимым усиление армии тремя правильно организованными полками и всеми видами снабжения. Артиллерию необходимо довести до штатов двух дивизий.

О последующем вашем распоряжении прошу не отказать в срочном уведомлении.

Командарм-2 *Шорин*,

члены Реввоенсовета *Штернберг, Гусев*».

Так 12 октября 1918 года доносил главкому И. И. Вацетису

командующий 2-й армией Восточного фронта Василий Иванович Шорин.

Приняв в таком виде армию месяц назад, Шорин не стал хныкать, а засучив рукава вместе с членами Реввоенсовета армии старыми большевиками Сергеем Ивановичем Гусевым и Павлом Карловичем Штернбергом (известный профессор-астроном Московского университета) принялся за организацию армии и приведение ее в боеспособное состояние.

Окружающие часто слышали от него: «Бездействие — поражению сестра — разлагает войска». Уже в сентябре Шорин сформировал из разрозненных отрядов и отрядиков две дивизии.

Начальником 1-й дивизии был назначен Иван Федорович Максимов. Начальником 2-й стал Владимир Мартинович Азин.

Опытный старый вояка, Шорин знал, что лучшая спайка частей достигается в боевых условиях. И он сразу направил в бой вновь сформированные дивизии. К назначенному приказом Шорина сроку, 20 сентября, были освобождены от белой «Народной армии» Комуча — так в целях обмана народа назвал Комитет учредительного собрания контрреволюционную армию — крупное село Лубяны и затем город Мамадыш.

Первые, пусть небольшие успехи, как и рассчитывал Шорин, воодушевили части, вселили в них уверенность в своих силах и доверие к новому командованию армией. Эти операции, построенные на тесном взаимодействии полков обеих дивизий, имели огромное значение в боевой подготовке войск 2-й армии. Но вряд ли и Шорин мог тогда поверить, что через два месяца непрерывных боевых действий молодые части настолько «повзрослеют», что смогут разгромить крупную Ижевско-Воткинскую контрреволюционную группировку (точнее сказать, целую армию) и этой победой заслужить поздравление Владимира Ильича Ленина.

Василий Иванович Шорин родился в 1870 году в небогатой трудовой семье. Рано лишившись родителей, он ребенком был перевезен из захолустного городка Калязина к родственникам в Казань. Чтобы скорее «выйти в люди», Шорин поступил в Казанское юнкерское училище, доступное для лиц недворянского происхождения.

С 1892 года Шорин стал нести службу офицера-строевика. Выделялся усердием и хорошей подготовкой своих подразделений. В числе лучших командиров рот был командирован для повышения знаний в Ораниенбаум — в Офицерскую стрелковую школу.

В первую мировую войну за боевые отличия и личную

храбрость Шорин заслужил почти все ордена и награды, предусмотренные для офицеров, включая самые почетные: орден св. Георгия и георгиевское оружие. Закончил службу в старой армии в чине полковника. Командовал 102-м Вятским полком. Осенью 1917 года солдатские комитеты выбрали его начальником 26-й пехотной дивизии.

В 1918 году Шорин лечился после ранений в Вятке. Там, встретившись с С. И. Гусевым и П. К. Штернбергом, назначенными политическими комиссарами и членами Реввоенсовета 2-й армии, он выразил добровольное желание служить в Красной Армии и был ими приглашен на должность командующего 2-й армией. Они не ошиблись в своём выборе.

Несколько раньше вступил в Москве в Красную Армию и я. Вскоре отпросился на фронт и в числе других командиров, прибывших на пополнение 2-й армии Восточного фронта, был представлен начальнику штаба армии Ф. М. Афанасьеву. Представительный, средних лет, высокого роста, с умными взглядом усталых глаз, Афанасьев дружески поговорил с каждым из нас. Узнав, что я бывший прапорщик военного времени, то есть знаком с военным делом, он приказал оставить меня при штабе армии и предложил должность состоящего при нем для особых поручений, предупредив, что главное — оперативная работа. Тут же он сообщил и о том, что мне часто придется встречаться с командующим армией и докладывать ему оперативные вопросы. И пусть меня не смущает: Шорин неприветлив, малоразговорчив, бывает резок, не любит «ничегонезнаек» и робких командиров. Но в то же время Шорин — душевный и отличный человек, а резкость, суровость, угрюмость вызваны тяжелой и нервной обстановкой. Он обладает исключительной силой воли, отлично знает военное дело и очень талантлив как полководец. И всем нам, молодым командирам, есть чему у него поучиться.

И вот я в кабинете командарма. Вижу за большим столом уткнувшегося в карту худощавого, среднего роста, пожилого, типичного кадрового военного. Одет в гимнастерку и брюки-галифе, заправленные в сапоги.

На мой официальный рапорт: «Представляюсь по случаю назначения к наштарму. Явился по его поручению доложить сводки», — Шорин даже не поднял головы. Лишь хриплым баском буркнул:

— Сводки? Давайте скорее!

Невольно мелькнуло в голове: «Почему от него все без ума? А еще старый полковник!» Но, помня предупреждение Афанасьева, я молча разложил перед ним мою рабочую карту и официальным тоном спросил:

— Разрешите докладывать?

Шорин поднял на меня опухшие от бессонных ночей глаза, перевел удивленный взгляд на мою карту и сердито повысил голос:

— У меня есть своя. Давайте сводки и идите!

Я продолжаю:

— Сводки переданы мною в оперативный и разведывательный отделы, чтобы там скорее разобрались и могли нанести новую обстановку на вашу карту. Пошлите ее туда с адъютантом. На моей же все уже нанесено. Главнейшие сведения из сводок выписал и доложу. У вас время сэкономится.

Шорин хмуро все это выслушал, на мою карту, лежавшую перед ним, однако, посмотрел внимательнее. Затем перевел взгляд на меня. Характерным жестом потер подбородок и неожиданно мягко прогудел:

— Что-то новое! А то… сунут под нос десяток разных сводок, и изволь разбираться!

Он вызвал адъютанта и хрипло крикнул:

— Отдайте в оперативный отдел мою карту. Пусть скорее обновят обстановку.

Он слушал мой доклад, весь уйдя в изучение обстановки. Иногда прерывал:

— Погодите!

Поводит пальцем по карте, что-то обдумывая, и:

— Дальше!

Тем же тоном, но неожиданно:

— Вы из военных, что ли?.. Ага, бывший прапорщик. Все же дело!.. Сколько вам лет-то?.. Двадцать один? Не прибавили? Молоды больно!.. Ну, идите! Да проверьте сами, чтобы скорее мою карту подготовили.

И улыбнувшись:

— Не то вашу заберу!

Ежедневные встречи и служебные разговоры с Шориным — если не бывал в его кабинете, то по нескольку раз виделись в телеграфной комнате у прямых проводов с дивизиями — вскоре создали у меня двоякое впечатление. Первое — довольно тяжелое. Суров, требователен, вспыльчив. Так со всеми, кроме Афанасьева, к которому Василий Иванович относился с исключительной мягкостью и большим уважением.

Второе впечатление — и оно затмевало все минусы: непоколебимая вера Шорина в Красную Армию, в успех каждой предстоящей операции, какой бы трудной и сложной она ни была. Поражала сила воли Шорина. Она была важнейшим рычагом в достижении побед его войск. Сам всегда точный и

исполнительный, Шорин не мыслил себе, чтобы кто-либо из подчиненных мог проявить даже малейшую недисциплинированность. Он выслушивал встречные предложения, взвешивал их, хорошие принимал, но, приняв решение, требовал, чтобы его приказ стал «законом».

Непоколебимая вера в обязательную победу в каждом бою была у Шорина не просто бесшабашной уверенностью в силе неожиданного наскока. Нет, он скрупулезно продумывал каждую операцию, тщательно отрабатывал ее детали даже за командиров полков и отдельных частей. Подобная «мелочная опека» нередко ставилась косной профессурой Военной академии в минус Шорину и подвергалась колким насмешкам. Но с какой благодарностью принимали эти приказы командиры полков и частей! Шорин знал, что в гражданскую войну наши герои — командиры и комиссары отважно вели войска в бой, отлично дрались и побеждали, но вместе с тем были зачастую малограмотными вообще и в военном деле в частности. Как им важны были приказы Шорина, в которых ясно и четко ставились основные задачи и давались решения операции вплоть до движения отдельных рот и эскадронов!

Шорин отлично понимал психологию как бойцов Красной. Армии, так и солдат противника. На этом он во многом основывал свою уверенность в победе наших войск. Он как-то сказал, что опытный в военном деле белый солдат воюет, не понимая, за что дерется. Да еще под командованием офицеров и генералов, открыто стремившихся к реставрации монархизма и власти капиталистов и помещиков.

Доходившая до белых солдат наша агитация в известной мере отвечала внутренним протестам многих из них и вносила в их души сомнения. Шорин был уверен, что сомневающийся солдат еще сильнее призадумывается перед непосредственной угрозой погибнуть от штыка. Этими сомнениями надо пользоваться, отсюда и правило: бей белых сильнее, пока в страхе не сдадутся или не побегут. И, наоборот, красноармейцы воюют не из-под палки и не за чуждые им цели. Чувство нового, советского патриотизма, пламенные и понятные призывы ленинской партии, сознание великой революционной ответственности — вот что вело Красную Армию к победам.

Помнится, что не только в академии, но еще в нашем штабе армии находились скептики. Так, один из способных и знающих военное дело штабных командиров как-то задал мне вопрос:

— Писать сверхподробные приказы — это я еще понимаю. Но объясните: почему Шорин, получив три свежих полка, направил на главный участок один из них, а два — на второстепенный,

откуда перебросил пару старых? Каждый командарм не стал бы заумничать, а бросил бы прибывшие новенькие полки в будущее пекло! Не так ли?

А я… молча размышлял: потому-то Шорин — красный командарм. Он понимает, что такое военная хитрость. Прибытие сразу трех свежих полков на участок, где Шорин скрыто готовил главное наступление, расшифровало бы его план противнику.

Осенью 1918 года тяжело сложилась обстановка на Восточном фронте. Едва ли не хуже всех — во 2-й армии. Правда, 10 сентября отряд Азина вместе с 5-й армией и Волжской речной флотилией освободили Казань от белочехов и белых. Но все побережье Камы от устья Вятки находилось в руках белых. Обширный Ижевско-Воткинский район продолжал оставаться в руках контрреволюции.

В. И. Ленин писал: «Диктатура пролетариата не понравилась крестьянам особенно там, где больше всего излишков хлеба, когда большевики показали, что будут строго и властно добиваться передачи этих излишков государству по твердым ценам. Крестьянство Урала, Сибири, Украины поворачивает к Колчаку и Деникину».

Эти слова великого вождя революции наглядно иллюстрировались в Ижевско-Воткинском районе. Местные кулаки, богачи, эсеры, меньшевики, анархисты, возглавляемые офицерами, временно склонили крестьян и даже часть заводских рабочих выступить против советской власти. За три месяца «царствования» здесь контрреволюции Ижевско-Воткинский район оказался опаснейшим плацдармом, откуда белые могли нанести удары: вновь на Казань, на Вятку, с дальнейшей целью соединиться на севере с английскими и американскими интервентами и русскими белогвардейцами для совместного наступления на Москву. Кроме того, с захватом Ижевска и Воткинска белыми Советская Россия лишилась важного для Красной Армии Ижевского оружейного завода, крупных сталелитейных предприятий.

Белые сформировали здесь армию, насчитывающую до 25 тысяч человек под ружьем. На подходах к Ижевску были созданы две укрепленные полосы обороны. Северо-восточнее Воткинска также имелась укрепленная оборонительная линия.

Естественно, что основной задачей 2-й армии на ближайший период стала ликвидация Ижевско-Воткинской группировки.

Шорин предложил командующему Восточным фронтом С. С. Каменеву — и получил его одобрение — решить эту задачу двумя этапами. На первом — в сентябре и половине октября — очистить от белых и белочехов все побережье Камы до Сарапула

включительно, как и весь участок Казанбургской железной дороги. Этим ликвидировалась опасность удара с тыла при нашем наступлении на Ижевск. Одновременно Особая Вятская дивизия из района города Вятки и отряды особого назначения из района городов Осы и Оханска, ведя наступление на Ижевск и Воткинск, должны были отвлечь внимание противника от удара, который задумал провести Шорин с юга для овладения Ижевском.

На втором этапе — с половины октября — закончить полное окружение Ижевско-Воткинской группировки белых и неожиданным ударом с юга (от станции Агрыз) разгромить Ижевский гарнизон и вторым ударом — освободить Воткинск.

Армия имела к моменту решительного удара 17500 человек против 25 тысяч белых, и Шорин рассчитывал с помощью расчленения операций достигнуть в каждом случае превосходства или хотя бы равенства в силах.

Боевая деятельность Шорина во 2-й армии была тесно связана с деятельностью В. М. Азина.

Первое знакомство их на заседании Реввоенсовета армии было интересным и знаменательным. В середине сентября отряд Азина после взятия Казани прибыл в Вятские Поляны для переформирования.

Азин явился на заседание с видом «баловня боевого счастья». И действительно, был встречен с почетом. Реввоенсовет поздравил его со славной победой. В то же время Гусев и Штернберг прямо потребовали от него изжить в частях и лично у себя все застарелые «болезни», имея в виду в первую очередь партизанщину. Шорин также дал высокую оценку боевых действий отряда Азина под Казанью. Особенно отметил талантливый контрудар 22 августа во фланг и тыл белочехов. Но тут же высказал резкое порицание за неоправданно большие потери азинцев в боях под Арском, отметив, что причинами их явились недисциплинированность даже среди командного состава, отсутствие разведки и связи.

Азин, слушавший Шорина с крепко сжатыми губами, резко поднялся, как бы желая уйти с заседания, и сказал:

— Прежнее командование 2-й армии ценило Азина и азинцев! Ну что ж…

Гусев укоризненно покачал головой и, чеканя, стальным голосом произнес:

— Хорошее и мы ценим, как вы здесь слышали. Оно — при вас остается. Но вы не барышня-красотка, ожидающая одних комплиментов, а начальник тысяч людей! Вы должны быть благодарным, когда вам хотят помочь сделать дивизию

боеспособной. Это наше общее дело. И еще: Василий Иванович — бывший полковник с огромным боевым опытом. Имел тяжелые ранения. Командовал в старой армии на фронте полком и дивизией. Мы не признаем царских наград, но вы знаете, что такое «георгий» и георгиевское оружие, и он их имел! Шорин допущен к командованию армией. Значит, партия оказала ему доверие, и все мы, большевики, обязаны ему помочь. Передайте вашим подчиненным мои слова, слова большевика, имеющего честь состоять в партии с 1896 года!

Азин продолжал молча стоять. И вдруг порывисто повернулся к Шорину и крепко сжал ему руку. Командарм, не выпуская руки Азина, другой дружески обнял его за плечи.

Не преувеличивая можно сказать, что с того момента они стали относиться друг к другу, как отец и сын. Вскоре вряд ли кто мог обвинить Азина в недисциплинированности или в анархопартизанщине. Замечания командарма всегда бывали конкретны и полезны. Показателен один из многих переговоров по прямому проводу, а именно — от 20 декабря 1918 года:

Шорин. Очень плохо, что роты Полтавского полка разбросаны по разным деревням; получаются действия, которые влекут за собой неуспех. Кроме того, трудно управлять и держать связь. Вы прикажите разбросанные роты свести в батальоны. У вас уже был случай, что роты отскочили в Тобыбаево. Сколько раз твердил, что удар наносится кулаком, а не ладонью.

Азин. Слушаю! Для операции Полтавский полк стянут в батальоны, но ночью расквартировывать страшно трудно, были маленькие деревни…

А вот второй пример — переговоры 29 мая 1919 года, после героического форсирования реки Вятки:

Азин. Два сильных удара с криками «ура», в присутствии всего командного состава, со знаменами, пушками в передовой линии были сокрушительны! Конница не поспевала догонять.

Шорин. Товарищ Азин! Не разбрасывайтесь слишком влево, берегите себя справа. Используйте конницу только для преследования. Ясно, что первая задача ваша — захват Агрыза, а потом Сарапула?.. Храбрым полкам вашим низко кланяюсь и громко радостное «ура» кричу!

Часто приговаривая: «Бездействие войск — гибели подобно!», Шорин подталкивал войска вперед, внимательно следя за их успехами.

— Молодцы! — похваливал он. — Приказы отлично выполняют! Теперь дело на лад идет! На Каме 1-й дивизии крепко азинцы и морячки помогают (Шорину была подчинена Волжская

речная военная флотилия), а на железной дороге одни азинцы сами справляются!

Командующий флотилией Федор Раскольников с комиссаром Николаем Маркиным оказывали огромную помощь армии. Особенно во флотилии отличались моряки-десантники под командованием поистине легендарного Ивана Кожанова, впоследствии командовавшего нашим Черноморским флотом.

Отлично взаимодействуя с моряками, наши части 29 сентября 1918 года заняли город Елабугу, где был значительный гарнизон противника.

Побережье Камы успешно очищалось от захватчиков.

Вдоль Казанбургской железной дороги не менее успешно действовали основные силы Азина. Первым заданием ему Шорин поставил освобождение из окружения двухтысячного отряда А. М. Чеверева. Этот замечательный народный герой доблестно сражался с белыми и доставил им много беспокойства и ущерба, уничтожая неожиданными наскоками крупные силы врага и фактически снабжаясь боеприпасами за его счет. 22 сентября отряд Чеверева встретился с передовыми частями Азина и, реорганизованный в 4-й сводный полк, вошел в состав 2-й дивизии. Вторым ударом азинцы ворвались на узловую станцию Агрыз. Не задерживаясь, направились к Сарапулу. По приказу Шорина обе наши дивизии и флотилия' должны были к 4 октября сосредоточиться у Сарапула и совместным ударом с запада (азинцы) и с юга — Камы (1-я дивизия и флотилия) овладеть городом.

6 октября Шорин получил немногословное, но много говорящее его сердцу донесение:

«Доношу — приказ ваш выполнен. Сарапул в 4 часа вечера 5 октября занят войсками вверенной мне дивизии. Азин».

Шорин сиял! Если бы не малочисленность дивизий — с такими войсками можно было бы приступить к освобождению Ижевска! Огорчало только сообщение о серьезном ранении Чеверева, которого он очень любил. Но отважный командир 4-го сводного полка, несмотря на ранение, командовал под Сарапулом до конца боя.

Чеверев был у нас в штабе армии любимцем не только Шорина. Чудесный, с открытым взглядом, простой, мыслящий, он никогда не стеснялся задавать Шорину, Афанасьеву и каждому штабному командиру даже самые простые вопросы, лишь бы «все знать по военному делу». И мне он, всегда, открыто глядевший в глаза собеседнику, тоже настойчиво говорил:

— Товарищ, друг! Тебя учили, мне не пришлось. А служим-то вместе. Вот ты и обязан делиться. Поясни, чего я не знаю.

В середине октября согласно оперативному плану следовало начать операцию по освобождению Ижевска и Воткинска.

Однако армия к этому моменту еще не получила пополнения. Все же 16 октября Азин попытался начать наступление, но успеха не имел.

Немедленно Гусев выехал в Москву, чтобы ускорить присылку пополнений и оружия. Вернувшись в армию, он сообщил, что был на приеме у В. И. Ленина. Владимир Ильич просил сообщить войскам 2-й армии, что ожидает донесения о взятии Ижевска ко дню празднования первой годовщины Великого Октября — к 7 ноября 1918 года.

В начале ноября 2-я армия была готова к решительному удару. Окружение Ижевско-Воткинского района с севера и с северо-востока закончилось. 3 ноября Шорин подписал два приказа о наступлении на Ижевск.

Командование штурмовой группой он возложил на Азина, общее руководство операцией оставил за собой.

5 ноября 1918 года первая укрепленная полоса противника была преодолена. Прорвали и вторую — с заранее оборудованными окопами, блиндажами и проволочными заграждениями в несколько рядов.

7 ноября, уже под самым Ижевском, сводные полки Северихина и Чеверева блестяще выдержали контрудар противника, применившего впервые «психическую» атаку.

Офицерские и ударные роты, под оркестр, без выстрела, грозно ощетинившись штыками, безмолвно двигались на наши залегшие полки. Противник ожидал, что нервы молодых красноармейцев не выдержат и они побегут. Но перед последним броском белых наши бойцы поднялись и… сами бросились в жесточайший рукопашный бой, продолжавшийся почти два часа.

В тот же день красные полки и бронепоезд «Свободная Россия» ворвались в Ижевск. Во главе кавалерии — Азин.

Захватив город, Азин донес Шорину: «Ижевск нами занят. Обратно не сдадим. Умрем, но Ижевск останется советским».

Из полевого штаба армии немедленно последовала телеграмма в Москву В. И. Ленину: «Доблестные войска Второй армии шлют горячее поздравление с великим праздником и преподносят город Ижевск.

Сего числа в 19 часов 40 минут г. Ижевск взят штурмом.

Командующий 2-й армией Шорин, политкомы Гусев, Штернберг».

В тот же вечер последовал ответ из Москвы:

«Приветствую доблестные красноармейские войска со взятием Ижевска. Поздравляю с годовщиной революции. Да

здравствует Социалистическая Красная Армия!

Ленин».

Председатель ЦИК Я. М. Свердлов немедленно огласил на заседании VI Всероссийского съезда Советов радостное сообщение об освобождении Ижевска. Съезд принял решение послать официальное приветствие 2-й армии.

За отличие в боях при взятии Ижевска Шорин, Азин, Северихин, Чеверев и Овчинников были награждены орденами Красного Знамени. Три полка награждены революционными почетными Красными знаменами.

В ночь на 13 ноября 1918 года был освобожден Воткинск, о чем Шорин донес телеграммой В. И. Ленину и главкому И. И. Вацетису.

Шорин по-настоящему любил красноармейцев и всегда заботился о них. Он постоянно посещал части, встречал прибывающие пополнения, бывал в тыловых частях и учреждениях, от которых зависело обеспечение армии.

Показателен такой случай: Василий Иванович решил проверить, как содержатся раненые, и посетил два плавучих госпиталя, расположенных на пароходах. Поднялся на верхнюю палубу первого парохода. Прочитал аккуратные надписи на дверях кают: «Хирург», «Терапевт», «Начхоз» и т. д.

— Разве нет раненых? — задал он вопрос начальнику госпиталя — моложавой тучной женщине.

— Что вы, товарищ командарм, много! Они в общих каютах третьего и четвертого классов.

— Это в трюме, что ли? — с бешенством спросил Шорин. И, как молодой, помчался по лестнице вниз.

Трюм оказался переполнен ранеными и больными командирами и бойцами. Скученность невероятная, туча мух, зловоние, кругом окровавленные бинты.

Обойдя всех лежавших, спросив у многих, давно ли ранены, в каких боях, Шорин тяжелыми шагами поднялся на верхнюю палубу. Еще раз поглядел на вывески «Хирург», «Терапевт», взглянул на начальника госпиталя и резко и хрипло скомандовал своему адъютанту А. Л. Налимову:

— Вызвать наряд из моего конвоя. Приказываю расстрелять ее как врага трудового народа! — И направился на стоящий рядом второй пароход-госпиталь.

Поднялся на верхнюю палубу, заглянул в каюты, и… лицо у него просияло: все мягкие каюты были предоставлены тяжелораненым. Внизу находились выздоравливающие.

Начальник санитарного отдела армии, примчавшийся сюда же, доложил Шорину, что на первом пароходе начальник

госпиталя неопытна, назначена недавно из рядовых врачей. Больше виновен в непорядках военно-санитарный отдел армии, не давший ей инструкций.

Успокоенный хорошим состоянием второго госпиталя, Шорин махнул рукой и сказал:

— Отставить расстрел! Привести сюда эту чертову куклу — пусть посмотрит на настоящий порядок! А за безобразие в ее госпитале на первый раз даю ей пять суток домашнего ареста. И чтобы работала все это время. Дайте ей два часа на переноску в мягкие каюты всех лежащих в трюме. Да пусть вместе с другим персоналом сама таскает раненых — достаточно здорова для этого!

В начале декабря 1918 года Шорин был вызван главкомом в Серпухов (месторасположение Полевого штаба РВС Республики). Отсюда Шорин проехал в Москву и был на приеме у В. И. Ленина. 18 декабря он вернулся и сообщил, что 2-я армия будет оставлена на Восточном фронте.

В это время Колчак захватил власть в Сибири и нанес сильнейший удар, по 3-й армии, граничившей, с нами с севера. Под натиском превосходящего по численности врага 3-я армия начала отходить. Ее командование и штаб временами теряли связь со своими дивизиями.

Чтобы выручить соседа, Шорин всемерно форсировал наступление. На фронте почти в 200 километров все наши дивизии быстро продвигались вперед.

Первой была разгромлена Боткинская дивизия, считавшаяся у колчаковцев наиболее надежной и боеспособной. Далее последовали и другие победы.

10 января 1919 года Шорин уже смог составить Ударную группу из шести полков и дать ей приказ резко повернуть к северу, но опять-таки непосредственно угрожая Кунгуру с выходом а тыл белым, теснившим 3-ю армию. 2-я Чешская дивизия из состава колчаковской армии была полностью уничтожена, а 7-ю Уфимскую дивизию белых, готовившуюся к переброске на юг для подкрепления армии генерала Ханжина, мы настолько потрепали, что она не смогла туда отправиться.

Командующий Сибирской армией генерал Гайда, опасаясь за Кунгур, начал перебрасывать сюда части из-под Перми. Против 3-й армии остался всего- один корпус в составе девяти толков с приданными некоторыми частями.

Так оправдался полководческий расчет и план Шорина, так мы помогли 3-й армии.

Однако против Ударной группы в шесть полков 2-й армии

противник сосредоточил 13 пехотных и 2 кавалерийских полка. Теперь С. С. Каменев приказывает уже 3-й армии решительно наступать, чтобы помочь 2-й.

Шорин предполагал с ходу ворваться в Кунгур, учитывая, что Ударна» группа продвигалась очень успешно. 24 января он отдал приказ о захвате Кунгура. Но противник стал оказывать очень упорное сопротивление. Сказывалось более чем двойное превосходство врага.

В феврале на фронт прибыл Колчак. Он сыпал чины и ордена направо и налево. Империалисты спешно слали ему вооружение, обмундирование, технику.

Усилив северное направление, Колчак решил вновь бросить Сибирскую армию Гайды в наступление на восток. Удар колчаковцев в стык 2-й и 3-й армии заставил их начать отступление. Шорин обучил «свои войска и при вынужденном отходе активно «огрызаться». И если бы не подлая измена начдива-7, недавно прибывшего с дивизией в армию, и неожиданный поэтому захват колчаковцами Воткинска, Шорин имел бы все основания рассчитывать остановить наступление колчаковцев.

Поистине чудеса стойкости и храбрости показали наши дивизии, отходя с боями в течение почти двух месяцев. Противник за это время понес огромные потери. Председатель ВЦИК М. И. Калинин прислал Шорину следующую телеграмму:

«Командующему 2 армией В. И. Шорину.

От имени ВЦИК рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов прошу вас, товарищ, передать сердечное приветствие и горячую благодарность доблестной 28-й дивизии, стойко и мужественно защищающей Советскую Россию против темных банд Колчака.

Считаю своим долгом довести до сведения Рабоче-крестьянского Правительства о героических и самоотверженных боях славной дивизии.

Слава героям — красе и гордости нашего социалистического отечества».

Острое положение на Восточном фронте заставило партию поднять всю страну на укрепление и усиление этого фронта.

Южнее Камы возглавил группу армий командарм-4 М. В. Фрунзе. Талантливый полководец, верный ленинец, Фрунзе не только остановил продвижение врага на Волге, на самом опасном направлении, но и разработал план полного разгрома Колчака на Южном Урале с тем, чтобы после выхода к Челябинску создать угрозу окружения и Сибирской армии генерала Гайды.

Севернее Камы 2-я и 3-я армии составили Северную группу

под командованием командарма-2 Шорина.

С. С. Каменев, поддерживая план Фрунзе и считая, что в создавшемся положении он — единственно правильный, все же присоединялся к убеждению Шорина, что Северная группа, выполняя вспомогательную роль при генеральном наступлении Южной группы Фрунзе, имеет все возможности самостоятельно разгромить Сибирскую армию генерала Гайды. Это не противоречило действиям группы Фрунзе, а могло только еще больше облегчить выполнение его прямой задачи.

Но Троцкий, противившийся утверждению плана Фрунзе и не учитывавший главную опасность — прорыва Западной армии генерала Ханжина к Волге, предлагал свой план. Он считал, что 2-я армия «не выдержит» и пропустит колчаковцев к Казани. На этом основании он требовал повернуть Южную группу на север для оказания помощи 2-й армии.

Уверенность Троцкого в непогрешимости своего оперативного мышления была настолько велика, что он не счел нужным посоветоваться с командующим Восточным фронтом и тем более с командармом-2.

А те смогли бы ему сообщить, что план Фрунзе предусматривал все и был построен на тесном взаимодействии обеих групп. Кроме того, 2-я армия сама. остановила противника на рубеже реки Вятки и измотала его вконец. На последний успех врага 2 мая 1919 года, захватившего Елабугу, Шорин ответил ударом на Чистополь, освободив его 5 мая.

В связи с освобождением Чистополя мне вспоминается характерный для Шорина эпизод, хотя и мирный, но подтверждающий его решительность.

Колчаковцы вывезли из города все денежные знаки. И вот из Москвы поступило указание правительства в сверхсрочном порядке отправить ревкому Чистополя пять миллионов рублей.

Поездка с деньгами из Казани в Чистополь прямым путем была затруднительна: мешала распутица и грозили банды разбежавшихся колчаковцев и местных кулаков.

Реввоенсовет 2-й армии решил отправить деньги с казначеем штаба под надежной охраной, забрав для этого первый же буксирный пароход. Но никто не знал, когда появится какой-нибудь буксир.

Я предложил командарму свой проект доставки денег в Чистополь. Штернберг и Шорин недоверчиво выслушали меня, переглянулись, и… Шорин расхохотался. Словно желая получше уяснить мой проект, он повторил:

— Кладете деньги в грязный вещевой мешок. Сверху прикрываете их ветхим бельишком. Снаружи вешаете жестяную

кружку. «Казначея» сопровождает посыльный красноармеец, тоже с грязным мешком и разной рванью… Оба под видом возвращающихся после ранения домой впихиваются на первый же пассажирский пароход и завтра вручают деньги чистопольцам.

Штернберг тоже смеялся.

— Чем черт не шутит! А мы… конвой, кассир, буксир!

— Командировать! — отрезал Шорин.

Велико было удивление чистопольских ревкомовцев и затем их неописуемая радость, когда уже на следующий день, ранним утром, два весьма потрепанных с виду красноармейца разбудили их и из грязнейшего вещевого мешка выложили пять миллионов (половина «керенками», половина «николаевками»).

Весной 1919 года партия во главе с В. И. Лениным бросила лозунг «Все против Колчака!». Мобилизация по декрету от 10 апреля 1919 года пополнила Красную Армию на 780 тысяч бойцов. С того времени все армии Восточного фронта чуть не ежедневно стали получать пополнение и вооружение.

И хотя 17 апреля 1919 года Клемансо еще телеграфировал советнику (точнее «хозяину») Колчака генералу Жанену — «Поход на Москву», агония колчаковщины уже началась. Начало ей положил М. В. Фрунзе именно в апреле, ударом на Бугуруслан.

Шорин согласовал с М. В. Фрунзе срок наступления, с тем чтобы заблаговременно приковать к себе побольше сил врага для облегчения очередного удара Южной группы. И в ночь с 24 на 25 мая 21-я и 28-я дивизии неожиданно для противника форсировали реку Вятку на левом и на правом флангах 2-й армии. 21-я дивизия в труднейших условиях вела жестокие бои, оттесняя колчаковцев к Каме. Полки имени Володарского, Костромской и Шуйский за достигнутые здесь выдающиеся успехи были представлены Шориным к почетным революционным Красным знаменам (и вскоре получили их). 28-я дивизия сразу сбила несколько полков врага, устремилась на восток и, очищая побережье Камы, начала окружение противника, задержавшегося против центра 2-й армии.

Все это соответствовало плану Шорина. Он замыслил отвлечь силы врага от флангов, поставив для этого в центре 5-ю и 7-ю дивизии. Сосредоточил у них артиллерию из других дивизий и приказал демонстрировать подготовку «главного удара». Колчаковцы попались на это и несколько дней продержали здесь значительные силы, которые и оказались под угрозой полного окружения.

Форсирование Вятки, блестяще проведенное по замыслу и плану Шорина, явилось новым и большим успехом 2-й армии.

Наступление Южной группы Фрунзе и удар Шорина имели

место в то время, когда (25 мая) Черчилль выступил в палате общин и сказал: «Питаем надежду, что в ближайшем будущем произойдет соединение армий Колчака с русскими войсками Архангельской группировки…» Эта надежда была вызвана временными успехами колчаковцев, вновь потеснивших 3-ю армию и даже захвативших Глазов. Однако поражения, которые враг нес на других участках Урала, сводили на нет это продвижение колчаковцев. Да и Шорин энергично применил свой метод помощи соседу: еще форсированнее повел 2-ю армию вперед.

Как бы в ответ на известную телеграмму В. И. Ленина от 29 мая 1919 года на имя Реввоенсовета Восточного фронта: «Если мы до зимы не завоюем Урала, то я считаю гибель революции неизбежной…» — войска всего Восточного фронта одерживали одну за другой блестящие победы.

Со свойственной Шорину решительностью он лучшие силы направил на Кунгур. 20 и 21 июня 2-я армия освободила города Оса и Оханск и начала быстро продвигаться вперед.

25 июня 1919 года Совет Обороны издал постановление за подписью В. И. Ленина. Совет Обороны благодарил за особое мужество красноармейский и командный состав 5-й, 2-й и Туркестанской армий.

Неожиданная ночная атака 21-й дивизии с форсированием укрепленной реки Ирпень решила участь «ключа к Екатеринбургу» — Кунгура. 1 июля 1919 года 3-я армия порадовала Родину освобождением Перми, а 2-я — Кунгура. Эти успехи Северной группы были отмечены поздравлением В. И. Ленина, он писал: «Поздравляю геройские красные войска, взявшие Пермь и Кунгур. Горячий привет освободителям Урала…»

4 июля 5-я дивизия 2-й армии захватила Красноуфимск.

Начался последний этап сражения за Северный Урал, который может именоваться Екатеринбургской операцией. Если перед 3-й армией противник оказался «зажатым», почти деморализованным и бросился в бегство, то перед 2-й армией враг еще отчаянно сопротивлялся, пытаясь отстоять горнозаводской район и центр Северного урала Екатеринбург (ныне Свердловск).

Троцкий вначале пытался превратить реки Каму и Белую в оборонительный рубеж. Его план был отвергнут партией, а через месяц он приказал главкому остановить наступление на Урал. Это могло только облегчить положение колчаковцев.

Пленум ЦК РКП (б) вынужден был запретить Троцкому вмешиваться в дела Восточного фронта. На должность главкома 8

июля был назначен С. С. Каменев. 13 июля М. В. Фрунзе вступил в командование войсками Восточного фронта.

13 июля 5-я армия заняла Златоуст.

2-я армия с крупными боями освобождала завод за заводом, захватывая на многих огромные военные склады противника.

Однако перед Екатеринбургом противник остановился на заранее укрепленной линии заводов Михайловский — Уткинский. Несколько дней здесь шли упорные бои. Колчаковцы держались стойко.

Тогда Шорин приказал Азину составить сводную бригаду из лучших полков дивизии и скрытно бросить ее через горные проходы в тыл Екатеринбурга (с юга).

Трудными горными путями бригада незаметно вышла к железной дороге Екатеринбург — Челябинск. Захватила заводы Мраморский и Марьинский, прервав связь между Сибирской и Западной армиями Колчака, и повернула к северу на Екатеринбург.

Этот блестящий маневр решил исход сражения. Противник не выдержал удара с фронта при прямой угрозе с тыла. Передовые части 21-й и 28-й дивизий одновременно 14 июля 1919 года ворвались в Екатеринбург на плечах врага, еще продолжавшего драться на улицах города.

С разгромом колчаковщины, на всем Урале дальнейшее преследование врага возлагалось на 3-ю и 5-ю армии.

2-я армия была расформирована. Шорин со всем армейским аппаратом в конце июля выехал на Южный фронт. По его ходатайству туда же перебрасывалась 28-я дивизия Азина.

Летом 1919 года на Южном фронте обстановка сложилась не в нашу пользу.

Белогвардейские полчища генерала Деникина сильно теснили Красную Армию. На Волге 10-я армия оставила Царицын. Встала угроза соединения деникинцев с колчаковцами.

ЦК РКП (б) во главе с В. И. Лениным утвердил для Южного фронта новый оперативный план, разработанный новым главкомом С. С. Каменевым. По этому плану отпор Деникину возлагался на две ударные группы, создаваемые на левом фланге Южного фронта.

Главная ударная группа (официально именовавшаяся Особой группой Южного фронта) в составе 9-й и 10-й армий должна была активным ударом громить белогвардейцев действуя в направлениях Царицын — нижнее течение Дона.

По представлению главкома правительство и ЦК утвердило Шорина командующим этой Ударной группой. Членами

Реввоенсовета группы были; С. И. Гусев, В. А. Трифонов и И. Т. Смилга.

Вспомогательная ударная группа в составе 8-й и 13-й армий под командованием Селивачева должна была действовать в направлении Харьков — Донбасс — Ростов-Дон.

В. И. Ленин лично интересовался готовностью обеих ударных групп. Он сам подсказал главкому, чтобы первой начала наступление группа Селивачева с целью облегчить основную операцию Шорина.

А 10 августа В. И. Ленин писал в Реввоенсовет Республики:

«Опоздания наступления в Воронежском направлении (с 1 августа по 10!!!) чудовищно. Успехи Деникина громадны…

Не послать ли в РВС Южфронта (копия Смилге) такую телеграмму:

Шифром.

Совершенно недопустимо опаздывать с наступлением, ибо это опоздание всю Украину отдаст Деникину и нас погубит».

Шорин, прибыв на Южный фронт 1 августа, имел указание начать свой удар 14 августа. Он быстро объехал войска, произвел необходимую перегруппировку.

Несмотря на неполную готовность обеих ударных групп, Шорин, всегда пунктуальный и дисциплинированный, двинул свои армии в наступление 14 августа, хотя группа Селивачева начала свои действия только на другой день.

К несчастью, Деникину стало известно о предстоящем наступлении обеих наших групп. В качестве противодействия он поспешил направить в стык обеих групп (между 9-й и 8-й армиями) десятитысячный кавалерийский отряд генерала Мамонтова. Прорвавшись в наши тылы, мамонтовцы отрезали штаб Южного фронта от штаба Шорина, начали громить наши тыловые города и селения, грабить и убивать советских людей.

Рейд Мамонтова в значительной мере затруднял развитие успехов на фронте обеих групп. Внимание Шорина раздваивалось: для ликвидации Мамонтова потребовались значительные силы. Шорин бросил на Мамонтова единственный свой резерв — 66-ю дивизию, из 9-й армии — кавалерийскую бригаду, а из 10-й армии — весь конный корпус Буденного. В сентябре — по ходатайству Шорина — прибыла с Восточного фронта 21-я стрелковая дивизия (правда, пока в составе одной бригады). Интересно отметить, как внимательно следил В. И. Ленин за всем происходящим на фронте и насколько хорошо он знал даже отдельные части. Так, 30 августа он писал Реввоенсовету Республики: «Не следует ли использовать всю 21 или часть ее (большую), чтобы непременно истребить поголовно всех

«крестников Лашевича» (Лашевич М. М. был назначен командующим группой войск по борьбе с Мамонтовым. — *В. Л.*).

Несмотря на остроту обстановки, Шорин быстро продвигал свои армии вперед. 23 августа азинцы с моряками-десантниками Кожанова ворвались в Камышин. 5 сентября они же осадили Царицын. Удивительные по героизму атаки на город следовали почти неделю и достигали такой силы, что начальник белого гарнизона Царицына барон Врангель вынужден был обороняться, применяя танки, бронепоезда и даже химические снаряды. Шорин все эти дни находился непосредственно под Царицыном: на штабном пароходе Азина он следил за ходом боя, стараясь советами помочь азинцам и кожановцам. Несколько раз они врывались в город, но пройти к центру не могли. К сожалению, ни 10-я армия не смогла выделить помощи Азину, ни Шорин, не имевший в это время своих резервов. Не преувеличивая могу сказать, что за пять первых дней напряженнейших боев под Царицыном Шорин поседел.

Недельные бои здесь показали, что укрепления и воинские силы белогвардейцев в Царицыне были настолько значительными, что для взятия города требовалась планомерная осада. 28-я дивизия Азина, перейдя к осаде, настолько активно вела ее, что Врангель не мог дать из Царицынского гарнизона Деникину ни одной части даже в самый для последнего критический момент — в октябре, когда Деникин развивал наступление на Орел — Тулу с угрозой Москве. За самоотверженную осаду Царицына 28-я дивизия получила почетное наименование Царицынской, хотя во взятии Царицына не участвовала — была направлена на другой участок. Остальные части 10-й армии с жестокими боями двигались к югу, имея задачу выйти к Манычу.

9-я армия успешно шла к югу, направляясь к Дону. Однако в районе станции Котлубань белогвардейцы собрали крупный кулак и приостановили наше наступление. Шорин выехал на место. Он принял энергичные меры — армия была пополнена, усилена и, совершив перегруппировку, вновь смогла перейти к активным действиям.

Самостоятельные задачи, возложенные на Ударную группу Шорина, и фактически отдельное направление заставили главкома поставить вопрос о выделении группы Шорина из состава Южного фронта с реорганизацией ее с 30 сентября 1919 года в Юго-Восточный фронт.

При разделении фронтов конный корпус Буденного был зачислен в состав Южного фронта, обстановка на котором все более сгущалась. Корпус Буденного задержали на Юго-Восточном

фронте, и Ленин, внимательно следивший за оперативной обстановкой, 4 октября послал члену Реввоенсовета Юго-Восточного фронта Смилге шифрованную записку. Ленин резко обвинял Шорина в задержке корпуса Буденного и непроявлении энергии для помощи Южному фронту. Возмущение Владимира Ильича было, по существу дела, исключительно справедливо. Позднее удалось выяснить, что, задерживая конный корпус, Шорин действовал по телеграфному указанию главкома от 30 сентября.

Осенью 1919 года в распоряжение Шорина была передана Волжская военная флотилия. По договоренности с М. В. Фрунзе, командовавшим Туркестанским фронтом, Шорин принял также 11-ю армию, действовавшую на Нижней Волге, а также Астраханский укрепленный район.

9-я армия успешно выходила на Дон. Перед ней отступала более сильная Донская армия. Несмотря на усиленное продвижение деникинцев, в центре рвавшихся к Москве и уже нацелившихся на Тулу, Деникин был вынужден — в ущерб своему наступлению — дать приказ произвести удар на Новохоперск, чтобы этим оказать помощь Донской армии.

Опасное продвижение деникинцев к Туле потребовало изменения оперативного плана, так как даже максимальный успех Юго-Восточного фронта уже не смог бы изменить положения Южного фронта.

Политбюро ЦК во главе с В. И. Лениным 15 октября 1919 года возложило на Южный фронт решение основной задачи: отразить опасное наступление Деникина в центре. Юго-Восточный фронт временно должен был нести вспомогательную роль, накрепко сковывая стоящего перед ним противника, с тем чтобы отсюда не дать Деникину возможности перебрасывать в центр никаких подкреплений.

Эту задачу Шорин успешно выполнял усиленным продвижением своих войск к Нижнему Дону и Манычу.

Своевременность и правильность принятого партией решения подтвердились уже в ближайшие дни. Пополненные и усиленные войска Южного фронта, совершившие перегруппировку, и замечательный контрудар в районе Кромы — Орел заставили белых остановить наступление. 20 октября деникинцы оставили Орел, 24 октября — Воронеж. Здесь были наголову разбиты конные корпуса Шкуро и Мамонтова. В ноябре уже все войска Южного фронта включились в наступление для освобождения Украины и Донбасса.

Тем временем войска Юго-Восточного фронта освободили

Калач, продвинулись к Новочеркасску и полностью разгромили астраханское белое казачество. По приказу Шорина части 11-й армии успешно продвигались к северу по обоим берегам Волги, имея задачей содействовать 10-й армии в окружении Царицына.

10 декабря белые потерпели крупное поражение у станицы Вешенская, где вновь отличилась 28-я дивизия, Обеспечив надежную переправу через Дон, наши части смогли выйти к его нижнему течению и к устью Северного Донца.

25 декабря 1919 года Шорин отдал приказ о новом этапе решительного наступления в общем направлении на Новороссийск.

Ближайшей задачей он ставил разгром Кавказской и части Донской армий врага и расчленение войск Деникина. Это достигалось выходом Красной Армии к Азовском/ морю. Одновременно Шорин приказывал, завершив окружение Царицына, захватить город совместным ударом частей 10-й и 11-й армий.

Командарм-10 А. В. Павлов и командарм-11 М. И. Василенко согласовали свои действия и дали обещание Шорину освободить Царицын не позднее первых чисел января 1920 года.

Действительно, 3 января одновременным ударом с обоих берегов Волги Царицын был возвращен Советской Родине. Героями освобождения города стали дивизии П. Е. Дыбенко и Е. И. Ковтюха.

1-я Конная армия освободила 8 января Ростов-на-Дону, позже она была включена в состав войск Шорина.

В связи с определившимся оперативным направлением на Кавказ Юго-Восточный фронт 18 января 1920 года был переименован в Кавказский фронт.

В эти дни Шорин непрерывно находился в армиях. Проездом в Ростов-на-Дону он остановился в Таганроге. Прошел на станцию. Обнаружив, что все помещения забиты ранеными, находившимися без медицинской помощи, Шорин «разнес» военного коменданта и вызвал к себе начальника военных сообщений фронта Жигмонта. Шорин не уезжал из Таганрога до тех пор, пока все раненые не были размещены по больницам или не отправлены в тыловые города.

И не миновать бы Жигмонту и коменданту станции суда Ревтрибунала, если бы они не проявили оперативности и даже не включились бы сами в переноску раненых. Впрочем, и сам Шорин и все командиры штаба фронта, сопровождавшие его в поездке, одинаково выполняли роль носильщиков-санитаров.

31 января 1920 года из-за резких трений между Реввоенсоветом 1-й Конной армии и В. И. Шориным на должность

командующего Кавказским фронтом был назначен Михаил Николаевич Тухачевский.

В. И. Шорин получил новое назначение: помощником главнокомандующего всех Вооруженных Сил Республики. Ему предстояло возглавить военную власть в Сибири.

Тогда же последовал приказ РВСР и постановление правительства о награждении С. С. Каменева и В. И. Шорина за большие военные заслуги почетным золотым оружием со знаком ордена Красного Знамени.

Не могу забыть, как в конце февраля я привез Шорину какой-то документ и, войдя в вагон, увидел Василия Ивановича, сидевшего за столом с незнакомо-каменным выражением лица. Остановившиеся глаза были устремлены куда-то в пространство. Рука машинально постукивала по столу. Я вытянулся в дверях, ожидая обычного разрешения войти и вопроса: «Что у вас?»

Но Шорин только махнул рукой и непривычно тихо произнес:

— Позже… зайдите через… час, что ли!

Я было повернулся, но тут же услышал:

— Впрочем… ведь вы — второармеец. Сейчас звонил Тухачевский. Получил донесение от командарма-10: семнадцатого февраля наш Азин… в бою захвачен белогвардейцами и замучен… оклеветан вдобавок… сволочи!

Вскоре стали известны некоторые подробности трагической гибели легендарного начдива. На его дивизию наскочила многочисленная конница белых. В бою Азин упал с лошади — лопнула подпруга седла. Раненная под Ерзовкой рука не действовала, и Азин не успел вскочить в седло. Деникинцы знали военный талант Азина и предлагали ему командование крупными соединениями. Получив должный ответ, мучили зверски и повесили на площади станицы Тихорецкой. Подделав подпись погибшего героя, деникинцы с аэроплана разбрасывали в наши части гнусные листовки, в которых от его имени предлагали посылать делегатов к белым с просьбой о заключении мира, Фальшивка сразу же была разоблачена.

В середине марта поезд Шорина двинулся в Сибирь через Москву, где Шорин и Афанасьев должны были получить инструкции. В Москве В. И. Шорин вместе с председателем Сибирского ревкома И. Н. Смирновым был в Кремле и снова беседовал с В. И. Лениным.

В Сибири, куда В. И. Шорин прибыл в мае 1920 года, он осуществлял руководство всеми военными частями и всей военной работой. В его прямом подчинении находились: 5-я армия, ведшая рука об руку с красными монгольскими частями

бои в Монголии против войск барона Унгерна, два военных округа, а также все дивизии, находившиеся в Сибири и в большинстве занимавшиеся ликвидацией остатков колчаковцев.

Весной 1920 года после разгрома колчаковщины на Дальнем Востоке организовалась Дальневосточная республика. Ее Народно-революционная армия в тесном взаимодействии с Красной Армией давала вооруженный отпор тому же Унгерну и другим ставленникам Японии и прочих империалистических держав: атаману Семенову, генералу Каппелю и остальным недобитым главарям сибирской контрреволюции.

Шорин много времени отдавал посещению войск. Банды «зеленых» подстерегали его близ Красноярска. Они подготовили крушение поезда, с которым следовал вагон Шорина. К счастью, бандиты ошиблись во времени, и поезд прошел до взрыва пути. Сильно пострадал следовавший за нами товарный поезд.

Под Иркутском, на маленьком полустанке, враги пытались вызвать столкновение поездов: товарного с пассажирским, где ехал Шорин. Это было ночью. Помню сильный толчок, треск и звон стекол: товарняк был пущен сбоку на пассажирский на один и тот же путь. Столкнулись паровозы и первые вагоны. Хвостовые вагоны не пострадали, лишь вагон Шорина соскочил с рельсов.

На Алтае наши героические дивизии ликвидировали ряд крупных контрреволюционных банд.

В Монголии был, наконец, разгромлен и взят в плен «сам» барон Унгерн, долго топивший в крови захваченную им страну.

В. И. Ленин дал указание устроить публичный суд над Унгерном.

Шорин приказал выделить из своего штаба нескольких командиров (в их число попал и я) в качестве общественных членов Ревтрибунала. Процесс длился два дня в Ново-Николаевске. Трудно себе представить все изуверства унгернцев над монгольским населением и нашими бойцами. Запомнились такие: по приказу Унгерна всех захваченных в плен раненых красноармейцев бросали еще живыми в колодцы.

Унгерн, декоративно одетый в богатый монгольский халат, с погонами царского генерала, с вензелем «Н» («Николай»), не сознавался ни в чем и вертелся как змея под вопросами обвинителей и случайно уцелевших свидетелей.

Но факты были неопровержимы.

В последнем слове Унгерн «смяк», признался во многом и просил пощады. На приговор «Повесить!» он ответил ходатайством о помиловании, а при отказе просил заменить ему виселицу расстрелом, ссылаясь на то, что по традиции казнь для военных — расстрел.

Шорин, получив из трибунала ходатайство Унгерна, даже не стал читать его. Лишь узнав суть просьбы, приказал отправить в Москву со своим мнением: «Пощады не достоин. Замены виселицы расстрелом не заслуживает, как ярко выраженный бандит».

На Дальнем Востоке военные действия шли удачно. 21 октября 1920 года была освобождена Чита. Туда из Верхнеудинска переехало правительство ДВР.

При поездке на Дальний Восток Шорин взял меня сопровождающим. Поезда ходили тогда медленно. Коротали мы с ним время в воспоминаниях о 2-й армии, об освобождении огромной территории на юго-востоке и Волге.

С виду всегда хмурый, малоразговорчивый, отрывисто отвечавший на вопросы — таким мы обычно знали Шорина не один год, — вне службы он вдруг оказался иным: простым, добродушным, шутливым.

Правительство ДВР и главком НРА В. К. Блюхер с почетом встретили Шорина. Он присутствовал на заседаниях правительства, и его советы принимали с готовностью, и не только по военным вопросам.

На обратном пути мы опять много беседовали. И помнится, что он как-то поинтересовался, почему его многие считают столь «грозным»?

— Нерадивые командиры действительно вас боятся! — ответил я. — Впрочем, если честно сказать, то вы слишком вспыльчивы.

Требовательность Шорина, его беспощадность к нерадивым командирам хорошо знали в армии. Бывало и так, что кое-кто пытался избегнуть личной проверки Шориным готовности своих частей. Но этот «номер» никогда не проходил. Бывали случаи, схожие с анекдотами. При поездке в Бийск Шорин, не предупредив местное военное начальство, «как снег на голову» явился и с вокзала позвонил начальнику гарнизона, чтобы за ним прислали экипаж.

Начальник гарнизона, боявшийся инспектирования войск, решил доложить Шорину, что из-за непролазной грязи проезда со станции в город нет.

Шорин приказал ответить ему, чтобы тот не фантазировал, а немедленно выслал парный экипаж.

— Не на того напал, чтобы грязью меня испугать! — смеясь, говорил Шорин.

Но грязь действительно оказалась ужасающей. И хотя пустой экипаж добрался из города до станции, но обратно — с пассажирами — по-настоящему тонул в густой жиже.

Шорин нашелся. Он приказал выпрячь лошадей. На одну вскарабкался, сам, на другую — инспектор пехоты Скоробогач. Вскоре они предстали перед изумленным начальником гарнизона.

Большой заслугой Шорина в Сибири было руководство ликвидацией огромного по масштабу контрреволюционного восстания, обычно именуемого Ишимско-Петропавловским, но фактически охватившего значительную территорию Зауралья и на некоторое время прервавшего сообщение Сибири с Россией.

К концу 1921 года пожар войны и восстаний в Сибири и на Дальнем Востоке стал затухать. Шорин получил назначение, на должность командующего Туркестанским фронтом. Там еще была в разгаре борьба с бандами басмачей, соединявшимися в целые армии, пополнявшимися засылаемыми извне басмаческими шайками. Нередко этими бандами командовали иностранные офицеры — ставленники империалистов.

Шорин с присущей ему энергией включился в борьбу с басмачеством. Выделяя крупные силы и умело осуществляя планомерное преследование и окружение банд-армий, Шорин быстро добился разгрома многих из них. В том числе была полностью ликвидирована крупнейшая и наиболее опасная, приносившая много бед советским людям басмаческая армия под командованием турецкого генерала Энвер-паши. В последнем бою бесславно погиб и этот главарь басмачей. Затем была ликвидирована многочисленная банда головореза Даулятман-бая.

И где бы наши войска ни вели свои победоносные операции, Шорин обычно бывал среди частей. Его не могли остановить никакие путевые трудности. Иногда на верблюдах, иной раз на самолете (несмотря на весь риск в то время пользования авиацией)

Шорин добирался до места, вносил бодрость, уверенность и воодушевление.

За успешное руководство боевыми операциями и ликвидацию опаснейших басмаческих банд-армий в Туркестане Шорин был награжден высшими боевыми орденами Хорезмской и Бухарской народных республик.

После окончания гражданской войны Шорин был заместителем командующего войсками Ленинградского округа.

В 1925 году Василий Иванович Шорин по возрасту и расстроенному состоянию здоровья выходит в отставку.

В приказе РВС № 140 от 24 февраля 1925 года за подписью Народного комиссара обороны СССР М. В. Фрунзе кратко, но замечательно исчерпывающе и тепло характеризуется деятельность В. И. Шорина:

«Освобождая Василия Ивановича Шорина от действительной службы в силу его преклонного возраста, Реввоенсовет СССР, вспоминая исключительные заслуги Василия Ивановича перед Республикой и Революцией в бытность командующим 2-й армией Восточного фронта, командующим Особой группой войск Южного фронта, а затем командующим последовательно армиями Юго-Восточного, Кавказского фронтов и Помощником главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики, — объявляет ему от имени Правительства СССР и Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Флота глубокую благодарность.

Отмечая колоссальные труды, понесенные тов. Шориным с первых дней Октябрьской Революции по созданию Рабоче-Крестьянской Красной Армии, талантливое руководство значительными войсковыми соединениями за весь период гражданской войны и личный героизм, Реввоенсовет СССР постановил: Шорина Василия Ивановича пожизненно оставить в списках Рабоче-Крестьянской Красной Армии».

Такое постановление было в истории Красной Армии первым.

Мы с Шориным регулярно переписывались, не так часто, раза два-три в год. Письма Шорина были довольно объемисты, подробны и интересны. В начале 30-х годов в одном из писем он сообщал, что, пока в силах, не может сидеть без дела, а выступления с докладами, как и руководящая работа в Авиахиме Ленинграда, его не вполне удовлетворяют. Поэтому он теперь особенно счастлив, что «нашел себя», войдя в организационную группу, возглавившую работу по проведению в жизнь теоретических разработок замечательного ученого Циолковского. И рад, что состоит не «почетным членом» группы, а и непосредственно участвует в разработках высотных скафандров. Эта группа (в системе Авиахима) сокращенно называлось ГИРД — группа изучения реактивного движения. В ней состояли энтузиасты — последователи Циолковского, в большинстве крупные специалисты.

Откровенно говоря (надо учесть, что в те времена о полетах ракет только мечтали, а чаще считали это если не фантастикой, то слишком далеким будущим), эти строки письма В. И. Шорина я не воспринял серьезно, лишь порадовался за старика — есть куда приложить его неуемную энергию. И уже совсем не принял во внимание скромную приписку: «Тут меня избрали почетным членом Дома ученых, где выступаю с докладами на совершенно новые для нас с Вами темы, которые меня увлекли и имеют огромнейшее значение для будущего нашей Родины». Не могу воспроизвести точных слов В. И. Шорина, но содержание их было

именно таким. Но даже и это прошло мимо меня: я простодушно отнес избрание Шорина как воздаяние его полководческим заслугам. В общем я ничего в своих письмах не ответил ему по этому вопросу.

И как стыдно и грустно, а вместе с тем и приятно было мне прочитать недавно (через 30 лет!) интереснейшую статью «У колыбели звездолетов» в газете «Ленинградская правда» от 7 июля 1963 года.

В ней описана самоотверженная и блистательная деятельность первых создателей прообразов наших замечательных космических ракет. Ленинградское общество ГИРД, организованное в 1931 году, уже в 1934 году построило и запустило первые две опытные пороховые ракеты, поднявшиеся на высоту 500 метров. Был разработан проект ракет с жидкостным реактивным двигателем, с расчетом подъема на разные высоты, вплоть до 300 километров.

Из статьи видно, что Шорин очень активно работал в ГИРДе и даже предоставил обществу свою квартиру для заседаний и собраний. При денежных затруднениях ГИРДа Шорин дал совет обратиться к М. Н. Тухачевскому, так как знал, что тот весьма дальновидно оценивал значение ракет. И действительно, Тухачевский предоставил Ленинградскому ГИРДу значительные средства.

Успешной деятельности ГИРДа в Ленинграде помешали начавшиеся в 1937 году репрессии.

Среди ряда крупнейших полководцев гражданской войны оказался оклеветанным и В. И. Шорин. Он был репрессирован и безвинно погиб в 1938 году.

По воспоминаниям Е. Н. Шориной — вдовы В. И. Шорина (также необоснованно репрессированной), при его аресте были увезены вместе с разной перепиской и хранившиеся у него на квартире документы по разработке высотных скафандров. Пропало и наградное золотое оружие.

О Ленинградском ГИРДе известно сейчас совсем мало. Однако недолгая, но выдающаяся его деятельность, безусловно, войдет в историю нашего отечественного ракетостроения, а с нею и имя В. И. Шорина в новой для полководца роли — одного из зачинателей строительства советских ракет.

Партия и правительство вскрыли перед народом все страшные последствия культа личности Сталина. Вместе с другими полководцами и славными военными и политическими деятелями был посмертно реабилитирован и В. И. Шорин. В Калязине — городе, где родился Шорин, — одна из улиц названа его именем, в филиале местного краеведческого музея открыта

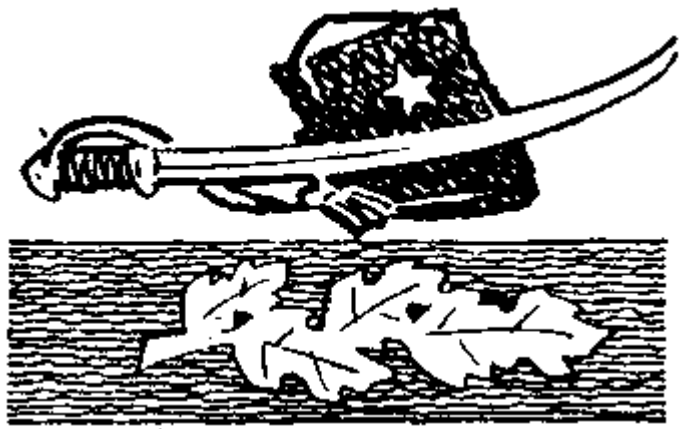
посвященная ему экспозиция, в Ленинграде ему поставлен памятник.

В. ЛАДУХИН

ВИТАЛИЙ ПРИМАКОВ

Эскадрон за эскадроном
кони Примакова…

Эдуард Багрицкий



1. СЛАВНОЕ БОЕВОЕ ГНЕЗДО

В 1962 году в Ленинградском доме офицеров встретились ветераны червонного казачества. Участник этой встречи командующий войсками округа Михаил Ильич Казаков сказал: «Я никогда не забуду, из какого гнезда я вылетел!»

Из замечательного червонноказачьего гнезда, умножив его славные подвиги, вылетело немало боевых орлов. Не один только генерал армии Казаков… Маршалы Рыбалко, Худяков, Пересыпкин. Многие полководцы Великой Отечественной войны — генералы Горбатов, Жмаченко, Журавлев, Карпезо, Казачек, Манагаров, Мельник, Сланов, Гусев. В рядах 1-го Конного корпуса червонного казачества рос и закалялся борец за Испанию «генерал Вальтер» — народный герой Польши Кароль Сверчевский.

Чья же это была идея — создать крепкое гнезде червонного казачества, этой «боевой голоты всея Украины», которая встала грудью против кулацких куреней петлюровского «вильного

коэацтва» — злейшего врага молодой Советской украинской республики? Кто вил, лепил, создавал это боевое гнездо?

Идея эта принадлежит мужественным большевикам Украины. И поручили они ее осуществить члену партии с 1914 года, бывшему царскому узнику, черниговцу Виталию Марковичу Примакову.

А опыт, практика, знания? Тяжкие годы первой мировой войны Примаков провел в тюрьмах и ссылке. Как и для всякого революционера, годы заключения явились для юного и восприимчивого ко всему передовому Примакова годами напряженной учебы. В лапы царских палачей гимназист Примаков попал в 1915 году в возрасте семнадцати лет — он родился в 1897 году на Черниговщине. И когда грянули первые раскаты февральской грозы, он уже хорошо усвоил самую мудрую науку — науку завоевывания человеческих сердец.

Но до тюрьмы были еще подпольные революционные кружки, встречи с питерскими студентами-большевиками, приезжавшими на лето в родной Чернигов. Редактирование листовок и воззваний к солдатам Черниговского гарнизона.

А общение с революционером-писателем, другом Максима Горького — Михаилом Михайловичем Коцюбинским? В доме этого великого гуманиста, подружившись с его старшим сыном Юрием, Виталий проводил все свое свободное время.

«Пахаря узнают по его первой борозде», — это слова Примакова. Добавим — революционера узнают по его первой стычке с врагом. В 1915 году в Киеве судили большую группу черниговцев-подпольщиков. Царские судьи, добиваясь легкой победы, через мать Примакова — Варвару Николаевну обещали ему всевозможные поблажки за публичное отречение от революционных идей. Виталий, к радости его матери и всех друзей, с гневом ответил царским холуям: «Да, мы распространяли листовки. Но не считаем себя виновными. Мы это ставим себе в честь и заслугу перед народом!..»

Вернувшись из ссылки, Примаков вошел в состав Киевского городского комитета партии, отдал себя делу пропаганды большевистских идей. Он много писал в партийной печати. Мечтал стать журналистом. Очевидно, сказалось многолетнее и прочное влияние Михаила Коцюбинского.

Долг гражданина свободной страны влечет Виталия к деятельности, долг партийца зовет к борьбе. Он тянется к перу, не подозревая того, что истинным его призванием явится казачий клинок. После гражданской войны Примаков напишет много статей и очерков, выпустит книги о пережитом. И все же в историю своего народа он войдет не как писатель, а как

талантливый самородок-полководец.

В бурное лето 1917 года, прошедшее в острых столкновениях с меньшевиками, эсерами, анархистами, юному большевику весьма пригодились занятия в ученическом кружке красноречия. Пригодился и подготовленный им еще к 1911 году реферат «Речи Цицерона в защиту республики».

В книге «Год борьбы» Евгения Бош, вспоминая те схватки с меньшевиками, пишет, что выступления Примакова производили впечатление разорвавшейся бомбы.

А Евгения Богдановна хорошо знала Примакова, встречалась с ним в большевистском подполье. Под постановлением Советского правительства Украины от 25 декабря 1917 года о создании червонного казачества стоит и ее подпись. В 1918 году она редактировала газету червонных казаков «К оружию», командовала отрядом Красной гвардии, подчиняясь Примакову. Первый полк червонных казаков носил имя этой выдающейся большевички.

Бош отмечает в своей книге, что по силе сокрушающей логики, убедительности доводов, едкой иронии речи пылкого Примакова считались шедевром ораторского искусства. Вот почему, когда во всей широте встал вопрос о завоевании солдатских масс, партия послала хорошо зарекомендовавшего себя пропагандиста рядовым в 13-й запасный полк.

Многие и сейчас помнят острые словесные поединки между речистыми добродиями-самостийниками из Центральной рады и ленинцем Примаковым. Радовцы соблазняли солдат нарядными жупанами, бульбовскими шароварами, пестрыми шлыками гайдамацких папах и жирным казацким приварком. Примаков же рассказывал им о санкюлотах, голодных и разутых тружениках Франции, которые колотили сытых и хорошо вооруженных буржуа. Он говорил о Степане Разине, Устиме Кармалюке. Призывая солдат под знамена Ленина, он им откровенно рисовал все лишения и трудности, которые ждали их на первых порах.

И солдатская масса, отвернувшись от опереточных жупанов Петлюры, проголосовала за ленинский путь. 13-й полк избрал солдата Примакова делегатом на II съезд Советов.

В Петрограде Примаков получает первый боевой опыт. Участвует в штурме Зимнего дворца и на Пулковских высотах. Возглавляя отряд речкинских паровозников, дает отпор одной из белоказачьих колонн генерала Краснова.

Яков Михайлович Свердлов после победы Октябрьской революции направляет Юрия Коцюбинского, Виталия Примакова и еще ряд делегатов украинцев в Харьков. Здесь предстоит жестокая борьба. В гарнизоне имеются части, поддерживающие

Центральную раду.

Большевики хорошо знали высказывание Энгельса о том, что наступят времена, когда «армия королей превратится в армию народа». Выполняя задание партии, Примаков и писатель Иван Кулик, опираясь на сознательную часть солдат, поднимают восстание во 2-м запасном петлюровском полку. Из харьковских рабочих и отколовшихся от Петлюры бойцов Примаков 25 декабря 1917 года создает боевой отряд, впоследствии выросший в 1-й Конный корпус червонного казачества.

Создавая боевые сотни, полки и бригады червонного казачества, Примаков опирался на крепкую большевистскую организацию. Ее монолитное ядро составляли товарищи по черниговскому революционному подполью, многие из них — коммунисты с дореволюционным стажем — Семен Туровский, Михаил Зюка, Евгений Журавлев, Александр Кушаков, Александр Зубок, Данило Самусь, Александр Смоляров, Савва Иванина, Роман Турин, Федор Святогор.

Обращаясь к своим товарищам, Примаков говорил: «Пахаря узнают по его первой борозде, воина — по первому бою. Репутация полка создается в начальном боевом столкновении. Нелегко завоевать боевую славу в первом бою, а еще труднее — после первого поражения. Я верю в успех, верю в боевую отвагу наших червонных казаков. Наше червонное казачество будет тяжким молотом по отношению к кулацким куреням Петлюры и неодолимым магнитом для одураченных Петлюрой тружеников».

Первое боевое крещение червонные казаки получили 6 января 1918 года под Полтавой. Вместе с харьковскими красногвардейцами и полтавскими рабочими-железнодорожниками они разбили гайдамацкие отряды «вольного казачества».

Много замаскировавшихся петлюровцев оставалось в городе, и на его улицах не сразу установился должный порядок. С юных лет помня, с каким уважением произносилось в доме Коцюбинских имя Короленко, Виталий сразу же после освобождения Полтавы выделил специальный пост для охраны дома писателя.

Из Полтавы третий примаковский курень (батальон) двигается на Кременчуг. Второй остается в городе для несения гарнизонной службы. Первый, сев на захваченных гайдамацких коней, получил задачу идти вместе с другими отрядами на Киев.

Крупные силы «вольного казачества» Петлюры были разбиты под Крутами, но в Киеве «жевтоблакитники» прочно оседлали днепровские переправы.

Несколько атак не дали никакого результата. Вот тогда

Примаков предложил смелый до дерзости план действий, одобренный главкомом Юрием Коцюбинским и давший блестящий результат.

Ночью Примаков повел отряд конников в тыл гайдамакам. Днепр не совсем еще застыл, и несколько кавалеристов с лошадьми пошли под лед. Выбрался отряд на берег у Пуща-Водицы. Отсюда червонные казаки двинулись на Куреневку и Подол, где к ним присоединились отступившие из города красногвардейцы. С рассветом Примаков нагрянул на тылы гайдамаков, оборонявших переправы через Днепр. А удар красногвардейцев со стороны Дарницы довершил разгром «жевтоблакитников», бежавших вместе с Центральной радой из Киева.

Лишь тот полководец может рассчитывать на успех и всеобщее признание, кто, избегая шаблонов, поражает врага оригинальностью и дерзостью своих решений, кто, впитав в себя колоссальный опыт истории, вносит в него и свое искусство, отличающееся от искусства других своим особым, ярким почерком.

Дерзкие рейды по тылам врага и определили боевой почерк крупного кавалерийского начальника Виталия Примакова. Киевская операция по тылам гайдамаков — лучшее свидетельство этого особого почерка Примакова — основоположника сокрушительных рейдов советской конницы. После первого, киевского, их будет еще немало. Четырнадцать рейдов, ликвидируя штабы, войска, транспорты, связь в тылах петлюровцев, деникинцев, белополяков, совершат на протяжении всей гражданской войны червонные казаки под руководством Виталия Примакова.

Бои и организационные хлопоты отнимают много времени у молодого конника; Но он знает, чего от него требует партия. Он изучает, рейды американской кавалерии во время гражданской войны Севера против Юга, увлекается описаниями походов Богдана Хмельницкого, партизанских налетов Платова, Дениса Давыдова, изматывавших наполеоновские войска.

Весной 1918 года, в тяжкие дни Бреста, украинские буржуазные националисты, растоптав узы дружбы русских и украинских тружеников, продались кайзеру Вильгельму. Полчища хорошо организованных, но изголодавшихся германцев — полмиллиона солдат, мечтая о богатых запасах хлеба, сала, сахара, обещанных им Центральной радой, ринулись на Украину. Молодые, не окрепшие еще советские полки, отстаивая каждую пядь земли, оставляли наглым захватчикам родную землю, насквозь пропитанную своей и вражеской кровью.

Трудовая Украина, уступая неравной силе, не сдавалась без боя. Она отчаянно сопротивлялась, создавая в пылу сражений и огне боев свои вооруженные силы, выдвигая из низов боевых вожаков. В те дни народ узнал имена Юрия Коцюбинского, Крапивянского, Якира, Дубового, Пархоменко, Киквидзе.

Юный Примаков, чрезвычайный комиссар Киева по борьбе с контрреволюцией, под натиском немецких оккупантов, которым путь к Киеву прокладывали недобитые гайдамаки Петлюры и Винниченко, отходил со своим небольшим отрядом к Бахмачу. Здесь вместе с боевыми силами Киквидзе и Евгении Бош, возглавив оборону Бахмачского узла, Примаков несколько дней сдерживал натиск немецких колонн, обеспечив тем эвакуацию беженцев и ценных грузов.

Затем шли бои под Харьковом, в Донбассе, на Дону, бои с петлюровцами, немцами, белоказаками. Тяжелые испытания многим оказались не под силу, немало отрядов распалось. Но червонные казаки, сцементированные боевым ядром коммунистов, с каждым днем, с каждым боем закалялись и вырастали в грозную силу, на которую, без всяких сомнений, могло опереться эвакуировавшееся в Таганрог первое Советское правительство Украины. Недаром спустя много лет бывший главнокомандующий вооруженных сил Украины Антонов-Овсеенко, приветствуя червонных казаков с их юбилеем, напишет: «Тяжка, неравна была борьба наших красных отрядов с немецкими корпусами. Вы честно, доблестно держались в этой борьбе, товарищи червонные казаки! Вы продолжали эту борьбу и тогда, когда многие в унынии сложили оружие…»

2. ЗА ДЕЛО ЛЕНИНА

С Виталием Марковичем Примаковым — «железным рыцарем», как называли его в своих песнях слепые лирники Украины, пришлось мне тесно общаться и во время гражданской войны и довольно часто после нее. Раскрывая в беседах с нами революционное прошлое, он умел быстро овладевать всеобщим вниманием.

— Вспоминаю своего батька, — говорил как-то Примаков, — он был народный учитель. Беззаветный труженик. Мечтал и из меня сделать учителя. Не то что мать. Она гордилась мной — бунтарем. В юности, в грозную эпоху Буревестника, крепкой опорой были друзья-подпольщики, но в борьбе я всегда чувствовал любящее сердце матери. А отец? Отец был

благородный человек, но уж очень боялся потерять то, чего достиг с величайшим трудом… В одном был прав батько: я из обыкновенных самый обыкновенный.

Примаков тут же рассказал об одной беседе между его родителями. Варвара Николаевна, мать Виталия Марковича, заговорила однажды с мужем о старшем сыне:

— Мне почему-то кажется, что наш Виталий особенный.

— Любой матери кажется, что ее дитя гений, — сердито ответил отец. — Забыла, в какое время живем? Из особенных выходят или те, кто вешает, или те, кого вешают. Выбрось это из головы и ему не засоряй мозги. Напротив, внушай ему, что он из обыкновенных самый обыкновенный. Надо думать об одном: как бы поставить детей на ноги. И тихо дожить век в Шуманах. Кончит Виталий учение, а там, может, займет место учителя. Чем плохо для внука крепостного мужика?

Но внук крепостного не стал учителем в Шуманах. В решающие дни борьбы за новую жизнь партия поставила двадцатилетнего Виталия Примакова во главе боевой конницы Советской Украины.

Нелегким, тернистым был его путь. Отчетливо рисуются картины беспокойной юности — с его слов и со слов тех, кто близко знал этого замечательного человека. Часто вспоминал он укромную усадьбу, притаившуюся на тенистой Северянской улице Чернигова, ставшую его вторым домом. Хозяин этой усадьбы много внимания уделял пареньку из глухой деревушки Шуманы.

Своенравный мальчик, явившийся в Чернигов из глухого села, заинтересовал Михаила Михайловича Коцюбинского многими качествами: пытливым умом, мягкой улыбкой, пристрастием к чтению, настойчивостью, чувством собственного достоинства и при всем этом еще задиристым нравом.

…Немцы, на сей раз под петлюровским флагом, заняли всю Украину, но народа ее не покорили. Помещики и кулаки приветствовали оккупантов, а народ Украины с первых же дней начал готовиться к кровавой борьбе с захватчиками и их прихвостнями. Под руководством большевиков создавались партизанские отряды на оккупированной территории. Тысячи тружеников Украины уходили в нейтральную зону и здесь, пользуясь поддержкой Ленина, поддержкой русских братьев, накапливали силы для решающей схватки.

Во главе повстанческих отрядов — вооруженной силы восставшей Украины — встали большевики Ю. Коцюбинский, В. Затонский, А. Бубнов, В. Примаков, Н. Щорс, В. Боженко, Н. Крапивянский.

В нейтральной зоне, на этой узкой полосе земли, отделявшей советскую территорию от районов, захваченных немецкими оккупантами, на помощь Примакову приходят черниговские друзья по революционному подполью — Семен Туровский, Михаил Зюка, Ахий Шильман. А жена Примакова — Оксана Коцюбинская — перевязывает раны червонным казакам, читает им газеты и, выполняя задания повстанческого штаба, везет партийные директивы на оккупированную Украину.

В Шуманах немецкие каратели и их гетманские приспешники крепко притесняли родителей Примакова. Отца Виталия Марка Григорьевича, который мечтал тихо дожить век в Шуманах, жестоко выпороли. Распространяли слухи, что Виталий Примаков командует не воинским отрядом, а бандой грабителей. Варвара Николаевна не верила этой клевете и, как могла, разуверяла других. С паспортом Хорошиловой — учительницы соседнего села — она с большими трудностями пробирается в нейтральную зону.

Здесь, в партизанском лагере, мать напомнила сыну о своем давнем разговоре с Марком Григорьевичем. Она знала, через какие трудности шел к учительству ее муж, сын крепостного. Понимала, как он ценил достигнутое. Понимала, почему он, не желая замечать особенностей сына, мечтал увидеть и его в куцем учительском вицмундирчике. А разве ее Виталий не педагог, не учит народ? Только муж своими уроками ведет людей к свету и знаниям, а Виталий ради этого света и этих знаний горячим ленинским словом зовет их к священной борьбе.

Тяжело ныло сердце за мужа, истерзанного плетьми оккупантов и гайдамаков в отместку за Виталия.

Но она одобряла путь, избранный сыном. Теперь Варвара Николаевна, многосемейная мать, уважаемая учительша из Шуманов, сама включилась в борьбу.

Волнующие рассказы матери партизанского командира о народных страданиях, об издевательствах иноземцев и «хлеборобов-собственников» — помещиков и кулаков — еще больше закаляли волю бойцов червонного казачества к борьбе.

Пройдет двенадцать лет, и Варвара Николаевна, осуществляя то, за что боролся ее старший сын с царскими судьями в здании киевских присутственных мест, с оккупантами в лесах нейтральной зоны, с деникинцами под Орлом, возглавит в Шуманах борьбу за создание первого колхоза. Народ единодушно назовет его славным именем «Червонный казак».

В декабре 1918 года червонные казаки под командованием Примакова, действуя совместно со 2-й Советской Украинской дивизией, освобождают Харьков,

Полтаву, Кременчуг, а весной 1919 года совершают

знаменитые рейды на Старо-Константинов, Изяславль, Острог.

Радостная пора триумфального шествия молодой Красной Армии! Свободно вздохнув после немецко-гетманского ига, население встречало освободителей хлебом-солью, красными флагами, колокольным звоном. Как седой Днепр питается бегущими к нему водами Полесья, Слобожанщины, Южностепья, Таврии, так и закаленный в боях отряд примаковской конницы на длинном пути от Унечи до Изяславля принял множество вольных сынов Украины, выросших на берегах Ворсклы, Сулы, Пела, Тетерева, Случа, Горыни.

Всего лишь один полк червонных казаков, а насчитывал он в своих рядах до двух тысяч бойцов, отчаянных рубак, до мозга костей преданных делу Ленина и люто ненавидящих своих злейших врагов — оккупантов и их лизоблюдов.

1-я Советская Украинская дивизия Локотоша гонит петлюровцев и галицийских стрельцов к Шепетовке, 2-я дивизия Барабаша сдерживает натиск врага у Проскурова. А червонные казаки вместе с конным полком Гребенки вырываются на тылы «жевтоблакитников».

В этом героическом рейде, выйдя к Старо-Константинову, червонные казаки у берегов Кузьминского озера столкнулись на марше с мощной Херсонской дивизией противника. Силы далеко не равные. Вместе с полком Гребенки можно было бы с ней потягаться. Но дорога каждая минута, и Примаков, не дождавшись подмоги, атакует петлюровцев. На льду Кузьминского озера осталось до двух тысяч изрубленных гайдамаков. В их числе командир Херсонской дивизии, личный друг Петлюры, сменивший клистирную кишку на булаву воеводы доктор Луценко.

В этой славной битве наряду со старыми бойцами хорошо показали себя спартаковцы, бывшие солдаты кайзера Вильгельма, венгры и чехи, бывшие солдаты Франца Иосифа — всадники интернациональной сотни под командованием чеха Маркутана и его комиссара венгра Вераша.

3. ГЕРОИЧЕСКИЕ РЕЙДЫ

В мае обстановка на фронтах усложнилась. Измена Махно и восстание бывшего атамана Григорьева, начальника 6-й Советской дивизии, сыграли на руку генералу Деникину. Белогвардейцы захватили Донбасс. Ленин потребовал переброски войск с западной границы против нового врага. И вот червонные

казаки из-под Шепетовки через Киев устремляются к Гришино. Главком Украины Антонов-Овсеенко шлет депешу в Москву: «Мы отправили против Деникина свою лучшую боевую единицу — полк червонных казаков Примакова».

В первых же боях с конницей Шкуро червонные казаки оправдали эту высокую оценку.

Большевик Примаков не был из тех командиров, которые живут правилом «Моя хата с краю, ничего не знаю». Не кейфовал в ожидании приказов свыше.

Не благоденствовал в то время, когда враг жал на боевого соседа. Командуя полком, он, большевик ленинской школы, болел за весь фронт. Это, помимо его личной отваги и мастерства непревзойденного рейдиста, и выдвинуло молодого, двадцатилетнего конника Примакова в ряд самых блестящих военачальников ленинской эпохи.

Под натиском белых советские силы отходили к Полтаве. Враг — его ударная офицерская пехота, конные полки кавказцев — опьянен небывалыми успехами. У иных наших начальников на уме одно — отступать. А Примаков добивается разрешения нанести удар по флангам врага — на Карловку. Удача!

В связи с успешной атакой червонных казаков под огнем белых производится полная эвакуация артиллерийских складов из Селецино. В этом бою героически сражалась пехота 46-й, бывшей 2-й Украинской партизанской дивизии. Ее комиссар Исаак Минц, будущий комиссар корпуса червонных казаков, приободренный действиями примаковской конницы, возглавив батальон пехоты, сдерживал отчаянный натиск белогвардейских полков генерала Геймана.

В течение августа и сентября 1919 года Примаков с бригадой червонных казаков удерживает Чернигов, блокированный деникинскими войсками.

Осенью 1919 года Деникин рвался к Москве. По указанию В. И. Ленина для отпора белогвардейцам была создана Ударная группа. В нее вошли латышские стрелки, червонные казаки и бригада Павлова. Месяц длились ожесточеннейшие бои на полях Орловщины.

В штаб Ударной группы явились командарм Иероним Уборевич и член Реввоенсовета Серго Орджоникидзе. Примаков, теперь уже командир бригады, делился своим замыслом:

— Готовя народ к революции, мы говорили, что самодержавие прогнило насквозь. А сейчас мы удираем от тех же царских генералов. В пятнадцатом году я с трудом доставал у солдат Черниговского гарнизона винтовку, обойму патронов. Теперь у нас оружейные заводы в Туле, Сестрорецке, Ижевске. В

пятом году восстали лишь Красная Пресня и киевские саперы, сейчас с нами весь трудовой народ. В восемнадцатом году у нас были небольшие отрядики, а теперь на одном лишь Южном фронте семь армий. Я убежден, что мы сильнее врага и кулаком и духом. Наши казаки горят ненавистью к белякам. Так в чем же дело? Значит, мы сами делаем не то, что надо. Пустите меня в деникинские тылы. Латыши прорвут фронт. Я в этом не сомневаюсь. Что? Сложная обстановка? У врага много конницы? Зима, стужа, буран? Это то, что надо! Чем сложнее обстановка, тем больше шансов на успех. Пусть дрожат беляки! Мы их будем глушить слухами по нервам, а клинками по башке. Мы лишим их связи, управления. А неизвестность будет бить врага похлестче наших клинков…

Орджоникидзе, писавший позже В. И. Ленину, что «червонные казаки действуют выше всякой похвалы», с интересом слушал пылкую речь молодого кавалериста. План Примакова был одобрен.

Одно дело — драться с крепким врагом на фронте, другое — двинуться зимой в его тылы. Всему штабу: начальнику Семену Туровскому, его помощникам — Журавлеву, Мединскому, Рубинову, Шильману пришлось крепко поработать. Планы планами, а выполнять их людям. Вместе с комиссаром Евгением Петровским Примаков ускакал в полки. Завязались душевные беседы. Молодой комбриг говорил казакам и о Москве, которой угрожала страшная опасность, и о Туле, снабжавшей войска оружием. И вдруг вспомнил «Левшу» писателя Лескова. Рассказал о нем бойцам:

Царь спросил, пользовались ли тульские мастера микроскопом, когда подковывали английскую блоху. Левша ответил: «Мы люди бедные и по бедности своей мелкоскопом не пользовались. Но у наших мастеров и так глаз пристрелямши…» Вот, товарищи, — сказал в заключение Виталий, — мы тоже люди бедные, с оружием у нас не густо, но у нас и так глаз пристрелямши… Не дадим спуску сволочам…

2 ноября латыши прорвали фронт. За 37 часов, в стужу и буран, червонные казаки углубились в расположение врага на 120 километров, 6 ноября захватили в тылу деникинцев Фатеж и Поныри. Враг под натиском стрелковых дивизий с фронта откатился на 100 километров к югу.

Командование, воздавая должное отваге полков Примакова, снова двинуло его конницу, теперь уже дивизию, в рейд. 15 ноября 1919 года червонные казаки, разгромив тылы врага, захватили Льгов и пять деникинских бронепоездов на станции. Один из них — «Генерал Дроздов» — приказом командования

армии был переименован в «Червонный казак».

Стрелковые дивизии 13-й и 14-й армий, воспользовавшись результатами льговского рейда Примакова и ударами конницы 1-й Конной под Касторным, отбросили врага еще дальше на юг и вышли на линию Курск — Воронеж.

Красное знамя Реввоенсовета, знамена от трудящихся Москвы и Петрограда, боевые ордена Красного Знамени Примакову, полковым командирам — Григорьеву, Потапенко и многим рядовым бойцам — отметили немеркнущие подвиги червонных казаков в самые тяжелые для молодой Советской республики дни.

Позже червонные казаки и латыши разгромили под Мерефой конницу Деникина, помогли войскам 14-й армии освободить Харьков.

Из Харькова червонные казаки держали путь на Гришино, из Гришино на Мелитополь, из Мелитополя к Перекопу. Здесь плечом к плечу с шахтерами из 42-й стрелковой дивизии Нестеровича, 46-й — Эйдемана, латышской — Калнина, 3-й — Козицкого конники Примакова вели ожесточенные бои против засевших за Перекопским валом врангелевцев. Неоднократно в степи, зажатой с двух сторон Черным морем и Сивашем, сходились в клинки отважные всадники Примакова с башибузуками генералов Морозова и Улагая.

В этих конных атаках, в которых неизменно советский клинок брал верх над белогвардейским, червонные казаки всегда видели в первых рядах атакующих своего бесстрашного начдива.

Командование войск Перекопского участка, занятое подготовкой штурма вражеских укреплений, ослабило наблюдение за своим побережьем. Этим воспользовались белогвардейцы. 15 апреля в Хорлах они высадили десант во главе с генералом Витковским, в полках которого под ружьем стояли офицеры-золотопогонники, сынки помещиков и капиталистов. Взводами командовали капитаны, а ротами — полковники.

Захватив кусок твердой земли, офицерский десант отбросил слабые части береговой обороны. Витковский нацеливался на тылы Перекопской группы войск и на позиции советской тяжелой артиллерии.

Вот тут-то и была поднята по тревоге червонноказачья дивизия Примакова. Штаб-трубачи вихрем носились по улицам Строгановки, Владимировки, Перво-Константиновки, Чаплинки — по всему охваченному тревогой побережью.

Послушные сигналам труб, под командой Примакова, будоража степную тишину гулким топотом копыт, понеслись червонные казаки с севера на юг, к Преображение — фальцфейновской вотчине, и дальше, к Хорлам.

Когда начдив вел своих всадников навстречу белогвардейскому десанту, над степью звучали лишь два сигнала, хорошо усвоенные не только бесстрашными кавалеристами, но и их лошадьми. Это был сигнал галопа:

Всадники, двигайте ваших коней
В поле галопом резвей…

И сигнал карьера:

Скачи, лети стрелой!

Атакованный червонными казаками сначала в чистом поле, а затем на Преображенском кладбище, десант генерала Витковского понес большие потери, и лишь ценой огромных усилий ему удалось прорваться к своим в Перекоп.

4. СНОВА НА ЗАПАД

Но вот на Западе выросла новая угроза. Подхлестываемый биржами Парижа, Нью-Йорка, Лондона, пан Пилсудский бросил свои легионы на Киев. Малочисленные советские дивизии 12-й и 14-й армий под нажимом врага, имевшего тройное превосходство в силах, отдав ему столицу Украины, закрепились на линии Случи и Днепра.

Москва двинула против интервентов Конную армию с Кавказа и червонных казаков из-под Перекопа.

На новом фронте червонные казаки встретились со стойкими легионерами, которые укрепились на линии реки Случь. Несколько дней дивизия безуспешно пыталась прорвать расположение пилсудчиков, чтоб потом обрушиться на их глубокие тылы. 3-я бригада Микулина развернулась перед Терешполем. Демичеву с пятым полком удалось ворваться в село, изрубить батальон интервентов.

У Синявы командир полка Степан Новиков и многие его казаки в конном строю бросились на позиции интервентов. Расстрелянные в упор пилсудчиками, они повисли на проволочных заграждениях. Примаков, горюя о бессмысленных потерях, говорил командирам:

— Жаль людей, жаль храбреца Новикова. Кто же это в конном строю идет напролом? Раньше были шапкозакидатели, им под

стать шашкозасекатели. Революция вложила нам в руки клинок, а природа еще раньше снабдила нас мозгами. Шевелить надо ими, и покрепче. Не нахрапом брать, а умом. Лишь по той дорожке легко пройдет клинок, которую ты ему протопчешь соображением… Чего хочет враг? Встретить тебя там, где он силен. А ты ищи его слабые места. Бей по ним, в сильных местах он сам дрогнет. А потом добивай…

Но не был Примаков и догматиком. Вот он стоит на командном пункте под Мессиоровкой вместе с командармом Уборевичем. Атака не удалась… Уборевич, нервничая, протирает носовым платком стекла пенсне. Армия уже много дней топчется на месте. Вся надежда была на дивизию Примакова, которая рвалась в тыл интервентам. И не прорвалась…

— Плюнем на Синявский участок, — убеждал Примаков командарма. — Двинем к Комаровцам. Подтянем туда все наши бронепоезда. На фронте мои земляки, черниговцы, крепкая шестидесятая дивизия. В тылу врага партизаны. Тогда, в прошлую зиму, нам крепко помог орловский мужик, а знаете, как подольские хлеборобы лютуют против захватчиков, против непрошеной шляхты? Нам лишь бы прорваться…

Уборевич не первый день знал отважного и рассудительного вожака червонных казаков. Он внял его просьбам. Советской коннице открыла дорогу на запад боевая 60-я дивизия у станции Комаровцы. Ей помогали три бронепоезда и партизаны. Вот тогда-то червонные казаки, смяв по пути не один батальон пилсудчиков, вышли на глубокие тылы 6-й армии генерала Роммера.

5 июля 1920 года начдив Виталий Примаков с двумя конными бригадами громил базы противника в Черном Острове, а третья бригада ворвалась в город Проскуров. Там со всеми армейскими тылами располагался штаб 6-й армии белополяков.

Сразу же после этой смелой операции в тылу врага приказ Уборевича, переданный по радио, направил дивизию червонных казаков на северо-восток. Примаков решительным движением к Зозулинцам отвлек на себя ударную группу генерала Краевского, стремившегося к Шепетовке, чтобы вцепиться в хвост 1-й Конной армии. 14-я армия Уборевича, воспользовавшись результатами рейда червонных казаков, перейдя в решительное наступление, отбросила захватчиков от беретов Случи к Збручу.

Командарм Уборевич так оценивал действия червонных казаков: «Червонноказачья дивизия пятидневным рейдом разгромила 6-ю армию и вынудила ее очистить территорию от р. Буг до реки Збруч».

Да, Примакова не причислишь к «шашкозасекателям». Это

был диалектически мыслящий полководец ленинской школы. Страна высоко оценила боевые дела молодого начдива. За проскуровский рейд, способствовавший успешным действиям двух армий — 14-й и 1-й Конной, Виталий Примаков был награжден вторым орденом Красного Знамени.

Пилсудчики, усиленные прибывшими с Салоникского фронта французскими частями генерала Франше Д'Эспере, окопались на Збруче. После проскуровского рейда, сорвавшего все оперативные расчеты генерала Роммера, одетые в голубые французские мундиры легионеры научились уважать советскую конницу. По эту сторону Збруча в рядах пилсудчиков часто слышалось: «Панове, до лясу!» А там, за надежными укрытиями, воздвигнутыми вейгановскими инженерами, жолнеры пана Пилсудского смеялись сами над собой: «Пей, пан, млеко, червонный казак далеко». Об этом простодушно рассказывали сами пленные.

Прежде чем выйти на просторы Галиции и появиться у сказочных отрогов Карпат, конным полкам Примакова и отважной 60-й дивизии предстояло немало работы здесь, у бывшей государственной границы, на подступах к Збручу.

Хорошо показали себя червонные казаки и в боях под Бродами. Дивизия Примакова входила тогда в состав войск Золочевской группы Якира. Эта группа обеспечивала фланги Конной армии, сдерживавшей натиск крупных сил, переброшенных Пилсудским из-под Варшавы к Львову.

Но если на местности, изрезанной старыми окопами, перегороженной колючей проволокой, один стрелковый батальон может сделать больше, нежели целая кавалерийская дивизия, то на оперативном просторе одна кавалерийская дивизия добьется большего, нежели пять стрелковых корпусов.

Примаков рвется на простор. Командарм-14 разрешает червонным казакам, расставшимся с Золочевской группой, двинуться к Золочеву и дальше, на оперативный простор. У Вишневчика дивизия червонных казаков форсирует реку Золотую Липу и неудержимым потоком захлестывает тылы врага. Идет на Перемышляны, Бобрку, Николаев, Жидачев, а там к Карпатам — в город Стрый и дальше, на Болехув. Пройдено 120 километров.

Неудачи советских армий под Варшавой сказываются и в Галиции. Враг, мстя за летнее поражение, лезет на рожон. Ожили легионеры, вынырнули откуда-то гайдамацкие полки Тютюнника. Золочевская группа Якира, 41-я дивизия, дивизия червонных казаков под сильным нажимом врага отходят на восток, к Збручу.

У Шумлян, перехватив пути отхода, целая дивизия врага навалилась на колонну червонных казаков. Бой длился с утра до

сумерек. Примаков бросает свои полки на Шумлянские высоты, занятые легионерами и их пушками. Полк Федоренко, полк Потапенко, полк Хвистецкого, полк Самойлова, полк Святогора. Одна атака следует за другой. Враг несет большие потери, но не уступает, не дает дороги на Восток. Тогда начдив направляет на врага, на самый опасный участок фронта 1-й кавполк Владимира Примакова — своего младшего брата. Но этого кажется мало начдиву. Обнажив свой кубанский, с роговым эфесом, клинок, он сам становится во главе атакующих.

В том памятном шумлянском бою конники Примакова еще раз доказали, что червонные казаки не сдаются, что во имя Родины и ленинских знамен они готовы на все.

5. НА СЛУГУ ДВАДЦАТИ ДВУХ ГОСПОД

Шел октябрь 1920 года. Блестящий полководец-ленинец Фрунзе громил барона Врангеля — ставленника Антанты — на просторах Таврии. Другой выкормыш мирового капитала, пан Пилсудский, после «чуда на Висле», позволившего ему с помощью французского генерала Вейгана, французских пушек и американских долларов выиграть варшавское сражение, поторопился в Станислав. Здесь, в ставке Петлюры, этого слуги не двух, а двадцати двух господ, он заявил, что польская армия за Збруч не пойдет, но окажет необходимую помощь союзнику и вассалу.

По условиям перемирия войска Пилсудского очистили украинскую территорию к востоку от Збруча. Но там еще оставались вооруженные силы Петлюры — союзника пана Пилсудского. С его помощью самостийники сумели собрать и двинуть на фронт 40 тысяч солдат. По тем временам довольно внушительная сила! Петлюровцы рассчитывали быстро покончить с поредевшими после летней кампании советскими войсками и в несколько дней захватить огромную территорию до Днепра и столицу Украины — Киев. Польские магнаты Потоцкие, Сангушки, Браницкие уже назначили управителей сахарных, винокуренных заводов правобережья.

Впоследствии, когда жалкие остатки наемных полчищ бежали за Збруч под крылышко пана Пилсудского, петлюровские писаки бессовестно, как и раньше, врали, заявляя, что петлюровскую армию разгромили несметные орды китайцев и латышей. Даже им, давно потерявшим всякий стыд, совестно было признаться, что они потерпели поражение от своего же народа.

В дни культа, когда в чрезвычайно тесную обойму героев гражданской войны по указанию Сталина вошли лишь считанные единицы, много писалось о Чапаеве и мало о чапаевцах, вовсю прославлялся Щорс и меньше всего щорсовцы, говорилось много о Котовском и мало о котовцах, очень много писали о Сталине и очень мало о народе — творце побед, о партии — организаторе побед. Это лило воду на мельницу петлюровских писак, и поныне утверждающих там, за кордоном, что советская власть на Украине утвердилась с помощью штыков оккупантов.

И лишь после XX съезда партии появилась возможность сказать правду. Показать, кто в действительности на протяжении всех тяжелых лет гражданской войны беззаветно боролся за победу ленинского дела на Украине. Поведать народу, кто разбил и вышвырнул за кордон полчища щирых самостийников и их союзников — ярых монархистов, которых объединила в «священном» союзе лютая ненависть к трудящимся.

В ноябре 1920 года разгромила эту черную свору 14-я советская армия во главе с командармом Василенко и членом Реввоенсовета Рухимовичем.

В эту героическую армию, обескровленную многолетними боями и походами, входили: 41-я стрелковая дивизия, выросшая из боевых партизанских отрядов юга Украины. С ней отважный начдив Осадчий брал Одессу. 45-я дивизия, Бессарабская. Под командованием мужественного начдива Ионы Якира она покрыла себя неувядаемой славой. В эту дивизию входила и знаменитая кавалерийская бригада Котовского. 60-я дивизия, созданная на Черниговщине знаменитым героем гражданской войны Крапивянским. Конница Виталия Примакова, червонное казачество, которое к тому времени уже развернулось в Конный корпус. Этой внушительной силе, состоявшей из полусотни украинских полков, помогали братские полки волжан 24-й Самарской дивизии, два полка башкир, включенных в корпус Примакова, и бронепоезда «Ленин», «Лейтенант Шмидт», «Углекоп», «Бела Кун».

Петлюровский главком генерал-хорунжий Омельянович-Павленко, ревниво опекаемый представителем французского генштаба полковником Льоле, наметил день атаки на 11 ноября 1920 года. Но… рано утром 10 ноября 1-я дивизия червонных казаков, 45-я дивизия Якира и бригада Котовского, перейдя в решительное наступление, сразу же перепутали карты петлюровским генштабистам и их покровителю из Парижа. Опрокинув решительными атаками довольно-таки стойкую оборону врага, советские войска вышли в район Шендеровка — Вендичаны на глубокие тылы петлюровцев.

Вот как выглядит в изложении самих самостийников результат первого столкновения: «10 ноября противник прорвал фронт Правой группы. 3-я дивизия под натиском вражеской конницы отошла. Отошли части и Херсонской дивизии. Введены в бой 4-я Киевская и Отдельная. корная. Средняя группа под натиском конницы оставила Копай-город. 3, 4, 5, 6-я, Отдельная конная и Пулеметная дивизии понесли тяжелые потери. Решающее значение на исход боев в пользу врага имела конная дивизия червонных казаков». («Оперативные документы штаба армии УНР», Варшава, 1933.)

Спрашивается — где же тут штыки оккупантов и несметные орды китайцев и латышей?

13 ноября в доме ялтушковского попа при свете керосиновой лампы Примаков наставлял своих командиров и политработников:

— Кого-кого, а червонное казачество петлюровцы знают и помнят давненько. Наше первое знакомство состоялось в январе восемнадцатого года под Полтавой. Надо, чтобы предстоящая встреча с заклятым врагом Украины была для него последней. И так оно и будет! Не зря Омельянович-Павленко в своем приказе вспомнил о нас. Наши казаки и вы все, товарищи, работали отлично. С самого начала. И это лучший залог дальнейших успехов. Важен почин!

А почин был на славу. И у нас, и у Якира, и у Котовского. Армия Петлюры должна была еще вчера по первым ее наметкам захватить Вапнярку — Винницу. А где она? В Новой Ушице — Баре!

Примаков повел коротким чубуком трубки по карте.

— Конечно, при данной ситуации очень заманчиво двинуться на Проскуров — разгромить глубокие тылы противника. Но на Жмеринку нацелен крупный сгусток петлюровских сил. Я решил ударить по их флангу. Прямо на Бар — Деражню. А потом уж махнем к Збручу. Петлюра, — продолжал командир корпуса, — надеется еще на своего союзника — третью русскую армию генерала Перемыкина. Но, как говорится, не удержался за гриву — за хвост не удержишься! Наша задача — сорвать замысел врага и уничтожить его… Выступаем завтра на рассвете…

В своем приказе от 13 ноября петлюровский главком писал: «Завтра будет дан бой коннице противника, который решит участь всей операции… Правительство генерала Врангеля признало независимость УНР и нынешнее ее правительство…»

Эта «радостная» весть была и лживой и запоздалой. В тот самый день, когда писался этот приказ, рассчитанный на поднятие духа «жевтоблакитного» воинства, советские войска,

разгромив армию Врангеля, подходили вплотную к Севастополю.

В те памятные дни червонные казаки — славные сыны трудовой Украины, предводимые молодым боевым комкором, хорошо дали о себе знать своим лютым врагам — петлюровским самостийникам. Их главком писал 17 ноября: «Перед фронтом армии УНР незначительные силы пехоты. Главную роль играет конная группа Примакова».

Доблестные советские стрелковые дивизии — 41, 45, 60-я неотступно гонят на запад гайдамацко-белогвардейские полки. Бригада Котовского, воспользовавшись тем, что основные силы самостийников вели бои с пехотой 14-й армии и с корпусом Примакова в районе Деражня — Бар, 18 ноября заняла Проскуров.

Петлюра, собрав остатки армии в районе Войтовцы — Писаревка, приказал генерал-хорунжему Удовиченко лечь костьми, но не допустить большевистской кавалерии к Збручу. 21 ноября разыгрался жестокий бой западнее Писаревки. От правды не уйдешь: лихо рубились под Писаревкой гайдамаки, но не устояли против дружного напора старых знакомых — червонных казаков. Много петлюровцев было изрублено в тот день — в последний день боев, много их попало в плен, кое-кому удалось ускакать за Збруч. Генерал-хорунжий Удовиченко не выполнил приказа головного атамана — он не лег костьми и не остановил советской кавалерии. Кто не удержался за гриву — за хвост не удержится…

Так закончилась двенадцатидневная война, которая навсегда покончила с организованными вооруженными силами петлюровщины. Труженики Украины, их славные боевые дивизии — 41-я (одесситы, херсонцы), 45-я (бессарабцы, приднестровцы, подоляне), бригада Котовского (молдаване), Конный корпус червонного казачества Примакова («боевая голота всея Украины») с помощью братьев — волжан 24-й дивизии и братьев — башкир бригады Горбатова развеяли в прах армию слуги двадцати двух господ — головного атамана пана Петлюры.

И еще долго после окончания гражданской войны жгли сердца тружеников ленинские призывы червонноказачьих пропагандистов и звенели клинки над головами петлюровских и махновских бандитов на просторах Киевщины, Волыни, Подолии, Полтавщины, Харьковщины. В 1921 году червонные казаки нанесли окончательный удар по анархо-кулацким сворам Махно, на протяжении 1922–1923 годов развеяли в прах десятки местных банд, уничтожили пришедшие из панской Польши диверсионные отряды атаманов Гальчевского и Палия.

Петлюровским доморощенным стратегам нелегко было

бороться с войском, во главе которого стоял талантливый советский полководец Виталий Примаков. Он умел здраво оценивать обстановку, быстро принимать правильное решение и твердо доводить его до победного конца. Это он, получив первые сведения о появлении на советской территории крупной банды атамана Палия, верно оценив устремления противника, направил ему наперерез полки 2-й Черниговской червонноказачьей дивизии. Желая лично убедиться в боевых качествах молодого соединения, он вместе с комиссаром корпуса И. И. Минцем спешит в район боевых действий.

После первого столкновения, нанесшего значительный урон Самостийникам, ознакомившись с содержимым захваченных у Палия документов, Примаков обратился к бойцам:

— Широко паны-добродии размахнулись… Вот тут они пишут: «Избегать столкновений с большевистской кавалерией… Прорваться к Киеву… стать твердой ногой на Днепре… поднять левобережье… создать большую армию…» Но… — усмехнулся командир корпуса, — план воеводы не план архитектора, который с абсолютной точностью можно воплотить в жизнь. Здесь все приблизительно… Стрела Палия смотрела на Киев, а сломалась у Стетковцев… Что ж? Наши казаки, сдается, отбили у них охоту рейдировать… Тоже мне рейдисты!

Примаков был не только рубакой, но тонко мыслящим политиком. Школа большевистской партии дала ему очень много. Для него неприятельская армия не однородная масса, с которой следует объясняться лишь языком пушек. Он знает, что в рядах петлюровцев сражаются и труженики в силу своего заблуждения или же по принуждению. Для них он находит слова убеждения, как тому учил Ленин. Вот отрывок из составленного Примаковым письма червонных казаков к казакам Петлюры:

«Не по примеру дедов и прадедов своих идете вы сейчас класть свои буйные головы на широких просторах Украины… Опомнитесь, казаки, пока не поздно. Иначе пятно позора не сойдет с вашего чела. Как изменники своему народу сойдете вы в могилу… Пора опомниться. Это к вам адресованы слова великого поэта Тараса Шевченко: «Схаменіться, будьте люде, бо лихо вам буде…»

В 1921 году среди бела дня бандиты убили председателя ревкома села Багриновцы (возле Литина). Летучий отряд, при котором находились комиссар полка Новосельцев и комиссар дивизии Лука Гребенюк, задержали несколько косарей на лугах близ Багриновцев. Все знали манеру бандитов рядиться под работающих крестьян. В пылу гнева Гребенюк дал приказ расстрелять задержанных. Новосельцев воспротивился. Третий

член уездной чрезвычайной тройки — командир отряда— воздержался. И вот оба комиссара, сжав зубы, летят в Винницу к Примакову. Находят командира корпуса — председателя губернской тройки — на заседании губкома партии. Губком прерывает по просьбе Примакова заседание, чтобы выслушать прибывших. Берет слово Примаков и полностью поддерживает комиссара полка Новосельцева. Он говорит:

— Сейчас бьет по бандитизму не только наше оружие, а главным образом новый политический курс Ленина — нэп. И то, что предлагает Гребенюк, не только сорвет то, что намечено Лениным, но даст новое пополнение петлюровским бандам…

Победил боевой комиссар, путиловец Новосельцев. Гребенюка, человека с весьма воинственным пылом, перевели на работу в Туркестан, где кипела борьба с басмачами…

Боевые и политические заслуги червонного казачества не остались незамеченными. ЦИК СССР наградил славную конницу Советской Украины орденом Ленина, орденом Красного Знамени, а ВУЦИК — орденом Трудового Красного Знамени Украины.

Высшие руководители страны высоко ценили боевое соединение, созданное по воле партии ее замечательным питомцем Виталием Примаковым. «Наиболее решительным, смелым революционным действием советской власти на Украине в период первых шагов ее существования было создание червонного казачества… оно обладало достаточной классовой сознательностью для борьбы против мелкобуржуазной демагогии и националистического шовинизма», — писал Г. И. Петровский.

«То обстоятельство, что боевое прошлое Корпуса связано с революционной борьбой на Украине, имеет особое значение: в истории червонного казачества ярко отразились все основные моменты нашей революции», — отмечал М. В. Фрунзе.

Когда червонное казачество было награждено орденом Ленина, «Правда» в редакционной статье заявляла: «Пусть молодое поколение трудящихся изучает овеянную пороховым дымом и неумирающей славой историю дивизии червонных казаков. Пусть помнит имена ее героев, которые погибли: это были люди железной воли и выносливости, которые отдали кровь и жизнь за партию Ленина, за Советскую власть».

После гражданской войны партия направляет на учебу в Москву почти всех видных полководцев. Едет в Москву и командир Корпуса червонных казаков. Там он не только грызет гранит науки, но и делает многое, чтобы богатый опыт конницы стал достоянием широких военных кругов. В 1922 году он публикует в «Сборнике трудов Военно-научного общества» большую работу о рейдах конницы. В ней он говорит: «Рейд —

могучее средство, дающее победу слабому числом над более численным противником, даже в момент наступления последнего… Прорыв фронта пехотой, в первый день большой пробег, который выводит конницу из зоны, насыщенной фронтовыми частями противника, затем идет удар по коммуникациям, по снабжению, по тылам и, наконец, бой с отходящими частями противника… Рейдировать — значит непрерывно драться».

Научно и глубоко обобщая свой собственный опыт, Примаков старается заглянуть и в будущее. Он пишет: «Мир стоит перед грандиозными социальными потрясениями и революционными войнами. В них авангарду восставшего пролетариата — его Красной Армии, будет свойствен дух величайшей активности… Жажда борьбы, воля к победе живет в сердце каждого воина…. В эпоху механизации, связанной с громоздкими тылами, значение рейда вырастает пропорционально сложности тылов. Рейд — мощное средство в руках командования, если он связан с общим планом операции».

И нужно учесть, что писал все это Примаков, когда ему было неполных 25 лет…

После учебы до конца 1924 года Виталий Маркович командует Корпусом червонных казаков. Затем он возглавляет Высшую кавалерийскую школу в Ленинграде. В 1925 году, выполняя волю партии, Виталий Примаков с большой группой червонных казаков направляется на восток, где помогает китайским революционерам в их тяжелой борьбе против внутренней реакции и иностранного империализма. В боях за Калган Примаков лично руководит действиями конницы.

Питомец червонного казачества и земляк Примакова Иван Никулин возглавляет в Кантоне полк «революционных жандармов» и ликвидирует восстание «бумажных тигров».

Вернувшись из Китая, Примаков написал очень интересную книгу о событиях, свидетелями и участниками которых были он и его боевые друзья — червонные казаки. Называлась она «Записки лейтенанта Аллена».

Осенью 1927 года Примаков снова едет на восток, на сей раз в Кабул. Там он в качестве военного атташе Советского Союза пробыл до конца 1929 года. Он хорошо изучил далекую страну, народ которой мужественно боролся против иностранного вмешательства и реакционного мракобесия. Об этом им написана книга «Афганистан в огне».

Развернувшиеся в Кабуле события принудили Примакова с большой поспешностью закончить этот труд. Аманула-хан, свергнутый приспешниками Англии и реакционным

духовенством, обратился за помощью в Москву. Он просил прислать ему Примакова. На афганской границе Примакова и его бессменного адъютанта Бориса Кузьмичева — московского рабочего-комсомольца — встретили посланцы эмира. Дали ему мандат на командование войсками.

В Мазар-и-шерифе отряд Примакова выдержал тяжелую осаду, а затем разбил банды мятежников. Победитель направился навстречу эмиру, но тот, не дождавшись сил, которые смогли бы восстановить его на троне, свернул к иранской границе и отказался от борьбы. Примаков с Кузьмичевым вернулись на родину. Здесь они вели борьбу с басмачами, за что Примаков был награжден правительством третьим орденом Красного Знамени. Второй свой орден за эти дела получил Кузьмичев.

В 1930 году Примакова посылают на пост военного атташе в Токио. В 1931 году он командует 13-м стрелковым корпусом в Свердловске. В 1933 году является заместителем командующего войсками Северо-Кавказского военного округа. Затем его переводят в Москву, в Управление боевой подготовки, где он руководит работой всех высших военно-учебных заведений Красной Армии. С 1935 года до августа 1936 года Примаков находится на работе заместителя командующего войсками Ленинградского военного округа. Он делегат XVII съезда партии, член ЦИК СССР.

6. ЖЕРТВА ПРОИЗВОЛА

Во время безжалостного и жестокого преследования ведущих кадров Красной Армии Примаков был одним из первых, на кого обрушился тяжкий сталинский удар. На очереди маршалы — Тухачевский, Егоров, Блюхер, командармы — Якир, Уборевич, Корк, Дубовой, Каширин, Алкснис, Белов.

Летом 1918 года гетман Павло Скоропадский обещал 700 тысяч карбованцев за голову партизанского вожака Примакова. И не нашлось никого, кто пошел бы на такую мерзость. Голову Примакова не обменяли на чемодан карбованцев, ее не посекли ни гайдамацкие шаблюки, ни деникинские клинки, не порубили ни махновские палаши, ни белопольские шпаги, не одолел бандитский обрез. Но чего не удалось сделать другим врагам советской власти, удалось черной руке Ежова. И слетела голова талантливого советского полководца, верного сына большевистской партии Виталия Марковича Примакова.

Но ленинская правда победила. Ленинская правда,

воплощенная в решениях XX и XXII съездов партии, развеяла сталинские наветы, она установила, что все полководцы Красной Армии были достойными гражданами и честными партийцами.

Сейчас имя выдающегося сына украинского народа Виталия Примакова свято чтят трудящиеся Украины. В январе 1963 года в Харькове на улице, которой присвоено имя Виталия Примакова, собрались воины гарнизона, трудящиеся города, ветераны примаковских полков.

В столице Украины Киеве лучшему парку города у моста Патона присвоено имя Примакова, шумной улице у 4-й обувной фабрики — имя Червонного козацтва. А по Днепру вот уже два года плавают два теплохода — «Червоний козак» и «Віталій Примаков».

Примаков погиб незадолго до Великой Отечественной войны, в которой еще больше засиял бы блеск его полководческого таланта. Он сам не участвовал в боях с заклятым врагом — фашистскими захватчиками. Но их громили его ученики — питомцы славного червонного казачества. И маршалы, и генералы, и полковники, и рядовые бойцы. Старик — «матрос с Балтики» Афанасий Грива, послав на фронт двух сыновей, сам воевал против фашистов на бастионах Севастополя, где и был тяжело ранен. Всем защитникам Севастополя было тогда нелегко, а Афанасию Гриве в десять раз тяжелее. Ведь он все те годы носил в своем солдатском сердце горькую обиду за несправедливо казненных своих вожаков. Обида обидой, а долг гражданина был превыше всего. Верными своему гражданскому долгу остались и все питомцы червонного казачества.

Множество стариков — ветеранов 1-го Конного корпуса трудятся в колхозах, совхозах, на заводах, в шахтах. Помогая партии в ее созидательной борьбе за построение коммунизма, ведут широкую пропагандистскую работу среди молодежи.

И разве это не знаменательно? Те, кому партия и страна поручили ныне блюсти неприкосновенность советских границ и охранять труд ее граждан, прошли суровую школу политической и боевой подготовки в рядах червонного казачества — первого украинского советского регулярного боевого соединения. Это командующий войсками Киевского военного округа дважды Герой Советского Союза генерал-полковник Петр Кириллович Кошевой, его заместитель генерал-полковник Владимир Филиппович Чиж и начальник штаба округа генерал-полковник Владимир Михайлович Крамар.

И все ветераны, и те, кто трудится на полях и на фабриках, и те, кто оберегает границы страны, свято чтят память своего воспитателя — большевика Виталия Примакова.

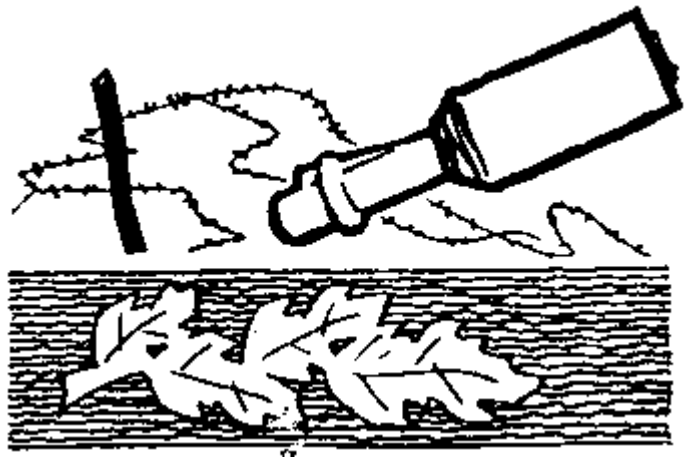
Многие питомцы Примакова на чисто военном поприще опередили его. Но лишь тот учитель достоин носить это почетное звание, чьи ученики превзошли его.

Победами на фронтах гражданской войны червонные казаки Виталия Примакова вместе со всей Красной Армией заложили основы победы под Берлином. Лишь та победа чего-нибудь стоит, которая таит в себе зародыши грядущих побед.

И. ДУБИНСКИЙ

РОБЕРТ ЭЙДЕМАН

Знай, друг: нет покоя!
У жизни лишь вьюги
Да бури — подруги,
И грозы вокруг[2].



Как давно это было!.. Он написал эти строки, когда ему было всего шестнадцать. А сейчас уже… Нет, в сущности, он еще совсем молод. Как принято говорить — в расцвете сил. Он не чувствует своих лет, вот только заботы… Сейчас даже смешно вспоминать: надо же, шестнадцатилетний парень, а так точно предсказал собственную судьбу: «да бури — подруги и грозы вокруг». И какие грозы!

Хорошо, что в последнее время у него появилась возможность посидеть вот так часок-другой за письменным столом наедине с листом бумаги. Курсанты, конечно, думают, что начальник академии занимается вопросами высшей стратегии. А он просто пишет стихи. Как когда-то в юности. Впрочем, сегодня как раз не стихи.

Из-под зеленого конуса лампы мягкий ровный поток, не тревожа спокойную тишь темноты, освещает лишь крупную сильную руку и тетрадь. Строгие и твердые набегают друг на друга строчки, ровные, как шеренги бойцов в строю.

«В последнее время я начал все чаще думать о смерти. Может быть, потому, что время от времени меня осматривают врачи. Я очень благодарен за такое внимание… Врачи измеряют мое сердце, считают пульс, щупают печень и кишечник…

Врачи правы. По ночам я иногда чувствую, слышу свое

сердце. Работает оно глухо, неровно. Что-то в нем заскакивает, как в усталых, старых часах, готовых остановиться. Сердце сладко замирает, но в мозгу пульсирует, кипит кровь. Конец! Конец!..

Умереть в кровати я не хочу. Смерть в кровати слишком торжественна. Вся церемония похорон мне противна. Противен путь в крематорий… Я не сомневаюсь, что меня, как старого партизана, проводят с музыкой. Об этом позаботятся друзья. Они торжественно будут стоять вокруг моего гроба, тихо перешептываясь, точно боясь меня разбудить.

Черт побери эту торжественную церемонию!

Поэтому я говорю: я хочу умереть так, как умер мой друг, незабвенный донецкий шахтер Нирненко, который повел за собой в революцию родную деревню Титовку и сложил под Варшавой свою горячую, светлую голову. Я хочу умереть так, как умер другой шахтер, славный командир сто тридцать шестого полка, Дзюба, или так, как умер храбрый Апатов — у него были длинные, как у священника, волосы, блестящие, черные, как та смола, которой он, мариупольский рыбак, когда-то смолил лодку. Глаза у него были голубые, той теплой голубизны, какая бывает у моря летом. Я хочу умереть в бою»*.

Рука оторвалась от бумаги… Человек встал, потянулся до хруста всем большим, сильным телом, прошелся по комнате. Был он высок, строен, широкоплеч, с крепкой шеей борца. И это завидное, бьющее в глаза здоровье отличало его от героя очерка, потерявшего под Перекопом руку и ногу… Но думали и переживали они одинаково — оба хотели умереть в бою.

Оба они были латышами. Когда мы говорим «латыш», в нашем представлении сразу возникает образ высокого человека с крутым подбородком и льняными волосами. У него должны быть глубоко посаженные светлые глаза под чуть сдвинутыми, густыми бровями. Оденьте его мысленно в форму командира Красной Армии с двумя орденами Красного Знамени на груди, не забудьте, что человек этот немногословен, нежен в своих чувствах и суров в их проявлениях. Вспомните, что в двадцать с небольшим лет он одновременно решал судьбы тысяч людей и писал стихи. Что он познал и ни с чем не сравнимую радость побед и горечь неудач, что, рожденный воспевать красоту нежной зелени майских берез, он чаще, чем окунал свое перо в чернила, обнажал оружие.

Это Роберт Эйдеман. Воин и поэт.

Были еще…

Михаил Тухачевский — воин и музыкант.

Александр Егоров — воин и артист.

Виталий Примаков — воин и журналист.

Павел Штернберг — воин и ученый.

Были еще агроном Григорий Котовский, кузнец Степан Вострецов, крестьянин Василий Чапаев, металлист Василий Блюхер. Были тысячи людей, рожденных для созидания и ставших солдатами Великой Революции. Рожденным строить, им предстояло сначала разрушить «весь мир насилья». Они это совершили. Но как мало их дожило до наших дней, когда мы видим зримые черты того мира, во имя которого они сменили перо и плуг, резец и молот, скрипку и гаечный ключ на винтовку и шашку!

Мы помним их воинами, строгими и суровыми, мужественными и решительными.

…Роберт Эйдеман — воин и поэт.

Он родился 9 мая 1895 года в тихом городке Леясциеме, в Лифляндской губернии. Кроме него, в семье было еще восемь детей, и отцу — Петерису Эйдеману, народному учителю, хватало забот, чтобы прокормить столько ртов на свое скромное жалованье. Но — не хлебом единым жив человек. Петерис Эйдеман и вся его семья жили еще и литературой. Не много свободного времени (как и денег) у народного учителя. Зато и ценит он его — до последней минуты. Минуты эти отдаются стихам. Он пишет сам и переводит. Переводит русских поэтов. Читает, чередуясь с женой, детям. И маленький Роберт одинаково жадно слушает вдохновенные строки Райниса и Лермонтова. Есть еще неисчислимый клад народных сказок и песен, которым владела и который раскрывала щедро всем желающим матушка Цауне, батрачка. И есть приволье неповторимого в своем суровом очаровании родного края… И Роберт Эйдеман пишет свои первые детские стихи:

Обнял яблоньку в саду
Страстный ветерок,
И стряхнул с ее ветвей
Лепестков снежок…*

Но запомнил он и другое. Каторжный, бездонный труд рыбаков и пахарей, лесорубов и рабочих. На помещиков и «серых баронов» — кулаков, на владельцев фабрик и лесозаводчиков. Он видел беспросветную нужду, ту самую нужду, о которой через много лет писал:

— Бедность!.. Что это такое,
Иногда узнать ты хочешь?
Оселок. На нем ты точишь

Гнева лезвие стальное*.

Потом в Латвию ворвался 1905 год. Красными флагами, выстрелами, языками пламени над помещичьими усадьбами. В рядах революционеров и народный учитель Петерис Эйдеман. А потом страшные дни царской расправы. Снова пожары, но уже полыхают крестьянские дворы, чубатые донцы порют стариков, женщин, детей. Карательные отряды расстреливают каждого заподозренного в том, что в дни восстания он держал в руках ружье или косу.

Мальчик видел и тех, кто пал в неравном бою, и тех, кто смирился под плетьми, и тех, кто не сдался и ушел в дремучие чащобы, чтобы продолжать борьбу. Их звали «лесными братьями». Виденное запомнилось на всю жизнь.

Первый сборник стихов пятнадцатилетнего реалиста Роберта Эйдемана «В потоке» вышел в 1910 году. Через два года появился второй — «Солнечной тропой». Это были лирические стихи о любви и природе, раздумья о жизни. Он пишет и рассказы о безрадостной судьбе тех, кто гнет спину с утра и до поздней ночи.

Год от году мужает талант Роберта Эйдемана. Уже всем ясно, что он станет настоящим поэтом. Но каким? Теперь мы это знаем. Знаем потому, что Эйдеман до конца сохранил верность тому поэтическому призванию, о котором сам писал:

— Кто ты? Отвечай, коль спросят:
Авангарда знаменосец.
Слышишь, в дали горн зовет.
Торопись, поэт, смелей вперед!*

…В 1914 году Роберт Эйдеман едет в Петроград — учиться в Лесной институт. Здесь, в студенческих кружках, начинается его революционная деятельность. Но долго учиться не пришлось. Студента Эйдемана призывают в армию и, как отвечающего необходимому образовательному цензу, направляют в Киевское военное училище. Потом офицерские погоны и назначение в Канск, в 16-й запасный Сибирский полк.

Само собой получилось так, что с солдатами — на занятиях ли в казарме или на полевых учениях — подпоручик Роберт Эйдеман, выходец из трудовой интеллигенции, чувствовал себя гораздо лучше, чем в офицерской среде. Он дружил лишь с некоторыми сослуживцами, такими же, как он, путями оказавшимися прапорщиками и подпоручиками, и все теснее и теснее сближался с солдатами. Сын учителя, он и сам оказался

прекрасным преподавателем, хотя и не думал никогда раньше, что будет обучать других военному делу.

Назревали грозные события. Это чувствовалось не только на фронтах и в столицах, но и в глубоком тылу, в Сибири. И солдаты, быстро и безошибочно угадав в молодом офицере близкого им по духу и настроениям человека, все чаще и чаще вступали с ним в разговоры отнюдь не служебного свойства. Они доверяли ему, а он доверял им.

Еще в институте Эйдеман примкнул к эсерам-максималистам. Здесь, в полку, он неожиданно обнаружил, что некоторые солдаты из рабочих разбираются в вопросах политики куда лучше его, хотя и не имеют такого образования. Беседы с ними невольно заставляли пересматривать некоторые прежние взгляды. Когда в феврале 1917 года рухнул прогнивший за триста лет престол Романовых и открыто закипела политическая жизнь, оказалось, что эти люди — большевики.

В маленьком сибирском городе, как в капле воды, отражались события, волновавшие всю страну. Как в Петрограде и Москве, здесь шли ожесточенные споры с меньшевиками и эсерами. Так же страстно и горячо обсуждали Апрельские тезисы Ленина, так же непримиримо и энергично выступали против политики Временного правительства и продолжения кровавой империалистической бойни. Когда питерские рабочие отражали поход Корнилова, здесь разоружали контрреволюционных офицеров.

Роберт Эйдеман в гуще событий. Молодому офицеру солдаты поручают командование батальоном. Его избирают в Канский Совет рабочих и солдатских депутатов, затем — председателем Совета. В Канск приезжает эмиссар Временного правительства — агитировать за продолжение войны до победного конца. На митинге с ним схватился председатель Совета. В зале — сотни возмущенных людей. Шум, крики, кто-то стреляет в потолок. Резолюция: «Долой войну!» Лес рук. Вместе со всеми поднимает дрожащую руку и… вконец перепуганный правительственный эмиссар.

Воевать никто не желает, солдаты рвутся к домам и семьям. Но революция еще не кончилась, она только начинается, и слишком много у нее врагов. Роберт Эйдеман выступает на митингах, на заседаниях Совета, подолгу беседует с группами возбужденных солдат. Призывает, убеждает, объясняет, почему нельзя просто бросить оружие и разойтись по родным деревням.

В начале октября 1917 года Роберт Эйдеман приезжает в Иркутск. Здесь открывается 1-й Общесибирский съезд Советов. На съезде жестокая борьба между большевиками и их идейными

противниками, в первую очередь правыми эсерами и меньшевиками. Демагогическая болтовня об «объединении революционной демократии», об Учредительном собрании.

Большевики и группа левых эсеров требуют: «Вся власть Советам!»

Среди левых эсеров выделяется красивый синеглазый прапорщик. Страстно и убежденно, заражая своим пылом зал, он обвиняет эсеров и меньшевиков в обмане народа, в измене его интересам. Он требует немедленного провозглашения советской власти и организации масс в ее защиту.

Так впервые встретились в далекой от их родных мест Сибири латыш Роберт Эйдеман и молдаванин Сергей Лазо.

Всего несколько недель продолжалось это содружество двух солдат революции, но навсегда сохранил Эйдеман светлую память о трагически погибшем руководителе дальневосточных партизан. Нежностью и любовью дышат строки:

«…Лазо — лирика гражданской войны, романтика, зов вперед. И сам он стройный, мускулистый. Из Бессарабии… принес Лазо в сопки свои темно-синие, огромные, мечтательные бархатные глаза. Но Сибирь провела глубокие страдальческие морщины у его рта… Тайга и сопки любят Лазо. Когда он говорит, смолкает тайга и одобрительно скрипит снег под тяжелыми сапогами партизан.

…Может быть, еще и сейчас между Антипихой и Харбином или под Владивостоком ходит тот паровоз, в топке которого пламя придушило последний вздох Лазо…

Но живет, не умирает в памяти этой суровой и прекрасной страны Лазо, большевик с бархатными спокойными глазами и вихрем страстных слов, увлекающих людей в революцию.

В пламенном дыхании всех паровозов, бешено мчащихся по этой стране необъятных пространств, приветствую твою большевистскую неукротимость, Лазо!»*

…Съезд принял большевистскую резолюцию:

«Всякое соглашательство с буржуазией должно быть решительно отвергнуто, а Всероссийскому съезду Советов взять власть в свои руки. В борьбе за переход власти Советы Сибири окажут Всероссийскому съезду действительную поддержку».

Роберта Эйдемана избирают заместителем председателя Центрального Исполнительного Комитета Советов Сибири. Это признание масс, но это и огромная ответственность перед массами.

Очень скоро Роберт Эйдеман оправдает это доверие, оправдает в бою.

Из Петрограда вихрем донеслась долгожданная весть:

Временное правительство свергнуто, Зимний дворец пал, II Всероссийский съезд Советов взял власть в свои руки и создал подлинно революционное правительство рабочих и крестьян. Во главе правительства — Совета Народных Комиссаров — вождь большевиков Владимир Ильич Ульянов-Ленин.

Началось победное шествие советской власти по огромной стране. Уже к концу октября она восторжествовала и в Сибири.

Но враги революции не сдавались. И первые дни молодой республики стали первыми днями заговора против нее контрреволюцонных сил, поддерживаемых всем мировым империализмом. Здесь, на Дальнем Востоке и в Сибири, заговорщики нашли щедрую поддержку со стороны правительств двух таких, казалось бы, расходящихся в своих интересах стран, как Япония и Соединенные Штаты Америки. Ненависть к большевизму объединила традиционных соперников.

В различных городах и районах начались выступления контрреволюционеров. Попытка свергнуть советскую власть была предпринята и в Иркутске. Здесь, в фактическом центре Сибири, скопилось несколько тысяч бывших царских офицеров и юнкеров, бывших чиновников, представителей крупной буржуазии. Врагов лютых, озлобленных.

В ночь на 8 декабря они подняли вооруженный мятеж. Используя численное превосходство, захватили почти весь город. Сил иркутских красногвардейцев явно не хватало, чтобы восстановить в городе советскую власть.

На помощь двинулись спешно сформированные отряды из Красноярска, с Черемховских угольных копей и других мест.

Пришло время бывшему подпоручику Эйдеману показать, что не зря прошли для него месяцы овладения военной премудростью, что не зря избран он командиром батальона. Эйдеман возглавляет отряд в несколько сот человек, организованный из рабочих и солдат Канска.

В Иркутске разгорелись ожесточенные бои. Полем сражения стала каждая улица, каждая площадь. Мятежники отрезали от основных советских сил бывший губернаторский дворец, где отбивались от юнкеров руководители партийной организации города. Юнкера засели в церкви на Тихвинской площади, вышли к мосту через Ангару, где и натолкнулись на упорное сопротивление отряда рабочих-красноярцев под командованием Сергея Лазо.

И для Лазо и для Эйдемана подавление контрреволюционного мятежа в Иркутске стало боевым крещением. Мужество красноярцев и канцев позволило отразить самые злые и упорные атаки мятежников, удержать ключевые

позиции и перейти к полному разгрому контрреволюционеров. Мятеж был подавлен. Лишь его организаторы — несколько царских полковников — укрылись от справедливого возмездия под крылышком своих хозяев и вдохновителей, в помещении одного из иностранных консульств.

Вскоре после восстановления советской власти в Иркутске Роберт Эйдеман вместе с другими посланцами Сибири едет в Петроград. Он делегат III Всероссийского съезда Советов.

Здравствуй, знакомый перрон, знакомая привокзальная площадь, такой родной Невский проспект! Петроград, город, в котором прошли его студенческие годы, где он впервые приобщился к революционному движению, город, отныне и навеки связанный с именем вождя революции — Ленина. Вместе с тысячами делегатов: питерских металлистов, ивановских текстильщиков, украинских крестьян, балтийских моряков — Роберт Эйдеман приветствовал Ильича…

Делегат Сибири, Эйдеман был рад встретиться на съезде с земляками: старейшим революционером, основателем Коммунистической партии Латвии Петром Стучкой, прославленным впоследствии героем гражданской войны Яном Фабрициусом, пламенным большевиком, будущим комиссаром по военным делам в первом Советском правительстве Латвии Карлом Петерсоном.

Имя Роберта Эйдемана было хорошо известно в Сибири. Но в скромности своей уж никак не мог он полагать, что оно известно и здесь, в Петрограде, столице советской власти. И потому был глубоко взволнован, когда на заключительном заседании съезда услышал свое имя в числе избранных съездом членов Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

За Уралом было тревожно. Старый мир не желал сдавать свои позиции без боя. Гражданская война разгоралась с каждым днем. По всему Дальнему Востоку и Сибири возникают вооруженные банды. Их атаманов — Дутова, Калмыкова, Семенова и других снабжает оружием, деньгами международный капитал. Белогвардейских офицеров поддерживают реакционное казачество, кулачье. Открыто выступают против советской власти меньшевики и эсеры. Наконец самый тяжелый удар — восстание белочехов. В Омске создается штаб для боевых действий против белочехов с востока и запада (по линии железной дороги) и с юга — против казаков. В составе штаба — большевики А. Окулов, А. Шлихтер, В. Косарев, Г. Усиевич и Р. Эйдеман — теперь тоже большевик.

И днем и ночью в помещении штаба многолюдно. Спешно формируются отряды для отражения опасности. Эйдеман почти

не спит, его высокую фигуру можно видеть повсюду: в железнодорожных мастерских, на пристани, на фабриках и заводах. Но слишком мало времени, слишком мало сил и боеприпасов.

25 мая — первый бой с белочехами под станцией Марьяновская, в 45 километрах от Омска. Небольшой отряд рабочих-красногвардейцев — около 300 человек — был почти целиком уничтожен в неравном бою.

К 1 июня против 2 500 красных бойцов действовало свыше 5 тысяч отлично вооруженных, под командой кадровых офицеров, белочехов. Когда стало ясно, что дальнейшая борьба означает лишь гибель и без того немногочисленных красных сил, штаб принял решение — оставить город. 7 июня под прикрытием группы Эйдемана красные отряды грузились на суда и уходили по Иртышу. Уходили, чтобы разжечь в степи и тайге пламя партизанской борьбы. Уходил вместе с последними бойцами и Роберт Эйдеман, до конца выполнив свой долг.

Партизаны Западной Сибири лета восемнадцатого года… До обидного мало знаем мы сейчас о них. Грозные события последующих лет как-то заслонили их скромный ратный труд. Эти люди первыми отражали банды Дутова, белочехов, первыми встречали с оружием в руках полчища Колчака. Потом их видели в отрядах Блюхера, Азина, Вострецова. Овеянные славой новых побед, они не очень-то кичились старыми заслугами.

Когда Роберт Эйдеман стал героем Каховки, уже мало кто помнил, что его боевой путь начался где-то за Тюменью. Правда, до Тюмени был Иркутск, но одно дело — подавление мятежа юнкеров, другое — создание отряда, превращение его в настоящую воинскую часть, руководство этой частью в открытом бою.

Мы мало что знаем об этом периоде в жизни Роберта Эйдемана. Он был слишком скромен, чтобы подробно рассказывать о себе, слишком много лет самое имя его предавалось забвению, слишком мало участников событий тех далеких дней осталось в живых.

Но остались бережно сохраненные теми, кто не верил клевете, книги Роберта Эйдемана. В них — правдивые и скромные рассказы о людях, сражавшихся с ним бок о бок в бескрайних просторах Сибири.

Омские рабочие, красногвардейцы, бывшие солдаты запасных полков, матросы-речники, крестьяне окрестных деревень, группа земляков — латышских стрелков. Они стали ядром партизанской армии, действовавшей на огромной территории между Ишимом и Тюменью. Впрочем, их можно было назвать армией только

условно. Предстояли еще долгие бои, успехи и неудачи, прежде чем партизанское войско могло стать дивизией Красной Армии. Много лет спустя Эйдеман вспоминал:

«…Армия была своеобразная, незнакомая с законами военной науки. Я не могу не согласиться с историками, которые теперь указывают нам наши ошибки и слабые стороны. Воевать сегодня, как тогда, было бы дерзостью, безумием. Но тогда мы не могли воевать иначе, вернее сказать, не умели. И мы воевали, как умели. Во всяком случае, это было лучше, чем, смущаясь своим неумением, покорно сложить руки. Вообще мы, большевики, — довольно дерзкий народ…

В армии были полки, батальоны, отряды… И почему бы не могло быть в полках девяносто-сто красноармейцев, если в самой армии была только тысяча? Мы шли в наступление, чтобы отступить, и отступали, чтобы перейти в наступление»*.

А недостатка в боях не было. Ожесточенные схватки каждый день, на каждой станции. Белые теснили со всех сторон. Тыла не было. Понимая, что не удержать ему давление все сжимающегося обруча, Эйдеман дал приказ: драться только лицом на восток — в сторону Омска и Ишима, закрывая белым путь на Тюмень. Бойцы рвались в бой, они готовы были драться с кем угодно, невзирая ни на численное превосходство противника, ни на отсутствие боеприпасов, ни на… тактическую целесообразность.

Нужна была железная воля, чтобы сцементировать этих людей, подчинить их революционный пыл революционной же дисциплине. Они мыслили тогда еще только крайними категориями: в осторожности видели трусость, в отходе — поражение, в неудаче — измену. Ох, какое это было тогда трудное дело для командира — завоевать беспредельный авторитет! Только беспредельный, иначе командовать было бы нельзя. Одной храбрости для этих отчаянных храбрецов было мало, без этого качества они не приняли бы в свою среду даже ездового в обоз, не то что командующего.

Требовалось внушить этим людям веру в неминуемое торжество их дела, нужно было, чтобы они поняли: партизаны не просто мстители, а бойцы за новый мир, бойцы великой армии Советов, защищающей революцию не только под Тюменью, но и под Архангельском, Петроградом, Ригой, Киевом, Царицыном, Астраханью, на Кавказе и в Крыму.

От боя к бою партизаны все лучше понимали это и творили чудеса. Они дрались как безумные, не щадя ни крови белых, ни своей жизни. И до конца дней своих помнил Роберт Эйдеман, как умер под станцией Вагай питерский металлист Вавилов — командир броневика при штабе. Белые зашли в тыл, и плохо

пришлось бы, если бы не подоспел Вавилов. Целый час носился броневик вдоль путей. Когда командующий с отрядом разведчиков вбежал на станцию, то увидел черный, закоптелый броневик с двумя обгорелыми телами в нем. А вокруг станции валялось свыше полусотни трупов. Остальные белые ушли в степь…

«…Сибирская степь… Знаете ли вы этот простор моря сочной травы, волнуемой ветром? Простор такой. безбрежный, что по нему гуляет хозяином только ветер… Он проходит мимо нив, нежно гладит рукой июльские тяжелые зреющие колосья, посвистывая, уходит в синие сумерки. И тихой ночью, когда смолкают выстрелы, слышно, как нежно звенят колосья.

Этот звон сливается с металлической песней первобытной одноструннoй скрипки кузнечика.

Колосья тяжелые. Еще тяжелее закрома, в которых хранится прошлогодний хлеб. Но… в Москве хлеба нет…

Точно девочки, забежавшие в зеленую воду, стоят в степи березовые рощицы. У рощиц чаще всего бывают сражения. У белых ног девочек умирают от большой любви грязные, небритые люди… Умирают от любви к Москве, где есть Ленин, но нет хлеба, и от любви к мировой революции»*.

Закаляется характер бойцов, закаляется характер и командиров. Поэт Роберт Эйдеман хотел стать лесничим. Против воли сделали его офицером царской армии. Теперь волей революции и собственной волей он превращался в красного полководца.

Он сильно изменился даже внешне за эти недели и месяцы. Вытянулся еще больше, исхудал, круглое лицо заострилось. Длинные — по-студенчески — волосы сменил короткий ежик. Глаза стали строже и жестче. Как изумились бы бойцы, если бы узнали, что их суровый и требовательный командир, выглядевший старше своих двадцати трех лет, занимался когда-то таким далеким от войны делом, как сочинение стихов.

Это знали немногие — одиннадцать соотечественников латышей, которых Эйдеман в феврале привез с собой из Москвы. Знали потому, что перед войной уже многие в Латвии читали его книжки. Эти одиннадцать были отличные бойцы — веселые, жизнерадостные, не знающие страха и упрека. Они вместе с четырьмя пулеметами всегда находились при штабе — для самых важных, особых заданий.

Их, как последний резерв, повел Роберт Эйдеман в критический момент в бой, когда нужно было отстоять станцию Подъем, чтобы отвести угрозу от Тюмени. Разведчики белых взорвали мост в тылу армии. Единственный бронепоезд красных

метался между фронтом и мостом и ничем не мог помочь своим. Специалисты сказали, что на ремонт моста нужна неделя. Глоткой и наганом Эйдеман добился от них обещания починить мост к вечеру. А пока что повел к станции последний резерв — одиннадцать латышских стрелков с четырьмя пулеметами. Стрелки весело пели:

Сегодня мы наперчим свинцом обед белых

Начался смертельный бой… Через несколько часов Эйдеман вернулся в Тюмень, чтобы сколотить пополнение из рабочих кожевенной фабрики и железнодорожников.

…А на станции Подъем бушевали пулеметные смерчи до самого вечера. Когда одиннадцать веселых латышей выпустили последние пули и на них бросились остатки белых, латыши пошли им навстречу с гранатами…

Громыхнуло одиннадцать взрывов, и все умолкло… Но станция была спасена. Занимать ее было некому, только трупы белых солдат валялись на путях, и стоял с поднятой кверху рукой семафор, словно отдавая честь павшим в неравном бою красным бойцам.

Так рождалась 2-я Уральская дивизия, так рождались в незабываемом восемнадцатом году сотни полков и дивизий Красной Армии. А когда наступил год девятнадцатый, Роберт Эйдеман, уже кадровый советский командир, получил новое назначение: принять 16-ю стрелковую дивизию, действующую на Донском фронте против казаков Краснова.

Ко времени приезда нового начдива 16-я дивизия уже славилась как одно из самых заслуженных соединений Красной Армии. Ее боевой путь исчислялся многими сотнями верст, боями с петлюровскими гайдамаками, бандами контрреволюционных мятежников, казаками Краснова.

Дивизия отличалась необычайным упорством в боях и стойкостью. Первым начальником дивизии был один из ее организаторов — легендарный герой Василий Киквидзе, получивший в боях двенадцать ран и умерший, не приходя в себя, от тринадцатой… Это случилось 11 января 1919 года под хутором Зубриловом. В память организатора и первого начальника приказов Реввоенсовета Республики дивизии было присвоено имя Киквидзе.

До прибытия Эйдемана дивизией временно командовал старый соратник Киквидзе, также один из ее организаторов, Самуил Медведовский. Подпрапорщик старой армии, опытный и

смелый военачальник, большевик. Бойцы дивизии тяжело переживали гибель всеобщего любимца Киквидзе и считали Медведовского его единственным «справедливым» преемником на посту начальника дивизии. Они не могли и представить, что в дивизию придет «чужой» человек. Поэтому назначение неизвестного им Эйдемана было встречено многими с недовольством. Дивизия замитинговала, заволновалась.

Холодный прием, разумеется, не был приятен Эйдеману. Хотя он и понимал, что его бывшие партизаны тоже так просто не приняли бы в свою среду неизвестного им человека. Через несколько месяцев, когда революционная дисциплина стала законом в Красной Армии, подобные ситуации уже никогда не повторялись. Но в начале девятнадцатого года еще был силен дух партизанской вольницы, еще были свежи в памяти старых бойцов времена выборности комсостава. К новому порядку привыкали не сразу.

Справедливости ради следует сказать, что доброжелательнее всех к новому начдиву отнесся сам Медведовский. И это не была подчеркнутая поза, за которой скрывается порой уязвленное самолюбие. Отнюдь нет. Медведовский был дисциплинированный солдат революции и менее всего думал о служебной карьере. Эйдеман это понял и обрел в лице Медведовского надежного и опытного помощника. Очень скоро, хотя и не без недоразумений, киквидзевцы оценили нового начдива. Убедились, что он храбр, выдержан, настойчив, опытен, — и признали своим.

Весь февраль и март дивизия наступала, наступала столь стремительно, что оторвалась на несколько переходов от соседа, наступавшего по правому берегу Дона. Фланг обнажился, возникла опасность контрудара противника. Чтобы не дать белоказакам передохнуть и собраться с силами, Эйдеман на ходу создает конную группу в составе примерно двух полков и бросает ее на юг в направлении станицы Цимлянской для обеспечения наступления.

В неудержимом порыве пехотные части вырвались к реке Чиру. Переправ — ни одной. Нашли выход: перешли на ту сторону по балкам сожженного белыми железнодорожного моста. Рискуя свалиться, стараясь не смотреть в черную талую воду, бойцы перетащили по обнаженным фермам орудия и обоз.

Переход в весеннюю распутицу по проселочным размытым дорогам, размешанным тысячами солдатских сапог, был чрезвычайно тяжел. Но тем не менее дивизия за десять дней прошла свыше двухсот верст и отбросила казаков за Донец и Дон.

Передышка. Подтягивание тылов, отдых войскам, устройство полевых укреплений, налаживание связи, разведка.

Передышка кончилась так же внезапно, как и началась. В тылу красных войск вспыхнуло разожженное деникинской агентурой восстание казачьего кулачества. Одновременно — наступление по всему фронту дивизии. Эйдеман к этому времени на собственном опыте познал железное правило гражданской войны: бить кулаком, а не растопыренными пальцами. Он формирует Ударную группу и обрушивает ее на мятежников. Восстание не достигло цели — оно не смогло ослабить тыл красных и тем самым способствовать успешному наступлению белых на фронте.

Все, чего смогли достигнуть они, — это ценой огромных потерь и за счет большого численного превосходства несколько потеснить наши части. После тяжелых, упорных боев фронт выровнялся (вот когда пригодились заблаговременно подготовленные позиции!). Белым не удалось добиться сколько-либо заметного успеха, а в середине августа красные войска на этом участке снова перешли в наступление.

Но Эйдемана к этому времени в дивизии уже не было. Он сдал командование дивизией Самуилу Медведовскому и отбыл на Южный фронт принимать 41-ю стрелковую дивизию, ведущую отчаянные бои против деникинских войск, нацеливших удар в самое сердце Советской республики — на Москву.

На Южном фронте разгорелось одно из самых ожесточенных сражений гражданской войны. Деникин бросил в бой отборнейшие офицерские полки, казачьи корпуса. Антанта позаботилась, чтобы у белой армии было вдоволь и вооружения, и обмундирования, и боеприпасов. К началу октября фронт растянулся на 1 130 километров. Белые захватили большую часть Украины, Крым, Северный Кавказ, часть Курской, Орловской, Воронежской губерний, район Царицына. Возникла прямая угроза столице.

Центральный Комитет партии предпринимает поистине героические меры, чтобы остановить продвижение деникинских войск на Южном фронте, спасти республику. По предложению В. И. Ленина на Южный спешно перебрасываются лучшие красные части с других фронтов и коммунистические батальоны. Сюда переводятся опытнейшие командиры. Среди них Роберт Эйдеман.

То, что он увидел, превзошло даже самые худшие его ожидания. Дивизия была обескровлена, в полках оставалось всего по нескольку сот бойцов, усталых до предела. И все же люди сражались отчаянно, устилая трупами белых каждую пядь сдаваемой земли.

Задача, поставленная перед начдивом-41 новым командармом-14 Иеронимом Уборевичем (таким же молодым, как

и он сам), была как раз по упорному и несокрушимому характеру Эйдемана — удержать противника, перемолоть его живую силу, не дать продвинуться дальше, сбить темпы его наступления, чтобы затем, собрав силы, в ближайшее время самим перейти в решительное контрнаступление.

Пока дивизия Эйдемана вместе с другими частями сдерживала натиск деникинских войск, командование Южным фронтом и армией успело сколотить под Орлом ударную группу войск, на долю которой и выпало решить исход дела в пользу Красной Армии. Имена этих соединений золотыми буквами записаны в истории наших Вооруженных Сил: Латышская стрелковая дивизия, Эстонская стрелковая бригада, отдельная бригада Павлова и бригада червонных казаков Примакова.

С середины октября разгорелось знаменитое Орловско-Кромское сражение, невиданное до сих пор по своим масштабам и ожесточению.

В решающие дни командарм Уборевич счел необходимым поставить перед командованием фронта вопрос о переводе Роберта Эйдемана на один из самых ответственных участков — фланг армии, где намертво держала оборону 46-я стрелковая дивизия. Против нее дралась сильнейшая дроздовская дивизия. Приняв командование 46-й, Эйдеман в результате мастерского маневра наголову разбил дроздовцев у Севска и вынудил к отступлению весь левый фланг 1-го Добровольческого корпуса белых. А тем временем спокойная за свои фланги Ударная группа гигантским молотом дробила и крушила деникинцев на главном направлении.

Очередной поход Антанты против Республики Советов провалился так же бесславно, как и предыдущий. Белая армия покатилась к югу.

Харьков был освобожден 12 декабря 1919 года без единого выстрела. Красные войска вошли в город одновременно сразу с трех сторон.

Освобождение крупнейшего промышленного центра Украины произошло в результате блестящего осуществления плана, разработанного командармом Уборевичем. Немалая роль по этому плану уделялась и войскам, которыми командовал Роберт Эйдеман.

План был великолепным образцом нового оперативного искусства, выкованного командирами революции в ходе гражданской войны. Единый белый фронт на юге перестал существовать. Деникинская армия покатилась от Харькова двумя разделенными потоками — на Ростов и в Крым и на Одессу. А на пути у них — объятая пламенем партизанского движения

украинская земля.

Деникин понимал, чем грозит ему потеря Харькова, и даже решился на крайний шаг: сместил с поста командующего Добрармией вконец спившегося Май-Маевского и заменил его своим личным врагом и злейшим конкурентом Врангелем.

План Врангеля не отличался особой сложностью: отразить наступление красных на дальних подступах к городу и затем самому перейти в наступление. Единственным трезвым моментом в этом плане была надежда на утомление бойцов Красной Армии предыдущими боями. Это соответствовало действительности, но не отражало исторической правды, той великой правды, которая помогала усталым, голодным, плохо одетым и плохо обеспеченным боеприпасами красным войскам беспощадно бить белых.

В первые дни декабря Врангелю удалось добиться кое-каких успехов. Конница Мамонтова несколько даже потеснила наши войска на внутренних флангах 12-й и 13-й армий. Но — этим роковым для мамонтовцев «но» стала — в который раз! — 1-я Конная, еще совсем недавно разгромившая старых знакомцев под Воронежем. Мамонтов был разбит и теперь.

Начальник 46-й дивизии Роберт Эйдеман был вызван в штаб командарма и посвящен в план захвата Харькова.

— Ваша дивизия будет идти в центре четырнадцатой армии, — показал на карте Уборевич. — Направление движения — Грайворон — Золочев — Мерефа.

Эйдеман понял свою задачу с полуслова: обойти Харьков с запада. Задача была не из легких, о быстром продвижении теперь не могло быть и речи. Железные дороги и линии связи разрушены отступающими деникинцами, с подвозом продуктов и боеприпасов плохо. Связь с армией то и дело нарушается. Соседи слева — Латышская и Эстонская дивизии отстают, встречая отчаянное сопротивление белых.

Никаких лихих наскоков: упорное, методическое наступление пядь за пядью, от рубежа к рубежу, от одного населенного пункта к другому. Выдержка, терпение, хладнокровие, настойчивость. Качества эти Эйдеман воспринял еще с молоком матери, укрепил и развил в сибирской тайге и донских степях. Теперь он должен был передать их каждому бойцу и командиру дивизии.

7—8 декабря дивизия выдержала самый тяжелый за весь этот период бой — под станцией Лютовка. Станция эта, с горечью заметил начдив, получив сводку о потерях, оправдала свое зловещее название.

Вечером Эйдеман отправился на участок 2-й бригады, здесь днем складывалась самая тяжелая обстановка. Странно: ни

одного выстрела, пусто, тихо.

Около железнодорожной будки — обходчик.

— Вы кто?

— Мы красные.

— Быть того не может. Красные отступили, только что ушел на Харьков бронепоезд белых…

Начдив не на шутку встревожился. Действительно странно: что, если фронт красных прорван? Но, спрашивается, почему в таком случае бронепоезд ушел к Харькову, а не в противоположную сторону, где бы ему полагалось быть в случае успеха деникинцев?

В конце концов Эйдеман разыскал на северной окраине села штаб бригады. Южная окраина продолжала оставаться у белых. Комбриг был явно терроризован большими потерями, слухами о приближении свежих деникинских частей.

— Ваше мнение? — коротко спросил Эйдеман. Лицо его, казалось, ничего не выражало. Только очень давно и хорошо знающий его человек мог бы угадать за этим внешним бесстрастием обуревавшие его чувства.

Комбриг, убежденный в неизбежности контратаки белых, предложил остановить наступление.

Эйдеман резко встал, зло взглянул с высоты своего роста на оторопевшего комбрига. Разъяснил лаконично:

— Только человек, полностью потерявший общую перспективу — а это недопустимо для командира любого ранга, — может не видеть, что речь идет не о приостановке наступления, а об окончательном разгроме врага.

Приказал:

— Выслать усиленный разведывательный отряд!

…Разведчики донесли, что противник отступил к югу. Наступление возобновилось. Белые не оказывали уже почти никакого сопротивления. 46-я дивизия Эйдемана и 41-я Саблина, очутившись в тылу деникинцев, отрезали «добровольцам» путь в Крым. Харьков был взят, как и задумано, — без боя.

В конце лета двадцатого года обстановка на юге снова сложилась для Красной Армии тяжело. Теперь ареной ожесточенных боев стала Северная Таврия. В Крыму засела армия «черного барона» — Врангеля. Антанта вдосталь обеспечила его орудиями, самолетами, боеприпасами, даже танками.

В июле 1920 года Врангель уже вырвался из Крыма и устремился на север. Цель его не представляла особого секрета: нанести удар по войскам Юго-западного фронта. Ему удалось захватить часть Северной Таврии, вырваться к Донбассу и

Александровску (ныне Запорожье). В авангарде врангелевских войск шли ударные, наиболее боеспособные части: конный корпус генерала Барбовича, офицерские полки дроздовцев и корниловцев. Опытный, лютый противник.

В какой-то степени на стороне Врангеля оказалась и военная удача: вырвался далеко вперед 1-й Конный корпус, не дождавшись ни сопровождающей пехоты, ни авиации, ни бронеотрядов. Жестоко растрепали его врангелевские самолеты и броневики. Только благодаря личной храбрости командира корпуса Дмитрия Жлобы удалось избежать полного истребления.

Все попытки «заткнуть дыры» оказались безуспешными. С горечью говорил Эйдеман боевым друзьям:

— Это же старая истина: кто на войне пытается прикрыть все направления, ничего не прикроет и будет неизменно бит.

Каждый день, каждый час приносил все более и более горестные вести. Врангель наглел. Левый фланг его войск упирался в Днепр, и в надменной своей самоуверенности барон полагал, что только потерявший голову человек рискнет, не располагая фактически инженерными средствами, форсировать Днепр и идти в бой, имея за спиной могучую реку.

Но к командующему армией, противостоящей здесь Врангелю, менее всего подходило определение «потерявший голову». Это был еще совсем молодой человек с умным интеллигентным лицом и добрыми глазами за стеклами пенсне, красный командарм Иероним Уборевич.

Что такое форсирование Днепра и сражение за ним, он понимал не хуже, а лучше Врангеля, что и доказал блестяще. Командарм принял смелое, но вполне трезвое, глубоко продуманное решение: ударить со стороны Каховки по противнику, зажать живую силу его между Днепром и Крымом, отрезать пути к отступлению и уничтожить. Эйдеман полностью разделял план командарма, отвечающий его собственному убеждению, что «…на войне успех могут обеспечить только смелые решения. Средние решения, продиктованные одной лишь осторожностью и стремлением страховать себя «на все случаи», неизбежно расплескивают силы и волю армии на мелкие дела. Настоящий полководец смело идет на сосредоточение сил в ударных группировках, не боясь на сознательно ослабленных участках временного «успеха» противника».

Ударная группировка… Ее-то и предусматривал замысел красного командования. Так была создана знаменитая Правобережная группа в составе лучших, прославленных во многих боях соединений Красной Армии:

Латышской дивизии Стуцки;

52-й дивизии Германовича;

15-й дивизии Солодухина и только прибывшей с Восточного фронта 51-й дивизии Блюхера.

Командующим Ударной группой назначен Роберт Эйдеман.

Местом нанесения главною удара командующий выбирает: из-под Берислава на Большую и Малую Каховку. Днепр здесь неширок — метров четыреста — и огибает район будущей переправы полукольцом. Это удобно для артиллерийского прикрытия и первых шагов на той стороне.

Пока саперы вязали из всех мало-мальски подходящих материалов плоты, разведчики выявили и засекли огневые точки и боевые позиции белых. Эйдеман вовсе не намеревался «соваться в воду, не спросясь броду». Тем более что противник был очень силен. Правобережной группе противостоял пехотный корпус едва ли не самого толкового белого генерала— Слащева.

Обстановка на фронте сложилась так, что приказ о переходе в наступление Эйдеман вынужден был отдать, не дожидаясь подхода дивизии Блюхера.

В ночь с 6 на 7 августа одна за другой уходили в темноту без скрипа уключин, без всплеска весел лодки и плоты с бойцами Латышской и 52-й дивизий.

Эйдеман с группой командиров застыл на берегу. Ухо чутко ловит каждый звук. Каждый нерв напряжен до предела: решается судьба операции. «Тишина… Все еще тишина… Почему так долго плывут лодки? Что это — плеск весла или сонной рыбы?..

Наконец на правом берегу затрещали выстрелы. Грянуло, пронеслось над сонным простором реки «ура!». Значит, наши там. Значит, наши на том берегу. «Ура!»

Почти одновременно проснулись пулеметы белых. Белые были явно застигнуты врасплох. Струи пуль, свистя, проносились над нашими головами и ударялись в высокий обрыв, взрывая землю…»

Белые действительно не ожидали, что красные рискнут на столь «сумасшедший» шаг. Не верили в него настолько, что в те предштурмовые часы, когда Эйдеман отдавал последние приказания, все офицеры штаба Слащева жестоко упились.

К полудню красные войска захватили уже обе Каховки. К этому времени герои-саперы, стоя по грудь в холодной воде под непрерывным огнем, навели понтонный мост. Неслыханно быстро — за два часа. На правый берег, развивая успех, хлынули основные силы Ударной группы.

Наступление продолжалось до 10 августа, а потом… потом полки группы несколько отошли назад. Слащев поспешил сделать вывод, что «красные части, боясь окружения и уничтожения, в

панике бегут к переправам».

Вот тут-то белых и ожидало знаменитое «каховское чудо». Оказывается, красные вовсе не отступали, а отходили на… заранее подготовленные позиции. Заранее— не случайное слово. За трое суток на огромном участке протяженностью в 27 километров, закрывая излучину Днепра, выросла укрепленная полоса. Так появился легендарный Каховский плацдарм. Инженерными работами руководил человек, имени которого суждено было стать много лет спустя символом мужества и преданности Родине, — Карбышев. Плацдарм строили днем и ночью. Когда не хватило рабочих рук, Эйдеман приказал мобилизовать на земляные работы буржуазию Херсона и прилегающих районов.

Все еще не веря собственным глазам, конники генерала Барбовича, марковцы и кутеповцы попытались с ходу сбросить в волны Днепра защитников плацдарма. И… «Мы видели, как конница Барбовича атаковала проволоку и окопы, как набегали и как стремительно уходили обратно ее волны, разбрасывая по степи темные пятна убитых лошадей и людей. Мы видели, как впервые надломилась ударная сила Врангеля — конный корпус Барбовича, не знавший до этих пор серьезных испытаний…»

Каховка выдержала. Плацдарм жил и креп с каждой отбитой яростной атакой отборных белых частей.

Потом в войсках прокатился слух о танках — подарках французов «черному барону». Говорили, что это могучая боевая машина, не знающая преград, легко преодолевающая и проволочные заграждения и окопы. Пули отскакивают от его брони, как горох от стены. Вскоре слух подтвердился: летчики заметили в тылу врангелевских войск огромные стальные черепахи.

Взвесив все, что ему было известно о новом, доселе невиданном грозном оружии, Эйдеман отдал единственно правильный в тех условиях приказ:

— Из винтовок и пулеметов по танкам не стрелять — пустой расход боеприпасов. Противопоставить им меткий артиллерийский огонь, разбить весь плацдарм по секторам, так чтобы можно было стрелять и ночью. Учтите, товарищи, одни танки захватить плацдарм не могут. Нужно, чтобы бойцы удержались в окопах, пропустили танки и отразили следующую за ними пехоту белых.

О первой встрече красных войск с танками Эйдеман рассказал сам. «…Не помню, был ли это конец августа или начало сентября, когда пришел вечер — непривычно сизый, непривычно тихий степной вечер, окончательно убедивший нас в предстоящей

ночной танковой атаке. Плацдарм подготовился и ждал. Напряженно гудели в тот вечер телефоны, проверяя готовность отдельных участков, отдельных батарей. Артиллеристы проверяли и уточняли свои расчеты. Основная борьба с танками предстояла внутри самой укрепленной полосы, за спиной собственной пехоты. Выдержит ли она, останется ли в окопах? Напряженно работал в эти часы наш неутомимый большевистский политический аппарат.

Ночные события развернулись с головокружительной быстротой. Не успели еще отчитаться разведчики о замеченных ими громадных переползающих в темноте машинах, как заговорила, прервав напряженную тишину, артиллерия. Через несколько минут она уже ревела исступленными глотками десятков пушек, перекрывая нервный лай насторожившихся пулеметов.

Танки! Танки ворвались в укрепленную полосу!

Где пехота? Держится ли она?

Рвется, теряется связь.

Все, что под рукой, брошено в бой.

Да, это была напряженная встреча! Только постепенно вырисовывалась, прояснялась картина боя. Танки бродили в глубине оборонительной полосы. Пехота, пропустив их через окопы, отражала атаки живой силы белых. Передняя линия па всех участках была в наших руках. А в ее тылу, там, где были резервы и артиллерия, в самой сердцевине плацдарма, клокотал, гремел сотнями взрывов бой.

Французские танки, тяжелые, солидные «рикардо», оказалось, не были рады «встрече». На стальные чудовища с гранатами в руках бросались бойцы, их громила артиллерия. Два танка остались в нашем тылу. Другие, раненные, кряхтя, переползли обратно.

Танки оказались бессильными решить участь Каховки. Их, «почетных иностранных гостей», с прибытием которых связывалось столько надежд и чаяний, не сумел поддержать человек. Этот человек, в своей массе насильно мобилизованный Врангелем таврический крестьянин, оказался ненадежной опорой для помещичьей контрреволюции.

И когда наступило ясное степное утро, к разбитым двум танкам подползли наши бойцы, гладили еще горячими от ночного напряжения руками остывший металл. «Эх, даже танки не спасут тебя, беленький!», «Нам бы вот таких машин!» Наши бойцы умели ценить технику. Они умели любить машину. Они отлично знали, как много, как дорого мы заплатили в ту героическую ночь за первые два танка, за свою отсталость, за

первые уроки, преподанные этими неуклюжими, солидно-медлительными «рикардо»…»

Что ж, урок пошел впрок. Так рождалась тактика борьбы с танками, оправдавшая себя не раз много лет спустя на полях Великой Отечественной войны.

Каховка выстояла. Руки Врангеля были связаны. Мечту прорваться на север пришлось оставить. Фактически он снова оказался закупоренным в «крымскую бутылку». Каховка стала легендой. О ней до сих пор поют песни. Потому что…

«…Каховка — это изумительное сочетание выдержки, хладнокровия и спокойствия со страстной отвагой и героизмом отдельных людей и целых частей…

Где-то около Черненьки есть братская могила. В ней — бойцы целого полка Латышской дивизии. Они умерли так, как умирают герои.

Погиб смелый ударник гражданской войны питерский пролетарий Солодухин, начдив-15. Окруженный белыми, он сделал все, что мог сделать настоящий боец-революционер: он во главе кучки войск бросился в последнюю атаку.

Погиб храбрый командир латышского полка Лацис — большевик-пролетарий, перешедший с комиссарской работы на командную.

Сложили свои головы тысячи замечательных бойцов пролетарской революции, отстаивая Каховку как ворота для дальнейших побед Красной Армии.

Слава им, погибшим за дело рабочего класса!»

Для успешного осуществления плана командования под Каховкой требовался не просто талантливый военачальник. Это должен был быть человек несгибаемой воли, выдержки и упорства, человек, который бы беспредельно верил в своих бойцов и в которого так же беспредельно верили и они. Это значит, что для этого нужен был человек, в которого беспредельно бы верила партия. Именно такого человека она имела в лице двадцатипятилетнего солдата Роберта Эйдемана.

Отсюда, с Каховки, пошли потом на Перекоп красные полки на окончательный разгром Врангеля…

Перевалило к осени жаркое на Украине лето. Неспокойное то было лето. То и дело из-за кордона налетали банды.

Сам черт не разберет, под каким хозяином они ходили. Обманывать было некого — для селян они стали просто грабителями. Не верил в их правду никто. Верили лишь в правду ленинскую.

Заметался по степям и лесам сам гуляй-польский «батька» — Нестор Махно.

Горстка не горстка, но были у «батьки» под рукой еще верные клинки, хотя и понимал, что игру с ними уже не выиграешь. Ни дня, ни ночи спокойной. От одной погони уйдешь, другая навалится. Раньше фронты спасали — порой не до Махно было красным. Нет теперь фронтов, кроме внутреннего — его, Махно, и других бандюг помельче.

— С Махно — покончить.

Так приказал Фрунзе, командующий войсками Украины и Крыма. Непосредственное руководство операциями поручено Роберту Эйдеману.

…Как ни неистовствовала махновщина, судьба ее была уже решена. Революция вынесла ей смертный приговор и поручила привести его в исполнение красным войскам Украины, руководимым Фрунзе и Эйдеманом.

Долго гонялись за бандой червонные казаки корпуса Виталия Примакова. Что ни день — рубка, отчаянная, насмерть. Наконец схлестнулись в решающем жестоком бою под Беседовкой и Грилевкой на Полтавщине махновцы и червонные казаки из бригады Петра Григорьева. В решающий момент боя сам Махно вылетел с тачанками — разметали картечью. И снова атака. Конница сшиблась с конницей. И в строю червонных казаков — Роберт Эйдеман. Много бандитских голов посекли в тот день. Не пощадили никого. Лишь сам Махно, окруженный кучкой приближенных, вырвался из смертельного кольца, чтобы найти смерть на скамье парижского бульвара. Проломил патлатую атаманскую голову бутылкой бывший дружок…

Обозы, пулеметы, снаряжение — все досталось червонным казакам. Черное махновское знамя сам сдернул с пробитого пулей древка Роберт Петрович Эйдеман…

За Махно следом вырубили и другие банды.

И только тогда окончилась для сына народного учителя из Леясциеме гражданская война. Рожденный писать стихи, он встретил пору зрелости красным генералом.

Потому что:

…Когда б я жил одной душой поэта…
Но я живу большой судьбой бойца,
Идущего в гражданскую войну
На Украине, Волге, на Дону…*

Потом была работа, упорная, беззаветная, целеустремленная — по строительству Советских Вооруженных Сил. Он возвращается туда же, где начался его боевой путь красного

командира, на этот раз — командующим Сибирским военным округом. Возвращается в Москву и семь лет подряд руководит кузницей кадров советских командиров — Военной академией имени М. В. Фрунзе. И пять лет руководит работой Центрального Совета Осоавиахима. Роберт Петрович Эйдеман — член ВЦИК нескольких созывов и ЦИК СССР, член Реввоенсовета СССР. Одновременно— главный редактор «Советской военной энциклопедии», редактор журнала «Война и революция», автор многих работ на военные и военно-исторические темы. По-прежнему пишет стихи, повести, рассказы, очерки Участвует в работе первого писательского съезда страны. Он член правления Союза советских писателей и председатель его Литсекции.

«…Все же — не хочу я умереть в кровати.

Я хочу еще участвовать в тех боях, которые, без сомнения, еще предстоят нам, пока красное знамя не расцветет победою над всем миром…

Замечательное наше время, мой друг!..

Как коротка, слишком коротка была до сих пор человеческая жизнь!

С криком приходил человек в этот мир, чтобы уже с молоком матери всосать болезни и смерть. Одни умирали с голоду, другие от беспутства, и в конце концов все так или иначе страдали от неорганизованной, несправедливой жизни. При социализме человек будет жить долго, счастливо, и когда, наконец, его сердце устанет от долгих, мудрых и светлых лет, он расстанется с жизнью с таким же удовлетворением, с каким мы в годы войны, поев досыта, отодвигали в сторону пустые котелки.

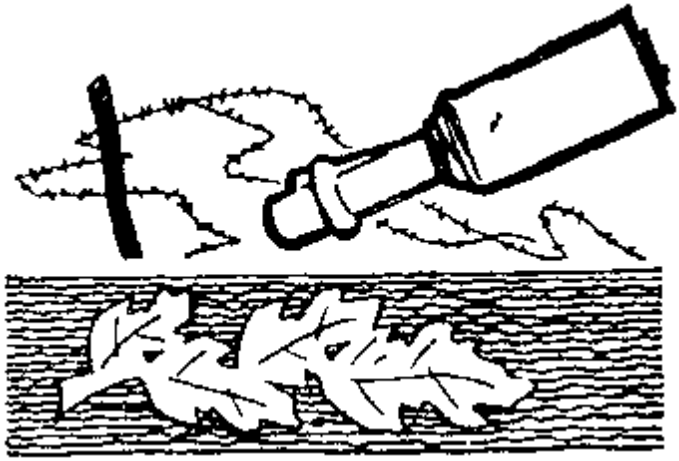
При мысли обо всем этом мне всегда становится тепло и хорошо…»*

9 мая 1945 года, в День Победы, Роберту Эйдеману исполнилось бы 50 лет.

Но его не стало в тридцать седьмом.

ТЕОДОР ГЛАДКОВ

ВАСИЛИЙ ЧАПАЕВ



Казарменный двор 138-го запасного пехотного полка был полон народу. Послушать видного оратора хотелось всем — не каждый же день залетает к солдатам такая важная птица.

Оратор — правый эсер — уже больше часа агитировал за войну до победного конца, за доверие Временному правительству. Говорил складно, гладко — слово к слову, как кирпичики, клал. Солдаты слушали молча: с трудом перемалывали красивую речь эсера. Наконец стало невмоготу.

— Хватит! Кончай! — понеслось над толпой.

— Ча-а-паева хо-тим!

Оратор продолжал говорить, его не слушали. Криками заставили убраться. На его место поднялся невысокий, щуплый на вид, однако стройный, подтянутый фельдфебель. Заговорил не громко, но резко, со злостью.

— Вишь ты, приехал из Самары басни нам рассказывать! — передохнул, нервно дернул темно-русый крученый ус. — Будто мы и не знаем все, как есть на самом деле. Захотел, шкура, нас обратно в окопы загнать, чтоб воевали. Это господину Керенскому нужна война, а не нам, солдатам.

Речь Чапаева, неладно скроенная, сумбурная и в то же время удивительно яркая, а главное, доходчивая, била в самую точку, хватала за живое, будоражила солдатские сердца.

…Шел июль 1917 года. В Николаевске, уездном городе Самарской губернии, куда незадолго перед тем переехал Василий Иванович (еще не вполне оправившийся от последнего ранения на фронте), сложилась немногочисленная, но крепкая

большевистская организация. Одним из главных объектов ее деятельности был 138-й запасный пехотный полк, основная военная сила в городе. Не будучи членом большевистской партии, Чапаев значился среди, как тогда выражались, сочувствующих. Он часто захаживал в уком РСДРП (б), с председателем которого — Вениамином Ермощенко, солдатом того же полка, — был в дружеских отношениях.

Нередко по просьбе укома Чапаев ездил в окрестные деревни выступать перед крестьянами. В ту пору работа николаевских большевиков велась в основном в городе: до деревень, разбросанных по обширному уезду, руки не доходили. К тому же агитировать крестьян было нешуточным делом. Выслушают, бывало, мужички приезжего оратора со вниманием — вроде со всем согласны. А потом, невозмутимо почесывая поясницы, как ни в чем не бывало скажут: «Мы народ темный, где нам понять. Нам бы вот землички того… поболе получить».

Чапаев, однако, умел находить путь к крестьянским умам. Сам сын крестьянина, он хорошо понимал крестьянские нужды. К тому же это были родные ему с детства места. Многих крестьян он знал в лицо и по имени-отчеству величал. Мужики любили слушать Чапаева, наперебой звали его на свои сходки.

Так беспартийный Чапаев незаметно для себя сделался большевистским агитатором. Но шло время. После июльских событий в Петрограде контрреволюция повсюду перешла в наступление. Это ускорило размежевание классовых сил. Настала очередь и Чапаеву отчетливее определить свой путь в революции.

28 сентября 1917 года Чапаева приняли в партию и одновременно избрали членом укома.

Приход Чапаева в партию не был случаен. Он как бы был подготовлен к этому всей предшествовавшей жизнью.

Василий Иванович Чапаев родился 9 февраля 1887 года в семье многодетного русского крестьянина-бедняка в деревне Будайки (Чувашия), он смолоду узнал тяжелую нужду. С ученьем ему не повезло — не хватало средств. Двенадцати лет отдали Василия в услужение к местному купцу. Два года за кусок хлеба мальчонка делал все, что ни заставляли. Смекалист был. Но когда купец поставил его за прилавок, оконфузился: все он умел делать, кроме одного — обсчитывать да обмеривать покупателя. Купец пробовал учить его и словом и кулаком — ничего не помогло. В конце концов убежал Чапаев от купца.

Нанялся Василий половым в харчевню да и там больше года не удержался: опять не умел обсчитывать посетителей. На этом «коммерческая» карьера Василия Ивановича кончилась.

Пришлось вернуться домой. Стал помогать отцу и старшим

братьям плотничать. Вместе с ними исходил пешком всю Самарскую губернию и соседний Уральский казачий округ. Впоследствии, в годы гражданской войны, эти бесконечные «походы» очень пригодились Василию Ивановичу. «Знаю эти места отлично, — говаривал он. — Прямо скажу: могу безошибочно воевать с казаками без карты».

В 1908 году, вскоре после женитьбы, Василия призвали в армию. Потянулись дни солдатской муштры: «Левой-правой! Сено-солома!» Чуть солдатик зазевался — голос унтера приводил его в чувство: «Ворон считаешь, раззява! Я т-те ухо прочищу!» И, бывало, прочищал. Из Чапаева тогда хорошего солдата не вышло: спустя два месяца после призыва он был демобилизован по болезни.

Хлебнуть службы полной чашей ему пришлось через семь лет. В январе 1915 года Василий Иванович был призван на германскую войну и вскоре принял боевое крещение на Немане.

На фронте Чапаев показал себя бесстрашным разведчиком. Не раз он, рискуя жизнью, пробирался в расположение неприятеля и приводил пленных. Трижды был ранен, много раз контужен. За военные заслуги получил полный георгиевский бант (четыре георгиевских креста — высшую по тому времени солдатскую награду и георгиевскую медаль четвертой степени).

В начале 1917 года Чапаева после очередного ранения отправили в тыл и зачислили в команду выздоравливающих. Февральская революция застала его в Саратове. После июльских событий в Петрограде Чапаев переехал в Николаевск (поближе к родным местам) и был зачислен в расквартированный здесь 138-й запасный пехотный полк.

В этот период Временное правительство, опасаясь роста революционных настроений в армии, решило укрепить свои позиции авторитетом заслуженных фронтовиков. Оно переводит в другие части неугодных младших командиров и заменяет их более надежными, ища в них опору своему режиму. Такое продвижение по службе выпало и на долю Василия Ивановича.

Чапаева назначили фельдфебелем 4-й роты 138-го запасного полка. Но Чапаев оказался плохой опорой Временного правительства. Вскоре после зачисления в полк Василий Иванович прочно встал на позицию большевиков, был избран председателем ротного солдатского комитета, а затем и членом полкового комитета. Солдатский комитет неоднократно выдвигал Чапаева на должность командира роты. Но Василий Иванович каждый раз отказывался, считая, что это назначение свяжет ему руки, так как он должен будет тогда проводить в жизнь приказы командования Временного правительства.

Чапаев быстро подружился с руководителем николаевских большевиков — донецким шахтером, старым членом партии В. И. Ермощенко. Эта дружба имела для Василия Ивановича большое значение: в обществе закаленного большевика он быстро рос политически, набирался у него духовной стойкости. Пребывание в Николаевске было памятно для Василия Ивановича еще и тем, что именно здесь начался боевой путь легендарного красного начдива.

Когда в Николаевск пришло известие о победе Октябрьской революции в Петрограде, местный большевистский уком созвал экстренное партийное заседание. Было принято решение захватить власть.

10 ноября (по новому стилю) уком объявил о создании революционного комитета (ревкома). Председателем его был выбран В. И. Ермощенко, начальником николаевского гарнизона — В. И. Чапаев. Одновременно решили создать Николаевскую уездную трудовую социалистическую коммуну во главе с советом народных комиссаров.

13 декабря 1917 года Чапаева выбрали командиром 138-го запасного пехотного полка. Более половины полка составляли выходцы из кулацких семей. Надо было принимать срочные меры, чтобы укрепить вооруженные силы коммуны. Чапаев поставил перед Николаевским советом народных комиссаров вопрос о демобилизации всех солдат полка. Взамен он предлагал создать на добровольных началах отряд Красной гвардии.

17 декабря это предложение одобрили на совместном заседании уездного Совета солдатских и рабочих депутатов и III уездного крестьянского съезда, на котором председательствовал Чапаев. Утвердили Положение и Устав Красной гвардии.

За несколько дней Чапаев сформировал отряд красногвардейцев в несколько сот человек. В него вошли наиболее преданные революции солдаты 138-го полка, а также рабочие и батраки.

Но не дремала и местная контрреволюция. С фронтов начали возвращаться царские офицеры, ставшие оплотом белогвардейщины. Для николаевских коммунаров настало время грозных испытаний.

20 декабря 1917 года земцы (гласные депутаты земской управы) созвали в Николаевске свой уездный съезд. Ревкому стало известно, что они вместе с эсерами и меньшевиками готовят восстание.

Узнав об этом, Чапаев с небольшой группой красногвардейцев поспешил к зданию земской управы. Вот и зал,

где заседают земцы. Василий Иванович распахнул дверь. Заметив красногвардейцев, оратор поперхнулся на полуслове. Зал замер. В тишине четко раздался голос Чапаева:

— Съезд объявляю закрытым. Делегатам — разойтись! Президиуму остаться на месте: вы арестованы.

Поднялся шум, крики, свист. Но решимость Василия Ивановича и грозный вид красногвардейцев подействовали. Земцы стали расходиться.

На другой день, едва забрезжил рассвет, город забелел листовками: комитет социалистов-революционеров призывал население «сбросить иго узурпаторов-большевиков».

Несколько дней прошло спокойно. Как вдруг ночью на Соборной площади ударил набат. На колокольный звон повалила «приличная» публика: купцы, гимназисты, офицеры. Прибежал и кое-кто из красногвардейцев, спросонья не разобрав, в чем дело. Озверевшая толпа смяла их, поволокла к стенке.

Неожиданно послышался шум мотора. Поводя рылом «максима», выкатил грузовик. На нем — Чапаев. Пулемет огрызнулся раз-другой. Толпа дрогнула, начала таять. В это время подоспели красногвардейцы. Организаторов мятежа арестовали.

Потерпев неудачу в Николаевске, белое офицерство перенесло свою деятельность в деревни уезда. Там сколачивались кулацкие банды, тайно запасалось оружие.

В начале января 1918 года в крупном селе Большие Глушицы вспыхнул кулацкий мятеж. Кулаки арестовали членов местного Совета, многих из них зверски замучили.

Медлить было нельзя. Николаевский совнарком на экстренном заседании постановил: послать отряд красногвардейцев под командованием Чапаева на подавление мятежа. Не мешкая, в ту же ночь отряд выступил в поход. До Глушиц было 120 километров. Крепчали рождественские морозы. Как нарочно, разыгралась пурга. Двое суток почти безостановочно двигались красные бойцы по снежному морю, увязая в сугробах, леденея на ветру.

В предрассветный час Чапаев поднял бойцов в атаку. В село ворвались с четырех сторон. Враг был застигнут спящим. После короткой перестрелки мятежники сдались.

Один за другим вспыхивают кулацко-эсеровские мятежи. На подавление их то и дело посылают отряд Чапаева. Чапаев не только арестовывает мятежных главарей и восстанавливает советскую власть. Он накладывает на кулаков еще контрибуции деньгами и хлебом. Деньги сдает в советскую казну, а хлеб отправляет в центр, для голодающих московских и петроградских рабочих. Отобранным у кулаков оружием Чапаев вооружает

местную бедноту и формирует из бедняков и батраков отряды Красной гвардии, обучает их военному делу, подбирает способных командиров. Впоследствии эти отряды составили ядро прославленных чапаевских частей.

В боях крепнет мастерство Чапаева-военачальника, быстро растет его авторитет среди красноармейцев. 24 января 1918 года Николаевский совнарком избирает его военным комиссаром коммуны.

Суровая жизненная школа, пройденная Чапаевым, помогала ему наводить революционный порядок в отрядах.

Василий Иванович был до болезненности щепетилен в денежных делах. В пору конфискаций огромных состояний буржуазии и дворянства, когда учет ценностей зачастую производился без описей, на глазок и, чего греха таить, кое-что прирастало к липким лапам проходимцев, Василий Иванович всегда строго следил за тем, чтобы каждая вещь регистрировалась и немедленно сдавалась в советскую казну и обязательно под расписку. Хранить конфискованные ценности в денежных ящиках отрядов он запрещал во избежание возможного хищения.

Как-то летом 1918 года Чапаев повстречал на дороге один из красногвардейских отрядов. Сгущались сумерки. Вместе с отрядом Чапаев заночевал в пустующем помещичьем доме. Бойцы сгрудились вокруг Василия Ивановича. Сама собой затеплилась беседа.

— Вы, ребята, здесь не берите и не колите ничего. Это все теперь наше, общее. Берите только то, что нужно для войны, — лошадей, к примеру, телеги. А прочее не троньте. В краденом проку нет. Вот уничтожим врагов и завоюем для всех хорошую жизнь.

В результате быстрых и неутомимых рейдов чапаевского отряда к весне 1918 года сопротивление кулаков Николаевского уезда, возглавляемое эсерами и белогвардейскими офицерами, было сломлено.

Уже первые победы Чапаева над мятежниками показывают недюжинные военные способности будущего начдива. Но еще заметнее в ту пору была беспримерная личная храбрость Василия Ивановича.

Авторитет Чапаева среди красногвардейцев был очень высок. Он держался прежде всего на том, что Чапаев был храбр, всегда находился в самой гуще боя. Он не бежал от трудностей, а искал их: где упорнее всего сопротивление врага, где появилась опасность прорыва красногвардейских рядов, туда спешил Василий Иванович.

Уже в ту пору по деревням Николаевского уезда начали

ходить рассказы о бесстрашном красном командире Чапае.

В конце марта 1918 года в городе Уральске, центре Области уральского казачества, граничившей с Самарской губернией, произошел контрреволюционный переворот. Белое казачество развязало гражданскую войну на Урале.

Восточного фронта в ту пору еще не существовало, и поначалу руководство борьбой против белоказаков взял на себя Саратовский Совет рабочих и крестьянских депутатов. Была создана Саратовская особая армия. Создавалась она в спешке. Командование армии плохо представляло себе характер начинающейся борьбы, план наступления был разработан скверно. Все это с самого начала повлияло на ход военных действий.

Противник оказался хорошо подготовленным. Казаки, вначале хуже вооруженные, чем советские части, обладали, однако, несравненно более опытным командным составом.

Для участия в походе на Уральск Николаевский совнарком сформировал два отряда: один под командованием Чапаева, другой — Демидкина.

И вот разношерстная Особая армия, скомплектованная из красногвардейских отрядов разных уездов, обмундированных кто во что горазд (в основном за счет реквизированной у буржуазии одежды и обуви), двинулась 1 мая 1918 года в поход.

В авангарде армии шел отряд Чапаева. За четыре первых дня чапаевцы заняли станции Семиглавый Мар, Шипово и Деркул. Нередко участь боя решала дерзкая смелость Василия Ивановича.

…Отряд наступает. Вдали показалась белокаменная церковь казацкой станицы. И тут Чапаев не выдерживает. Не дождавшись возвращения разведки, он ставит на сиденье штабного автомобиля пулемет и катит на всей скорости вперед. Уже остались позади наступающие цепи бойцов. Обогнали и свою разведку. Вот и околица станицы. Казаки начинают беспорядочную стрельбу по машине.

— Давай задний ход! — кричит Чапаев шоферу.

Машина делает крюк. И пулеметчик с разворота начинает поливать огнем опешивших казаков. Василий Иванович помогает ему из своего маузера.

Так нередко в коротком бою Чапаеву удавалось выбить казаков из станицы и удержать ее до прихода своих. Когда подходил отряд, Чапаев успевал уже подыскать помещение под штаб, а на колокольню выставить наблюдателя.

Первые дни наступления Особой армии шли успешно.

Противник отступал по всем направлениям. Настроение красных бойцов поднялось. До белоказачьей столицы Уральска оставалось 70 километров.

Но 5 мая положение резко изменилось. Ночью, совершив глубокий рейд в тыл Особой армии, казачья кавалерия отрезала ее от баз снабжения. Красногвардейцы оказались без продовольствия и боеприпасов. Кое у кого сдали нервы. Прозвучало страшное слово «измена». Началось отступление. Чапаевский отряд прикрывал отход армии, непрерывно отражая яростные атаки казаков. Отступление закончилось поражением.

В конце мая Чапаев созвал в селе Любицком совещание командиров красногвардейских отрядов Николаевского уезда. Имея за плечами изрядный опыт империалистической войны, Чапаев видел, что неудачный поход на Уральск — не случайность, как это пытался изобразить кое-кто из руководства Особой армии.

На совещании Чапаев предложил свести разрозненные отряды в батальоны, батальоны — в полки, полки — в бригаду. Большинство командиров поддержало Чапаева.

Вскоре из множества отрядов сформировались два стрелковых полка: 1-й полк имени Пугачева (из отрядов Плясункова, Рязанцева, Потапова, Баулина) и 2-й имени Стеньки Разина (из отрядов Кутякова, Бубенца, Степанова и Чуркина). Оба полка были сведены в бригаду. Комбригом выбрали Чапаева. Интересно, что идея наименования полков принадлежала Василию Ивановичу. Пугачев, Разин, а также Гарибальди были его любимыми героями.

В начале июня 1918 года Особая армия (вскоре переименованная в 4-ю армию и вошедшая в только что образовавшийся Восточный фронт) с обновленным командованием выступила в новый поход на Уральск.

Но обстановка ухудшилась. Еще до начала похода пришло известие о восстании чехословацкого экспедиционного корпуса. Захватив значительную часть Самарской губернии, чехи, не встречая серьезного сопротивления, двинулись на восток, на помощь белоказакам. Над тылом 4-й армии нависла угроза.

Бригаде Чапаева, как и другим частям 4-й армии, с самого начала пришлось туго. С каждым километром пути к Уральску удесятерялось сопротивление казаков. Искусно применяя тактику партизанской борьбы, они изматывали наши части. Ряды чапаевской бригады заметно поредели — как от казацких пуль, так и от нестерпимого зноя и недостатка воды. От усталости бойцы валились с ног, падали без памяти. Некоторые погибли от солнечных ударов.

Участились случаи дезертирства — в основном бежали

недавно мобилизованные крестьянские парни. Сам редкостной храбрости человек, Чапаев ненавидел дезертиров пуще воров и мародеров. Если доводилось ловить беглецов, у Чапаева был с ними особый разговор. Соберет их, выстроит в одну шеренгу и на глазах всей части начнет:

— Что же, лети в трубу, свобода вам нужна? Земля чтобы ваша была? А воевать, защищать революцию я один за вас буду?

Такой своеобразный «суд чести» действовал лучше самой суровой расправы. Чапаев справедливо считал, что второй раз человек дезертиром не станет.

Несмотря на все трудности, бригада Чапаева с боями продвигалась вперед. То и дело приходилось отражать атаки казаков, сытых, добротно снаряженных, у которых был и стол и дом в любом богатом селе.

5 июля, с боем заняв станицу Переметную, чапаевцы, а за ними и вся армия подошли вплотную к Уральску. Началась осада города. В течение нескольких дней били по городу красные орудия. В это время, когда, казалось, победа была близка, белоказачий полковник Мартынов с большим кавалерийским отрядом совершил глубокий рейд по тылам 4-й армии и отрезал ее от баз снабжения. Боеприпасы оказались на исходе. В этот момент Чапаев проявил находчивость и оперативность. Утром 9 июля по его инициативе были созваны все полковые командиры и политкомиссары армии. Василий Иванович, осунувшийся и усталый — всю ночь он не сомкнул глаз, — но, как всегда, гладко выбритый и подтянутый, коротко доложил обстановку, и потребовал немедленного отхода всей армии.

Командиры и комиссары поддержали Чапаева.

Армия стала готовиться к отходу. Чтобы заглушить стук повозок, Чапаев приказал выставить пулеметчиков. Когда начался отход, затрещали пулеметы, демонстрируя начало атаки. Казаки приготовились к отпору. Долгое время не могли они понять, чего же медлят красные. А когда догадались, бросили вдогонку свой бронепоезд. Вскоре бойцы чапаевской бригады, прикрывавшей отход всей армии, услышали приближающийся стук колес — белоказачий бронепоезд спешил накрыть их огнем трехдюймовок. Все отчетливее дыхание бронированной громады. Вдруг страшный взрыв сотряс окрестность, ярко озарив ночное небо, — бронепоезд наскочил на подложенный под рельсы динамит…

Двое суток бойцы 4-й армии без сна и пищи, то и дело отражая атаки казачьих лав, шли на запад. Армия была спасена от разгрома, и в этом большая заслуга Чапаева.

Вернувшись с Уральского фронта в район Николаевска, полки чапаевской бригады сразу же, без отдыха, включились в активную борьбу с частями чехословацкого корпуса и только что созданной «Народной армии» самарской «учредилки». Чапаевцы не только остановили продвижение противника, но, перейдя в контрнаступление, с боями занимали одно село за другим (Б. Таволожку, Ивановку, Ивантеевку, Чернаву, Николаевку).

Комбриг Чапаев не ограничивался общим руководством вверенных ему частей, а принимал непосредственное участие в боях. 4 августа, когда 2-й Николаевский полк оказался в критическом положении, Василий Иванович лично повел в атаку кавалерийский эскадрон. Обойдя противника с левого фланга, кавалеристы ударили в тыл белым (один из излюбленных приемов Чапаева). Белые в панике бросились бежать, понеся большие потери в живой силе и вооружении. За этот бой Василий Иванович получил благодарность от командарма 4-й армии.

Однако под давлением превосходящих сил белочехов и «Народной армии» части дивизии Николаевских полков, в которую входила и чапаевская бригада, 7 августа начали отходить в направлении к Николаевску. Чапаевская бригада вела непрерывные бои с наседавшим противником к северо-востоку от Николаевска. Непосредственно город Николаевск защищали 3-й Николаевский полк (под командованием Михалева) и Балашовский отряд (командир Данильченко). Не выдержав натиска белочехов, они отступили, понеся большие потери. 20 августа чехословацкие легионеры вышли в город.

Еще на рассвете чехам удалось овладеть единственной в этих местах переправой через реку Иргиз — у села Порубежки. Теперь они намеревались захватить и село. Для красных войск сложилась неблагоприятная обстановка.

В эти дни Чапаева не было в бригаде. Накануне он крепко повздорил с Захаровым — командиром дивизии Николаевских полков и был не у дел. Но когда чехи заняли Николаевск, Василий Иванович не выдержал. Поборов в себе гордость, он в тот же день с группой ординарцев прискакал в Порубежку, где стоял Пугачевский полк.

Едва Чапаев прибыл, его обступили бойцы. Они радостно приветствовали своего командира. Комполка Плясунков сообщил Василию Ивановичу приказ начдива Захарова: полку оставить Порубежку и отходить на село Давыдовку.

— А общий приказ всей бригаде? — сухо спросил Чапаев.

— Приказано атаковать Николаевск. Разинский полк пойдет в лобовую атаку на город.

— Выходит, не мы собираемся атаковать чехов в

Николаевске, а они нас в Давыдовке.

Плясунков растерялся:

— Что прикажете делать, Василий Иванович?

Чапаев решительно ответил:

— Приказ начдива, как ошибочный, не выполнять!

Тут же развернул карту.

— У нас левый берег, у чехов — правый. Правый господствует над левым. Так? У чехов к тому же переправа. Бродов через Иргиз нет. Как будешь форсировать реку?

Чапаев посмотрел на комполка: понимает или нет? Тот согласно кивнул. Взамен прежнего Василий Иванович отдал Плясункову новый приказ: на Давыдовку не отходить, вместо этого отбить у чехов переправу через Иргиз и затем совместно с Разинским полком атаковать противника у села Таволжанки.

Тут же Чапаев послал к командиру Рагинского полка Кутякову связного, велел передать: приказ Захарова о лобовой атаке на Николаевск не выполнять; двигаться через село Гусиху, зайти чехам в тыл и атаковать их у села Таволжанки, а уж потом наступать на Николаевск.

Вскоре Пугачевский и наскоро приведенный в порядок Разинский полки двинулись на Таволжанку. Отвлекая огонь чешской артиллерии на себя, Пугачевский полк, который повел в бой лично Чапаев, дал возможность разницам зайти чехам в тыл. Когда разинцы неожиданно ударили по противнику, Чапаев перешел в лобовую атаку. Белочехи были полностью разгромлены. Ни один легионер не спасся. Чапаевцам достались богатые трофеи: 4 тяжелых орудия, много пулеметов и винтовок, обоз с боеприпасами.

Белочехи были дезорганизованы и спешно начали готовиться к эвакуации Николаевска. На утро следующего дня, 21 августа, чапаевская бригада после непродолжительного боя освободила город. Красных бойцов восторженно приветствовали рабочие.

Нередко в этих боях красноармейцев выручали решимость Чапаева, его воля к победе. 3 сентября при подходе к Гусихе Разинский полк неожиданно напоролся на крупные силы чехов. Полк принял бой, но потерпел поражение. Комполка Кутяков был ранен и не смог дальше руководить боем. Чехи отрезали путь к отступлению. Бойцы растерялись. Началась паника. Побросав оружие и обмундирование, красноармейцы кинулись в воды Иргиза.

Переплыв на другой берег, бросились врассыпную по полю. В это время навстречу им — Чапаев во главе Пугачевского полка.

— Стой! Что за команда?

— Товарищ Чапаев! — едва переводя дух, бормотали

бойцы. — Разбили нас чехи.

— А где ваше оружие, аники-воины? — ехидно спросил Чапаев.

Бойцы стояли потупившись. Кто-то ответил:

— Побросали, товарищ Чапаев…

— Так-так. Ну что ж! Не умели сберечь оружие — будете сражаться без оружия. — Привстал на стременах, крикнул: — Кругом марш! Впе-е-ред на Гусиху!

Сам поскакал вперед, увлекая бойцов. Гусиху взяли одним порывом.

После боя Чапаев выстроил разинцев и пошел по цепи.

— Где у тебя винтовка?

— В Иргизе, товарищ Чапаев.

— Достань!

— А как ее достанешь? Глубоко…

— Ныряй и достань!

Стоя на мосту, Чапаев смотрел, как бойцы ныряли за оружием, поторапливал. Нужно было преследовать врага.

Испытав на себе силу чапаевской бригады, белочехи присмирели. Зато активизировалась самарская «учредилка».

К началу сентября армия «учредилки», отбросив слабые силы красных на юг, захватила важные в стратегическом отношении села Орловку и Ливенку и нависла над тылом 4-й армии.

В это время Чапаев вступил во временное командование дивизией Николаевских полков. Быстро оценив обстановку, он решил действовать.

Вскоре в полки поскакали связные: «Командиров на совещание!» Командиры прибыли. Окинув взглядом собравшихся, все ли тут, Чапаев стал излагать план предстоящей операции: 4-й полк на рассвете 9 сентября наступает на село Ливенку, имея задачей демонстрацию ложной атаки в лоб противнику. Остальные, главные силы (три пехотных и один кавалерийский полки), неожиданно наносят решающий удар по флангу и тылу врага, расположенного в соседнем селе Орловке.

Чапаев кончил. Командиры недоуменно переглянулись. Больно смелы замыслы начдива: вместо ожидаемой подготовки к обороне решил дать армии «учредилки» генеральное сражение, а ведь у врага перевес и в живой силе и особенно в артиллерии (33 орудия против 19). Каково?! Необычное расположение сил, предложенное Чапаевым, разрыв между сковывающей и ударной группами, достигающий 22 километров, — все казалось дерзким и рискованным!

Но то, что многим командирам представлялось странным, позднее изучалось в военных академиях и называлось

замечательным образцом военного искусства. Уже в начальной стадии гражданской войны проявились недюжинные военные способности Чапаева, еще тогда отлично постигшего маневренный характер этой войны и замечательно претворявшего в жизнь свои замыслы.

Под покровом ночи главные силы Чапаевской дивизии вышли на исходные рубежи. В пяти километрах тускло мерцали огни Орловки. Томительно тянулись часы ожидания — бойцам запрещено было курить и громко разговаривать. Когда подкрался рассвет, зарницей полыхнуло небо. Вслед тяжко ухнула земля. Это 4-й полк артзалпом давал понять, что начал атаку на Ливенку.

По озябшим цепям шепотком пронеслись команды: «Встать! Равняйсь по передним! Тихо вперед!..» Бой начался.

Чапаев ускоряет наступательный темп войск. Его небольшая фигура, впаянная в седло, мечется по полю. Только, казалось, он мчался впереди кавалерии, а уже вот ведет в бой пехоту.

— Вперед! Бегом! Не отставать! — вьется высокий голос Чапая. Но что это? Лошадь командира на полном скаку летит на землю. Чапаев едва успевает вырвать ноги из стремян. Шальная пуля убила коня. Начдива обступают ординарцы. Он берет у одного из них лошадь. Снова мчится — догонять бойцов. И вот уже опять ведет их в атаку И опять приходит на помощь ослабевшим бойцам.

— Впе-е-ре-од!

Наконец противник не выдерживает — беспорядочно отступает на Ливенку.

Чапаев снова торопит пехотинцев:

— Быстрей, ребята! Бежать бегом!

Бойцы бегут из последних сил, но Чапаев неумолим. И рад бы дать отдых красноармейцам, да нельзя. Упустишь момент — потом не воротишь. Теперь Василия Ивановича не собьешь с толку. Жестокие уроки, преподанные в уральских походах казаками, научили его многому. Знает теперь, как преследовать врага.

Вечером, шагая по избе, Василий Иванович охрипшим голосом диктует донесение командарму-4:

— Бой под Орловкой и Ливенкой закончился полным разгромом врага…

То и дело в избу входят командиры, уточняют взятые трофеи. Чапаев на ходу отдает распоряжения — кому где стать, что делать наутро. Потом подходит к клюющему носом телеграфисту и, толкнув его легонько в плечо, заканчивает донесение:

— Противник потерял убитыми до тысячи человек, 250

подвод со снарядами, 10 пулеметов и много тысяч винтовок…

Победа Чапаева под Орловкой и Ливенкой резко изменила положение на фронте. Армия самарской «учредилки» была дезорганизована и, потеряв инициативу, прекратила наступление на Саратов. Красная Армия получила возможность развернуть успешное наступление на оплот учредиловцев — Самару.

От боя к бою росло мастерство Чапаева-военачальника. У него была своя, особая способность командовать, которая и в наши дни (хотя с тех пор прошло более сорока лет) не перестает удивлять даже самих чапаевцев, участников многочисленных походов Василия Ивановича. Человеку неуемной энергии, ему не сиделось в штабе. «Я не писать пришел, а командовать, — говорил он. — Запишут «писаря» мои» (так Василий Иванович называл штабных работников). Свои приказы Чапаев часто набрасывал в записную книжку в пути, а затем давал их на «разработку» в штаб.

Боевая жизнь Чапаева, помимо непосредственного участия в боях, — это непрерывные разъезды по полкам. Василий Иванович не хотел полагаться на сведения о своих частях, полученные из вторых рук. Он должен был все, и притом досконально, знать сам. Обладая замечательной памятью, Чапаев постоянно держал в уме все те «мелочи», которые подмечал при объездах своих частей. В любой момент он подчас лучше младших командиров знал, подкованы ли в такой-то роте лошади, есть ли для них фураж, успели ли отдохнуть после перехода люди и кони, как обстоит дело с боекомплектом, с харчами.

Вскоре Чапаева назначают командиром вновь формируемой 2-й Николаевской дивизии, состоявшей из трех полков (Балашовским полком командовал Данильченко, Пензенским — Ильин, кавполком имени Гарибальди — Долгушев). В конце сентября этой дивизии дается задание: наступать вдоль реки Камелик на Уральск, имея целью отрезать уральских казаков от белочехов. Это задание было явно не под силу дивизии.

Чапаев ходил мрачнее тучи; но приказ есть приказ, и Чапаев двинулся в глубь уральских степей. Редели ряды бойцов. Полки дивизии с трудом отбивали казачьи лавы, но неуклонно шли вперед. Вот уж взято и селение Таловое — в двух переходах от Уральска. И тут главные силы казачьих войск под командованием генерала Мартынова навалились на 2-ю Николаевскую.

Одну за другой шлет Чапаев телефонограммы: в штарм-4, главкому, в РВС Республики. Он просит о помощи: «Доношу, что бой идет без остановки четверо суток… Потери громадные… Жду

поддержки. Положение критическое, противник силами превышает в пять раз…»

Он обвиняет и угрожает: «Если вам дорога товарищеская кровь, напрасно ее не проливайте… Со всех сторон окружен казаками… Жду два дня, если не придет подкрепление, буду пробиваться в тыл…»

Наконец он грозится в сердцах: «Прошу Вашего ходатайства… об увольнении меня с занимаемой должности. Я более не в силах бороться в такой обстановке — десять суток окружен противником, в десять раз превышающим мой отряд, и все же за десять суток мне не дают подкрепления…»

Но все напрасно. Подмоги нет. Проходит еще одиннадцать суток.

Тогда Чапаев решается на отчаянный шаг — без снарядов, со скудным запасом патронов прорвать кольцо врага. На совещании командиров кто-то спросил:

— А если опять не прорвемся, что тогда?

Василий Иванович резко ответил:

— Должны все погибнуть, но во что бы то ни стало прорвать фронт.

Решимость и личная отвага начдива выручили. В ночь на 1 ноября бойцы в отчаянном порыве пробили брешь в кольце врага и вышли из окружения.

В начале ноября Чапаеву, несмотря на трудность обстановки, удалось выровнять положение и даже потеснить противника. «Перевес на нашей стороне. Хутор Бенардак с боем нами взят. Противник бежал в панике по направлению селения Таловое», — доносит он 3 ноября.

Но именно в это время командование 4-й армии, оскорбленное резкими телеграммами Чапаева и видевшее в нем лишь строптивого своенравного командира, находит момент подходящим, чтобы от него отделаться. Воспользовавшись набором слушателей в Академию Генштаба, оно снимает Чапаева с фронта и направляет «на учебу».

Василий Иванович пытался протестовать — ничего не помогло. Тяжело было ему расставаться с боевыми товарищами. Перед сдачей дивизии новому командиру — Дементьеву, командовавшему Малоузенским полком, Чапаев в последний раз объезжал полки, прощался с ними. Бойцы кричали «ура», многие плакали.

Вот и Москва… В черной бурке, с чемоданчиком в руке шагал Чапаев с Павелецкого вокзала к центру города — трамваи не ходили. Как командированного, его устроили в гостинице

«Княжий двор». Впервые в жизни Василий Иванович попал в такую комфортабельную обстановку.

Когда Чапаева зачислили слушателем в академию, он превратился в ревностного ученика. Аккуратно конспектировал все лекции. Принялся штудировать учебник географии. Повесил в номере над столом карту мира, подолгу простаивал подле нее с циркулем и карандашом в руке, Порой восклицал, удивленный:

— Швеция! Она же меньше нашего Николаевского уезда!

И все же Чапаева неудержимо тянуло на фронт, к боевым друзьям.

— Конечно, — не раз говорил Василий Иванович соседу по номеру Мищенко, — ученье в академии — дело хорошее, но обидно, — что беляков колотят без нас. Нет, я так долго не выдержу…

Чапаев просил начальника академии откомандировать его на фронт. Но получил отказ. Написал жалостливое письмо председателю РВС 4-й армии Линдову: «Прошу вас покорно отозвать меня в штаб 4-й армии на какую-нибудь должность — командиром или комиссаром в любой полк… Я хочу работать, а не лежать… Так будьте любезны, выведите меня из этих каменных стен».

Линдов ответил, что это не в его власти. С большим трудом Василию Ивановичу удалось добиться откомандирования его на фронт. Однажды вечером Мищенко, возвратившись после занятий, нашел на столе записку: «Не выдержал, потянуло на фронт. Уехал к своим. Спасибо за дружбу. Всего наилучшего. Чапаев».

Василий Иванович возвращался в родные места со смешанным чувством. Было радостно, что снова увидит боевых товарищей. Но и немного тревожно: как поведет себя начальство?

…Новый командующий 4-й армией Фрунзе (вступил в должность 31 января 1919 года) наслушался от работников штаба немало рассказов о «своенравности» и «бесшабашности» Чапаева. А в народе шла молва о бесстрашии и непобедимости Чапая. Чему было верить? Чутье профессионального революционера подсказало Фрунзе правильное решение. 26 февраля Чапаев назначается командиром Александро-Гайской группы, политическим комиссаром в группу он направляет Дмитрия Фурманова, которого Фрунзе знал по совместной работе в Иваново-Вознесенске. Михаил Васильевич не ошибся. Сотрудничество талантливого самородка-полководца и умного, чуткого, тонкого политкомиссара в скором времени дало замечательный сплав. С тех пор Фрунзе (вместе с новым членом

Реввоенсовета 4-й армии Куйбышевым) неотступно следил за боевой деятельностью Василия Ивановича.

Получив назначение, Чапаев выехал в селение Александров Гай принимать группу. Радостный шагал он по центральной улице селения в окружении ординарцев и порученцев. Бойцы теснились к нему— сколько времени не видели!

Много рассказывать Чапаеву о житье-бытье в академии не пришлось. Дела захватили его без остатка.

В избе раздавался богатырский храп командиров. А Чапаев все вышагивал циркулем по карте при свете коптилки. Надо было торопиться — в начале марта группа переходила в наступление… Фрунзе поставил перед ней задачу: овладеть станицей Сломихинской и наступать дальше, на Лбищенск, угрожая с тыла белоказакам.

10 марта бригада с боем взяла Сломихинскую. Казачья армия начала быстро откатываться на восток.

Но тут наступление на белоказаков пришлось приостановить. Над республикой нависла новая, более грозная опасность — начался поход Колчака. Один за другим падали советские города: Уфа, Воткинск, Ижевск, Стерлитамак, Бугуруслан… Колчак рвался к Волге. И не только к ней. На вагонах колчаковских поездов, мчавшихся на запад, уже значилась конечная цель: «Уфа — Москва».

Чапаева и Фурманова вызвал к себе в штаб, в Самару, Фрунзе, теперь уже командующий Южной группой армий Восточного фронта.

Путь из Сломихинской в Самару — 400 без малого верст — по тем временам был долгий. Ехали четыре дня, по большей части молча: не привыкли еще друг к другу, присматривались, примерялись один к другому — сойдутся ли? Знакомы были всего две недели. В первом бою, под Сломихинской, Фурманов себя еще никак не показал, больше того, по собственному признанию, набрался страху. Проявить себя, зарекомендовать храбрецом ему доведется позже. Вот тогда и полюбит Чапаев своего комиссара, полюбит так, что расставаться будет горько. А пока что кто его сразу поймет, нового комиссара?..

От Фрунзе возвращались с новыми назначениями: Чапаев становился командиром 25-й стрелковой дивизии, Фурманов — ее политкомиссаром.

Вскоре воссозданная 25-я дивизия, в которую вошла Александро-Гайская группа, была переброшена в район Бузулука и Бугуруслана. Здесь по плану Фрунзе создавалась ударная группа войск, которой предстояло нанести удар во фланг и тыл армии колчаковского генерала Ханжина. Со всех сторон

стягивались сюда силы, день и ночь шли эшелоны — с войсками, оружием, боеприпасами, продовольствием…

В конце апреля войска под командованием Фрунзе перешли в решительное наступление.

Продвигаться было тяжело. Стояла весенняя распутица — разбухли дороги, поля вспенивались мутными потоками. В жирной грязи вязли повозки, орудия, красноармейские сапоги. Лошади выбивались из сил.

В упорных боях к северу от Бузулука чапаевцы разбивают 11-ю дивизию 6-го корпуса Колчака, а в районе Бугуруслана — части 3-го корпуса белых и прорывают фронт, вклиниваясь на 80 километров в глубину.

Против чапаевцев бросают корпус генерала Войцеховского и Ижевскую бригаду, считавшуюся лучшей в колчаковской армии. 9, 10 и 11 мая под Бугульмой происходят встречные бои. Отразив контрнаступление корпуса Войцеховского, Чапаев целиком уничтожил Ижевскую бригаду, разгромил Оренбургскую казачью бригаду и части 4-й дивизии белых. В плен попадает свыше полутора тысяч солдат и офицеров противника.

Во время боев в расположение 25-й дивизии прибыли Фрунзе и Куйбышев. Они благодарили бойцов за подвиги.

Из района Бугульмы дивизия поворачивает на Белебей. Здесь чапаевцы разбивают части корпуса генерала Каппеля — красу и гордость колчаковской армии — и 17 мая вместе с другими частями Красной Армии освобождают Белебей. Белые в панике отступают к Уфе, взорвав железнодорожный мост через реку Белую.

Основная тяжесть в боях за Уфу ложится на 25-ю дивизию.

За два дня до начала наступления в расположение 25-й дивизии снова приехал Фрунзе. Собрали совещание командиров дивизии. Вместе с ними Фрунзе разработал детальный план операции.

В ночь на 8 июня у селения Красный Яр, в 25 верстах от Уфы, началась переправа частей дивизии. Первым грузился на два захваченных у противника пароходика Иваново-Вознесенский полк. Переправа прошла удачно. С рассвета по вражеским окопам ударили красные батареи. Колчаковцы не выдержали, побежали. Иванововознесенцы погнали их. Стали переправляться остальные полки.

В это время колчаковцы, подтянув крупные резервы, навалились с севера на 25-ю. На стороне врагов — большой численный перевес. Под их ударами красноармейцы не раз откатывались к самой реке, но продолжали стойко сражаться.

Во время всего боя Фрунзе и Чапаев находились на берегу. У

переправы Фрунзе был контужен, а Чапаев ранен в голову.

На утро следующего дня назначалось генеральное наступление. А поздним вечером к комбригу Кутякову привели перебежчика — рабочего с уфимского завода. Он сообщил, что 9-го поутру готовится внезапная атака отборных белогвардейских частей.

Всю ночь командиры не спали. Ранним утром, едва докурились в ложбинках последние туманы, огромное поле высокой ржи зачернело от движущихся цепей. Стройно, колоннами, как на параде, в черных, английского пошива мундирах, с орденами на груди шли каппелевцы. Шли тихо, в полном безмолвии. Эту атаку впоследствии назовут «психической». По команде забили десятки чапаевских пулеметов, и каппелевцы захлебнулись под их кинжальным огнем. Вскоре все поле было усеяно трупами врагов.

В тот же день Уфа была взята. Остатки колчаковской армии поспешно отступали за Уральский хребет.

За уфимскую операцию Реввоенсовет Республики 14 июня 1919 года наградил В. И. Чапаева орденом Красного Знамени. Одновременно все девять чапаевских полков были награждены Революционными Красными знаменами ВЦИК. Однако самого ордена ему так и не пришлось носить — не дожил.

После взятия Уфы 25-ю дивизию вновь направляют на южноуральский участок фронта. Ей дано задание: не позже 12 июля снять осаду с окруженного казаками города Уральска. В бою у Большой Черниговки чапаевцы наносят поражение 2-му конному корпусу генерала Савельева, а в районе Соболева другим частям противника. Враг откатывается на юг. За день до назначенного срока прославленная 25-я дивизия вступает в Уральск, выдержавший 2,5-месячную блокаду. Встреча с защитниками города была трогательной. Улицы пестрели полотнищами: «Да здравствуют освободители-чапаевцы!» Оркестры играли марши. Нескончаемые крики «ура» сопровождали проходившие полки.

Вскоре 25-я пошла на Лбищенск, где находился штаб белоказачьей армии. Поход был тяжелым. Кругом простиралась безводная Усихинская степь. На десятки верст — ни одного колодца. А те немногие, что попадались, дышали смрадом: озверевшее казачье завалило их трупами лошадей. Жажда валила бойцов с ног. Скудные резервы воды берегли для пулеметов. Начали падать лошади.

Несмотря на трудности похода, 9 августа чапаевцы с боем взяли Лбищенск. За ним пала станица Сахарная.

Для Василия Ивановича поход был тяжелым вдвойне: вскоре

после взятия Лбищенска его любимого комиссара Дмитрия Фурманова отозвали в штаб фронта. Остро переживал разлуку со своим политкомом Чапаев. Всего каких-нибудь пять месяцев были знакомы, а как привязались друг к другу! Немногие удостаивались такой дружбы Чапаева. Под воздействием Фурманова, а также других политработников (особенно начальника политотдела дивизии Суворова) Василий Иванович быстро рос политически и духовно: меньше стало у него досадных срывов. Благодаря своему авторитету и находчивости комиссару не раз удавалось разряжать приступы внезапного гнева начдива.

Да, многое умел вовремя и без нажима делать Дмитрий Фурманов. Жаль, ох, как жаль, что нет теперь его! С новым комиссаром дивизии — спокойным, немногословным ивановвознесенцем Павлом Батуриным Василий Иванович еще не успел сдружиться…

Чем дальше в глубь уральских степей, тем трудней был путь Чапаевской дивизии. Согласно приказам штаба 4-й армии бригады 25-й дивизии были разбросаны на расстоянии 100–200 верст друг от друга. Накануне гибели Чапаева штаб дивизии оказался оторванным от своих основных сил и находился в Лбищенске с дивизионной школой в составе 600 человек.

О сложившейся обстановке Василий Иванович пытался доложить Фрунзе, вызвав его по прямому проводу. По поручению Фрунзе с Чапаевым стал разговаривать Куйбышев. Василий Иванович старался говорить спокойно, но не всегда мог сдержать волнение: его неоднократные обращения в штаб 4-й армии с просьбой свести дивизию воедино оказывались безрезультатными. Как опытный командир, Чапаев понимал, что разрыв его бригад может кончиться неизбежной гибелью дивизии. И об этом он сообщал Куйбышеву. Если дивизия до сих пор не потерпела поражения, говорил Василий Иванович, то только из-за нерасторопности врага. «Раньше, — заканчивал свое сообщение Чапаев, — я ждал катастрофы со дня на день, теперь я жду ее с часа на час».

Выслушав Василия Ивановича, Куйбышев сказал:

— Товарищ Чапаев, ваш доклад очень ценен. Я разберусь в нем, и [мы] сделаем соответствующие выводы.

Между тем трагическая развязка приближалась.

4 сентября Чапаев вместе с комиссаром дивизии Батуриным вынужден был выехать в станицу Сахарную в расположение 1-й бригады (входившей в состав 50-й стрелковой дивизии), приданной на время Чапаеву. Там произошел острый конфликт. Бойцы бригады не были поставлены своевременно па довольствие

и, не получая в течение трех дней хлеба, «забузили». Чапаев собрал митинг и отдал распоряжение двум другим бригадам поделиться хлебом с бойцами. Конфликт был улажен.

Вернувшись в Лбищенск в половине первого ночи, Чапаев и Батурин поспешили на телеграф, чтобы сообщить об инциденте. Но связь была прервана. Опасения начдива сбывались.

Тотчас же Чапаев и Батурин отдают приказ о боевой тревоге: всем собраться на Соборной площади — единственном возможном проходе в Лбищенск (с трех других сторон селение прикрывали от врага воды Урала, подступавшие к крутому берегу).

Боевая тревога была своевременной. В половине второго на Лбищенск напали большие силы белых численностью до 5 тысяч человек. Завязался неравный бой, который продолжался до пяти часов утра.

Чапаев, истекая кровью, почти теряя сознание, продолжал руководить обороной на Соборной площади. Он ранен в голову, в руку, в живот. Батурин распорядился переправить Чапаева через реку Урал, а сам взял на себя руководство обороной.

Бой идет без всякой надежды на помощь. Все меньше сил у красных бойцов. В разгар боя военкому Батурину и начштаба Новикову удалось отбить у врага пулемет. Они тут же пустили его в дело. Вот уже вторая лента выпущена по казакам, начата третья… И тут пулемет смолк — перекосило патрон. Успеть бы исправить! Но казаки совсем рядом. Еще секунда — и гибнет под казацкими шашками отважный комиссар.

Все меньше становится чапаевцев, все слабее их сопротивление. Уже убит начальник политотдела дивизии Суворов. Замертво падает начальник дивизионной школы Чеков. Не желая сдаваться в плен, пускает последнюю пулю себе в висок Козлов, начальник снабжения бригады.

Бой идет четвертый час. Начинает светать. Был однажды с Чапаевым случай, когда, воспользовавшись рассветом, его артиллеристы расстреляли прямой наводкой напавших ночью казаков. Теперь они поменялись положением. Теперь рассвет на руку врагу. Казаки уже засуетились у молчавших пушек. Выкатывают их и прямой наводкой открывают огонь.

К пяти часам утра все было кончено.

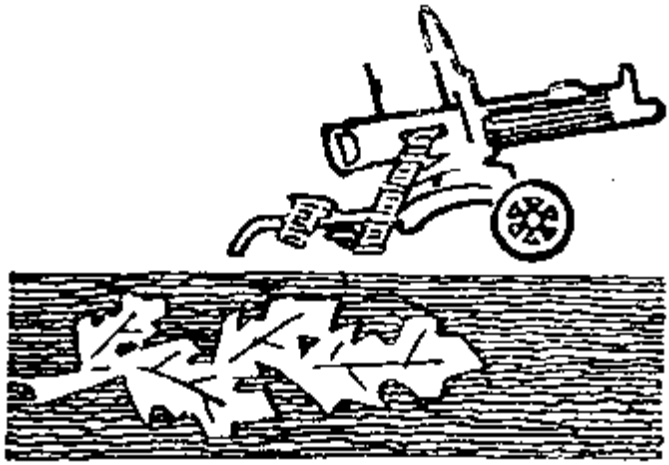
Уцелевшие бойцы поодиночке стали пробиваться к реке — единственному спасению. Чапаева несли на руках. Холодные воды Урала привели Василия Ивановича в чувство, и он решил плыть без посторонней помощи. И тут разыгрался трагический финал, хорошо известный по роману Дм. Фурманова и одноименному кинофильму. Василий Иванович, раненный в руку,

боролся с течением своенравного Урала. Вражеская пуля настигла его на середине реки. Несколько взмахов рукой — и не стало прославленного начдива.

Но долго еще в народе ходили легенды, что не погиб Чапаев, что доплыл до другого берега и опять стал бить беляков. Не хотели люди мириться со смертью Чапая.

Н. ОСИПОВ

ПАВЕЛ ПАВЛОВ



Генерал долго сидел в кресле, похрустывая пальцами. Потом решительно потянулся к золоченому письменному прибору. Тонкое перо вывело первые строки прошения на «высочайшее имя». Не раз «высочайшая рука» жаловала его ценными подарками. Да и наместник Кавказа Воронцов-Дашков благоволил к генералу «для особых поручений».

И вот — прошение… До весны 1914 года генерал не собирался оставлять милую его сердцу должность, надеялся, что все как-нибудь обойдется, но теперь…

Подумав с минуту, он бисерным почерком изложил причину прошения о досрочной отставке: «по расстроенным домашним обстоятельствам».

Об истинной причине он не хотел да и не мог писать. Но она ни для кого не была тайной. Его сослуживцы знали, что генерал вынужден идти в отставку из-за революционной деятельности сына.

Непреодолимая стена противоположных взглядов навсегда разделила их. Расхождения начались с давних пор. Еще не высказанные, зрели они день ото дня, становились осознаннее, яснее… С раннего детства Павел видел чудовищную несправедливость мира, который его окружал. Особняк, сверкающий достатком, и жалкие лачуги бедняков. Чинные обеды с денщиком за спиной и голодная чумазая детвора, лишенная куска хлеба…

Все говорило: так не должно быть, с этим нельзя мириться!

В октябре 1905 года Николай II, напуганный размахом

революционного движения, «даровал» народам России конституцию. «Куцей» была эта вынужденная уступка.

И все-таки она была «первой ласточкой» грядущих побед над монархией.

В честь этого события в Тифлисе состоялась демонстрация. В ее колоннах шел трудовой народ и студенчество, передовая интеллигенция и немногочисленная группа воспитанников кадетского корпуса.

Когда демонстранты подошли к Дворцовой площади, появились войска. Сначала никто не придал этому значения. Появление войск показалось неожиданным, и только. Даже отрывистые слова команды не открыли глаза на то, что здесь затевается.

Прозвучал первый выстрел. Послышались возмущенные крики. Кто-то уверял, что это недоразумение. Кто-то просил прекратить стрельбу.

Ответом был залповый огонь.

Упали первые раненые и убитые. Тротуар окрасился кровью. Поднялась паника. Беззащитные люди метались по площади, а выстрелы все гремели и гремели.

Зрелище гнусной расправы с мирной демонстрацией потрясло двух подростков — однокашников по кадетскому корпусу. Один из них был Павел Павлов.

В 1909 году, окончив кадетский корпус, Павел поступил в Петербургский политехнический институт.

Напрасно отец надеялся, что в столице новые впечатления помогут сыну избавиться от «юношеских увлечений». Убеждения Павла окрепли, он ясно видел свою цель.

Институт имел славные революционные традиции. Их создала плеяда революционеров, учившихся в нем: М. В. Фрунзе, Н. А. Скрыпник и целый ряд других, В институте существовала подпольная группа социал-демократов. Павлов сразу же включился в ее работу.

Партийная организация поручила ему провести студенческую забастовку. Энергичный и деятельный, Павлов хорошо выполнил задание. За первой забастовкой последовала вторая, третья…

В Петербурге стало известно о зверском обращении с политзаключенными в казематах Зерентульской тюрьмы. Павел организовал забастовку протеста. Забастовка приобрела широкий размах. Была вызвана полиция. Ее появление не смутило организатора забастовки. Он призвал молодежь не уступать требованиям властей…

За организацию забастовки и сопротивление полиции в декабре 1910 года восемнадцатилетний революционер Павел

Павлов был присужден к двухмесячному тюремному заключению.

Едва успев выйти на свободу, Павлов опять с головой ушел в подпольную работу.

Он — представитель студенчества в подпольном Красном Кресте. На его ответственности — сбор средств для оказания помощи политзаключенным и ссыльным. Он успевал еще писать и распространять листовки. Но и этим не ограничилась его деятельность: он регулярно выступал на собраниях студенческой молодежи.

Энергия Павлова была безгранична. К каждому партийному поручению он относился с той страстностью, которая никого не могла оставить равнодушным.

Студент политехнического института становится все более заметной фигурой в революционном движении молодежи. Это не ускользнуло от внимания шпиков. Департамент полиции взял его под свое наблюдение.

Забастовочное движение в Петербурге к лету 1914 года достигло необычайных размеров. В нем участвовало около 200 тысяч человек.

Правительство искало наиболее верный способ подавить революционное движение. В первую очередь было решено разгромить боевую ленинскую газету «Трудовая правда» (под таким названием выходила тогда «Правда»).

8 июля 1914 года полиция произвела налет на редакцию газеты. Помещение было разгромлено. Архив и тираж газеты конфискован. 40 человек арестовано. В том числе и студент Павлов. К этому времени он уже включился в работу пролетарской газеты, стал ее постоянным «хроникером».

После двухмесячного заключения большая часть арестованных была выслана из Петербурга. Павлова исключили из института, а в конце сентября призвали в армию.

Один за другим подходили призывники к столу, за которым сидел хмурый офицер. Он не смотрел на подходивших. Его интересовали только документы.

Фамилия: Павлов.

Год, месяц рождения: 1892-й, март.

Образование…

Нет, не то, что у призывника незаконченное высшее образование, заставило офицера взглянуть на него. Из документов было видно, что перед ним сын генерал-лейтенанта в отставке…

Павлов был направлен в привилегированное Павловское юнкерское училище. Пробыл он там всего несколько дней. Получив от жандармского управления сведения о политической

неблагонадежности Павлова, начальник училища тотчас его исключил.

В ходе войны царская армия несла большие потери в офицерском составе. В октябре Павлова снова направили учиться. На этот раз в Ораниенбаумскую школу прапорщиков.

Через три месяца Павлов был выпущен в чине прапорщика и направлен на Юго-Западный фронт в лейб-гвардии Волынский полк.

Молодой офицер сразу завоевал симпатии солдат. Сначала во взводе, а потом и в роте он стал своим человеком.

Мягкий и отзывчивый в часы затишья, молодой офицер был храбр и решителен в бою. За отличие в сражениях на полях Галиции Павлов награжден боевыми орденами: Анны 4-й и 3-й степени, Станислава 3-й и 2-й степени.

Дошли до солдат сведения и о том, что Павлов сидел в тюрьме «за народную правду». Это окончательно расположило их к молодому офицеру. Рядовые роты относились к Павлову с любовью и уважением.

Павлов был уже несколько раз ранен, правда сравнительно легко. Но в одном из последних боев в Галиции осколок разрывной ружейной гранаты поразил голову, шею, плечи. В довершение всего — тяжелая контузия.

Под ураганным огнем ползком добрались солдаты к раненому. Положив на шинель, вытащили с поля боя и доставили в госпиталь.

Удалив последний осколок, застрявший около сонной артерии, видавший виды врач облегченно вздохнул.

— Удачно отделались, молодой человек. Теперь, хоть в заплатах, но будете жить!

В феврале 1917 года пала монархия. Началась демократизация армии. Павлова избрали в полковой комитет.

Офицеры, которых страшила его популярность, делали все возможное, чтобы помешать этому. Никакие ухищрения не помогли. Солдаты не представляли себе работу комитета без участия Павлова. Его популярность неуклонно росла. Вместе с ней рос и масштаб его общественной деятельности.

Штабс-капитана Павлова последовательно избирают членом солдатских комитетов 3-й гвардейской дивизии, 2-го гвардейского корпуса, 7-й армии и, наконец, Юго-Западного фронта.

Свершилась Великая Октябрьская революция. В ноябре 1917 года состав солдатских комитетов был переизбран. Но в солдатском комитете Волынского полка по-прежнему оказался Павлов.

Худощавый, высокий, с какой-то особенной собранностью, которая делала его еще стройнее, стоял он в окружении солдат полка. То и дело повторялась одна и та же фраза:

— Поздравляем… товарищ Павлов.

И каждый раз он улыбался, голубые глаза смотрели мягко и радостно. Товарищ! Первое звание, которое дала ему Советская республика.

Контрреволюция была разбита, но не сдалась. Враги ждали удобного случая, чтобы нанести удар молодой советской власти.

Не отказалась от борьбы и националистически настроенная украинская буржуазия. Не рассчитывая на свои силы, она обратилась за помощью к кайзеровской Германии. Весной 1918 года на Украину вторглись германские войска. Власть оккупанты передали царскому генералу, крупному украинскому помещику Скоропадскому. Он стал «гетманом» Украины.

Большевики ушли в подполье. В тяжких условиях преследований и кровавых расправ коммунисты вели непримиримую борьбу с захватчиками и их украинскими наймитами.

Павлов остался в Киеве. Прекрасно владея украинским языком, он по заданию подпольной партийной организации формировал повстанческие отряды, вел активную пропагандистскую работу. Свою подпольную деятельность Павлов маскировал чтением легальных лекций на культурно-просветительные темы.

Павлов был прекрасным оратором. Как бы долго ни говорил он, внимание и интерес слушателей не ослабевали. Тема лекций была вполне безобидная.

Например, «Задачи демократии на Украине». Но в словах оратора содержалась такая бичующая оценка положения, в котором очутилась Украина, что сам собой напрашивался единственно возможный вывод: так дальше продолжаться не может, надо бороться с теми, кто довел родную землю до такого отчаянного состояния. По существу, это были не лекции, а страстные пропагандистские выступления.

Долгое время деятельность молодого лектора оставалась вне поля зрения гетманской охранки.

Наконец шпики обратили внимание на настроение слушателей после «невинных» лекций. Павлову пришлось скрываться. Особенно усложнились условия конспирации после объявления гетманом мобилизации всех мужчин от 18 до 35 лет и в первую очередь бывших офицеров.

Весной 1918 года для подпольщиков даже появление на улице было связано с риском. Но партийная организация и в этих

условиях продолжала свою деятельность.

После очередного собрания подпольного кружка Павлов вышел на улицу вместе с одной из участниц подполья.

Город был погружен во тьму. Ни одного огонька не видно в домах. Где-то прозвучало несколько выстрелов, и снова тишина. За месяцы оккупации подпольщики привыкли быть постоянно настороже. Шли, вглядываясь в ночную тьму, прислушиваясь к каждому звуку.

Опять выстрел прогремел где-то совсем неподалеку.

И сразу, словно из-под земли, показались три мужские фигуры.

— Ваши документы!

Павлов шагнул навстречу гетманскому патрулю, стараясь отвлечь внимание на себя. Начальник патруля повторил свое требование. Павлов с нарочитой медлительностью стал искать «документы». Он их искал то в одном кармане, то в другом. Потом спохватился, что они не там, и снова принялся за поиски.

Прием оправдал себя. Патрульные занялись «подозрительной личностью», а в это время спутница Павлова успела скрыться. Когда по расчетам Павлова она была уже вне опасности, фальшивый документ, наконец, «нашелся»… Он не вызвал подозрений у начальника патруля. Профессия — адвокат. Основание для освобождения от воинской службы — инвалидность. Все в порядке.

Офицер уже собирался было вернуть его Павлову и вдруг обратил внимание на выправку задержанного. Она не соответствовала ни профессии, ни состоянию его здоровья.

— Марш за мной в комендатуру! Там разберутся! — скомандовал он.

Точным ударом Павлов сбил с ног патрульного, стоявшего рядом, и стремительно перемахнул через невысокий забор. Лавируя между деревьями, выбежал к противоположной стороне сада. Снова перескочил через забор и оказался на другой улице.

За спиной раздавались свистки, ругань, выстрелы.

Павлов все яснее слышал топот по плитам тротуара. Вот-вот преследователи настигнут его, а вокруг глухие стены домов с запертыми подъездами.

Вдруг с балкона второго этажа раздался чей-то голос:

— Скорее сюда! Скорее!

Это была спутница Павла. Случайно он оказался возле ее дома.

К балкону примыкала фигурная ограда. Через минуту Павлов уже стоял на ней. Потом схватился за балюстраду балкона, подтянулся. Маленькая, но сильная рука помогла ему.

— Останетесь до утра у нас. Я предупрежу отца.

Из-за тяжелой шторы балконной двери Павлов следил за гетманским патрулем. На секунду задержавшись около дома, патрульные ринулись дальше. Скоро стук тяжелых сапог затих вдалеке.

Эта тревожная ночь положила начало дружбе Павлова с участницей киевского подполья Идой Амханицкой, которая вскоре стала его женой.

…Павлова схватили во время выступления в казармах гайдамацкого полка. Он призывал солдат к восстанию против гетмана. Как большевик — «агент Ленина» — Павлов был заключен в знаменитую в Киеве Лукьяновскую тюрьму.

Тщетно искал Павлов хоть какую-нибудь возможность побега. Надежны каменные стены каземата. На окнах решетки. В коридоре надзиратели и часовые с винтовками в руках. И вдруг среди тюремной стражи мелькнуло знакомое лицо. Ошибся? Нет. Кузьмичев — унтер-офицер роты, которой когда-то командовал Павлов в Волынском полку.

Узнал и Кузьмичев своего бывшего командира.

Некоторое время при встрече они только посматривали друг на друга и молчали. Наконец, выбрав удобный момент, Кузьмичев подошел к Павлову.

— Можете на меня рассчитывать, Павел Андреевич. Если согласны бежать — помогу!

Предложение застало врасплох. Охватили сомнения: можно ли довериться, почему Кузьмичев пошел служить в тюрьму; что, если это провокация?.. Нет, не может быть. Павлов направил Кузьмичева к своей жене.

— Пусть она посоветуется с кем нужно.

Подпольная организация одобрила план побега.

Кузьмичев действовал осторожно и смело.

В ночь с субботы на воскресенье, когда начальства в тюрьме не было, он споил надзирателей корпуса, в котором находилась камера Павлова.

Вместе с Павловым они связали и обезоружили часового. Затем оба (Павлов успел переодеться в форму часового) выбрались за ограду тюрьмы. Благополучно миновав заставы, они скрылись в лесах Киевщины. Здесь их ждал организованный раньше Павловым повстанческий отряд.

Суровая дисциплина, правильная расстановка сил помогли превратить отряд, в котором было много необстрелянных партизан, в грозную боевую единицу. Бывшие фронтовики делились с новичками своими опытом и военными знаниями. В короткий срок отряд приобрел качества, присущие регулярной

«обстрелянной» воинской части.

С ранней юности Павлов встал на путь революционной борьбы. Каждый шаг его жизни был служением революции. По существу, еще не вступив в партию, Павлов был коммунистом. В январе 1919 года он оформил свою принадлежность к Коммунистической партии официально.

В феврале Киев радостно встречал регулярные советские войска. В них влились партизанские отряды, в том числе отряд Павлова.

Через несколько дней после взятия Киева Центральный Комитет Коммунистической партии Украины возложил на Павлова руководство борьбой с контрреволюцией и бандитизмом в Киевской губернии. Коммунист Павлов назначен киевским губернским комиссаром, а затем командующим Киевским боевым участком. Должности разные — задача одна: уничтожение врагов на «внутреннем фронте».

В Киевской губернии действовали контрреволюционные банды. Они грабили и поджигали советские учреждения, убивали советских работников.

Бандиты представляли двойную опасность: для борьбы с ними приходилось отвлекать части Красной Армии с основных фронтов. Умелое маневрирование, тактическое мастерство позволяли Павлову громить не только мелкие, но и многочисленные хорошо вооруженные банды.

Павлов, ведя неутомимую борьбу с бандитами, восстанавливал органы советской власти, формировал красные отряды.

В середине марта 1919 года вспыхнуло восстание в Белой Церкви. Город захватили бандиты. Разведка установила, что к городу из уезда прорывается банда Гончара, насчитывавшая около 5 тысяч человек. В их распоряжении 8 орудий и 18 пулеметов. Несмотря на неравенство сил, Белая Церковь была освобождена, а затем разбита и банда Гончара.

Но этим не ограничился Павлов. Он внимательно изучил причины вспыхнувшего восстания, сделал все, чтобы исправить допущенные местными работниками ошибки.

Вслед за бандой Гончара были разбиты банды Орловского, Зеленого, Мазуренко и целого ряда атаманов, действовавших на Киевщине.

Летом 1919 года Киев снова оказался под ударом белых. Враги революции, притаившиеся до времени, стали действовать активнее.

Павлову сообщили, что в 15-м кавалерийском полку зреет

заговор. Командный состав — в основном бывшие офицеры — намеревался при подходе белой армии к Киеву перейти на ее сторону и увлечь за собой полк. Необходимо было срочно изолировать изменников от основной массы полка. Арест решили произвести не в расположении части, а в штабе Павлова. Заговорщиков вызвали на срочное совещание.

В назначенное время они прибыли и расположились в зале заседаний. Все шло, как было задумано. Но взвод красноармейцев китайцев, который должен был арестовать изменников, где-то задержался. Против группы изменников оказались только двое: Павлов и его порученец М. А. Чельцов.

Почти с детских лет были знакомы они. Вместе подростками мечтали о революции, о новом мире. Теперь вместе его защищали.

Время шло, а взвод все не появлялся. Уговорив Павлова ни в коем случае не выходить из кабинета, Чельцов пошел звонить по телефону, чтобы выяснить причину задержки красноармейцев. Узнав, что вызванное подразделение с минуты на минуту должно прибыть, Чельцов, успокоенный, направился в. зал заседаний. Поднимаясь по лестнице, он услышал крики:

— Такие, как ты, большевикам Россию продали!

— Хватит, откомандовался!

Чельцов стремглав бросился вверх по лестнице. Рванул дверь зала заседаний…

Павлов стоял у стены, держа руки за спиной. Со всех сторон к нему подступали заговорщики.

Неожиданно Павлов скомандовал:

— Положить оружие!

В его поднятых руках были гранаты-«лимонки».

Чельцов с выхваченным револьвером в руках замер у входа.

В ту же секунду прозвучал второй приказ:

— Немедленно выполнить приказ командующего!

В зал из противоположной двери вошел взвод красноармейцев.

Павлов устало опустился на стул и, словно извиняясь перед своим порученцем за нарушенное обещание, мягко произнес:

— Понимаешь, боялся, что они удерут, поэтому и вышел…

«За мужество и энергию в беспрерывной борьбе с контрреволюцией и бандитизмом» Павел Андреевич Павлов 25 июля 1919 года одним из первых на Украине был награжден орденом Красного Знамени.

Осень 1919 года была одним из самых тяжелых периодов гражданской войны. «Все на борьбу с Деникиным!» — вот лозунг, который определял жизнь молодой республики в эти дни.

В сентябре Пленум ЦК РКП (б) утвердил для организации отпора Добровольческой армии ряд срочных мер. Одной из них было создание на Южном фронте Ударной группы, в которую входили Латышская дивизия, бригада червонных казаков и отдельная стрелковая бригада Павлова. Она должна была вырвать инициативу из рук врага и уничтожить его группировку, прорывающуюся к Орлу. Командующим группой назначили начальника Латышской дивизии.

Бригада Павлова состояла из Киевского, Пластунского и Сводного полков общей численностью 1683 штыка и кавалерийского дивизиона в 120 сабель.

При переброске на Южный фронт в ядро бригады, состоявшее из бойцов, проверенных в сражениях, влилось пополнение из бывших дезертиров и мобилизованных перебежчиков. Они нуждались в серьезной политической и воспитательной работе, но политотдел еще только предстояло сформировать. В этой сложной обстановке бригаде сразу после выгрузки из эшелона пришлось вступить в тяжелые бои.

Уничтожая живую силу белогвардейцев, бригада несла большие потери. Они резке увеличивались из-за отсутствия врачебного персонала. В штабе бригады был только один врач. В полках врачей совсем не было.

Большие жертвы, нестойкое пополнение — все это не замедлило сказаться на ходе одного из боев.

Днем 25 октября белые начали наступление на левый фланг Пластунского полка и на правый — Киевского. Располагая численным и техническим превосходством, противник вынудил батальоны, находившиеся на стыке этих полков, отойти.

С отходом фланговых батальонов возникла угроза прорыва белогвардейцев в тыл и удара во фланг другим частям Ударной группы…

Узнав о случившемся, Павлов вскочил на коня и поскакал на передовые позиции. Он вклинился в самую гущу отступавших.

— Стой! Ни шагу назад! Трусы и паникеры будут расстреляны на месте!

Из-за грома выстрелов многие не слышали слов комбрига. Но неколебимая воля, которой дышало каждое движение Павлова, яснее слов напомнила о воинском долге.

Большинство красноармейцев остановилось. Среди лавины отступавших оказалось немало бойцов из пополнения. Охваченные страхом, они были готовы на все. Один из них взмахнул винтовкой, собираясь прикладом ударить командира.

Павлов вскинул маузер. Прогремел выстрел.

Это отрезвило остальных. Отступление прекратилось. Тем

временем белые успели подойти уже настолько близко, что готовились начать штыковую атаку. Сорвать их планы — вот чего теперь надо было добиться!

Павлов бросился к пулемету. Развернул его на противника. Едва успел вставить ленту, подбежал пулеметчик.

— Товарищ комбриг, я сам…

— Ложись к соседнему!

По врагу ударили два пулемета. За ними «заговорили» остальные. Пример командира вернул бойцам волю к борьбе. Огонь еще несколько минут назад отступавших батальонов становился все ожесточенней. Белогвардейцы уже не думали о штыковой атаке. Они залегли, спасаясь от огня красных. Наступила переломная минута боя. Ее нельзя потерять.

Павлов поднялся во весь рост.

— Коммунисты, за мной!

Не оглядываясь, двинулся он на врага. Шаг — группа бойцов поднялась вслед за комбригом. Второй — растет число смельчаков. Третий батальоны пошли в атаку. Гремит дружное: «Ура-а-а!»

На следующий день Павлов докладывал о ходе сражения. Слова точны. Сообщения скупы.

— Части Пластунского и Киевского полков перешли в наступление и заставили противника отступить.

Вот и все. О себе ни слова.

Труден был путь бригады. Велики жертвы. К ноябрю в ней осталось только 680 штыков и 90 сабель. И все-таки она неуклонно продвигалась вперед. Ей удалось изрядно потрепать лучшие офицерские части корниловской и марковской дивизий белых.

Героические действия бригады Павлова позволили Ударной группе выполнить задачу, стоявшую перед ней. Орловский прорыв стал началом перелома в пользу Красной Армии по всему фронту.

За храбрость, проявленную в Орловско-Кромской операции, Павлов был награжден командованием от имени ВЦИК золотыми часами.

Ударная группа была расформирована. На базе бригады, Павлова организована 3-я бригада Эстонской дивизии.

В январе 1920 года части 13-й армии, в. которую входила Эстонская дивизия, преследуя разбитую Добровольческую армию, вышли на побережье Азовского моря. Впереди были подступы к Крымскому полуострову.

На Перекопском перешейке, в районе Карта — Казан — междуозерное пространство, противник создал укрепленную позицию.

Для удара в этом направлении командование армии сформировало Перекопскую группу войск.

Части, входившие в состав группы, обескровленные в предыдущих боях, были очень малочисленны. В полках 3-й бригады, которой командовал Павлов, насчитывалось не более 110 штыков в каждом.

Положение усложнялось болезнью командующего группы. Он переносил на ногах сыпной тиф и все-таки взял на себя руководство предстоящей операцией. 8 марта 1920 года после короткой артиллерийской подготовки советские войска пошли в наступление. Местный успех был достигнут, но в целом задачу не выполнили. Несмотря на то, что донесения командиров ясной картины расположения сил не давали, командующий группой приказал произвести перегруппировку частей и продолжить наступление. В тот же вечер болезнь окончательно свалила его.

Приняв командование, Павлов тотчас выехал на боевые участки. На месте ознакомился с обстановкой. Выслушал донесение разведок…

Сопоставив все данные, Павлов вынужден был отменить приказ о наступлении. Пока междуозерное пространство занято белыми, войска группы все время находились под угрозой удара врага с тыла.

Павлов приказал командиру 1-й Эстонской бригады очистить междуозерное пространство, одновременно обороняя проход между соленым озером Красное и Сивашем.

Комбриг не смог выполнить приказ. Из-за его неумелых действий операция была сорвана. Павлов немедленно снял не справившегося со своими обязанностями комбрига и назначил другого. Действовать приходилось стремительно, решать тут же, сейчас, немедленно.

Утром 9 марта противник перебросил в направлении деревни Юшунь крупные резервы и перешел в контратаку. Красным частям удалось отразить натиск превосходящих сил врага.

10 марта белые перешли в наступление по всему фронту. Их самолеты произвели массированный налет на советские войска, находящиеся в районе деревни Юшунь. Командирам многих подразделений аэропланы казались неуязвимыми. Залечь, укрыться — вот все, что, по их мнению, требовалось от бойцов при появлении вражеских самолетов.

Павлов немедленно собрал командиров.

— Почему бездействуете? Не пережидать надо налет — бороться с авиацией противника.

— Как, товарищ командующий?

— Организованным ружейным огнем. Дружным! Залповым!

Не давать снизиться! Держать самолеты врага на высоте, исключающей удачное бомбометание!

Командующий не ограничился советом. Он тут же поднял группу бойцов на борьбу с самолетами. Высокий, в ладно пригнанной простой солдатской форме, он стоял среди красноармейцев с винтовкой в руках.

Убедившись, что «урок» усвоен, Павлов поспешил в соседнее подразделение, где белая конница грозила прорвать рубежи обороны. Он все время был на самых опасных участках.

Решая десятки неотложных вопросов, командующий зорко следил за ходом боя в целом. Бойцы сражались яростно, держались стойко, но белые вводили в бой все новые силы.

Павлов вернулся на командный пункт. Еще раз пересмотрел данные разведок и отбросил в сторону, ход боя опровергал все сведения. Конница Морозова оценивалась в 600 сабель, а на самом деле их было по крайней мере вдвое больше. Силы белых в целом катастрофически недооценены. Данные о численности резервов вообще не были собраны. Не налажена точная и действенная связь между красными частями. Неподготовленность операции поставила советские части в исключительно трудное положение.

В белогвардейском штабе знали о численности советских войск и все-таки не чувствовали себя уверенно. Враги остро восприняли сообщение разведки о смене руководства красными полками.

Вот как оценил нового командующего советских войск один из виднейших белогвардейских генералов Я. Слащев:

«…Павлов, герой орловского прорыва, бывший офицер лейб-гвардии Волынского полка… Талантлив, очень энергичен, умеет действовать на массы и лично храбр, всегда впереди. Если к этому добавить прежние победы Павлова, то становится ясным, что предстоит тяжелая борьба».

Слащев не ошибся. Правда, под давлением превосходящих сил противника красные части были вынуждены оставить деревню Юшунь, но основной замысел белым не пришлось осуществить. Хотели поймать Перекопскую группу в ловушку — не удалось. Намеревались уничтожить советские части — не вышло. Несмотря на то, что белые располагали вчетверо большими силами, Павлов, умело маневрируя, сумел создать стойкий заслон на пути врага.

И все-таки до последней минуты положение оставалось напряженным. Командующий это видел лучше других, но ничем не выдавал своей тревоги. Нашлись скептики, которых удивляло спокойствие Павлова.

— Положение безнадежно, — говорили они. — В полках осталось только по пятьдесят-шестьдесят штыков. Нам не вырваться.

— А мы все-таки попытаемся, — возражал Павлов.

Он приказал ввести в строй бойцов из вспомогательных команд.

Ведя напряженные бои, Перекопская группа под командованием Павлова вырвалась из ловушки и отошла в район Перво-Константиновка — хутор Спендиаровка.

17 марта Павел Андреевич докладывал командующему 13-й армией:

— Полагая, что враг захочет воспользоваться своим успехом, позволю высказать мнение, что только наличие в районе Херсон — Борислав свежих резервов, готовых ударить во фланг врагу, может создать успех, исправить допущенную ошибку.

В записке, адресованной 15 марта 1920 года к заместителю председателя Реввоенсовета Республики Э. М. Склянскому, Владимир Ильич писал:

«Нужно постановление РВС:

обратить сугубое внимание на явно допущенную ошибку с Крымом (вовремя не двинули достаточных сил)…»

Летом 1920 года из Крыма ударил барон Врангель.

Грозная опасность вынудила Коммунистическую партию снять с учебы несколько тысяч курсантов и сформировать из них сводную дивизию. Начальником и военным комиссаром ее назначен Павлов.

Формирование шло в исключительно сжатые сроки. Две неотложные задачи стояли перед Павловым: сцементировать подразделения, превратить дивизию в слаженное воинское соединение и провести большую работу с командным составом, в основном подобранным из преподавателей курсов, бывших офицеров царской армии. Они честно служили советской власти, но специфика гражданской войны была им незнакома.

Глубокое знание личного состава — одна из основ умения Павлова руководить массами — не раз помогало ему добыть успех в бою.

Павлов знакомился с курсантами и командирами на марше. В условиях форсированных переходов люди раскрывались быстро. В холод и грязь шла дивизия, не останавливаясь подчас на ночлег. У многих курсантов не было зимнего обмундирования. У некоторых даже сапог. Но упрямо шагали «ленинские юнкера».

Они брали пример со своего командира. Он делил с ними все тяготы переходов. Мерз под холодными ветрами, месил грязь размытых дождями дорог Таврии, голодал, как и все:

продовольствия было в обрез.

Но обычная жизнерадостность не покидала его. Когда силы курсантов таяли, свинцом наливались натруженные ноги, ободряющая улыбка начдива, его веселая шутка помогали стряхнуть усталость.

Марш сводной дивизии был для нее хорошей школой. Курсантские части стали организованными, монолитными и маневренными.

Соседние части, удивляясь стремительности переходов сводной дивизии, шутливо называли ее «Третьей конной армией»..

Усилия Павлова не пропали даром. В короткий срок дивизия превратилась в мощный ударный кулак.

10 ноября 1920 года командующий Южным фронтом М. В. Фрунзе телеграфировал главкому: «…Если 6-й армии не удастся овладеть Юшуньской позицией — подкрепим ее Сводной дивизией курсантов…»

К этому прибегать не пришлось. Через три дня Красная Армия прорвала крымские укрепления, а 16 ноября взяла Керчь. Борьба с «черным бароном» закончилась.

Сводной дивизии не пришлось непосредственно участвовать в боях, но ее присутствие позволило остальным частям Южного фронта свободно маневрировать.

Наступила передышка. Павлов использовал ее для усиленной учебы курсантов и командиров. Занятия проводились ежедневно. Павлов лично присутствовал на каждом занятии. Сам составлял задачи по тактике.

…Недолгим было военное затишье. Вновь Махно изменил советской власти и выступил против Красной Армии.

Сводная дивизия под командованием Павлова немедленно включилась в борьбу с махновскими бандами. Павлов не только руководил боями, но и проводил огромную политическую работу. Она велась и среди личного состава дивизии и среди населения сел и деревень. Слова правды открывали людям глаза на истинное лицо махновщины, спекулирующей лозунгом свободы и распространяющей слухи о гибели республики. Большое внимание уделял Павлов восстановлению органов советской власти и созданию комитетов незаможных селян в районах, освобожденных от махновщины. День, когда в город или село возвращалась народная власть, был для него праздником.

Курсанты дрались с подлинным воодушевлением. Под колонией Межерич только один курсантский полк выдержал атаку пятитысячного махновского отряда. Сотни махновцев попали в плен. Еще больше их осталось на поле боя.

Под ударами сводной дивизии и других частей Красной Армии силы Махно таяли. Район за районом уходили из-под его влияния. Но все еще оставались места, где цепко держались махновцы.

Главным гнездом махновщины был Гуляй-Польский уезд Екатеринославской губернии. Даже воинским частям менее батальона появляться здесь было рискованно.

Член Реввоенсовета 4-й армии Шкляр писал Павлову, что задача по очищению занятого бандитами района будет возложена исключительно на сводную дивизию курсантов. Он просил Павлова иметь в виду, что «Реввоенсовет армии в этом отношении надеется исключительно на него».

Сводная дивизия выбила махновцев из насиженных мест, и население вздохнуло свободно. В районе, занятом дивизией, в полной безопасности были и одиночные красноармейцы и советские работники. Задача была выполнена.

Курсанты вернулись к учебе. Павлова назначили начальником и комиссаром Московского управления. военно-учебными заведениями.

Антоновщина — кулацко-эсеровский мятеж, вспыхнувший в 1920 году в Тамбовской губернии. Эсер Антонов, руководивший им, возглавлял кулацкие банды еще в 1918–1919 годах. К 1921 году антоновцы, пользуясь тяжелым положением в стране, стали действовать активнее. Бандиты убивали советских работников, жгли советские учреждения. Антонов обладал значительными силами. Две армии, созданные им, насчитывали до 50 тысяч человек.

Покончить с антоновскими бандами стало острой необходимостью. Общее командование войсками было поручено М. Н. Тухачевскому. Командирами войсковых соединений и отдельных частей были назначены И. П. Уборевич, И. Ф. Федько, Г. И. Котовский, П. А. Павлов и другие выдающиеся полководцы гражданской войны.

…До отъезда оставались считанные дни. Павлов сумел за это время сформировать штаб лагерного сбора. Это должно было облегчить работу по прибытии на место.

Курсантские части Московского и Орловского округов сосредоточились в Тамбове. Под руководством Павлова штаб лагерного сбора разрабатывал планы предстоящих операций, изучал районы будущих боев, тактику бандитских отрядов.

Одновременно велась большая разъяснительная работа среди населения. Надо было донести до самых отдаленных селений постановление ВЦИК об отмене Продразверстки и замене ее

продналогом, сообщить о мерах Коммунистической партии и Советского правительства, направленных на улучшение положения крестьянства. Только сочетание широкой агитационной работы с боевыми действиями могло принести успех в борьбе с антоновщиной.

Павлов добивался ясного понимания этой сложной задачи от каждого командира и каждого курсанта.

Серьезная пропагандистская работа помогла обманутым крестьянам увидеть, где их настоящие друзья. Значительная часть середняков стала отходить от мятежа, но антоновцы все еще располагали значительными силами.

Учитывая сложность и масштаб предстоящих операций, полевые занятия пришлось прервать. Курсантские части должны были полностью переключаться на ликвидацию бандитизма.

Одной из основных баз антоновцев был район Калугино — Трескино — Каравайня. Через этот участок проходили главные маршруты движения банд. К концу мая курсанты с боями заняли этот район. Все связи с источниками пополнения бандитов были перерезаны. В последующие дни курсанты вытеснили главные силы мятежников на юг.

Борьба с антоновцами становилась все более острой. Лагерный сбор курсантов был переименован в 6-й боевой участок. Курсантам предстояли бои с главными силами бандитов, отброшенных на юг.

Уходя от преследования, они скрылись в Чернавских и Пущинских лесах…

Борьба предстояла трудная. Здесь нужно было и мужество и физическая выносливость. Павлов сформировал из отборных частей курсантов Особую группу. Она должна была осуществить план окончательного разгрома антоновцев.

Бригада Котовского, находившаяся в оперативном подчинении у Павлова, получила задание: выбить бандитов из окрестных сел и деревень, заставить уйти в Пущинский лес. Курсантские части плотным кольцом охватили лес, заперли все выходы из него.

На рассвете загрохотали орудия. Начался артиллерийский обстрел леса. Он велся методически, по площадям. Едва отгремел последний выстрел, на штурм вышли части Особой группы.

Единый массированный удар был рассчитан на полное уничтожение бандитов. К тому же такой способ борьбы должен был сократить число неизбежных жертв. Это было всегдашней заботой Павлова.

Большинство антоновцев в полках, скрывавшихся в лесу, одето в «форму» — кожаные тужурки и красные фуражки. Еще

недавно они чувствовали себя хозяевами губернии. Теперь они прятались, разбившись на мелкие группы, стараясь прорваться дальше на юг. Для этого им надо было переправиться на другой берег Вороны. Они стремились к реке и попадали под огонь курсантских частей.

Ни одному бандиту не удалось переправиться на другую сторону реки. Плыли по реке, кружились в заводях сотни красных фуражек…

После ожесточенного сопротивления были уничтожены и банды, укрепившиеся на озере Лебяжьем. Здесь в числе убитых оказался и кое-кто из антоновских главарей.

Тихо стало в лесу. Но обманчивой была эта тишина…

У озера Змеиного начиналось болото. На 15 верст в окружности раскинулись его топкие хляби. На этом болоте нашла себе убежище банда антоновцев. Среди них был и сам Антонов и его ближайшие сподвижники.

Снова Павлов часами изучал местность, бродил по топким берегам болота, поросшим сочной травой, всматривался в качавшееся на ветру зеленое море камышей…

— Начать артиллерийский обстрел!

Снаряды рвутся в болоте, поднимая фонтаны воды и рваную пелену мхов. Обстрел ведется с реки, с двух сторон опоясавшей болото. На реку спущены плавучие огневые точки: на лодке или плоту несколько пулеметов.

Затих артиллерийский огонь.

Отборные подразделения красных коммунаров курских и рязанских курсов, спешенный эскадрон борисоглебцев двинулись на болото. Под прицельным ружейным и пулеметным обстрелом, по пояс в воде, сутками без горячей пищи, искусанные комарами, вели курсанты штурм последнего убежища врага.

Продвинуться на шаг стоило огромного напряжения. За шесть дней прошли всего лишь двенадцать верст.

Наконец на территории 6-го боеучастка бандиты были полностью ликвидированы.

Освободив район от врагов советской власти, курсанты стали помогать крестьянам налаживать мирную жизнь.

Военный Совет Республики так оценил деятельность курсантов по ликвидации антоновщины:

«Курсантский лагерный сбор, коему был вверен 6-й боеучасток Тамбовской губернии, блестяще справился со своей задачей, превратив местность, захваченную бандитами, в опорный очаг Советской власти. РВСР благодарит курсантов Тамбовского лагерного сбора, их комиссаров и командиров и начальника лагерного сбора тов. Павла Андреевича Павлова за

проявленную ими доблесть и самоотверженность».

Огненный вал революции прокатился по всей стране, открывая пути в новый мир. Обрели свободу и народы бывшего Туркестана. Но завоеваниям Бухарской народной республики угрожали басмачи и иностранные авантюристы. Они стали серьезной опасностью. Справиться с ними собственными силами бухарское правительство не могло. По его просьбе Советское правительство ранней весной 1922 года поручило главкому сформировать Бухарскую группу войск. Командующим группой был назначен Какурин, его помощником Павлов.

Борьба предстояла серьезная. Противник располагал значительными силами, прекрасно использовал местные условия.

В Восточной Бухаре действовал приспешник эмира бухарского Ибрагим-Бек. В Западной — свирепствовала банда муллы Абду-Кагара. Кроме крупных банд, которые насчитывали тысячи человек, действовали и мелкие группы бандитов численностью от нескольких десятков до нескольких сот человек.

Общее руководство басмаческим движением взял на себя бывший военный министр Турции, друг Вильгельма II — Энвер-паша. Этот авантюрист именовал себя «главнокомандующим всеми вооруженными силами ислама».

Для одновременного удара против басмачей, действовавших в Восточной и Западной Бухаре, численность советских войск была недостаточна.

Решено было сначала разгромить банду муллы Абду-Кагара. Осуществление этой операции было поручено Павлову. Отряд, который он возглавил, в несколько раз уступал по численности банде муллы. Числу Павлов противопоставил четкую организованность, стремительность атак и несокрушимую отвагу красных бойцов.

Марш-бросками отряд продвигался к противнику. Шли, почти не останавливаясь.

Среди скал течет Вахш. Каменисты его берега. Стремительно течение реки, холодны воды: ледники питают ее. Нелегкое дело переправиться на ту сторону. Время не ждет, а бойцы невольно остановились на берегу, не решаясь войти в студеную воду.

Тогда Павлов первым ринулся в бурный поток.

Опираясь грудью на бурдюк, начал медленно продвигаться к середине реки. Непривычна переправа. Бурдюк верткий, скользкий — одно неосторожное движение, и тогда плохо дело: закружит течение, разобьет о камни.

Но Павлов уверенно продвигался к противоположному берегу. За ним ринулись в воду остальные. Так уверенно и

спокойно действовал командир, что ни у кого не оставалось сомнений в успехе переправы.

И никто не знал, что это спокойствие давалось Павлову нелегко: он не умел плавать.

Отряд двинулся к городу Нур-Ата. Здесь находилась основная база муллы Кагара.

Внезапным ударом отряд Павлова выбил его из насиженного гнезда. Остатки банды муллы рассеялись в песках пустыни Кызылкум. В середине июня, выполняя директиву главкома С. С. Каменева, начали ликвидацию основных сил Энвера-паши. План операции был разработан Какуриным и Павловым.

Наступление должно было вестись двумя колоннами. Левой колонне предстояло разбить главные силы басмачей и отбросить на фронт правой колонны. Правой — уничтожить остатки басмаческих банд и закрыть пути общения Энвера с Афганистаном.

15 июня левая колонна в бою под кишлаком Кофрюн разбила отряд басмачей численностью около 2 500 сабель. Это поражение подорвало политический авторитет Энвера-паши и сыграло большую роль в дальнейшем ходе кампании.

К этому времени командующий группой Какурин, уже длительное время болевший, передал командование Павлову.

Незыблемая логика стратегических планов командующего, умение угадать и предупредить намерения противника полной мерой проявились в операциях против басмачей. При любом маневрировании бандиты неизменно оказывались под сокрушительными ударами советских войск.

Борьбу приходилось вести в трудных и непривычных для бойцов условиях. Днем мучила жара. Температура поднималась до 50–60 градусов. Но, едва солнце скрывалось за горизонтом, становилось холодно. Плохо было и с продовольствием. Подчас единственной едой были еще не созревшие фрукты. Появились случаи дизентерии. Злейшим врагом стала малярия, косившая людей.

Уставшие от каждодневных переходов, ослабевшие от постоянного недоедания, больные, бойцы продолжали теснить бандитов.

Не удалось басмачам ускользнуть от решающего удара. Тактика совместного действия колонн не дала им скрыться. 4 августа у кишлака Об-дор отряд турецкого авантюриста был разбит. Бесславно погиб и сам Энвер-паша. Его скосила пулеметная очередь.

Основным противником в Восточной Бухаре остался Ибрагим-Бек. Но басмаческое движение стало терять свой политический

характер, все откровеннее скатываясь на путь прямого бандитизма и грабежа.

Еженедельно в крупных кишлаках проводились большие базары. Сюда съезжались дехкане из окрестных селений, а иногда и из дальних мест.

Вот эти-то базары и сделались объектом нападения басмачей.

Павлов прекрасно разбирался в специфике местных условий. Он понимал, что безопасность торговли означает устойчивость советской власти. Значит, это был важный политический вопрос. Перед войсками было поставлено непременное условие — обеспечить безопасность торговли.

Внимательно анализируя тактику басмачей, Павлов обратил внимание на небрежное несение ими сторожевого охранения в ночное время. Несколько случаев подтверждали это, да и данные разведок говорили о том же. Если так, надо использовать эту слабость. Павлов отдает приказ: в возможно больших размерах производить ночные атаки.

Результаты подтвердили правильность решения. Одна за другой были уничтожены несколько басмаческих баз.

Ни на минуту не упуская из поля зрения действия своих частей, Павлов вскоре заметил, что начальники колонн в погоне за успехами, вне учета их значения, стали мельчить оправдавший себя оперативный план.

Немедленно последовал новый приказ командующего: прекратить систему мелких атак! Войска снова вернулись к массированным ударам.

Последняя опора Ибрагим-Бека была в Локае. К осени 1922 года сопротивление и в этом районе было сломлено. В Локае была установлена советская власть.

Сам Ибрагим-Бек с несколькими десятками джигитов скрылся. Продолжал уклоняться от встреч с советскими войсками и Абду-Кагар с тремя сотнями бандитов. Вот все, что осталось от банд басмачей, которые еще весной насчитывали не менее 40 тысяч человек.

За разгром врага третий курултай Бухарской Народной Советской Республики наградил Павла Андреевича Павлова орденом Золотой Бухарской Звезды I степени.

В конце октября 1922 года Павлова вызвали в Москву на учебу в Высшие академические курсы. Одновременно его назначили начальником и комиссаром высшей стрелково-тактической школы «Выстрел».

Это было признанием разностороннего боевого опыта, широких военных знаний и постоянной требовательности к себе.

В январе 1923 года Реввоенсовет Республики, отмечая

неоднократные боевые отличия Павлова, наградил его вторым орденом Красного Знамени.

Павлов с увлечением передавал свой обширный боевой опыт будущим командирам. Не переставал учиться и сам. Но вскоре снова потребовался его боевой опыт и талант полководца.

В начале 1923 года басмаческое движение в Бухаре опять стало возрастать. Оставшиеся мелкие банды окрепли и снова сделались опасны. Партия вновь направила в Бухарскую республику Павлова. Его назначили командиром и комиссаром 13-го стрелкового корпуса. Комиссар и командир! С января 1920 года Павлов совмещал две эти должности — партийную и военную. В этом совмещении и высочайшее доверие партии и существо самого Павлова.

Павлов энергично взялся за организацию борьбы с басмачами. Теперь они уже не располагали прежними силами. Не пользовались влиянием и среди населения. Басмаческие банды состояли в основном из уголовного элемента. Но вред, который они приносили, был значителен. Их деятельность нарушала нормальную жизнь республики. То там, то здесь проливалась кровь.

Были созданы истребительные отряды по борьбе с басмачами — «по Б/Б», как их сокращенно называли. У каждого отряда — свой участок, за который он отвечал. Когда на его территории появлялась банда басмачей, отряд преследовал ее до границ следующего участка. Если басмачам удавалось ускользнуть и от второго отряда, их ждала достойная встреча в третьем… Эта тактика оправдала себя. Падали загнанные кони. Без них басмачи уже не могли уйти. Один за другим все отряды были уничтожены.

Осенью 1923 года за разгром врагов бухарского народа Павлов был награжден серебряной шашкой с орденом военного отличия БНСР первой степени на эфесе. Трудящиеся Бухарской республики избрали Павла Андреевича членом Центрального Бухарского Исполнительного Комитета.

Штаб корпуса размещался в Кагане. Политкомкор-13 занимал маленький одноэтажный домик недалеко от станции. Домик был неказистый. Водопровода не было. За водой приходилось ходить к колодцу.

Павлов жил не один. Было кому сходить за водой. Товарищи, не договариваясь, решили избавить его от этой обязанности. Ничего не вышло.

— Вода всем нужна — все по очереди и будем носить, — категорически заявил Павлов.

Павел Андреевич в быту был простым, мягким и сердечным человеком. К нему обращались бойцы со своими бедами и

заботами, приходили посоветоваться, как к старшему товарищу.

Трепетно и серьезно относился Павлов к своим партийным обязанностям. Даже незначительное пар-тайное поручение выполнял с неукоснительной точностью. Звание коммуниста, все, что было связано для него с именем Ленина, Павлов берег как самое дорогое и светлое.

Он только что вернулся из очередной поездки на участки, когда к нему вошел секретарь партийной организации.

Комкор приветливо улыбнулся, пожимая ему руку.

Секретарь объяснил, что пришел, чтобы получить партийные взносы.

Павлов сразу посерьезнел.

— Вы ко всем приходите на дом?

— Нет… Но вы так заняты… Я думал…

— Напрасно. Я такой же член партии, как и любой боец. У меня такие же обязанности, как и у него. Перед партией все равны. И незачем нам вельмож растить.

Утром следующего дня Павлов сам пришел к секретарю, чтобы уплатить партийные взносы.

Павлова редко можно было застать на месте. Лично бывая на участках Восточной и Западной Бухары, он день за днем настойчиво руководил искоренением банд.

В середине апреля 1924 года политкомкор-13 получил новое ответственное задание. Его преемником стал И. Федько.

Дехкане в знак уважения и признательности устроили Павлову теплые и сердечные проводы. Бойцы выбрали его почетным красноармейцем.

Талантливый полководец, прошедший через огонь двух войн — империалистической и гражданской, — беззаветно храбрый, спартански скромный и высокообразованный человек, знавший пять языков, Павлов был назначен партией посланцем к братскому китайскому народу.

В Москве Павлова принял М. В. Фрунзе.

— Желаю удачи, — сказал на прощанье Фрунзе. — В случае необходимости обещаю всяческое содействие.

Прибыв в Китай, Павлов прежде всего тщательно изучил внутреннее и военно-политическое положение на юге страны. Непосредственно в условиях фронтовой обстановки ознакомился с состоянием армии.

Только составив точное мнение об окружающей обстановке и состоянии вооруженных сил национальной революции, Павлов явился к ее вождю — доктору Сунь Ят-сену.

Выводы Павлова были крайне тревожны. Стратегическая петля вокруг Кантона стягивалась все туже. Не позднее чем через

полгода, а то и раньше падение Кантона неизбежно, если не произвести решительные перемены в состоянии вооруженных сил и системе обороны.

Меры были необходимы решительные и срочные. Павел Андреевич работал не покладая рук. Его сотрудники сначала поражались энергии голубоглазого «русского генерала», а потом невольно заразились ею.

Павлов разработал комплекс мероприятий по реорганизации армии и обороны провинции Гуандун, помог создать Совет Обороны. В июле 1924 года состоялось его первое заседание под председательством Сунь Ят-сена. Военный советник — таково было официальное звание Павлова — доложил о разработанных им мероприятиях для сохранения Кантона, как базы дальнейшего развития национальной революции в Китае. Совет Обороны одобрил и принял все предложения Павлова.

Через три дня он уже выехал на Восточный фронт и немедля приступил к осуществлению своих предложений…

Трагическая случайность оборвала кипучую деятельность Павлова. 18 июля Павлов погиб в реке Синьцзян при переходе с катера на пароход.

23 июля Кантон прощался с русским генералом Павловым. С раннего утра предпарламентскую площадь заполнили воинские части и делегации от многих десятков общественных организаций. Присутствовали здесь и члены ЦК Гоминдана и Кантонское правительство во главе с доктором Сунь Ят-сеном.

Звуки траурного марша понеслись над площадью. Воинские части взяли «на караул». Но вот замолк оркестр. Воцарилась полная тишина.

На высоком помосте стоял гроб с телом Павла Андреевича Павлова. В изголовье его портрет.

Вождь китайской национальной революции трижды склонился перед ним. Трижды склонилась в поклоне вся площадь. Это было традиционное выражение скорби и уважения к погибшему. В глубокой тишине площадь слушала надгробное слово Сунь Ят-сена.

— Небо создает таланты для служения человечеству. Генерал Павлов — храбрый, благородный, был таким талантом и героем многочисленных сражений. Он пришел, чтобы помочь Китаю как солдат и ученый. Он стал излагать свои планы, обнаружившие его дарование. Какая трагедия, что он погиб в то время, когда все ждали, что он доведет до конца свою исключительную работу! Наша печаль так же велика, как обширен мир вод, в которых он утонул. Да будет его героический дух вдохновителем для нас и грядущих поколений.

Бесконечной лентой двигалась траурная процессия по улицам Кантона. В ней участвовало около 10 тысяч человек. Над процессией реяли знамена с надписями: «Он умер, помогая нам», «Он был крупным генералом революции», «Память о генерале Павлове в сердцах восточных народов неизгладима…»

В адрес Председателя Совета Народных Комиссаров СССР Сунь Ят-сен направил телеграмму:

«Глубоко горюю о потере генерала Павлова, который является первой жертвой России ради Китая в его борьбе за свободу. Этот храбрый сын нашей соседки Республики недаром отдал свою жизнь. Он этим теснее связал отношения между Россией и Китаем, усиливая еще больше решение Гоминдана достичь победоносного конца в борьбе за дело национального самоопределения.

Сунь Ят-сен».

Кантонское правительство объявило саблю Павлова высшей военной наградой за особые заслуги. Его имя было присвоено эскадрилье самолетов.

Павлов погиб. Но не погиб разработанный им план. Он послужил основой для деятельности других советских военных советников. Первым из них был В. К. Блюхер, а затем Н. В. Куйбышев. Они продолжили благородное дело, начатое Павловым.

…Прошло много дней, прежде чем урна с прахом героя прибыла на родину.

Уже шел декабрь. Деревья серебрились инеем, когда Москва прощалась с Павлом Андреевичем Павловым.

В торжественном молчании застыли бойцы Красной Армии, с которой навсегда связано имя Павлова. Военные, партийные и профсоюзные организации пришли проводить в последний путь верного сына партии и народа. В глубокой задумчивости стояли сотни людей, вместе с которыми прошел Павлов через тяжкие, но славные годы боев и атак.

Народный комиссар по военным и морским делам М. В. Фрунзе, прощаясь с Павловым, с глубоким чувством сказал:

— Сегодня мы отдаем последнюю честь одному из виднейших героев Красной Армии. Начиная с Украины и кончая далеким Туркестаном — везде под руководством товарища Павлова части одерживали и закрепляли победу. И, наконец, в далеком Китае, где сейчас развернулась грандиозная борьба против империализма… его имя тоже получило широкую известность.

С чувством великого сожаления мы провожаем товарища Павлова в могилу. Мы утешаем себя только тем, что память о товарище Павлове будет жить в одинаковой степени как среди

рабочих и крестьян СССР, так и среди трудящихся Китая. Этой жертвой еще более укрепляются узы СССР и Китая.

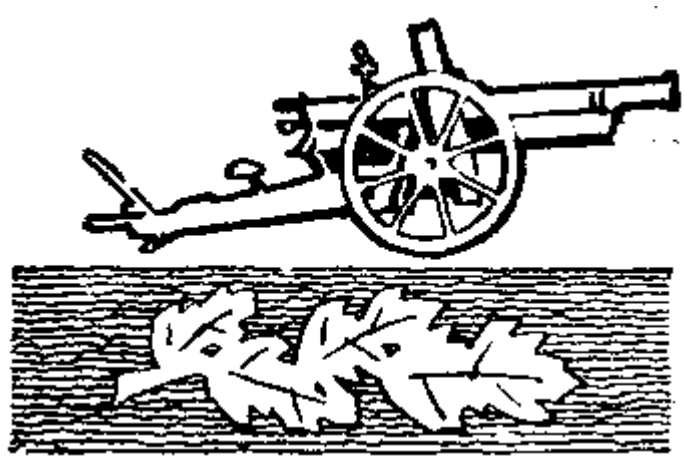
В Москве, на Ваганьковском кладбище стоит скромный гранитный обелиск. На камне высечено:

«Комкору-13 Павлу Андреевичу Павлову, погибшему в июле 1924 г. в борьбе за дело освобождения трудящихся.

Реввоенсовет СССР».

Д. БЫКОВ

ИВАН ФЕДЬКО



В один из весенних дней 1930 года командиров дивизий Кавказской Краснознаменной армии срочно вызвали в штаб.

Здесь им сообщили приказ вновь назначенного командующего: встретить его на вокзале, имея при себе полевое снаряжение…

Приказ удивил командиров и особенно одного из них — Ковалева. Он хорошо знал командующего: вместе воевали в годы гражданской войны.

Подошел поезд. Командующий вышел из вагона. Приветливо, по-товарищески поздоровался со всеми и сразу предложил садиться в машины. Снова командиры были озадачены. Конечно, ознакомиться с войсками и местностью необходимо. Но к чему спешка? Можно было сначала хотя бы заехать в штаб…

За чертой города командующий остановил автомобиль. Вышел и пригласил командиров следовать за ним.

И начался двухнедельный учебный сбор, для многих очень нелегкий.

Сначала группа решала задачи за отделение, взвод, роту, потом батальон, полк, дивизию. Рассказы о характере действий не допускались. Они должны были подтверждаться практически. Командирам приходилось штурмовать высоты, форсировать речки, совершать перебежки и переползания.

Занятия начинались ранним утром. В час дня — перерыв. Все располагались у машины командующего. С аппетитом поглощая бутерброды и запивая их лимонадом, продолжали обсуждать вопросы тактики и управления боем.

Командующий смотрел на часы — все поднимались. Занятия

продолжались до вечера.

На второй день учебного сбора кое-кто решил «прихворнуть». Командующий немедленно позаботился о враче, а вечером и сам нашел время зайти — был так внимателен, что «больному» оставалось только одно: с утра снова спешить на занятия.

Командующий покорил командиров своей простотой, энергией, знаниями.

Всех, у кого имелись вопросы по службе, он просил зайти перед отъездом в часть. Ковалева принял последним. Закончив дела, Ковалев собрался уходить. Командующий остановил его:

— Подожди, Михаил!

И потекла сердечная дружеская беседа.

Нет, не изменили Ивану Федько замечательные качества военачальника и человека, сложившиеся в пору боевой юности. Чистосердечным и мужественным, душевным и скромным остался он и в годы, когда его, прославленного полководца, кавалера четырех орденов Красного Знамени, знала вся страна.

Иван Федорович Федько родился в 1897 году в селе Хмелове на Полтавщине. Живописные, раздольные здесь места, но не в радость были они: трудно жилось крестьянской семье. Настолько трудно, что пришлось бросить родные края. Долгое время скитались с места на место, перенося постоянные лишения. Наконец кое-как устроились в Кишиневе.

В 1913 году Федько закончил с похвальной грамотой начальную школу и поступил в Кишиневское ремесленное училище, которое готовило столяров-краснодеревщиков.

Учился он хорошо. Любимыми предметами были математика и история. В свободное время много читал.

В 1915 году Федько с отличием закончил училище и был принят на Кишиневскую мебельную фабрику. Но работать пришлось недолго. Шел третий год империалистической войны. Молодого рабочего призвали в армию.

Службу Федько проходил в Ораниенбауме, в учебной пулеметной команде. Здесь он примкнул к революционно настроенным солдатам, стал постоянным участником бесед и споров о политике, о том, кому нужна война, кто такие большевики. Революционные настроения охватили всю роту. Перепуганное начальство решило принять срочные меры. Роту расформировали и отправили на Юго-Западный фронт.

Боевое крещение Федько получил при наступлении русских войск.

Иван Федько в первом же бою показал себя храбрым солдатом. Он без промедления поднимался в атаку, не терялся под огнем, действовал стремительно и точно. Когда в одном из

боев погиб командир отделения, вместо него назначили Федько.

В канун 1916 года его направили в киевскую школу прапорщиков. В феврале 1917 года он восторженно встретил весть о свержении самодержавия. Федько внимательно следил за бурно развивающимися политическими событиями, посещал солдатские и рабочие митинги, читал большевистские газеты.

Все, что Федько пришлось пережить и увидеть, убеждало его в необходимости борьбы с прогнившим строем несправедливости, где одни трудятся, а другие пользуются плодами этого труда.

После окончания школы прапорщиков Федько откомандировали в Крым, в город Феодосию для прохождения службы. Его назначили командиром взвода в украинский батальон 35-го пехотного запасного полка.

В Феодосии он установил связь с большевиками, и в июне 1917 года партийная организация приняла двадцатилетпего Ивана Федько в свои ряды.

Политическая работа среди солдат гарнизона была его первым партийным поручением. Тема первых бесед: политика партии большевиков, разъяснение приказа Петроградского Совета о демократизации армии.

К моменту Октябрьской социалистической революции ряды большевиков Крыма значительно выросли и окрепли.

Но и контрреволюция не бездействовала. В Бахчисарае съезд татарских националистов утвердил буржуазно-националистическое правительство — Директорию. В Крым поспешно стягивались части мусульманского корпуса.

В Симферополе съезд представителей различных контрреволюционных партий создал Совет народных представителей, который трудящиеся Крыма «перекрестили» в «Совет народных предателей». В результате соглашения Директории и Совета народных представителей организовался «Крымский штаб». Он стал формировать контрреволюционные части.

Одна из таких частей была создана и в Феодосии. Полицейскую службу в городе несли два эскадрона мусульманского корпуса.

23 ноября 1917 года в Симферополе собралась губернская партийная конференция. Она обсудила вопрос о подготовке вооруженного восстания и установления советской власти в Таврической губернии.

В декабре Феодосийский меньшевистско-эсеровский Совет созвал объединенное заседание, пригласив на него представителей различных профсоюзов и феодосийского гарнизона. Его представлял Иван Федько.

Первый вопрос — отношение к Учредительному собранию, в честь которого меньшевики хотели провести демонстрацию. Слово взял Федько.

— Не может буржуазия представлять интересы народа, — заявил он. — А именно буржуазия составляет большинство в Учредительном собрании. Никакой демонстрации в его честь проводить не нужно!

Меньшевики встретили его выступление шумом и криками, обвиняя большевиков в том, что они-де и власть незаконно захватили и демократию нарушили.

Федько ответил клеветникам резкой отповедью и покинул заседание. Вслед за ним ушли представители профсоюзов и солдаты.

Затея меньшевиков провалилась. Феодосийские большевики провели свою демонстрацию под лозунгом «Вся власть Советам!».

Началась подготовка к восстанию. Большевики были распределены по союзам и частям гарнизона. Федько проводил агитационно-политическую работу среди солдат украинцев.

2 января 1918 года…

С утра на улицах Феодосии необычно оживленно. Группами и поодиночке стекались люди к казармам 35-го полка. На просторном дворе уже негде яблоку упасть, а народ все подходил и подходил — рабочие, солдаты, молодежь. Звучали песни и музыка. Реяли в голубом небе знамена.

Общегородской митинг открыл прапорщик — большевик Иван Федько. Его горячая взволнованная речь захватила слушателей, а слова «Да здравствует социалистическая революция!» подхватили десятки голосов:

— Да здравствуют Советы!

— Да здравствует Ленин!

Но среди собравшихся оказались и враги. Меньшевики пытались сорвать митинг, а полковой адъютант, стараясь говорить возможно тише, уже вызывал по телефону эскадронцев. Свидетелем его разговора стал один из солдат полка.

На балконе, который служил трибуной, снова появился Федько. Он обратился к рабочим и солдатам с боевым призывом:

— К оружию, товарищи!

Восставшие овладели арсеналом. Отряд эскадронцев был встречен огнем.

Сразу после победы восстания Федько становится начальником большевистского штаба Красной гвардии. Он организует оборону города. Вскоре был переизбран Феодосийский Совет рабочих и солдатских депутатов. Теперь в его составе преобладали большевики. Ивана Федько избрали в

Совет и военревком.

С оружием в руках Федько боролся за установление советской власти — с оружием в руках встал на ее защиту.

Выполняя поручение партийной организации, он формировал красногвардейские отряды в Феодосии и Феодосийском уезде, занимался их боевой выучкой.

18 февраля 1918 года, нарушив условия перемирия, на территорию страны вторглась полумиллионная австро-германская армия. Коммунистическая партия обратилась к народу с призывом дать захватчикам сокрушительный отпор, защищать каждую позицию до последней капли крови.

Войска захватчиков шли по Украине, продвигаясь к югу.

Федько, избранный председателем военревкома, сформировал Особый отряд. Первый черноморский. Его отправили в Николаев, где матросы, рабочие и солдаты подняли восстание против немцев и гайдамаков, захвативших город.

Отряду Федько удалось выбить немцев с окраинных и слободских улиц, освободить порт и вокзал, соединиться с восставшими и значительно потеснить противника.

Но силы были неравные, а подкрепление из Александровска, на которое рассчитывал Федько, не подходило. Немцы успели стянуть к центру свежие силы и под прикрытием огня артиллерии и бомбометов перешли в атаку. Теперь повстанцам приходилось отбиваться от яростного натиска противника. Не раз Федько водил бойцов в контратаки, не раз сам брался за ручки «максима». У восставших были на исходе патроны и снаряды, немцы же вводили в бой все новые силы. На следующий день над городом появились немецкие самолеты. Они забрасывали бомбами позиции красногвардейцев…

Прикрывая рабочие отряды, феодосийцы стали отходить. Вред разобщенности в действиях революционных отрядов был очевиден. Несмотря на энтузиазм и стойкость бойцов, город оказался в руках немцев.

Овладев инициативой, захватчики переправились через Днепр и двинулись к Мелитополю и Перекопу.

После двухдневной обороны станции Акимовка отряд феодосийцев, переименованный к этому времени в 1-й Черноморский полк, занял позиции севернее Салькова. Для полка это были первые бои в полевой обстановке, но он с честью выдержал испытание. Немцы, встретив стойкое сопротивление, остановились. Только на третьи сутки Федько отвел полк к Сивашскому железнодорожному мосту.

Упорство, выдержка, решительность — все эти качества Федько в полной мере проявились в боях у Сиваша. Он был не

только командиром полка, но и его солдатом. Бойцы видели Федько на самых опасных участках боя. Авторитет молодого командира рос день ото дня.

Выполняя приказ Севастопольского военно-революционного штаба, Черноморский полк оборонял позиции на чонгарском направлении. Численность красногвардейских отрядов и батальонов, которыми располагал областной революционный комитет, составляла около 3 500 человек. Но и эти силы были распылены.

Ослабляла оборону Крыма и соглашательская политика меньшевиков и эсеров. Проникнув в ряд советских организаций, они всячески стремились приуменьшить опасность, нависшую над страной, предлагали послать делегацию к немцам, утверждали, что большевики воюют не с немцами, а с братьями украинцами — так они называли украинских буржуазных националистов.

В середине апреля 1918 года немцы и гайдамаки, прорвали оборону малочисленных и слабо вооруженных отрядов на Перекопе, заняли Армянск и двинулись на Юшунь…

Чтобы объединить отдельно действовавшие отряды, Севастопольский областной военно-революционный комитет образовал в восточной части Крыма Восточный фронт и главкомом фронта назначил Ивана Федько.

Уроки первого боя не забылись. Дисциплина, революционный порядок, единое командование — в этом Федько видел залог успеха.

И первый приказ главкома выразил его стремление объединить отряды, повысить их боеспособность.

«…Начальникам отрядов принять самые решительные меры к восстановлению порядка в отрядах. В отрядах должна быть полная революционная дисциплина, это залог нашего успеха.

Главком Восточного фронта Федько».

Захватчики продвигались в глубь полуострова. Чтобы выиграть время для эвакуации Симферополя и организации обороны Севастополя, необходимо было задержать немцев и гайдамаков у Джанкоя, крупного железнодорожного узла.

Эту ответственную задачу взял на себя Черноморский полк.

Уже несколько ночей Федько не смыкал глаз. Бессонной была и эта ночь, ночь на 20 апреля. В солдатской шинели и кубанке с красной звездой командир от батальона к батальону обходил расположение полка, проверяя готовность к атаке, беседуя с бойцами.

Легкая рассветная дымка легла над черноморской степью.

Начало боя возвестил грохот орудий. Со штыками наперевес

черноморцы пошли в атаку.

— Ура-а! Даешь Джанкой! — пронеслось над цепями.

Не выдержав натиска, немцы и гайдамаки дрогнули и отступили. Бойцы двинулись в штыковую атаку. Отдельные смельчаки уже ворвались на окраинные улицы. Но тут немцы стали обходить левый фланг. И Федько приказал полку отойти к Колаю. Надо было избежать прямых столкновений с противником, обладавшим преимуществом и в численности и в вооружении.

Федько, приведя полк в порядок, предпринял новую атаку. И опять отход и опять атака. Такая тактика позволяла полку вести борьбу с превосходящими силами противника.

Ускользая от обходов врага, Черноморский полк наносил ему болезненные удары, заставляя вводить в бой все новые силы.

От Колая к Сейтлеру, от Сейтлера к Грамматикову отходил полк, постоянно атакуя. Задача была выполнена: активными действиями полк оттянул на себя значительную часть немецко-гайдамацких войск, дав возможность Севастопольскому областному военно-революционному штабу задержать немцев у реки Альма.

Через Владиславовну полк отошел к Керчи и приступил к эвакуации. Пенилась и бурлила вода за бортом. Уплывала, таяла вдали полоса крымского берега.

В мае 1918 года Черноморский полк прибыл в Ейск. В горкоме партии Федько ознакомили с военно-политической обстановкой на Кубани. Она была сложной. В районе станиц Мечетинская — Кагальницкая — Егорлыкская разместилась Добровольческая армия Деникина. Здесь белогвардейцы набирались сил после неудачных боев и готовились к новому наступлению. Немецкий десант высадился в Тамани. Войска захватчиков подходили к Батайску.

Федько назначили командующим 3-й колонной революционных войск, в которую вошел и Черноморский полк.

Натиск захватчиков становился все ожесточенней, и все-таки Федько сумел, не ослабляя руководства войсками, организовать сбор продовольствия для городов и промышленных центров страны. Хлеб нужен республике, как оружие и боеприпасы. Без него не победить врага.

Один за другим от станций Крыловской отошли на север 10 эшелонов с продовольствием.

Отдохнув и вооружившись, деникинская армия, состоявшая на 80 процентов из офицеров, двинулась в свой второй поход на Кубань против войск Северного Кавказа. Первым ударом белогвардейцы намеревались захватить станцию Торговую и

перерезать железнодорожное сообщение на линии Тихорецкая — Царицын. Так возникло царицынское направление. Командующим советскими войсками на этом участке был назначен Федько.

Прибыв в середине июля с небольшим штабом и частью Черноморского полка на станицу Песчанокопскую, командующий в первую очередь организовал разведку.

Федько решил для этой цели использовать автоотряд. И сам возглавил его.

Пять машин «фиат» с установленными на них пулеметами двинулись к селу Лежанки. Отряд благополучно миновал первые хаты, спокойно проехал улицей, выехал на площадь… И тут загремели выстрелы. В дверях и окнах домов замелькали офицерские мундиры. Село оказалось занятым дроздовским полком. Появление отряда застало белогвардейцев врасплох. Но через минуту-другую они уже старались наверстать упущенное время. Дроздовцы выкатывали из дворов повозки, вытаскивали ящики, бочки и сооружали баррикады, закрывая автоотряду выходы из села. Из-за баррикад белые забрасывали машины ручными гранатами.

Погибли два пулеметчика. Кровавое пятно расплылось на гимнастерке командующего: пуля задела плечо. Положение обострялось с каждой минутой.

Машины рывком перешли на круговое движение по площади. Так белые не могли стрелять, рискуя попасть в своих же, а подойти ближе не давал огонь пулеметов. Но патроны уже на исходе. Скоро они кончатся, и тогда…

Дома плотным кольцом окружают площадь, по которой носятся машины. Все выходы из села перегорожены баррикадами.

Вдруг ворота одного из домов приоткрылись. Случайность? Вряд ли. Очевидно, хозяин дома решил помочь отряду.

Федько отдал приказ водителю. Не сбавляя скорости, машина устремилась к воротам. Удар буфера — и они открылись. Машина пересекла двор, подмяв изгородь, промчалась огородом и выехала в поле. Следом за головной машиной устремились остальные.

Белогвардейцы растерялись. На секунду замолчали винтовки и пулеметы. Потом загремели с новой силой. Но было уже поздно. Автоотряд успел выбраться на проселок и, оставляя за собой облачко пыли, мчался к штабу.

Выдержка Федько, его умение находить в трудный момент то единственное решение, которое может принести успех, спасло отряд от неминуемой гибели.

К линии железной дороги Тихорецкая — Царицын Деникин бросил отборные офицерские части. Отряды местной самообороны, которыми располагал Федько, противостоять им не

могли. Здесь нужны были регулярные части Красной Армии, и главнокомандующий К. И. Калнин направил сюда Тимашевский, Ейский, Ахтарский и Стародубский полки.

Сторожевые посты на подходе к станице Песчанокопской заметили приближающуюся колонну войск. Бойцы залегли. Раздались первые выстрелы.

— Не стрелять! Свои! — донеслось из темноты.

К станции подошел батальон Тимашевского полка. Это вызвало общее удивление.

— Как вы прошли через Песчанокопскую? — спросил Федько у Михаила Ковалева — командира тимашевцев.

— Маршевым порядком.

Федько не поверил.

— Как это могло быть? Там же белые.

— Станица занята отрядами самообороны, — возразил Ковалев.

— Белые там! Офицерские полки! — не соглашался Федько, задетый за живое: он сам участвовал в разведке, которая это установила. Но Ковалев настаивал на своем. Оставалось одно: еще раз произвести разведку и для верности захватить пленного. Через час в штаб ввели двух офицеров и юнкера.

Федько оказался прав. В станице действительно были белые. И все-таки отряду удалось пройти через нее. Значит, белые чувствуют себя в полной безопасности и не допускают мысли о возможности атаки со стороны красных. А если так — надо атаковать.

Расчет оказался верным. Когда цепи тимашевцев, а следом за ними и отряды самообороны атаковали станицу, спавшие мирным сном деникинцы выскочили из домов в одном белье и пустились в бегство. Километра три преследовали их тимашевцы.

Белые остановились, лишь получив подкрепление.

Станицы Песчанокопская, Белая Глина, Новопокровская стали местом кровопролитных боев.

Преимущество белых было явным. И все-таки им не удавалось добиться решающего перевеса. Вместе с красноармейцами, сражалось все население. По нескольку раз в день станицы переходили из рук в руки. Деникин, бросивший сначала против советских войск три дивизии, вынужден был ввести в бой всю армию. Всю огневую мощь бронепоездов и бронемашин. И все-таки советские части сдерживали натиск белогвардейцев.

Только глубокий обход белой конницей рубежа обороны заставил Федько отвести советские войска к Тихорецкой.

Необходимо было найти способ борьбы с маневренным противником. И такой способ нашелся: автоотряд. Ему это было

вполне под силу. Конечно, для этого он должен стать не только автоотрядом, но и отрядом броневым.

— Где же мы возьмем бронемашины? — спросили у Федько.

— У белых отобьем, — спокойно ответил он.

И отбили. Три бронемашины «остин» вошли в состав отряда. Правда, их еще надо было «подлатать», да и грузовики нуждались в ремонте. На помощь пришли рабочие железнодорожного депо станции Тихорецкая. Бронемашины и грузовики «фиат» с установленными на них пулеметами были готовы к боевым действиям. Случай не замедлил представиться.

Белая конница атаковала Тихорецкую. Белогвардейцы не сомневались в успехе. Внезапным ударом с тыла автоброневой отряд обрушил на них ураганный пулеметный огонь. Смешав боевые порядки, конница поспешно отступила.

За первым успехом броневого отряда последовал второй, третий…

Видя в отряде серьезную угрозу, белые стали охотиться за ним. Во время одной из атак прямым попаданием была разбита машина Федько. Он был ранен, но в госпитале долго не задержался. Еще не сняли с ног повязки, еще не всегда удавалось обходиться без костылей, а Федько уже опять руководил боями: не мог он в такое время выбыть из строя.

Обстановка на Северном Кавказе сложилась трудная. Белогвардейцам удалось захватить Тихорецкую, в их руках оказался центр Кубани — Екатеринодар, Причины их успеха были в слабой дисциплине красных войск и отсутствии единого плана боевых действий у главкома Сорокина.

Реввоенсовет сделал попытку вмешаться в действия главкома, но Сорокин воспринял это вмешательство как ущемление своей власти и решил расправиться с теми, кто стоял на его пути.

Он расстрелял в Пятигорске большую группу партийных работников.

Расстрел угрожал и Федько, но боевые товарищи вовремя предупредили его. Предательство Сорокина нанесло тяжелый удар советским войскам.

Совещание партийного актива, на котором присутствовал и Федько, постановило немедленно созвать чрезвычайный съезд Советов Северного Кавказа.

Съезд объявил Сорокина вне закона и назначил главкомом Федько.

Чтобы вернуть боеспособность войскам, в течение полугода не выходившим из боев и дезорганизованным сорокинским штабом, нужны были срочные меры.

Под руководством уполномоченного ЦК партии Г. К.

Орджоникидзе главком произвел реорганизацию войск. Наладил оперативное руководство. Пополнил командный состав. Во многих частях впервые появились комиссары. Войска Северного Кавказа образовали 11-ю армию. И эта армия, несмотря на крайне трудное положение, снова сражается и, ведя упорные бои, наносит противнику серьезные удары.

Но долго продержаться армия не могла. Сыпной тиф косил бойцов и командиров. В декабре, лишенная продовольствия и обмундирования, патронов и снарядов, отрезанная от Советской России, 11-я армия вынуждена была начать отход к Астрахани. Отступление советских частей прикрывал прославленный Ленинский полк, который носил это имя с согласия самого Владимира Ильича.

— На вас, товарищи, наша надежда, — сказал Федько, прибыв в расположение полка. — Надо любой ценой задержать врага. Не дать ему отрезать пути отступления армии.

Бойцы сражались самоотверженно. Особым упорством и изобретательностью отличились матросы. Однажды в сумерках они нарезали в роще длинных прутьев и укрепили на них бескозырки. Матросы передвигали их из стороны в сторону, привлекая внимание белогвардейцев. Они попались на эту удочку и открыли яростный огонь по «врагу». Когда белые израсходовали патроны, матросы поднялись в атаку и обратили противника в бегство. Только подкрепление, брошенное белыми в бой, не дало возможности занять станицу Наурскую.

Спас положение Иван Федько, прибывший на помощь полку с конницей Кочубея.

Героически держались ленинцы, прикрывая отход 11-й армии через Моздок — Кизляр к Астрахани.

Голодная, раздетая, шла армия по заснеженным просторам. Бураны заносили снегом ее колонны.

Единственное тепло — костры из сломанных повозок. Единственная пища — мясо лошадей. Каждый километр пути давался ценой невероятного напряжения. Тиф, цинга, оспа обрушились на ослабевших, измученных людей. С трудом тащились по степному безлюдью обозные повозки, заполненные больными.

Многое в эти тяжкие дни зависело от командиров. Стойкость и выдержка Федько были примером для бойцов. Как и в бою, он шел рядом с ними. Лицо обтянулось. Не то от степного ветра, не то от жара растрескались губы.

— Вам бы отдохнуть, вы больны, — беспокоился ординарец.

— Нет! — упрямо отвечал Федько.

Но от сыпняка не отговоришься. Слег Федько в небольшом

степном селе. Под присмотром ординарца его отвезли в госпиталь.

Трудно сказать, что больше помогло: природное здоровье или желание поскорее вернуться в строй, — только вскоре Федько снова был на ногах. Вышел из госпиталя и сразу явился к члену Реввоенсовета Каспийско-Кавказского фронта Сергею Мироновичу Кирову. Разговор, начавшийся с рассказа Федько о трудном переходе через калмыцкие степи, перешел на военно-политическую обстановку, которая сложилась на юге страны. К этому времени наступление белых на астраханском направлении закончилось. Деникин готовил новый удар, перебрасывая войска в Донбасс, в Крым.

В апреле 1919 года Федько вместе с группой командиров и комиссаров побывал в Москве. Оттуда он выехал в распоряжение ЦК КП(б) Украины и Наркомвоенмора Украины.

Федько назначили членом Реввоенсовета Крымской республики, заместителем наркомвоенмора и командующего Крымской армией Павла Ефимовича Дыбенко, в прошлом руководителя восстания балтийских моряков, знаменитого председателя Центробалта. Федько явился в штаб прямо с поезда и сразу же принялся за дела. Военно-политическая обстановка в Крыму была очень сложной. Белая армия захватила Керченский полуостров. Линия фронта проходила от Черной балки Феодосийского залива до деревни Ак-Монай у Арабатского залива, пересекая самую узкую часть полуострова. Сбросить белых в море советским частям мешали англо-французские корабли. Их артиллерия простреливала весь 18-километровый перешеек. Постоянно отводя на отдых потрепанные в боях части и подбрасывая свежие войска с Дона и Кубани, белые на Ак-Монайских позициях имели до 7–8 тысяч человек.

Советские войска в Крыму значительно уступали белым и в численности и в вооружении.

Иван Федько возглавил всю работу по формированию наших частей в Крыму. В этом вопросе для него не было мелочей. Снабжение боеприпасами, обмундированием и продовольствием, дисциплина и воспитание бойцов — ничто не ускользало от внимания Федько. Он побывал на Ак-Монайских позициях и провел совещание командиров и комиссаров. Познакомился с состоянием обороны Севастополя, осмотрел крепостные сооружения и батареи. В 4-м Заднепровском полку провел тактико-строевые учения.

В совершенстве владея всеми видами стрелкового оружия, Федько особую слабость питал к «максиму». Любая погрешность пулеметчика его огорчала. Заметив как-то новичка

красноармейца, разбиравшего пулемет, Федько сейчас же направился к нему. Постоял, посмотрел, нахмурился.

— А если в бою заест, тогда что будете делать? Так не годится.

— А как же? — горестно вздохнул боец.

Вместо ответа Федько завязал себе глаза и уверенными и точными движениями, что называется «наизусть», разобрал и собрал пулемет.

В первых числах июня деникинцы начали наступление на Донбасс. Войска белых двинулись на Харьков, Екатеринослав, Александровск, отрезая юг Украины и Крым от Советской России.

В середине месяца заговорила артиллерия белых на Ак-Монае. Ее поддержали корабельные орудия,

Деникинцы перешли в наступление. Под прикрытием англо-французских кораблей в Коктебельской бухте высадился белогвардейский десант генерала Слащева. Все силы белых были брошены на то, чтобы выйти в тыл советским войскам, окружить и уничтожить их. Но Крымская Красная армия, окрепшая и возмужавшая, сумела не только выйти из-под удара, но и выиграть время для эвакуации ряда городов Крыма. Пройдя Перекоп и Чонгар, армия переправилась через Днепр в районе Каховки и Никополя.

В июле 1919 года Крымская армия была реорганизована в 58-ю Крымскую стрелковую дивизию. Начальником ее стал Федько.

В августе 58-я дивизия сосредоточилась в районе Николаева. Со всех сторон ее окружали враги. На востоке — Деникин, на западе — Петлюра, на юге — белые десанты и огонь английского и французского флотов. В тылу действовали махновские банды. Демагогической болтовней о «свободе» махновцам (они называли себя «народной армией») удавалось иногда склонять на свою сторону отдельных бойцов, а то и целые подразделения.

Дивизия получила приказ отходить к Киеву. Предстояла сложная переправа на правый берег Буга. По единственному плавучему мосту надо было переправить всю дивизию, с массой беженцев, с госпиталями и обозами. К переправе готовились тщательно. И все-таки эвакуация едва не сорвалась.

В назначенный для переправы день на станцию налетели махновцы. Увешанные гранатами и наганами, бандиты окружили поезд, в котором располагался штаб дивизии. Начдив и комиссар были арестованы. Их привели к одному из бронепоездов и поставили на пушечную башню. Стремясь обезглавить, разоружить дивизию и сорвать план намеченной операции, махновцы собрали бойцов на митинг.

Какой-то субъект, как видно уже знакомый многим в

тысячной толпе, окружавшей бронепоезд, держал речь.

— Братцы! — крикливо распинался он перед бойцами. — Зачем вам нужен этот поход? Вас же всех перебьют! Всех до единого! Вставайте лучше под знамена батьки Махно. Он хоть сейчас готов вас принять в свои ряды. У него полная свобода!

В толпе балагурили, отпускали шуточки:

— Кончай брехать, а то охрипнешь!

— Давай сыпь дальше!

Оратора не приходилось уговаривать. Играя на самых низменных чувствах, он призывал грабить обозы и немедленно расправиться с комиссарами и начдивом, утверждая, что они ведут дивизию на явную гибель.

Бандиты были уверены в успехе мятежа. Но они не учли влияния, которым пользовался начдив даже среди распропагандированных махновцами тыловиков, скопившихся на станции. Хотя бы для очистки совести они хотели услышать последнее слово «подсудимого». Все определеннее звучали в толпе голоса:

— Скажи, начдив, зачем нас ведешь на верную смерть?

— Слово начдиву!

Волей-неволей махновцы были вынуждены дать начдиву слово. Спокойно, словно не решалась сейчас судьба операции и вверенной ему дивизии, а может быть и его личная судьба, оглядел Федько притихшее людское море и решительно шагнул к краю башни.

— Товарищи! — обратился Федько к бойцам. — Я большевик и привык смотреть правде в лицо. Нелегко нам сейчас. Тут скрывать нечего. Полтора месяца вместе отбиваем атаки врагов. Мы сражаемся с врагами революции, а махновцы играют им на руку. Это они оголили фронт, открыв дорогу коннице Шкуро. Так нечего слушать предателей! Грош цена их словам! Нельзя нам здесь оставаться. Нам надо идти на север. Там мы не в одиночку будем бить белогвардейцев, а вместе с основными силами Красной Армии!

Федько умел заставить верить тому, во что сам непоколебимо верил, и его последние слова «даешь поход!» подхватили голоса красноармейцев:

— Даешь Киев!

— Ура начдиву!

Махновцы схватились за оружие. Но в это время на станцию прибыла рота связистов. Бандиты поспешили скрыться.

Эвакуация началась с наступлением темноты. По шаткому плавучему мосту сплошным потоком шли бойцы, невольно оборачиваясь, когда за спиной раздавался грохот взрыва и алый

язык пламени вздымался к небу, отражаясь в темной воде.

Последними спустились на мост бойцы 520-го и Интернационального полков. И тогда после четырех дней артиллерийского обстрела деникинцы пошли в атаку. Первую атаку отбили бойцы 520-го полка. Всего несколько минут длился ожесточенный рукопашный бой на мосту. Он унес почти всю роту польских коммунаров, но и офицерская рота белых была полностью уничтожена.

Двенадцать дней удерживала дивизия оборону на правом берегу Буга, отражая непрерывные атаки противника.

Приказом Реввоенсовета 12-й армии была организована Южная группа. В нее вошли 45-я, остатки 47-й и 58-я дивизия. Командующим группой был назначен И. Э. Якир. Перед группой ставилась труднейшая задача: выйти из окружения, пробиться на север к берегам Днепра.

Низкие облака заволокли небо до самого горизонта. Дождь лил не переставая. Вязли в глинистой почве повозки, тяжело ступали ноги. На много километров растянулась колонна дивизии, а за ней — вереница беженцев.

Федько часто бывал у беженцев. Здесь ему все рады, особенно дети. Заметив высокую фигуру начдива, они гурьбой устремлялись к нему. Смотря на их чумазые усталые лица, Федько, суровый и сдержанный, смягчался. Он улыбался, шутил. Извлекал из кармана специально припасенные для этого случая немудреные гостинцы.

Толпа беженцев с каждым днем все росла, снижая маневренность дивизии. Случалось, звучали и тревожные голоса:

— Как сражаться с таким «хвостом»?

— За двоих, — говорил Федько, — И за себя и за этих мальцов.

Чьи только налеты не приходилось отбивать бойцам дивизии! В ее боевые порядки врывались деникинцы, петлюровцы и махновцы, банды Ангела, Зеленого и многочисленных «атаманов» и «батьков».

Иногда это были налеты-уколы, иногда яростные атаки, но исход одинаков: враги отступали, а дивизия продолжала свой путь.

Голта… Только что отгремел бой, а впереди новая схватка. Дивизия двумя колоннами двинулась на Голованевск, занятый петлюровцами. Бандиты сопротивлялись недолго. Весь гарнизон сдался в плен. Счел за лучшее присоединиться к своим подчиненным и «пан» комендант. Он сообщил, что между Голованевском и селом Покотилово находится дивизия петлюровцев.

Федько приказал бригаде Алексея Мокроусова атаковать. Петлюровцев разбили. Дорога на Умань была открыта, но город занят петлюровцами. Тылам угрожает Махно. С востока — передовые части Шкуро. Выход один: пробивать себе путь огнем.

Перебросив в арьергард пехотную бригаду и часть кавалерии, сжав дивизию в кулак, начдив отдал приказ о наступлении на Умань.

«Днем 2-го сентября части 3-й бригады лихим ударом заняли г. Умань, обратив в бегство части 5 и 12 петлюровских дивизий», — сообщил Федько после боя командующему группой.

Город, изнемогший от кровавых расправ бандитов, радостно встретил своих освободителей. Выпущены из тюрем политические заключенные. Вышли из подполья коммунисты и советские работники.

Недолог был отдых. Приведя полки в порядок и получив пополнение, в основном за счет городской молодежи, влившейся в дивизию, советские части двинулись дальше.

Выбиты деникинцы из Белой Церкви, банды Пет-люры из Сквиры. 13 сентября от роты к роте, от бойца к бойцу передавалось радостное слово «связались». Удалось наладить связь по радио со штабом 12-й армии. Но в этот же день радио принесло и горестную весть: в бою погиб начдив-44 Николай Щорс.

И снова шагают красные бойцы, ежедневно оставляя за спиной по 30 верст. Дивизия продолжает поход, громя петлюровцев и деникинцев.

Освобожден Житомир. Район Житомира — Радомысля стал местом радостной встречи двух прославленных дивизий: 58-й Крымской под командованием Ивана Федько и 44-й имени Щорса во главе с Иваном Дубовым.

Завершился героический поход от берегов Черного моря и Днестра к днепровским берегам.

«Память 18-го сентября» — так назвали в честь дня выхода из окружения отбитый у белых бронепоезд.

Комиссары и политруки читали в ротах и батальонах приказ по войскам Южной группы:

«Реввоенсовет Южной группы твердо верит, что части группы, вписавшие свое имя этим славным походом на страницы истории революционной войны и вышедшие из похода могучие духом и верою в победу, горящие ненавистью к угнетателям рабоче-крестьянского люда, и впредь будут лучшими бойцами за Советскую власть и будут всегда нести вперед Красное знамя…

Реввоенсовет Южной группы благодарит вас, товарищи, и зовет к новым славным боям».

Бои начались 21 сентября на подступах к Киеву. Приказ о наступлении был получен накануне.

На Киев наступали с трех сторон. С флангов — 44-я дивизия Дубового и 45-я Якира, в центре, нанося главный удар, — 58-я дивизия Федько.

Огонь бронепоезда поддержал наступление двух бригад дивизии. Они ворвались в город. Деникинцы, для которых Киев имел большое значение, бросили против советских частей не только кадровые полки, но и торгашей, лавочников — всех, кто связывал свои надежды с белой армией.

Орудия 58-й дивизии прямой наводкой уничтожали пулеметные гнезда противника, открывая путь пехотинцам. Четыре дня и четыре ночи не покидал боевых порядков Федько. На пятый день город был полностью очищен от врага.

В разгаре боев было получено постановление Совета Рабоче-Крестьянской Обороны, подписанное В. И. Лениным, о награждении 58-й Крымской дивизии Почетным Знаменем революции.

Приказом Реввоенсовета за проявленные в боях отвагу и мужество Иван Федько награжден орденом Красного Знамени.

Вскоре бойцы провожали своего начдива, вместе с которым прошли славный путь побед.

Красной Армии нужны были свои пролетарские полководцы. В ноябре 1919 года партия направила Федько в Москву, в Академию Генерального штаба. Федько учился с увлечением. Обширный боевой опыт обогащался теорией.

В июне 1920 года армия Врангеля двинулась на Донбасс. Федько просит направить его на фронт и в июне же принимает командование 46-й стрелковой дивизией.

Ореховское направление… Здесь белые стремились во что бы то ни стало сломить сопротивление советских частей.

Ранним утром Федько повел дивизию в наступление. Атака советских войск застала белогвардейцев врасплох. К вечеру дивизия подошла к городским окраинам и охватила Орехов с юга. Белые яростно сопротивлялись. Наступила ночь, а бой не затихал. К рассвету он разгорелся с новой силой. Части дивизии перешли в решительное наступление. В полдень красные полки овладели городом.

Дивизия захватила большие трофеи: бронемашины, орудия, пулеметы и даже исправный самолет. Но победа еще не была полной…

Во второй половине дня дроздовская офицерская дивизия, усиленная конницей, пошла в атаку. К вечеру белогвардейцы прорвали фронт. Наступление белых поддерживала авиация.

46-я дивизия вынуждена была оставить город.

В ту же ночь Федько начал готовить красные полки к новому наступлению. Город надо было взять во что бы то ни стало.

На рассвете в бой пошла бригада курсантов, приданная для усиления дивизии, но не смогла преодолеть ураганного огня белогвардейцев и отступила. Начдив направился в расположение бригады.

— Федько! Федько! — из уст в уста пронеслось по цепи курсантов, когда он появился в боевых порядках.

Еще далеко не все его знали в лицо, но каждому был известен славный боевой путь начдива.

Начдив отдал приказ о наступлении и сам повел бригаду в атаку.

Так же яростно хлестал вражеский огонь, но курсанты не дрогнули. Не могли они отступить, когда впереди шел начдив Иван Федько, который для каждого из них был примером несокрушимого мужества. Со штыками наперевес ринулись курсанты на врага. Дроздовцы встретили наши цепи шрапнелью и ожесточенными контратаками. Казалось, наступление захлебнется, не выдержат курсанты, не выстоят. Тогда алое знамя взметнулось над боевыми порядками бригады и чей-то юношеский голос запел:

Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов!

Мелодия росла, ширилась. И вместе с ней пришло то «второе дыхание» наступления, для которого нет преград. Орехов был взят.

В начале октября белые переправили через Днепр, у Хортицы, свои лучшие части, в том числе отборную марковскую дивизию. Федько командовал в это время уже группой войск в составе 46-й и 3-й стрелковой дивизий. Группа получила приказ разгромить белогвардейцев. Смело контратакуя, дивизии Федько отбросили марковцев к Днепру. Вот как в белогвардейской газете описывалось их отступление:

«Бросая винтовки, поднимая руки вверх, пехотинцы сдавались в плен. В три ряда двигалась лента людей, лошадей и подвод. Люди неудержимо стремились к Днепру, бросая лошадей, поломанные экипажи, орудия, пулеметы. Конница топтала пехоту. Пехота, прорываясь к переправам, старалась оттеснить конницу…»

Эта победа имела исключительно важное значение, и второй орден украсил грудь Ивана Федько. В приказе о награждении

говорилось: «За храбрость, мужество и искусное руководство в делах на врангелевском фронте, в результате которого была разгромлена марковская дивизия противника и закреплен за нами Никопольский плацдарм, явившийся исходным пунктом к полному разгрому Врангеля».

Он был уже не за горами. 46-я дивизия Федько вместе со всеми частями Южного фронта преследовала отступающую белогвардейскую армию. Не спасли ее от разгрома укрепления, построенные под руководством английских и французских инженеров. Не помогло оружие, полученное из США…

В ноябре 46-я дивизия перешла Сиваш и вступила в Крым. Многое связано у Федько с этим краем. Здесь он стал коммунистом. Здесь устанавливал советскую власть и отсюда ушел ее защищать. И вот он снова шел по крымской земле…

Осенью 1920 года с Врангелем было покончено.

Федько вернулся к занятиям в академии, но вскоре снова прервал их, чтобы быть там, где потребовался его боевой опыт и стойкость воина-коммуниста. Он — участник штурма мятежной Кронштадтской крепости.

Для наступления сформированы две группы: Южная и Северная. Главный удар наносила Южная группа. В нее входила Сводная дивизия П. Е. Дыбенко, в составе которой была 187-я бригада под командованием Федько.

Десять километров заснеженного ледяного поля отделяли бастионы крепости от берега.

Все пространство от берега до крепости простреливалось артиллерией и орудиями дредноутов, захваченных мятежниками. Если наступавшим все-таки удастся дойти до крепости, их встретит огонь артиллерии малого калибра, пулеметов, винтовок… Все преимущества оказались на стороне мятежников, но медлить было нельзя. Наступающая весна превратила бы крепость в остров, который мог стать опорным пунктом для новой интервенции.

Необычные условия предстоящего боя требовали целого ряда тактических приспособлений. Под руководством Федько командиры сначала сами учились пользоваться перекидными мостиками, лестницами, санками, на которых лежали мешки с песком, а потом учили бойцов.

Федько присутствовал на каждом занятии. Вместе с сотнями коммунистов он деятельно готовил войска к предстоящему штурму.

16 марта 1921 года советская артиллерия начала обстрел мятежной крепости. С наступлением темноты огонь затих. Войска

ждали условного часа. И вот он наступил. В числе других спустилась на лед и 187-я бригада.

К утру 18 марта сопротивление мятежников было сломлено.

«…За проявленную храбрость и самоотверженную работу, выполненную им при взятии крепости Кронштадт», Иван Федько был награжден третьим орденом Красного Знамени.

В марте Федько вел свою бригаду по ледяному полю против мятежной крепости, а в мае, снова прервав занятия в академии, он уже участвовал в борьбе с антоновскими бандами, действовавшими в лесистой и заболоченной местности Тамбовской губернии.

Федько был назначен начальником 1-го боевого участка с центром в городе Кирсанове.

Сложность стоявшей перед ним задачи заключалась в том, что нужно было не только бороться с бандитами, но и проводить большую разъяснительную работу среди крестьян.

Антоновцы всячески разжигали недовольство крестьян продразверсткой, обманывали их фальшивыми обещаниями и таким путем сумели втянуть в восстание крестьян-середняков.

Выступая на многочисленных сходках, Федько знакомил крестьян с постановлением ВЦИК об отмене продразверстки, о свободной торговле, о нэпе. Говорил он о политике Коммунистической партии и мероприятиях советской власти, о том, что делается, чтоб улучшить положение крестьянства.

Широкая разъяснительная работа принесла свои плоды. Ряды антоновского воинства начали таять. Но все-таки у мятежников сохранились значительные силы. Хорошо ориентируясь в местности, пользуясь поддержкой кулаков, предоставлявших им лошадей и продовольствие, бандиты ускользали из-под ударов кавалерийских бригад. Нужно было найти эффективный способ борьбы с врагом, применявшим партизанскую тактику.

Еще по дороге в Тамбов Федько убежденно высказался за создание подвижных автобронеевых отрядов.

Ему возражали. Одним казалось, что местность не позволит использовать автоотряд.

— Лес, овраг, река — все станет непреодолимым препятствием для машин, — говорили они. — Разберут бандиты мост — и что тогда делать?

— Заново настелить, — отвечал Федько. Трудности его никогда не смущали.

— А бензин? — интересовались другие. — Как обеспечить отряд бензином?

— Будет и бензин. Все зависит от изобретательности, — рассмеялся Федько и рассказал товарищам о том, как в Крыму

вышел из положения его ординарец Израенко, получив приказ подготовить к утру машину для срочной поездки в Севастополь. Ординарца не смутило, что бензина не осталось ни капли. Он раздобыл несколько ведер виноградного вина и за ночь перегнал его в спирт. К утру горючее было готово.

— Ну, а у бандитов, я думаю, недостатка в самогоне нет — вот и будем его в спирт перегонять.

За шуткой стояло твердое убеждение в правильности своего предложения. Его поддержали.

Сначала удалось собрату только семь машин: шесть грузовых и одну легковую. Потом к ним прибавилось несколько броневиков и грузовиков с пехотой. Отряд был невелик, но зато обладал неоценимыми качествами: скоростью передвижения и маневренностью.

Автоброневой отряд наступал в тесном взаимодействии с кавалеристами. Обладая большой скоростью, отряд обходил антоновцев, преграждал путь и гнал под удары красной конницы.

Внезапные удары парализовали действия мятежников. Убедившись в бесполезности сопротивления, многие из них бросали оружие. К августу 1921 года мятеж был ликвидирован. За умелые действия против антоновщины И. Ф. Федько награждается четвертым орденом Красного Знамени. Только Ян Фабрициус, Василий Блюхер и Степан Вострецов, кроме него, были за годы войны четырежды удостоены этой награды.

Закончилась гражданская война. Больше ничто не мешало Федько продолжать образование.

Академия успешно закончена. В 1923 году И. Ф. Федько был назначен начальником 18-й Ярославской стрелковой дивизии, а через полтора года, командуя корпусом, он руководил ликвидацией басмачества в Бухаре.

С 1925 по 1929 год Федько работает начальником штаба Северо-Кавказского военного округа. В 1930 году его назначили командующим Кавказской Краснознаменной армией.

По роду службы ему часто приходилось переезжать с места на место. Иногда повое назначение приводило к встрече со старыми боевыми друзьями. Человек радушный и гостеприимный, Федько всегда приглашал их к себе. Встреча становилась вечером воспоминаний… Кто-то запевал. Не отставал и Иван Федорович. Задушевно звучал его на редкость чистый, высокий баритон.

Не забыл Иван Фёдорович и свою рабочую профессию. В свободное время он любил засучив рукава поработать в столярной мастерской, оборудованной на квартире. Это для него лучший отдых. Но свободного времени оставалось немного. Всю энергию Федько отдавал родной армии. Прямота, искренность и

какая-то особенная спокойная деловитость привлекали к нему сердца подчиненных — командиров и бойцов.

Прекрасный методист, И. Ф. Федько любил сам проводить занятия, особенно по стрелковому делу. Большое внимание уделял он и спортивно-массовой работе. С увлечением отдаваясь задачам сегодняшнего дня, И. Ф. Федько постоянно думал о будущем Советской Армии. Он впервые провел опытные выброски на парашютах танкеток и артиллерии. Неутомимо проводил эксперименты по улучшению проходимости танков. Постоянно интересовался новыми способами ведения боя.

В годы мирного социалистического строительства жизнь И. Ф. Федько заполнял большой творческий труд. И, как в военные годы, страна доверяла ему ответственные командные посты. Он был командующим войсками Приволжского округа, заместителем командующего ОКДВА и командующим Приморской группы, командующим Киевского особого военного округа.

Активно участвовал Иван Федорович Федько в общественной и политической жизни страны, В 1932 году его избрали членом ЦИК СССР, в 1937 году — депутатом Верховного Совета.

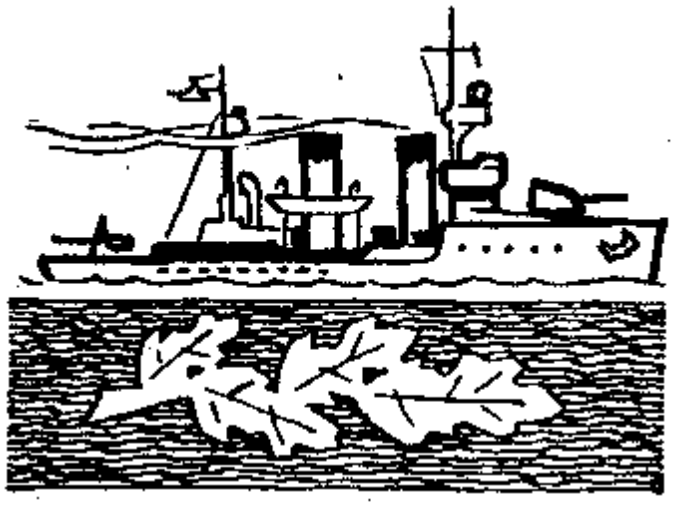
2 февраля 1938 года И. Ф. Федько был назначен первым заместителем Народного комиссара обороны СССР с присвоением ему звания командарма 1-го ранга. 23 февраля за героизм, проявленный в годы гражданской войны и умелое руководство строительством Красной Армии правительство наградило его орденом Ленина.

Жизнь Ивана Федько трагически оборвалась в 1943 году. Он был бездоказательно обвинен в тяжелейших преступлениях перед Родиной. Это могло случиться только в период культа личности Сталина,

Теперь доброе имя командарма возвращено народу.

А. ВЛАДИМИРОВ

ФЕДОР РАСКОЛЬНИКОВ



Июль семнадцатого года в Петрограде был не по-северному жарким. Стояли солнечные дни. Небо, покрытое прозрачной пеленой белесой дымки, низко опускалось над столицей. На улицах было душно, как перед грозой. Только под вечер по каменным проспектам растекалась прохлада. Откуда-то с устья Невы, с широких просторов Балтики в город прилетал ночной бриз.

И Петроград сразу преображался. На улицах становилось шумно. Людские потоки широкой рекой текли по Невскому, вбирая в себя ручейки говорливой толпы, вливающиеся с боковых улиц и переулков. Среди разнаряженных кавалеров и их дам — изредка серо-зеленые островки небритых, бородатых солдат-фронтовиков. С винтовками, с котомками за плечами. Волна событий выбросила их прямо из окопной грязи. Печатая строевой шаг, у самой кромки тротуара проходили группы патрулей матросов.

Несмотря на нестерпимую духоту, Петроград жил своей обычной жизнью.

И вдруг разразилась гроза. Она не была неожиданной, как и все грозы в июле.

В тот день было так же жарко и так же нещадно палило солнце. Притихшие улицы безмолвствовали. Огромный город, казалось, еще не проснулся. Неожиданно сонную тишину улиц раскололи удары грома. Над проспектами и дворцами, над переулками и казармами раскатистыми звуками оркестра

загрохотал «Интернационал».

Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов!

И сразу улицы столицы до краев заполнили рабочие и работницы петроградских заводов и фабрик, матросы Балтийского флота, солдаты гарнизона.

Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой.

На Петроградской стороне у дворца Кшесинской движение человеческой лавины замедлилось. Идущие в колоннах знали: в этом доме находится Центральный Комитет большевистской партии. Здесь — Ленин.

На балконе дворца появились В. И. Ленин, Я. М. Свердлов и А. В. Луначарский. Яков Михайлович обратился к участникам мирной демонстрации с приветственной речью. Громким «ура», возгласами «Да здравствует социалистическая революция!», «Вся власть Советам!» ответили улицы.

Рядом с Лениным стоял рослый моряк в офицерской форме. Он о чем-то просил Владимира Ильича, приветливо махавшего рукой. И, видимо, поддавшись уговорам моряка, Ленин начал свою короткую речь, извинившись, что ввиду болезни скажет лишь несколько слов.

Морским офицером был Федор Федорович Раскольников (Ильин). Всего несколько минут назад его видели идущим впереди матросских колонн. А сейчас стоит рядом с Лениным.

Совсем недавно, три месяца назад, он был произведен в мичманы после окончания отдельных гардемаринских классов. Церемония присвоения чинов состоялась в кабинете военного министра Гучкова. Раскольников туда не поехал, и его произвели в офицеры заочно. А через несколько дней команда учебного судна «Освободитель» выбрала его вахтенным начальником. Матросы знали Раскольникова по его выступлениям на страницах «Правды». Знали, что он большевик. Офицер из народа. Понимает нужды и чаяния простых людей. Видит, чем живут матросы. Верит им.

Гардемарином Раскольников стал в первый год войны. Так велела партия. Морскую форму он надел уже будучи большевиком. В РСДРП вступил в 1910 году, когда учился на первом курсе Петербургского политехнического института. И в

том же году, сразу после выхода первого номера легальной большевистской газеты «Звезда», стал активным ее корреспондентом. 5 мая 1912 года родилась «Правда». Федор Раскольников — первый секретарь редакции. Однако поработать долго не пришлось. Через месяц он был арестован и посажен в тюрьму. Затем ссылка в Архангельскую губернию. И только через год, как студент, был освобожден по амнистии. Ему разрешили вернуться в Петроград: здесь он родился, здесь на одной из рабочих окраин, на Большой Охте, жила его мать.

Когда ему было трудно, когда к нему приходили удачи, он обязательно появлялся в тихом домике своего детства. Все здесь было до боли близкое и дорогое. Восьмилетним мальчиком, в 1900 году, он покинул отчий дом. Его отдали учиться в приют, который по своим правам приравнивался к реальному училищу. Почти девять лет прожил он там. Впервые познакомился с книгами Горького. Декламировал на тайных вечеринках «Песнь о Буревестнике». В мятежном 1905 году принимал участие в ученической забастовке. В составе делегации вручал директору училища требования бастующих. Только хлопоты матери спасли его от исключения из училища.

Вернувшись из ссылки, снова пришел в «Правду». Другой дороги, кроме той, которую ему указала партия, для него не было. Раскольников много пишет, ездит по заводам, беседует с рабочими. В газете часто появляются его статьи и фельетоны. Началась война. «Правда» разгромлена. По совету партийных руководителей Раскольников сдает экзамены в гардемаринские классы, становится военным моряком. Командование, конечно, не знало, что он большевик.

Грянул семнадцатый год. Царский трон зашатался и упал. Начались бурные дни революции. Раскольников, сдав экзамены, оставляет гардемаринские классы. «С радостным чувством, — писал он позднее, — покидал я затхлые казармы, чтобы присоединиться к восставшему народу».

Таврический дворец встретил его митингами и речами. Раскольников зарегистрировался в военной комиссии Петроградского Совета, получив удостоверение на право ношения оружия. Он присутствует на первых легальных заседаниях Петроградского комитета большевиков, которые проходили тогда в здании Биржи труда. Здесь впервые встречается с М. И. Калининым. Тот поручает ему провести предвыборное собрание в пулеметном полку. Солдаты послали в Петроградский Совет депутатов-большевиков.

Когда Раскольников с очередной статьей явился в «Правду», ему предложили, ссылаясь на рекомендацию Петроградского

комитета, немедленно выехать в Кронштадт. Незадолго перед этим редакцию посетила делегация кронштадтских моряков-коммунистов и просила прислать кого-нибудь из литераторов на пост редактора местного партийного органа «Голос правды». «Хорошо бы Раскольникова», — заявили матросы.

И вот он в Кронштадте.

Кто хотя бы раз бывал в этом городе-крепости, никогда не забудет его суровый и строгий характер, его гранитные набережные и гулкие в полночной тиши мостовые, его видавший виды Петровский парк и знаменитые каналы. Это город морской истории, флотской доблести и боевой русской славы. Недаром его называют отцом моряков.

Я был в этом городе. Здесь прошла моя флотская юность. И мне никогда не забыть тебя, Кронштадт. Я хорошо помню те исторические места, где в далекие годы революционной молодости прославил свое имя Федор Раскольников.

Улицы давно изменили свои названия. Забыты их старые имена. Но дела людей не забываются. Вот на этой улице, носящей ныне имя Ленина, находился Кронштадтский комитет большевиков. Вместе с С. Рошалем, И. Смилгой и В. Антоновым-Овсеенко, Т. Ульянцевым и Б. Жемчужиным Раскольников был одним из его руководителей. Здесь в небольшой комнатке располагалась редакция «Голоса правды», которую он редактировал. Сюда приходили со своими заметками матросы с кораблей. Вслух читались письма. Рождались споры. Шли задушевные беседы. Кронштадтский Совет рабочих, солдатских и матросских депутатов помещался рядом. Раскольникову часто приходилось здесь бывать. Моряки избрали его товарищем председателя. Якорная площадь помнит шумные матросские митинги, на которых не раз довелось ему выступать. Имя Раскольникова хорошо знал революционный Кронштадт.

А как он любил свой родной Петроград! Может быть, поэтому он так часто навещал его. Привозил материалы для «Правды», рассказывающие о жизни моряков Балтийского флота. В один из таких приездов посетил Максима Горького, чтобы пригласить его в гости к кронштадтским матросам. Зашел как к старому знакомому. Еще в двенадцатом году послал он Горькому письмо на Капри, в котором от имени студентов Политехнического института просил писателя прислать некоторые его книги для библиотеки. Вскоре пришел ответ. Горький выслал свои книги. При аресте письмо отобрали и приобщили к делу. Лично им удалось встретиться через три года в Петрограде. Горький сразу обратил внимание на гардемаринскую шинель, туго обтягивающую крутые плечи, и добродушно заметил:

— Здорово вас, правдистов, переодели.

В тот вечер писатель был занят. У него на квартире шло какое-то совещание. Мичмана попросили пройти в гостиную. Там сидел Иван Бунин. Познакомились. Разговорились. Вскоре освободился Горький. Все вместе прошли в столовую. Пили чай. Беседа шла легко, время летело незаметно. Раскольникова больше всего расспрашивали о Кронштадте.

Рассказать было что.

О Кронштадте в те дни говорили много. Друзья произносили это имя с гордостью и надеждой. Врагов оно бросало в дрожь.

Кронштадт не признавал Временного правительства. Власть здесь принадлежала Совету депутатов, руководимому большевиками. Керенский ненавидел кронштадтцев. А сделать ничего не мог. Даже командование Балтийского флота находилось под контролем выборной матросской организации — Центробалта, где председательствовал большевик Павел Дыбенко. Не случайно кто-то назвал этот город «Кронштадтской республикой».

Выслушав Раскольникова, Горький сказал улыбаясь:

— Молодцы, моряки! Да и вы молодец! — и похлопал дружески мичмана по плечу.

Незаметно пришла весна. Стаял снег. Но Нева еще была подо льдом. Как-то в редакции «Правды» Раскольникову сообщили, что в Петроград из-за границы приезжает Ленин. Кронштадтцы на встречу вождя прислали целую делегацию. После речи с броневика Ленин под охраной матросов уехал во дворец Кшесинской. Здесь, в одной из больших комнат второго этажа, собрались руководящие работники Центрального Комитета. Приглашены были и военные товарищи. Беседа длилась долго. Ленин попросил Раскольникова рассказать о настроениях моряков флота. И по тому, как Владимир Ильич внимательно слушал и глаза его светились радостью, было ясно, что он одобряет дела балтийцев.

Прощаясь, Ленин сказал Раскольникову:

— Сообщайте нам обо всем чаще. Звоните в Цека, мне лично. Пишите в «Правду».

Мичмана Федора Раскольникова вместе с Рошалем кронштадтские большевики на общегородском партийном собрании избрали делегатами на седьмую апрельскую конференцию, где обсуждались вопросы дальнейшего развития революции. Вернувшись в Кронштадт, Раскольников объехал все крупные базы флота — Гельсингфорс, Ревель, Выборг, — чтобы рассказать морякам о приезде Владимира Ильича, о ленинском плане перехода к социалистической революции.

Лето принесло жару и новые тревоги.

3 июля до Кронштадта дошли слухи о том, что в Петрограде готовится большая демонстрация. Матросы стали требовать, чтобы их отпустили в Питер. Раскольников позвонил в Центральный Комитет. Оттуда сообщили: принято решение об участии в демонстрации. Большевики должны взять стихийно начавшееся движение в твердые руки.

Всю ночь кронштадтцы готовились к походу. Созвали заседание исполкома Совета. Решили послать 10 тысяч матросов. Рано утром от причалов отошло сразу несколько пароходов. Высадились у Николаевского моста и под духовой оркестр двинулись по Университетской набережной на Петроградскую сторону к дворцу Кшесинской. Впереди многотысячной колонны моряков шел мичман Раскольников. Кронштадтский комитет партии поручил ему командовать отрядом.

…Слова Владимира Ильича были встречены раскатистым «ура». И шеренги демонстрантов под музыку оркестра двинулись к Таврическому дворцу. На Марсовом поле присоединились новые тысячи рабочих и работниц. Вышли на Невский. Колонна вытянулась на несколько километров. И все росла, росла, росла…

У поворота на Садовую улицу по демонстрантам был открыт ружейно-пулеметный огонь. Откуда и кто стрелял — неизвестно. Но матросы заметили: огонь ведется с чердаков и из окон. И, выстроившись цепью по обеим сторонам колонны, взяв винтовки на изготовку, они так прошли до самого Таврического дворца. Кронштадтцев вел офицер-большевик Федор Раскольников.

Уезжать в Кронштадт в тот вечер матросы отказались. Раскольников по согласованию с Цека распределил их по районам города — направил в Дерябинские казармы, в Петропавловскую крепость, на охрану дворца Кшесинской.

В ночь с 4 на 5 июля юнкера разгромили «Правду». Готовилось нападение на Центральный Комитет большевиков. Вызванные с фронта войска уже прибывали в Петроград. Надо было организовать оборону дворца Кшесинской. Раскольникова назначили комендантом. Он тут же позвонил в Кронштадт, чтобы срочно прислали легкую артиллерию. Послал специального нарочного в Центробалт к Павлу Дыбенко с просьбой прислать в устье Невы миноносец. Проинструктировал матросов на случай нападения юнкеров. Расставил охранение вокруг дома. Съездил в пулеметный полк, привез солдат, назначил им боевые посты. Даже достал броневик. Побывав у матросов в Петропавловской крепости и в Дерябинских казармах. Рассказал им о готовящихся провокациях со стороны войск Временного правительства. Так Раскольников в силу сложившихся обстоятельств стал

своеобразным командующим, на которого возлагалась охрана Центрального и Петроградского комитетов партии и других революционных организаций, охрана Ленина. Так революция выдвинула его на трудный пост военного руководителя.

О том, что обстановка в те дни в Петрограде была напряженной, говорит, например, телеграмма, которую послал Керенскому, находящемуся в Ставке, Морской генеральный штаб:

«Четвертого июля вооруженные кронштадтские матросы и солдаты в числе около семи тысяч с Рошалем и Раскольниковым высадились в 11 часов в Петрограде и вместе с некоторыми частями гарнизона произвели вооруженную демонстрацию, окончившуюся мелкими столкновениями… Сегодня разведены мосты, дом Кшесинской изолирован».

По распоряжению Временного правительства командующий военным округом отдал приказ, в котором предписывалось «очистить Петроград от вооруженных людей, нарушающих порядок». На другой день было отдано распоряжение об аресте В. И. Ленина. Вождь революции, партия большевиков ушли в подполье.

Раскольников вернулся в Кронштадт. Он много пишет. «Голос правды» рассказывал о происходящих событиях. Редакция получала статьи из Петрограда. Газета временно заменила «Правду». Почти весь ее тираж сразу же из типографии на пароходах доставлялся в Петроград.

В ночь на 13 июля мичман Раскольников был арестован и посажен в «Кресты». Вместе с ним за тюремной решеткой оказались также Дыбенко, Антонов-Овсеенко и Рошаль. Их дело было приобщено к общему процессу готовящегося, но не свершившегося суда над Лениным. После трехмесячного заключения Раскольников и его товарищи были освобождены. Помогли моряки Балтики.

За окном холодный осенний дождь. Деревья в Петровском парке стоят раздетые. Склянки на кораблях, стоящих у причала, пробили семнадцать часов. Уже темно. На улице тишина. Раскольников в комнате один. Читает письмо Ленина к товарищам большевикам, участвующим на областном съезде Советов Северной области. Фразы медленно проплывают перед глазами:

«…Наша революция переживает в высшей степени критическое время… Момент такой, что промедление поистине смерти подобно».

Ленинские мысли овладевают сознанием, ведут за собой.

«Лозунг «вся власть Советам» есть не что иное, как призыв к

восстанию».

Ленин как бы беседует с ним, мичманом Раскольниковым. Говорит ему:

«Флот, Кронштадт, Выборг, Ревель могут и должны пойти на Питер… свергнуть правительство Керенского…»

Он читает и ясно видит, что нужно делать, куда зовут его партия, Ленин.

«Да, промедление смерти подобно», — повторяет он ленинские слова. Твердой матросской походкой, как будто под ним качающаяся палуба корабля, он не спеша ходит по комнате. Обдумывает… «Надо собрать комитет. Немедленно…»

До глубокой ночи шло заседание комитета. Обсуждали, как лучше выполнить указания Ленина.

Утром снова Петроград. Он в Центральном Комитете партии. Беседа с Я. М. Свердловым. Раскольникова направляют для подготовки к вооруженному восстанию в Новгород и Лугу.

— Эти пункты для нас сейчас особенно важны, — объяснил Яков Михайлович. — Через них проходят войсковые соединения, которые по вызову Временного правительства прибывают с фронта в Петроград. Вместе с местными партийными комитетами нужно любыми средствами распропагандировать эти войска, не допустить их прихода в революционную столицу, задержать хотя бы на несколько дней.

Помолчав, Свердлов добавил:

— А в Кронштадте дела надежнее. Обойдутся без вас.

Поездка по грязным осенним дорогам. Выступления на солдатских митингах. Горячие схватки с эсерами и меньшевиками. Откровенные беседы с офицерами… Целая неделя без сна и отдыха. Но усталости никакой. Чувство огромной удовлетворенности: сделано что-то большое, очень важное. Некоторые полки так и не дошли до Петрограда, где в эти Октябрьские дни решалась судьба России, судьба народа. Вооруженное восстание победило. Власть перешла в руки рабочих и крестьян.

Утром 8 ноября Раскольников был уже в Смольном. Здесь — штаб революции. Зашел к Антонову-Овсеенко. Тот занят, еле успевает отвечать на телефонные звонки, отдавать распоряжения. К нему то и дело входят с докладами красногвардейцы, матросы, солдаты. Поговорить так и не удалось.

В комнату вошел Ленин. Поздоровался за руку. Настроение у него хорошее. Он улыбался. Расспросил, как чувствуют себя фронтовики. Раскольников не успел ответить. Владимира Ильича вызвали срочно к прямому проводу. Вбежал раскрасневшийся от холодного ветра Бонч-Бруевич. Торопливо рассказал о последних

событиях в Петрограде и куда-то снова убежал, не простившись, сказав лишь одну короткую фразу:

— Красногвардейцев надо проинструктировать…

Снова появился Ленин. Он отдал распоряжение Антонову-Овсеенко о посылке опытного агитатора навстречу отряду самокатчиков, который вот-вот будет в Петрограде.

— Кого же послать? — спрашивал Владимир Ильич, ни к кому не обращаясь.

— Раскольникова, — выпалил Антонов-Овсеенко.

— Правильно, — подтвердил Ленин, и его снова позвали к телефону.

Через несколько минут Раскольникову вручили мандат, написанный на бланке военного отдела исполкома Петроградского Совета:

«Военно-революционный комитет делегирует тов. Раскольникова для встречи войск, прибывающих с фронта, на Варшавский вокзал и назначает его комиссаром прибывающих войск».

Подписал председатель ВРК Н. И. Подвойский.

Выполнив задание, Раскольников вернулся в город. Его вызвал к себе Ленин. Положение под Петроградом осложнилось. Войска Керенского и Краснова заняли Гатчину.

Владимир Ильич сидел в большом кабинете бывшего штаба военного округа. Перед ним на длинном столе лежала карта окрестностей столицы. За столом сидели Подвойский и Антонов-Овсеенко.

— Какие суда Балтийского флота вооружены самой крупной артиллерией? — сразу спросил Ленин.

— Дредноуты типа «Петропавловск», — быстро ответил Раскольников. — Они имеют по двенадцати двенадцатидюймовых орудий в башенных установках, не считая более мелкой артиллерии.

— Хорошо… — продолжал Владимир Ильич. — Если нам понадобится обстрелять окрестности Петрограда, куда можно поставить эти суда?

— Ввиду глубокой осадки линейных кораблей и мелководья Морского канала проводка столь крупных судов в Неву невозможна…

— Так каким же образом можно организовать оборону Петрограда судами Балтийского флота? — спрашивал Ленин, пристально вглядываясь в лицо Раскольникова.

Тот, немного подумав, сказал:

— Линейные корабли могут стать на якорь между Кронштадтом и устьем Морского канала, примерно на траверзе

Петергофа. Помимо непосредственной защиты подступов к Ораниенбауму и Петергофу, они будут обладать значительным сектором обстрела и в глубь побережья.

Добавил:

— Что касается Невы, то здесь «Аврору» можно усилить другими крейсерами с артиллерией от восьми до десяти дюймов, а также миноносцами.

Владимир Ильич тут же заставил Раскольникова показать все это на карте, точно обозначив границы секторов обстрела. Ленин сказал, что тотчас же отдаст распоряжение в Гельсингфорс о немедленной присылке в Петроград боевых кораблей.

— А вы, — обратился он к Раскольникову, — позвоните по телефону в Кронштадт. Сделайте необходимые распоряжения о срочном формировании еще одного отряда кронштадтцев. Необходимо мобилизовать всех до последнего человека. Положение революции смертельно опасное. Если мы сейчас не проявим исключительной энергии, Керенский и его банды нас раздавят.

— Есть! — по-флотски лихо ответил мичман. Он встал, положил руки «по швам». В его серых спокойных глазах заиграли огоньки радости.

Вызвать по телефону кого нужно Раскольникову не удалось. И он тут же сам едет в Кронштадт, срочно организует отряд моряков.

А положение под Петроградом становилось все опаснее. Контрреволюционные войска вступили в Царское Село. В городе вспыхнуло восстание юнкеров.

Гельсингфорс прислал в Петроград четыре миноносца: «Забияку», «Деятельного», «Победителя» и «Меткого». Они были направлены на боевые позиции к селу Рыбацкому. Крейсер «Олег» и линкор «Заря свободы» стали на якорь в устье Морского канала. Для связи с действующими частями в район Пулковских высот была высажена с кораблей группа корректировщиков.

С отрядом кронштадтских моряков Раскольников выехал под Пулково. Матросы доставили восемь орудий. Установили их на высотах.

Войска Керенского были разбиты. Опасность, нависшая над революционной столицей, миновала. Раскольникова вызвали в Военно-революционный комитет. Прибыл он туда далеко за полночь. Вошел в кабинет. Подвойский и Еремеев спали на стульях. Он разбудил их.

— Очень хорошо, что прибыли, — сказал Подвойский. — Вам придется сегодня же принять командование сводным отрядом моряков. Его по указанию Владимира Ильича мы посылаем на

помощь московским товарищам… Константин Иванович, — он указал на Еремеева, — поедет туда же.

Отряд состоял из 750 матросов. Помощником командира назначили Николая Ховрина, начальником штаба — Анатолия Железнякова. Выехали ночью. В районе станции Бологое настигли бронепоезд белых. Загнали его на запасную ветку и принудили к сдаче. Тут же бронепоезд был укомплектован матросской командой.

Когда прибыли в Москву, уличные бои здесь шли уже к концу. По заданию ревкома моряки помогали ликвидировать остатки контрреволюционных гнезд, арестовывали мятежных офицеров и юнкеров. Установили в городе постоянное патрулирование. Потом путь отряда лежал на юг. Раскольникова же телеграммой Центрального Комитета отозвали в Петроград. Ждала работа в Морском комиссариате.

Еще в Октябрьские дни Советское правительство провело реорганизацию флота. Во главе Морского комиссариата была поставлена коллегия. В ее состав назначили Дыбенко, Вахрамеева и Раскольникова. Декрет о роспуске старого флота и создании нового Красного флота написал Дыбенко. Докладывали об этом на заседании Совнаркома Дыбенко и Раскольников.

Новый год пришлось отпраздновать в пути. Без тостов, без песен. С незнакомым соседом по купе обменялись пожеланиями друг другу счастья.

Январским морозным утром восемнадцатого года в Таврическом дворце собралось Учредительное собрание. Раскольников среди депутатов от большевистской партии. Перед открытием первого заседания фракция большевиков собралась на короткое совещание. Свердлов прочел «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа». В этом документе законодательно закреплялись все завоевания советской власти. Члены фракции одобрили «Декларацию» и приняли решение: если Учредительное собрание откажется утвердить ее, большевики немедленно покинут Таврический дворец.

От имени ВЦИК Учредительное собрание открыл Яков Михайлович и тут же прочел «Декларацию», Реакционная часть депутатов выступила против этого революционного манифеста. Большевики ушли с заседания.

Владимир Ильич собрал членов правительства на экстренное заседание Совнаркома. Позвали и Раскольникова. Он был в то время заместителем Народного комиссара по морским делам. Ленин поручил ему объявить Учредительному собранию об уходе большевиков.

На заседании Совнаркома утвердили текст заявления.

Раскольников прошел в зал, подал председательствующему записку с просьбой предоставить слово для внеочередного заявления. И вот он на трибуне. Смотрит в лица депутатов. В них — озлобление, страх, ненависть. Спокойным голосом прочел заявление об уходе большевиков. Зал застыл в оцепенении.

Покидая Таврический дворец, Владимир Ильич сказал Раскольникову:

— Я сейчас уезжаю, а вы тут присмотрите за вашими матросами. Разгонять Учредительное собрание не надо. Пусть все выговорятся до конца и свободно разойдутся по домам. А завтра никого в Таврический не пускать.

В караульном помещении весело. Матросы шутят, смеются. Время незаметно переваливает за полночь. Раскольников с Урицким не спеша пили чай по-флотски — густой, горячий. В комнату как ураган ворвался Дыбенко и, громко хохоча, рассказал о том, как, наслушавшись вволю скучных речей говорунов-социалистов, Анатолий Железняков, весь перепоясанный пулеметными лентами, в лихо сдвинутой на затылок бескозырке, не прерывая очередного оратора, молча поднялся на сцену, подошел к председательскому креслу и, положив тяжелую матросскую руку на плечо сразу онемевшего Чернова, строгим, приказным тоном объявил:

— Караул устал! Предлагаю закрыть заседание и разойтись по домам!

Караульное помещение наполнилось дружным, раскатистым матросским хохотом. Раскольников взглянул на часы: было сорок минут пятого.

Тревожным и тяжелым для молодой Советской республики было лето восемнадцатого года. В Москве шли холодные дожди. Покрытые сотнями зонтов, у магазинов толпились очереди за хлебом. Не кричали по утрам заводские гудки. Плакаты РОСТА звали добровольцев на защиту революции.

В один из дождливых дней июня Раскольникову позвонил Ленин и попросил немедленно прибыть в Кремль.

В светлом кабинете Владимира Ильича было просторно. Ленин сидел за письменным столом на деревянном стуле с круглой спинкой. По другую сторону стола два кожаных кресла для посетителей. Сбоку— вертящаяся этажерка с книгами. В шкафах, что прижаты к стене, тоже книги. У входной двери на полустенке карта России.

Владимир Ильич пожал руку Раскольникову, предложил сесть. И сразу же начал:

— Я вызвал вас потому, что в Новороссийске дела идут

плохо. Потопление Черноморского флота встречает неслыханное сопротивление со стороны части команд и всего белогвардейски настроенного офицерства. Многие настаивают на уходе в Севастополь. Но увести флот в Севастополь — это значит отдать его в руки германского империализма. Этого никак нельзя допустить. Необходимо во что бы то ни стало потопить флот, иначе он достанется немцам.

Ленин вышел из-за стола, сделал несколько шагов, вернулся, снова сел и продолжал:

— Вот только что получена шифровка из Берлина… Наш представитель телеграфирует, что германское правительство требует перевода Черноморского флота из Новороссийска в Севастополь…

Он разыскал в груде бумаг расшифрованную телеграмму.

— Прочтите, пожалуйста.

В самой категорической форме кайзеровское правительство требовало не позже 18 июня перевести флот в Севастополь, где он будет интернирован до конца войны. В случае невыполнения ультиматума немцы грозили начать военные действия, захватить Новороссийск и забрать флот силой.

— Вам придется сегодня же выехать в Новороссийск, — решительно заявил Ленин. — Непременно возьмите с собой матросов. Между Козловом и Царицыном неспокойно.

Владимир Ильич встал, направляясь к карте. Раскольников последовал за ним.

— Вот здесь, — он указал на карту, — донские казаки перерезали железную дорогу.

Ленин снова сел за стол.

— Сейчас я напишу вам мандат… Сегодня воскресенье, и Бонч-Бруевича здесь нет. Зайдите к нему на квартиру, и он поставит печать. — Он взял чистый бланк с надписью «Председатель Совета Народных Комиссаров РСФСР» и, низко склонившись над бумагой, быстро начал писать.

Подавая мандат, сказал;

— Желаю вам успеха.

В Новороссийск Раскольников прибыл на рассвете 18 июня. Прямо с вокзала поспешил в Порт. Солнце еще не поднялось над морем, а в порту было шумно. На пристанях матросы, грузчики, какие-то чиновники. Они о чем-то спорят, ругаются. Некоторые из них нагружены большими узлами, вооружены винтовками.

Раскольников, помня о секретности своей миссии, несмотря на личное желание, не мог броситься в этот человеческий водоворот. Он спешил к причалам, у которых стояли военные корабли. «Значит, не ушли, — думал Раскольников, хотя видел,

что некоторых кораблей нет. — «Свободная Россия» стоит. А где же «Воля»? И миноносцы не все». И он чуть не бегом бросился к причалам.

Чтобы понять происходящие здесь события, вернемся на несколько недель сначала в Севастополь, потом в Новороссийск.

Германские войска находились на подступах к Крыму. Они со дня на день ожидались в главной базе. Как же быть с кораблями? Ведь немцы захватят их. Этот вопрос волновал не только моряков эскадры. Этим жил весь Севастополь.

Жаркие споры шли на кораблях. Одни настаивали на уходе в Новороссийск. Другие были против. А немецкие войска подходили уже к Севастополю. Двойственную игру вел и командующий флотом бывший царский адмирал Саблин. Его поддерживало контрреволюционное офицерство. Эти люди считали: пусть уж лучше немцы, чем большевики. Но открыто высказать свои мысли остерегались. Боялись матросов.

И вот настал последний день, пробил «двенадцатый» час. Войска кайзера находились буквально в нескольких километрах от Севастополя.

Темной ночью, с притушенными огнями, часть кораблей покинула рейд и взяла курс на Новороссийск.

В Севастополе остались подводные лодки и надводные корабли старой постройки. Сразу же по приходу немецких войск на них были подняты германские флаги.

Немцы были ошеломлены уходом флота в Новороссийск. Министерство иностранных дел Германии в ультимативной форме требовало возврата кораблей Черноморского флота в Севастополь. Этот вопрос обсуждался на Высшем военном Совете и в Совнаркоме. Ленин на докладной записке начальника Морского генерального штаба наложил следующую резолюцию:

«Ввиду безысходности положения, доказанной высшими военными авторитетами, флот уничтожить немедленно».

В Новороссийск на имя командующего флотом и главного комиссара была послана секретная директива:

«В виду явных намерений Германии захватить суда Черноморского флота, находящиеся в Новороссийске, и невозможности обеспечить Новороссийск с сухого пути или перевода в другой порт, Совет Народных Комиссаров, по представлению Высшего военного Совета, приказывает Вам с получением сего уничтожить все суда Черноморского флота и коммерческие пароходы, находящиеся в Новороссийске.

Ленин».

Выполнение этой директивы было возложено также на члена

Морской коллегии Ивана Вахрамеева, который специально, с особыми полномочиями, прибыл в Новороссийск.

Шли дни. Срок ультиматума истекал. А командующий флотом не спешил выполнять приказание, под всякими предлогами откладывал решение вопроса о судьбе флота. Это был явный саботаж.

10 июня Реввоенсовет Республики послал Вахрамееву шифрованную телеграмму, в которой подтвердил необходимость потопления кораблей.

Наступили последние дни. На судах началось дезертирство. Поползли слухи, что немцы высадились на Тамани, скоро будут в Новороссийске. За линией внешнего рейда шныряли немецкие подводные лодки. Над городом все чаще появлялись вражеские аэропланы-разведчики. У эскадры иссякали запасы топлива и продовольствия. Командующий флотом, до конца сыграв свою гнусную роль, выехал в Москву. Покинул Новороссийск и Вахрамеев. Поступил он неправильно, допустил ошибку. Начатое дело до конца не довел. Воспользовавшись этим, в ночь на 17 июня часть кораблей — линкор «Воля» и семь миноносцев — снялись с якоря и ушли в Севастополь. Когда эти суда выстроились перед походом на внешнем рейде, эсминец «Керчь» поднял сигнал:

«Судам, идущим в Севастополь. Позор изменникам России».

…По деревянным качающимся сходням Раскольников прошел на ближайший эсминец. Это была «Керчь». На палубе многолюдно. Матросы занимаются приборкой, драят медяшки. Корабельная жизнь шла своим чередом. Вахтенный начальник провел Раскольникова к командиру. Короткое знакомство. Старший лейтенант В. А. Кукель, усталый и измученный бессонными ночами, быстро доложил обстановку.

— Нельзя ли нагнать ушедшие корабли и силой вернуть их в Новороссийск? — спросил Раскольников.

— Нет, уже поздно. Они раньше придут в Севастополь, чем мы успеем настичь их.

Раскольников разговаривал с командиром «Керчи» громко, размахивая руками, как будто тот лично был виноват в уходе кораблей в Севастополь. Нервно ходил по тесной каюте, сжимая кулаки.

Через полсуток истекал срок ультиматума. Корабли вывели на внешний рейд. Раскольников лично отдавал распоряжения. Первым был потоплен эсминец «Фидониси». Его торпедировала «Керчь». Затем один за другим стали погружаться в пучину моря остальные корабли. На их мачтах развевался сигнал: «Погибаю, но не сдаюсь!» Последним ушел на дно линкор «Свободная

Россия». Люди давно покинули его борт. «Керчь» выпустила по кораблю пять торпед. И он медленно стал опускаться в воду. «Керчь» направилась к Туапсе и там самозатопилась. Последняя радиотелеграмма, посланная с борта этого корабля, гласила:

«Всем. Погиб, уничтожив часть судов Черноморского флота, которые предпочли гибель позорной сдаче Германии. Эскадренный миноносец «Керчь».

Задание Ленина было выполнено.

Ночи над Волгой в августе темные, звездные. Даже противоположный берег не видно. Бакены не горят. Огни прибрежных сел и деревень скрыты ставнями. Волга стала фронтовой рекой, ареной жестоких боев. О Волге заговорил весь мир. Это название вдруг замелькало на страницах сотен газет. Великая русская река все чаще стала упоминаться в секретных планах генеральных штабов западных стран.

На Волге в те дни решался вопрос, быть или не быть советской власти. Интервенты и белогвардейцы заняли всю Среднюю Волгу. Враг готовился к походу на Москву. С севера наступали англичане. Они рвались к Волге, чтобы единым фронтом наступать на столицу большевиков.

Летом 1918 года Центральный Комитет партии считал Восточный фронт решающим фронтом. Для руководства боевыми операциями создаются Реввоенсовет и штаб Восточного фронта. Руководителями назначаются опытные партийные работники С. Гусев, В. Куйбышев, А. Мясников, П. Штернберг. По решению ЦК сюда направляются тысячи коммунистов.

Бои шли за Волгу. Бои кровопролитные, тяжелые. Враг захватил Казань. Его части при поддержке флотилии продолжали наступление. Противник располагал большим отрядом хорошо вооруженных кораблей. Войска сопровождали авиация, бронепоезда.

Для успешной борьбы с врагом нужны боевые корабли. Без них противника не одолеть. Совнарком принимает решение: срочно создать Волжскую военную флотилию. В постановлении говорилось «о передаче всей охраны водных путей Волжско-Каспийско-Камского бассейна морскому ведомству с возложением руководства на тов. Раскольникова». Он назначается командующим флотилией.

Своим рождением Волжская военная флотилия во многом обязана трудолюбию и мужеству балтийского матроса большевика Николая Маркина. Он первым с группой кронштадтских моряков прибыл в Нижний Новгород. Под его руководством шло переоборудование и вооружение речных

пароходов и буксиров. Работы выполнял коллектив завода «Нижегородский теплоход». Рядом с инженерами и рабочими трудились матросы. Местные партийные и советские органы получили от председателя ВЦИК Я. М. Свердлова специальную телеграмму: «Оказывать всяческое содействие… товарищу Маркину в порученной ему работе». Маркин лично присутствовал при установке орудий на палубах кораблей и их испытаниях на воде. Сам отбирал команды пароходов.

Николай Маркин был назначен заместителем командующего флотилией.

…Миноносец «Ретивый» в походе. На борту командующий флотилией Федор Раскольников. На мостике темно. Огни притушены. Раскольников стоит рядом с лоцманом, седым бородатым стариком. Старательно огибая частые отмели и перекаты, вплотную прижимаясь то к одному, то к другому берегу, корабль медленно продвигается вперед.

— Нельзя ли, дедушка, увеличить немного ход?

— Никак нельзя, товарищ командующий, — тихо отвечает лоцман, — плёс здесь тяжелый, да и ночь очень темная. И так не знаю, как доберемся.

Поход разведывательный. Через несколько дней флотилия совместно с сухопутными частями начнет штурм Казани. Нужно еще раз уточнить расположение вражеских батарей, места сосредоточения войск.

Раскольников только позавчера прибыл на Волгу. Одновременно с ним пришли сюда и балтийские миноносцы. За их переходом лично следил Ленин. Корабли были посланы по его указанию еще в начале августа. В пути немного задержались, и тут же в Рыбинск полетела телеграмма комиссару и старшему командиру отряда миноносцев:

«Приказываю самым срочным порядком закончить погрузку орудий, снарядов и угля и незамедлительно следовать в Нижний. Работа эта должна быть выполнена в самый кратчайший срок. Местный совдеп и советские организации должны оказать полное содействие. Каждая минута промедления ложится тяжелой ответственностью и повлечет соответствующие меры по отношению к виновным. Телеграфируйте исполнение.

Председатель Совнаркома В. Ульянов (Ленин)».

Вахтенный начальник докладывает командующему, что скоро Верхний Услон. А в черной темени ночи ничего не видно. Только крутизна левого берега, покрытого лесом, чуть-чуть вырисовывается на фоне звездного неба. Раскольников знает: здесь у противника сосредоточены крупные силы. Высоты укреплены артиллерией. Батареи расположены так, что

простреливают не только фарватер Волги, но и противоположный берег. Орудия шестидюймовые, скорострельные. В помощь им придан бронепоезд. Он курсирует по железнодорожной ветке вдоль берега. У пристани стоят корабли флотилии. Они охраняются дозорными катерами.

Так доложила разведка. Теперь эти сведения надо уточнить, проверить на месте огнем.

— Ну что ж, — говорит Раскольников командиру корабля, который стоит тут же на мостике, — благословляйте артиллеристов, пусть начинают. А штурману передайте: как начнется ответный огонь, сразу к правому берегу прижимается и на обратный курс ложится. Нам тут делать нечего. Мы только прощупаем их, — он указал в сторону белогвардейских батарей, — засечем огневые точки… А ударим завтра.

Миноносец открыл огонь. Залпы глухим эхом повторились где-то на обоих берегах. И сразу же на высоком уступе, что темной громадой поднимался над рекой, вспыхнули огненные столбы снарядных разрывов. Берег ответил не сразу. Но его батареи ударили одновременно все. Тяжелые снаряды падали далеко от борта корабля. Миноносец успел отойти. Сделав еще несколько залпов, снова резко отвернул в сторону. Теперь заговорил бронепоезд. На пристани вспыхнул пожар. Видимо, загорелись складские постройки. Пламя, яркое, высокое, осветило стоящие у причалов корабли.

— Ударить по ним! — отдает приказание Раскольников. Он внимательно следит за вспышками на берегу, запоминает. Завтра это все пригодится. Конечно, наблюдатели нанесут обнаруженные огневые точки на карту. Однако личные впечатления тоже нужны. Ему невольно вспомнились занятия по морской тактике в гардемаринских классах. «Бои» кораблей-макетов. «Управление огнем» по кнопочной электросхеме. Прошел год с небольшим. И вот он уже командует целой флотилией кораблей. Должность адмиральская. А он — лейтенант. Лейтенант Красного флота. Это звание ему присвоил I Всероссийский съезд моряков, проходивший в ноябре 1917 года. На нем присутствовал Ленин. Выступая с ответной речью, Раскольников благодарил партию за оказанное ему доверие. Обещал оправдать высокое звание красного офицера. И вот наступило время…

Командир миноносца доложил о выполнении задания. «Ретивый» лег на курс отхода.

В базу вернулись еще до восхода солнца. Вскоре на флагманский корабль прибыли представители армейских частей. Командующий пригласил командиров кораблей, работников штаба и политотдела. Еще раз уточнили план совместных

действий по разгрому верхнеуслонского укрепленного района.

Первой наносит удар по врагу флотилия. Миноносцы, прорвавшись к берегу Верхнего Услона, своей артиллерией подавляют огонь тяжелых батарей. По этой же цели действует плавучая батарея «Сережа», вооруженная 120-миллиметровыми морскими орудиями. Канонерские лодки обстреливают стоящие у пристани суда, бьют по бронепоезду. Под прикрытием их огня высаживается десант. Как только он зацепится за берег, начинается наступление пехоты. В прорыв сразу вводятся два полка 28-й дивизии, которой командовал В. Азин. Их действия на берегу обеспечивают огневой поддержкой канонерские лодки. Миноносцы продолжают обстрел батарей до полного их уничтожения.

К полудню флотилия изготовилась к походу.

По сигналу с «Ретивого» корабли заняли свои места. Впереди, вслед за флагманом, шли миноносцы «Прочный» и «Прыткий». В кильватерной колонне, на небольшой дистанции от них, следовали канонерские лодки «Ваня-коммунист», «Добрый», «Дельфин», «Ташкент», «Ольга», «Олень». Справа находилась плавучая батарея «Сережа». Отряд сопровождало несколько катеров-истребителей, вооруженных легкой артиллерией и пулеметами.

Авиагидроотряду флотилии командующий приказал прикрывать действия кораблей с воздуха. Два самолета несли патрульную службу. Их задача: отражать налеты аэропланов противника, вести наблюдение за передвижением вражеских войск и кораблей, бомбежка и обстрел укреплений.

Бой длился около двух часов. Огневой удар начали наносить миноносцы. Батареи противника сразу же были вынуждены замолчать. Но вскоре снова открыли огонь. От их снарядов погибли две канлодки — «Ташкент» и «Дельфин». Осколками шрапнели выведен из строя орудийный расчет на миноносце «Прочный». Плавучая батарея получила пробоину. Но и бронепоезд противника стрельбу прекратил совсем.

Меткими залпами «Ретивого» потоплены три вооруженных парохода прямо у причалов. Остальные корабли, отстреливаясь, ушли вниз по Волге. Десант высадился успешно. Но, встреченный сильным пулеметным огнем, вынужден был отступить к берегу. Помог миноносец «Прыткий». Подошел почти вплотную к кромке воды и огнем своих пушек расчистил дорогу десанту. Сухопутные войска вскоре ворвались на окраины Верхнего Услона, овладели высотами, где стояли батареи. К вечеру противник был окончательно сломлен. Путь на Казань открыт.

В том бою отличился матрос с канлодки «Ваня-коммунист»,

будущий писатель-маринист и драматург Всеволод Вишневский. Вместе с флотилией он прошел с боями по всей Волге и Каме.

В начале сентября командующий флотилией получил приказ командующего 5-й армией о совместном наступлении на Казань. Бои начались 9 сентября. Накануне вечером и ночью корабли флотилии переправили через Волгу несколько полков пехоты вместе с артиллерией и обозами. На рассвете миноносцы и канонерские лодки провели двухчасовую артиллерийскую обработку позиций противника. Разбитыми оказались многие вражеские орудия, разрушены десятки пулеметных точек. Под прикрытием огня части 5-й армии охватили город с трех сторон, подошли к его окраинам. Враг упорствовал. Батареи, расположенные на центральных улицах и особенно за стенами Кремля, мешали дальнейшему продвижению советских войск. Цепи залегли. Атаки завершались рукопашными схватками, но противник не отходил. Его защищала артиллерия.

К Раскольникову на «Ретивый» прибыл представитель армейского штаба. Ознакомил с обстановкой на суше. Показал на плане города расположение вражеских батарей.

— А если высадить десант прямо на пристань, — предложил командующий флотилией, — и с ходу захватить Кремль?

Так и порешили.

Вечером, под покровом темноты, миноносцы «Ретивый» и «Прыткий» совместно с тремя канонерскими лодками прорвались прямо к причалам порта. Ошеломленная прислуга вражеских орудий, установленных на пристани, при первых же залпах корабельных пушек разбежалась. В течение нескольких минут корабли ошвартовались у стенок, и десантники по трапам сошли на берег. Раскольников, стоя на мостике «Ретивого», в мегафон отдавал распоряжения кораблям и десанту. Командиром отряда был Николай Маркин.

В полночь десант, состоящий из матросов и солдат, после упорных боев овладел Кремлем. Батареи противника перестали существовать. Наши части, не прекращая атак, перешли в наступление сразу по всему кольцу окружения. К утру войска 5-й армии вступили в город. Казань снова стала советской.

«Моряки Волжской флотилии! — говорилось в приказе Реввоенсовета Республики. — Под Казанью ваша флотилия покрыла себя славой. Все суда соревновались в героизме и преданности рабочему классу. Славные моряки показали, что они остаются тем, чем были: красой и гордостью революции».

Противник отошел. Вместе с наступающими частями флотилия перенесла свои действия на Каму. Линия фронта отодвинулась на восток.

Красивы ранней осенью берега Камы. Особенно в тихие солнечные дни. На песчаных отмелях сотни лебедей. Белые крылья, как флаги, полощутся на легком ветру. Лебеди готовятся к отлету на юг, пробуют крылья. Река близ Сарапула широкая, глубокая. Течет медленно. Берега обрывистые, из желтой глины. Наверху зелень низкорослого кустарника. Одинокие пихты, как часовые, стоят молча.

Дни короткие. Ночи длинные. Рассветы неторопливые. Темнота отступает не спеша. Над водой, как от большого костра, белый дым тумана. За ним, словно за занавесом, ничего не видно.

…Хорошо об этих краях, о той далекой боевой осени рассказала в своих фронтовых очерках-былях друг и соратник Федора Раскольникова, талантливая журналистка и писательница, бесстрашный боец партии неутомимая Лариса Рейснер. Долгие годы трудной и горячей жизни они были рядом. Она прошла с Волжской флотилией весь ее боевой путь. Была не только летописцем героических дел. Она — активный участник боевых событий на Волге и Каме. Вместе с моряками делила радость побед и горечь утрат. Ее пламенные речи агитатора звучали в корабельных кубриках, в солдатских окопах, в крестьянских хатах освобожденных от белогвардейцев деревень. Она ходила в разведку по тылам врага. Несла правду о революции в занятые противником села и города. Она была по духу и по сердцу боевым комиссаром. И, может быть, верен рассказ о том, что прообразом комиссара в «Оптимистической трагедии» Всеволода Вишневского была неустрашимая Лариса Рейснер…

«Ретивый» и «Прочный» подошли к Сарапулу. Сигнальщики докладывают: рядом мост, по нему усиленное движение. Повозки. Люди. Идет переправа. Противник подтягивает новые силы.

А наши войска штурмуют город. Бойцы дивизии легендарного Азина уже заняли несколько улиц.

— По переправе, огонь! — звучит команда, и артиллеристы обоих кораблей начинают обстрел подступов к мосту. Легче, конечно, взорвать мост. Но Раскольников решил подождать с этим. Мост пригодится самим. Новый построить не так-то легко.

Вскоре подошли канонерские лодки. На оба берега были высажены небольшие десанты с пулеметами; Мост захвачен. Переправы больше нет. Корабли ведут огонь по войскам противника, обороняющим город. Азинская дивизия успешно наступает. Сарапул освобожден.

В тот же день штаб флотилии получил срочный приказ. В 30 километрах ниже Сарапула находилась угнанная белогвардейцами баржа-тюрьма, в трюмах которой томилось более семисот приговоренных к расстрелу советских активистов и

красноармейцев. Заключенных лишили пищи и воды. Они не видели дневного света. Белогвардейские палачи решили при приближении Красной Армии вывести баржу на глубину, поджечь и потопить вместе с живыми людьми.

Реввоенсовет армии дал указание командующему флотилией Раскольникову принять любые меры, но спасти товарищей.

В поход отправились три миноносца. Они шли под белогвардейскими флагами. Вел их Раскольников. Обманув таким образом корабли охранения, командующий приблизился на «Ретивом» вплотную к барже. Короткий рукопашный бой с часовыми. Баржа взята на буксир. Отстреливаясь от вражеских орудий, миноносцы вернулись обратно.

Потом началось преследование отступающего противника. Корабли флотилии оторвались от своих частей. Враг решил воспользоваться этим. К берегу были стянуты орудия. Устроены всевозможные засады.

Когда Раскольникову доложили об этом, он спокойно ответил:

— Прорвемся!

У села Пьяный Бор произошел первый бой. Начался он разведкой. Командующий послал вперед два катера. На большой скорости они неуязвимы для полевой артиллерии. Противник, обнаружив катера, открыл огонь. Водяные столбы всплесков остаются за кормой. А враг продолжает стрелять. Расположение его батарей теперь известно.

На «Ретивом» ждут команды открыть ответный огонь. Раскольников не спешит. Он смотрит туда, где рвутся снаряды. Не спускает глаз с катеров. А тут еще, напуганная взрывами, в небо взметнулась стая лебедей. Кружатся, кричат, но их голоса тонут в грохоте стрельбы.

— Огонь! — произносит командующий, и корабли вступают в единоборство с батареями врага.

Вперед вырывается канонерская лодка «Ваня-коммунист». На ее борту Николай Маркин. На полном ходу корабль посылает снаряд за снарядом в расположение белых. «Ваня-коммунист» все ближе подходит к берегу. Стреляет почти в упор по пулеметным точкам, спрятанным в прибрежном кустарнике.

Увлекшись боем, сигнальщики «Вани-коммуниста» не заметили молчавшую до сих пор батарею. Она укрылась за штабелями дров. Ударило несколько залпов. Прямое попадание в борт. Второе — в надстройку корабля. Пожар.

На помощь поспешил «Ретивый». Подошел почти вплотную. Загородил «Ваню-коммуниста». Батарея перенесла огонь на миноносец. Раскольников с мостика крикнул Маркину:

— Задний ход! Я прикрою тебя!..

Но было уже поздно. Пламя охватило корабль. Он окутался паром и дымом и стал погружаться в воду. «Ретивый» попытался взять раненый корабль на буксир. Но он уже наполовину находился в воде. Спасти его было невозможно.

Так погиб «Ваня-коммунист». Так погиб герой-моряк Николай Маркин.

Раскольников телеграфировал Ленину:

«Первого октября под Пьяным Бором в ожесточенном бою нашей флотилии с судами и береговой батареей противника погиб вооруженный пароход «Коммунист», бывший «Ваня». На нем нашел себе преждевременную кончину помощник командующего Волжской военной флотилией товарищ Николай Григорьевич Маркин, революционный герой, преданнейший член нашей партии, один из основателей и самых энергичных созидателей нашей молодой флотилии на Волге и Каме. Его смерть является тягчайшей и абсолютно незаменимой утратой как для флотилии, так и для всей Советской республики. Вечная память отважному революционеру».

Командующего белогвардейской флотилией адмирала Старка считали «хитрой лисой». Но он не оправдывал это мнение. Видимо, потому, что был трусоват. В боях он лично мало участвовал. А на этот раз решил отличиться.

После гибели «Вани-коммуниста» Старк собрал корабли своей потрепанной флотилии. Поднял флаг на канонерской лодке «Орел» и… приготовился к атаке. Бой наметил провести на рассвете.

В тот вечер на «Ретивом» в каюте Раскольникова шел разговор о том, как лучше встретить Старка. Какие приготовить ему гостинцы. Чем его попотчевать. Туговато было с «продуктами». Корабли давно не пополнялись свежими запасами. Помогла моряцкая находчивость. «Меню» подобрали подходящее.

Ночью два катера вышли на постановку мин. Корабли флотилии сменили позицию. Встали поближе к «гостям». Еще не успел забрезжить поздний осенний рассвет, из-за поворота реки показались темные силуэты вражеских кораблей. Над водой тихо. Спят берега. Старк, видимо, рассчитывал на удар исподтишка. Но «хитрая лиса» сама попала в капкан.

Предрассветную тишину разорвали два оглушительных взрыва. Это на минах, поставленных ночью, подорвалась идущая впереди вражеского отряда канонерская лодка «Труд». Вспыхнул пожар. Корабль быстро начал тонуть.

А где же адмирал Старк?

Он развернул свои корабли на 180 градусов и быстро стал

уходить в обратном направлении. По удирающему противнику ударили орудия миноносцев. Под их дружные «аплодисменты» дорогие «гости» покинули радушных хозяев. Больше адмирал Старк никогда не проявлял личной храбрости.

Вскоре на Каму пришли холода. На реке появился лед. Корабли флотилии возвратились к месту зимней стоянки — в Нижний Новгород.

Год двадцатый. Каспийское море. В Астрахани еще холодно. Лед на Волге вот-вот придет в движение. И тогда этот край оживет.

А сейчас…

Каспийское море почти полностью в руках англичан и белогвардейцев. Только северная его часть с единственной базой в Астрахани наша, советская. Здесь в порту стояли четыре миноносца и несколько вооруженных пароходов. Плохо с топливом.

Прошедшая осень и зима были тяжелыми. Астрахань находилась в кольце вражеских войск. С юга наступали деникинцы, с востока — уральские казаки.

Выход на Каспий был закрыт. За спиной, белогвардейцев орудовали войска англичан. Их манила легкая победа. Они чуяли запах нефти. Со дня на день ожидали падения Астрахани, захвата Нижней Волги. Тогда две лавины контрреволюционного нашествия слились бы вместе. Весь юг Советской России с его хлебными богатствами и нефтью достался бы им.

Так думали и планировали в Лондоне. Но советский народ, как хозяин, распорядился по-своему. В те дни на весь мир прозвучали слова: «Пока в Астраханском крае есть хоть один коммунист, устье реки Волги было, есть и будет советским». Так сказал от имени защитников Астрахани С. М. Киров. Он стоял во главе обороны Нижней Волги.

Раскольников прибыл на Каспий в самое жаркое время боев. Флотилия, зажатая в устье Волги, была, разделена на несколько отрядов. Корабли действовали там, где складывалась наиболее трудная обстановка. Артиллерийским огнем, высадкой матросских десантов флотилия помогала частям 11-й армии оборонять подступы к Астрахани.

Особенно трудным был октябрь. Бои шли непрерывно днем и ночью. Противнику удалось захватить берег Волги в районе Черного Яра. Это угрожало городу и единственной железной дороге. Реввоенсовет 11-й армии приказал защитникам Черного Яра отстаивать свои позиции до последнего бойца. Корабли флотилии во главе с командующим Федором Раскольниковым

бессменно находились в этом районе. Их огневые удары не давали покоя врагу. Моряки доставляли гарнизону Черного Яра боезапасы и продовольствие. Все атаки деникинцев были отбиты. Войска 11-й армии перешли в контрнаступление и отбросили врага от Волги.

Астрахань, как известно, порт речной. Море здесь мелководное. Вывод судов на так называемый двенадцатифутовый рейд производится по каналу. И только там, на рейде, корабли могут принимать топливо, пресную воду, производить погрузку материалов, разводить пары. Все это создает огромные неудобства, особенно для военного флота. Все действия кораблей на виду у противника. Он мог делать что хотел: ставить мины, чтобы не выпустить наши корабли из канала, подстерегать их здесь и, пока они беззащитны, топить.

Флот у противника был сильный. В его составе около 20 судов, вооруженных артиллерией, и до трех десятков новейших английских быстроходных катеров. В руках интервентов и белогвардейцев находились хорошо оборудованные базы в Баку и Петровске, в Тюб-Караганском заливе и на острове Чечень. Враг располагал неограниченными запасами нефти, используя ее как топливо для своих кораблей.

Могла ли Советская республика мириться с таким положением? Ведь здесь, в районе Каспия, находятся наши главные нефтеносные источники. Рядом — богатства Кавказа. Разве можно оставлять все это в руках захватчиков?!

Вот почему весной двадцатого года за Каспийское море развернулась ожесточенная борьба.

Волга вскрылась в марте. Наступила настоящая весна. Она принесла с собой первые победы. Войска 11-й армии, действующие на побережье, вели успешное наступление. Дело теперь за флотилией.

Вместе с половодьем в Астрахань пришли новые корабли: шесть миноносцев, две канонерские лодки, три морских парохода, вооруженных тяжелой артиллерией. Где-то на подходе, на Волге, находились еще четыре миноносца и шесть сторожевых кораблей, перебрасываемых с Балтики. Волжско-Каспийская флотилия теперь могла померяться с любым противником. Это радовало ее командующего Федора Раскольникова.

Он отдает первый в эту кампанию боевой приказ. На двенадцатифутовый рейд выходит отряд судов, состоящий из пяти вооруженных буксиров, двух плавучих батарей с шестидюймовыми пушками и двух пароходов, специально оснащенных для постановки мин. Через несколько дней здесь была оборудована боевая позиция. Поставлено минное

заграждение. Плавучие батареи заняли свои места. Противник спохватился, но поздно. Ночью в район рейда вышел белогвардейский крейсер «Князь Пожарский», чтобы поставить мины. И сам подорвался на минном заграждении.

Армейские части вплотную подошли к главной базе вражеского флота — Петровску. Раскольников принимает решение: вывести на рейд все морские суда и начать активные операции на путях отступающего противника. Не давать ему подбрасывать подкрепления. Топить его корабли. Подняв флаг на миноносце «Карл Либкнехт», командующий с отрядом кораблей вышел к Петровску.

Перед самым уходом вызвал к себе Ивана Кожанова, командира десантных войск флотилии. Приказ был коротким. Высадиться на остров Чечень. Занять его бухты. Подготовить места для базирования кораблей.

Петровск наш. Основные силы англичан и белогвардейцев ушли в Энзели. Часть кораблей направилась в Тюб-Караганский залив, в форт Александровский, где находились остатки разбитой под Гурьевом Уральской белоказачьей армии. Раскольников оставляет свой отряд в Петровске, а сам на «Карле Либкнехте» направляется в форт Александровский.

К вечеру следующего дня «Карл Либкнехт» и сопровождающий его истребитель «Зоркий» были у цели.

— Ударим главным калибром, — заявил Раскольников командиру миноносца. — Сдадутся…

На якоре стояли два крейсера белых — «Опыт» и «Милютин». Заметив миноносец, вышли в море. Начался артиллерийский бой. Длился он два часа. Противник не выдержал, стал уходить в сторону мелководья. «Карл Либкнехт» преследовать его не мог из-за малых глубин.

По радио Раскольников предъявил гарнизону форта ультиматум. Противник молчал. Наступила ночь. Командующий послал в бухту истребитель «Зоркий», чтобы огнем пулеметов напомнить об ультиматуме. Вскоре гарнизон форта капитулировал. Раскольников организовал из матросов миноносца небольшой десантный отряд, который и занял форт Александровский. Полностью сдались 70 офицеров и более тысячи казаков во главе с атаманом Толстовым. За эту операцию экипаж миноносца «Карл Либкнехт» был награжден Советским правительством почетным Красным знаменем.

В конце апреля командующий Кавказским фронтом прислал боевую директиву о подготовке к взятию Баку. Кораблям надлежало высадить десант южнее города. Вести наступление с тыла. Вышли три транспорта под конвоем четырех миноносцев.

Командование отрядом Раскольников взял на себя. В Баку вспыхнуло восстание. В город вошли советские войска. Десант пришлось высадить в Ленкорани с целью преследования отступающего противника.

Баку — главная база флота. Теперь Волжско-Каспийская флотилия приказом командующего морскими силами республики переименовывается в Каспийский военный флот. Правительство Советского Азербайджана избрало командующего Каспийским флотом Федора Раскольникова командующим и Азербайджанским красным флотом.

Корабли противника, отступая, ушли в Энзели. Это последний оплот интервентов и белогвардейцев на Каспии. Командование флотилии решило атаковать Энзели, изгнать англичан с Каспийского моря, вернуть Советской России угнанный туда флот. Советское правительство официально заверило персидское правительство, что советские войска не имеют целью нанести какой-либо ущерб Персии. «Советскому десанту предложено очистить персидскую территорию, как только минует военная надобность и закончится восстановление свободного и безопасного плавания по Каспийскому морю».

14 мая Раскольников отдал боевой приказ:

«Оставшиеся в распоряжении противника суда в настоящее время интернированы в бухте Энзели, охраняемой английскими войсками численностью до 2 000 человек. Для защиты бухты с моря на берегу за восточной окраиной города установлены шестидюймовые батареи; вход в бухту, кроме того, охраняется плавучей батареей «Которость», вооруженной двумя шестидюймовыми пушками и находящейся у южной оконечности канала.

С целью не допустить возможности противнику в будущем вновь воссоздать боевую силу на море и в корне обеспечить за нами господство на Каспийском море, необходимо захватить в свои руки все находящиеся в Энзели плавучие средства.

Поэтому флоту и десантным отрядам приказываю произвести операцию захвата вооруженной силой города и бухты Энзели путем высадки десанта и дальнейших комбинированных действий его с боевыми судами по следующему плану: десантные отряды под прикрытием боевых судов высаживаются в районе Кумаль-Кавру, прерывают сообщение Энзели с Рештом и, продвигаясь вдоль шоссе, стремительным натиском овладевают береговыми укреплениями у Энзели. Одновременно производится бомбардировка этих укреплений с моря, а за два часа до момента высадки десанта флотом производится, путем обстрела района Качалал — Энзели, демонстрация. В то же время кавалерийский

дивизион из Ленкорани, передвигающийся вдоль побережья, подходит к городу Энзели с запада…»

Вечером перед отходом кораблей Раскольников зашел к Серго Орджоникидзе. За чаем засиделись до полуночи. Время бежало незаметно. Попрощались.

— До лучшей встречи!

— Семь футов под килем!

Военная гавань. Раскольников вступает на борт «Карла Либкнехта». Миноносец снимается с якоря. Эскадра легла курсом на юг. Корабли в кильватерной колонне. Миноносцы в голове. В середине транспорты с десантом.

На рассвете 18 мая эскадра подошла к Энзели. Город еще спал. Корабли стали на якорь против глинобитных домиков с плоскими крышами. Невдалеке дворец губернатора, окруженный пальмами.

Флагман поднимает сигнал: начать высадку десанта. Матросы уже на шлюпках. Подошли к песчаной отмели. Бросаются прямо в воду. В руках впереди идущего Красное знамя. Винтовки наготове. Берег был захвачен с ходу. Вышли на шоссе, ведущее на Решт и Тегеран. Пути отхода англичан отрезаны. Батареи даже не открывали огня. Прислуга разбежалась. Появились солдаты. Несколько залпов миноносцев, и они исчезли, попрятались.

Раскольникову на мостик принесли радиограмму. Английский генерал Шампайнь спрашивал о цели визита Красного флота. Вместо ответа — ультиматум о выводе английских войск из Энзели, о возвращении русского флота его настоящему хозяину. Срок — два часа.

К «Карлу Либкнехту» подходит моторный катер. На ветру полощется белый флаг. Молодой, элегантно одетый офицер поднялся на палубу миноносца. Это парламентер. Его доставили на мостик к Раскольникову.

— Лейтенант Крачлей, — отрекомендовался на ломаном русском языке англичанин.

…И вспомнился Раскольникову Лондон. Брикстонская тюрьма. Дорога туда была трагической. Декабрь 1918 года. Балтика. Неудачный поход на эсминце «Спартак» в Ревельский залив. Неожиданный налет английской эскадры. Корабль сел на мель. Плен.

Матросы переодели в бушлат. Нашелся предатель, бывший однокурсник по гардемаринским классам. Выдал. Закованный в кандалы, прибыл в Лондон. Допросы. Унижения. Газеты шумят: «Мы захватили в плен первого лорда большевистского адмиралтейства».

В памяти всплыл один вопрос, очень интересовавший английскую разведку:

— Сколько миноносцев и сколько моряков переброшено с Балтийского моря в Каспийское?

Раскольников глядел на офицера, а сам думал: «Теперь-то вы наверняка знаете, сколько кораблей у нас на Каспийском море…»

Срок ультиматума истек. Генерал согласился сдать Энзели. Раскольников вызвал Кожанова. Тот явился во френче, в коричневой кудрявой папахе набекрень. Его скуластое лицо улыбалось.

— Приказываю тебе, Иван Кузьмич, принять от них, — он указал на английского офицера, — город и флот!

Богатые трофеи. Захвачен весь белогвардейский флот: 10 вспомогательных крейсеров, 7 канонерских лодок, 12 быстроходных английских катеров, свыше 50 орудий, 20 тысяч снарядов, 6 гидропланов, 20 радиостанций.

Спустя несколько дней английская газета «Таймс» писала:

«…весь английский престиж теперь поставлен на карту, захват персидского порта Энзели является громадной угрозой, которая может заронить искру в легковоспламеняющийся материал, рассеянный по всему Среднему Востоку, от Анатолии до северо-восточных границ Индии».

Что ж, господа из «Таймса» не ошиблись. Дальнейшая жизнь подтвердила их прогноз.

Трудящиеся Энзели встретили красных моряков, как долгожданных друзей.

В Москву на имя В. И. Ленина была послана телеграмма:

«Захватом в плен всего белогвардейского флота, в течение двух лет имевшего господство на Каспийском море, боевые задачи, стоящие перед советской властью на Каспии, всецело закончены.

Отныне Российский и Азербайджанский советские флоты являются единым и полновластным хозяином Каспийского моря. Притоку нефти к сердцу республики не угрожает никакая опасность. Все вооруженные суда, пригодные для водного транспорта, будут немедленно разоружены и приспособлены на перевозку нефти из Баку в Астрахань.

Красный флот, завоевавший для Советской республики Каспийское море, приветствует с его южных берегов любимого вождя пролетариата товарища Ленина.

Командующий Красным флотом Каспийского моря Раскольников».

За успешное завершение боевых операций на Каспии флот был удостоен почетного Красного знамени ВЦИК РСФСР. Федор

Раскольников награжден вторым орденом Красного Знамени. «Деятельность морских сил Каспийского моря в кампанию 1920 года, — говорилось в докладе Реввоенсовета Республики VIII съезду Советов, — является одной из наиболее блестящих страниц боевой работы Красного флота».

После Каспия судьба забросила Федора Раскольникова снова в Кронштадт. Он командующий Балтийским флотом.

Бои шли на юге, на Черном море. На Балтике была уже относительно спокойно. Флот посылал на помощь черноморцам отряды матросов, корабельные и береговые пушки, минно-торпедное вооружение. Осенью Врангеля разбили. Страна переходила к мирной жизни. На флоте прошла частичная демобилизация личного состава старших возрастов. Корабли осиротели. Плохо было с топливом. Ремонт производить негде. Заводы не работали. Республика переживала трудные дни послевоенной разрухи. Все это не могло не отразиться на боевом состоянии флота.

«В общем ходе революции и случайностях гражданской войны, — писал М. В. Фрунзе, — на долю флота выпали особенно тяжкие удары. В результате их мы лишились большей и лучшей части его материального состава, лишились огромного большинства опытных и знающих командиров, игравших в жизни и работе флота еще большую роль, чем во всех других родах оружия, потеряли целый ряд морских баз и, наконец, потеряли основное ядро их рядового краснофлотского состава.

В сумме все это означало, что флота у нас нет».

Но он должен быть. Страна наша — морская. Больше половины границ проходит по водным рубежам. Для ее защиты нужны крепкие военно-морские силы. Так говорили морякам партия, Ленин.

В эти дни Раскольникова волнуют судьбы флота, его будущее. Он пишет в газету «Известия». Статья напечатана в начале января 1921 года. Автор ставит вопрос о быстрейшем возрождении флота. Молодая Советская республика в окружении капиталистических государств. Для надежной ее охраны нужны сильная Красная Армия и сильный Красный флот.

«Для того, чтобы оказаться на высоте задач, которые может поставить нам история, — писал Раскольников, — наш флот должен тщательно, напряженно, сосредоточенно работать над собою, воссоздавая свою техническую силу и боевую мощь… Не развивая широковещательных судостроительных программ, мы прежде всего должны использовать судовой состав, имеющийся налицо в потенциальном виде, и, приведя его в порядок, создать

сильный социалистический флот».

В том же январе в Москве состоялось совещание моряков — делегатов VIII съезда Советов. Для разработки планов восстановления морских сил республики совещание избрало специальную комиссию. Первой была названа кандидатура Раскольникова. Его освобождают от должности командующего Балтийским флотом, переводят в распоряжение Реввоенсовета Республики. Комиссия занималась подготовкой материалов о флоте к X съезду партии, который состоялся в марте двадцать первого года.

«Съезд считает необходимым, — говорилось в постановлении, — в соответствии с общим положением и материальными ресурсами Советской республики, принять меры к возрождению и укреплению Красного военного флота».

В 1921 году полпредом Советской России Раскольников едет в Афганистан. Так начинается его новая, дипломатическая служба. Он сделал многое для того, чтобы заложить прочные дружественные отношения между СССР и Афганистаном. Федор Федорович первый из советских дипломатов был награжден орденом другой страны. Король Афганистана вручил ему эту награду.

Через три года Раскольников возвращается в Москву. Работает редактором журналов «Молодая гвардия» и «Красная новь», главным редактором издательства «Московский рабочий». Он — председатель Главреперткома, начальник Главискусства, член коллегии Наркомпроса. Написал несколько книг об участии моряков в революции, об их подвигах на фронтах гражданской войны. Его перу принадлежит известная пьеса «Робеспьер», которую ставили не только советские театры. Она шла в Париже. Он сделал инсценировку романа Л. Н. Толстого «Воскресение». Был автором многих статей по вопросам литературы и искусства. В 1934 году Раскольникова приняли в Союз советских писателей.

Потом снова дипломатическая работа. В 1930–1938 годах Федор Федорович был советским послом в Эстонии, Дании, Болгарии. И здесь он, как и раньше, все силы отдавал тому делу, которое ему поручала партия. Показал себя талантливым дипломатом.

Находясь за рубежом, Раскольников узнает о жестоких репрессиях Сталина. Тяжело переживает трагическую гибель в результате произвола и беззакония Сталина ни в чем не повинных людей — ближайших соратников Владимира Ильича Ленина, активных деятелей Великой Октябрьской революции, выдающихся полководцев гражданской войны. Многих из них Федор Федорович знал лично по совместной работе. Тогда же он

стал замечать, что и за ним следят ежовско-бериевские агенты. Чувствовал недоброе. Предвидел надвигающуюся опасность.

Глубоко потрясла Раскольникова весть о том, что по указке Сталина его объявили «врагом народа», лишили советского гражданства, поставили вне закона.

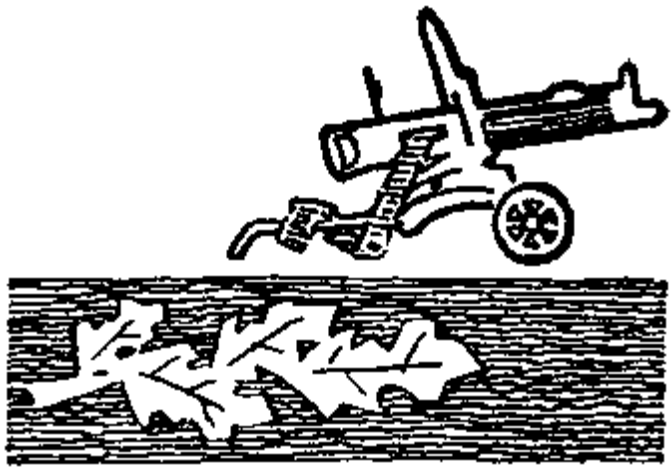
Федор Федорович до конца своей жизни оставался настоящим ленинцем, советским патриотом, бесстрашным бойцом большевистской партии. Он верил и знал, что правда восторжествует. Культ личности, как явление чуждое нашей Коммунистической партии и нашему советскому строю, будет разоблачен, осужден и уничтожен.

Умер Раскольников 12 сентября 1939 года во Франции.

Таков боевой путь этого замечательного человека — флотоводца, дипломата, партийного деятеля и писателя.

ВЕН. ТИХОМИРОВ

НИКОЛАЙ КУЙБЫШЕВ



Дивизия отступала… По раскисшим от осенней распутицы дорогам тянулись обозы, телеги с ранеными по ступицу тонули в непролазной орловской грязи, словно грачи хохлились на передках орудий ездовые, по обочинам, изломав строй, измученные и полуголодные, брели бойцы.

Пронизывающий осенний ветер гнал по небу рваные свинцово-тяжелые тучи, сыпал ледяным дождем вперемежку с мокрым, тут же тающим снегом, разбойно посвистывал в голых ветвях деревьев, срывал с них последние ржавые листья.

Время от времени его порывы доносили с юга тяжелые раскаты артиллерийской канонады и удушливый едкий запах гари. И тогда замедлялось движение, исхудавшие пальцы бойцов хватались за полупустые подсумки, до боли стискивали ложи винтовок.

Но звучала негромкая команда, ротный, хмурясь, отворачиваясь, ронял ставшее горько-привычным за последние несколько недель:

— Ша-аг-ом…

И опять приходила в движение однолико-серая колышущаяся лента старых шинелишек, драных полушубков, городских пальто и крестьянских зипунов. Дивизия отступала…

С юга напирали деникинцы. Корниловские офицерские полки, казачьи сотни Шкуро, английские гаубичные батареи на гусеничном ходу, танки и бронепоезда Антанты, которыми командовали заморские инструкторы, и самолеты с трехцветными, «единой-неделимой», эмблемами на крыльях.

Наступали, как профессионалы воинского дела, четко, словно на высочайших смотрах развертывая полки; рвались к добыче с жадностью бандитов, метили свой путь виселицами, пепелищами, братскими могилами.

Жестокая ненависть к «мужичью», посмевшему посягнуть на родовые тысячедесятинные поместья, к «пролетарьяту», потребовавшему отдать созданные его же трудом фабрики и заводы, вековые, с молоком матери впитанные традиции бар и угнетателей, подстегивали, гнали вперед.

Деникинцы наступали…

Под их ударами истощенная, плохо вооруженная, потерявшая в кровопролитных боях чуть не треть первоначального состава 13-я армия откатывалась все дальше на север, отступала через Харьков и Белгород в направлении Курска. На подступах к городу завязались жестокие бои.

Среди других красных частей, оборонявших Курск, была и 9-я стрелковая дивизия, та самая, которая приняла на себя первый удар наступавшей деникинской армии. Бойцы и командиры этой дивизии, в основном местные уроженцы (до октября 1918 года дивизия так и называлась — 1-я Курская советская пехотная), защищая свой родной город, проявляли подлинные чудеса героизма. Но силы были слишком неравны.

…Утром 16 августа на участке 3-й бригады, которой командовал И. А. Милюнас, ударная группа белогвардейцев в составе двух корниловских, Алексеевского и Кабардинского полков, при поддержке четырех бронепоездов, танков, артиллерии, конницы начала наступление, стремясь прорваться к Курску. Вновь части 9-й стрелковой оказались на направлении главного удара.

Бои были жестокими. Каждая деревушка, каждый хуторок доставался деникинцам ценой больших потерь. Красноармейцы сражались до последнего патрона, в отчаянных контратаках перемалывали рвущиеся на Москву части Добровольческой армии, захватывали бронеавтомобили и танки. Противник был вынужден приостановить наступление, подтянуть новые резервы. Но и наши части в этих боях понесли большие потери.

Полки, по численности равные ротам и даже взводам, не смогли долго сдерживать наступление белогвардейцев. 20 сентября Курск был сдан. Ударная корниловская дивизия развернула наступление на направлении Орел — Кромы. На Южном фронте создалось угрожающее положение.

Пленум ЦК РКП (б) в сентябре 1919 года принял решение о немедленном усилении Южного фронта. Для борьбы против Деникина отзывали с других фронтов лучших командиров

молодой Красной Армии, сюда направлялись ответственные партийные работники, срочно готовились подкрепления. К первым числам октября в 9-ю стрелковую прибыл новый командир.

Начдив-9, Петр Адрианович Солодухин, несмотря на свои 26 лет, был уже опытным военачальником. Гидротехник по профессии и армейскому опыту, он два года провел на германском фронте, после революции работал в Петросовете, а в июне 1918 года во главе «7-го инженерного летучего боевого отряда имени Петроградского Губсовдепа» отбыл на Северный фронт.

В боях под Котласом, на Северной Двине, под командованием прославленных героев гражданской войны Павлина Виноградова и Иеронима Уборевича 7-й инженерный и его молодой командир получили признание солдат революции.

Под стать Солодухину был и военком дивизии Семен Петрович Восков, пламенный большевик, член РСДРП с 1917 года.

…Это произошло в ночь на 11 октября в маленькой деревушке Рассыльное. Тускло светила чадящая трехлинейка, сизый махорочный дым слоился над столом, заваленным картами, оружием, биноклями, патронташами. А вокруг — командиры, штаб бригады.

Комбриг Милюнас, жестоко простуженный, покашливал, растирал ладонью болевшую грудь. И всякий раз, когда короткие сильные пальцы машинально касались алой, атласной розетки только что полученного ордена, какая-то особая, чуть смущенная улыбка на миг смягчала суровую складку его обветренных губ. Военком Зайцев беспрерывно курил, ладонью отгоняя от лица едкий дым самосада, щурил глаза, воспаленные от долгой бессонницы. Командир разведчиков Батрацкий, подтянутый, собранный, и сейчас, на привале, не снявший тяжелой кобуры с маузером, громоподобным «шепотом» докладывал обстановку. За день бригада оторвалась от противника и теперь готовилась занять оборону на новых рубежах.

Время от времени раздавался скрип двери — кто-нибудь из часовых проскальзывал в хату, спешил к печке, чуть ли не в огонь совал окостеневшие пальцы — одна пара варежек была на троих. В соседней избе расположились остатки комендантского взвода и два пулеметчика. Выделить кого-либо еще для охраны штаба бригада не могла.

К полуночи совещание закончилось. Разбросав по лавкам, сундукам, а кто и просто на земляном полу попоны, полушубки, бурки, расположились на ночлег. Батрацкий привернул фитиль лампы, подошел к дверям, приоткрыл, чтоб впустить хоть

немного свежего воздуха. И в этот момент за стенами хаты дробными раскатами загремели очереди, ударили разрывы ручных гранат.

Отборная рота марковцев, затаившаяся в засаде на окраине деревни, без шума вырезала наружную охрану, окружила дома, занятые красными, расставила пулеметы. Схватка была ожесточенной и недолгой. Спаслись, вырвались из огненного кольца всего трое — комиссар В. А. Зайцев, начальник связи бригады Д. М. Добыкин, командир разведчиков Д. А. Батрацкий.

На следующий день командование бригадой принял прибывший той же ночью на паровозе из Орла Николай Владимирович Куйбышев.

Сын небогатого армейского офицера Владимира Яковлевича Куйбышева и провинциальной учительницы Юлии Николаевны, Николай с детства познакомился с несправедливостью и произволом.

Семья жила трудно. Отец, жестоко израненный в бесславную японскую кампанию, медленно умирал, полковой врач был самым частым гостем в доме. Юлия Николаевна допоздна засиживалась над тетрадками — прокормить восьмерых детей на куцее армейское жалованье было очень и очень не просто.

Николай хотел стать инженером, мечтал о технологическом институте. Но денег даже на гимназию не было, и ему пришлось поступить в омский кадетский корпус. Детей ветеранов там содержали бесплатно. В корпусе на Николая косились. Видно, и сюда дошли слухи о «бунтовщике» — старшем брате Валерьяне, которого к этому времени уже несколько раз арестовывали и отправляли в ссылку.

Про Валерьяна и в семье говорили с оглядкой, вполголоса. Николай знал только, что он член РСДРП, во время событий пятого года был связан с рабочими дружинами и сейчас живет неизвестно где. Слухи о нем доходили то из Сибири, то из Самары…

В 1909 году умер отец. Теперь дорога в институт была окончательно закрыта. Осенью двенадцатого года Николай поступил в Александровское военное училище и по окончании получил назначение в 10-й гренадерский Малороссийский полк. Вместе с этим полком в 1914 году он и попал на германский фронт. Три года окопов, долгие месяцы в госпиталях, ордена…

Конечно, стать инженером было бы гораздо лучше. Но работать всюду надо честно. И он работал, хотя и цели войны были неясны и последствия ее ничего хорошего не сулили России. Работал без души, но на совесть.

Коренастый, наголо бритый, неторопливый и

рассудительный, Николай Владимирович привлекал сердца солдат неизменной выдержкой, ровным характером, каким-то особым спокойным мужеством. И когда после Октябрьской революции в полку начались выборы командного состава, истосковавшиеся по мирной жизни солдаты вверили ему демобилизационные списки: Н. В. Куйбышев был избран адъютантом (начальником штаба) полка.

В декабре 1917 года, получив отпуск по ранению, Н. В. Куйбышев уехал в Москву. Возвратиться в часть ему уже не пришлось. Фронт разваливался, солдаты разбегались по домам, полки, дивизии, даже целые армии переставали существовать.

Незадолго до демобилизации, приехав к матери в Тамбов в краткосрочный отпуск, Николай Владимирович после долгого перерыва увиделся, наконец, со старшим братом. Эта встреча во многом определила его дальнейший жизненный путь.

Николай Куйбышев и раньше сочувственно относился к революции, положительно оценивал те преобразования, которые принесла она русской армии, был близок к солдатам своего полка, поддерживавшим большевистскую программу. А после долгих ночных бесед с братом, многое передумав и поняв, Николай Владимирович окончательно, душой и сердцем стал на сторону восставшего народа.

Человек достаточно технически грамотный, он, очутившись в Москве, поступает на службу в радиоотдел Наркомпочтеля, а вскоре, в июле 1918 года, вступает в ряды Красной Армии. Молодому капитану сразу же доверяют ответственный пост. Его назначают членом Высшей Военной Инспекции. Сейчас, когда его знания и силы были поставлены на службу родному народу, Николай Владимирович всей душой отдается прежде нелюбимому военному делу. И уже через несколько месяцев работы по переформированию войск Южной завесы Новохоперский уездный комитет партии большевиков выдал Н. В. Куйбышеву членский билет РКП (б).

Вскоре Н. В. Куйбышев — комиссар 3-й стрелковой дивизии на Украине, одновременно возглавляет дивизионный политотдел, становится членом ревтрибунала. В начале августа 1919 года, в трудных боевых условиях он принял командование дивизией, а в октябре, когда между Брянском и Кромами началось сосредоточение ударной группы по отражению деникинцев, был отозван в распоряжение командарма-13. Таков был новый командир 3-й бригады, человек, которому вместе с 9-й стрелковой дивизией предстояло пройти долгий, трудный и славный путь от Орла до Батуми.

Захват Орла был началом заката деникинской армии.

Упорное сопротивление отступавших частей Красной Армии, жестокие встречные бои, которые вынуждены были вести белогвардейцы буквально на каждом этапе своего бесславного похода, сильно ослабили войска Деникина. Заветная цель всей кампании была совсем близка, до Москвы оставалось каких-нибудь 350 километров, но продолжать наступление прежними темпами белые уже не могли.

В середине октября Реввоенсовет Южного фронта получил задание Политбюро ЦК РКП (б) готовить контрудар в районе Орла и Новосиля. Вскоре ударная группа, спешно созданная командованием фронта из Латышской стрелковой дивизии, бригады П. А. Павлова, бригады червонных казаков В. М. Примакова и других частей, перешла в наступление, выбила дроздовцев из Кром и нависла над фронтом корниловской дивизии белых, занимавшей Орел. На Южном фронте назревали большие перемены.

9-я стрелковая дивизия, пополнившая свой состав бойцами маршевых рот и частей, отступивших из Орла, в результате переформирования насчитывала теперь более 7 тысяч штыков. Ей были приданы также три броневика и значительные по тому времени силы артиллерийской поддержки. Началась подготовка к наступлению на Орел.

…В штабе 79-го полка многолюдно и шумно. Сюда на первое оперативное совещание с новым командиром собрались и ветераны бригады и новички, только вчера прибывшие из Москвы, Тулы, Питера.

Ждали Куйбышева, который вместе с военкомом Зайцевым задержался у начдива Солодухина, и, как почти всегда бывает в таких случаях, припоминали все, что доводилось когда-либо слышать о новом начальнике.

— Это не тот ли Куйбышев, что в пятом году оружие нам в Питер доставлял? — предположил седой коренастый батальонный, путиловец, оказавшийся в Курске во время подавления эсеровского мятежа. — Я его еще в Смольном на апрельской конференции большевиков потом видел. Только вроде бы он не военный, а этот, слышно, офицер…

— Уж точно не тот, — по-волжски окая, опроверг его один из командиров недавно прибывшего пополнения. — Куйбышева я, товарищи, хорошо знаю, он у нас в Самаре всей советской власти голова был и на конференцию в апреле от самарских большевиков ездил. Только зовут его Валерьяном, нашего же будто не так. А что насчет погон, так тому Куйбышеву их точно нашивать не приходилось, его с пятого года несчетно арестовывали, по тюрьмам да каторгам гноили. — И повернулся к

командиру разведчиков. — А ты что молчишь, Батрацкий, тебе ведь по должности все знать положено.

— Зовут комбрига Николай Владимирович, воевал на германской, трижды ранен, дослужился до капитана, в партии с прошлого года. Председателю Самарского губсовдепа Куйбышеву приходится младшим братом. Все, — сухо отрезал Батрацкий, не принимая шутливого тона.

— Слышь-ка, — начал было самарец, но его перебил громкий, чуть сипловатый голос:

— Здравствуйте, товарищи! — Через порог, отряхивая с шинели капли стаявшего снега, шагнул Куйбышев.

А через несколько минут, познакомившись со своими будущими соратниками, комбриг начал совещание.

Начштаба доложил о состоянии частей, наличии боеприпасов, дислокации. Куйбышев слушал молча, время от времени делая какие-то пометки в полевой книжке. Потом встал, неторопливо прошелся взад-вперед по комнате, остановился в углу, так, чтоб видеть всех сразу, поднял руку.

— Так, ясно. Теперь прошу внимания. Патронов у нас мало, хороших же стрелков и того меньше. А корниловцы и казаки с детских лет с оружием дружат. Поэтому — первое. В каждой роте отобрать лучших стрелков, выделить опытных пулеметчиков, если надо — провести проверочные стрельбы, даже это разрешаю, но обязательно создать огневые группы. Второе. Подготовить фашины и маты из веток, чтоб на проволоке не задерживаться, сразу прорываться до штыковой. Рукопашной белые не выдержат, дисциплину на грабежах да расстрелах порастеряли. Третье. Во всех частях провести политбеседы. Есть указание Ленина — к Москве Деникина не пускать. Отступили мы далеко, назад пути нет. На месте топтаться нам нельзя, значит, гнать будем белых, и гнать беспощадно до самого моря. А теперь попрошу к карте…

В ночь на 19 октября 3-я бригада вместе с другими частями дивизии перешла в наступление восточнее Орла. На рассвете полки вышли к окраине города, но тут наступление приостановилось. Наступавшая правее Эстонская дивизия, не успела выйти на исходный рубеж для атаки, и белые, свободно маневрируя по фронту резервами, предприняли отчаянную попытку отбросить наши части.

Тут-то и пригодились огневые группы, созданные в полках по приказанию Куйбышева. Отборные корниловские и марковские батальоны, на треть укомплектованные кадровыми офицерами, не выдерживали убийственного огня «красных снайперов». Без выстрела подпускали они наступавшие цепи на 200–300 метров и расстреливали их почти в упор. Первая, вторая, третья атаки

разбились о мужество и стойкость красных бойцов. Грязно-белое поле перед окопами было усеяно трупами «добровольцев-освободителей». Спустились сумерки, перестрелка стихла, и лишь с сухим треском рассыпались в небе ракеты, заливая все вокруг белым, мертвенным светом. Обе стороны поспешно готовились к новой схватке.

С рассветом со стороны корниловских окопов донеслась торопливая дробь барабанов. В серой мути поднялись над брустверами, развернулись тяжелые полотнища знамен, четко, как на параде выровненные, двинулись на красных цепи.

— Ну, ну, пусть позабавятся, здесь слабонервных не будет, — зло процедил Куйбышев, в бинокль наблюдавший за боем. — Комэск! — бросил он стоявшему поблизости командиру конников.

Тот с надеждой подался вперед.

— Атакуем?

— На горячих воду возят, — прервал его комбриг. — Не атакуем, но чтоб готовы были. Сейчас не время, выкосят вас как миленьких. А надо будет — пойдете. Телефон, — связист быстро подал трубку. — Не волнуешься? — неожиданно смягчившимся голосом произнес Куйбышев в кожаный раструб микрофона. — Передай по цепям, чтоб как вчера — на двести метров без выстрела. Мы их тоже с психологией встретим.

Томительно тянутся минуты. Вот уже сюда, на командный пункт, доносится тревожный гул барабанов, в светлом диске цейсовского окуляра видно, как идущий впереди цепи офицер взмахнул шашкой, качнулись вперед, упали на подставленные ладони винтовки, строй ощетинился сталью…

И разорвалась, раскололась гнетущая тишина. Залп, другой, третий, и заколебались, затоптались на месте корниловские цепи, не в силах перейти невидимый и страшный рубеж.

— Связь с начдивом! — кинул Куйбышев телефонисту. — Петр Адрианович? Беру на себя командование восьмидесятым. Да, попробуем на плечах. Думаю, должны. Есть действовать по обстановке. — И, повернувшись к военкому бригады, закончил: — Вы держите связь с начдивом, а я пойду к комполка. Они ведь не уймутся, снова пойдут, а мы людей в штыковую поднимем да рванем вперед. — И, не сгибаясь, как всегда неторопливый, зашагал по неглубокому ходу сообщения.

В 10 утра, истребив в штыковом бою ударную роту корниловцев, первый батальон 80-го полка ворвался в Орел. Несколько раньше в город пробились передовые части 76-го полка, в котором находился начдив Солодухин, а через несколько часов с запада вступили части Эстонской дивизии, с юго-запада

— латышские стрелки. Орел был взят. Закрепляя успех, части Красной Армии развернули наступление в направлении Курска.

В эти дни, оценивая положение на Южном фронте, В. И. Ленин писал: «Наступает момент, когда Деникину приходится бросить все на карту… Вот почему мы имеем основание думать, что теперь приближается решающий момент на Южном фронте».

И действительно, победа под Орлом ознаменовала собой поворот в ходе кампании. 20 октября 9-я стрелковая и Эстонская дивизии начали наступление на станции Стишь и Еропкино. Противник — отборные офицерские части генерала Кутепова — оборонялся отчаянно. В течение недели белогвардейцы под прикрытием бронепоездов и тяжелой артиллерии беспрерывно контратаковали наши части. Контратаковали и… отходили, не в силах сдержать наступательного порыва бойцов Красной Армии.

К вечеру 7 ноября бригада Н. В. Куйбышева, которую поддерживали 73-й и 78-й стрелковые полки, овладела городом Мало-Архангельском, захватив богатые трофеи.

Начдив Солодухин, высоко оценивший оперативное мастерство комбрига-3, поручает ему сформировать ударную группу и, прорвав фронт на участке Охочевка, выйти в тыл деникинцам, обороняющим станцию Курск. Вечером 15 ноября, после жестоких кровопролитных боев, комбриг Куйбышев докладывает П. А. Солодухину о выполнении приказа.

17 ноября в бою под деревней Долгая Клюква Н. В. Куйбышев умелым маневром создает угрозу к окружения значительных сил противника. Части 3-й бригады разбили Черноморский полк белых, захватили богатейшие трофеи и, выйдя к линии железной дороги Курск — Белгород, перерезали деникинцам путь отступления. Через два дня части противника оставили город Курск.

«Курск пал под мощным натиском красных воинов 9-й стрелковой дивизии… главную роль во взятии г. Курска сыграла наша 3-я бригада, которая, невзирая на страшные метели и морозы, быстрым продвижением вперед, нанося удар за ударом по противнику… достигла линии Курск — Белгород, чем отрезала пути отступления противнику по этой линии, и, выйдя на линию деревень Лебяжье — Букреево, создала угрозу полного окружения г. Курска, под влиянием этой угрозы окружения… противник 19 ноября с. г. поспешно оставил г. Курск… его полки… продолжают спешно отступать на юг к г. Обояни.

Начдив-9 *Солодухин*

Политком *Восков*».

Так оценило командование дивизии роль, которую сыграли в освобождении Курска бойцы 3-й бригады. А через несколько дней

потертый френч ее командира украсила боевая награда — орден Красного Знамени.

Итак, меньше чем за полтора месяца весь деникинский фронт был взломан, силы его армии в корне подорваны. В этой обстановке Реввоенсовет Южного фронта принимает решение о создании мощной и подвижной ударной группы, которая могла бы обеспечить преследование противника, не давать ему закрепляться и добиться окончательного разгрома деникинцев. В группу вошли I Конная армия, созданная на базе кавалерийского корпуса С. М. Буденного, а также 9-я и 12-я стрелковые дивизии.

Наступление красных частей развивалось успешно. Несмотря на ожесточенное сопротивление, к середине декабря после тяжелых боев под Тимом, Щиграми, Новым Осколом, Старобельском Добровольческая армия была вынуждена отступить на рубеж реки Северный Донец. Начались бои за Донбасс, бои, в которых вновь в полной мере проявилось военное мастерство комбрига Н. В. Куйбышева.

19 декабря части бригады с приданными ей подразделениями овладели переправой через Северный Донец; 25-го в ожесточенном встречном бою со 2-й дивизией белых выбили противника из деревни Селимовка и за два дня до наступления Нового года вместе с другими полками 9-й стрелковой и кавалеристами Буденного ворвались на станцию Дебальцево. Пал последний укрепленный район белых в Донбассе.

В начале января для окончательного разгрома остатков отступающего противника ударная группа развивает наступление одновременно в двух направлениях. Конная армия движется к Ростову-на-Дону, а 9-я стрелковая дивизия поворачивает к Таганрогу. Вечером 6 января город был занят. Части 9-й дивизии захватили здесь большие трофеи: 15 тысяч винтовок, 150 пулеметов, 60 тысяч снарядов, свыше 60 орудий и бомбометов, больше 20 танков и бронеавтомобилей. Но, самое главное, армия Деникина со взятием Таганрога была разрезана на две части и лишилась основного порта, через который шло все ее снабжение. За отличия в боях по овладению Железнодорожными узлами Донецкого бассейна, за успехи 3-й бригады в наступлении от Орла до Таганрога Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет наградил командира бригады Николая Владимировича Куйбышева именными золотыми часами.

А через несколько дней, сдав бригаду новому комбригу-3 А. Д. Локтионову, Н. В. Куйбышев принял командование 9-й стрелковой дивизией: начдив Солодухин по предложению Г. К. Орджоникидзе был отозван в распоряжение Реввоенсовета Кавказского фронта. Сменился в дивизии и военком. Семен

Петрович Восков вскоре после взятия Таганрога свалился в смертельном тифе. На его место был назначен старый большевик, уроженец Курской области Григорий Тимофеевич Таран.

Хорошая боевая дружба накрепко связала этого профессионального революционера с кадровым офицером Куйбышевым. Энергичный, порывистый здоровяк Таран, казавшийся из-за окладистой бороды много старше своих 32 лет, пользовался у бойцов редкой популярностью. Прекрасно знающий жизнь и города и деревни, он был неизменным советчиком бойцов во всех личных делах. За глаза в частях его часто называли «бородой» и «батькой». Но эти сугубо гражданские ласковые прозвища не мешали Григорию Тимофеевичу быть строгим и требовательным командиром, прекрасным воспитателем, подлинным военкомом, способным в трудную минуту увлечь за собой красноармейцев, помочь им реализовать замысел начдива.

А Николай Владимирович был для Тарана замечательным учителем военного мастерства, наставником, как говорил Григорий Тимофеевич, «красной полевой академии». И позже, в боях под Ростовом и на Кубани, при разгроме врангелевских десантов под Константиновной и штурме Волновахи, военком Г. Т. Таран не раз делом доказывал, что время, проведенное вместе с начдивом над тактическим разбором боевых операций, не прошло для него даром.

Но это было позже, а пока 9-я стрелковая дивизия получила от вновь назначенного командующего Кавказским фронтом М. Н. Тухачевского приказ овладеть Батайском.

27 января разведчиками дивизии были захвачены в плен два языка — офицеры дроздовской дивизии. Из их допроса стало ясно, что для успешного проведения операции необходимо прежде всего захватить хутора Городище и Обуховский, а также станицу Елизаветинскую. Эти населенные пункты как бы прикрывали подступы к Батайску и Койсугу, не овладев которыми не стоило и помышлять об успешном продвижении на Азов.

Но и противник прекрасно понимал значение этих важнейших оборонительных рубежей. Завязались жестокие затяжные бои с переменным успехом, продолжавшиеся почти два месяца. Белые беспрерывно контратаковали наши части и, умело маневрируя, предпринимали отчаянные попытки сорвать наше наступление. Однако 24 февраля, когда деникинцы оттянули часть своих войск к Ростову, начдив Куйбышев, воспользовавшись подходящим моментом, вместе с 15-й и 16-й стрелковыми дивизиями начал успешное наступление. Не выдержав натиска краснух частей, оставив на поле боя много убитых, бросая

артиллерию и обозы, противник в панике откатывался к Батайску. Утром 1 марта части 9-й стрелковой форсировали Дон в районе Койсуга и, прорвав укрепленную линию Батайск — Азов, вышли на просторы Кубани.

На Кубани бушевала весна. По обочинам разбитых, на десяток сажен расплывшихся дорог шли, поторапливались колонны наступавших частей 9-й стрелковой. Шли по-прежнему худые, по-прежнему не бог весть как обмундированные, шли в общем те же и в то же время уже совсем не те. Раненые не желали уходить из строя. Как ни густа, как ни вязка была кубанская «грязюка», пушки не застревали — при первой заминке за их колеса сразу хватались десятки рук. Вспухли, раздались до отказа набитые патронташи и подсумки, но их тяжесть ни у кого не вызывала недовольства. И команды, те самые команды, которые иные из бойцов слышали уже восьмой год подряд, звучали для каждого бодрыми тактами марша.

Стремительно и безудержно развивалось наступление революционных войск. Четко очерченная красная стрела, которой начштаба дивизии А. Я. Яновский отмерял на оперативной трехверстке продвижение наших частей, все более приближалась к бледно-голубому косому лоскуту Черного моря.

В эти тревожные и радостные дни начдив Куйбышев поспевал буквально повсюду, лично руководя операциями на самых ответственных участках. Не отставали от своего командира и его боевые соратники. Начальник связи 3-й бригады Д. М. Добыкин, ворвавшись с командой конных разведчиков в станицу Варениковскую, связался по телеграфу с начальником штаба белогвардейского корпуса генерала Кутепова, выдав себя за дежурного офицера связи. «Доложив» обстановку, он вызвал подкрепления, в том числе батарею английских тяжелых орудий, которые, не сделав ни одного выстрела, попали в руки красных.

Продолжая поддерживать связь со штабом белых, Д. М. Добыкин сумел получить важнейшие сведения, раскрывавшие план эвакуации уцелевших деникинских частей.

За эту блестящую операцию лихой командир был впоследствии награжден орденом Красного Знамени, а начдив Куйбышев получил возможность внести свои «коррективы» в планы генерала Кутепова.

3-я бригада дивизии на подводах была спешно брошена в направлении станицы Гостогаевской, а остальные части перекрыли дороги на Тамань, вынудив белых отступать в желательном для нас направлении.

24 марта вместе с конниками 16-й дивизии части под

командованием Куйбышева, полностью уничтожив атаманский (гвардейский казачий) полк белых, овладели Анапой. А через два дня бойцы 1-й бригады, преодолев горные перевалы через Абрау-Дюрсо, ворвались в Новороссийск. С Добровольческой армией было покончено.

27-го в уже освобожденный город вошли и части 3-й бригады, а спустя еще день полки 9-й стрелковой, выполняя приказ командования, выступили из к Новороссийска для несения службы по охране побережья Таманского полуострова. Завершился тысячекилометровый поход от Орла до Новороссийска. Впереди ожидали тысячи километров других военных дорог, рубежи новых сражений.

Разгром Деникина был лишь одним из этапов героической борьбы, которую вела весной 1920 года молодая Республика Советов. Закончился второй, начинался третий поход иностранных интервентов.

С запада над центральными областями России по-прежнему нависала угроза белополяков, активизировали боевые действия и войска «черного барона» Врангеля, прочно окопавшегося в Крыму и чувствовавшего себя в полной безопасности под защитой неприступного Перекопского вала.

Уверенность в безопасности собственного тыла придавала смелости командованию его частей, позволяла осуществлять ложные маневры. 6 июня войска «черного барона» прорвались в Северную Таврию и через две недели заняли весь берег Днепра от Херсона до Никополя и дальше — от Васильевки до Ногайска. Целью этого наступления был захват Донбасса — всероссийской кочегарки, имевшей первостепенное значение в хозяйстве Советской республики.

К концу июня благодаря энергичным мерам, принятым ЦК партии и Советским правительством, части Красной Армии, сдерживающие продвижение врангелевцев, были значительно усилены. Наступление белых приостановилось.

9-я стрелковая дивизия 27 июня получила приказ сосредоточиться на станции Крымская для отправки на Крымский фронт. Однако еще до того, как ее полки прибыли к месту новой дислокации, отборные офицерские части врангелевцев почувствовали на себе силу ударов проставленной 9-й стрелковой.

9 июля между Мариуполем и Таганрогом, в районе Кривой Косы, высадился десантный белогвардейский отряд численностью около 1000 человек под командованием члена Донского войскового круга казачьего полковника Назарова. Цель десанта

была ясна — прорваться на Дон, поднять восстание, отвлечь части Кавказского фронта от побережья Кубани, задержать переброску красных войск на Крымский фронт.

Отлично вооруженный, состоящий в основном из офицеров, отряд полковника Назарова, меняя лошадей в богатых станицах, легко уходил от преследования, обрастал людьми — кулаками, скрывавшимися в станицах белогвардейцами — и быстро продвигался в глубь Донской области.

18 июля начдив Куйбышев получил приказ стать во главе группы преследования, не допустить дальнейшего продвижения отряда Назарова и, настигнув, уничтожить его. Утром 25 июля в районе станицы Константиновская передовые части группы Куйбышева вошли в соприкосновение с назаровским отрядом, а к четырем часам дня станица была окружена полками красных.

Полковник Назаров, знающий, опытный офицер, отлично понимал, что у него остается единственная возможность спасти свой отряд от разгрома — ударить в стык наступающим частям, прорвать кольцо окружения и уйти в степь, пользуясь тем, что красные не успели подтянуть сюда кавалерийские части.

…Атака врангелевцев была жестокой и умело рассчитанной — точно по флангам наступавших по соседству 74-го и 75-го полков. Заколебались, начали отходить батальоны, не выдерживая натиска бело-десантников, рвущихся в рукопашную с храбростью обреченных.

Командир 75-го Спасский в разорванной осколком кожанке, размахивая тяжелым кольтом, рванулся навстречу отступавшим и рухнул, сраженный вражеской пулей. И тогда впереди вдруг оказался комиссар дивизии Григорий Таран — «Тимофеич», «батька», «борода».

— Бойцы! Впере-ед! За дело революции!

И остановились, развернулись отступавшие красноармейцы, сомкнули ряды, двинулись навстречу густым цепям врангелевцев. А из-за перелеска уже вынеслась бешеная лава красных кавалеристов — резерв, брошенный в бой начдивом в критическую минуту.

На плечах противника 25-я бригада ворвалась в Константиновскую, а к утру от десанта полковника Назарова остались лишь разрозненные группки, потопившие оружие при панической переправе через Дон. Спустя еще несколько дней в бою под деревней Жеребково на реке Маныче были уничтожены и они.

«В ожесточенном бою 25 июля, под станицей Константиновской, войска вверенной мне группы с честью выполнили возложенные на них задачи по ликвидации белой

банды полковника Назарова. Стремительной атакой станицы Константиновской и геройским поведением стрелков, кавалеристов и артиллеристов противник наголову разбит, и лишь небольшой кучке его, переправившейся через Дон, удалось бежать в юго-восточном направлении. В результате разгрома противника нами взято: шесть орудий, десять пулеметов, большое количество винтовок, снарядов, патронов и обоз противника. По последним сведениям, бежавшая за Дон группа бандитов настигнута Первым кавалерийским полком.

Блестящим выполнением возложенных на меня задач обязан исключительно храбрости, исполнительности и беззаветной преданности делу революции красноармейцев, командиров и комиссаров частей группы.

Банда Назарова, сформированная из отъявленных врагов рабочих и крестьян, шедшая с целью поднять восстание на Дону или умереть, отчаянно сопротивлялась, расстреливая в упор атакующие части, группы, — результатами чего большие потери из наших рядов убитыми и ранеными.

Нужно помнить, однако, что они пали не зря, а жизнью и кровью своей предотвратили готовившееся в связи с продвижением банд Назарова восстание кулацкого населения донских станиц, усмирение которого потребовало бы от нас гораздо больших жертв…» — отмечал начдив Н. В. Куйбышев в приказе по войскам группы 27 июля 1920 года.

Командующий Юго-Западным фронтом торопит с отправкой 9-й стрелковой дивизии в Донбасс. Однако 14 августа белые высаживают крупный десант генерала Улагая на побережье Азовского моря в районе поселка Приморско-Ахтарский. К нему присоединяются разрозненные банды, скрывавшиеся в прикубанских плавнях, и белогвардейцы силами «4 050 штыков, 4 050 сабель, при 17 орудиях и 243 пулеметах», смяв несколько батальонов, несших охрану побережья, начинают наступление.

И опять на долю начдива-9 выпадает ответственнейшая задача по борьбе с. белым десантом. Спешно перебрасываются на Кубань из-под Таганрога 25-я и 27-я бригады (нумерация бригад изменилась 3 мая 1920 года после перехода дивизии в подчинение командующего Кавказским фронтом), к ним присоединяется и 26-я, находившаяся до этого в подчинении командарма-9 Левандовского. Командование поручает Н. В. Куйбышеву возглавить ядро правого крыла армии, получившее в оперативных документах наименование «группы начдива-9».

21 августа красные части полукольцом охватывают район сосредоточения десанта Улагая и начинают планомерное наступление, рассчитанное на то, чтобы отрезать белых от места

высадки и прижать к плавням.

Улагай, надеявшийся, что ему удастся поднять восстание среди кубанского казачества, предпринимает настойчивые попытки вырваться из охвата.

Жестокая схватка под станицей Тимашевской. Н. В. Куйбышев лично руководит боем. Несмотря на упорное сопротивление противника, красные части выбивают врангелевцев из хорошо укрепленной станицы. Красный десант Ковтюха высаживается на реке Протока у станицы Нижне-Стеблиевской. И вновь 26-я бригада А. Н. Борисенко, вовремя переброшенная сюда по приказу Куйбышева, помогает сломить оборону противника. Тяжелейшие трехдневные бои под Ачуевом — за весь день 3 сентября части передового 78-го полка продвинулись вперед лишь на 150 метров. Прижатые к морю белогвардейцы сопротивляются отчаянно, по 7–8 раз в день ходят в контратаку и все же не могут противостоять натиску наших войск, мастерству их командиров. 7 сентября с десантом Улагая было покончено. 35 бойцов, командиров и политработников 9-й стрелковой дивизии в этой операции заслужили высшую воинскую награду тех лет — орден Красного Знамени.

А через три недели дивизия выгрузилась из эшелонов в Донбассе и начала движение в район станции Волноваха.

После разгрома десантов на Дону и Кубани, не получая пополнения, Врангель принимает решение выйти на оперативный простор правобережной Украины для соединения с другими белогвардейскими формированиями, а в случае успеха — и с белополяками. Одновременно значительную часть своих сил «черный барон» бросает на захват всероссийской кочегарки — Донбасса.

27 сентября Донской корпус Врангеля перешел в наступление, сломил сопротивление войск таганрогской группы, вынудил красные части оставить Мариуполь и к началу октября создал серьезную угрозу Гришинскому, Юзовскому и Таганрогскому районам Донбасса.

По приказу командующего Южным фронтом М. В. Фрунзе 13-я армия И. П. Уборевича должна была занять оборонительные рубежи на линии Мариуполь — Волноваха и остановить продвижение белых на восток.

Основной удар Донского корпуса пришелся на «группу начдива-9», включавшую в себя 9-ю стрелковую и 7-ю кавалерийскую дивизии. Бои под Волновахой на всю жизнь запомнились тем, кому довелось в них участвовать.

…Багровое в тучах пыли и дыма солнце. Степной чернозем как каменный — не воткнешь саперку, не отроешь окопчика.

Неуязвимыми утюгами ползут от горизонта броневики, с надрывным воем летят, валятся с неба авиабомбы, и каждый час развертываются перед редеющими цепями казачьи лавы. Зловещий блеск клинков, оглушительный топот коней. На флангах то и дело появляются бандитские тачанки: обнаглевшее гуляй-польское кулачье — по-волчьи укусят — отскочат, ночью налетят на штабную хату, подсыплют отравы в колодец, подстерегут с обрезами зазевавшегося связного. И так день, два, четыре…

30 сентября конная группа белых в 4 тысячи сабель при поддержке бронеавтомобилей семь раз атакует позиции 78-го полка 26-й бригады, атакует… и отступает за село Благодатное. 1 октября в бою у села Павловское тяжелые потери несет 76-й полк. Отражая попытку противника прорваться в тыл дивизии, погибает на поле боя героический 77-й полк, несколько раз переходит из рук в руки станция Волноваха. В жестокой схватке убит командир 78-го полка С. Т. Ларичев, погиб военком Р. Т. Василенко. Вплоть до 15 октября «группа начдива-9» сдерживала наступление многократно превосходящих сил противника. Вот как оценил ее роль командующий фронтом Михаил Васильевич Фрунзе:

«На долю войск 9-й стрелковой дивизии выпала ответственная задача прикрыть грудью подвергавшийся угрозе разрушения врагом Донецкий бассейн, этот источник света и тепла для всей страны.

Полки дивизии, выдержав ряд ожесточенных боев с бешено рвавшимся вперед противником и невзирая на крупные потери, свою задачу доблестно выполнили. Рабоче-крестьянская республика может гордиться такими своими защитниками. Пока в рядах Красной Армии будут такие геройские, полки, как 77-й, легший костьми на поле брани, но ни пяди не уступивший врагу, — она будет непобедима.

От имени Социалистического Отечества объявляю благодарность всем красноармейцам, командирам и комиссарам славной 9-й стрелковой дивизии. Вечная память погибшим!

Вечная слава живым!

Командюж Фрунзе».

16 октября по приказу командующего армией И. П. Уборевича части 9-й стрелковой отошли, на укомплектование к деревням Большой Янисаль и Богатырь. А 22-го в торжественной обстановке Дивизии было передано Красное Знамя Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, бойцам, командирам, комиссарам вручены ордена и подарки. В числе награжденных был и Н. В. Куйбышев, в течение одного лишь года дважды заслуживший орден Красного Знамени.

Недолгая передышка, если только можно назвать так дни, до отказа заполненные боевой и политической учебой, приемом пополнений, подготовкой к новому тяжелому походу, ускоренный марш на исходные рубежи, и… 30-го дивизия вместе с другими частями армии вошла в освобожденный Мелитополь. Ожесточенные бои под Нижними Серагозами — и 3 ноября взят Геническ…

Впереди — гнилое море — Сиваш, Перекопский вал, ощетинившийся стволами бесчисленных батарей, «крымская заноза», по образному выражению М. В. Фрунзе, заноза, которую предстояло вырвать из тела страны.

Частям 9-й стрелковой для наступления был выделен узкий и поэтому особенно труднопроходимый участок. Арабатскую стрелку, полоску земли шириной местами в четверть километра, пересекали шесть оборонительных линий белых.

7 ноября, в день третьей годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, красные части начали исторический штурм Перекопа. На своем участке фронта штурм Арабатских укреплений начала и 9-я стрелковая.

…С тяжелым, стонущим воем неслись со стороны Азовского моря снаряды судовых шестидюймовок, багровые сполохи разрывов рвали в клочья густой туман. Сплошным шквалом пулеметного огня, яростными контратаками встретили врангелевцы наступление красных частей. Французские и английские специалисты, принимавшие участие в сооружении укреплений Крымского вала, недаром получали свои деньги. Оборона была организована великолепно — на подступах к окопам простреливался каждый метр, безупречно работала служба артиллерийской корректировки, надежными были укрытия, безотказным — оружие.

И все же в четыре часа 12 ноября части 25-й бригады выбили белых из передней полосы укрепления, врангелевцы попятились.

Тем временем, выполняя приказ начдива, другие части, сосредоточенные на Чокракской косе, начали переправляться через Сиваш.

…Ледяная мутная вонючая вода. Течение валит с ног, топкое, илистое дно по брюхо засасывает коней, в молочно-сером густейшем тумане не разглядеть конца взводной шеренги. Лодки из-за мелководья не могут подойти к берегу, начдив отдает команду посадить бойцов на подводы, собрать местных жителей, рыбаков, знающих отмели и броды, и переправляться, переправляться. С Арабатской стрелки перекатами доносятся звуки жестокого, на уничтожение, боя, комбриг В. А. Карлсон,

руководящий погрузкой, немногословный, сдержанный, время от времени поднимает руку:

— Слышите? Там умирают наши братья!

И в течение двух суток, лишенные каких-либо саперных средств, если не считать старых рыбацких шаланд, бойцы 25-й бригады на лодках и телегах, а то и просто по грудь в стылом сивашском рассоле заканчивают эту удивительную переправу.

14 ноября 25-я бригада начала стремительное наступление на юг. Врангелевцы, поняв бессмысленность дальнейшего, сопротивления, почти без боя оставили свои оборонительные рубежи на Арабатской стрелке. По пятам за ними, нанося удары за ударом, быстро продвигались части 9-й стрелковой.

16 ноября командующий Фрунзе со станции Джанкой телеграфировал Владимиру Ильичу Ленину: «Сегодня нашей конницей занята Керчь. Южный фронт ликвидирован».

И опять недолгой была передышка. Разгромлен Врангель, заключен мир с Польшей, на крейсерах Антанты бежали остатки армии «черного барона».

Но на Кубани еще хозяйничают кулацкие банды, «зеленые» прячутся в плавнях, по ночам вырезают председателей комбедов, шляются в предгорьях Кавказа шайки беглых карателей. В декабре 9-я стрелковая получила приказ отправиться на Кубань и сосредоточиться в районе Краснодара.

На эшелонах вокруг Азовского моря, через Донбасс и Ростов? Но в стране разруха, железные дороги почти парализованы, сколько времени отнимет такой окружной путь!

Вновь Н. В. Куйбышев находит свое, на первый взгляд бесшабашно-смелое, на деле же глубоко продуманное решение. Дивизия не пойдет в обход Азовского моря, она будет переправляться цо льду Керченского пролива.

— В декабре, когда лед только-только сковал бурные воды? Это же невозможно, сумасшедший риск! Вы погубите, утопите дивизию!.. — пытались отговорить Куйбышева скептики. Но командюж Фрунзе поверил начальнику 9-й стрелковой, командиру, которого узнал еще под Орлом. Разговор был недолог.

— А не промахнешься, Николай Владимирович? Решать, конечно, тебе, но помни: случится что — головой отвечать будешь. Ведь дивизия-то какая, каждый боец — золото.

— Потому и решаюсь, Михаил Васильевич, что знаю дивизию. С кем другим, может, и не рискнул бы, а с этими, уверен, пройду, — отвечал Куйбышев. А потом, как обычно, обстоятельно, выдерживая паузу перед каждой фразой, добавил: — Мы же не очертя голову кинемся. Лед еще тонкий, знаю. Поэтому, думаю,

кавалерию и пушки пока здесь оставить. Перейдут позже, когда мороз покрепче прихватит. К тому же рыбаков соберем местных, да и с моряками посоветуемся. Бойцов пустим с интервалами, каждому доску в руки на случай чего. Вот так.

Фрунзе поднялся, быстрыми, легкими шагами прошелся по комнате, повернулся к Куйбышеву.

— Действуйте.

…Толпились на берегу недоумевающие жители, пожимали плечами, шушукались. За ночь саперы подвезли к самой кромке штабеля досок и теперь быстро, деловито начали выкладывать по льду легкий настил. Через час на берег приехал начдив в сопровождении старшого рыбацкой артели, пышноусого, кряжистого как дуб, дочерна обветренного рыбака Данильченка. Тот долго всматривался из-под нависших бровей в бледно-голубую даль, местами прорезанную — черными полукружиями промоин, качал головой.

— А може, не трэба с водой шутковаты?

— Надо, Андрей Спиридонович, очень надо, — уважительно, но твердо отвечал Куйбышев.

— Ну, колы надо, тоди пийдимо, — согласился старшой и первым ступил на сияющую под солнцем ледяную гладь. Рядом с ним, как всегда неторопливо, шагал начдив, за ним последовали двое в бушлатах — моряки Азовской флотилии и начальник инженерного батальона Волонцевич. А на следующий день адъютант 78-го полка с развернутым боевым знаменем в руках первым открыл движение по ледяному переходу. 15 декабря, выиграв самое малое две недели, дивизия уже была на Таманском полуострове.

Через месяц, когда революционный комитет Грузии провозгласил создание Советской республики и крестьяне Борчалинского уезда первыми начали вооруженное восстание против меньшевистского правительства Ноя Жордания, 9-я стрелковая выступила в поход на помощь братскому народу. Штурм Пойлинского моста через реку Куру, тяжелые бои на Сурамском перевале и, наконец, Батум.

…Тихо плещется о набережную Черное море, словно что-то нашептывает стоящему у парапета коренастому плотному командиру. В третий раз за последние полтора года видит Николай Владимирович его буйную синеву, третий орден Красного Знамени заслужил он, приведя свою дивизию сюда, в Батум, почти на границу Турции. В летописи гражданской войны была перевернута последняя страница, касавшаяся 9-й стрелковой.

Но не окончилась военная жизнь для ее командира. В 1921-м

— Куйбышев командир и комиссар 2-го Кавказского корпуса, в 1922-м — комендант и комиссар крепости Кронштадт, в 1925-м — помощник командующего Туркестанским военным округом, в 1926-м — военно-политический советник национального правительства на юге красного Китая, в 1928-м — командующий Сибирским военным округом, в 1937-м — Закавказским. Работал Куйбышев и в Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП (б).

И повсюду, всегда и везде части, которыми командовал Н. В. Куйбышев, не знали поражения в боях, были первыми в воинской учебе в мирное время.

Таким был комиссар, начдив, командарм Н. В. Куйбышев, талантливый военачальник, прямой, честный и скромный человек…

…Древние оружейники, непревзойденные мастера булата, долго и тщательно отделывали каждый клинок. Пучок проволоки скручивали, нагревали, проковывали, закаляли, шлифовали, покрывали причудливым узором. А под конец, если булат удавался, на нем чеканили короткий и мудрый девиз.

На одном из таких старинных клинков, подаренных мне в годы гражданской войны дагестанским джигитом, затейливой вязью было выведено: «За правое дело — верен до смерти».

И сейчас, задумываясь над судьбой Николая Владимировича Куйбышева, человека, которого мне посчастливилось знать долгие годы, я думаю, что эта надпись могла бы послужить эпиграфом к описанию всей его недолгой и гордой жизни.

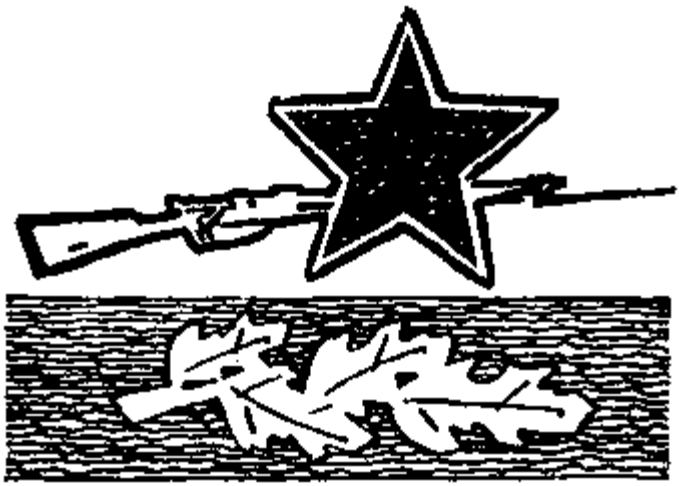
Он не был подпольщиком, не сражался на баррикадах, не спешил объявить о своей преданности новой власти. Но, поверив делу Ленина, до последних дней, через все испытания пронес эту светлую веру. Он не знал страха ни перед кем, что бы ни случилось, он не мог изменить своей партийной совести.

Многое изменилось в нашей стране, когда с высокой трибуны XX съезда партии священную незыблемость ленинских принципов партийной жизни именем партии провозгласил бывший комиссар 2-го батальона 74-го стрелкового полка 9-й дивизии Н. С. Хрущев.

И то, что после стольких лет забвения имя командира этой дивизии вновь заняло свое место среди других имен прославленных героев гражданской войны, — еще одно доказательство победы дела Ленина, дела, за которое боролся и погиб коммунист Николай Куйбышев,

И. ШЕВЧЕНКО

САМУИЛ МЕДВЕДОВСКИЙ



Городской театр в Бердичеве, казалось, шатался от криков, возгласов, улюлюканья. Зал битком набит вооруженными солдатами. Мелькают кое-где фигуры штатских и офицеров. Над собравшимися в клубах дыма потонула люстра. Все устали, охрипли. Изредка в наполненный шумом и гамом зал пробивается отдаленная орудийная канонада.

У трибуны — какой-то щуплый человечек в очках и штатском плаще; он размахивает листком бумаги и кричит:

— Вот телеграмма из ставки! Прапорщик Крыленко убил генерала Духонина!

На скамьях эсеров поднимается исступленный шум. Раздаются крики:

— Большевики — предатели революции!

Неистовствует оратор у трибуны,

— Большевики хотят задушить революцию!

Из-за стола президиума выходит небольшого роста, плотно сбитый человек. Под распахнутой шинелью с погонами подпрапорщика — видавшая виды солдатская гимнастерка, на груди позвякивают четыре георгиевских креста — полный бант. Прищуренные умные глаза невозмутимо и решительно смотрят в зал. Он подходит к трибуне и спокойно отодвигает оратора в очках. Потом неожиданно показывает рукой на потолок. Зал недоуменно стихает.

— Слышите? — спокойно говорит подпрапорщик. — Слышите орудия? Это наступают немцы. Не просто войну продолжают.

Наступают на революцию. Мир может быть добыт только в борьбе со всеми врагами пролетариата. Мы — за мир с Германией. Но сейчас немцы — враги революции. Мы должны решить: за революцию мы или против. За революцию — значит драться, драться за мир.

Наши враги — это контрреволюционное офицерство. Наши враги — это эсеры, уже скатившиеся на дорогу контрреволюции, отказывающиеся, признать советскую власть. Наши враги — это мародеры, шкурники и трусы, для которых личное дороже интересов Родины. Наши враги — это немцы, наступающие на нашу страну, предложившую мир.

И сникли, умолкли истерические вопли, зал загудел сочувственно, понимающе. Своему.

— Правильно! Даешь мир!

Из-за стола президиума поднялся широкоплечий грузин, глаза как маслины, орлиный нос. Заговорил горячо, взволнованно:

— Медведовский говорит правильно. Мы должны признать советскую власть и встать на ее защиту.

Его все знали: Васо Киквидзе, председатель солдатского комитета 6-й кавалерийской дивизии, при царе — подследственный арестант.

Здесь в ноябре 1917 года на чрезвычайном съезде солдатских комитетов Юго-Западного фронта впервые встретились Василий Исидорович Киквидзе и Самуил Пинхусович Медведовский. В дальнейшем судьба тесно связала их.

Настроение масс было ясно — за Советы. Дальнейшая проволочка только играла на руку врагам революции. Фракция большевиков съезда объявила о роспуске съезда. Это неожиданное и смелое решение изумило всех, на мгновение зал замер, но затем спять поднялся неистовый шум. Он перешел почти в рукопашный бой: солдаты выдворяли из зала меньшевиков, эсеров и их прихвостней. Вокруг стола президиума собрались все большевики, вместе с ними Киквидзе. Разговор деловой и лаконичный.

— Надо избрать ревком. Силы-то у нас не ахти… Но выдержим.

— А я свою дивизию продвину сюда, — откликнулся Медведовскому Васо Киквидзе. — Ничего, волков бояться — в лес не ходить!

Так начался совместный боевой путь Медведовского и Киквидзе.

…Самуил Медведовский родился в 1891 году в местечке Золотоноше Полтавской губернии. Его отец служил сторожем и

чернорабочим в синагоге. С детских лет понял Самуил, как трудно бедняку да еще еврею в царской России достается кусок хлеба. Семи лет Медведовский остался без матери, девяти — без отца. Кое-как упрямый мальчонка по талмуду, с подзатыльниками и бранью «учителей» овладел грамотой.

Он всей душой рвался к знанию. На средства «политического» — сельского учителя, разгадавшего в драчливом мальчонке недюжинные способности, Медведовский учится в городском училище, одновременно зарабатывая уроками на жизнь. Словно шутя овладевает немецким языком. Говорит без акцента. Пишет без единой ошибки.

И вот разговоры по всей Золотоноше. Правоверные евреи удивляются. Подумать только! Бесштанный сирота — ладно бы из «хорошей семьи» — Самуил Медведовский в 1911 году сдает экстерном за курс гимназии. А потом — уж совсем непонятное — молодой Медведовский («жить бы ему, как люди») ввязывается в «политику», даже в тюрьму попадает за беспорядки. Чем бы это кончилось — неизвестно, но в 1912 году его забирают в армию…

Грамотность и отличное знание немецкого языка выделили его среди солдат 27-го Витебского полка, в котором он служил. Его назначают на «ответственный» пост — писарем 10-й роты.

Началась первая мировая война, и едва полк прибыл на фронт, как командир полка Богданович, ярый антисемит, перевел Медведовского из писарей в команду пеших разведчиков. Вместе с ним были переведены в разведчики еще два еврея, служившие в полку в фельдшерской команде:

— Пускай-ка эти субчики пороху понюхают.

Но не робкого десятка оказался Медведовский. Уже через два месяца грудь его украшали два «георгия».

— Это его превосходительство генерал Богданович помог, — шутил Медведовский, — а то гнить бы мне в штабе.

Он скоро завоевал среди солдат популярность своей храбростью, веселым и задушевным характером, умом.

К 1916 году Медведовский уже имел четыре «георгия» и георгиевскую медаль и был подпрапорщиком. О храбрости Медведовского ходили в полку легенды. Летом 1916 года пошли в разведку два его товарища, но вылазка оказалась неудачной, пришлось вернуться. Один из разведчиков, раненый, остался на ничьей земле. Он лежал в воронке и звал на помощь. Но ни русские не могли ему помочь, ни немцы захватить в плен: с обеих сторон чуть что поднималась сильнейшая стрельба. И тогда Медведовский решился на отчаянный шаг: с одним из разведчиков, совсем невооруженные, взяв носилки, они во весь рост, не скрываясь, пошли по изрытому воронками полю к

раненому. Сначала раздалось было несколько выстрелов, но затем воцарилась мертвая тишина: немцы с изумлением взирали на необычайное зрелище. Жизнь товарища была спасена, а Медведовский и его спутник возвратились невредимыми.

Авторитет Медведовского в полку и корпусе рос и креп. В марте 1917 года он стал большевиком и был избран в корпусной комитет. Начальство вовсе не радовалось этому, и вскоре Медведовский был откомандирован в ставку Юго-Западного фронта, в город Бердичев, на должность взводного офицера роты георгиевских кавалеров. Когда в Бердичев пришла весть об Октябрьском перевороте, солдаты всех воинских частей избрали руководителя городской партийной организации большевиков Медведовского начальником гарнизона.

Сразу же после съезда Медведовский и Киквидзе, избранные в члены Военно-революционного комитета Юго-Западного фронта, начинают формировать красногвардейские отряды из частей фронта, предвидя, что скоро придется с оружием в руках защищать завоевания народа. И такое время настало: немцы и гайдамаки решили свергнуть советскую власть на Украине. Усилиями большевиков красногвардейские отряды Юго-Западного фронта сводятся в 4-ю армию советских войск под командованием Киквидзе, Медведовский — его помощник. Более двух месяцев ведет 4-я армия ожесточенные бои с немцами и гайдамаками, отходя под натиском превосходящих сил. На Медведовского Киквидзе возложил серьезную и весьма сложную задачу: вывести из-под огня эшелоны с продовольствием, боеприпасами, оружием и казной Юго-Западного фронта. Медведовский отлично справляется с задачей. Неоднократно вступая в бои и личным примером воодушевляя красногвардейцев, он доставляет ценное имущество в Тамбов.

В Тамбове 4-я армия реорганизуется в 1-ю Советскую внеочередного формирования дивизию (впоследствии 16-ю стрелковую). Начдив — Киквидзе, помначдива — Медведовский. И опять у Медведовского забот полон рот: нужно подбирать комсостав, следить за вооружением дивизии, разъяснять красноармейцам события. И еще одна забота весьма щепетильного свойства. Васо Киквидзе — самобытно талантлив И отчаянно храбр, умен и предельно самолюбив. Он безраздельно предан революции, но считает себя эсером, политически недостаточно грамотен, не имеет достаточного военного опыта и поэтому порой допускает ошибки. Помогать ему нелегко, для этого требуется и любовь, и выдержка, и такт.

Недолго длилась передышка: в июне 1918 года дивизия направляется на Южный фронт для борьбы с бандами Краснова. В

эти трудные для Республики Советов дни дивизия покрыла себя неувядаемой славой, проведя ряд тяжелых боев вдоль линии железной дороги Поворино — Царицын. Впереди солдат, в самой гуще красноармейской массы надо было искать в эти дни начдива Киквидзе и Медведовского, лично участвовавших в боях и своим примером воодушевлявших бойцов.

В 1918 году нелегкое это было дело — управлять дивизией. «В области снабжения приходилось жить за счет населения; оперативные задачи — выполнять самостоятельно, пополняться добровольцами — местными крестьянами и казаками; управлять дивизией — наступая вместе с бойцами, деля с ними ночлег, еду и все тяготы боев», — вспоминал Медведовский.

Первые политработники и комиссары стали прибывать в дивизию только в ноябре 1918 года — политотдел дивизии был образован лишь в январе 1919 года, — а до той поры всю политработу приходилось вести Медведовскому, «партийной душе» дивизии, как называли его коммунисты.

Особое внимание уделял помначдив воспитанию бойцов в духе пролетарского интернационализма. Это была проблема сложная и важная: дивизия отличалась исключительной многонациональностью — были в ней русские, украинцы, молдаване, поляки, чехи, евреи, грузины, китайцы, мадьяры. И ко всем требовался свой подход, внимание, такт.

Но это не все: Медведовский был еще и боевой заместитель начальника дивизии, не раз показавший себя опытным командиром и бесстрашным бойцом. А ведь командовать тогда не так-то просто было: «Южный фронт — миг, противник — ветер: налетел, нашумел, переломал все, и — не стало его, найдя себе простор, гуляет с такой силой, что щепки летят».

Быстрота и оперативность, смелость и точность решений имели в таких условиях огромное значение. Медведовский и Киквидзе хорошо понимали это и благодаря врожденному таланту обоих блестяще справлялись с задачей — громить красновские банды. Фронт дивизии в это время нередко растягивался на 40–50 и более верст, и обычно Медведовский руководил боями на левом фланге дивизии, а Киквидзе — на правом. Уже первые месяцы боев, тамбовский период формирования дивизии, связали их большой дружбой, породили полное взаимопонимание. К тому же случилось так, что их породнила и кровь: в бою под станцией Гребенкой оба были ранены одной и той же пулей.

Хотя Киквидзе по билету был левый эсер, но во всем поддерживал большевиков и стоял фактически на их платформе. Только в одном не сходился Киквидзе с большевиками: он

выступал противником Брестского договора, требуя немедленно начать активную борьбу против немцев.

Друзья удивительно удачно дополняли друг друга — горячий, до безрассудства отчаянный Киквидзе и спокойный, хладнокровный, никогда не теряющий самообладания Медведовский. Он не горячился в боях, не лез на рожон, считал пустую браваду и никчемную удаль глупостью, но, когда требовалось, в бою проявлял такую дьявольскую храбрость, что вызывал восхищение и у бойцов и у Василия Исидоровича.

Командира 137-го полка Богданова он жестоко отчитал как-то за неуместную удаль. «Вам не полком, а взводом командовать!» А потребовалось — сам повел конную лаву в атаку на Польском фронте. Был справедлив: того же Богданова, выругав и серьезно предупредив, за храбрость представил к награде.

Внешне суховатый и малоразговорчивый, Медведовский, в сущности, был очень душевным, заботливым и внимательным человеком. И, рядовые бойцы это отлично чувствовали, за что и пользовался он огромным авторитетом. Медведовского весьма ценили и уважали и в штабе армии и соседи — Сиверс, Миронов, Левандовский.

И еще одна отличительная «человеческая» черта была в характере Медведовского — для него не существовало своих и чужих красноармейцев. Неоднократно изменял он ход боя, чтобы помочь соседней дивизии, если она находилась в более тяжелом положении.

Во время боев в районе хутор Зубрилов — станция Ярыженская Медведовскому донесли о том, что отдельный Московский полк попал в беду. Медведовский в это время из-за болезни Киквидзе командовал дивизией. Узнав о тревожном положении Московского полка, он сам в броневике бросился на выручку соседям и едва не попал в плен, лишь чудом вырвавшись из кольца белых.

11 января 1919 года был убит шальной пулей Киквидзе. Это произошло в тот период, когда дивизия развивала стремительное наступление. Смерть друга потрясла Медведовского. «Я дал согласие только на временное командование дивизией, так как был сильно привязан к Киквидзе и жить без него, мне казалось, не смог бы».

Однако он нашел в себе силы взять выпавшее из рук Киквидзе знамя борьбы и повести дивизию сквозь огонь фронтов.

— Товарищи, мы не должны падать духом, как ни тяжела утрата. Мы должны мстить за смерть нашего начдива, мы должны продолжить его дело, — сказал он бойцам, и дивизия под его командованием вновь пошла в бой и прошла с боями за два дня

70 километров.

…Наступление Красной Армии в начале 1919 года успешно развивалось. Вместе с 23-й дивизией Миронова 16-я дивизия, носившая теперь имя своего первого начдива, вырвалась в степные просторы Дона. Медведовский, несмотря на непрерывные бои, умудряется осуществить давно задуманную реорганизацию дивизии: сводит полки в бригады — две бригады по три полка в каждой — для удобства и оперативности руководства.

Белые армии стремительно откатываются к Новочеркасску — еще два перехода, и конец красновскому мятежу и, может быть, конец всей контрреволюции.

Сами белые считали дело совершенно проигранным и не делали даже попыток привести части в порядок. И все же… И все же героической Красной Армии не досталась тогда эта реальная и долгожданная победа. Неожиданно начались довольно странные «организационные мероприятия». Движение 16-й имени Киквидзе, уже взявшей Каменскую, и 23-й дивизий было приостановлено. 23-ю дивизию вообще отвели в глубокий тыл. Обоих начдивов — и Медведовского и Миронова — отстранили от командования. Троцкий тем временем, неправильно информируя страну, выступил 24 февраля 1919 года в Доме Советов с демагогическим заявлением: «Южного фронта контрреволюции больше не существует».

…А 16-я дивизия имени Киквидзе тем временем волновалась. Собственно говоря, ни бойцы, ни командиры ничего не имели против нового начдива — Роберта Эйдемана, заслуженного и опытного военачальника. Но отстранение Медведовского, которого все справедливо считали естественным преемником Киквидзе, воспринимали как незаслуженную обиду: Бойцы шумели, митинговали: «Не хотим другого начдива!»

Медведовский оказался в трудном положении. Он весь до мозга костей принадлежал дивизии, она ему заменяла и дом и семью, которых у него не было. Такая преданность и любовь красноармейцев не могли не тронуть его, отдававшего им всю душу и сердце.

В то же время его совесть коммуниста и красного командира восставала против столь грубого нарушения воинской дисциплины, каким, без сомнения, был отказ признать нового командира. Значит, революционное самосознание массы бойцов еще не на высоте, значит, он что-то упустил в воспитательной работе. «Моя ошибка, мне и исправлять» — только так.

Осунувшийся за два дня, но, как всегда, подтянутый, гладко выбритый, в неизменной аккуратной тужурке, подбитой мехом, обходил Медведовский роты и батареи, эскадроны и службы.

Терпеливо, упорно разъяснял бойцам пагубность их «бунтарства» для дела революции, являя живой пример полного отсутствия какого-либо честолюбия и карьеризма.

И добился своего: дивизия снова превратилась в боеспособное, крепкое соединение. Эйдеману сказал просто:

— Всегда и во всем можете на меня полностью полагаться.

Суровый и резкий латыш, который и сам мог бы «обидеться» на негостеприимный прием, тоже был дисциплинированным солдатом революции. Он сдержал свои чувства и по достоинству оценил благородство и выдержку Медведовского.

В конце концов все разрешилось: через несколько месяцев, 1 августа 1919 года, Самуил Медведовский вновь вступил в командование 16-й имени Киквидзе стрелковой дивизией, а Роберт Эйдеман получил новое назначение. С этого дня Медведовский почти до самой своей смерти командовал дивизией, проведя ее по разным фронтам сквозь десятки боев.

Пока происходили все эти «реорганизации», белые успели собрать силы, получить помощь Антанты и, использовав разгорающееся восстание казаков против советской власти', перешли в контрнаступление. Вновь разгорелась ожесточенная борьба. Красные части отошли на позиции, с которых началось наступление. Весь август дивизия вела ожесточенное сражение в районе Купянска. Драться приходилось на два фронта: с севера выходил из рейда по советским тылам корпус Мамонтова, с юга нажимала конница Шкуро.

Особенно тяжело пришлось 46-й бригаде, попавшей в почти полное окружение. Вообще правилом Медведовского было командовать так, чтобы не лезть под пули, кроме — кроме тех случаев, когда это абсолютно необходимо. Сейчас был как раз такой случай. Вдвоем с ординарцем — китайцем Андрюшей (Медведовский не любил собирать вокруг себя лишних людей) начдив сумел, когда настали сумерки, пробраться в расположение окруженной бригады. Всего оружия при нем был офицерский наган-самовзвод. И тоже не случайно, по его твердому убеждению, командиру в бою нужно оружие только для самозащиты, а посему нагана довольно.

С тревогой и нелегким сердцем смотрели бойцы на своего начдива. Неулыбчивый, суховатый, он умел несколькими словами успокоить людей, вселить в них надежду. Так было и в этот раз.

Когда на израненную землю спустилась ночь, старый разведчик-пластун Медведовский, успевший на личном опыте детально изучить каждую складку местности, вывел бригаду краем леса из кольца врагов.

А на рассвете тишину снова разорвали орудийные залпы,

пулеметные очереди, непрестанный треск винтовок. Несколько часов кряду части Мамонтова и Шкуро ожесточенно дрались друг с другом.

Одну из самых блистательных побед на Южном фронте дивизия в составе 8-й армии одержала на рубеже девятнадцатого и двадцатого года под станцией Лихой. Станция эта была ключом к Новочеркасску и для обеих сторон — киквидзевцев и деникинцев — оправдала свое название. Белые сосредоточили здесь значительные силы, в том числе несколько бронепоездов.

Медведовский, знавший цену солдатской крови, с решением не спешил. Он подобрал из бойцов дивизии отличных разведчиков и лично обучал их этой хитрой военной профессии. Теперь начдив всецело положился на своих питомцев.

Его терпение было вознаграждено: через несколько дней разведчики донесли, что белые, успокоенные передышкой, отвели главные силы на окрестные хутора — отогреться, передохнуть. И в первую же ночь красноармейцы стремительным ночным налетом, почти не понеся потерь, овладели Лихой. Удар был настолько неожидан, что белые не успели даже увести санитарный поезд. Дивизия захватила много и других трофеев.

Наутро, придя в себя, белые после трехчасовой артподготовки кинулись в яростную контратаку. Это было предусмотрено. Киквидзевцы подпустили врага на 50 метров, а потом буквально разметали белые цепи пулеметным огнем.

За умелое руководство войсками и личную храбрость Самуил Медведовский после этого боя, случившегося по прихоти военной судьбы 2 января — в день его рождения! — был награжден орденом Красного Знамени.

Победа под Лихой была достойным завершением боевого пути дивизии в девятнадцатом году. Но в памяти бойцов и командиров навсегда запечатлелось и другое. Дивизию, прославившуюся своей стойкостью на весь фронт, командование бросало на самые опасные участки. Как правило, бои приходилось вести с намного превосходящими силами противника. В тяжелых непрерывных сражениях дивизия потеряла почти половину своего состава.

Трагически сложилась судьба 46-й бригады Ныpненко. На линии Гуково — Заповедная она приняла на себя удар трехтысячного конного корпуса Мамонтова. После долгого и упорного боя белые ворвались в цепь бригады и изрубили до 900 человек. Красноармейцы и командиры дрались до последнего патрона. Горстка израненных киквидзевцев — около 100 человек — попала в плен. Казаки предложили им выдать коммунистов, комиссаров и командиров. Бойцы отказались. Озверевшие казаки

расстреляли пленных всех до единого.

В память погибших бойцов станция Привалье, где разыгралась трагедия, была переименована в станцию Красная Могила.

Под хутором Яблочным пал геройски комбриг-47 Чистяков. Мученической смертью погиб попавший раненым в плен герой-ветеран Доценко. С горечью узнал Медведовский и о гибели старого боевого товарища еще по восемнадцатому году легендарного балтийца Анатолия Железнякова.

Но Дивизия крепла и закалялась. В ее ряды вливались новые бойцы, чтобы достойно продолжить в грядущих схватках славные традиции киквидзевцев.

Как-то в хату, где расположился штаб дивизии, чуть пригнувшись, чтобы не стукнуться о притолоку, вошел немолодой уже командир. Был он худ до крайности, узколиц, воинственными стрелками длиннющие усы и такая же воинственная бородка-эспаньолка. Всем своим обликом, добрым, чуть грустным взглядом он походил на благородного героя Сервантеса. На груди, на алой розетке блестел орден Красного Знамени.

Медведовский встал ему навстречу и сердечно пожал руку. Он был предупрежден, что командиром 48-й бригады в дивизию назначен уже прославленный Ян Фабрициус.

К началу 1920 года наступление Красной Армии на Южном фронте развивалось и ширилось. Под ее ударами белогвардейские банды Деникина откатывались на Кубань, последний оплот белогвардейцев, и к Черному морю.

Весь январь и февраль 16-я имени Киквидзе дивизия в тесном взаимодействии с Первой Конной армией Буденного громит белогвардейцев на самых трудных участках фронта в районе Ростова.

Белые, предчувствуя скорый конец, сопротивлялись отчаянно. Яростные контратаки следовали одна за другой. Временно пришлось сдать Ростов.

Но спасти белогвардейщину уже не могло никакое чудо. С рассветом 1 марта 8-я армия, занимавшая позицию по северному берегу Дона от станицы Старо-Черкасской до Азовского моря, перешла в наступление в общем направлении на Екатеринодар.

Незадолго до этого Самуила Медведовского, как лучшего начдива, назначили командовать ударной группой в составе 16-й, 9-й и 13-й стрелковых и 16-й кавалерийской дивизий и нескольких отдельных бригад. Группе поставлена задача: овладеть станицей Ольгинской и Батайским плацдармом, который по праву считался одним из наиболее укрепленных участков фронта белых, «деникинским. Верденом». Его укрепляли

еще в 1918 году красные части при наступлении немцев, и тогда хорошо обученные и вооруженные немецкие войска не рискнули брать Батайск.

Наступать надо было через плавни, на участке шириной 7–8 километров, который целиком простреливался. Ударная группа по плану должна была наступать вместе с Конной Армией Буденного, но случилось так, что в бой ей пришлось идти одной… И то, что не смогли сделать немецкие войска в 1918 году, сделали красноармейцы: к вечеру того же дня «деникинский Верден» пал после ожесточенного сражения. А еще через три дня, продолжая свой стремительный боевой марш, ударная группа под командованием Медведовского овладела Кушевским узлом в сотне километров за Доном. Среди захваченных здесь богатых трофеев были два новеньких бронепоезда.

Положение в районе Ростова было восстановлено.

Наступление развивалось. «Вперед! Вперед!» — таков был единодушный порыв красноармейцев! Не успевали подвозить патроны и снаряды, но их брали в огромном количестве как трофеи. Деникинцы бросали все, что мешало бежать, — увязшие в грязи повозки, пушки, фаэтоны с награбленным имуществом.

Отбив контрнаступление добровольческого корпуса Кутепова, ударная группа, наступавшая на Екатеринодар, по приказу командования изменила движение. Медведовский получил новое задание: форсировать реку Кубань. Задача была не из легких, и командующему группой пришлось мобилизовать все свое мастерство, чтобы решить ее с честью. В районе наступления не оказалось ни одного, брода, а все переправы и плавучие средства были уничтожены противником. Только западнее, около станицы Варениковской, на участке соседней 9-й дивизии, сохранился один-единственный паром. Им-то и решил воспользоваться Медведовский.

Он шел на большой риск: с уходом войск к парому фактически оголялся участок фронта. Маневр необходимо было совершить скрытно и в кратчайший срок, пока белые не опомнятся и не используют образовавшуюся брешь. Этот замысел был замечательно осуществлен. В течение одного дня части группы под прикрытием оставленной на старой позиции 48-й бригады переправились через Кубань.

Одним из первых ступил на противоположный берег реки командующий. Потери при переправе были ничтожны: всего несколько человек убитых и раненых от бомб, сброшенных с аэропланов белых.

И снова вперед!

Вечером 25 марта 1920 года группа Медведовского

находилась всего в 25 верстах — в одном переходе — от Новороссийска, но было ясно, что белые не отдадут его без боя. В городе и его предместье было сосредоточено огромное число войск. 10–12 пехотных полков, 3 кавполка, 10–12 бронепоездов, много артиллерии, боевые корабли, стоявшие в бухте. В районе города, по линии Неберджайская — Тоннельная — Самисам, были подготовлены бетонированные окопы в полный профиль с колючей проволокой, железнодорожные тоннели минированы.

Это был орешек почище Батайска. К тому же положение красных ухудшало отсутствие дорог в тылу и переправ через Кубань. Связь с 9-й армией была потеряна, и о ее положении можно было только догадываться. Сказывалась большая усталость бойцов: в течение двадцати трех дней они прошли почти 400 верст.

Сам командующий почернел, осунулся. Ближайший друг — Михаил Волосатое, командир конной батареи, — с тревогой покачивал головой. Со здоровьем у Самуила было явно неблагополучно. Болела полученная осенью рана, грозя открыться, бил сухой кашель: никто еще не догадывался, что легкие начдива уже сжигает туберкулез. Но на людях Медведовский оставался таким же невозмутимым и хладнокровным, каким его привыкли видеть в войсках. И вот уже объявлен его приказ: не терять времени и брать Новороссийск, последнюю цитадель южной контрреволюции.

Основные силы, наиболее надежные части, белогвардейцы сосредоточили в районе станции Раевской и Анапы. По железной дороге непрерывно курсировали бронепоезда. Наступать в лоб было равносильно самоубийству, и тогда Медведовский применил смелый маневр.

Полкам 15-й дивизии Седякина предписывалось отвлекать противника ложными атаками на участке Натухайская — Греческое. Остальные части должны были сбить противника с Самисамского хребта и прорваться в город.

В четыре часа 25 марта в соответствии с общим планом командарма Уборевича началась операция. Части 15-й Дивизии «демонстрировали» наступление на Натухайскую, а тем временем части 16-й дивизии и 16-й кавполк, сбив противника у хребта, сквозь густой лес и кустарник преодолевали трудности горного рельефа (высота отдельных гор Самисамского хребта достигает здесь около 1400 метров). Бойцы тащили на себе пулеметы, пушки, помогали лошадям и к вечеру неожиданной атакой взяли деревню Бо-рисовку, где были сосредоточены крупные кавалерийские силы белых. При переходе через Самисамский хребет красноармейцам помогали в качестве проводников и

разведчиков партизаны, которые снимали дозоры белых и вызывали панику своими отчаянными действиями в тылу врага.

Ночью красноармейцы разобрали железнодорожное полотно и взорвали несколько мостов, отрезав вражеские бронепоезда от города.

Утром белые бросились в контратаку, стремясь восстановить железную дорогу. Восемь бронепоездов, английский дредноут и два миноносца, вся имеющаяся артиллерия открыли ураганный огонь по наступавшим, стреляли даже по одиночным красноармейцам. Артиллерийская стрельба продолжалась целый день, но эффекта не дала. Красноармейцы выдержали этот убийственный огонь и не дали белым прорваться к городу.

Утром 27 марта красные части вступили в Новороссийск. Трофеи, взятые у белых, не поддавались никакому учету. Огромную массу пленных — около 50 тысяч — трудно было конвоировать. Не успели уехать даже кое-кто из дипломатических «деятелей» Запада.

Со взятием Новороссийска была решена участь деникинской армии и контрреволюции на юге России.

Родина высоко оценила победителей. В списке награжденных орденом Красного Знамени за Новороссийскую операцию было и имя начдива С. П. Медведовского.

…Но не долго отдыхали бойцы 16-й имени Киквидзе дивизии. В июне 1920 года их перебросили на Западный фронт для борьбы с панской Польшей, посягнувшей на свободу Советской России.

В Смоленске Медведовского вызвал к себе командующий Тухачевский.

— Рад познакомиться с вами, тем более вместе служить, — сказал Самуилу Пинхусовичу молодой стройный командир.

Начдив в ответ только улыбнулся.

— В каком состоянии дивизия?

— В превосходном. Бойцы познали победу, рвутся встретиться с врагом.

— Это хорошо. — Командующий сделал несколько шагов по комнате, потом спросил озабоченно:

— А как у вас с экипировкой?

Это был вопрос не случайный. Снабжение оставалось одной из самых тяжелых проблем в годы гражданской войны, разрухи и голода. И Медведовский поспешил успокоить командующего:

— Более чем хорошо, по сравнению с другими соединениями, конечно. В Новороссийске мы взяли такие богатые трофеи, что полностью переодели и переобули весь личный состав. Ну, а вы знаете, что такое для солдата хорошие сапоги.

Тухачевский это знал превосходно.

— Могу даже поделиться с армией кое-чем, — закончил Медведовский.

Командующий сердечно поблагодарил его и высказал уверенность, что такое прославленное соединение, как дивизия имени Киквидзе, оправдает надежды командования армии и фронта.

Почти сразу же по прибытии дивизия была брошена в бой. Она участвовала в летнем наступлении Красной Армии, громившей польские войска. За месяц жестоких боев дивизия продвинулась на 600 километров. Каждый километр стоил крови красных воинов. Пополнение задерживалось, начала сказываться усталость бойцов.

Особенно ожесточенные сражения дивизия выдержала под Сморгонью, на линии старых немецких окопов. В этих боях прославилась 48-я бригада Яна Фабрициуса.

В августе обстановка на фронте изменилась в пользу белополяков. По приказу командования 16-я дивизия, насчитывающая к этому времени из семи тысяч бойцов только четыре, начала трудный отход сквозь вражеское кольцо. В этот момент требовалась огромная выдержка и усилия командиров, чтобы не поддаться панике и не допустить полного уничтожения дивизии.

4 августа малочисленные красные полки оказались на грани катастрофы. Белополяки превосходящими силами наступали со всех сторон. Нужны были срочные меры, чтобы остановить врага, а в дивизии к тому времени оставалось уже менее 2 тысяч бойцов на 13 верст фронта.

Необходимо было во что бы то ни стало поднять дух бойцов. И начдив понимал это. Сняв бинокль и планшет с картой, он коротко приказал ординарцу:

— Шашку и коня!..

Собрав эскадрон в 100 сабель, Медведовский бросился в атаку на наступающего врага. Стремительность налета даже горстки красных бойцов ошеломила противника и приостановила его наступление. Воспрянувшие духом бойцы — а их оставалось к этому времени в строю не более 500 — перешли в контратаку, отбросили врага и захватили город Остров. Дивизия была спасена. Однако угроза не миновала. Слишком малочисленными были полки и слишком силен враг. И почти полное окружение. Медведовский решил пробиваться к основным силам армии. Около местечка Августово начдив, ценивший существование дивизии выше своей жизни, остался с арьергардом прикрывать отход войск. Отступающие впереди части Красной Армии,

считавшие, что 16-я дивизия уже уничтожена, зажгли мосты через реку, но дивизия по горящему мосту вошла в Гродно.

Узнав, что часть 46-й бригады еще не успела переправиться, Медведовский с горсточкой людей перешел обратно на другую сторону реки и, только убедившись, что информация неверна и что 46-я бригада форсировала реку в другом месте, возвратился в дивизию.

В штабе армии между тем сочли, что дивизия разгромлена, и сформировали из новобранцев, прибывших для пополнения 16-й дивизии, обозных, штабных и других хозяйственных частей новую 16-ю дивизию. 24 августа в местечке Стависки встретились два начдива-16 — Розенблюм и Медведовский. Взаимно представившись и услышав одну и ту же фразу «начдив-16», они в изумлении посмотрели друг на друга, а затем Медведовский поехал принимать пополнение.

Дивизия прошла сквозь кольцо врагов, потрепанная, потерявшая многих лучших своих командиров и бойцов, но готовая снова вступить в бой по первому приказу страны, и во главе ее по-прежнему стоял испытанный начдив Медведовский ’.

В 1921 году РВС республики наградил 16-ю имени Киквидзе дивизию почетным Красным Знаменем. Почетными знаменами были награждены все полки дивизии, а 137-й Тамбовский полк и 46-я бригада, кроме того, орденами Красного Знамени. Так оценила Родина заслуги дивизии на фронтах гражданской войны.

После гражданской войны Медведовский, жизнь которого была неотделима от дивизии, остался ее командиром. Он придавал большое значение связи дивизии с трудящимися страны. В 1921–1922 годах дивизия, находясь в Казани, приняла активное участие в борьбе с голодом, хотя сами бойцы получали полфунта овсяного хлеба и полтора фунта воблы в день. Дивизия по предложению Медведовского взяла на свое полное иждивение 250 беспризорных детей, создав детский дом.

Когда был объявлен добровольный сбор ценностей, начдив первым сдал в помощь голодающим два золотых и два серебряных «георгия».

За активное участие в борьбе с голодом Татарский ЦИК наградил дивизию знаменем с надписью «Борцу с голодом», которое было утверждено РВСР боевым знаменем дивизии. В честь Владимира Ильича Ленина дивизии за ее заслуги было присвоено наименование «Ульяновской».

Лишь 17 мая 1923 года Самуил Медведовский оставил родную дивизию — он был назначен помощником командующего Приволжским военным округом. Тяжело было покидать соединение, в создании которого он участвовал, которое провел с

боями по фронтам. И бойцам нелегко было расставаться с начдивом. Его авторитет в дивизии был огромен. Дважды красноармейцы единодушно избирали Медведовского делегатом на съезды Советов. Со дня создания дивизии он был бессменным секретарем ее парторганизации.

В апреле 1924 года Самуила Медведовского не стало…

Некролог в ленинградской красноармейской газете начинался так:

«Все киквидзевцы, как остающиеся в рядах славной дивизии, так и находящиеся во всех уголках на всем пространстве Советского Союза, были крайне взволнованы вестью о внезапной смерти любимого товарища и командира тов. Медведовского…».

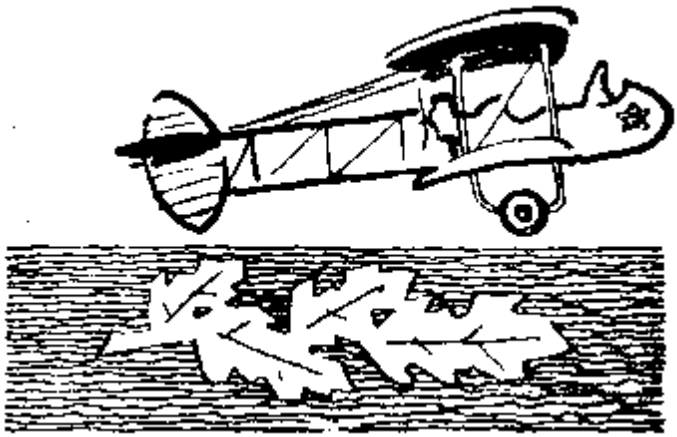
Ушел из жизни «железной воли человек, не знавший страха перед смертью и беспощадный к своим классовым врагам… старый революционер, простой, скромный, но близкий и родной бойцам Красной Армии», — сказал Ян Фабрициус.

«С детства я чувствовал гнет старого строя и с детства воспитывался в ненависти к нему, — писал Медведовский в анкете незадолго до своей смерти. — Военное дело за время гражданской войны стало для меня средством мести старому строю в мировом масштабе». И он не только мстил старому строю, но строил новый, защищал его от врагов.

…В Москве на Ваганьковском кладбище есть недалеко друг от друга три могилы: Киквидзе, Медведовского и Железнякова. Три друга, воевавших некогда в одной дивизии, три прекрасной души человека, три героя, они и после смерти вместе. И они вместе с нами.

ТЕОДОР ГЛАДКОВ, КИРИЛЛ ЕРЕМИН

ИВАН ПАВЛОВ



Среди широкой степи, близ железной дороги, по которой уходит вдаль бронепоезд, стоит серебристый самолет. На его крыльях алеют пятиконечные звезды, но на фюзеляже выделяется свежая надпись на французском языке — «Vieux ami» («Старый друг»), У самолета — летчик в щегольском французском комбинезоне и замшевом шлеме. К нему скачут белогвардейцы, и летчик торопливо застегивает верхние пуговицы распахнутого было комбинезона, чтобы скрыть поблескивающий на груди орден Красного Знамени. Вот уже самолет окружен целой сотней белых, и первый из подскакавших казаков заносит над головой пилота клинок с криком:

— Ты кто такой, подлюка, красный или кто?..

Но летчик сохраняет презрительное спокойствие.

— Не ты, болван, а вы, — обрывает он казака и к офицеру: — Господин ротмистр, оградите меня от грубияна. Я сейчас вам доложу, кто я и почему здесь нахожусь…

И рассказывает, как совершил посадку якобы для связи с белым бронепоездом, а тот внезапно ушел… На заданный кем-то вопрос, а почему на самолете красные звезды, летчик, не моргнув, отвечает, что только вчера заставил в воздушном бою приземлиться большевистского летчика и решил полетать на его машине. Со звездами лучше залетать в тыл к красным: не станут обстреливать. Попутно хвастает: он лишь недавно из Парижа, показывает подвешенного к приборной доске плюшевого медвежонка — это, мол, подарок красотки француженки…

Белогвардейцы, даже не спросив у летчика документы, с готовностью помогают ему запустить мотор, и истребитель свечой

взвивается в небо. Переворот, пикирование — и на ошалевших казаков обрушиваются меткие очереди авиационного пулемета… Минута, и уже замирает вдали певучий гул мотора, исчезает в небе черная черточка самолета.

Таков один из бесчисленных эпизодов отважной боевой работы красного военного летчика и авиационного полководца Ивана Ульяновича Павлова, вписавшего немало блестящих страниц в героическую историю действий советской авиации в грозные годы гражданской войны и иностранной интервенции.

Иван Ульянович Павлов родился 26 ноября 1893 года в крестьянской семье, в селе Андреевке Херсонской губернии. На медные гроши отец сумел дать ему образование в сельскохозяйственной школе. Иван горячо любил природу, землю, любил пахать и сеять, копаться в огороде, сажать фруктовые деревья. И быть бы ему агрономом, если бы 23 мая 1913 года (эту дату он запомнил на всю жизнь и всегда упоминал ее в разговоре с друзьями) не увидел летящий высоко в небе самолет. Было семь часов утра. Иван занимался утренней гимнастикой в саду около дома, где снимал комнату, как вдруг услышал незнакомый дотоле звук. Он слышал, читал в газетах об автомобилях и решил, что это, наверное, и есть автомобиль. Чтобы увидеть его поскорее, Иван рывком перемахнул через двухметровый забор, сбив при этом соседскую козу. Но никакого автомобиля не было видно. Звук доносился с неба, в этом не было никакого сомнения! И вот действительно в воздухе появился моноплан. Появился и скоро скрылся из виду…

«А я? — пишет в своих мемуарах Иван Ульянович. — Я почувствовал, как сердце мое стремительно забилось. Как созревший корнеплод на хорошо обработанной почве легко выдергивается умелыми руками, так и я одним звуком пролетевшего аэроплана был легко выхвачен из той почвы, которую я старательно и терпеливо сам для себя приготовил!»

С этого момента он твердо решил стать летчиком.

Началась первая мировая империалистическая война. В сентябре 1914 года Ивана Ульяновича призывают в армию. На просьбу послать учиться в авиационную школу — непечатная брань, и все-таки… В октябре солдата Павлова назначают в 6-ю авиационную роту[2], находившуюся до войны в Одессе, а теперь уже отбывшую на фронт…

Месяц неопределенности, и — о счастье! — Иван Ульянович попадает в число солдат, направляемых в военно-авиационную школу в Гатчине. Но и здесь до середины декабря солдат и близко не подпускали к самолетам: с утра до вечера, с получасовым перерывом на обед, шла бессмысленная муштра — перебежки,

падение по команде прямо в грязь и мордобитие за плохое равнение в строю… Наконец начинаются занятия, но не у самолетов, а в моторном классе. Однако радует упорный слух, что будет сформирована группа солдат и для обучения полетам. 29 марта 1915 года в эту группу был зачислен и Иван Ульянович Павлов.

3 апреля в 3 часа 25 минут дня Павлов впервые поднялся с инструктором в воздух — незабываемое событие в жизни каждого человека, посвятившего себя авиации! Иван Ульянович записывает в своем дневнике: «Мне беспредельно хорошо. Чувство совершенно неповторимое…»

11 июня — первый самостоятельный вылет, 18 августа — выдержан экзамен. Солдат Павлов формально уже летчик. Он умеет взлетать, летать по прямой, осторожно разворачиваться и благополучно садиться на землю. И это все. А этого мало, чтобы летать на фронте, сражаться с воздушным врагом. Новоиспеченные солдаты-летчики знают по слухам, что во Франции учат тому, как перевертываться в воздухе, делать мертвые петли, летать лучше птиц. Ничего этого Павлов не умеет, он не уверен, что завтра же не сорвется в штопор и не погибнет, как за несколько дней до этого погиб его инструктор…

В ноябре 1915 года в судьбе Павлова происходит знаменательное событие — его включают вместе с двумя другими «нижними чинами» мотористами в состав отправляемой во Францию русской авиационной миссии. Кружным путем к началу марта 1916 года миссия добирается до Англии и лишь к концу марта попадает в Париж.

Казалось бы, если в состав миссии включили летчика, то для того, чтобы он летал — испытывал закупаемые у союзников самолеты. На деле оказалось не так: вместе с солдатами-мотористами Павлова прикомандировали к моторному заводу «Испано-Сюиза» — изучать монтаж и эксплуатацию моторов. После нескольких месяцев — командировка на другой завод, на этот раз самолетный, фирмы «Фарман». Мечта усовершенствовать свое летное искусство оставалась только мечтой. Более того, Иван Ульянович начал серьезно опасаться, что забудет без практики и то, что знал, вовсе разучится летать! И никакие ходатайства перед офицерами миссии не помогали…

Помогли, как это ни странно, французы. Старательная работа Павлова на заводе побудила французских администраторов замолвить за него словечко перед безучастными соотечественниками, и почти через полгода после прибытия во Францию Иван Ульянович, наконец, оказывается в авиационной школе в Шартре, где и получает французский диплом военного и

гражданского летчика.

Но этим обучение во Франции не кончилось: как отличника его посылают для дальнейшего усовершенствования в высшую школу воздушного боя в По, а оттуда после недолгой тренировки на самолетах истребительного типа — в специальную школу воздушной стрельбы в Казо. Успешно сдав и здесь все экзамены, 20 декабря 1916 года Павлов возвращается в По и проходит программу по групповым полетам, которые тогда еще только начинали входить в практику, по дальним перелетам с посадками на незнакомых аэродромах, по высшему пилотажу, атакам привязных аэростатов и, наконец, по воздушному бою с самолетами. Так, уже в феврале 1917 года Иван Ульянович становится законченным летчиком-истребителем. Давняя его мечта научиться летать лучше, чем птицы, исполнилась!

13 февраля 1917 года русская миссия, в том числе и Павлов, выехала на родину. В пути радиограммы принесли весть о Февральской революции. Царя скинули! Россией управляет Временное правительство. Солдаты повеселели, а офицеры миссии растерялись и замкнулись. Как же хотелось Павлову поскорее вступить на родную землю!

За несколько дней до бесславного июньского наступления Керенского Ивана Ульяновича назначили в 1-ю Авиационную группу армий Юго-Западного фронта, которой командовал знаменитейший ас царской авиации полковник А. А. Казаков, сбивший к тому времени 17 официально зарегистрированных немецких самолетов[4]. Эта группа наводила еще недавно страх на немецких летчиков, на чьих картах район ее действий обычно был обведен красной чертой — знак того, что отсюда немецкие самолеты не возвращаются.

После свержения самодержавия боевая деятельность группы почти полностью прекратилась. Летчики-офицеры предались беспробудному пьянству, сам Казаков отдалился от всего личного состава и не показывался на людях… Летали лишь несколько энтузиастов, в том числе и Павлов, которых, как говорится, хлебом не корми, а дай лишний раз побывать в воздухе.

За короткое время Иван Ульянович раз пятнадцать сталкивался с самолетами противника, но все безрезультатно, пока, наконец, 1 октября не одержал первую воздушную победу. Этот бой происходил так. Летая в районе Гусятина на высоте 4 тысяч метров, он увидел четыре немецких самолета — разведчик «альбатрос» и три истребителя «роланд». Они летели по направлению к нашему аэродрому, видимо намереваясь сбросить на него бомбы.

«Роланд», шедший рядом с «альбатросом», держался все

время очень близко от него, а задние два несколько отстали. Когда первая пара начала делать на подходе к аэродрому разворот, «роланд» немного оторвался от своего ведущего, и Павлов стремительно проскочил между ними, чтобы оторвать противников еще дальше друг от друга. Быстрый, как мысль, маневр — и нос «ньюпора», на котором летел Иван Ульянович, направлен на «спину» немецкого истребителя. С 40–50 метров Павлов открывает огонь и отваливает влево, чтобы осмотреться и приготовиться к новой атаке.

Оказалось, что «альбатрос» за это время уже успел сбросить бомбы, но промазал, а задние два «Роланда» вплотную приблизились к месту боя. Иван Ульянович ждал, что вот сейчас они скопом на него навалятся, но этого не случилось — все четыре немца развернулись и полетели в сторону своего расположения. Только тот самолет, который был атакован первым, отстал, задымил и стал терять высоту.

Скоро Павлову удается его догнать, но немец еще пробует огрызаться: он делает левый вираж в расчете зайти в хвост русскому самолету, но «ньюпор» маневреннее, и Павлов заходит в хвост «роланду». Короткая очередь, «роланд» резко виляет в сторону, на мгновение замирает и затем почти вертикально с работающим мотором валится вниз, беспорядочно переворачивается и падает на землю…

Отыскав с воздуха ближайший подходящий участок, победитель приземляется неподалеку от поверженного врага. Самолет разбит вдребезги, мотор глубоко зарылся в землю, в обломках — труп летчика… «Когда я взглянул на эту картину, — пишет Иван Ульянович, — у меня впервые, как никогда до этого, мучительно сжалось сердце. То же самое могло быть и со мною, промелькнуло в голове… И, глубоко взволнованный, я тут же спрашиваю у собравшихся вокруг солдат: «Товарищи, кому нужно все это? Кому нужно, чтобы мы с вами так зверски убивали друг друга? Кто в этом заинтересован?»

И стоявший ближе других солдат с проседью, лет сорока пяти, ответил:

— Та це ж, товарищ летчик, надо для царів та буржуев. Спытайте кого хочете из тіх, яки тут стоять, що ни для кого из нас война не треба!..

Вскоре подъехал на автомобиле изменивший для данного случая своему отшельничеству полковник Казаков. Начал горячо поздравлять с победой, пожимать (солдату!) руку, выражать восторг.

— Если бы я имел право, я бы только за один этот бой произвел вас в офицеры!

— Нет, благодарю вас, господин полковник, — ответил Иван Ульянович, — офицеры сейчас становятся не в моде. А кроме того, и наше с вами дело сейчас, вот эта война стала рисоваться мне в другом свете….

Казаков сжал зубы и молча отошел.

На второй день после похорон сбитого немецкого летчика — лейтенанта Шольца — фотоснимки места падения самолета и похорон с сопроводительным письмом, где говорилось о том, что погибшему были оказаны воинские почести, были сброшены с самолета на немецкий аэродром. Такое «рыцарство» практиковалось в годы первой мировой войны летчиками всех воевавших сторон. Немцы сообщали нам о наших погибших, а на западноевропейском театре военных действий — французы немцам и немцы французам и англичанам. Даже в гражданскую войну эта традиция некоторое время еще продолжала соблюдаться…

Весть об октябрьских событиях в Петрограде и Москве была для личного состава авиагруппы совершенно неожиданной.

Солдаты приняли решение: в случае контрреволюционного выступления летчиков-офицеров (а такая опасность была) уничтожить всю материальную часть — самолеты, моторы и пулеметы. Кто-то предложил сжечь все хозяйство, не дожидаясь каких-либо инцидентов, но Иван Ульянович категорически воспротивился этому, поскольку, как он сам записал, «инстинктивно чувствовал — это оружие еще нам пригодится».

Но вот до фронта дошел известный «Приказ № 1» — о снятии погон, отмене офицерских привилегий и о выборности командиров. Как на это реагировал офицерский состав, можно судить по тому, что летчик прапорщик Леман застрелился за обеденным столом в присутствии всех других офицеров…

Наступили выборы нового командира авиагруппы. Кандидатов было выдвинуто только два — Казаков и Павлов. Большинством голосов Ивана Ульяновича выбрали командиром авиагруппы! О своих правах и обязанностях он имел весьма смутное представление.

Но первым своим приказом по авиагруппе Павлов потребовал, чтобы немедленно сняли погоны те из офицеров, кто этого еще не сделал. Этот же приказ запрещал без личного разрешения командира выдавать кому бы то ни было спирт.

Павлов немедленно начал наводить порядок и в несении в гарнизоне караульной службы.

И все-таки нужно было поехать в Проскуров, чтобы получить необходимые инструкции в революционном комитете 7-й армии.

Сделать это удалось не сразу по ряду причин. Во-первых, в течение нескольких Дней тайком из группы сбежали все офицеры. Остался лишь один летчик — недавно прибывший солдат Морковников. Во-вторых, имевшиеся в составе группы украинцы и кавказцы под влиянием проводившейся в войсках националистической агитации потребовали разделить поровну между всеми национальными группами самолеты и прочее имущество.

Иван Ульянович горячо рассказал об опасностях, которые со всех концов грозят завоеваниям революции, и о необходимости сберечь оружие для борьбы с буржуазией. Закончил он свое выступление так:

— Пока нет решения ревкома 7-й армии, никакой дележки аэропланов не может быть. Мы должны сделать все возможное, чтобы отсюда выехать с аэропланами прямо в Москву и там передать их и самих себя в распоряжение революционного правительства!

Лишь на следующий день, 30 ноября 1917 года, Иван Ульянович, наконец, попал в Проскуров — в ревком 7-й армии. Там его целиком поддержали и приказали решительно пресечь всякие разговоры о дележке самолетов и усилить их охрану.

Едва он вернулся к себе в авиагруппу, как узнал, что рядом расположился отряд польских кавалеристов в 700–800 человек, выделившихся из конницы фронта в результате формирования национальных частей. Солдаты, посланные разведать намерения поляков, установили, что они собираются уйти в Польшу, но перед этим захватить побольше всякого военного имущества, в том числе артиллерию, а самолеты авиагруппы уничтожить.

Иван Ульянович немедленно отправился В Совет рабочих и солдатских депутатов, где уже собрались командиры и других воинских частей. Выборный командир артиллерии 3-го Кавказского корпуса выделил для обороны целый дивизион — 16 пушек, а Иван Ульянович — 30 снятых с самолетов авиационных пулеметов и еще два наземных «максима». Во избежание пролития крови польскому полковнику было предъявлено требование разоружиться и после этого следовать куда угодно, но в ответ поляки открыли огонь.

После короткого боя, во время которого летчик Морковников с самолета корректировал огонь нашей артиллерии, а пулеметы авиагруппы перекрыли все пути отступления полякам, последние сдались в плен, были разоружены и в тот же день отпущены на все четыре стороны.

Вечером в Совете состоялось совещание. Обсуждался один вопрос — о повышении революционной бдительности и боевой

готовности гарнизона. В конце совещания собравшиеся в один голос заявили Ивану Ульяновичу:

— Ну, Павлов, теперь ты, как говорится, кровно связался с нами в борьбе за революционное дело. Ты хороший летчик и товарищ. Так вот иди и подумай как следует, а завтра заходи сюда с решением. Довольно тебе ходить среди нас беспартийным. От этого будет крепче наше дело и тебе будет легче работать. А насчет поручителей не беспокойся!

Задумался Иван Ульянович. Знал он, что большевики следуют учению Маркса, Энгельса, Ленина, что есть Программа и Устав партии, но знал об этом только понаслышке. И все-таки чувствовал всем сердцем, что партия большевиков ему ближе других, и он решил отдать всего себя служению ей, служению революции, служению делу рабочих и крестьян. И 2 декабря 1917 года Иван Ульянович Павлов стал коммунистом. С этого-дня, как он сам пишет, «началась для меня новая молодость, с новыми бурями и радостями. Я решил драться тем, что имею, — своим оружием, как летчик-истребитель, как воздушный боец пролетарской революции».

Пока Иван Ульянович хлопотал об эвакуации имущества авиагруппы в Москву, пока выполнял боевые задания против наступавших на Украину германских войск, пока обслуживал в единственном числе дивизию легендарного героя гражданской войны В. Киквидзе, Советское правительство по указаниям Владимира Ильича Ленина приступило к созданию своего Красного военного воздушного флота.

Контрреволюция охватила молодую республику рабочих и крестьян с юга, севера, востока и запада. Многие авиационные части старой армии были отрезаны от Советской России. Советская авиация лишилась большинства заводов и школ. Все это очень затрудняло формирование авиачастей, тем более что даже в правительственных органах в Москве были «деятели», которые считали, что пролетариату не нужна такая «дорогостоящая игрушка», как авиация.

Правда, некоторые авиационные части сумели пробраться на советскую территорию сквозь все вражеские кордоны, но среди личного состава было немало затаившихся предателей и контрреволюционеров. Поэтому, несмотря на то, что к моменту начала гражданской войны числилось 62 авиачасти, все же на фронты послать было некого. Необходима была полная проверка всех летчиков и командного состава, требовалась выработка новых тактических форм применения авиации в связи с чрезвычайно маневренным характером гражданской войны, нужно было готовить новые кадры летчиков, наблюдателей,

мотористов.

В этих условиях в апреле 1918 года было решено сформировать 1-ю Советскую авиагруппу истребителей, чтобы иметь хоть одну вполне надежную часть. Командиром назначили боевого летчика — солдата Ивана Ульяновича Павлова.

В этот период Иван Ульянович уже пользовался широкой известностью и авторитетом. Приказом по Военному воздушному флоту Российской Федеративной Советской Республики № 8 от 3 июля 1918 года (§ 4) его включили в состав комиссии для полного и всестороннего обследования деятельности школ, проверки личного состава, освежения и разгрузки его от элементов, не соответствующих своему назначению, тормозящих работу… Комиссии этой вменялось в обязанность «принимать все необходимые меры борьбы со всяким саботажем и контрреволюционными элементами как среди инструкторов, так и учеников».

О формировании авиагруппы рассказывает сам Иван Ульянович:

«…Я со всей энергией взялся за организацию 1-й Советской боевой авиагруппы, поставив себе задачу сформировать ее максимум в три месяца. Я очень мало знал Москву, а еще меньше летный мир и вначале почувствовал себя одиноким. Пошел в Московский комитет партии и здесь обрел нужные мне моральные и физические силы, поддержку и совет. Не отрываться от партии, быть с ней, понимать политические задачи и уметь за них драться — вот вывод, к которому я пришел…

Естественно, что в этой работе я допускал много ошибок. Но я не боялся этих ошибок, не скрывал их от подчиненных. Я только старался, чтобы допущенные ошибки как можно скорее были исправлены».

Легче всего было подобрать красноармейский и обслуживающий состав. С летчиками и мотористами дело обстояло гораздо сложнее. Здесь, как сознавал Иван Ульянович, ошибки были недопустимы: ведь посадить в самолет врага — это самое страшное и непростительное преступление. Документы сотни летчиков перебрал Иван Ульянович, чтобы отобрать самых лучших, самых надежных, преимущественно из солдат или тех, кто получил офицерские чины за боевые заслуги.

Костяком кадров мотористов явились рабочие с авиационного завода «Дуке» — они были надежны и с политической точки зрения и как специалисты. За все время работы авиагруппы не было случаев, когда бы самолеты и моторы отказывали по вине мотористов.

Группе передали новенькие самолеты «ньюпор-24-бис» из

числа полученных от бывших союзников, но не успевших поступить в части царской авиации, а также 10 автомобилей — 8 грузовых и 2 легковых. Для эшелонов удалось отобрать самые лучшие вагоны: классные — для личного состава, товарные и платформы — для самолетов и прочего имущества.

С самого начала Иван Ульянович установил в группе твердый внутренний распорядок и дисциплину, по организованности она резко выделялась среди всех прочих имевшихся в то время авиационных частей.

К сказанному необходимо добавить, что Иван Ульянович Павлов оказался не только энергичным администратором и волевым командиром, но и неплохим политработником, а это было по тому времени очень важно.

В момент вступления в партию он, как сам откровенно писал, был в политическом отношении совершенно неграмотным, но настойчиво работал, много читал, расширял свой политический кругозор. На первых порах, как он признал, формированию из него настоящего большевика много помог старый партиец и чудесный человек Николай Васильев, начальник авиации Украины.

Сначала в 1-й Советской боевой авиагруппе Иван Ульянович оказался единственным коммунистом. Несколько позже, с прибытием заводских рабочих, в группе образовалась ячейка из шести членов партии.

Иван Ульянович сразу же развернул в авиагруппе политическую работу. Он делал доклады, тщательно подбирал политическую литературу, газеты, журналы, старательно изучал и воспитывал личный состав, разъяснял ему Программу партии и политику Советского правительства.

И это принесло свои плоды: некоторые летчики, настроения которых первоначально были неустойчивыми, стали беззаветно преданными бойцами за власть Советов. И из них первым нужно назвать Георгия Сапожникова — бывшего дворянина, сына довольно крупного помещика, показавшего на фронте в боях с белыми чудеса храбрости.

Если не считать отдельных эпизодических полетов, подлинные боевые действия молодого Красного воздушного флота начались в августе 1918 года под Казанью.

Этому предшествовали следующие события. Еще весною Советское правительство вынуждено было под напором германских войск эвакуировать наиболее денное имущество на Волгу и за нее, в глубь страны. Туда же были направлены и уцелевшие авиационные части и школы. Но после восстания чехословаков все имущество авиационных школ оказалось у

Колчака.

Красная Армия была в то время настолько малочисленна, что еле сдерживала натиск немцев и белых с юга. Поэтому пришлось во время уже начавшейся гражданской войны искать, организовывать, учить и воспитывать новые воинские части и наспех отправлять их в бой. В таком же положении находилась и авиация, так что только что сформированная Иваном Ульяновичем Павловым 1-я Советская боевая авиагруппа была, по существу, единственной способной к боевым действиям.

В конце июля Иван Ульянович получил предписание срочно отправиться вместе со своей группой на станцию Свияжск, и к 15 августа авиагруппа в полном составе прибыла к месту назначения. Немедленно была начата выгрузка, сборка и опробование самолетов.

Ивану Ульяновичу очень хотелось нанести белым «визит» раньше, чем их разведка узнает о прибытии советской авиагруппы в Свияжск, и вскоре одиннадцать самолетов группы были приведены в полную боевую готовность. В это же время группе были приданы еще три самолета 23-го авиаотряда.

Около трех часов дня 16 августа группа в полном составе вылетела бомбить военные объекты белых в Казани. Павлов понимал, конечно, что не нанесет этой бомбежкой большого материального ущерба, но моральное значение ее должно быть весьма значительным, вызвать в стане белых панику.

Бомбометание прошло успешно, но по возвращении на свой аэродром Иван Ульянович недосчитался одного самолета. В группе нашелся-таки предатель — летчик Ефремов. Пока другие бомбили, он незаметно отвалил в сторону и опустился на аэродроме белых…

А дальше пошли боевые будни. Летчики ежедневно совершали по два-три вылета с бомбометанием и пулеметным обстрелом с воздуха, которые наводили панику на белогвардейский гарнизон Казани. Одновременно разведывали окружающую территорию, устанавливали связь с отдельными войсковыми частями Красной Армии, летали, невзирая ни на какие условия погоды, за исключением лишь густого тумана.

За неимением специальных вымпелов для сбрасывания донесений брали тяжелую гайку или болт, привязывали к ним ленту белой материи длиною два-три метра, к гайке же привязывали донесение. Такой «вымпел» и сбрасывали метров с двухсот, когда найденная воинская часть подавала сигнал с земли.

Иногда требовалось передавать те или иные сведения или приказания устно. Для этого выделялись наиболее опытные

летчики, способные безошибочно ориентироваться и сажать самолет на случайных маленьких площадках. Надо ли говорить, что большинство самых сложных заданий Иван Ульянович брался выполнять сам… Отличались и летчики Феликс Ингаунис, Георгий Сапожников, Владимир Сатунин, Евгений Гвайта.

Получали летчики и более сложные и опасные задания по связи с тылом противника. Так, летчик Сатунин трижды высаживал в тылу у белых наших агентов.

Но, к разочарованию многих летчиков, в их работе не было одного — воздушных боев! Если до прибытия авиагруппы в Свияжск белые нет-нет да появлялись над советскими войсками, то теперь, боясь встречи в воздухе с красными летчиками, совершенно прекратили полеты, причем не только над нашей территорией, но даже в своем собственном тылу.

Во время налетов на Казань советских летчиков интенсивно обстреливала установленная на одной из барж белогвардейская зенитная пушка. Решено было заставить ее замолчать, но как? Через работавшую в тылу белых Ларису Рейснер удалось узнать, что у белых осталось к этой пушке около полутораста снарядов. Тогда Иван Ульянович сказал своему другу и ближайшему помощнику Феликсу Антоновичу Ингаунису:

— Феликс, давай выстреляем у беляков поскорее весь запас снарядов, а то, чего доброго, вдруг кого-нибудь из наших подобьют!

Ингаунис сразу согласился.

Решили вылететь вместе и кружиться над пушкой минут по 30–40 на высоте около 1 500 метров. И вот оба летчика, презирая опасность, стали вызывать на себя ожесточенный огонь зенитки. Вскоре замысел Ивана Ульяновича оправдался: после пяти или шести таких вылетов зенитка замолчала. Снаряды к ней иссякли!.. Но одним из последних снарядов эта зенитка все-таки сбила самолет, но только… не наш, а свой. У белых появился какой-то летчик, воспылавший желанием подраться с нашими. Когда Павлов и Ингаунис кружили над пушкой, он взлетел на таком же, как у наших, «ньюпоре». Зенитчики за дальностью не различили, что у него на крыльях не звезды, а трехцветные круги, открыли стрельбу и на этот раз попали!

Незадолго до взятия Казани Красной Армией случилось так, что Ивану Ульяновичу пришлось на несколько часов превратиться в пехотинца.

К концу лета погода резко ухудшилась, и из-за этого почти полностью пришлось прекратить разведывательные полеты. Пользуясь этим, белогвардейский офицерский отряд, укомплектованный сплошь георгиевскими кавалерами, под

командованием полковника Каппеля прорвался к нам в тыл, захватил станцию Тюрлему, взорвал там десяток вагонов со снарядами и начал наступать на Свияжск, где стояла авиагруппа.

Положение осложнялось тем, что задержать продвижение каппелевцев оказалось некому: все красноармейские части были на фронте. Тогда Иван Ульянович срочно мобилизовал весь личный состав авиагруппы — летчиков, мотористов, вплоть до обозных.

Наскоро организовали линию обороны. Сам Павлов лег с винтовкой в руках среди других бойцов и принял участие в отражении атаки белогвардейцев.

Часа через полтора подогретые солнцем облака чуть приподнялись, и можно было летать на высоте 150–200 метров. Понимая, что в воздухе он для врагов страшнее, чем на земле, Иван Ульянович передал винтовку ближайшему красноармейцу и пополз вдоль неглубокого овражка на аэродром. Вместе с Ингаунисом он совершил в этот день несколько полетов подряд, сбрасывая с бреющего полета на головы белых бомбы и поливая их пулеметным огнем.

Так, волею случая была найдена новая тактическая форма применения истребителей, лишенных из-за отсутствия воздушного противника возможности заниматься своим прямым делом — боем в воздухе. Впоследствии подобные действия, получившие название штурмовых, широко вошли в практику.

Эффект штурмовки с воздуха оказался весьма значительным. К вечеру натиск белогвардейцев ослаб, и под прикрытием наступившей темноты и снова начавшегося дождя они отступили, не добившись своих целей.

После взятия 10 сентября Красной Армией Казани авиагруппа преследовала белых как разведкой пути их отхода, так и частыми бомбежками и обстрелом из пулеметов.

Насколько действенным было это преследование, можно судить по тому, что белым пришлось побросать большую часть своих обозов. Все самолеты и другое авиационное имущество, захваченное ими при занятии Казани, они также оставили на аэродроме, и оно снова перешло в руки Красной Армии.

Вот как деятельность советских летчиков в боях под Казанью была оценена официально:

«После того как Казань под натиском Советских войск пала и ныне находится снова в наших руках, необходимо отметить доблестную и самоотверженную работу красных летчиков, действовавших в этом районе…

Летчики своей самоотверженной работой значительно способствовали успеху Красной Армии. Среди летчиков особенно

отличились: военно-морской летчик Сатунин, военные летчики Гусев, Хендриков, Павлов, Ингаунис, Сапожников и летчики-наблюдатели Конкин, Колосов и Дмитриев.

Кроме разведок и бомбометаний, наши красные летчики поддерживали во время боев связь между своей и соседними армиями. Вследствие необходимости спускаться для донесений на незнакомую местность летчики подвергали опасности не только самолеты… но также и свою личную жизнь, так как, не зная, занят ли данный участок противником или нет, в первом случае они рисковали быть расстрелянными противником».

В борьбе за Казань и Волгу первые красные летчики доказали, что они нужны советской власти, что авиация — это не дорогостоящая роскошь, а верное оружие в руках рабоче-крестьянского правительства.

Через несколько дней после взятия Казани Красной Армией в личной жизни Ивана Ульяновича произошло большое событие — он встретил девушку, которую глубоко полюбил и которая стала его спутницей на всю жизнь. Ведь истинному герою не чужды естественные человеческие чувства, в том числе и любовь. И в рассказе о жизни Павлова-героя нельзя умолчать о Павлове — нежном муже и семьянине.

Вот как познакомился Иван Ульянович со своей избранницей. Однажды он приехал в предместье Казани— Ново-Татарскую слободу. Автомобиль Ивана Ульяновича остановился поблизости от колодца, из которого брали воду татарские девушки. Одна из них с первого взгляда приковала его внимание — маленькая, смуглая, длинные черные косы спадали почти до колен. Она была одета в короткое голубое платьице, на маленьких ножках без чулок — расшитые серебром татарские чувяки.

Павлов подошел к девушке, снял с ее плеча кувшин с водою, попросил разрешения помочь ей и довезти до дома на автомобиле. Девушка была явно испугана, но все же улыбнулась. За несколько минут, пока длилась эта поездка, Иван Ульянович узнал, что зовут девушку Биби-Сара, что она дочь казанского грузчика, а сама по профессии белошвейка.

С тех пор каждую свободную минуту Иван Ульянович старался проводить с нею. Возвращаясь из боевых полетов, перед тем как сесть на свой аэродром, он обязательно делал на малой высоте нет сколько кругов над крышей ее дома, и Биби-Сара выбегала из двери и махала ему рукой… Потом он объяснился девушке в любви и просил ее стать его женой. Она согласилась, но тут же перед влюбленными встало почти непреодолимое препятствие — мать Биби-Сары, фанатичная мусульманка, и

слышать не хотела, чтобы дочь вышла замуж за русского.

Нужно было что-то предпринять, и Иван Ульянович решился. Как раз в это время преследовавшие белых части Красной Армии успели довольно далеко уйти от Казани, и Павлов получил предписание перебросить всю авиагруппу в Мелекес. Самолеты должны были туда перелететь через Симбирск, а имущество предполагалось перевезти на пароходе.

Рано утром, часа за два до отправки парохода, Иван Ульянович пригласил к себе друзей летчиков Сатунина и Сапожникова и посвятил их в свой план. Те согласились ему помочь. Они привезли Биби-Сару на пристань. Наблюдавший за погрузкой Иван Ульянович отвел ее в каюту, которая ему была предоставлена как командиру группы, хотя сам-то он должен был лететь.

В последние минуты перед отходом Иван Ульянович объяснился с девушкой еще раз. Биби-Сара выслушала его молча, отвернувшись лицом к иллюминатору, и согласилась уехать.

Пароход уже давал отвальные гудки, и сам не свой от охватившего его счастья Иван Ульянович сбежал на берег, проводил глазами удалявшийся пароход и пешком, поскольку все имущество, в том числе и автомобили, были отправлены по воде, отправился на аэродром — вылетать.

Биби-Сара оказалась хорошей хозяйкой, внимательной и заботливой женой.

Первоначально было решено, что на передовом аэродроме, находившемся всего в двух десятках километров от расположения белых, Биби-Сара не имеет права появляться. Но она не смогла утерпеть и сделала по-своему — с попутным эшелоном ухитрилась добраться до аэродрома. Упреки Ивана Ульяновича, который, как командир группы, чувствовал себя неудобно перед товарищами и хотел немедленно отправить ее в Воронеж, не помогли.

Биби-Сара заявила, что приехала сюда не для того, чтобы бездельничать, и в тот же день доказала это. Впервые летчики получили настоящий вкусный обед. Вскоре у всех было аккуратно починено, залатано, отглажено порванное обмундирование. И эта женская забота и вообще присутствие женщины в боевой семье облагораживало всех, заставляло забывать об опасностях боевой работы.

Когда авиагруппа расположилась после очередного перебазирования у станции Алексеевка, в наши тылы просочился довольно крупный отряд казаков. Биби-Сара первая узнала об этом от местного населения, но Иван Ульянович ей не поверил, так как при ежедневных телефонных переговорах со штабом

армии ему об этом ничего сказано не было. Этот разговор происходил часов в семь утра, а уже через два часа белые обстреляли Алексеевку из орудий, а затем и атаковали.

Иван Ульянович, едва попрощавшись с женой, побежал к самолетам, которые по заведенному в группе порядку всегда находились в состоянии боевой готовности. Когда мотор уже был запущен, Иван Ульянович поручил своему мотористу помочь Биби-Саре выбраться из этой каши.

«Пусть бросает все и бежит как есть. Нас ищите в Острогожске или Воронеже».

После этого самолет Павлова и остальные четыре самолета (другие еще не успели перелететь в Алексеевку с прежнего аэродрома) взлетели, сбросили на белых взятые с собою бомбы, расстреляли по ним весь запас пулеметных лент, поддерживая оборонявший от белых наземный состав авиагруппы, а потом перелетели в Острогожск, откуда только и смогли известить о случившемся штаб армии.

На следующий день казаки ушли из Алексеевки. Но эшелон с имуществом авиагруппы и базировавшегося с ней 23-го авиаотряда они сожгли начисто, а это означало, что авиагруппа перестала существовать. Наземный состав, правда, понес лишь небольшие потери, но ведь и при исправных самолетах нельзя было летать и выполнять боевые задания без горючего, без запасных частей и боеприпасов — всего того, что хранилось в вагонах эшелонов. Можно себе представить, как переживал эту непоправимую потерю Иван Ульянович, сознававший свою ответственность за случившееся перед партией, перед армией…

Эти переживания усугублялись еще тем, что Биби-Сара пропала. Когда Иван Ульянович вернулся в Алексеевну, кто-то рассказал ему, что сам видел, как ее зарубили казаки. Нашелся и узелок с ее нехитрыми пожитками.

Иван Ульянович вернулся в Давыдовку, где им был назначен сборный пункт для всех уцелевших людей и самолетов. Вечером, измученный, он свалился и уснул в вагоне. Уже за полночь в дверь раздался стук — Биби-Сара вернулась! Оказалось, что ей удалось добраться до Лисок, а оттуда, не имея терпенья дождаться какого-либо средства сообщения, она под дождем, босиком, пешком прошла по шпалам 18 верст до Давыдовки, лишь случайно избежав встречи с белыми. На третий день в Давыдовку добрался и моторист Сергеев, который, проводив Биби-Сару до безопасного места, вернулся на аэродром, чтобы показать дорогу к отступлению еще оборонявшимся там бойцам и мотористам.

Решительные бои с контрреволюцией на юге разыгрались осенью 1920 года. Еще весною белые были очень сильны, причем этому способствовала их авиация, вооруженная новейшими английскими самолетами и руководимая одним из талантливейших летчиков царской армии генералом Ткачевым. В частности, авиация Врангеля нанесла тяжелый урон конному корпусу Жлобы и нашему аэродрому в Александровске. К осени главное командование Красной Армии решило покончить с последним оплотом белых и в числе прочих сил направило на юг и красные авиационные отряды.

Первоначально разрозненные действия малочисленных советских авиаотрядов не были эффективны. Тогда Павлов предложил командованию создать из наличных сил крупную авиационную группу и начать массированные действия против белых с воздуха, что уже вполне оправдало себя ранее — и под Казанью и в борьбе с белополяками.

Предложение было принято. Павлову поручили собрать имеющиеся авиационные отряды в единую крупную авиагруппу в районе станции Синельниково, на фронте 13-й армии. Ближайшим помощником Ивана Ульяновича стал, как и ранее, Феликс Антонович Ингаунис. Группа должна была состоять примерно из 30 самолетов, но так как доставка отрядов по железным дорогам не могла быть выполнена быстро, Павлов решил начать боевые действия с теми силами, которые удастся стянуть за первые четыре-пять дней.

В отрядах, из которых формировалась авиагруппа, как оказалось, была большая аварийность. Поэтому Иван Ульянович, помимо политической проверки всего летного состава, проверял и технику пилотирования всех ранее ему неизвестных летчиков. При этом в ряде случаев пришлось отсеять отлично летавших, но недостаточно благонадежных летчиков. Мандат, подписанный командующим Юго-Западным фронтом, А. И. Егоровым, давал Ивану Ульяновичу широкие полномочия и обязывал всех, к кому бы он ни обратился, оказывать ему всемерную помощь.

Поначалу авиагруппа сформировалась из следующих частей: 44-й отряд — 3 самолета, 38-й — 3 самолета, 12-й истребительный — 4 самолета, 48-й — 2 самолета, 16-й — 3 самолета, 9-й — 2 самолета, 13-й — 3 самолета. Несколько позже группе были приданы 2 тяжелых воздушных корабля «Илья Муромец», под командованием летчиков А. Туманского и Ф. Шкудова. В основном группа работала в составе 18–20 самолетов. Только в сентябре на аэродроме в Вознесенске собралось 32 самолета.

Первым попал под удар авиагруппы корпус генерала

Кутепова, наступавший на нашу 13-ю армию. На него обрушились все исправные самолеты, ведомые самим Иваном Ульяновичем. Белые были застигнуты на отдыхе. Сотни бомб, тысячи стрел и пулеметный огонь настолько растрепали корпус, что он больше не смог продвигаться вперед. Не помогла и новая тактика белых — двигаться рассредоточенно и при первом же звуке моторов прятаться по садам и хатам.

В каждом налете на белых неизменно принимал участие и Иван Ульянович. По возвращении он приземлялся первым и наблюдал за качеством посадок остальных самолетов. Последние не всегда бывали удачны, да и в воздухе, как оказалось, летчики группы совершенно не умели летать в строю. Ивану Ульяновичу приходилось все время инструктировать летный состав.

Едва было покончено с корпусом Кутепова, как Врангель выдвинул из «крымской бутылки» на север, по направлению к Каховке, свои главные силы под командованием генералов Слащева, Улагая и Барбовича. Начало этой операции было вскрыто 10 августа глубокой разведкой летчиков Крекиса и Золотова. Для действий на новом направлении авиагруппа немедленно перебазировалась на другой аэродром.

И снова начались штурмовки белогвардейцев с воздуха, когда самолеты авиагруппы вылетали по три, четыре и даже по пять раз в день, несмотря на изнуряющую жару.

Ввиду угрозы появления врангелевской авиации Павлов предусмотрительно приказал держать самолеты группы на аэродроме не по линейке, как это бывало раньше, а рассредоточенно, и маскировать их под деревьями или ставить вплотную к хатам.

Однажды Павлова срочно вызвал к себе начальник оперативного отдела штаба армии и сообщил, что, по последним разведывательным данным, в районе деревни Николаевка высаживается кавалерийский корпус генерала Секретёва. Целью белых было атаковать советскую дивизию, прикрывавшую воронежское направление. Штабист спросил у Павлова, чем может помочь авиация. Иван Ульянович ответил, что бомбами и пулеметным огнем летчики смогут отогнать этот корпус на такое расстояние, что он и в два дня не соберется для удара по нашим частям. И Павлову было приказано действовать, притом возможно быстрее.

Разговор произошел вечером, следующие два дня авиагруппа с утра и до ночи непрерывно громила конные группы белогвардейцев.

Иван Ульянович летал тогда на истребителе «Спад», постройки московского завода «Дуке», с хорошо известным ему по

Франции мотором «Испано-Сюиза», мощностью 150 лошадиных сил. Но беда была в том, что из-за неимения бензина летать приходилось на суррогате: так называемой «казанской смеси» — мешанине из спирта, газолина и эфира. Это горючее не терпело резких изменений режима работы мотора, а при налетах на конницу, конечно, часто приходилось то сбавлять обороты до минимума, то снова давать полный газ. И вот мотор «забарахлил»— стал давать перебои и настолько сбавил обороты, что самолет неумолимо пошел к земле. Сесть пришлось на поле гречихи. Винт еще еле-еле крутился, но показатель давления в бензобаке стоял на нуле.

Иван Ульянович начал подкачивать давление ручной помпой, а к нему со всех сторон уже устремились казаки, стреляя на бегу. В крыльях и фюзеляже появились первые пробоины. Звякали пули и по выхлопным патрубкам мотора… Давление удалось поднять буквально за несколько секунд до того, когда спастись было бы уже невозможно. Но Павлову повезло и на этот раз. Именно в самый последний миг он смог дать полный газ, взлететь и, конечно, немедленно же обстрелять казаков из пулемета…

За два дня корпус генерала Секретёва был рассеян и угроза с его стороны ликвидирована.

В этот период авиагруппа базировалась совсем неподалеку от села, где родился Иван Ульянович и где доныне жили его отец, мать и сестра. И вот однажды охрана аэродрома привела к Павлову задержанного ею старика, упорно требовавшего пропустить его к командиру… Это оказался отец Ивана Ульяновича, который, несмотря на преклонный возраст, пешком, опираясь на клюшку, добрался до аэродрома, чтобы навестить сына, слухи о подвигах которого дошли до него. Погостив у Ивана Ульяновича два дня, передав приветы от всех родных и знакомых, старик так же пешком ушел обратно домой.

24 августа, покончив с действиями под Каховкой, авиагруппа перебазировалась на центральное направление Южного фронта, в район Александровска. Аэродром располагался в том месте, где ныне построен Днепрогэс.

За два десятка последующих дней авиагруппа выполнила ряд очень важных разведок и налетов на белых с бомбометанием, обстрелом, сбрасыванием стрел и агитлитературы. В связи с тем, что, понеся жестокий урон от налетов авиации, белые стали предпринимать все большие меры предосторожности, пришлось изменить и тактику налетов. Если раньше массированный штурмовой налет длился всего десять минут, то теперь налеты пришлось растягивать до 40–50 минут, нанося удары как бы конвейером из самолетов, следующих с небольшими интервалами

один за другим. Это заставляло белую конницу подолгу не выходить из укрытий, путало вражескому командованию намеченные темпы продвижения и доводило личный состав белогвардейских частей буквально до исступления. Продолжалась эта работа вплоть до окончательной победы над Врангелем.

Как уже упоминалось, при перебазировании в Александровск группе были приданы два тяжелых бомбардировщика типа «Илья Муромец». Павлов, сам летавший только на истребителях и имевший дело не более чем с двухместными самолетами, сразу оценил возможности самолетов-гигантов и проявил к их экипажам особое внимание.

В первый же день с корабля «Илья Муромец» летчика Ф. Шкудова был подбит у станции Пришиб белогвардейский бронепоезд. О том, насколько ожесточенно белые при этом оборонялись, можно судить по рассказу командира второго корабля А. Туманского, который через несколько дней и довершил разгром бронепоезда. В его самолете было обнаружено 208 пробоин, а у Шкудова — еще больше. Никакие другие самолеты не выдержали бы такого обстрела, да и не смогли бы поднять бомбы столь крупного калибра, чтобы вывести из строя бронепоезд.

Другой налет произвел корабль А. Туманского в сопровождении двух истребителей на станицу Фридрихсфельд. Там Врангель собирался торжественно принимать парад своих войск. Парад не состоялся — огромное скопление белых войск было рассеяно.

8 сентября тот же А. Туманский получил задание произвести налет на станцию Джанкой, а на обратном пути разбомбить аэродром белых у станции Федоровка. Погода была нелетная — низкие облака, дождь, местами туман, и все-таки Туманский полетел. Его порывался сопровождать на истребителе Павлов, но Туманский его отговорил:

— Иван Ульянович, прошу вас, не надо. Не хочу беспокоиться за вас больше, чем за самого себя… Увидите, все будет благополучно…

— Ну ладно, — ответил, немного подумав, Павлов, — лети, черт тебя побери, и ни пуха ни пера. Встречать буду.

Полет проходил на высоте всего 30–50 метров — выше не пускали тучи. Разгромив эшелоны в Джанкое, повернули к Федоровке, где никто не ждал, что в такую муть может появиться советский самолет, и сбросили все оставшиеся бомбы на линейку из шести «хевилендов», самых мощных машин в авиации белых. Четыре из них были уничтожены, остальные повреждены. Насколько этот урон был белым чувствителен, можно судить по

тому, что «хевилендов» у них было всего 20, прочие же машины не шли в счет из-за низкого качества.

Пока «Муромец» отсутствовал, Павлов не покидал аэродрома, он первый встретил и расцеловал вернувшихся летчиков. По его представлению, командарм Уборевич в тот же день лично прикрепил к гимнастерке Туманского орден Красного Знамени.

Вот как характеризует деятельность Ивана Ульяновича Павлова за период, предшествовавший новому назначению, изданный в те дни приказ Революционного Военного Совета Республики:

«Награждается вторично орденом Красного Знамени пом. начальника воздушного флота Юго-Западного фронта Павлов И. У. за то, что во время наступления наших войск в районе 13-й армии и группы т. Эйдемана он, руководя групповыми полетами, организовал эти полеты настолько хорошо, что в течение месяца эта группа, насчитывая до 500 полетных часов и 200 пудов сброшенных бомб, сумела дать исключительные по ценности сведения о противнике.

Обнаруживая группировки крупных сил противника, красные летчики, совершая полеты на минимальной высоте, не раз рассеивали скопления белых войск бомбами и пулеметным огнем.

При этом т. Павлов своей энергией, неустрашимостью и храбростью увлекал своих товарищей к полетам во всякую погоду и в любое время дня и ночи».

Свой первый орден Красного Знамени Иван Ульянович получил за бои под Казанью. Третий же был ему присужден позже — по окончании гражданской войны, когда рассмотрение соответствующих документов выявило много ранее не отмеченных подвигов.

На этом закончилась боевая работа И. У. Павлова, и началась его кипучая деятельность по реорганизации и дальнейшему укреплению мощи Советских Военно-Воздушных Сил.

По окончании гражданской войны командование Красной Армии, высоко ценя энергию и организаторские способности Ивана Ульяновича, использовало его на высших руководящих должностях. Он был последовательно начальником авиации Киевского, Северо-Кавказского и Московского военных округов, а затем заместителем инспектора и главным инспектором Военно-Воздушных Сил Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Большая служебная нагрузка не мешала ему в те годы окончить Высшие академические курсы, усиленно работать над своим образованием и все для того, чтобы уметь лучше учить и воспитывать советскую авиационную молодежь. Иван Ульянович

глубоко заинтересовался планерным спортом, справедливо увидев в нем замечательную первоначальную школу для отбора молодежи, способной к летной профессии, и для обучения ее полетам еще до приема в авиационные школы.

На беду, год от года начало сдавать железное ранее здоровье Ивана Ульяновича. Сказывались последствия перенесенной им в годы гражданской войны тяжелой аварии из-за отказа мотора при полете в наступающей темноте над незнакомой местностью. Тогда он сильно разбил голову, повредил левое бедро и плечо. Лечиться было некогда, да и советы врачей оказались в большей части невыполнимы, поскольку в те годы нашей крайней нищеты и лишений не было не только нужных медикаментов, но и хорошего питания. И что ни пыталась делать Биби-Сара для укрепления пошатнувшегося здоровья мужа, толку было мало. Особенно мучили Ивана Ульяновича постоянные сильнейшие головные боли.

И в таком состоянии Иван Ульянович все же продолжал летать и даже уверял, что после полетов у него голова болит меньше. Без полетов он просто жить не мог!

Продолжал он полеты и когда стал главным инспектором ВВС и мог бы просто приказывать, чтобы его доставляли другие летчики в ту часть, которую предстояло обследовать. Нет, он всегда летел сам, конечно на одноместном истребителе. Только год от года менялся тип этих истребителей. Если в начале восстановительного периода, когда наша авиационная промышленность только строилась и мы еще были вынуждены закупать материальную часть за границей, это были самолеты иностранных марок, то потом их сменяли истребители все новых и лучших советских типов.

Но какой бы тип истребителя ни вводился в те годы на вооружение наших ВВС, личный самолет Ивана Ульяновича Павлова можно было узнать издали — он всегда был выкрашен в серебряный цвет, а на бортах его фюзеляжа на фоне красного знамени выделялась одна и та же надпись: «За ВКП (б)!»

Этот девиз выражал собою весь дух Павлова: ведь действительно каждый его полет был посвящен партии, развитию и укреплению нашего воздушного флота — детища партии.

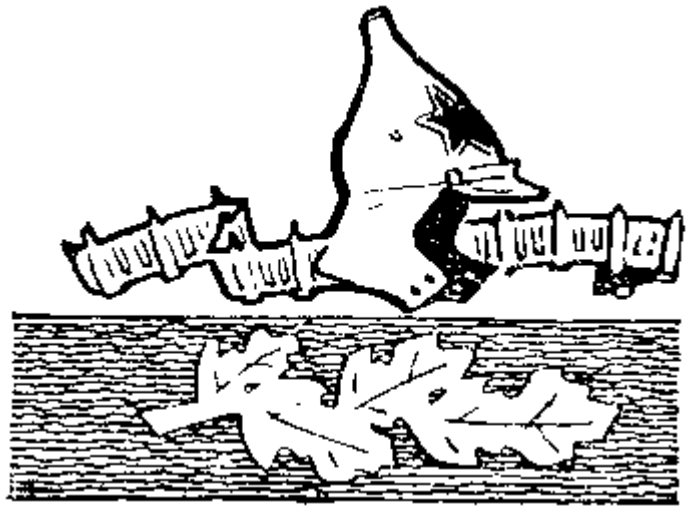
«Таким чудесным, влюбленным в авиацию большевиком, близким товарищем и другом был Иван Ульянович для своих соратников, таким он останется в памяти всех знавших его людей», — писал после его преждевременной смерти от тяжелой болезни, последовавшей 11 апреля 1936 года, один из тогдашних высших руководителей наших ВВС — комкор В. В. Хрипин.

К этим словам нечего добавить. Память об Иване Ульяновиче

Павлове должна навсегда сохраниться в героической истории советской военной авиации.

ЕВГ. БУРЧЕ

МИХАИЛ ЛЕВАНДОВСКИЙ



1

О городе, где Михаил подростком слыл самым быстрым разносчиком газет, а потом стал самым главным военачальником, с категорической ясностью сообщалось в «официально дозволенных к пользованию» календарях-справочниках:

«В городе промышленности и торговли, полностью оправдывающем свое выразительное наименование — Грозный, цель жизни — нефтяной фонтан, мечта — хорошая заявка на нефтеносный участок, идеал — нефтепромышленник с миллионом в кармане».

Положим, о хорошем нефтеносном участке, еще не захваченном иностранной фирмой, могли мечтать только очень наивные люди. Все богатства Грозного — нефтепромыслы и нефтеперегонные заводы, которые тридцатикилометровым мысом вдавались в гущу казачьих станиц и чеченских аулов, уже были разделены между пятнадцатью акционерными компаниями — английскими, французскими и бельгийскими.

В семье Михаила Левандовского таких слишком наивных людей не было. Не за нефтяным фонтаном, просто за куском насущного хлеба подался из станицы Николаевской на промыслы отчим Михаила казак Максим Возлюбленный.

Родного отца Миша не помнил. Из скупых рассказов матери — Варвары Степановны — знал, что родился в Тифлисе 3 мая 1890 года; отец Карл Левандовский — из давно обрусевших польских крестьян — служил младшим унтер-офицером. Жизнелюбивый, веселый, он строил заманчивые планы на будущее. Но едва сын научился ходить, умер от приступа желтой лихорадки.

Семьи офицеров по-своему жалели вдову. Давали ей заработать стиркой, приборкой… Через какое-то время судьба даже улыбнулась. В Варвару, все еще очень красивую, влюбился казак с необыкновенной ласковой фамилией Возлюбленный. Настоял — женился.

Отбыл казак воинскую повинность и увез Варвару с мальчонкой в свою станицу — на Терек. В край редких богатств и противоречий невероятных. Ледники и знойные степи, соленые лиманы и неохватные глазом виноградники, дикий Скалистый хребет и кипень фруктовых садов — белых, розовых, совсем фиолетовых. Земельные наделы в сотни десятин и в тех же станицах — «братья вольные казаки», безропотно батрачившие в хозяйствах «своих» атаманов, хорунжих, есаулов.

Батрачил и отчим Миши Левандовского. На поденных работах надрывалась мать. Вышагивал с овечьими отарами подпасок Михаил. Зимой учился в церковноприходской школе, а с ранней весны до крепких заморозков — на выпасах. За все старания — два рубля в год!

Без надежды, хотя бы самой маленькой, человеку никак нельзя. Казак Возлюбленный с женой и мальчиком Мишей двинулся в Грозный. Календари-справочники не соврали. «Город промышленности и торговли» полностью оправдал свое выразительное наименование. Место при нефти нашлось. Всем троим. Казак стал кочегаром на перегонном заводе. Варвара — прачкой в доме управляющего промыслом. Двенадцатилетний Миша — масленщиком.

Прибежит в мазанку, кое-как отмоет лицо, руки от черных пятен — сырая нефть, ох, как въедлива! — и за книги. Иначе нельзя. Чтобы такого чумазого паренька с промыслов приняли в четырехклассное городское училище имени Пушкина, обязательно надо все вступительные экзамены выдержать на круглые пятерки. Миша осилил.

Добрых четверть века спустя командарм Михаил Карлович Левандовский поведает в «Автобиографии»:

«Учеба временами прерывалась службой в конторе Ганкина в качестве рассыльного мальчика и разносчика газет. Газетами приходилось торговать особенно часто. Работал также в

типографии — учеником и самостоятельно наборщиком: даже получал жалование взрослого рабочего».

И о том, как складывается характер:

«В старших классах городского училища у нас организовался кружок «Школьный Мир». В мою обязанность входило поддерживать связь с рабочими организациями промыслов. Участвовал в маевках, нелегальных сходках, в постройке баррикад на Четвертоговской площади. И, грешен, в рукопашной схватке с казаками 2-го Кизляро-Гребенского полка. Первым, моим «оружием» была дубинка саженной длины. Когда по приказу начальника Грозненского округа полковника Попова казаки с обнаженными клинками бросились на толпу, я вместе с другими парнями вмиг разобрал высокие штабеля дров, приготовленных к зиме на дворе Пушкинского училища; Дрались молча, остервенело. И — откуда только силы взялись? — заставили казаков пуститься наутек, вплавь через Сунжу. Потом в газетах писали, что бунтовщиков было не меньше трех тысяч».

Осенью 1907 года Михаил снова держал экзамен — за пять классов реального училища. Выдержал и был принят в шестой. Учился и давал на дому уроки детям купцов и чиновников. Во время каникул работал в типографии. Не отступал, гнул свою линию.

Одного никто не мог понять. Почему вопреки всем настояниям педагогов и уговорам домашних (Варвара Степановна не жалела слез) он после окончания реального училища не пошел в университет.

Неожиданно и довольно торопливо покинув Грозный, Михаил Левандовский направился в Петербург. Теперь этого никто не объяснит: чем он обворожил, как ухитрился? Но только сам господин военный министр Российской империи оказал протекцию. Мишу зачислили во Владимирское военное училище.

И в 1912 году в Горийский пехотный полк, расквартированный в губернском городе Кутаисе, прибыл для прохождения службы подпоручик Левандовский. «Жил я обособленно, готовясь в Академию Генерального штаба», — обронено в «Автобиографии».

Нашел все же молодой офицер время — высмотрел среди чернооких, длиннокосых, лукавых и строгих имеретинских красавиц Лидию Кубанейшвили, любовь и друга на всю жизнь. Во всех боях и походах, при больших взлетах и в трагическом финале — никогда они не разлучались.

Потом война — первая империалистическая. 202-й Горийский пехотный полк брошен со скалистых берегов Риона на Западный фронт. Левандовский без колебаний и внутреннего

протеста выполняет свой долг офицера. Сейчас все его симпатии просто на стороне России, отечества, против Германии, чужеземного врага…

После первых боев Михаил — начальник пулеметной команды. Где особенно трудно, где солдаты вот-вот побегут, в качестве заслона — пулеметчики. Верно, смерть часто отступает перед храбрыми. Левандовского щадили пули, не трогали осколки снарядов. И когда он сам уверовал в свою неуязвимость, свалили контузии. Две в одном бою!

Очнулся за тысячи верст — в Тифлисе. Как будто цел, здоров — и не годен в строй. Пять месяцев врачи сомневались — не списать ли вчистую? До таких крайностей не дошло. Поправился Михаил. Получил назначение в Тифлисскую школу прапорщиков — курсовым командиром и преподавателем военного дела.

Тихая, безопасная должность. Все удовольствия богатого тылового города. Так нет же! Опять характер.

— На фронт, на фронт, на фронт!

— Ну, езжай помирай, чудак неблагодарный!

В ту весну 1916 года сколько-нибудь серьезных связей с большевиками, с подпольными армейскими организациями Левандовский не имел. И в 1-й броневой автомобильный дивизион, состоявший по преимуществу из рабочих, Михаил постарался попасть по собственному влечению. Мастеровых он привык уважать с детства, понимал, что им быть подлинными хозяевами страны, и по-человечески к ним относился. Как мог ограждал.

И пока еще не за политические взгляды, а за порядочность, за воинское умение и храбрость рабочие-солдаты выделяли штабс-капитана Левандовского из всех других офицеров. Ему избыть после Февральской революции первым выборным командиром дивизиона и товарищем председателя Совета солдатских депутатов. В сущности, это начало пути. Заявка на будущее!

2

Октябрь 1917-го…

Первый фронт революции у Пулковских высот под Петроградом.

Тишину насквозь мокрой осенней ночи взрывает гул моторов. Со стороны Царского Села, куда вчера под колокольный звон всех церквей вступили казаки генерала Краснова, прорываются на большой скорости броневики. Им вдогонку дробно бьют пушки.

Все так же внезапно затихает. Только в поврежденной снарядом сторожке при мерцающем свете коптилки два человека пытаются рассмотреть друг друга. Высокий худощавый в кожаном френче первым протягивает руку:

— Штабс-капитан Левандовский. С кем имею честь?

Штатский с продолговатым, по-южному резко очерченным лицом, отбросив копну волос, называет себя:

— Орджоникидзе, агитатор Центрального Комитета большевиков.

— Не ожидал! Ну что ж… Первый автоброневой дивизион прибыл в распоряжение законного правительства России.

— Спасибо, дорогой!

Друзьями они стали много позже — на Кавказе. Но уже через несколько часов после знакомства без тени сомнения Серго поручил Левандовскому взять под свое попечение и отвезти в Смольный доставленного казаками мятежного генерала Краснова. Михаил согласился.

В двадцатых числах декабря Серго был назначен чрезвычайным комиссаром Украины, уехал в Харьков. Открытка от Левандовского опоздала всего на сутки. Михаил просил навестить его в госпитале. Он тяжело болел, нервничал. Все раздражало. Из дому звали: приезжай скорее… А большевик, с которым необходимо было поговорить по душам, не пришел. «Черт с ними, со всеми! Демобилизуюсь».

Поезда ходили только до станции Беслан. Дальше в сторону Грозного и Порт-Петровска рельсы были разобраны и куда-то увезены, шпалы вывернуты, спалены; большая часть мостов взорвана. Всюду следы недавней кровавой резни. В соответствии с тайным соглашением наказного атамана Терского казачьего войска и Горско-Дагестанского правительства князя Капланова и миллионера-нефтепромышленника Чермоева «дикая дивизия» грабила и жгла Владикавказ, казаки резали горцев, обстреливали артиллерийским огнем чеченские аулы под Грозным.

Михаил шагал по подмерзшему степному большаку. От станицы к станице, от Терека к Сунже. День, второй, пятый, восьмой. Все так же пламенели отсветы пожаров. Горький, вонючий дым перехватывал дыхание. Тупая боль саднила сердце.

На последнем переходе, под самым Грозным, навстречу попался страшный обоз. Телеги с изрубленными трупами. Спросил вахмистра:

— Кого везете?

— Басурман.

— За что их?

— Чеченская делегация с шейхом Дени Арсановым во главе. В станице Грозненской озлились, порубили их всех.

А в городе полыхали вышки и нефтехранилища Новых промыслов…

— Как вы, рабочие, терпите такое? — нетерпеливо бросил отчиму Михаил.

Ответил другой человек. Левандовский слышал о нем еще в школьные годы, раз или два видал на тайных сходках, потом пронесся слух, будто «дядю Костю» угнали в Сибирь. Теперь они сидели друг против друга за столом во флигельке у Возлюбленного. Недавно вернувшийся из ссылки один из первых грозненских революционеров, член партии с 1904 года К. В. Осипов и штабс-капитан царской армии Левандовский.

— Заботы пополам. Я достаю оружие. Ты обучаешь дружину, — заключил разговор Осипов.

Вскоре Осипов выехал в Петроград с письмом от председателя Совнаркома Терской советской республики Ноя Буачидзе к Ленину. Ной просил Владимира Ильича выделить оружие для грозненских рабочих.

Осипова принял Яков Михайлович Свердлов. Сказал, что Ленин и он обсудили письмо товарища Ноя. Сейчас время крайне трудное, враг рвется к Петрограду, каждая винтовка на счету, но для грозненских нефтяников правительство выделит оружие. К концу недели Осипов получил эшелон с винтовками, боеприпасами и легкими пулеметами, а также пять миллионов рублей.

На станции Минеральные Воды Буачидзе встретил эшелон с оружием и сам занялся его дальнейшей судьбой. Осипов, вернувшись в Грозный, сообщил партийному комитету:

— Я обстоятельно рассказал Буачидзе о своей поездке в Петроград, о беседах со Свердловым и вручил ответное письмо Владимира Ильича, адресованное товарищу Ною… Буачидзе просил передать большевикам Грозного, что теперь все зависит от них. Оружие уже есть. Из грозненских рабочих можно создать первоклассные вооруженные силы, и наша партия наконец-то будет иметь на Тереке солидную опору.

При Грозненском Совете тотчас же начала работать военная коллегия во главе с Михаилом Левандовским и георгиевским кавалером большевиком Николаем Гикало. В отряд записывали лишь тех, кто имел рекомендацию от рабочих коллективов или партийной организации. Вскоре Грозный увидел красную пехоту, конницу и артиллерию.

Безнадежно опоздал со своим ультиматумом главарь горской контрреволюции, давний турецкий наймит Ахметхан Мутушев.

Левандовский намеренно приказал прочесть во всех ротах и эскадронах это редкостное послание:

«Я, Ахметхан Первый — Диктатор Чечни, приказываю Ревкому и большевикам рабочим немедленно сложить оружие и покинуть город Грозный».

Одно только оставалось непонятным, и об этом не раз между собой говорили Осипов, Гикало и часто приезжавший в Грозный Ной Буачидзе. Что побудило Левандовского, по всем признакам тесно связавшего свою судьбу с советской властью, все-таки подать заявление в партию «левых социал-революционеров максималистов»? Он не из тех, кто делает «так вдруг». В январе он появился в Грозном, четыре месяца подчеркивал свою беспартийность.

— Что-то он превратно понял, а мы как следует не объяснили, — сказал Ной, энергично теребя бороду — верный признак того, что он сильно нервничал. — Ради бога, ни в чем его не ущемляйте, ни малейшей подозрительности… Вы знаете, Терская республика — как бы обетованный остров, вокруг которого бушуют, ярятся волны контрреволюции и иностранной интервенции. Скоро нам очень понадобятся свои красные, называйте как хотите — генералы, полководцы, в общем такие Левандовские. Он может и не знать, а мы обязаны себе уяснить — большевик он!

В июне Ноя не стало — его убили во время выступления на митинге. Не дожил он до событий, сразу определивших подлинную цену Левандовскому.

Мятеж назревал давно, и отвратить его не было сил. «Терский Керенский», или, как его иначе, более точно называли, «косоротая лисица», Георгий Бичерахов прислал приказ: «Владикавказские комиссары, ваше время истекло, не злоупотребляйте терпением Терского казачества». Пока что мятежные казачьи сотни обстреливали железную дорогу, спускали поезда под откос, истребляли горцев.

С последним поездом с севера в отрезанный от России Владикавказ прорвался Орджоникидзе. С этого часа развязка быстро приближалась. «Косоротая лисица» и глава английской военной миссии полковник Пайк боялись упустить благоприятный момент.

И — удивительное совпадение! — Серго и Бичерахов — оба вспомнили об организаторе Грозненской Красной армии На первом же заседании экстренного съезда народов Терека Орджоникидзе предложил назначить военным комиссаром республики Левандовского.

Бичерахов по вполне понятным соображениям не

афишировал своих симпатий. Просто в день приезда Михаила и Лидии во Владикавказ мальчишка-газетчик вместе с большевистской «Народной властью» принес конверт. Письмо, написанное безликим почерком армейского писаря, содержало несколько категорических фраз:

«Левандовский! Вы и подчиненные Вам офицеры императорской присяги должны немедленно прекратить свои действия в пользу большевиков. Исполнение настоящего гарантирует Вам всепрощение и полную безопасность вплоть до выезда за границу.

В противном же случае на Вашем пути мы расставим такие подводные камни, которые в любую минуту, по нашей команде, прекратят Вашу жизнь. Переходите к нам!»

В ночь на шестое августа наступила развязка. И число, и умение, и внезапность — все, что обусловливает воинскую победу, вроде бы было на стороне бичераховцев. Цокали копыта по деревянным настилам городских мостов, захваченных офицерскими патрулями полковника генерального штаба Беликова. Из сгустившейся черноты с гиканьем выносились казачьи сотни и артиллерийские упряжки, Быстро подтягивались офицерские роты полковника Соколова, друга детства Бичерахова. Прикинув, что выгоднее, переметнулись к белым всадники осетинского «национального полка». Одновременно, чтобы отвлечь революционные войска, казаки атаковали под Прохладной, завязывали бои под Грозным.

В центре города и на левом берегу Терека мятежники довольно быстро стали хозяевами. Только в здании реального училища и в особняке барона Штейгеля на Госпитальной улице — там размещалось правительство Терской республики — держались китайские добровольцы Пау Ти-сана. Их так и не сломили. Они все выдержали — артиллерийские налеты, психические атаки, штыковые удары. Голодали, шесть дней не брали в рот глотка воды!

Так же цепко, но не так счастливо обороняли подступы к кадетскому корпусу молодые осетины во главе с Колкой Кесаевым, одним из организаторов революционно-демократической партии «Кермен». После гибели отряда Колки конница и пластуны мятежников овладели Тифлисским шоссе, скопились в кустарниках перед кадетским корпусом — прибежищем делегатов съезда народов Терека. В дело пошел последний резерв — станковый крупнокалиберный пулемет. Обязанности второго номера исполнял Орджоникидзе — набивал ленты, заботился о воде. И, вспомнив старую специальность фельдшера, чрезвычайный комиссар Юга ловко и быстро

перевязывал раненых.

За всеми трудными хлопотами Серго не оставляла мысль: что с Левандовским? Где военный комиссар? Среди делегатов съезда его не было, никто не видал. И на квартире его не нашли. Ни первый ночной обыск, ни повторный, проведенный под личным наблюдением неистового полковника Беликова, ничего не дали. Арестовали Лидию, вывели на обрывистый берег Терека у городского парка. Объявили, что сейчас расстреляют, если она не укажет, где скрывается изменник штабс-капитан. Ничего не добившись, вдруг вроде бы помиловали. «Оставили меня как приманку, — горько шутила Лидия Еремеевна. — Днем, ночью все являлись, допытывались, не вернулся ли Миша».

А он был не так далеко, за несколько улиц. Там, где его застала первая ночь мятежа, — в купеческом особняке, недавно приспособленном под штаб Терской Красной армии. Подумал: место стратегически выгодное, получится неплохой опорный пункт. Можно прикрыть железнодорожную станцию, Курскую рабочую слободку, правобережье за Тереком. И для контрудара в общем-то подходяще, собрать бы силы. Пока сил катастрофически мало — две неполные роты красноармейцев, грузинский отряд Саши Гегечкори, горсть рабочих-добровольцев.

Седьмое, восьмое, девятое августа. Серго уже переправил делегатов съезда за неукротимо бешеный, вспененный Терек, для первого знакомства обдававший смельчака с головы до ног водяной пылью. К тому же переправлялись в самый непроницаемый предрассветный час в месте, где повсюду громоздятся гранитные обломки и насквозь позеленевшие валуны. Опустевшие кадетские корпуса сразу потеряли ценность в глазах белоказаков. Все сотни и офицерские роты стянулись к позициям Левандовского.

К вечеру огонь обычно стихал. Михаил отвел в сторонку Сашу Гегечкори. Положил руку на плечо, негромко сказал:

— Вернулся человек из Грозного. На промыслах плохо. Беляки нахально из гаубиц бьют по вышкам. Не сегодня-завтра война! Все же нам отряд выделили.

Какой я просил. Через четыре часа встречу в леске на Беслановском шоссе… Ты прислушивайся внимательно: как только в тылу у казаков застрекотят пулеметы, понимай — мы подошли. Ударяйте и вы!

— А ты помнишь, сколько нас?

— Оба мы с тобой в ответе, от этого не уйдешь. Каждый убитый перед глазами. В первую перекличку отозвались триста шестьдесят человек, сегодня — шестьдесят три… Я знаю, раны лечат не сладкой фруктовой водой, а крепким йодом, но посыпать

их солью, Саша, не надо… Вот еще что… Если живым не вернусь, скажешь чрезвычайному комиссару: Левандовский из партии социал-революционеров вышел. Какой я к черту эсер-максималист!

Той же короткой августовской ночью, только по другому шоссе, к Владикавказу наметом скакали джигиты в черных бурках, башлыках. Ингуши — кунаки Серго.

«Мы были уже не одни, — сообщал позднее Совету Народных Комиссаров России Орджоникидзе. — Выступили ингуши, этот авангард горских народов, за которыми потянулись если не активно, то, во всяком случае, своей симпатией все остальные горцы.

На пятый день к нам подошло маленькое подкрепление человек в 300 грозненских красноармейцев, и под руководством тов. Левандовского они ударили на казаков».

С тринадцатого числа — Серго всегда уверял: нет числа более счастливого, чем тринадцать! — военные действия уже почти полностью велись по плану Левандовского. Одиннадцатидневная оборона завершилась сокрушительным ударом. Мятежные казаки бросали позиции. Поспешил убраться назад в Моздок и Бичерахов со своим «казачье-крестьянским правительством».

— На Владикавказе пока поставьте крест, — обнадежила «косоротая лисица» своих полковников. — Попробуем взять реванш в Грозном. Кстати, господин Пайк уверяет, что нефть неизмеримо важнее престижа. Англичане всегда ставят на нефть.

Беликов побагровел. Последние фразы он воспринял как неприличный намек на то, что его, потомственного дворянина, полковника генерального штаба, побил этот большевиствующий штабс-капитан, выскочка, разносчик газет. Погоди, встретимся еще…

Обязательно встретитесь, полковник! Вы еще не раз будете жестоко биты и посрамлены, хотя и в довольно сиятельной генеральской компании. Познав всю силу военного таланта Левандовского, подымете руки, попросите пощады.

Бои в Грозном известны под именем стодневных. Они со многими подробностями описаны в воспоминаниях участников и в исследованиях военных историков[5]. И есть строки, обращенные к Ленину «и всем… всем!» Это радиограмма Орджоникидзе:

«После трехмесячной упорной борьбы Грозненская Красная Армия под руководством товарищей Левандовского и Гикало сегодня нанесла контрреволюционным бичераховским офицерским бандам смертельный удар… Миллионы пудов бензина и керосина спасены. Размеры захваченных трофеев

выясняются».

Как это удавалось, Серго никогда не рассказывал. Но в дни самые опасные чрезвычайный комиссар обязательно оказывался в окруженном, отрезанном Грозном. На равных правах со всеми отражал атаки, тушил пожары, безнадежно пытался стереть с лица сырую нефть и едкую копоть. Имел вид совершенно грозненский. И как участник событий записал на память:

«В конце третьего месяца осады Грозного силы и терпение наших товарищей истощились… но осажденный островок держался с невероятным упорством. Пути отступления от города не было. Рабочие и крестьяне решили или умереть или победить. И вот, в конце третьего месяца осады, мы с тов. Левандовским (военком области) через горы пробрались в Грозный. Организатор Грозненской Красной Армии, любимый командир, неустрашимый тов. Левандовский, сразу вселил дух победы в товарищей и совместно с тов. Гикало, охраняющим город в течение трех месяцев, выработали план наступления…»

После Грозного выдалось несколько счастливых, сравнительно спокойных недель. Умолкли пушки в станицах Сунженской линии. Смят фронт у Прохладной. Терек и Кубань соединили свои силы. У обгорелого железнодорожного моста кавалеристы молодого кубанского казака Григория Мироненко встретились с бронепоездом, направленным Орджоникидзе из Владикавказа.

— Объединились! Наконец-то вместе! — кричали казаки, горцы, иногородние.

Во Владикавказе торжественный смотр войскам. Пехотный рабочий полк. Казаки. Ингушские, кабардинские и осетинские всадники. Китайские и грузинские добровольцы. Конная артиллерия. Броневики. Настоящая боевая армия. Только еще очень пестро одетая. Командует Левандовский. Принимает парад Орджоникидзе.

Смотр торжественный и в какой-то мере прощальный. Оба уже знали о новом назначении Михаила начальником оперативно-разведывательного отдела штаба 11-й армии (так с недавнего времени стали называться Северокавказские войска).

«XI армии в России не знают, — с обычной прямотой пишет Серго в докладе Совету Народных Комиссаров— «Год гражданской войны на Северном Кавказе» (июль 1919 г.). — Не знают ее наши партийные товарищи, и, что печальнее всего, не знают даже руководители военного ведомства нашей XI армии. Принято вообще ругать XI армию как сброд всевозможных партизан и бандитов. Лично я никогда не был поклонником ее, я видел[6] все ее недостатки и недостаточную организованность. Но

Советская Россия должна знать, что XI армия в продолжение целого года… приковывала к себе внимание Добровольческой армии и вела с ней смертельный бой. По заявлению самого Деникина на заседание Кубанской рады 1 ноября прошлого года, в борьбе с армией он потерял только убитыми 30 тысяч человек. По его же словам, офицерские полки имени Корнилова и Маркова, имевшие по 5 тысяч бойцов, вышли из боя при наличии от 200 до 500 человек. Если XI армия разложилась, если она погибла, то прежде всего виновата в том не XI армия, а те, которые имели возможность кое-чем помочь но к сожалению, этой помощи не дали.

…С начала зимы раздетые солдаты начали болеть. Тиф стал свирепствовать… Все вокзалы, все дома были переполнены тифозными. Нет белья. Больных заедают насекомые. Нет медицинского персонала… Все наши просьбы, обращенные к заведующему медицинско-санитарной частью Кавказско-Каспийского Совета доктору Нойсу, решительно ни к чему не приводили».

Ничто — ни банды Бичерахова, ни надвигающийся Деникин, ни турецкие наемники, грозящие ударом в спину, нет, ничто не представляло такой неотвратимой опасности, как тиф. По своему новому положению Михаил Левандовский лучше других знал — катастрофа неизбежна. Жалкие запасы военного снаряжения и медикаментов давно исчерпаны.

Тайны для Михаила не составляло и другое. То, что особенно раздражало, просто ставило в тупик. После побед в Грозном, Прохладной и Моздоке открылась связь с Россией через Астрахань. Ненадежная, трудная — 400 километров через безводную и почти пустынную степь, — но все-таки дорога в Россию. Тотчас же из Москвы, Петрограда, Тулы пошли транспорты с обмундированием, оружием, боеприпасами, автомобилями и мотоциклами. Сергей Миронович Киров, почти полгода назад командированный Терской областной партийной конференцией к правительству, к Ленину, действовал сверхэнергично. Все, что Мироныч экстренно посылал, благополучно доходило до Астрахани и здесь надежно застревало. Или с благословения Кавказско-Каспийского Реввоенсовета передавалось в другие руки.

Единственно, что захлестывающим потоком неслось из Астрахани, — раздраженные запросы, почему не выполняете приказов о большом наступлении на широком фронте.

Созданный в первых числах ноября Военный Совет Каспийско-Кавказского отдела[7] Южного фронта продолжал — возможно из-за своей оторванности от театра военных действий и

незнания обстановки — отказывать 11-й армии в самом необходимом. Если Орджоникидзе очень уж протестовал, возмущался и адресовал радиограммы Ленину (а вся связь поддерживалась по радио через Астрахань), какую-то кроху выделяли.

При жизни Владимира Ильича — в 1922 году в тифлисской газете «Заря Востока» появилось свидетельство такого осведомленного и обязательного человека, как Александр Ильич Егоров: «Пожалуй, единственная из всех красных армий, бывшая XI армия стратегически и тактически находилась в самых плохих условиях. Без сколько-нибудь оборудованного тыла, без коммуникаций и средств связи, без гарантий на какую-либо безопасность — этих основных элементов войны…»

Когда положение стало совсем отчаянным, эту многострадальную армию поставили под начало Левандовского.

Из Пятигорска в Астрахань, из Астрахани в Москву телеграфисты шифром выстукивали: «Левандовский М. К. опытный военный специалист. На деле доказал свою преданность советской власти. Талантливый организатор». Если бы он был еще и волшебником!..

Сыпняк не давал ни пощады, ни отсрочки. В самую страшную вспышку эпидемии — 19 января 1919 года 11-я армия оставила Пятигорск. Следующей ночью под завывание метели, стоны тифозных и крики замерзающих голодных беженцев на станции Прохладной Серго обсуждал со штабом армии и руководителями Терской республики, как быть дальше.

Одни — за уход на Астрахань, другие — за то, чтобы оборонять Терек. У карты командарм Левандовский. По мере того как раскрывалось бедственное состояние армии и населения, все больше становилось приверженцев Астрахани.

Поднялся Серго. Никогда еще он не говорил с такой горячностью.

— Каково бы ни было положение, отход на Астрахань недопустим. Горским населением подобный отход будет принят как предательство, и мы политически умрем навсегда для Северного Кавказа… Никуда не отступать. Оставаться здесь и вместе с горцами защищаться на правом берегу Терека до того момента, пока мы не получим поддержки из России. Ленин нас не оставит.

До зари спорили, хрипло ругались, пили кипяток из солдатских баклажек. В конце концов так и решили — остаться на Тереке. Орджоникидзе тут же уехал в Осетию — там поднял мятеж полковник Угалык Цаликов. Левандовский принялся за новую диспозицию:

«Во что бы то ни стало удерживать в своих руках линию Зольская, Марьинская, Государственная, Курская, Степное… ни в коем случае не думая о дальнейшем отходе… Все старые кадетские окопы должны быть немедленно приспособлены к обороне».

Написал телеграмму «соседу», командующему 12-й армией:

«Ввиду критического положения настаиваем на немедленной присылке в Прохладную Ленинского или Московского полка».

Два или три дня Серго оставался в Осетии. С помощью почетных стариков очередная авантюра была ликвидирована почти без крови. Последнее, что до него дошло с фронта, — у Георгиевска окружена и наголову разбита кавалерийская дивизия белых. Взяты пленные, орудия…

От приподнятого настроения чрезвычайного комиссара следа не оставил Саша Гегечкори. Перехватил на улице во Владикавказе, ошеломил — Левандовский передал из Прохладной: армия ушла на Астрахань.

Армии уже не существовало. Вместо дивизий и полков тысячи измученных, больных, голодных, раздетых и разутых людей. Чтобы остаться в живых, надо пройти четыреста километров по звенящей от мороза степи, страшной в своей зимней бесприютности, бездомье, бескормице. Не военная дорога, отмеченная дымом костров, а смертный путь от горизонта до горизонта, усеянный обледенелыми трупами. Горами трупов.

Стихия не подвластна командарму, но командарм обязан выполнить свой долг. Долг уйти или долг остаться? Орджоникидзе остался, Левандовский ушел. При новой встрече оба уважительно пожали друг другу руки. Серго нельзя было покинуть горцев. Левандовский не имел права оставить обреченную армию.

Тифозные, замерзающие, голодные в проблесках сознания видели — командарм с ними. В какой-то день он и сам не смог подняться. Заболел тяжелой формой возвратного тифа. Непременный спутник Михаила — Лидия запомнила:

«Все больные, в том числе и Левандовский, лежали на земляном полу. Медикаментов не было. За больными ухаживать было некому. Трупы убирать было некому. После первого приступа тифа пришлось Михаилу самому помогать больным, среди других и мне. Ходить он не мог от слабости, но ползком оказывал всем посильную помощь, пока не свалил его второй приступ тифа. Когда он мало-мальски поправился, его назначили начальником 7-й кавалерийской дивизии, а вскоре затем вызвали в Астрахань, где он по приказу Кирова принял 33-ю Кубанскую дивизию, сформированную из остатков 11-й армии».

И пошло, пошло. Война есть война. Оборона Астрахани и дельты Волги, победоносные бои в Центрально-черноземном районе России. Удивительный по всем оценкам маневр против корпуса генерала Гусельникова под Лисками. Тут уж Серго не утерпел, поделился своей радостью с Лениным:

«Вся эта дивизия спасла положение и своим удивительным маневром вместо отступления к Воронежу разбила врага и захватила у него Лиски и Бобров. И кто знает, если бы не было их — в чьих руках был бы сейчас Воронеж».

Освобождение устья Дона, прорыв фронта белых у станицы Ольгинской — в месте, будто бы самом неуязвимом. Взятие Таганрога, Новочеркасска. И разделенная с Первой Конной (на театре военных действий, но не в исторических описаниях и мемуарах!) победа в Ростове.

33-я Кубанская возвращалась в родные места. Вел ее Михаил Левандовский. В чем-то очень существенном новый Михаил! Не просто военный специалист, всей душой преданный народной власти. Больше, неизмеримо больше. Член Российской Коммунистической партии. В ноябре 1919 года Михаил попросил принять его. Разгорелись бои, и вручить партийный билет секретарь ячейки смог лишь 27 января в степи за Доном.

3

Из записи разговора по прямому проводу.

1920 г. Март. 25.

Орджоникидзе (Ростов): Здравствуйте, товарищ Киров. Завтра я думаю выехать к Вам. Привезу обмундирование на тысяч пятнадцать человек, деньги, патроны…

Что у Вас хорошего? Взят ли Грозный? Где Левандовский? В каком состоянии промыслы и нефтяной запас?

Киров (Пятигорск): Грозный взят вчера. Левандовский сию минуту только приехал. Работы здесь колоссальное количество. Промыслы в исправности. Запасы нефти еще не выяснены…

Орджоникидзе: Фамилия командира полка, занявшего Грозный?

Мы произвели смену командования. Василенко переводим командармом-9, а Левандовского назначаем командармом-11[8].

…Скорей, скорей! Догоняя зеленое цветение весны, в облаках пыли, уже знакомо отдававшей настоем полыни, шла пехота, громыхала артиллерия, поспешали обозы. Впереди на флангах — конники. И масса вышедших из подполья, спустившихся с гор

партизан. Целая партизанская армия давнего друга Михаила, своего, грозненского, Николая Гикало. Огромное это счастье — возвращаться освободителем в родные края.

Левандовский не уставал повторять командирам частей слова Клаузевица: «Все дело в том, чтобы с тонким тактом почувствовать, где лежит эта высшая точка наступления». Наступали, что называется, на плечах у противника. И, наконец, к Ленину ушла телеграмма:

«Освобождение от белых всего Северного Кавказа, Кубани, Ставрополя, Черноморья, Терской и Дагестанской областей стало совершившимся фактом. Осетины, ингуши, кабардинцы, дагестанцы, балкарцы проникнуты полным сознанием могущественности Советской власти и безграничным доверием к ней».

В тот же день пришел ответ Ильича:

«Еще раз прошу действовать осторожно и обязательно проявлять максимум доброжелательности к мусульманам, особенно при вступлении в Дагестан».

Владимир Ильич мог многое простить, только не отступление от национальной политики партии. В этом он был непримирим. Никогда и ни в каких условиях не допускал ничего такого, что было бы истолковано как покушение на право народов — больших и малых— на самоопределение и свободный выбор государственного устройства. Так что план Левандовского (его охотно поддержали и Орджоникидзе и Тухачевский) с ходу опрокинуть в море азербайджанских мусаватистов и их старших компаньонов— или просто хозяев — англичан в Москве был отвергнут. На колеблющуюся чашу весов Ленин запрещал бросать силу Красной Армии. Даже при том, что Советская Россия никогда не признавала вероломного отторжения Закавказья.

Свой освободительный поход 11-я армия продолжила лишь после того, как в полдень 27 апреля Азербайджанский военно-революционный комитет и президиум конференции нефтяников вручили «правительству» мусаватистов ультиматум о сдаче власти и запросили через радиостанцию Каспийского пароходства помощь революционной России. В час, когда рабочие дружины встали на защиту промыслов, Левандовский сам повел отряд бронепоездов на Баладжары и Баку.

И старый грозненский опыт, и августовские бои во Владикавказе, и особенно, мягко говоря, поправка Ленина в «план азербайджанской операции» — все сделало Левандовского недюжинным специалистом по делам национальным. Особенно во всем, что касается национальных формирований. В этом Михаилу Карловичу пальма первенства.

Едва приняв под командование 11-ю армию, Левандовский из разрозненных партизанских отрядов создает Осетинский, Кабардинский и Дагестанский кавалерийские полки, Дагестанскую пехотную бригаду. Вслед формирует Азербайджанскую бригаду, Грузинский и Армянский полки, сыгравшие главенствующую роль при освобождении Тифлиса и Эривани. То же он в 1924 году сделает в Средней Азии.

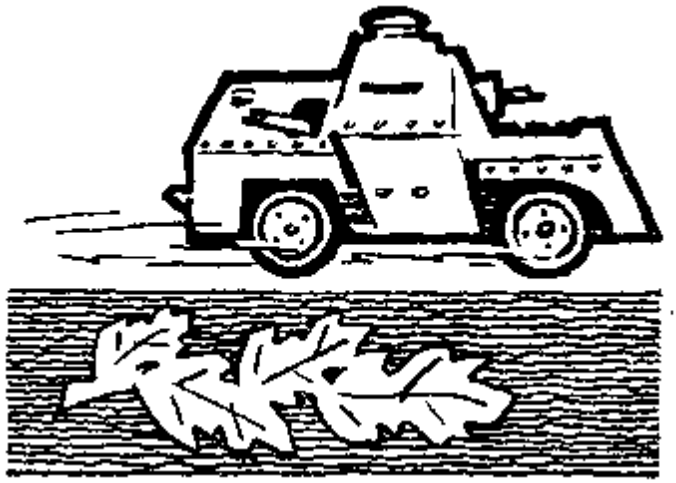
И, как высшее признание, командарм — сын обрусевшего польского крестьянина и воспитанник терского казака — был награжден орденами Красного Знамени России, Красного Знамени Азербайджана, Красного Знамени Таджикистана. По представлению правительства Грузии — орденом Ленина.

Гражданская война для Михаила Левандовского закончилась довольно поздно. Ему еще довелось вместе с Серго Орджоникидзе руководить ликвидацией десанта генерала Улагая на Тамани, разгромить «армию возрождения» генерала Фостикова и полковника Беликова, того самого, владикавказского! Покончить с тамбовской повстанческой армией Антонова. Потом еще Средняя Азия — басмачи. Эти вооруженные англичанами вероломные, фанатичные, не боявшиеся смерти «махновцы» Туркестана, Бухары, Памира.

Погиб Левандовский так же, как Тухачевский, как Якир и многие другие.

ИЛЬЯ ДУБИНСКИЙ-МУХАДЗЕ

КОНСТАНТИН КАЛИНОВСКИЙ



Песню подхватили с русской солдатской удалью, с молодецким присвистом.

Командир, который вел этот взвод курсантов, от неожиданности даже споткнулся, потерял ногу.

Броневая наша школа
Комсостав стране лихой кует.
В смертный бой идти готовы
За трудящийся народ, —

выводили здоровые молодые голоса.

Старые, до блеска начищенные ботинки четко, дружно стучали по щербатой мостовой знаменитой московской окраины Лефортово. В ритме размашистого шага согласно колыхались островерхие буденовки. Прохожие, зябнущие под стылым ноябрьским ветром, невольно приноравливались идти в ногу с этими веселыми красными курсантами.

Ворота Броневой школы Рабоче-Крестьянской Красной Армии, разместившейся сейчас, в конце 1919 года, в громадном здании бывшего 1-го кадетского корпуса, распахнулись. Курсант-часовой с посиневшим от холода лицом распрямился, заулыбался и вопреки уставу отсалютовал товарищам, подбросив винтовку «на караул». Он знал, что сегодня у взвода выпуск.

Курс обучения для будущих красных офицеров-броневиков рассчитан на 5 месяцев, но создавались и группы ускоренного

выпуска, когда обстановка на фронтах становилась особенно накаленной. Тогда начальника школы и комиссара многие донимали рапортами с просьбой отправить на фронт: «Учиться будем потом, а сейчас беляков бить пойдем…» И надо сказать, что нередко эти просьбы удовлетворялись. Не потому, что командование не дорожило своими курсантами, которые все были как на подбор — молодец к молодцу, а потому, что дороже судьбы Республики Советов для них всех ничего на свете не было.

Курсантская группа, в которой учился Константин Калиновский, отбыла курс — с 15 июля по 15 ноября. Едва ли нужно рассказывать, в какое предельно трудное для революции время обучались воинскому мастерству эти 26 человек, в большинстве бывалые солдаты, испытавшие огонь и железо, познавшие и победы и поражения на бесчисленных фронтах гражданской войны. От них не принимали рапорты об отправке на передовые позиции ни в конце июня, ни в июле, когда Врангель занял Царицын, а Деникин захватил Крым, Донбасс, Харьков и Добровольческая армия рвалась к Москве; их обучали и в августе, когда белопольская интервенция захлестнула Минск, докатилась до Березины, Мозыря, Новоград-Волынска, Проскурова; в сентябре и октябре, когда пали Курск, Воронеж, Орел, от курсантов требовали знаний и знаний, ничего больше… Республика, напрягая силы, отбиваясь и переходя в наступления, сдавая города и вновь освобождая их, дальновидно и непреклонно ковала кадры будущих красных командиров.

Так и доучились Константин Калиновский и его товарищи.

Калиновский, стоя в строю, слушает приказ по Броневой школе. Он выпущен вторым — это большое отличие, ведь в их группе немало способных, опытных, боевых броневиков.

Сегодня начинается новый этап- в его жизни, этап важный и ответственный. До сих пор он отвечал только за самого себя, за свои поступки. Теперь этот период своеобразного «индивидуализма» окончился — он будет в ответе и за своих подчиненных, за их действия и за их жизни — их настоящее и будущее. Он не боится ответственности — он только понимает все великое значение этой ответственности.

Месяц назад ему исполнилось 22 года, из них больше двух лет отдано армии и войне. В начале июля 17-го года, в те самые дни, когда в Петрограде «демократическое» Временное правительство проливало кровь мирных демонстрантов, он прямо из восьмого класса 2-й московской гимназии добровольно пошел на военную службу, как говорили тогда — «охотником на правах вольноопределяющегося».

Теперь он может по достоинству оценить смысл этого своего

поступка: в нем было слишком много безоглядного мальчишеского романтизма и слишком мало внимания к тому, о чем спорили на бесчисленных митингах и собраниях. Двадцатилетнего юнца — тогдашнего Костю Калиновского — полностью удовлетворяла ни с чем в мире не сравнимая должность бомбардира 4-го отдельного полевого дивизиона тяжелой артиллерии… Октябрьский переворот развеял этот розовый утренний туман, заставил на мир посмотреть другими глазами. Уже не через панораму бомбардирского прицела… И все оказалось гораздо сложнее, чем это представлялось: мир раскололся надвое, и каждая из противных сторон предъявляла на душу его, бомбардира Калиновского, свои права. «Ты дворянин, сын верного царю и отечеству офицера, — взывала одна сторона, — что общего у тебя с этими хамами, «товарищами», узурпаторами власти…» — «Вспомни, товарищ, — обращалась другая сторона, — свое детство и юность. Трех лет ты остался без отца, мало детских радостей повидал ты в родном Смоленске, а потом в Москве. Ты ли не видел, как одни только трудились и голодали, а другие — сытые — властвовали жестоко и нагло?.. Мы зажгли пожар мировой революции, мы взяли власть в свои руки для того, чтобы не было больше в мире голодных и бесправных. Товарищ Ленин, наша большевистская партия сегодня зовут к защите первой в мире республики трудящихся. Тебе ли оставаться в стороне от борьбы?»

И тогда он, Константин Калиновский, достаточно красноречиво ответил на вопрос о своих социальных и классовых симпатиях — в июне 1918 года он пошел добровольцем в Красную Армию.

То было страшное время для молодой республики. Огненное кольцо фронтов отторгло от страны три четверти ее территории. Борьба шла на пределе — решался вопрос: быть или не быть России советской.

И уж на тех, кто в ту пору отдал себя в распоряжение республики, она могла рассчитывать полностью и до конца.

Юный бомбардир был среди них.

В составе артиллерийского дивизиона особого назначения Калиновский прибыл в 6-ю армию Северного фронта. Армия прикрывала от англо-американских интервентов и белогвардейцев, наступавших из районов Архангельска, Онеги и с Урала, северные районы страны, дороги на Вологду, Котлас, Вятку.

В тяжелых боях под Шенкурском артиллерийский наблюдатель Калиновский обратил на себя внимание своих командиров как смелый, дельный, инициативный красноармеец.

Способный к технике, неплохо знающий историю, отлично разбирающийся в политической обстановке, он с какой-то особенной страстью вникал во все сложности и тонкости военного дела. Эта страсть проявлялась все отчетливей. На глазах командиров и товарищей формировался цельный, волевой, мужественный характер человека, которому трудно подобрать иное название, кроме как «военная косточка». Но для себя Константин еще не выбрал окончательно военную специальность.

Он искал, и ему помогали искать. Летом 1919 года командование предложило Калиновскому отправиться в Москву учиться в Высшей военно-автомобильной и броневой школе.

Он с большой радостью принял это новое назначение.

Оно отвечало самым смелым, самым пылким, самым дерзким его мечтам.

Броневые части — очень молодой и оттого многообещающий и перспективный род оружия. Огневая мощь артиллерии и пулеметов сочетается в нем с необыкновенной мобильностью; могучие дредноуты суши — бронепоезда — связаны, правда, с железной дорогой, но и в этих пределах они обладают большой свободой маневрирования. Значительно уступающие им в боевой мощи броневики восполняют этот недостаток своей подвижностью, проходимостью. Танки, в которых удачно сочетаются эти два положительных боевых качества бронепоезда и бронеавтомобиля, пока еще не находят широкого применения — у республики нет своих бронированных машин. Зато бронепоезд стал настоящим богом-громовержцем гражданской войны. В тяжелых боях с армией генерала Краснова под Царицыном летом и осенью прошлого, 18-го года бронепоезда наводили ужас на белоказаков. Огонь их пушек и пулеметов надежно прикрывал отходящие красноармейские части, а во время контрнаступлений они дерзко прорывались в глубину вражеского расположения, громили штабы его частей, высаживали дерзкие десанты. Кому не известны теперь славные и грозные дела таких бронепоездов, как «Товарищ Ленин», «Коммунист», «Третий Интернационал», «Артем», «Гром»?.. Весной нынешнего года Южная группа войск Восточного фронта под командованием М. В. Фрунзе перешла в наступление против Колчака, и в начавшемся разгроме его войск особая заслуга принадлежит бронепоездам и бронечастям, действовавшим всегда на направлениях главных ударов.

О действиях бронепоездов 3-й армии на Восточном фронте и о своих боевых делах много рассказывал Сергей Деревцов, новый товарищ Константина. Сергей служил на «Авроре» матросом, брал Зимний, а потом отдал свое сердце сухопутным дредноутам. Под

влиянием друга Костя решил тоже посвятить себя работе на бронепоездах.

17 ноября 1919 года краском Калиновский с проходным свидетельством на руках убыл из Москвы в распоряжение Броневого отдела Южного фронта. Но только 31 декабря, в самый канун Нового года, вновь назначенный командир артиллерийского борта поднялся на площадку бронепоезда № 8 имени товарища Раскольникова, где ему отныне предстояло служить. За эти несколько недель в стране произошли события, изменившие судьбы многих и многих защитников республики, в том числе и Калиновского.

17 ноября войска Южного фронта, уже больше месяца ведущие мощное наступление против Деникина, заняли Курск, через три недели — Белгород, 11 декабря советские части вошли в Полтаву, 12-го очистили от врага Харьков, через четыре дня стал свободным Киев, новогодним подарком республике явилось освобождение Бахмута, Екатеринослава, Горловки. Деморализованная, разгромленная деникинская армия стремительно катилась к Черному морю. Наступал Туркестанский фронт. Войска Восточного фронта и партизаны Сибири успешно громили колчаковцев, в последние педели старого года пали Новониколаевск и Томск, поднял восстание рабочий Иркутск…

Но республику стерег старый враг — панская Польша, чьи войска стояли на Березине и грозили оттуда Витебску, Могилеву, Гомелю, Смоленску… Призывы Советского правительства к миру польские милитаристы, подстрекаемые не угомонившейся еще

Антантой, отказывались слушать — они хотели воевать.

Вот почему краском Калиновский выехал на Южный фронт, а очутился на Западном.

Мерно перестукиваются колеса. Изредка негромко гудит бронепаровоз. В маленькое окно командирской боевой рубки настороженно заглядывает темная весенняя ночь. Негромкие, приглушенные голоса раздаются со станций на коротких остановках. Железнодорожники пропускают бронепоезд без задержек — они знают, куда и зачем он идет…

Линия фронта совсем уже близко. Сейчас там тишина, но через минуту, через час, через день или неделю она обозначит себя дымом, огнем, громом, смертью, тревожными столбцами боевых сводок в газетах.

Две недели назад, 7 апреля, правительство Пилсудского объявило о прекращении с нами мирных переговоров, а на днях стало известно, что оно заключило военный договор с Петлюрой. Теперь со дня на день надо ожидать нападения поляков.

Командир бронепоезда Калиновский глядит в ночь. Скоро

четыре месяца, как он на «Раскольникове». Сначала воевал в должности начальника артиллерийского борта и совсем недавно принял командование бронепоездом. Громили отряды белолатышей на линии Великие Луки — Режица, высаживали десанты в тылу противника. Сроднился с боевыми товарищами в минувшие зимние месяцы, набрался опыта. Теперь в предстоящих суровых боях ему придется командовать большим и сложным боевым организмом. Хватит ли умения, боевого мастерства, сможет ли он в трудный и нужный миг принять то единственно верное командирское решение, от которого будут зависеть успех и победа?..

Несется в ночи бронепоезд. Не спит его командир красный офицер Калиновский, не спят часовые на бронеплощадках. Новая война надвигается на республику… которая по счету война?!

На рассвете 25 апреля вздыбился фронт от Днестра до Припяти — белопольская армия начала наступление. Обладая почти пятикратным превосходством в силах, поляки сумели поначалу добиться значительных успехов. 6 мая Красная Армия оставила Киев, ушла за Днепр. На Юго-Западном фронте у А. И. Егорова создалась тяжелая обстановка. Тогда на помощь пришел Западный фронт под командованием М. Н. Тухачевского — частью своих сил он 14 мая перешел в наступление. Противник начал спешную переброску подкреплений на север. Оперативного успеха Тухачевскому добиться не удалось, но в конце мая после перегруппировки и подхода свежих сил рванулся в наступление Юго-Западный фронт. К началу июля Первая Конная под командованием С. М. Буденного — авангард фронта — вышла на ровенское шоссе…

Зябки — крошечная станция на железной дороге от Полоцка к Молодечно. Несколько жалкого вида пристанционных зданий, над ними высится круглая кирпичная голова водокачки. На запад, между озерами Свядово и Долгое, рассекая наши и польские скопы, убегает линия железнодорожного полотна.

Майское наступление советских частей остановилось на этом рубеже.

Противник сильно укрепился. Его позиции состоят из трех полос окопов полного профиля, системы опорных пунктов, хорошо оснащенных огневыми средствами. В межозерном дефиле, шириною в версту, перед траншеями — речонка, за нею проволочные заграждения в два-три кола. Железнодорожный мост взорван.

Командзап Тухачевский назначил наступление на 4 июля. Зябки переживают бурное время. За станцией, у господского дворика Душки, укрылся бронепоезд № 8. Не ведет огня, не

подает гудков, словно и нет его. Грузят снаряды, патроны. Стройный, ясноглазый командир бепо (бронепоезда) распоряжается уверенно, спокойно, без окриков.

В самую горячую пору майского наступления молодого отважного командира бронепоезда приняли в ряды РКП (б). Прямо из политотдела 15-й армии, где ему вручали партийный билет, молодой коммунист Калиновский ушел тогда на своем бронепоезде в новый бой.

Замасленные, прокопченные, затянутые в кожу, идут лунными ночами от станции к передовой линии команды танков. Они разведывают местность, по которой им предстоит наступать. Командир бепо провожает их долгим внимательным взглядом, по возвращении зазывает к себе и подробно расспрашивает об их машинах — танки в боевых условиях он видит впервые.

Всего танков три. Трофейные. Они громко именуются «отрядом» — Вторым танковым отрядом. На них 37-миллиметровые пушки и пулеметы. Рабочие Путиловского завода, недоедая и недосыпая, спешили отремонтировать машины к началу наступления.

Ночь на 4 июля. В бесчисленных частях и подразделениях фронта командиры произносят торжественные и неумолимые слова:

— Слушай боевой приказ!

Пожалуй, впервые в гражданскую войну столько родов и видов оружия соединятся в бою. Когда танки и пехота после артиллерийской подготовки прорвут оборону противника, в бой будут введены броневики 14-го бронеотряда вместе с конницей. Бронепоезд № 8 поддержит атаку огнем и колесами, отвлечет на себя огонь вражеских батарей, но из-за поврежденного моста он не сможет принять участие в преследовании.

Раннее утро 4 июля. Под прикрытием густой пелены тумана на исходный рубеж выползают танки. Шесть часов. Начинают стрельбу пушки 33-й Кубанской дивизии. Почти тотчас отвечает противник.

Пора!

В своей командирской рубке Калиновский пригнулся к переговорному устройству, подал команду машинисту: «Вперед!», а через несколько минут услыхали и артиллеристы знакомый твердый голос: «Огонь!»

Бронепоезд вышел из-под прикрытия станции и на ходу дал несколько залпов по батареям противника. Этим он должен привлечь огонь на себя. Еще несколько сот метров по открытому месту, еще несколько залпов. Ага, отвечают! Снаряды начинают рваться по обеим сторонам пути все ближе. Хорошо! Еще

стреляйте, еще!

Новая команда — и завизжали тормоза, машинист дал контрпар. «Раскольников» рванулся назад, прочь от места, где взвился целый лес разрывов. Потом снова помчался вперед, к разрушенному мосту, гремя орудиями. Теперь по нему била почти вся артиллерия участка. Бронепоезд огрызался огнем и все маневрировал, ни секунды не стоя на месте. Попаданий не было, хотя все полотно от станции до моста покрылось сплошной сыпью воронок.

Но Калиновский смотрел не на них, а туда, где сейчас должна решиться судьба наступления. По пехоте и танкам не стреляют — он принял весь огонь на себя. Вот танки гуськом, один за другим резво покатили к передовой. Сейчас они развернутся, переползут наши окопы и рванутся в атаку. Бронепоезд — вперед, залп, залп, залп! Что там? Ага, пошли, пошли! Огонь! Огонь!

Поднялась и пошла наша пехота. Не резво, не так чтоб уж очень прытко, но сердито, уверенно, не ложась. А впереди нее — Калиновский весь превратился в зрение — поползли серые неуклюжие танки, такие грозные и такие беспомощные… Как их мало! Их взяли у Деникина. Теперь они честно служат революции — в них сидят эти славные мужественные ребята с закопченными дымом и порохом лицами, замаранными маслом руками. Как показал опыт мировой войны, сила танков в массовости, в мощности удара, в четкости взаимодействия с пехотой, артиллерией, конницей, авиацией. Эти несколько машин могут стать легкой добычей даже не очень метких наводчиков… И потому — вперед, бронепоезд, и огонь, огонь из обоих бортов, из всего оружия! Ослепить врага, не давать прицелиться, весь, весь огонь принять на себя!

Теперь, в решающую минуту боя, бронепоезд неподвижно стоит у самого моста, весь на виду, и грозно ревут его орудия, и безостановочно строчат пулеметы. А вокруг — сплошная стена черно-красных смерчей разрывов.

Вот танки ударили из пушек и пулеметов. Вокруг них тоже стали рваться снаряды. Но танки не поворачивают — это хорошо. И не ложится пехота — это тоже хорошо. Тогда должен бежать враг. Вот сейчас, сейчас!..

Нет, не бегут! Смелый народ, эти поляки! Только во имя чего их смелость?

«Ура-а-а!» — донесся слитный, протяжный, могучий крик.

Нет, не остановились танки не легла под огнем краснозвездная пехота — побежали, побежали те, кто противостоял им.

Вперед рвался теперь только один танк, расстреливая

бегущих. Красноармейская цепь пробежала покинутую врагом первую линию окопов, вторую, третью. Темп ее порыва был стремительный, таранный. Заурчали моторы бронеавтомобилей — они выносились один за другим на дорогу и устремлялись за отступающими. В неярких лучах восходящего солнца блеснули клинки — это в прорыв ринулась конница.

Бронепоезд потоком огня расчищал путь наступающим.

Части группы генерала Енджеевского, на которые был нацелен совместный удар артиллерии, танков, пехоты, броневиков, кавалерии, ливень огня бронепоезда, были смяты, деморализованы и откатились так стремительно, что уже через час с небольшим оказались в местечке Плисса, отстоявшем в 15 верстах от линии фронта…

Словно мстя за свое поражение, враг снова сосредоточил огонь на «Раскольникове». Била уже теперь и тяжелая артиллерия из глубины расположения белополяков. Тогда только бронепоезд, не прекращая стрельбы, отошел за станцию. Калиновский и с ним несколько связистов спрыгнули на полотно, пригибаясь под разрывами, перебегая, направились к водокачке. За ними змеилась, разматываясь, тонкая нитка провода. Задыхаясь, падая, вновь поднимаясь, добежали, перевели дух и полезли на самый верх. Осмотрелись, проверили слышимость. Командир бронепоезда подал команду: «Прицел… Трубка… Огонь!»

Здание водокачки сотрясалось от близких разрывов. Рвалась связь. Но снова и снова на артиллерийских площадках «Раскольникова» отдавался в мембранах телефонных трубок уверенный, твердый голос:

— Огонь! Огонь!

Этот бой многому научил коллектив бронепоезда и его командира. Разбирая по обыкновению прошедшую операцию, Калиновский благодарил своих броневиков за мужество и выдержку, отмечал четкость и слаженность боевого взаимодействия всей команды бепо-восемь. Все заметили, что нынче их командир в особенно приподнятом настроении. Он с жаром и увлечением принялся рассказывать о боевом применении танков во время мировой войны, о героическом, почти легендарном подвиге команд группы бронепоездов при освобождении Баку весной нынешнего года, потом опять заговорил о танках. За этими машинами большое будущее. У нас на Западном фронте они применяются впервые. Одно внезапное появление трех машин привело врага в замешательство. Очень интересно, что поляки тоже имели танки. 8 машин. Их прислали империалисты Антанты. Танки предполагалось использовать на том же участке, где наступали наши броневые силы. Но враг

опоздал на несколько дней. Враг боится применять танки — они часто попадают в руки отважных красноармейцев. Ведь очень важно, кто сидит в танке и кто атакует его.

В бою у станции Зябки команды танков вели себя мужественно, хотя и небезошибочно. Командир группы был ранен, но не покинул свою машину. Но танки почему-то мало стреляли — или боеприпасов у них было мало? Во время атаки одна машина застряла в болоте, а другая принялась ее вытаскивать. Имел ли право командир танка выходить из боя даже ради помощи товарищу? А лучшая поддержка соседа в бою — скорейшее подавление противника.

Так учит своих подчиненных красном коммунист Калиновский.

Товарищи улыбаются: командир так расписывает танки не потому ли, что собирается изменить родным бронепоездам? Он немного смущен. Нет, не собирается… пока есть враги у республики. А там покажет будущее…

Наступление войск Западного фронта развивалось стремительно, безостановочно. Во второй половине июля Красная Армия, освободив Белоруссию и Украину, перенесла боевые действия на территорию интервентов. И всегда в первых колоннах наступающих войск был бронепоезд № 8. Его бросали на самые ответственные участки, в ту армию, которая особенно нуждалась в мощном огневом сопровождении при захвате важных железнодорожных узлов и станций, подавлении сопротивляющегося противника и преследовании его. 15-я армия, 16-я, 4-я… Наступление, наступление… Даешь Варшаву! Даешь Вислу! Как черный метеор, выносился на врага грозный бронепоезд. Огневым вихрем расчищал дороги стремительно наступающим красным полкам. Весь фронт знал теперь славную «восьмерку», бепо-восемь, «Раскольникова» или просто — бронепоезд Калиновского. Он наводил на врага ужас уже одним своим появлением. Польское командование сулило награды своим частям, если они захватят командира этого неистового бронепоезда живым или мертвым. Но три тысячи злотых — так была оценена голова Калиновского — не удалось получить никому — грозный, непобедимый бронепоезд заставлял врагов позабывать не только меркантильные расчеты…

А Калиновский, прославленный теперь броневик, оставался скромным и не кичливым, уверенно-спокойным в бою и внимательно-чутким к своим товарищам командиром. Возмужал, стал более зрелым в боевых решениях, по крупицам собирал, взвешивал свой собственный и чужой боевой опыт.

Нет, не суждено было тогда, в памятном двадцатом году,

стать Польше страной трудящихся. От стен Варшавы и Львова протянулся обратный путь измотанных в непрерывных боях, обескровленных, но не сломленных морально частей Красной Армии. Четвертый год воевала с врагами республика, на пределе были моральные и физические силы людей, не хватало продовольствия и боеприпасов, оружия и снаряжения. В Крыму окреп и повел наступление на Донбасс генерал Врангель. Утратившая былую воинственность, но не потерявшая надежду на гибель республики Антанта продолжала слать полякам и Врангелю оружие — от винтовок и пушек до танков и самолетов.

…Отходила на восток 4-я армия, и в ее арьергарде дорогой непрерывных боев шел бронепоезд Калиновского.

У бронепоезда на исходе боеприпасы. Подвоза нет. Противник идет по пятам, наседает превосходящими силами.

29 сентября наши части оставляют Пинск. Одна за другой следуют вражеские атаки. Красноармейцы берегут патроны, переходят в рукопашную и медленно отступают вдоль железной дороги на Лунинец. Впереди мост через Ясельду. Редко, в самые критические моменты бухают орудия «Раскольникова».

Новая атака. Густые цепи противника подходят все ближе и ближе. Молчат орудия и пулеметы бронепоезда — командир бережет каждый снаряд и патрон, с поразительным хладнокровием он подпускает врага. Наши части стремительно откатываются. Бойцы оглядываются на бронепоезд, машут: бей, мол, чего ждешь!..

— По противнику!.. — подает команду командир бронепоезда. Он все еще медлит, хотя видит: часть красноармейцев уже бежит. Какое-то шестое чувство, тонкое понимание ритма боя как будто говорит Калиновскому: еще, еще подожди, собери свою волю, не стреляй… Ну, а теперь — пора!

— Огонь! — и враз полыхают орудия бронепоезда, и грозный тугой удар отдается по окрестностям, замирает в недальних болотах.

— Огонь! — и снова снаряды в упор, в ошалевшего врага.

— Огонь! — и заговорили, затакали пулеметы.

— Продолжать огонь! — отдает последнюю команду своему помощнику Калиновский. Сейчас кончатся боеприпасы, замолчит бронепоезд. Но этим бой не должен кончиться… Тихо. Все. Теперь — вперед!

Калиновский открывает дверь командирской рубки, спрыгивает на насыпь. С маузером в руке бежит наперерез отступающей группе красноармейцев. За ним, рассыпаясь на бегу в цепь, бросается часть команды бронепоезда, верные его товарищи в этот час смертельной опасности. У одних винтовки, у

других наганы, у кого совсем ничего — сорвались сгоряча…

— Сто-ой, сто-о-о-ой! — кричит Калиновский, подбегая к пехотинцам. Чтобы привлечь к себе внимание, он палит в воздух из маузера. Сзади набегают его броневики.

— За мной, в цепь, вперед!

И устремляется навстречу вражеской пехоте. Красноармейцы поворачивают, бегут обратно за решительным краскомом. Через несколько десятков метров он командует:

— Ложись! По противнику…

И цепь защелкала редкими выстрелами, потом все чаще, гуще — это возвращались бежавшие.

Противник был задержан, части приведены в порядок и организованно переправились на восточный берег Ясельды. За отошедшим нестреляющим бронепоездом противник не бросился вслед — подрывники успели заложить под мост динамит и взорвать его на виду у поляков.

…Только один — прекрасный и суровый — был в ту пору орден у республики, — орден боевого Красного Знамени. И дважды получал высокую революционную награду командир бронепоезда № 8 Константин Калиновский — за бои на станции Зябки и близ переправы через реку Ясельду у Пинска.

В октябре 1920 года был подписан договор о перемирии с буржуазно-помещичьей Польшей, а через месяц войска Южного фронта под командованием М. В. Фрунзе вымели из Крыма Врангеля с его воинством.

Кончилась победой на всех фронтах гражданская война — справедливейшая из войн, которые знало тогда человечество. Но остались недобитыми многочисленные, крупные и мелкие, белогвардейские и кулацкие банды, выкинувшие различнейшие знамена — от бело-розовых до черно-зеленых.

Одну из таких банд возглавлял на территории Белоруссии бывший царский поручик Булак-Балахович. (классовый состав бандитской армии дал современникам вполне законные основания перекрестить ее предводителя в «Кулак-Кулаковича»). Заметную роль в разгроме дивизий белокулацкого «вождя» сыграл бронепоезд № 8.

Глухие леса, топкие болота от Мозыря и Калинковичей до Лунинца и Пинска не раз оглашались поздней осенью 20-го года гневным ревом его орудий и настойчивой скороговоркой пулеметов. Отважный десантный отряд «Раскольникова» не раз перекрывал бандитам дороги и вступал в смертельные схватки с численно превосходящим врагом. В одном из таких боев, окруженные со всех сторон, долго и мужественно отбивались калиновцы от наседавших бандитов. Ни один из них не попросил

пощады, не бросил оружия, не поднял вверх руки. Отряд полег как один человек, так и не узнав, что за много верст от него громит главные силы врага грозный бронепоезд. Долго и трудно переживал потерю товарищей дружный боевой коллектив бепо-восемь. Дал слово коммунист Калиновский: не покидать боевой рубки, пока на мирной, кровью лучших товарищей политой земле республики будет хоть один белобандитскнй выродок.

Слово сдержал. В начале 1921 года попрощался со своими верными боевыми соратниками, в последний раз прошел по родному, теперь уже покинутому командой бронепоезду № 8 имени товарища Раскольникова и убыл в распоряжение начальника бронечастей Кавказского фронта.

Как гневный карающий мститель носился за бандитскими отрядами бронепоезд № 35 под командованием Калиновского — от Прохладной до Гудермеса, от Грозного до Кизляра. В предгорьях Кавказского хребта, в долине Терека, в Ногайской степи настигал затравленных, озверевших бандитов, громил из орудий, косил из пулеметов. Почти весь 21-й год — с весны до поздней осени — участвовал Калиновский в операциях по подавлению контрреволюционных шаек в Терской области, а зимой принял должность инспектора Управления бронечастей Отдельной Кавказской Краснознаменной армии.

С этого времени и вплоть до последнего смертного дня посвящает Калиновский всего себя строительству Рабоче-Крестьянской Красной Армии и — в первую очередь — ее броневым силам.

Своей любви, славе, своей гордости — танковым и моторизованным войскам отдавал он все силы талантливой, недюжинной натуры.

В 1925 году Калиновский с успехом заканчивает Военную академию РККА. С волнением знакомится он с только что написанной статьей своего начальника и учителя Фрунзе «Даешь технику!». Под каждой ее строкой он готов подписаться обеими руками. Эта статья как лозунг, призыв, клич, она звучит как присяга: «Наша задача — иметь армию, наличие которой отбило бы охоту у дальних и близких соседей строить козни и готовить нападение на единственную в мире республику рабочих и крестьян… Мы должны иметь армию, вооруженную по последнему слову современной техники, которая в этом отношении будет стоять на равной доске, если не выше, с армией любого буржуазного государства».

Когда Калиновский стал одержимым, когда в нем зажглась идея широкого применения механизированных броневых частей в родной армии? С давней ли поры, когда фанатик-броневик Сергей

Деревцов, «неразрывный дружок», подымаясь во весь свой громадный рост, увлеченно рассказывал о бронесилах, громивших Колчака? Или когда под Зябками он сам увидел в бою, в деле танки, грозно надвигавшиеся на врага? Или уже в академии, когда в броневой секции Военно-научного общества он со сдержанной страстью доказывал своим оппонентам — и профессорам и товарищам, — что броневые силы должны обрести самостоятельность, стать полноценным родом войск? Или после академии, в Китае, где он почти два года в должности военного советника («выполнение особых заданий») обучал командиров революционных войск мастерству боевого применения танков?

Крепла, набиралась сил страна, и становились реальностью мечты энтузиаста механизации Красной Армии броневика Калиновского. «Бронетанковые войска, — доказывал он в своих работах, докладах командованию, в беседах и спорах с товарищами, — не будут придатком армии. Они непременно обретут самостоятельность».

И вот на рубеже 20—30-х годов титанические усилия партии и народа на фронте индустриализация страны делают возможным осуществление мощной технической реконструкции всей Красной Армии, ее бронетанковых и механизированных войск.

На смену бронепоездам приходят танки. Новое идет на смену старому! Из рода оружия танки и мотомехчасти становятся самостоятельным родом войск, способным решать на поле боя сложные тактические задачи. В Красной Армии создается Управление моторизации и механизации, и одним из его руководителей партия назначает испытанного боевого командира, инспектора броневых сил Союза коммуниста Калиновского. Он принимается за теоретическую разработку боевого применения броневых и механизированных войск. В журналах «Война и революция», «Военный вестник», «Техника и снабжение Красной Армии», в газете «Красная звезда» появляется ряд статей Калиновского по вопросам применения танков в бою, взаимодействия их с другими родами войск. Но он вовсе не запершийся в кабинете штабной теоретик. Каждое выдвинутое им положение он стремится подтвердить практикой — на опытных учениях войск, в повседневной боевой подготовке танкистов.

Статья «Броневое дело в мировой войне» — итоговая, подводящая черту под прошлым. Та техника, что успешно применялась 8 или даже 5 лет назад, безнадежно устаревает, остается лишь драгоценный опыт, и его надо использовать в будущем. И победа в грядущих битвах, настойчиво доказывает слушатель академии коммунист Калиновский в своей книге «Танки» (1924 г.), не только и не столько в руках тех государств,

что сумеют бросить на поле боя подавляющее количество техники. В каждой машине сидит человек, и он, только он, вооруженный могучим современным оружием, сумеет решить судьбы сражений. И здесь нет равных красноармейцу, стоящему на страже своего миролюбивого государства рабочих и крестьян, ибо сознание долга перед своим социалистическим Отечеством, перед угнетенными всего мира делает из красноармейца не только воина, но и революционера.

Неутомимого исследователя интересуют и сложнейшие теоретические вопросы военной мысли. Вместе с товарищем по Военно-научному обществу академии И. С. Колтуновым Калиновский берется с научных марксистско-ленинских позиций осветить запутанный буржуазными теоретиками вопрос «Что такое стратегия?». И товарищи отлично справляются с труднейшей проблемой.

Самые важные, самые животрепещущие вопросы моторизации и механизации современной армии поднимает в своих статьях Калиновский: использование танков и взаимодействие их с пехотой, танки в обороне и танки в наступлении, быстроходные танки во встречном бою и танки в группах дальнего действия… Хорошее знание трех европейских языков дает возможность следить за всеми поворотами военно-научной мысли Запада, давать правильную оценку трудам буржуазных теоретиков.

В ответ на шутливое прозвище «Калиновский — наш, советский Фуллер» он отвечал товарищам: у него нет ничего общего с этим видным военным идеологом английского империализма. Сей теоретик ратует за малые, до предела насыщенные техникой армии потому, что отражает страх буржуазии перед собственным вооруженным народом. Нет, ничего лестного в прозвище «советский Фуллер» он, Калиновский, не находит для себя. Его называют «Красным механизатором» — что ж, это гордое и такое обязывающее

прозвище он принимает. Он гордится дружбой и общностью научно-творческих взглядов с талантливым советским военачальником и теоретиком Владимиром Кириаковичем Триандофиловым, энтузиастом внедрения в Красную Армию передовой техники. Калиновский восхищается широтой и глубиной его знаний, масштабностью его оперативно-стратегического мышления.

У заместителя начальника штаба РККА Триандофилова, у начальника Управления по моторизации и механизации Иннокентия Андреевича Халепского, у своего верного друга и заместителя Сергея Ивановича Деревцова он постоянно находит поощрение и поддержку своих планов и предложений по

организации бронесил страны — какими бы трудновыполнимыми и несбыточными ни казались на первый взгляд эти планы.

Что ж, он любит одержимых, и, кажется, он сам из этой же нередкой в Республике Советов категории упрямых мечтателей и вместе суровых реалистов.

Создается первый в стране опытный механизированный полк, и командование им принимает Калиновский. Он горит сам и заражает своим трепетным энтузиазмом, бескорыстной, преданнейшей любовью к делу всех, кто близко знает его. Он готов дневать и ночевать в своем полку. Уезжает с женой и маленьким сыном на летний отдых и шлет оттуда письма с расспросами, советами, рекомендациями, распоряжениями, наконец, не выдерживает и, не закончив отпуска, мчится обратно — в свой «полчок», к своим танкистам, к своим недописанным статьям, книгам, лекциям, методическим разработкам, инструкциям по боевому применению броневых сил Красной Армии.

Весной следующего, 1930 года на базе полка формируется механизированная бригада. В ней — танковый, артиллерийский, разведывательный полки. Заместителя начальника Управления по моторизации и механизации, инспектора бронетанковых частей Красной Армии Константина Брониславовича Калиновского теперь, пожалуй, чаще всего можно было увидеть не в Москве, а в ее окрестностях. Товарищи подшучивали: «Костя Калиновский, видный советский военачальник, явно завидует командиру бригады. Чтобы не смущать красноармейцев и командиров, он вместо своих трех ромбов «большого начальника» надевает гимнастерку со «шпалами»…»

Товарищи привыкли к тому, что все теоретические положения Калиновского после проверки практикой на полигонах и опытных учениях постоянно оказывались безошибочными. Он вырастал в крупного знатока сложнейших вопросов современной механизированной армии, отлично сочетающего разносторонние и глубокие теоретические познания с богатой учебно-боевой практической деятельностью.

…В половине седьмого утра 12 июля 1931 года самолет «АНТ-9», на борту которого находились Триандофилов, Калиновский и еще несколько советских командиров, потерпел аварию в районе станции Алабино под Москвой. Отказал мотор. В живых не остался никто. Военные маневры в Киеве проходили без них…

Незадолго до гибели своей, майским вечером, на затихающей московской улице Калиновский вдруг остановился — остро кольнуло в сердце. Постоял, переждал боль и вдруг печально-

пророчески сказал жене:

— Теперь я могу умереть. Три главных дела моих сделаны: «Инструкция» почти готова, «полчок» есть, и есть бригада, а главное, бронетанковые части обрели самостоятельность… Значит, вехи для продвижения вперед расставлены, по ним могут работать другие. И теперь не так важно, будет или не будет Калиновского… (У Константина Брониславовича было расширение сердца, и он думал, что умрет от этой болезни. Врачи рекомендовали ему «спокойную, не нервную и не напряженную работу», а он ночи напролет просиживал за письменным столом, по ночам же уезжал испытывать танки, не мог успокоиться до тех пор, пока не налаживалась работа в полку, в бригаде, в ремонтных мастерских…)

Цецилия Александровна, верный и чуткий, все понимающий друг, побледнела от этих впервые произнесенных мужем слов.

— Зачем ты так, Костя?! В тридцать три года — разговор о смерти… Надо больше отдыхать, опять находить время для спорта, не забывать о семье…

…Весь вечер 11 июля над Москвой бушевал ливень. На даче в Серебряном бору Калиновский, торопясь, дописывал последние строки «Инструкции» по боевому применению танков. (Из этой «Инструкции» впоследствии вышли уставы бронетанковых войск Красной Армии.) За полночь закончил работу. Под окном раздался негромкий рокот мотора, плеск воды из-под колес автомобиля, осторожный гудок — это пунктуальный Витя Михайлов предупреждал, что пора ехать на аэродром. Константин Брониславович должен был отправиться в Киев поездом, но задержала недописанная «Инструкция», и теперь, чтобы поспеть к началу маневров, приходилось лететь…

Рукопись белела на столе. Ее ждут поутру товарищи во Втором доме Наркомвоенмора на Красной площади. Торопливо набросал на листке для жены (последняя в жизни записка): «На кровати под подушкой моя «Инструкция». Прошу обеспечить ее сохранность»

Теперь он был спокоен.

По пустынной дороге машина понеслась к аэродрому…

Неправда, что от человека остается только горсточка праха в урне крематория и мраморная плита с лаконичной скорбной надписью, — неправда!

Остается механизированный корпус его имени. Остаются его труды, не утратившие своего значения и до наших дней. Остаются славные боевые традиции героя гражданской войны, красного командира-броневика Константина Калиновского. Остаются его заветы: неуклонно совершенствовать боевую технику и, главное,

никогда не забывать о человеке, который поведет в бой эту технику во имя защиты своего социалистического Отечества. «Никакое оружие, как бы совершенно оно ни было, — писал незадолго до своей безвременной кончины К. Б. Калиновский, — никогда не будет действовать без человека, как первоисточника энергии, приводящей в действие то или иное оружие».

Когда 10 лет спустя на страну напал враг, в числе боевых частей нашей армии не значилось корпуса имени Калиновского. Злая воля заставила вычеркнуть это имя и из энциклопедий, военных учебников и статей, настольных книг танковых командиров — Сталин не любил и боялся людей мужественных, прямых и честных, верных ленинским традициям нашей партии: живых — преследовал, мертвых — старался опорочить или предать их имена забвению. В страшном 37-м сгинули вместе со многими боевыми командирами друзья Калиновского — Сергей Деревцов и Илья Колтунов, запрещено было упоминать даже имя талантливейшего и преданнейшего военачальника, Сына большевистской партии Владимира Триандофилова.

Имя Калиновского тоже много лет было под негласным запретом.

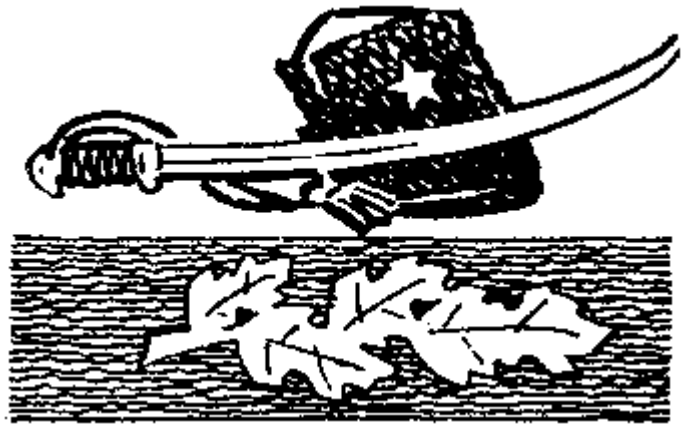
Потребовалось гневное и честное слово XX съезда, чтобы воззвать к новой жизни тысячи имен замечательных советских командиров и военачальников, отвести им в истории нашей Родины место, достойное их высоких и славных дел.

В жестоких сражениях у Минска и Смоленска, под стенами неприступной Москвы, на берегах Волги и Дона, под Кантемировкой и Житомиром, близ Ясс и у озера Балатон, в огненном кольце вокруг Берлина, на крутых отрогах Большого Хингана и в долинах Маньчжурии — повсюду, повсюду, где сражались советские бронетанковые войска, где гремели орудия наших танковых армад и скрежетал металл поверженной вражеской техники, незримо присутствовал красный командир-броневик Калиновский.

Своими боевыми делами в огненную годину гражданской войны, своим вкладом в создание бронетанковых сил Союза он заслужил право на вечную и благодарную память нашего народа и его армии.

ГЕОРГИЙ МИРОНОВ

ДМИТРИЙ ЖЛОБА



В раскрытые окна домика, где разместился штаб 18-й кавдивизии, врывалась весна. Ветка мимозы весело шелестела под ярким солнцем, нависая над подоконником. Начдив-18 Дмитрий Жлоба подошел к окну. Дотронулся рукой до пушистых комочков. Губы дрогнули улыбкой.

«Цвети, — удовлетворенно подумал начдив. — Пока отцветешь, и мир добудем».

Он еще раз перечитал письмо Серго Орджоникидзе.

«Вам надлежит под своим личным руководством форсированным маршем двигаться на Батум и занять его, — писал Серго. — Какие бы ни были препятствия, их надо преодолеть и в три дня быть в Батуме. Батум большой город, и там нужен Ваш такт и уменье. В городе надо организовать ревком, самому стать начальником гарнизона и взять в первые дни политическое руководство в свои руки.

С мусульманским населением в пути следования быть в высшей степени корректным и предупредительным, с турецкими войсками, как с союзными. Согласно достигнутого соглашения на Московской русско-турецкой конференции — Батум, Ахалцих и Ахалкалаки остаются за Советской Грузией.

Жду телеграмму из Батума. Привет 18-й кавдивизии и тов. Андрееву. Крепко целую тебя.

Орджоникидзе».

Да, Годердзский перевал — крепкий орешек. Начдив подошел к столу, задумался. Недаром меньшевистские вояки предпочли плен переходу через этот перевал.

А сейчас его бойцам предстояло перейти Годердзский

перевал во что бы то ни стало. Начдив перебирал в памяти события последних месяцев, сделавшие переход неотложным в самое неблагоприятное время года.

К началу 1921 года в Грузии сложилась очень трудная обстановка. Желая угодить зарубежным хозяевам из Антанты, грузинское меньшевистское правительство обрушилось на Коммунистическую партию, вынудив ее уйти в подполье.

В начале февраля в Бочалинском уезде вспыхнуло народное восстание, которое быстро перебросилось в другие районы Грузии. 16 февраля для руководства восстанием был образован ревком Грузии. Он обратился к Советскому правительству за помощью. По приказу Ленина войска Красной Армии, стоявшие у границ Грузии, перешли в наступление против меньшевистских войск и после ожесточенных боев 25 февраля заняли Тифлис, преследуя разгромленную армию меньшевиков, отступавшую на Кутаиси Батум.

Видя безнадежность сопротивления, правительство Ноя Жордания пошло на гнусное предательство грузинского народа. Надеясь спровоцировать войну между Советской Россией и Турцией, оно передало Турции весь Аджаристан. Надо было предупредить трагические события и как можно быстрее занять Батум, опередив турок, которые еще не успели подтянуть туда главные силы.

«И опередим!» — начдив поднялся из-за стола, распахнул дверь в коридор.

— Как только вернутся разведчики — немедленно доложите, — приказал он дежурному по штабу. Легкой, чуть вразвалочку походкой кавалериста прошелся по комнате. Чуткое ухо начдива уловило какой-то подозрительный шорох… Осторожно, на цыпочках он двинулся к окну. Два горячих черных глаза обожгли его и скрылись. Жлоба выглянул в сад. Под мимозой на корточках сидел оборванный мальчонка лет одиннадцати. Чумазый, в фуражке с красным околышем, без козырька, он с жадным любопытством смотрел на начдива.

— Ты, хлопчик, откуда?

— А ты Жлоба?

— Ну, Жлоба.

— Врешь!

— Ну, не веришь, так что ж тогда балакать. — И начдив, притворяясь обиженным, отошел от окна.

— А где-ж твои ордена и шабля?! — вызывающе крикнул мальчонка, заглядывая в комнату.

— А я по будням, брат, орденов не ношу. Что ж до шашки… — Начдив подошел к стене, снял шашку с золотым

эфесом. — Так вот она. Читай, что на ней написано.

— Не, я читать не можу, — сокрушенно протянул мальчишка. — Ты сам.

— Ну что ж, — согласился начдив, — можно: «Товарищу Жлобе за храбрость и отвагу в борьбе с мировой контрреволюцией».

Несколько минут спустя мальчонка уже сидел за столом, уминал хлеб с колбасой и, обжигаясь, глотал чай, щедро подслащенный сахаром.

Начдив сидел напротив, на диване, и задумчиво смотрел на раскрасневшееся личико мальчонки.

«Эх, сколько ж их, таких, ограбленных войной, по стране! Матерей, отцов потерявших, — с болью думал начдив. — Отвоююсь и пойду начальником по детским домам. Вот из таких пацанов гвардию социализма растить».

А будущая «гвардия социализма», разморенная едой, вдруг неожиданно клюнула носом, остреньким подбородком уткнулась в грудь и мгновенно уснула.

Начдив осторожно перенес мальчонку на диван. Большие, суровые руки его, привыкшие держать саблю и маузер, нежно тронули худенькие плечики, заботливо подложили под голову кубанку.

Давно ли и он, Митька Жлоба, был вот таким?

Родился он в 1887 году в Киеве, вскоре родители его переехали в местечко Ново-Ушинское, затерянное в лесах Подолии. Отец пристроился в лесники, мать стирала на чужих людей. Жилось трудно. Едва-едва удалось Мите закончить двухклассное училище. Потом пришлось родителям отдать его в ученики к немцу Зепфельду, владельцу слесарно-механической мастерской. Три года ходил Митя в учениках, работал за одни харчи да нищенскую одежонку.

Тяжелый труд, побои — как только выдерживал! Но слесарное дело пришлось ему по душе, и он до поры до времени терпел. Однако на четвертом году ученья, когда хозяйский сын — мастер — при всех ударил его по лицу, юноша дал ему сдачи, да так, что тог прямо из цеха угодил в больницу.

Дмитрий бежал в Николаев. Там поступил на судостроительный завод «Наваль», сначала был чернорабочим, потом помощником слесаря. И здесь впервые услышал он слово «большевики». Впервые увидел на тайном собрании живого большевика — маленького, худого человека, который говорил удивительно большие по силе своей слова. Говорил, словно гвозди вбивал. Звали его товарищ Андрей. И если до этой встречи слова «Интернационала» были первой программой действий,

накрепко запавшей в сердце молодого рабочего паренька, то беседы товарища Андрея открыли ему глаза на пути борьбы с самодержавием. В 1905 году Дмитрий Жлоба уже участвует в забастовке и, скрываясь от полиции, бежит в Донбасс.

В 1916 году, когда вспыхнула горловско-щербиновская забастовка рабочих, Дмитрий Жлоба оказался на баррикадах. Забастовка была жестоко подавлена. Тюрьма стала первым университетом Дмитрия Жлобы. Здесь, в камере, снова встретился он с товарищем Андреем. Долги тюремные дни и ночи. Но для Дмитрия они проходили необычайно быстро. Андрей умел рассказывать о самом сложном так просто и увлекательно, что время летело как на крыльях. Товарищ Андрей пересказывал Дмитрию работы Ленина, объяснял ему программу партии. О чем бы ни шла речь, подводил он Дмитрия к одной мысли:

— Помни, вырвемся отсюда — первая задача помогать партии превратить войну империалистическую, грабительскую в войну гражданскую. Первый шаг к этому — свержение самодержавия.

В один из летних дней дверь камеры открылась в неурочное время. Надзиратель выкрикнул:

— Заключенный Жлоба, на выход с вещами!

Жандармский ротмистр, неоднократно допрашивавший Дмитрия, на этот раз не стучал кулаками по столу и не ругался. Объяснялось это просто. Обескровленная войной царская армия требовала пополнений. Особенно нужны были специалисты. А Дмитрий прекрасно знал слесарное дело, был хорошо знаком с двигателями внутреннего сгорания.

— Я надеюсь, — напыщенно говорил ротмистр, — что ты бросишь навсегда политику и станешь верным слугой царя и отечества, как подобает россиянину. Да-с. Ты будешь освобожден из тюрьмы и направлен в армию.

Из запасного полка в Моршанске Дмитрия направили в Москву, в телеграфный батальон, а оттуда попал он в Московский авиапарк-склад. Здесь Дмитрий Петрович успешно закончил авиашколу по классу мотористов и получил чин младшего унтер-офицера.

— И чего ты из кожи лезешь? — с упреком сказал ему как-то пожилой солдат-вологжанин, работавший с ним в мастерской по ремонту моторов.

Серые глаза Дмитрия горячо блеснули.

— Себе, дядя, оружие ладим! Николашке царствовать без году неделя осталось. Понял?

— Ишь ты, шустрый какой! — улыбнулся Вологжанин. — Тебе что, сам Николашка сказывал?

— Вчера за чайком балакали, — принял шутку Дмитрий.

«Вчера за чайком». За этими словами крылась разгадка частых ночных отлучек младшего унтер-офицера Дмитрия Жлобы. В маленьком домике на одной из рабочих окраин Москвы по ночам собирались люди в промасленных спецовках, с такими же почерневшими, загрубелыми от мазута и металла руками, как у Дмитрия. А утром солдаты-мотористы находили у рабочих мест листовки, призывавшие к свержению самодержавия. Среди революционных рабочих Москвы младший унтер-офицер из авиационных мастерских завоевал прочную репутацию стойкого большевика, хотя формально он еще не состоял в рядах партии. Рос и его авторитет среди солдат. Уроки, данные ему в тюрьме товарищем Андреем, теперь повторял он своим товарищам. В дни Февральской революции он вывел их из казарм. Они громили полицейские участки, арестовывали жандармов. Солдаты выдвинули Дмитрия в депутаты Московского Совета рабочих и солдатских депутатов.

…В грохоте гранат и трескотне пулеметов шли по Москве Октябрьские дни. Люди рабочих окраин неумолимо сжимали в огненном кольце последних защитников Временного правительства.

Командир красногвардейского отряда, член Военно-революционного комитета Ходынки Дмитрий Жлоба в темную ноябрьскую ночь вел своих бойцов на штурм Кремля. У Боровицких ворот прямо перед ним вырос столб взрыва. Словно чья-то огромная рука схватила и с силой бросила Дмитрия на мостовую. Очнулся, почувствовал, что кто-то брызгает ему в лицо водой. Открыл глаза. Пожилой солдат-вологжанин бережно поднял его.

— Отпусти, браток. Кажется, устою.

В голове гудело. Противная тошнота подступала к горлу. Ноги были как ватные, но держали. А уже несколько минут спустя Дмитрий повел отряд в атаку.

Разговор с командующим Московским военным округом был недолог.

— На днях вас приняли в партию, товарищ Жлоба. А сегодня партия дает вам ответственнейшее поручение, посылая комиссаром Донецкого бассейна.

На другой день поезд увозил Дмитрия Жлобу в Донбасс, туда, где начал он свой трудовой путь. Тревожные вести шли из Донбасса. Попутчики рассказывали о зверствах белогвардейцев в рабочих поселках, расстрелах коммунистов и членов их семей.

По прибытии в Донбасс Жлоба развернул кипучую деятельность, организуя красногвардейские отряды, экипируя их

за счет разоружения воинских эшелонов, следовавших на Дон через Донбасс. А в половине декабря он закончил формирование в Ясиноватой отряда рудничных партизан и был назначен приказом Антонова-Овсеенко командиром Ясиновского красногвардейского отряда. Отсюда разгромом белогвардейских банд Чернецова начался десятитысячеверстный путь Дмитрия Жлобы по дорогам гражданской войны.

В конце декабря 1917 года главком революционных войск Украины Антонов-Овсеенко дал приказ донецким красногвардейским отрядам двигаться на Киев. Следуя в голове донецких отрядов, отряд Жлобы с приданным ему бронепоездом наносит жестокие удары по бандам гайдамаков.

По пути к Киеву донецкие красногвардейцы вместе с харьковскими освободили Полтаву. Здесь отряды объединились и образовали 1-ю Революционную армию.

Банды Петлюры не выдерживали ударов частей 1-й Революционной и, оставляя большие трофеи, в панике отступали. С севера на Киев наступала 2-я Революционная армия. Обе армии подошли к городу 23 января 1918 года и на следующий день начали штурм.

Но силы были неравны. Центральная Рада имела до 25 тысяч штыков и сабель, а революционные части насчитывали всего 7 тысяч.

Рабочие киевского Арсенала, ободренные успешным продвижением советских войск, выступили против гайдамаков. Восстание было жестоко подавлено, а пятьсот его участников брошены в крепость Киево-Печерской лавры. Их ждал расстрел.

Узнав об этом, Жлоба с частью своего отряда ночью перешел по льду Днепра на правый берег и, перебив стражу, проник в лавру. Но вывести рабочих-смертников не удалось. Петлюровцы плотным кольцом окружили ее. Тайным подземным ходом Жлобе с группой красногвардейцев удалось пробраться к Днепру, перейти его и сообщить командованию о трагическом положении арсенальцев и части своего отряда. Решено было начать штурм немедленно. Шахтеры отряда Жлобы вместе с войсками 2-й революционной армии, руководимой С. И. Берзином, первыми ворвались в крепость, освободив рабочих-арсенальцев и смельчаков жлобинцев.

В конце февраля 1918 года отряд Жлобы был переброшен под Ростов, а затем на Кубань охранять участок железной дороги Батайск — Сосыка. Здесь Жлоба помогал местным большевикам устанавливать советскую власть в казачьих станицах.

В марте в отряд Жлобы влился красногвардейский отряд станицы Павловской в пятьсот человек. Станица сделалась

резиденцией штаба отряда Жлобы. Здесь многие знали Жлобу — до революции он нередко приезжал сюда летом и батрачил у местных кулаков, работая на паровых молотилках машинистом.

Станица Павловская стала для Дмитрия Петровича родной — после окончания гражданской войны он поселился в ней и жил до 1936 года.

Чтя светлую память героя, жители станицы открыли здесь Музей Д. П. Жлобы. На здании станции Сосыка висит мемориальная доска с надписью: «Здесь в 1918 году находился штаб Донецкого шахтерского отряда Д. П. Жлобы».

Во второй половине марта в станице Уманской вспыхнуло контрреволюционное восстание. Группе большевиков из иногородних жителей станицы удалось пробиться сквозь кордоны и сообщить в штаб отряда Жлобы и Тихорецкой группы войск о мятеже.

На следующий день Жлоба с отрядом двинулся к станице и вступил в бой с мятежниками. Имея точные данные о расположении противника, его огневых позиций, Жлоба сумел без особого труда подавить их своей артиллерией и пулеметами, а к вечеру почти вплотную подойти к окраинам Уманской, выбив противника из окопов.

Часть мятежников и мирное население потребовали от главарей восстания прекратить огонь и выслать к большевикам парламентеров. Жлоба предложил к 9 часам утра собрать все население станицы и мятежников, с тем чтобы представители большевиков предъявили им условия ультиматума.

Звон церковных колоколов собрал тысячи людей. Отдав приказ держать отряд и бронепоезда, прибывшие из Тихорецкой на помощь, в боевой готовности, Жлоба сам выехал к мятежникам.

Подъехав к станичному правлению, он передал поводья ординарцу и твердым шагом, не спеша направился к крыльцу где толпились все главари мятежников. Они предложили ему зайти сначала в помещение для уточнения условий «перемирия».

— Это зачем же?! — громко возразил Жлоба. — Я, командир всех красногвардейских отрядов и бронепоездов, приехал с народом говорить, такое условие было. Народ больше всего страдает от нашей с вами борьбы, и он в первую очередь должен знать, отчего и почему все это происходит…

По толпе прошел одобрительный гул. Раздались возгласы:

— Правильно, хай нам каже, а потом вам!..

И Жлоба стал рассказывать, кто такие большевики, кто такой Ленин и чего они добиваются для народа. Когда речь зашла о событиях, происшедших накануне, и виновниках кровопролития,

то со стороны офицеров послышались злобные выкрики и угрозы.

Жлоба повернулся к офицерам.

— Скажите, господа офицеры, народу, кто первый открыл по моему эшелону огонь из орудий и пулеметов? Вы, господа офицеры! Я знаю, вам не нравится советская власть, так выходите в чистое поле, и там сразимся, а нечего прятаться за спины женщин, детей и стариков и вынуждать нас бить из орудий по станице! Вот наши условия перемирия: первое — вооруженному отряду и всем гражданам, у которых имеется оружие, сдать таковое в течение трех часов и вывезти его на станцию; второе — выдать главарей вооруженного восстания, а остальным мятежникам после сдачи оружия разойтись по домам и заняться мирным трудом. Им всем гарантируется жизнь. Третье — с сегодняшнего дня упраздняется власть станичного атамана. Трудовым населением станицы должен быть избран станичный Совет трудящихся…

Через три часа жду ответа. Невыполнение этих условий вынудит нас начать военные действия.

Послышались выкрики:

— Долой его, заткнуть ему глотку!

Жлоба поднял руку и посмотрел на часы.

— Граждане! В моем распоряжении осталось пятнадцать минут. Если я за это время не прибуду на станцию, то вся станица будет снесена с лица земли мощной артиллерией наших отрядов и бронепоездов…

Белоказачьи офицеры отвергли ультиматум. К ночи станица была занята красноармейцами и местными большевиками-фронтовиками.

— Рискуешь, товарищ Жлоба, ведь могли и убить тебя в станице, — упрекнул его председатель вновь избранного станичного ревкома.

— Риск оправданный, — спокойно ответил Жлоба. — Станицу заняли, беляков разбили и потеряли не больше десяти человек. А не съезди я с ультиматумом — положили бы не меньше сотни людей. Слышал, что пленные говорят? Сотни казаков-мятежников после ультиматума разбежались по домам. Беречь людей надо. Воевать нам еще долго, дорогой товарищ.

Через несколько дней отряд Жлобы в двух эшелонах уже двигался к Екатеринодару, которому угрожали войска генерала Корнилова. В пути пришел приказ: отряд переименовывался во 2-й Северо-Кавказский пехотный полк, и Жлоба назначался его командиром. На следующий день полк получил задание — выручить из окружения 22-й Варнавинский пехотный полк в районе станицы Ново-Дмитриевской.

Жлобинцы отправились по болотам в тыл врага. Внезапным ударом прорвали кольцо, соединились с варнавинцами и уже вместе, нанеся бригаде генерала Маркова сильный удар, заняли оборону у станции Энем на подступах к Екатеринодару.

Три дня белые безуспешно атаковали позиции жлобинцев и варнавинцев. Убедившись, что со стороны станции Энем в город не прорваться, Корнилов вынужден был изменить направление главного удара. В начале апреля он двинул свои войска на станицу Елизаветинскую и повел наступление на Екатеринодар.

Против отборных полков корниловцев советское командование могло выставить лишь мелкие, подчас плохо вооруженные и слабо знающие тактику ближнего боя отряды. Поэтому, несмотря на численный перевес революционных войск, офицерские полки Корнилова сумели прорваться на окраину Екатеринодара. Пять суток штурмовали корниловцы город. Бой не утихал ни днем ни ночью. Наше командование было вынуждено перебросить полк Жлобы в район кожевенных заводов, где белые вели самые ожесточенные атаки.

Против полка Жлобы наступал офицерский полк имени Корнилова. В единоборстве с жлобинским полком он был совершенно обескровлен, а его командир полковник Нежинцев убит.

Враг нес огромные потери. В некоторых белых полках убыль доходила до семидесяти процентов, но Корнилов и слушать не хотел предложений своих генералов о прекращении бессмысленного штурма города. Вечером 12 апреля он отдал приказ войскам с утра 13 апреля двинуть на Екатеринодар все силы армии и во что бы то ни стало взять город.

Корнилов не знал, что он подписывает себе смертный приговор. Рассматривая вечером в бинокль позиции противника, Жлоба заметил, что к ферме Слюсарева, в трех-четырех верстах от города, часто подъезжали верховые. Он предположил, что там разместился штаб Корнилова. Это предположение подтвердил перебежчик. Жлоба приказал командиру батареи Рогачевскому с наступлением темноты подвести на передовые позиции одно орудие и с рассветом обстрелять штаб Корнилова.

Ровно в 5 часов утра «снайперское» орудие начало обстрел фермы. Вслед за этим открыли огонь батареи других отрядов. Один из снарядов угодил прямо в дом, в комнату, где сидел за оперативной картой Корнилов… Через полчаса один из вождей российской контрреволюции, не приходя в сознание, скончался от ран. Смерть Корнилова посеяла панику в белогвардейских войсках. Чтобы спасти остатки Добрармии от полного уничтожения, генерал Деникин начал отход за Дон…

В середине мая полк Жлобы, развернутый в Отдельную пешеконную бригаду, ведет бои с Добрармией. На долю бригады — ее стали называть «Стальной» — выпала значительная тяжесть боев в районе Белой Глины.

Бригада дралась с деникинцами упорно, особенно большой урон она нанесла 3-й пехотной дивизии генерала Дроздовского. Сам Дроздовский признавался в своем дневнике, изданном в Берлине в 1923 году, что он неправильно доносил Деникину о потерях под Белой Глиной, преуменьшая их.

В ту пору, о которой писал Дроздовский, переживал Дмитрий Жлоба тяжелые дни. Тревожно, тягостно было на душе у комбрига. «Почему приходится сейчас терять сотни бойцов? — размышлял Жлоба. И ответ приходил все тот же: — Потому что упустили беляков из-под Екатеринодара. Не организовали преследование разбитых частей Добрармии. Они ушли под крылышко атамана Краснова, пополнились людьми, перегруппировались и снова двинулись на нас. А ведь могли их добить под Екатеринодаром. О чем же думал, куда смотрел заместитель командующего армией Сорокин?»

14 июля 1918 года под натиском частей Добрармии пала Тихорецкая, и войска Северного Кавказа оказались в окружении. Не хватало боеприпасов, снаряжения, денег. Посланный для связи с Царицыном самолет не вернулся. Положение становилось угрожающим. Нужна была связь с Царицыном.

Несколько раньше по решению армейского совещания и с согласия советских и партийных органов республики Жлоба, получив материалы о состоянии Северо-Кавказской армии и общего положения республики, направляется в Царицын.

26 июля Жлоба благополучно прибыл в Царицын, пройдя через Успенку — Незлобинскую — Георгиевск — Святой Крест — Арзгир — Яшкуль — Астрахань.

Он доложил Реввоенсовету Северо-Кавказского округа о катастрофическом положении стотысячной Северо-Кавказской армии. И прямо, без обиняков, высказал мнение, что в этом положении повинен прежде всего Сорокин.

Получив директивы о дальнейших действиях армии, он вернулся в конце августа на Северный Кавказ, доставив на грузовых машинах 200 тысяч патронов.

К тому времени Северо-Кавказская армия, оставив Екатеринодар, отступила на линию Белореченская — Армавир — Ставрополь — Невинномысская.

Мстительный, самолюбивый авантюрист Сорокин решил расправиться со Жлобой при первой возможности. На четвертый день после его приезда Сорокин приказал Жлобе остановить

наступление белых на Невинномысскую, в случае сдачи станицы пригрозил расстрелом.

Полки Стальной бригады, занявшие позиции севернее Невинномысской и Курсавки, по численности вдвое уступали деникинцам.

Пользуясь туманом, ранним утром белогвардейцы внезапно атаковали позиции жлобинцев и повели наступление на Невинномысскую.

Сорокин рассчитывал, что своими силами Жлоба станицу не удержит и тем самым даст повод для расправы. Больше того, отступив со штабом и резервами на левый берег Кубани, Сорокин распустил слух о том, что полки Стальной бригады перешли на сторону белогвардейцев и вместе с ними ведут наступление на станицу и что сам Жлоба руководит этим наступлением.

Жлоба приказал своим частям срочно отступить к Невинномысской и занять позиции на окраине станицы.

Военная хитрость Жлобы удалась. Белые, наблюдая, как спешно, без единого выстрела отступает пехота и конница красных, решили, что красные оставляют Невинномысскую без боя. Они смело, колоннами двинулись вперед.

Но когда белая пехота вплотную подошла к станице, она была встречена пулеметным огнем. Заговорила скрытая за горой артиллерия. Жлобинцы перешли в контратаку. Среди белых началась паника. Офицерские полки бросились наутек, не оказав сопротивления.

На помощь отступавшей пехоте двинулась конница Шкуро, но с левого фланга на нее ринулась кавалерия Жлобы. В это же время, прорвав оборону белых, подоспел с Курсавки наш бронепоезд.

Сорокин, видя такой оборот дела и понимая, что его бездействие будет сочтено открытым предательством, бросил через мост подчиненную ему кавалерию, которая вместе с кавалерией Стальной бригады преследовала разбитые банды белых несколько десятков верст. Противник потерял убитыми 724 человека, было захвачено 2 орудия, 13 пулеметов, 50 тысяч патронов и много другой военной добычи.

ЦИК Северо-Кавказской республики вынес благодарность Жлобе и подарил ему лучшего строевого коня взамен убитого в бою.

После этого боя под давлением ЦИК Северо-Кавказской республики Сорокин назначил Жлобу начальником 3-й колонны, куда вошли части Стальной бригады и 2-й сводной Северо-Кубанской дивизии. А вскоре эта колонна была преобразована в Стальную пехотную дивизию. Дмитрий Жлоба стал ее

начальником.

Выполняя приказ командования фронтом, в сентябре 1918 года Жлоба двинул части Стальной дивизии к Царицыну.

…Через безводные калмыцкие степи шла Стальная дивизия на помощь Царицыну. В ее составе было 12 полков, из них 4 полка кавалерии. В то время это была самая полнокровная и боевая дивизия на всем Южном фронте.

16 суток продолжался шестисоткилометровый переход по малонаселенным и почти безводным степям. Жлоба принимал все меры, чтобы скрыть движение дивизии. Для этого на один переход вперед был выслан 1-й кавалерийский полк. Он внезапно окружал населенные пункты и не выпускал из них ни одного белогвардейца.

Захваченные в плен офицеры и казаки показывали, что Царицын охвачен белыми не только с запада, но и с востока. Для Жлобы стало ясно, что его полки вынуждены будут пробивать брешь в кольце противника. Подойдя 15 октября к Большим Чапурникам, Жлоба приказал приготовиться к атаке. Пехоту он выстроил в тринадцать цепей, а кавалерию поставил на флангах. Под прикрытием огня 33 орудий и 150 пулеметов полки пошли в атаку. Через три четверти часа два офицерских полка перестали существовать. На поле боя осталось убитыми до 1 400 белогвардейцев. Были захвачены 6 орудий, 49 пулеметов, 125 тысяч патронов и другие трофеи.

Не давая врагу передышки, Жлоба двинул свою кавалерию на Сарепту и в тот же день занял ее, связавшись с войсками 10-й армии. За 16 и 17 октября полки Стальной дивизии отбросили белых на 60 верст к западу от Царицына. Именно успех Стальной дивизии позволил сосредоточить на центральном участке фронта силы, которые сорвали наступление белых на Царицын и заставили их отойти с огромными потерями.

Тревожные рапорты писали атаману Краснову и командующему Донармией Денисову генералы Мамонтов, Плеханов, Попов и другие. Они горько сетовали на то, что Стальная дивизия перечеркнула все их планы: захват Царицына сорвался, и разгромить Сальскую группу красных не удалось.

А положение Сальской группы было катастрофическим: противник преградил ей путь к Царицыну. Двенадцать эшелонов с ранеными, больными, штабами и военным имуществом стояли в безводной степи. Путь на большом участке в сторону Царицына был взорван белыми.

Войска Сальской группы заняли в районе станции Абганерово круговую оборону, решив стоять насмерть. Но генералы Донской армии знали, что красные долго продержаться не могут:

продовольствие у них на исходе, боеприпасы тоже. За 15 тысячами бойцов Сальской группы следовали их семьи: старики, женщины, дети. Смерть грозила ста тысячам человек.

И тогда на помощь Сальской группе пришла Стальная дивизия. Прорвав кольцо окружения, бойцы Стальной 21 октября соединились с войсками Сальской группы, открыв ей путь на Царицын.

Роль Стальной дивизии в спасении Царицына и Сальской группы войск была огромной, решающей.

Царицынский Комитет РКП (б) послал в адрес коммунистов дивизии письмо, в котором высоко оценивал роль Стальной дивизии в битве за Царицын.

Ее наградили почетным Красным Знаменем, а Жлобу представили к ордену Красного Знамени. И вдруг совершенно неожиданно Жлоба был отстранен от командования Стальной дивизией, направлен в распоряжение РВС Республики.

Главком Вооруженных Сил республики Вацетис кропотливо проверил обвинения, выдвинутые против Жлобы Реввоенсоветом 10-й армии. Тщательно проанализировав действия Стальной дивизии под Царицыном, он дал им высокую оценку. Он убедился, что Жлобу оклеветали. 1 декабря 1918 года Вацетис назначил Дмитрия Жлобу командующим 10-й армией. Троцкий расценил это как подрыв своего авторитета и отменил приказ Вацетиса.

И о неожиданном назначении и об отмене его Жлоба узнал в Саратове. Но другие события отодвинули на задний план все его переживания: приехала делегация от бойцов и командиров Стальной. Они рассказывали о тревожном положении в дивизии. Новое командование не пользовалось уважением. Дивизия теряла боеспособность. В ответ на требования вернуть Жлобу к командованию по частям прошла волна арестов…

После бессонной ночи Жлоба с делегацией выехал в Астрахань.

Добравшись до станции Баскунчак, он связался с РВС 10-й армии, попросив временно вернуть его в дивизию, с тем чтобы навести порядок.

Ответ был отрицательным.

Появление Жлобы в районе Царицына перепугало тех, кто клеветал на него, и они поспешили донести об этом Троцкому, который приказал арестовать Жлобу. И когда Жлоба появился в Астрахани, он был сразу же арестован.

Но бойцы и командиры Стальной дивизии, приехавшие в Астрахань в поисках бывшего начдива, и матросы Волжской флотилии заявили решительный протест против ареста Жлобы.

Председатель ЧК Грассис обратился по совету Сергея Мироновича Кирова непосредственно к Владимиру Ильичу Ленину. Только после этого Жлоба был освобожден, а РВС Каспийско-Кавказского фронта получил приказ поручить Жлобе организацию крупного партизанского отряда для борьбы с деникинцами в Астраханских степях.

Жлоба за три недели организовал партизанский отряд особого назначения в 500 штыков и сабель и двинулся с ним в глубь калмыцких степей в район Элисты.

По дороге отряд пополнился мелкими частями и отрядами и значительно вырос.

Около четырех месяцев дрался отряд с превосходящими силами деникинцев. И только к маю, когда тиф вывел из строя до сорока процентов личного состава, а Деникин усилил нажим, отряд отступил в глубь степей. Но задачу — не пропустить Деникина к Волге, отвлечь побольше сил противника от царицынского направления — отряд выполнил.

В конце мая отряд Жлобы двинулся к Царицыну на помощь войскам 10-й армии, которая отступала к Царицыну под давлением конных корпусов Врангеля.

Прибыв в состав 10-й армии, отряд был вскоре реорганизован в Отдельную кавбригаду. Вместе с Конным корпусом Буденного она дралась за Царицын.

После падения Царицына Отдельная кавбригада Жлобы провела немало боев. С 9-й армией она участвовала в освобождении Балашова, разгромила части 1-го Донского корпуса белых, форсировав Медведицу и окружив дивизию генерала Стулова, с помощью буденновцев полностью разгромила ее, захватив в плен самого генерала Стулова.

В середине сентября 1919 года в составе 10-й армии был организован Сводный конный корпус из трех кавбригад. В него вошла и кавбригада Жлобы, переименованная в 1-ю Партизанскую кавбригаду. Жлоба стал первым заместителем комкора.

В ту пору конница Мамонтова громила наши тылы и угрожала Москве. Донские корпуса белых в двадцатых числах октября нанесли ряд сильных ударов по пехотным дивизиям 9-й армии и прорвали фронт.

Выполняя приказ командующего Юго-Восточным фронтом Шорина, Сводный конкорпус отбросил 1-й Донкорпус белых к реке Медведице и погнал его за Хопер и Дон. Такая же участь постигла и 2-й конный корпус генерала Коновалова.

В этих операциях, сорвавших все планы, врага, 1-я Партизанская кавбригада действовала, как правило, по тылам

врага, налетая и днем и ночью.

На одном таком ночном налете хочется остановиться особо. Здесь проявилось большое тактическое мастерство Жлобы. Штаб бригады расположился на хуторе Огареве. Все уже думали об отдыхе с ночевкой. И вдруг неожиданный приказ: «Усиленно кормить лошадей, не расквартировываться».

Командиры полков пришли к Жлобе.

— В чем дело?

Жлоба в ответ хитро прищурился.

— Ночной налет надо сделать. Чувствуете: выдыхаются беляки. Отступают. Но огрызаются больно. Дух сломить надо, в панику их вогнать. Тогда легче дело пойдет. И Новочеркасск скорее возьмем. А обстановка сложилась такая: по данным разведки, четвертая кавалерийская бригада корпуса генерала Коновалова сосредоточивается в слободе Березняги. Сейчас, — Жлоба взглянул на часы, — семнадцать часов пятьдесят пять минут. Не исключена возможность, что они еще сегодня поведут наступление на хутор Богомолов, занятый нашим авангардом. Значит, надо атаковать их неожиданно. Такой неожиданностью и будет для них ночной налет.

Раздался цокот копыт. Вздыбив взмыленного коня, связной доложил Жлобе:

— Товарищ командир, белые начали наступление на хутор Богомолов силами двух-трех полков.

Ударили в колокол, и через десять минут бригада выстроилась на хуторской площади.

— Товарищи! — обратился Жлоба к бойцам. — Беляки осмелели. Сейчас на ночь глядя они ведут наступление на хутор Богомолов. Так покажем же им, что и ночью мы умеем рубать их не хуже, чем днем! Приказываю всем повязать через правое плечо белые повязки, чтоб в ночном бою не порубать друг друга.

Через полчаса бригада на рысях подошла к хутору Богомолову. Впереди слышались крики «ура». Белые атаковали хутор. Развернутая лавой бригада Жлобы с двух сторон обогнула хутор и контратаковала наступавшие колонны белых. Началась страшная рубка. Смятые, опрокинутые, белые в панике отступали. Но им на помощь пришла еще одна кавалерийская бригада.

Белые одиннадцать раз переходили в контратаку, и все безуспешно. Окончательно сломленные, они начали отходить. Мы по пятам преследовали их. Но в это время разведка донесла: на нашем правом фланге обстановка ухудшилась. Целая новая кавбригада белых вот-вот ударит нам во фланг, выручая отступающих. Жлоба мгновенно оценил обстановку и отдал приказ остановиться и незаметно отойти назад, к хутору

Богомолову.

Командиры полков были недовольны.

— Как же так?! — возмущался один из них. — Только сели белякам на плечи — и на тебе — отход.

Жлоба тихо рассмеялся.

— Ты послушай, что сейчас будет, — сказал он недовольному командиру.

Тот недоуменно пожал плечами.

Прошло минут двадцать, и впереди, там, где еще недавно вела бой наша бригада, раздалось мощное «ура» и началась ожесточенная перестрелка.

— Как в сук влепили! — торжествующе сказал Жлоба. — Слышь, — обернулся он к командиру полка. — Это белые, которые нам во фланг зашли, «нас» бьют.

Целый час били белые друг друга, пока не поняли своей ошибки.

700 человек убитых и раненых, 22 пулемета, больше 200 лошадей — вот во что обошелся белым ночной налет лихой бригады Жлобы. Наши полки имели ничтожные потери.

Через несколько дней, следуя по пятам разбитого конкорпуса генерала Коновалова, наш Конный корпус подошел к Новочеркасску. Командующий Донской армией генерал Сидорин решил дать большевикам под стенами своей столицы генеральное сражение, выдвинув навстречу все резервы — до 12 тысяч конницы и пехоты. Впереди двигались танки, а за ними — конница. В авангард вышла 1-я Партизанская кавбригада. Она в упор из орудий расстреляла три английских танка; перейдя в контратаку, обратила конницу противника в бегство и первой ворвалась в Новочеркасск.

По поводу взятия Новочеркасска газета «Правда» 10 января писала:

«Осиновый кол вбит в самое сердце контрреволюции. Ее главной опоры — Донской армии — не существует. Остатки ее бегут, гонимые нашими частями…»

В феврале 1920 года корпус был переименован в 1-й Конный корпус Жлобы, его же и назначили командиром.

Форсировав 28 февраля Маныч, корпус устремился во фланг и тыл 3-му Донскому корпусу, заставив его отойти от Ростова и Новочеркасска.

В бою под Хомутовской кавалерия Жлобы разгромила части 3-го Донкорпуса, захватив много пленных и богатые трофеи. Противник, оставив Хомутовскую, в панике бежал. Командующий Кавказским фронтом Тухачевский писал комкору Жлобе 28 февраля 1920 года:

«Только Жлобе, комкору 1-го Конного.

РВС Кавказского фронта поздравляет Вас с блестящими победами и радуется, что вместо вялых действий конкорпуса (при Думенко) мы теперь видим пример смелых действий лихой конницы! Желаем Вам в дальнейшем тех же успехов и надеемся, что под Вашим руководством конкорпус забудет о своих флангах и будет помнить только о флангах и тыле противника…»

А на следующий день приказом по войскам Кавказского фронта комкор был награжден высшей боевой наградой — орденом Красного Знамени.

По показаниям пленных, Деникин собирался дать красным войскам генеральное сражение на рубеже реки Бейсуг. Этот рубеж укреплен был очень сильно. Противник сосредоточил здесь до 15 тысяч сабель, стянув сюда всю кавалерию Донской армии.

Жлоба срочно известил об этом командарма Уборевича.

Рано утром 12 марта войска 9-й армии двинулись в наступление. Подойдя к станице Березанской, ударная группа во главе с корпусом Жлобы под прикрытием артиллерии атаковала противника. Белые, надеясь на численное превосходство в коннице, перешли в контратаку. Началась страшная битва. Конные массы — до 20 тысяч с обеих сторон — до восьми раз сходились в атаку. Не выдержав натиска красной конницы, противник обратился в бегство.

10 верст гнали белых жлобинцы. Все поле боя было усеяно трупами.

16 марта корпус Жлобы и все дивизии 9-й армии вышли на исходные позиции. Начался штурм Екатеринодара (Краснодара). 1-я Партизанская кавбригада прорвалась к железнодорожному мосту и отрезала белым пути отступления.

В городе началась паника. Белые капитулировали.

После взятия нами Екатеринодара командование Кавказского фронта предложило Жлобе в двухнедельный срок реорганизовать корпус, развернув его в две кавдивизии, каждая из двух бригад трехполкового состава. Начальниками дивизий стали М. Белов и М. Лысенко.

Полки пополнялись добровольцами — казаками, иногородними и горцами, ингуши выставили целый полк на своих конях. Когда формирование корпуса уже подходило к концу, был получен приказ срочно перебросить корпус в Таврию.

К тому времени на Крымском фронте создалось критическое положение. Армия Врангеля, выйдя с Крымского полуострова, к двадцатым числам июня продвинулась в северные районы Таврии, угрожая Донбассу.

С появлением корпуса Жлобы на правом фланге противник приостановил наступление, стараясь разгадать, куда направит свой удар эта конница.

По замыслу командования Юго-Западного фронта корпус должен был совершить глубокий рейд в тылы армии Врангеля; разгромить Донской корпус генерала Абрамова, захватить Мелитополь и отрезать пути отступления войскам противника, чтобы затем общими силами 13-й армии уничтожить его.

Создавалась Ударная конная группа 13-й армии, а командующим этой группы назначался Жлоба.

В частях корпуса шла подготовка к рейду. Жлобу тревожило то обстоятельство, что он не получил обещанных ему самолетов, броневиков и приданную на время операции 42-ю пехотную дивизию. Но Жлобе уже ничего не оставалось делать, как отдать приказ о выступлении, так как приказ по армии был отдан.

Вскоре произошел первый бой. Хотя он и закончился полным разгромом 2-й Донской дивизии белых, но нами было потеряно три бронемашины из шести. Бой этот показал, что двигаться вперед без бронемашин и авиации нельзя. Нельзя еще и потому, что соседи не смогли продвинуться вперед ни на шаг. А двигаться вперед с незащищенными флангами опасно.

Сообщая командованию армии о результатах боя под Черниговкой, Жлоба, несмотря на победу, предлагал задержаться в Черниговке до подхода двух бронеотрядов и 42-й резервной дивизии. Но новый приказ гласил: «Продолжать наступление, развивая достигнутый успех».

Успех конницы Жлобы вызвал переполох у белых. Начальник штаба генерал Шатилов рекомендовал даже оттянуть некоторые части к Мелитополю, а ставку перевести в Джанкой. Но когда врангелевские генералы доложили ставке, что конница Жлобы движется почти без броневиков, авиации и пехоты на флангах, Врангель решил стянуть против Жлобы все бронесилы и авиацию, задержать движение кавалерии красных, а затем окружить и уничтожить ее.

Выполняя приказ командования, Жлоба двинул свою кавалерию в направлении Мелитополя. Но когда наша конница отошла от населенных пунктов и очутилась в чистом поле, на нее налетела воздушная эскадрилья неприятеля и начала бомбить и расстреливать из пулеметов беззащитную кавалерию. Свыше 250 бойцов было убито и ранено, выбыло из строя до 500 лошадей. Жлоба, докладывая штабу армии о действиях воздушного флота неприятеля, просил, требовал защитить его кавалерию с воздуха, направить хотя бы с десяток истребителей в район движения кавгруппы. К сожалению, этого не произошло.

Приказ есть приказ, и рейд на Мелитополь продолжался, хотя уже только по ночам. Но если конники были ночью избавлены от неприятельских самолетов, то от бронемашин противника избавиться было невозможно. Три броневика мало чем помогали.

И все же кавгруппа продвинулась вперед и утром 2 июля была уже в 25 верстах от Мелитополя. Здесь Жлоба предусмотрительно остановился. Ему неясна была обстановка на фронте армии и на флангах. Начдивы доносили, что их дивизии не имеют связи с соседями. К тому же была потеряна связь со штабом армии: корпусная радиостанция вышла из строя.

Воспользовавшись тем, что красная конница двигалась без авиации, пехоты и броневиков, Врангель стянул против нее все лучшие силы и технику.

К утру 3 июля врангелевские генералы закончили окружение нашей Ударной конгруппы и в 7 часов утра перешли в наступление.

Над группой нависла смертельная опасность. Врангель хвастливо радировал своим хозяевам за границу, что конница Жлобы в «мешке».

Началась страшная битва между вдвое сильнейшим врагом и кавалерией Жлобы. Противник одновременно открыл артиллерийский огонь со всех сторон и двинул свои войска в наступление, пустив вперед бронемашины и танки. На юге, западе и востоке атаки врангелевцев были отбиты, и жлобинцы собирались перейти в контратаку, но события в нашем тылу резко изменили картину боя.

Под ударами противника 2-я кавдивизия конкорпуса, находившаяся в резерве, в панике бросилась в сторону окопавшейся пехоты генерала Слащева и четырех бронепоездов. За ней последовали еще несколько полков из других дивизий.

Создалось трагическое положение. От Жлобы, от его действий в этот момент зависела судьба тысяч людей.

Это совещание было, наверное, самым коротким в жизни Жлобы. Их было трое: он, начальник штаба Качалов и военком Соколов.

— Занять круговую оборону, — предложил Качалов.

Его поддержал комиссар.

— Нет, — твердо сказал Жлоба. — У нас один путь — прорыв. Немедленно соберите коммунистов, поставьте их во главе атакующих колонн. А сейчас главное — остановить панику. Задача наша — нагнать голову колонны 2-й кавдивизии, остановить и повернуть ее на северо-восток в направлении Черниговки, прорвать окружение и спасти людей от неминуемой смерти.

Качалов предложил Жлобе сесть в броневик, но комкор отверг это предложение, заявив:

— Паника — это очень страшное дело! Сейчас нам нужно показать полное пренебрежение к смерти. Иначе за нами не пойдут и погибнем все.

А через пять минут легковой автомобиль уже мчался под обстрелом в голову отступающей колонны.

Появление Жлобы и его властный приказ остановиться магически подействовали на командиров и бойцов. Жлобе удалось погасить панику.

Автомобиль Жлобы, уже пробитый в нескольких местах пулями, метался по фронту на виду всех частей конгруппы и противника. Комкор появлялся в самых опасных местах, организовывал колонны для атак и вел их за собой.

На пути прорыва врангелевцы поставили три бронированных заслона, стремясь прижать нашу кавалерию к железной дороге, по которой курсировали три бронепоезда. Но кавалерия разбивала эти заслоны, безостановочно двигаясь на восток. Впереди колонн неизменно шел автомобиль Жлобы.

На последнем этапе прорыва, в шести верстах от Черниговки, когда орудийный гул стих, с восточной стороны показалась эскадрилья в тринадцать самолетов противника и начала бомбить и на бреющем полете расстреливать нашу кавалерию. И все-таки жлобинцы прорвались, вышли из «мешка». Жлоба сумел вырвать из бронированного кольца большую часть своей группы.

Находчивости и отваге Жлобы отдавали должное и его враги. Спустя много лет один из штабных офицеров ставки Врангеля писал об этой операции так:

«Продолжи конница Жлобы хотя бы немного свое движение на север или потеряй хотя бы немного времени на естественные в такой исключительной обстановке колебания и нерешительность, полная гибель и этой части конницы была бы неминуемой…»

На базе спасенной кавалерии 16 июля была организована 2-я Конная армия, а Жлоба был назначен начальником 20-й кавдивизии, вписавшей много славных страниц в историю борьбы с врагами революции. Особенно отличалась в боях кавбригада под командованием Кипкалова. Кипкалов был одним из тех командиров, которых вырастил Жлоба. От повозочного при лазарете он вырос до командира кавбригады. И за боевые подвиги дважды был награжден орденом Красного Знамени.

По храбрости, военной хитрости, отваге и мастерству сабельных ударов Кипкалов, пожалуй, не имел себе равных. Он был и джигит на коне и мастер-рубака, который не давал врагу даже царапнуть себя саблей. Небольшого роста, коренастый, с

богатырской мускулатурой, он был неуязвим. Казалось, перед его конем и саблей ничто не устоит. Нередко, увлекаясь боем, он оказывался в окружении 5—10 всадников, и всегда ему удавалось выходить из боя невредимым.

В августе 1920 года Жлоба был откомандирован в распоряжение РВС Кавказского фронта.

Мы оставили начдива в маленьком домике в грузинском городке Ахалцихе, накануне последнего похода.

Вернулись разведчики.

— Местами перевал занесен снегом так, что телеграфные столбы еле выглядывают, — встревоженно докладывал Жлобе командир разведчиков. — Там, где нет заносов, тропинка очень узкая. Проходит над обрывами и пропастями. Местные жители говорят, что переход невозможен. Никто еще не одолевал перевал в это время года.

Отпустив командира разведчиков, Жлоба вызвал комиссара дивизии Андреева. А немного спустя во дворе домика, где размещался штаб, собрались все командиры, политруки и коммунисты дивизии. Их было чуть больше сотни.

— Мы, коммунисты, — негромко, чуть глуховатым голосом начал Жлоба, — поведем сегодня тысячи бойцов в поход, который труднее и опаснее самого жестокого боя. Трудно будет. Очень трудно. Но, дорогие товарищи, есть человек, которому каждый день труднее, во сто крат труднее, чем нам. Ленин Владимир Ильич. Помню, когда отстранили меня от командования Стальной дивизией, оторвали от любимых бойцов, черные мысли одолевали. К маузеру руки липли. Стыдно вспомнить — уйти из жизни хотел, дезертировать. Приехал я тогда в Москву — и к Ленину. Принял он меня. Спросите, какой он: высокий, низкий, улыбчивый или хмурый, — не скажу: Одно скажу: большой! Был я как во сне. Горло от волнения перехватило. Сбивчиво рассказал о своей обиде. Глянул он на меня эдак с прищуром. «Трудно, — говорит, — товарищ Жлоба?» — «Трудно», — отвечаю. А он мне: «Да. Но дело революции надо отстоять. И каждый коммунист, каждый боец революции должен это помнить».

И прожег меня, дорогие товарищи, великий стыд за глупые мысли мои, за обиды. Ведь сказал, словно в открытой книге все обо мне прочитал.

И уж не знаю, как у меня вырвалось, только спросил и я у Ильича: «Трудно?» — «Очень трудно», — отвечает.

И вот до сих пор тепло его руки помню. И слова его в ушах стоят: «Очень трудно».

Так что же, товарищи, наши трудности по сравнению с его?

Завтра мы выйдем к Годердзскому перевалу. И на штурм его первыми должны пойти мы, коммунисты. Пойдем мы — пойдут все! Пройдем мы — пройдут все!

На другой день первая колонна двинулась на штурм перевала. Впереди шли Жлоба, комиссар Андреев и двадцать коммунистов. За ними двигались три пехотные роты, а за пехотой шла кавалерия.

Первый снежный занос тянулся метров на триста. Сменяя друг друга через каждый час, пехотинцы лопатами прорывали в трехметровой толще снега узкую траншею. Жлоба и Андреев все время были с ними. Подбадривали людей, сами брались за лопаты.

Все выше в горы продвигалась колонна, все круче и уже становилась тропа. До слуха начдива донесся протяжный, полный ужаса крик. Колонна замерла. Споткнувшись, вместе с всадником, не успевшим выскочить из седла, рухнула в пропасть лошадь.

— Спешиться! — понеслось по семикилометровой цепи. А начдив уже шагал от головы к середине колонны, подбадривая людей. Битва за перевал продолжалась.

Сменялись таранные части, но неизменно впереди шли коммунисты. Несмотря на все предосторожности, то тут, то там срывались в пропасти люди и лошади. Мороз в обнимку с пронзительным ветром забирался под легкие красноармейские шинели, появились первые обмороженные.

И тогда звучала команда начдива: «Греться бегом на месте!», «Греться бегом на месте!»

Двое суток продолжался этот беспримерный переход.

Командующий турецким Восточным фронтом Кара-Бекир, узнав о том, что части Красной Армии появились вблизи Батума, направил командарму

11-й армии Геккеру провокационную телеграмму:

«Во избежание неприятностей между нами прошу с получением сего, по мере возможности, теперь же прикажите вывести из уездов Ахалкалаки и Ахалциха имеющиеся там красные части, а также распорядитесь в Батумскую губернию не вводить красных войск».

По сути дела, это был ультиматум, за которым в случае его невыполнения должна последовать война.

Кара-Бекир приказал своим войскам занять населенные пункты, через которые будут следовать войска Жлобы, и преградить им путь на Батум.

Не теряя времени, конница Жлобы утром 17 марта на рысях двинулась на Батум.

У села Хуло навстречу отряду выехал турецкий офицер. Он

заявил, что имеет приказ высшего командования не пропускать красные войска к Батуму, который уже занят частями турецкой армии.

Прискакавший в голову колонны Жлоба вежливо, но твердо сказал офицеру, что он тоже человек военный и обязан выполнять приказ своего командования. В Батуме находятся войска меньшевистской армии, враги советской власти, и его отряд должен освободить от них город.

Жлоба отдал приказ продолжать движение. Турки, силы которых были невелики, не посмели задержать отряд.

К вечеру 18 марта Жлобе удалось достичь села Аджарисцхали, что в 25 верстах от Батума. Турецкое командование решило не пускать дальше героический отряд.

Обстановка создалась напряженная: переговоры ни к чему не привели. Тогда Жлоба начал стягивать свою пехоту для наступления. Турки испугались и отошли. Жлоба приказал кавалерии на рысях двинуться к Батуму, а пехоте занять Аджарисцхали и зорко охранять тылы кавалерии. С севера к Батуму двигались и другие части Красной Армии.

В полночь полки 18-й кавдивизии заняли форты батумской крепости, расположенные по обе стороны дороги, ведущей из Аджарисцхали в Батум. Вся прислуга этих фортов перешла на сторону отряда Жлобы. В городе уже действовал Ревком во главе с С. И. Кавтарадзе.

Узнав от перебежчиков, что большая часть грузинской армии перешла на сторону Ревкома Грузии и накануне весь день вела жестокий бой в городе с турецкими войсками, Жлоба предложил обеим сторонам прекратить бессмысленное кровопролитие.

Вечером того же дня Жлоба встретился с турецким генералом Кязым-беем для переговоров о мирном решении батумской проблемы.

Он заявил, что имеется договор от 16 марта 1921 года между Советской Россией и Турцией, по которому Батумская губерния, а также Ахалцихский и Ахалкалакский уезды отходят к Советской Грузии. Поэтому революционные власти Грузии просят освободить эти территории.

Жлоба напомнил Кязым-бею, что Советская Россия питает дружественные отношения к кемалистской Турции и избегает с ней конфликтов.

Переговоры завершились перемирием. А на другой день турецкое командование вынуждено было согласиться на отвод своих войск из Батума и с территории всего Аджаристана.

Военные и дипломатические заслуги Д. П. Жлобы были высоко оценены командованием Красной Армии. В приказе по

войскам армии от 30 апреля 1921 года говорилось:

«Товарищ Жлоба, командир 18-й кавдивизии в период наступления от Мцхета на Сурам — Боржом— Ахалцих и далее через Годердзский перевал проявил себя на этом посту как в высшей степени храбрый и опытный командир.

…Кроме того, товарищ Жлоба проявил себя и как политик, разбирающийся в тонкой дипломатической обстановке взаимоотношений между командованием Красной Армии и кемалистскими частями в районе, занятом теми и другими. Хорошо понимая тенденцию турецкого командования упрочиться в Ахалцихо-Батумском районе и поставить нас перед совершившимся фактом, товарищ Жлоба проявил и в этом случае способность настоящего дипломата…

…Товарищ Жлоба соединил в своем лице храбрость бойца Рабоче-Крестьянской Красной Армий и способного политического руководителя, умеющего мыслить в государственном масштабе, когда этого требует сложная внешняя обстановка.

Товарищ Жлоба награждается орденом Красного Знамени № 3098».

Батумский Ревком вручил Жлобе холодное золотое оружие и подарил легковой автомобиль.

Гражданская война закончилась. Жлоба решил уйти из армии в резерв и поселиться на Кубани. Перед его отъездом председатель ревкома Грузинской Советской Республики Филипп Махарадзе вручил ему прощальное благодарственное письмо ревкома:

«Дорогой Дмитрий Петрович!!!

Революционный Комитет Республики Грузии, осведомившись, что Вы получили отпуск и покидает пределы Грузии, считает для себя приятной обязанностью засвидетельствовать Вам искренние чувства глубокого уважения и признательности.

Ваша всем известная беззаветная храбрость и преданность Рабоче-Крестьянскому Правительству получила новое подтверждение совершенных Вами подвигов за установление советской власти в Республике Грузии.

Ваши военные заслуги будут в высокой мере оценены высшим командованием. С своей стороны Революционный Комитет, как свидетель Вашего славного водительства кавалерийской дивизии, не может не отметить той яркой черты человечности, которая характеризует Вас как воина-гражданина.

Действуя среди чуждого Вам по крови и духу населения, Вы и подчиненные Вам воинские части тем не менее сумели проявить по отношению к нему высокую корректность, смягчая, насколько было возможно, в обстановке боевых условий тяжелые

последствия гражданской войны.

Мы считаем особенно важным отметить эту сторону Вашей деятельности в Грузии, как имеющую значение политического момента, которая вместе с тем гармонически сплелась в Вашем лице с доблестью воина-победителя.

Пожелаем Вам дальнейших успехов на славном поприще служения делу освобождения трудящихся масс и во славу Красного Знамени, которое Вы всегда высоко держали.

Председатель ревкома Грузии Ф. Махарадзе»,

Заканчивая рассказ о Дмитрие Петровиче Жлобе, я хорошо понимаю, насколько он неполон. И мне хотелось бы добавить еще несколько эпизодов из его славной жизни.

Мне не приходилось встречать командира, который был бы так человечен, заботлив и бережен к людям, как Дмитрий Петрович. Ему, как никому, было присуще правило всегда бить врага «малой кровью». Для этого, считал он, всегда надо знать врага. «Разведка победе голова», — любил повторять Дмитрий Петрович.

Был такой случай на Дону. Мы должны были взять станицу, где укрепились значительные силы белых. Разведку вели конники из полка Цаленко. Но когда Дмитрий Петрович познакомился с данными разведки, он помрачнел, хмуро взглянул на Цаленко.

— Ты что же, с такими данными станицу атаковать хочешь? Мы даже не знаем, где у них артиллерия, есть ли конница. А на дополнительную разведку уже времени нет. Эх ты, командир!

Цаленко низко опустил голову, неловко переминаясь с ноги на ногу.

— Мотоцикл! — приказал Жлоба.

Через несколько минут подъехала бричка с мотоциклом. Мотоцикл сгрузили. Дмитрий Петрович бросил ногу на стартер. Мотор взревел. Жлоба снял кубанку, бешмет, вынул маузер из кобуры и сунул за пояс под рубашку.

Сел на седло, бросил коротко:

— Ждите через полчаса!

И только когда мотоцикл уже скрылся из глаз за леском, что стоял обочь станицы, стало ясно: Жлоба сам поехал в разведку.

— Эх ты, из-за тебя, может, на смерть такой человек поехал! — гневно бросил в лицо Цаленко один из командиров. И тут я впервые увидел, как Цаленко бледнеет.

— Да как же это, братцы?! — вскрикнул он. — Надо что-то делать! Спасать его надо!

Мы молчали. Чем мы могли помочь? Оставалось одно — ждать. Минут через пятнадцать со стороны станицы затрещали

выстрелы. Мы замерли. А еще минут через пять мотоцикл Жлобы выпрыгнул из-за бугра и на полном ходу помчался к нам. Жлоба, живой и невредимый, разгоряченный, уже отдавал приказы:

— Артиллерии сосредоточить огонь по площади! Цаленко вести свой Кубанский полк на правый фланг! Таманскому полку на галопе выходить в тыл под прикрытием лесочка! Пехоте — в лобовую атаку по моему сигналу!

Через два часа станица была взята. Белые потеряли триста человек убитыми и ранеными. Мы — двенадцать. И этот успех принесла смелая разведка. По трем главным станичным улицам пронесся Жлоба на мотоцикле. Он въехал в станицу с тыла, и поэтому белые приняли его за своего связного. Его острый глаз подметил все. И артиллерию, сосредоточившуюся на площади, и количество пехоты и конницы. Больше того, Жлоба даже успел поговорить с двумя местными жителями.

И только когда его мотоцикл вырвался из станицы в поле, в сторону, откуда белые могли ждать только нас, они сообразили, что за мотоциклист на бешеной скорости пронесся по улицам станицы. Вот тогда-то и услышали мы выстрелы. Но Жлоба, отличный мотоциклист, вел машину на крутых виражах, выжимая из нее до 80 верст в час. Тем и спасся. Для всех командиров это был суровый урок. С тех пор к разведке командиры относились с еще большей ответственностью и тщательностью.

Вот какой он был, наш Дмитрий Петрович! О его личной храбрости ходили легенды. Но он не был храбр для видимости, из лихачества, из желания покрасоваться. Нет. В бою часто занимал он место позади своих войск на холме, на колокольне, а подчас и на крыши забирался и оттуда следил за ходом боя, управляя им. И тут же при нем всегда была резервная особая сотня, «чертова сотня», как чаще ее называли. По численности она равнялась доброму кавалерийскому полку. Каждый боец ее, кроме сабли и карабина, был вооружен еще маузером и гранатами. И часто в самый критический момент боя Жлоба сам водил в атаку эту сотню. И атака, как правило, решала исход боя не в пользу белых.

Он не терялся и был бесстрашен даже в самые тяжелые минуты. Когда его группа вырвалась из врангелевского кольца, Жлоба узнал, что в одном из сел осталось 200 раненых бойцов, 150 бойцов, потерявших лошадей, которым грозит гибель. И тогда на трех только что прибывших броневиках он прорвался в это село и отбил у белых раненых.

Дмитрий Петрович был талантливым военачальником. Он впервые в Красной Армии создал при пехотных подразделениях крупные кавалерийские части. Уже в 1918 году при Стальной дивизии насчитывалось 4 000 конников. В то время это было

самое крупное соединение красной конницы на Южном фронте.

Дмитрий Петрович был мастером тыловых и фланговых ударов. И это неизменно приносило ему успех. За годы гражданской войны он руководил 80 крупными боями и лишь в двух-трех отступил.

Товарищ Жлоба был страстным революционером, истинным большевиком-ленинцем. Он был беззаветно предан ленинской партии. Он любил Владимира Ильича какой-то особой сыновней любовью и проявлял эту любовь ко всему, что было связано с Ильичем, что напоминало о Ленине.

Когда Д. П. Жлоба узнал о героизме личного состава Ленинского полка в районе Наурской и во время прикрытия отступления частей 11-й армии через Кизляр к Астрахани, он сказал: «Люблю героев-ленинцев и уверен — с ними обязательно встретимся». И он встретился с ними в Астраханских степях и никогда не порывал связи.

Узнав, что Ленинский батальон сумел прорвать железное кольцо деникинской конницы, окружившей 296-й полк, и нанес жестокий удар белогвардейцам на Генеральском мосту у Ростова, Дмитрий Жлоба упросил командарма передать ему оставшихся в живых бойцов этого батальона и включил их в личную свою ударную сотню.

После гражданской войны Дмитрий Петрович с головой ушел в мирную работу на Кубани.

Сбылось то, о чем думал он перед последним своим походом, глядя на мальчонку-беспризорного, уснувшего на диване. Уполномоченный детской комиссии ВЦИК по Северному Кавказу Дмитрий Петрович Жлоба руководил организацией сотен детских домов и школ. Сто тысяч беспризорников нашли свое место в жизни. «Командиром детской армии» называли его старые фронтовые товарищи.

В 1928 году партия поручает ему новую ответственную работу. Он начальник Плавстроя — организации, которая занималась осушением кубанских плавней и строительством там поселков новых для Кубани рисоводческих совхозов.

В этих совхозах люди старшего поколения и сейчас хорошо помнят неутомимого начальника Плавстроя. Он был зачинателем большого дела — освоения культуры риса.

Погиб Дмитрий Петрович в 1938 году, став жертвой произвола в период культа личности Сталина. Ныне честное имя его возвращено народу.

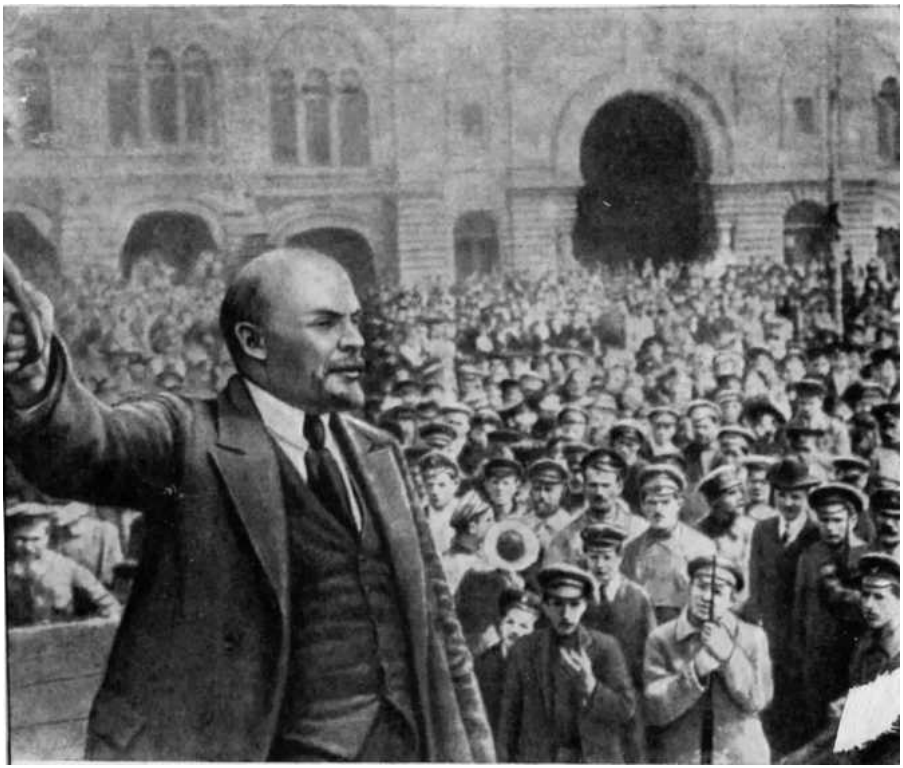
Г. МАРТЫНЕНКО

Издательство выражает благодарность Военно-научному обществу при Центральном музее Советской Армии, ветеранам гражданской войны тт. Александрову П. Н., Казачек С. Б., Соломенному В. С., Сухорукову В. Т., Тодорскому А. И., Шевченко И. Н., Эйхе Г. Х., принявшим большое участие в подготовке, рецензировании и обсуждении сборника в целом.

Издательство и авторы благодарят также тт. Александрова П. В., Аралова С. И., Ачкасова В. И. Богданова Н. С., Батурину К. С., Володихина Я. А., Гладкова В. Ф., Граната Л. А., Давыдовскую С. А., Данильченко С. Ф., Данишевского И. М., Евлампиева П. С., Исаева Ф. М., Калиновскую Ц. А., Коваленко В. И., Кунинева И. П., Куприянова И. Ф., Ладухина В. Н., Левандовскую-Кубанейшвили Л. Е., Малышева В. П., Маменко А. А., Мединского М. С., Мельник С. М., Мельчина А. И., Никифорова Н. С., Николаева Н. Н., Обертас И. Л., Осинкина А. А., Пантелеева И. В., Полонского И. И., Редкозуба П. Ф., Соколова А. П., Сороко Я. И., Суханова В. П., Троскунова М. Б., Тухачевскую О. Н., Уборевич-Боровскую В. И., Уткина М. П., Федько В. Ф., Харламова С. Д., Хлебникова Н. М., Хорошева А. Ф., Чапаеву К. В., Черепанова А. И., Шелухина П. С., Якимова А. Т., Якира П. И., Якир С. Л., ветеранов Червонного казачества, старых большевиков Черниговщины, Музей имени М. М. Коцюбинского в Чернигове, оказавших большую помощь в сборе материалов и подготовке отдельных очерков для книги.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

В. И. Ленин.

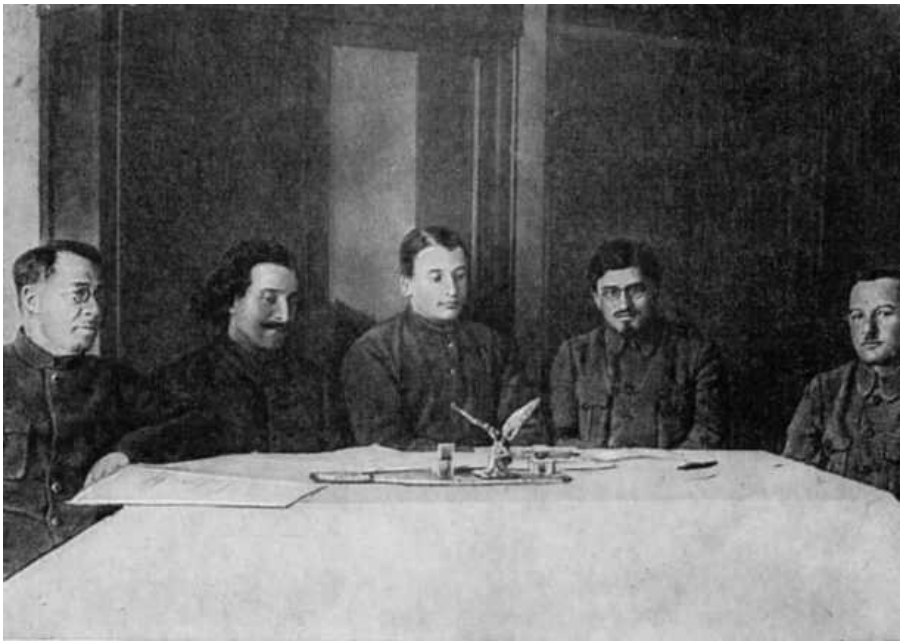


В. И. Ленин выступает перед бойцами Красной Армии.

М. В. Фрунзе.

С. С. Каменев.

М. Н. Тухачевский.



В штабе Кавказского фронта. Слева направо: С. И. Гусев, Г. К. Орджоникидзе, М. Н. Тухачевский, В. А. Трифонов, Э. О. Абесгауз.

И. Э. Якир

Командующий войсками Украины и Крыма М. В. Фрунзе и командующий войсками Киевского военного округа И. Э. Якир. Киев, 1923 год.

И. П. Уборевич.

И. П. Уборевич среди командиров. Северный фронт, 1918 год. Слева направо стоят: П. А. Солодухин, И. П Уборевич, А А. Алешин; сидят: И. Ф. Куприянов, А. М. Орехов, Миничев.

Бойцы Хабаровского полка 2-й Тумановской дивизии после взятия Спасска. 1922 год.

И. П. Уборевич выступает на митинге, посвященном освобождению Приморья. Владивосток, октябрь 1922 года.

В. И. Шорин.

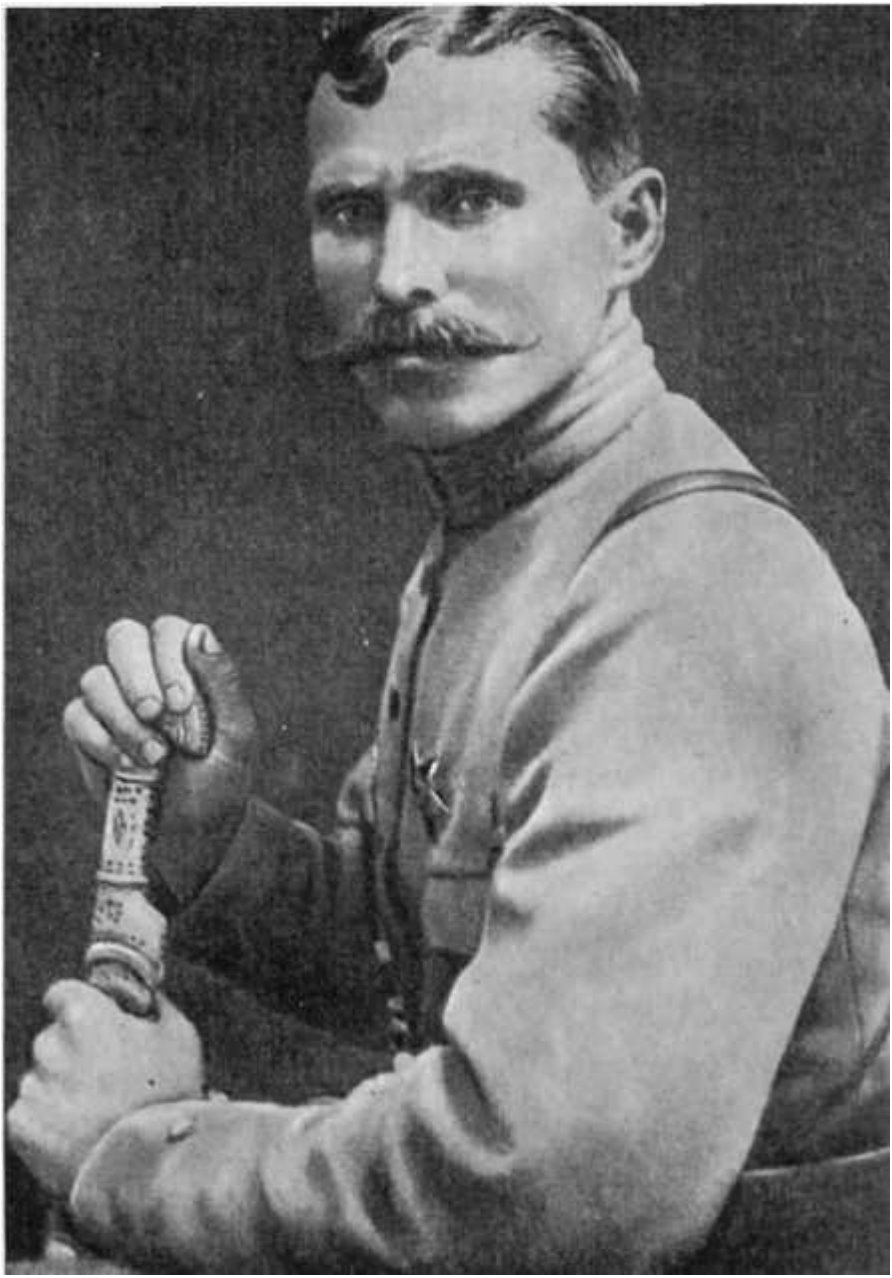
В. М Азин, начдив-28.

В. М. Примаков.

Г. И. Котовский.

Р. П. Эйдеман.

В. К. Блюхер.



В. И. Чапаев.

Д. А. Фурманов.

П. А. Павлов.

А. И. Корк.

С. М. Буденный

А. И. Егоров.

И. Ф. Федько.

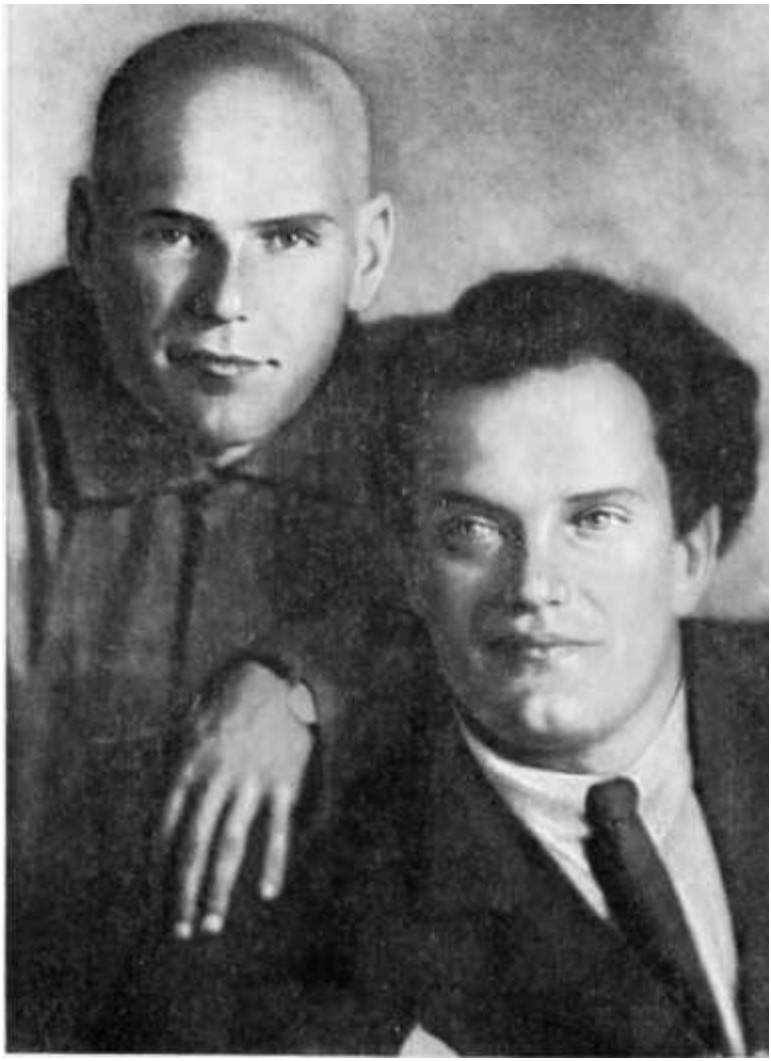
И. Ф. Федько (справа) и П. Е. Дыбенко. Кронштадт. Март 1921 г.

Ф. Ф. Раскольников.

Десант моряков Волжско-Каспийской военной флотилии высаживается в Казани.

М. С. Кедров.

С. С. Вострецов.



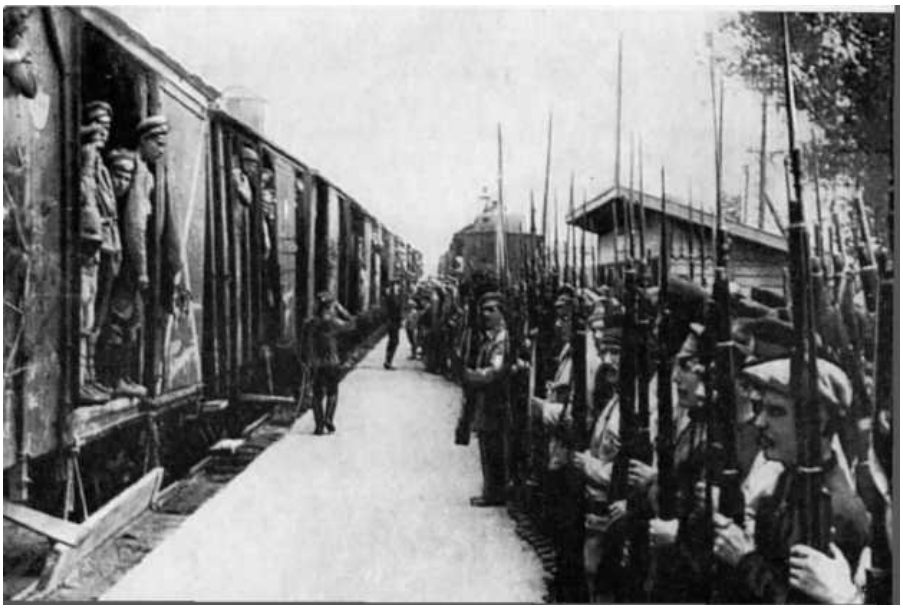
Николай и Валериан Куйбышевы.

Н. В. Куйбышев с группой командиров у трофейного английского танка.

Г. Д. Гай.

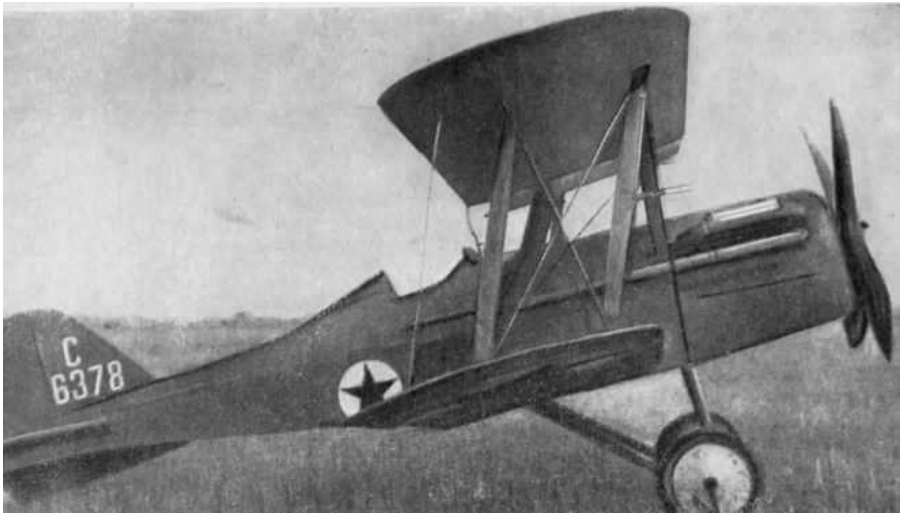
Н. А. Щорс.

С. П. Медведовский.



Отправка пополнения на борьбу с Деникиным. 1919 год.

И. У. Павлов.

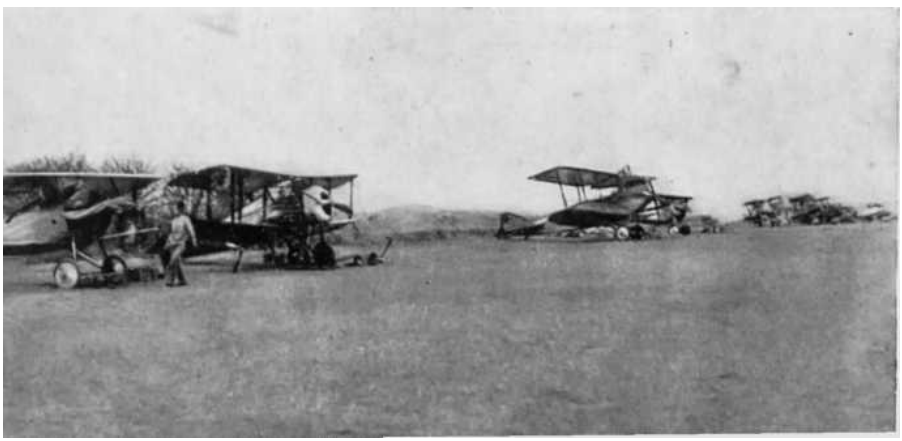


Самолет И. Павлова.

И. Павлов у самолета.

Герой гражданской войны летчик Ю. А. Братолюбов.

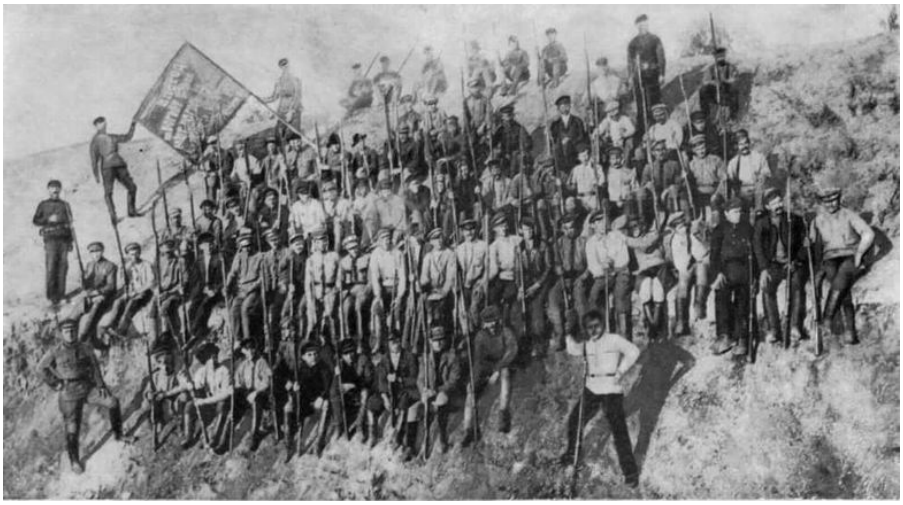
Герой гражданской войны летчик Я. Н. Моисеев.



Эскадрилья Павлова.

М. К. Левандовский.

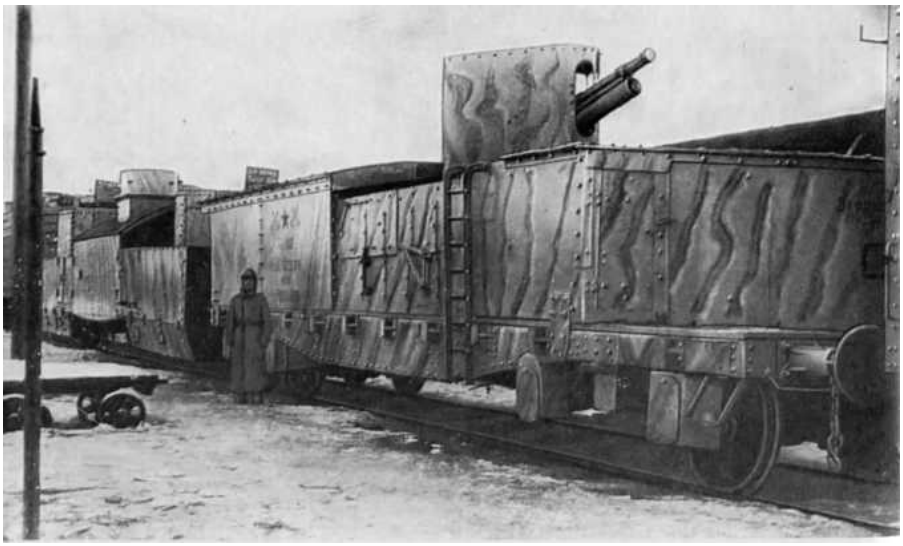
Серго Орджоникидзе и Михаил Левандовский.



Коммунистическая рота перед отправкой на фронт. Челябинск.

Бойцы первых полков Красной Армии.

Вступление частей Красной Армии в Иркутск. 1920 год.

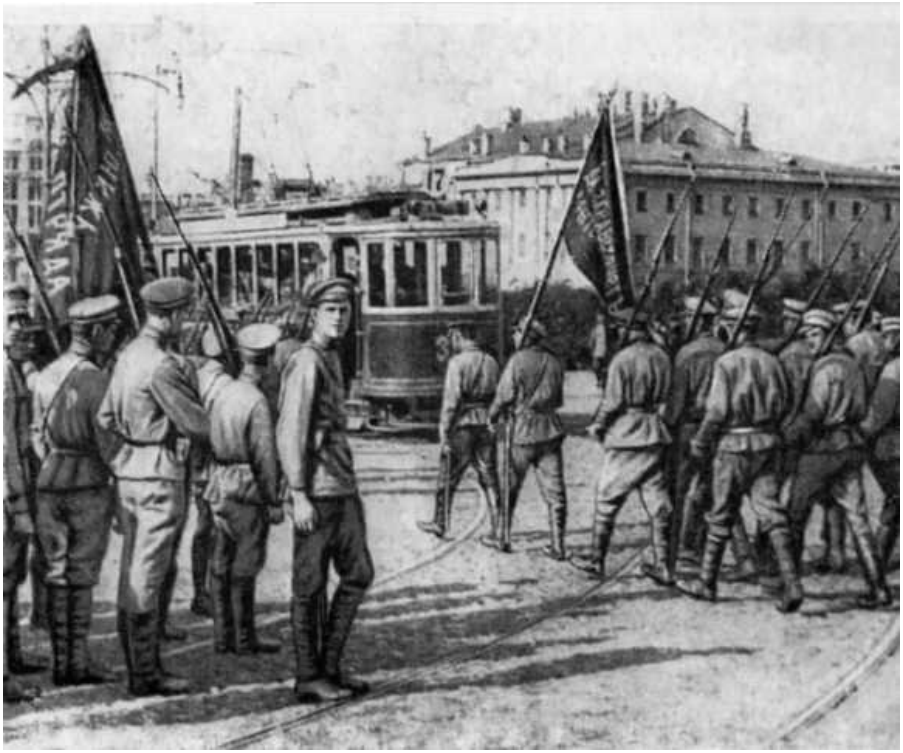


Бронепоезд № 8 имени товарища Раскольникова, которым командовал К. Калиновский.

К. Б. Калиновский.

Штаб Конного корпуса. Слева направо: военком И. Соколов, начальник штаба В. Качалов, командир корпуса Д. Жлоба и военком штаба М. Духвинский. 1920 год.

Корпус Д. Жлобы в освобожденной станице.



Москвичи уходят на фронт.

Батареи Красной Армии ведут огонь по врагу. Северный фронт, 1919 год.

Рабочие отряды в Москве на Красной площади.

На последней странице обложки,

С. С. Каменев. И. Э. Якир, М. К. Левандовский, В. И. Шорин, В. М. Примаков, Д. П. Жлоба, И. Ф. Федько, И. У. Павлов, Н. В. Куйбышев.

notes

Примечания

1

А. И. Тодорский, Маршал Тухачевский. Политиздат, М., 1963.

2

Авиационные роты в царской армии — административно-хозяйственные органы, обеспечивавшие два-три подведомственных им авиационных отряда.

3

Далее отрывки из произведений Роберта Эйдемана, написанных им по-латышски, отмечены звездочкой. Переводы стихов Григория Горского, авторизованные переводы прозы Ольги Эйдеман (Т. Г.).

4

Крупные истребительные группы, способные добиться в своем районе господства в воздухе, были созданы в русском воздушном флоте по инициативе летчика В. М. Ткачева. 1-й группой командовал Казаков, 2-й — Е. Н. Крутень — лучшие летчики царской авиации. Крутень погиб незадолго до Великой Октябрьской социалистической революции, а Казаков после революции перелетел к белым, где и разбился в день эвакуации из Архангельска английских интервентов. У белых, на юге, оказался и Ткачев, где он был командующим авиацией Врангеля. Ныне, после долгих лет эмиграции, В. М. Ткачев — советский гражданин, пенсионер, работает как историк авиации.

5

Две самые интересные книги: А. Ф. Кучин, Стодневный бой. Грозный, 1932.; В. Т. Сухоруков, XI армия в боях на Северном Кавказе и Нижней Волге в 1918–1920 гг. Москва, 1961.

6

По справедливости надо добавить: не только видел, но и многое, на свой страх и риск, превышая формальные права, делал для наведения порядка. Может показаться слишком мрачным, но от правды не уйдешь: до начала декабря 1918 года 11-я армия, составлявшая, по подсчету маршала Егорова, примерно одну треть Вооруженных Сил Советской России, не имела ничего сколько-нибудь похожего на штаб. Того элементарного, с чего начинается воинское соединение! Потребовалось архиэнергичное вмешательство Серго, приезд в Пятигорск, обращение в Центральный Комитет партии через голову высшего военного командования. И назначение Левандовского начальником оперативно-разведывательного отдела — также попытка Орджоникидзе добиться порядка.

С декабря в результате очередной реорганизации отдел обрел самостоятельность. Стал именоваться Каспийско-Кавказским фронтом.

8

Вновь созданная, преимущественно усилиями С. М. Кирова, 11-я армия завершила разгром белых на Нижней Волге и через Черный Рынок, Кизляр пришла в места своих прошлогодних боев. Во второй половине марта 1920 года части 11-й армии по приказу Военного Совета Кавказского фронта (Тухачевский, Орджоникидзе) двинулись на Моздок, Владикавказ, Грозный и дальше в сторону Порт-Петровска и Баку.